Двор российских императоров

Энциклопедия 1 жизни и быта

Москва
Кучково поле
2014

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: Е. А. Муров

Первый заместитель председателя: А. Н. Беляков

Заместители председателя:
О. А. Климентьев, А. И. Лащук, А. Г. Миронов, В. Д. Тарасов

Члены:
А. Н. Артизов
Г. В. Вилинбахов
Е. Ю. Гагарина
С. В. Девятов
В. И. Жиляев
О. К. Кайкова
В. В. Кириллов
А. К. Левыкин
С. В. Мироненко
Е. И. Пивовар
А. В. Пиманов
А. К. Сорокин
С. Д. Хлебников

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Руководитель: Е. А. Муров

Заместитель руководителя: А. Н. Беляков

Члены авторского коллектива:

С. В. Девятов

И. В. Зимин

**Федеральная служба охраны Российской Федерации
и издательство «Кучково поле»
благодарят за помощь:**

Федеральное архивное агентство Российской Федерации и лично А. Н. Артизова;

Государственный архив Российской Федерации и лично С. В. Мироненко,
Л. А. Роговую, Е. Л. Луначарского, Л. Н. Малашенко;

Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга
и лично А. И. Костанова;

Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»
и лично Е. Ю. Гагарину, О. И. Миронову, В. В. Павленко;

Государственный исторический музей и лично А. К. Левыкина, Э. Д. Задираку;

Исторический факультет Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова и лично С. П. Карпова;

Исторический журнал «Родина» и лично В. В. Зубкевича, Ю. А. Борисенка;

Исторический журнал «Исторический вестник» и лично А. Э. Титкова;

Российское федеральное издание «ВВП» и лично К. Б. Жумаева, Д. И. Фалка;

Газету «Комсомольская правда» и лично В. Н. Сунгоркина, А. П. Гамова;

Газету «Российские вести» и лично Д. Ю. Ермолаева;

РУНИВЕРС и лично М. В. Баранова, В. В. Зайцева.

Выражаем благодарность за профессиональную помощь: О. В. Алтуховой, В. А. Богомоловой, О. Н. Бодровой, Д. Т. Бутову, А. В. Дёмкину, О. А. Зерновой, Ю. В. Калугину, А. А. Морозу, А. А. Рябкову, Ю. В. Сигачёву, Д. Е. Симонову, И. И. Цурковой, М. С. Шило.

УДК 94
ББК 63.3
Д11

Девятов С. В., Зимин И. В.

Д11 Двор российских императоров: Энциклопедия жизни и быта. В 2 т. Том 1. — М.: Кучково поле, 2014. — 696 с., ил.

ISBN 978-5-9950-0390-8
ISBN 978-5-9950-0386-1 (т. 1)

Императорский двор — сложное и многообразное понятие. Это не только представляющие его люди, но и стиль их жизни и работы, официальные мероприятия и приватные события, международные контакты и отдых, рождение, воспитание и обучение детей монаршей семьи. Российский императорский двор имел свой особый ритм жизни, не исчерпывавшийся лишь торжественными ритуалами и приемами.

Данный труд основан на огромном фактическом материале, архивных документах, мемуарной литературе и отчетах Министерства императорского двора и является результатом большой работы по их систематизации и популярному изложению. Внимательный читатель получит исчерпывающее представление как об истории двора, так и о самых различных сторонах его повседневной жизни. Книга рассчитана на широкую читательскую аудиторию и адресована всем, интересующимся историей Отечества.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-9950-0390-8
ISBN 978-5-9950-0386-1 (т. 1)

© Кучково поле, 2014
© Авторский коллектив, текст, 2014

ВВЕДЕНИЕ

Домашний быт человека есть среда,
в которой лежат зародыши и зачатки
всех так называемых великих событий.

И. Е. Забелин

Быт и жизнь любого человека многослойны. Как правило, они включают в себя семью, работу и друзей. При этом жизнь каждого человека состоит из нескольких маленьких жизней. Их можно делить либо по возрастным, либо по профессионально-ситуационным периодам. Так, у Л. Н. Толстого есть повесть «Детство, отрочество, юность». Для каждого из возрастов характерны свои заботы, радости и печали. Наряду с возрастными этапами каждый человек проходит и через этапы социальной адаптации и взросления, которые формируют характер и имеют свои сложности. Через это проходят все.

Проходили через все эти этапы и императорские дети, старшие из которых постепенно превращались в самодержавных монархов огромной империи.

Их жизнь, на первый взгляд, казалась многим чередой бесконечных праздников и церемоний. Но те, кто находился непосредственно рядом с ними, видели и понимали, что это далеко не так. Дело в том что обычный человек может параллельно иметь несколько образов: «для работы», «для семьи», «для друзей». И каждый из этих образов способен существовать практически изолированно. Однако для членов семьи Романовых такая изолированность была исключена. Вплоть до Александра III их семейная, частная жизнь была такой же частью сценария власти, как и парадно-церемониальная. Эта неразделенность бытия на работу и личную жизнь являлась специфической чертой профессии российских монархов. Следует отметить, что необходимость публичности российские монархи хорошо осознавали. В свою очередь, те, кто пренебрегал этой профессиональной публичностью, пожинали очень горькие плоды.

Российский императорский двор был самодостаточным и довольно своеобразным миром. Некоторые из членов императорской семьи и их близкого окружения подчас проживали в этом искусственном мире всю свою жизнь, имея весьма смутное представление о реальной жизни за стенами резиденций.

При этом в этих же самых резиденциях наряду с видимой парадной стороной жизни шла своя, скрытая от посторонних глаз *повседневная жизнь*. В многочисленных парадных царских резиденциях трудились, ели и спали тысячи людей, там обустраивались и императоры, и их придворные. Цвели большие и малые открытые и закрытые сады, работали театры и библиотеки. В резиденциях устраивались придворные балы и рыцарские

спектакли-карусели. Во дворцах любили карнавалы, на которые порой допускался самый разнообразный люд. Дворцы имели особый стиль и ритм жизни, который далеко не исчерпывался придворным торжественным ритуалом[1].

В настоящее время акценты интереса к истории смещаются. От безусловно важных сюжетов, связанных с дипломатическими перипетиями и политической борьбой, общественное внимание все больше поворачивается к повседневной жизни дворцов, ведь именно бытовая сторона жизни императорских резиденций была практически недоступна взгляду рядового обывателя до 1917 г. Во второй половине 1920-х гг. этот интерес отчасти компенсировали музейные экспозиции, созданные на личных половинах императорских резиденций. Однако эта практика быстро прекратилась, поскольку власти были озабочены популярностью экспозиций, показывавших народу, «как жили цари». За прошедшие десятилетия многие интерьеры личных половин оказались полностью утраченными. К этой ситуации приложили руку и власти, и непростое время. И сегодня в тех комнатах Зимнего дворца, где жили фрейлины, висят на стенах картины Матисса, в кабинете Александра II, где он умирал, экспонируются платье Екатерины II и мундир Петра III, а в спальне Екатерины выставлены картины французских классицистов[2]. Пожалуй, единственная полностью сохранившаяся личная царская половина — это обширная императорская квартира в Большом Кремлевском дворце, известная как Собственная его императорского величества половина в главной императорской резиденции Московского Кремля.

Поэтому главной задачей настоящей книги является достоверная реконструкция такого текучего и сложного понятия, как *повседневная жизнь российского императорского двора*. И основой для этого станут мимолетные упоминания мемуаристов о различных «пустяках», архивные документы, картины, фотографии и многое другое, на чем остались следы этой блестящей и тем не менее повседневной жизни.

ЧАСТЬ

Жизнь и быт российских императоров в парадных резиденциях

РОССИЙСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ:
внешний облик, характер и личностные особенности

Внешность играет важную роль в жизни любого человека. Для российских монархов внешний облик имел ряд важных составляющих, которые, как правило, отсутствовали в жизни обычных людей. В России, с ее традициями персонифицированной власти, достойный облик монарха служил важным фактором укрепления популярности самодержавия.

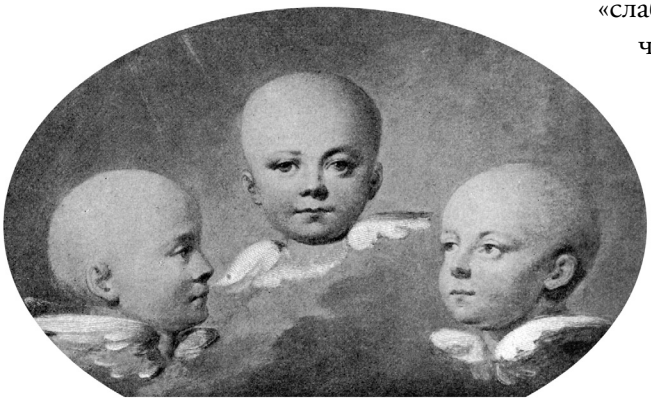
Внешний облик монархов имел достаточно много слагаемых: от собственно внешних, физических данных до манеры поведения, прически и предпочтений в одежде. На этих параметрах мы и остановимся.

Император Александр I

Александр Павлович был первым сыном цесаревича Павла Петровича и первым внуком императрицы Екатерины II. Однако для бабушки он был больше чем внуком. Императрица, у которой забирали детей после их рождения, обрушила все свое несостоявшееся материнство на первого внука.

Она забрала его у родителей и воспитывала сама. Мальчик, росший между двумя дворами: императорским двором и двором цесаревича, поначалу чисто интуитивно маневрировал между ними, но затем эти «маневры» стали вполне осознанными. Конечно, это калечило характер молодого человека, да и бабушка с отцом не отличались легкими характерами.

Став императором, Александр I проводил вполне самостоятельную и внятную политику. Некоторые мемуаристы утверждали, что Александр I «слаб», однако другие подчеркивали, что царь обладал «непреклонной волей и упорством, граничащим с упрямством». В пользу последнего говорит то, что в конце 1812 г. Александр I лично посещал тифозные госпитали. Лично бывал и под огнем во время сражений. После 1815 г. Александр I упрямо пренебрегал всякими мерами безопасности, прекрасно помня о том, что его отец и дед были убиты в результате переворотов. Одна из фрейлин писала: «Вокруг царского жилища (имеется в виду Каменноостровский дворец. — *И. З.*) не было видно никакой стражи, и злоумышленнику стоило подняться на несколько ступенек, убранных цветами, чтобы проникнуть в небольшие комнаты государя и его супруги»[3]. Александр I повсюду ездил без сопровождения. Он предпочитал открытые экипажи, хотя зимой это было чревато обморожениями. В декабре 1812 г. он пять дней провел в открытых санях.

Великие князья Александр, Константин и Николай Павловичи

Следует подчеркнуть, что это была не прихоть императора, а привычка-традиция, впитанная с юношеских времен. Дело в том что во времена Павла I офицерам вообще запрещалось ездить в закрытых экипажах. Офи-

церы могли ездить только верхом, в открытых санях или дрожках[4]. Кроме того, учитывался и фактор публичности профессии российских императоров. Цари считали, что подданные должны их видеть. Этого же порядка придерживался и Николай I.

Говоря об особенностях характера Александра I, стоит упомянуть и о такой наследственной черте Романовых, постоянно воспроизводившейся вплоть до Николая II, как о «парадомании». Действительно, Александр I, как и его отец Павел I и дед Петр III, был весьма увлечен внешней стороной военной жизни, бесконечными разводами караулов, блестящими парадами и переменами в военной форме. При этом на первом плане для монарха стояла не боевая подготовка армии, очень далекая от искусства тянуть носок и держать строй, а именно внешняя, парадная сторона армейской жизни. Возможность мановением руки, кратким приказом приводить в движение огромные массы людей была зримым символом и воплощением могущества российских самодержцев.

Император Павел I

Свидетельства этой особенности характера разные, подчас неожиданные. Известно, что 15 мая 1821 г. за 1800 франков для Александра I был приобретен специальный «шагомер» у знаменитого швейцарского часовщика Абрахама Луи Бреге.

Имя часовщика Бреге говорит само за себя, поскольку оно дало название знаменитым часам-«брегетам». Этот мастер неоднократно выполнял штучные и, конечно, очень дорогие заказы, поступавшие от европейских монархов. Так, им были изготовлены часы для султана Османской империи, для принца-регента Великобритании. И для российского императора Александра I.

Примечательно, что для российского монарха знаменитый часовщик создал не часы, а измеритель темпа маршировки. Всего было изготовлено пять экземпляров таких приборов. На серебряном циферблате нанесена шкала с цифрами от 60 до 125. Стрелка отсчитывала соответствующее число колебаний в минуту. Такой прибор был очень удобен во время парадов, когда монарх мог лично контролировать темп маршировки воинских подразделений путем подсчета шагов в минуту. А Романовы парадам традиционно придавали огромное значение[5].

Император Николай I

Основные характеристики «породы» Романовых были «заложены» Павлом I и его женой императрицей Марией Федоровной. Внешне сыновья Павла I были очень разными. Больше всего походил на Павла I его второй сын — великий князь Константин Павлович.

Самым представительным из сыновей Павла I был третий — император Николай I. Внешне он совершенно не походил на своего маленького, курносого, с холерическим темпераментом отца. Один из мемуаристов описывал внешний облик 29-летнего Николая Павловича следующим образом: «Высокого роста, сухощав, грудь имел широкую, руки несколько длинные, лицо продолговатое, чистое, лоб открытый, нос римский, рот умеренный… Свежесть лица и всё в нем выказывало железное здоровье и служило доказательством, что юность не была изнежена и жизнь сопровождалась трезвостью и умеренностью»[6].

Это описание достаточно объективно. Царь действительно имел атлетическую фигуру. Надо заметить, что в мужской и женской моде того времени широко использовались корсеты. Так, в комедии Грибоедова «Горе от ума» Скалозуб характеризуется как «хрипун», «удавленник», «фагот». Эти определения свидетельствуют не только о характере, но и о перетянутой талии. А. С. Пушкин использовал безусловно понятную современникам фразу — «гвардейцы затяжные». Кроме этого, мужчины, для того чтобы придать фигуре требуемые формы, использовали и вату.

Стоит сказать, что к своей внешности Николай Павлович относился с долей здоровой иронии. В 1833 г. император писал своему «отцу-командиру» И. Ф. Паскевичу: «Желал бы с тобой быть неразлучным; за невозможностью сего прошу тебя в замену оригинала принять и носить подобие моей хари»[7]. Под «моей харей» Николай I имел в виду одно из высших имперских отличий — миниатюрный портрет императора, усыпанный бриллиантами.

Современники внимательно фиксировали малейшие изменения во внешнем облике монарха. Во время официального визита в Англию в 1844 г. хозяева оценивали Николая I и по внешним «параметрам». Один из сановников королевы Виктории отметил, что русский царь «потолстел и что у него несколько поредели волосы на голове, но все-таки он оставался прежним благородным, величественным человеком, царем с головы до ног. Его лицо отличалось открытым выражением, и хотя глаза у него были очень подвижны, но в них скорее выражалась беспокойная наблюдательность, чем подозрительность»[8].

На рубеже 1830–1840-х гг. Николай I начал носить парик. Он не делал из этого особого секрета. Встречаясь с американским посланником в 1837 г., он без всяких комплексов признавал, что «волос-то у меня немного, да и те седые. А ведь это у меня парик, — пояснил он, проводя рукой по голове»[9]. Надо заметить, что в ту пору отношение к мужским парикам было совершенно иным. Со времен Петра I и до конца XVIII в. парики были непременным атрибутом повседневной жизни мужской части российской аристократии. И хотя в начале XIX в. парики постепенно вышли из повсеместного употребления, в их ношении никто не усматривал ничего экстраординарного.

Говоря о прическе и париках императора, следует отметить, что первые парики у Николая Павловича появились в январе 1812 г., когда шестнадцатилетний великий князь начал принимать участие во взрослых маскарадах[10].

В качестве парикмахеров Николая I обслуживали и профессионалы, и «любители». Например, в апреле 1833 г. его дважды подстригал мундшенкский помощник Федоров (25 рублей за стрижку), в июне — отставной унтер-офицер Максимов и лакей Востриков, в сентябре — камердинер Сафонов, в октябре, ноябре и декабре — вновь мундшенкский помощник Федоров[11]. Складывается

такое впечатление, что уже в это время император носил парик-накладку, поэтому «любители» только коротко подстригали отросшие под париком волосы.

Наряду с «любителями» у императора был и профессиональный парикмахер. Его услуги оплачивались раз в полгода. В мае 1833 г. парикмахеру Этиену было выплачено за услуги 245 рублей. Именно он изготавливал для царя накладки, для того чтобы скрыть наметившуюся лысину. В апреле 1834 г. парикмахер получил «за стрижку волос и накладки 230 рублей»[12]. Как правило, Этиен готовил царю по две накладки на голову в год. Со второй половины 1830-х гг. накладки на голову для Николая Павловича стали делать самые разные мастера: парикмахер Хемот (стоимость одной накладки — 135 рублей), парикмахер Фелео (стоимость накладки — 75 рублей 71 копейка), парикмахер Этиен (за накладной парик — 58 рублей 87 копеек).

Кроме этого, Николай I, внимательно следивший за своей внешностью, использовал не только помаду для волос, которую ему поставлял все тот же парикмахер Этиен, но и специальную мазь для усов. Во время череды январских и февральских балов брутальный Николай Павлович, следуя моде, завивался (парикмахер Хемот получил за завивку в январе и феврале 1845 г. 69 рублей 30 копеек).

Тщательный уход за внешностью обходился Николаю I в приличную сумму. Например, за 1837 г. парикмахер Этиен заработал 966 рублей. Эта сумма включала стоимость стрижек, накладок и помады для Николая I.

Главным парикмахером Николая I с начала 1830-х гг. и до 1843 г. оставался Этиен. Однако позже это место постепенно заняли другие парикмахеры (Шемио, Гелио, Хемот, Гешот, Персон). Следует также отметить, что по мере того как волосы царя редели, гонорары придворных парикмахеров сокращались.

Одежда императора Николая I

Российские императоры традиционно носили только военную форму. Это было непреложное правило. Тем более что они считали себя именно офицерами на троне. Барон М. А. Корф упоминал, что военных офицеров

Николай I всегда считал и называл «своими». На одном из частных балов, где было больше статской, чем военной молодежи, барон услышал, как император спросил у одного генерала: «Что тут так мало наших?»[13] Только покидая территорию Российской империи, российский император мог позволить себе надеть партикулярное платье.

Шитье новых мундиров для Николая I финансировалось из его гардеробной суммы. Расходы на содержание самых разнообразных мундиров в достойном виде, как и на шитье новых, выливались для царя в очень приличные суммы.

Из этой же гардеробной суммы Николай I оплачивал и первые военные мундиры своих детей и внуков. Великие князья свои первые военные мундиры надевали в раннем детстве. Первый солдатский мундир по форме Измайловского полка, стоимостью в 10 рублей, для великого князя Николая (будущего Николая I) был сшит в 1801 г., когда ему только исполнилось пять лет. Первый генеральский мундир (стоимостью в 35 рублей) у Николая появился в шестнадцать лет[14]. Существовала традиция, по которой мальчики из дома Романовых с пяти до семи лет носили солдатские мундиры, с семи до шестнадцати лет — штаб- и обер-офицерские, а после шестнадцати лет надевали генеральские мундиры.

С 1817 г. статья расходов «на обмундирование» стала самой большой в гардеробной сумме великого князя. Если свести имена всех лиц и фирм, работавших на внешний облик императора Николая I, то список получится довольно обширный.

Прежде всего следует перечислить портных императора. Круг портных, постоянно «обшивавших» царя, сложился постепенно. Среди них были портные-универсалы, которые «шили всё». Были полковые портные, лучше которых сшить мундир «их полка» не мог никто. Ведущим портным Николая I был Акулов (иногда в документах — Окулов), имя которого встречается на протяжении двух десятков лет, с начала 1830-х до конца 1840-х гг.

Всего с начала 1833 по 1853 г. в документах упоминаются восемь имен портных: Акулов — «за сшитие нового мундира и переделку старых 745 руб.»; Малиновский — «за мундир для принца прусского Альберта 400 руб.»;

Иванов — «за казачий мундир 450 руб.»; Ефимов — «за черкесское одеяние 909 руб. 50 коп.»; Фрейде — «за переделку мундиров и сшитый гренадерский мундир 373 руб. 50 коп.»; Маркевич — «за чикчир 120 руб.»; Мазокевич — «за гусарский мундир — 1850 руб.» и Бельштейн.

Из этих имен следует особо упомянуть портного А. Фрейде, который являлся «портным мастером его императорского высочества великого князя Михаила Павловича». Примечательно то, что Фрейде уже в 1830-х гг. использовал на своем фирменном бланке герб Российской империи. В 1856 г. именно имперский герб стал официальной визитной карточкой поставщиков императорского двора.

Для сшитых или переделанных мундиров требовалась различная фурнитура, которую заказывали на Придворной эполетной фабрике Е. Д. Битнер, которая находилась «близ Аничкина моста, в Троицкой улице № 10». Счета этой фабрики были регулярными и весьма солидными, вполне сопоставимыми со стоимостью новых мундиров. Например, эполеты и ташка обошлись Николаю I в 220 рублей 50 копеек; пара золотых пехотных артиллерийских генерал-адъютантских эполет с чеканными золотыми пушками и такими же серебряными толстыми вензелями стоили 135 рублей. Аксельбант золотой форменный с особенной арматурой на наконечниках обошелся в 70 рублей.

Примечательно, что Николай I, назначая шефами российских полков иностранных венценосцев, по традиции дарил им и полную форму подшефных полков. Например, для «его королевского высочества принца Генрига Нидерландского» на эполетной фабрике были заказаны золотые контр-адмиральские эполеты с вышитыми орлами (73 рубля), золотые эполеты с вышитыми орлами по форме «№ 12-го экипажу» (75 рублей) и кивер флотский с вызолоченным гербом 12-го экипажа (10 рублей). Мундирные пуговицы десятилетиями покупали у «пуговичника» Буха.

Генеральские мундиры в николаевскую эпоху щедро украшались золотым шитьем. Для царя мундиры расшивали золотошвеи из мастерской Залемана. Расшивались в основном воротники и обшлага генеральских мундиров. Так, золотое шитье только одного воротника для мундира гродненских гусаров обходилось в 75 рублей.

Неотъемлемой частью военных мундиров всегда были ордена. Их Николай I заказывал только у золотых дел мастера Кеммерера, а у фабриканта Локтева приобретались орденские ленты.

Со временем Николай Павлович стал оплачивать «подарочные» мундиры для своих сыновей и близких. Так что свои первые мундиры великие князья получали в подарок от отца. Именно с этого момента начиналось их настоящее приобщение к военной службе. По распоряжению Николая I портной Акулов сшил первый генеральский мундир для цесаревича Александра Николаевича, который обошелся в 516 рублей. В 1845 г. царь оплатил портному Акулову два мундира для своего второго сына — Константина Николаевича.

В октябре 1838 г. для третьего сына царя — семилетнего Николая Николаевича была сшита «экипировка лейб-гвардии уланского полка»[15]. А в конце июля 1838 г. Николай I в письме к сыну писал: «Вот и семь лет тому протекло, и вместе с этим, по принятому у нас в семье обычаю, получил ты саблю!!! Великий для тебя и для нас день»[16].

На следующий 1839 г., по исполнении семи лет, четвертый сын царя — Михаил Николаевич получил свой первый офицерский мундир, сшитый портным Фрейде.

Мальчики из царской семьи носили и солдатскую форму. В сентябре 1848 г. пятилетнему Николаю Максимилиановичу, сыну герцога Лейхтенбергского и дочери Николая I, дедушка подарил солдатскую форму «от закройщика Остогова» за 100 рублей. А в 1849 г. шестилетнему мальчику дедушка подарил уже ружье и шашку (65 рублей). Солдатская форма для пятилетнего Николая Александровича (Никсы) стоила в 1848 г. 80 рублей.

Перед официальными визитами за границу император обновлял те мундиры иностранных полков, которые предполагалось посетить во время визита. Эти мундиры, как правило, выписывались из-за границы. В 1824 г. в Пруссии портному Клею «за сделанный для его высочества один мундир и одни рейтузы» было уплачено «прусскою монетою 56 талеров»[17].

Поскольку мужчины из дома Романовых военную форму носили с пяти лет и буквально до гробовой доски (все Романовы, лежащие в усыпальнице

Петропавловского собора, были похоронены в военной форме), именно военная форма была для них самой удобной и естественной одеждой. Дочь Николая I вспоминала, что любимой домашней одеждой ее отца был «военный мундир без эполет, потертый на локтях от работы за письменным столом»[18].

Длительное время сотрудничал с гардеробной Николая I перчаточник Ф. Френцель. Статья расходов на перчатки была довольно большой, поскольку белые перчатки быстро пачкались. Эти перчатки отдавались Френцелю в чистку и «мытье». Например, «мытье» четырех пар перчаток стоило всего 1 рубль 50 копеек, а изготовление 16 пар новых перчаток обходилось в 128 рублей, то есть по 8 рублей за пару.

Френцель шил императору не только новые перчатки, но и панталоны. Он же обеспечивал царя подтяжками. Панталоны были разные. В документах упоминаются панталоны «лосиные» (128 рублей 40 копеек), «цветные», «крепкие» (175 рублей) и «простые» (125 рублей). На зимнее время панталоны шились из тонкого шерстяного трико, которое покупали у купца Мельникова (209 рублей 50 копеек). Чистка панталон обходилась в 6 рублей.

Лакеи и камердинеры, числившиеся при собственном гардеробе, также не упускали возможности заработать. Однако это были «разовые акции», видимо, связанные с какими-либо форс-мажорными обстоятельствами. Например, гардеробский помощник Иванов получил «за сшитие для его величества панталон» 36 рублей и за шитье шлафроков 30 рублей. Камердинеру Гримму за то, что он прикрепил кокарды к фуражкам, было выплачено 36 рублей 12 копеек. Гардеробский помощник Шпицбарт брался даже за переделку мундира, заработав 35 рублей. Кастелянша Страус «за переделку 10 пар шелковых чулок его величества» получила 16 рублей.

За верхней зимней одеждой царя следил скорняк Михельсон. Заказы для него были разные. «За переделку шубы» ему заплатили всего 45 рублей, но был и заказ на два бобровых воротника в 750 рублей.

Головными уборами Николая I обеспечивали шляпники Циммерман («за круглую шляпу — 55 руб.») и Можайский («за переделку 17 фура-

жек — 25 руб. 50 коп.»). В магазине Сургучева для царя покупали готовые фуражки, каски и шляпы. Там же брали всю необходимую фурнитуру (кокарды, султаны и пр.). В этом же офицерском магазине приобреталось и оружие («за шашку черкесскую и прочие починки султанов — 232 руб. 75 коп.»).

Обувь для царя, как правило, шилась на заказ. На протяжении четверти века на Николая I работал сапожный мастер Пемо. Стоимость его работы, по сравнению с расценками портных, была довольно низкой: новые каблуки обходились в 1 рубль; шесть пар штрипок под панталоны — 1 рубль 20 копеек; поправка сапог — 85 копеек; новые лакированные сапоги стоили 13 рублей; шпоры к сапогам — 2 рубля 50 копеек. Поскольку сапоги должны были сидеть «как влитые», их шили в обтяжку, и для того чтобы их было легче надевать, сапожник продавал мыльный порошок по 30 копеек за пакетик. Теплые зимние сапоги стоили значительно дороже, но, судя по счетам, Николай Павлович их заказал только однажды — в январе 1835 г. — сапожнику Хейде, по цене 150 рублей за пару. Для того чтобы сохранять обувь, использовались «лак для сапог» из магазина Бабста и вакса, которую покупали у фабриканта Быкова. Также единственный раз встречается упоминание о приобретении готовой обуви в башмачном магазине Брюно (42 рубля 90 копеек).

Кроме крупных вещей любой гардероб предполагает множество мелких. Дочь Николая I упоминала в записках, что Николай Павлович предпочитал носить шелковые носки. Примечательно, что их покупали прямо «от производителя» и оптом. В ноябре 1848 г. у московского фабриканта Андрея Коколкина было приобретено шесть дюжин шелковых чулок на 360 рублей.

Купец Эренберг поставлял для царского гардероба батистовые платки (две дюжины обходились в 160 рублей). У него также приобреталось голландское полотно, из которого Николаю Павловичу шили рубашки. Полотно покупали оптом. Ткань на «шесть дюжин сорочек для его величества» обошлась в 2450 рублей, там же брали ткань и для полотенец. Рубашки и все необходимое для царя шила белошвейка Гринберг.

Из других мелочей можно упомянуть галстуки (купец Бабст), черные шелковые платки (лавка Энгбута). В магазине «Дилла и К°» покупали манишки, воротники и шарфы.

Со временем Николай Павлович начал полнеть, и в ноябре 1836 г. (ему было 40 лет) впервые заказали бандаж, которым утягивали живот под мундиром, при этом грудь становилась более выпуклой. Выполнил этот заказ бандажный мастер Остерлов.

Кроме одежды покупались различные повседневные мелочи: резедовое, миндальное и розовое масла «для туалета его величества», полотенца, щетки для волос. В английском магазине было закуплено восемь дюжин кусков розового мыла для рук (54 рублей) и т. д. При этом все положенные таможенные пошлины за импортный товар были немедленно отправлены на Санкт-Петербургскую таможню.

Поставщики высочайшего двора очень хорошо зарабатывали при подготовке визитов в Европу. Одной из весьма характерных особенностей таких визитов было то, что российские императоры во время неофициальных поездок могли носить партикулярное платье. Путешествуя за границей как частные лица или отдавая родственные визиты, они могли сменить военный мундир на штатское и раствориться в толпе. Надо заметить, что они это весьма ценили. Ежеминутно находиться «под прицелом» сотен глаз психологически очень тяжело. Возможность побыть обычным человеком, затеряться среди людей предоставлялась только за границей и рассматривалась как маленькое приключение.

Не отказывался от этой возможности даже Николай I, буквально сросшийся с военной формой. В 1833 г. он заказал портному Рутчу штатское платье за 875 рублей. В 1838 г. тот же портной Рутч «за партикулярное платье для чужих краев» получил 988 рублей. Будучи в 1845 г. в Дрездене, Николай I инкогнито посетил знаменитую галерею. Во время этой прогулки на нем был «синий, открытый спереди короткий сюртук, шелковый темно-коричневый жилет с вышитыми на нем цветочками и серые брюки; на голове имел он цилиндр, что увеличивало высокий его рост. В правой руке незнакомец держал тоненькую тросточку с серебряным набалдашником, а

левая, одетая в перчатку, сжимала снятую с правой руки»[19]. К сожалению, изображения грозного императора в «жилете с цветочками» до нас не дошли, да их, видимо, и не существовало, но можно с уверенностью утверждать, что Николай Павлович был одет по последней европейской моде.

Телосложение

Николай I отличался прекрасной выправкой и до конца жизни сохранил атлетическую фигуру. В 1849 г. его осматривал врач Конногвардейского полка Ф. Я. Карелль. Молодой врач был поражен телосложением императора. С естественным чувством собственной значимости молодой доктор рассказывал знакомым «разные подробности из внутренней дворцовой жизни». Одну из этих подробностей приводит барон М. А. Корф в своих записках: «Карелль не мог довольно выразить удивления своего к атлетическому, необычному сложению его тела». Врач в беседах отмечал: «Видев его до тех пор, как и все, только в мундире и сюртуке, я всегда воображал себе, что эта высоко выдававшаяся грудь — дело ваты. Ничего не бывало. Теперь, когда мне пришлось подвергать его перкуссии и аскультации, я убедился, что всё это свое, самородное; нельзя себе представить форм изящнее и конструкции более Аполлоново-Геркулесовской!»[20]

Мемуаристы сохранили крайне редкие сведения о росте императора. Один из мемуаристов приводит диалог между Николаем Павловичем и актером Василием Каратыгиным, состоявшийся в ноябре 1838 г. после окончания пьесы Н. А. Полевого «Дедушка русского флота»: «К игравшему роль Петра I Василию Каратыгину подошел Николай Павлович с приветливыми словами. «Ты совершенный Петр Великий!» — сказал он, любуясь им. «Нет, государь, он был выше меня: 2 аршина 14 вершков». — «А в тебе?» — «Двенадцать». Государь померился с ним. «Всё ты выше меня: во мне 10,5»[21].

Нетрудно посчитать, что в переводе на современную метрическую систему рост императора составлял 189 сантиметров (рост Петра I — 203,5 сантиметров).

Мемуаристы много писали о глазах императора. Его большие голубые глаза бывали очень разными. Так, политические противники превратили в штамп «оловянные глаза» Николая Палкина. Многие писали о глазах «василиска», которые буквально превращали подданных в камень, особенно если император изволил гневаться. При этом наиболее догадливые даже падали в обморок.

Так или иначе, на протяжении четверти века Николай I вполне вписывался в каноны мужской красоты своей эпохи. Высокий, атлетического телосложения, прекрасный кавалерист «с талией», на лице которого блестели бледно-голубые глаза, был наделен еще и обаянием власти, которое во все времена так ценили женщины. Многочисленные официальные портреты подтверждают описания мемуаристов. Можно только сожалеть, что не сохранилось ни одной фотографии Николая Павловича, хотя известно, что во второй половине 1840-х гг. он держал в руках фотоаппарат, переданный им в Академию наук.

Характер

Николай I был скрытен и недоверчив. При этом он обладал глубоким чувством ответственности, заставившим его замкнуть управление империей лично на себя и работать по восемнадцать часов в сутки. Высокая требовательность к себе заставляла требовать «по максимуму» и с подчиненных. В своей работе он опирался на военных, будучи искренне уверенным, что толковый строевой генерал в состоянии наладить четкую работу как медицинского ведомства, так и министерства народного просвещения. Присущая Николаю I спокойная уверенность в своей власти, харизма императора приводили в трепет даже его ближайших соратников.

Иногда он становился безжалостным и беспощадным, но по большей части только в тех случаях, когда понимал, что возникший негативный прецедент повлечет серьезные последствия. Тогда он был действительно безжалостен. При этом император руководствовался не сиюминутными

личностными порывами, как это бывало у его отца, холеричного Павла I, но государственной целесообразностью.

Николай I мог вспылить на людях, хотя в него с детства вбивалась привычка скрывать свои чувства и мысли. Однако в «своей», офицерской среде он мог позволить себе «отпустить тормоза». Но даже эти нечастые эмоциональные выплески император мог обратить себе на пользу, не только в силу профессиональной привычки просчитывать последствия своих поступков, но и в силу своего действительно благородного характера. Один из мемуаристов описывал, как на маневрах в Красном Селе Николай I «на чем свет стоит, не стесняясь в выражениях», обругал генерала Пенкержевского. «На следующее утро государь приглашает всех генералов и, выйдя к ним, говорит с присущим ему благородством: «Господа, вчера я совершенно забылся перед генералом П. Когда я командую войсками, то никак не могу сдерживаться и не выходить из себя. Мне уже сорок лет, а я до сих пор не преуспел в обуздании собственной вспыльчивости. Итак, господа, прошу вас впредь не принимать близко к сердцу мои слова, сказанные в гневе или раздражении. Ты же, П., прошу, прости меня; я не желал тебя оскорбить, будем друзьями». И он сердечно обнял генерала»[22].

Николай Павлович был любящим мужем и отцом, неплохим педагогом и тонким психологом. Когда в 1849 г. Николай Павлович отправлял в Венгерский поход второго сына Константина Николаевича, то составил для него инструкцию из семнадцати пунктов. Если сократить ее до отдельных фраз, то она выглядела бы следующим образом: не высовываться, быть предельно корректным, без фамильярности, слушать, записывать, анализировать, но публично никаких оценок не давать, почестей как великому князю не принимать.

Многие десятилетия, стараниями либерально-советской историографии, личность Николая I преподносилась исключительно в образе грубого солдафона с оловянными глазами. Это не так. Конечно, Николай I не был ангелом, на его совести много грехов, как и у всякого политика. Но, по большому счету, это был сильный, порядочный человек, русский офицер, наделенный глубоким чувством ответственности за страну.

Император Александр II

Многочисленные портреты запечатлели внешность Александра Николаевича на протяжении всей его жизни. Кроме этого до нас дошли фотографии как официального, так и семейного характера. Поэтому изменения во внешнем облике на протяжении царствования Александра II прослеживаются в деталях.

В юные годы это был типичный «прекрасный принц» из германских сказок. Наследник громадной империи, обладатель несметных сокровищ, обаятельный и прекрасно воспитанный молодой человек. Цесаревич был высоким, учитывая стандарты роста середины XIX в. Его рост составлял 186 сантиметров. Следует отметить, что Александр II всегда очень внимательно следил за своей внешностью. В различных музейных собраниях сохранились настоящие коллекции его многочисленных мундиров. Став императором в 1855 г., он сразу же начал «переодевание» военной, придворной и бюрократической элиты.

Александр II с детства был хорошо развит физически. Он имел пропорциональную фигуру, хороший рост и правильные черты лица. Он был безупречно воспитан. К ношению военной формы Александра II приучили с детства, она сидела на нем как влитая, и он знал об этом. К военной форме во всех ее проявлениях он относился с любовью. Так, в своей приемной в Зубовском флигеле Екатерининского дворца в Царском Селе он держал часть «военно-мундирной» коллекции Николая I. Ее стены были увешаны картинами с изображениями мундиров, «под стеклянными колпаками стояли куклы, изображающие ординарцев»[23], в форме различных полков русской армии.

Современники единодушно отмечали, что «мундир сидел на нем както особенно щеголевато, грудь выделялась, талия стройно перетянута пониколаевски»[24]. Вплоть до реформы военной формы в период правления Александра III высшим шиком в ношении офицерской формы считалась именно эта «николаевская» стать.

Будучи молодым человеком, в конце 1830-х гг. цесаревич Александр носил небольшие щегольские усики в сочетании с зачесанными, по моде того

времени, висками. В 1840 г. на его лице появились бакенбарды, которые тогда еще не были соединены подусниками с усами. На портретах «совершенно модного живописца» Ф. Крюгера эти нюансы внешнего облика царя тщательно зафиксированы. Именно с этой прической — зачесанными на правую сторону волосами, с усиками и бакенбардами Александр II короновался в 1856 г.

Со временем этот образ получил дальнейшее развитие. Именно Александр II ввел в 1860-х гг. новый стандарт, включавший сложную «конструкцию» из ухоженных усов с подусниками и роскошных бакенбард. Всё это органично сочеталось с тщательно уложенными волосами. При этом Александр II никогда не носил бороду.

Естественно, вся элита Российской империи немедленно, с бóльшим или меньшим успехом, воспроизвела на своих лицах эту же «конструкцию». Даже наследник-цесаревич, великий князь Александр Александрович во второй половине 1870-х гг. на некоторое время отпустил длинные бакенбарды.

Надо заметить, что со времен знаменитого резания бород в декабре 1699 г. Петром I форма растительности на лицах мужчин приобрела явный политический подтекст. Более того, уровень «мужской волосатости» регулировался законодательно. Перечень законов, регламентирующих мужские прически, весьма внушителен. Начало этому перечню было положено в январе 1705 г., когда Петром I был подписан указ: «О бритии бород и усов всякого чина людям, кроме попов и дьяконов, о взятии пошлин с тех, которые сего исполнить не захотят, и о выдаче заплатившим пошлину знаков»[25]. Законодательное преследование бородачей велось с завидным постоянством. Так, в марте 1837 г. Николай I подписал указ «О не ношении лицам, имеющим придворные звания, усов и бород». В указе отмечалось: «Многие из состоящих в звании камергеров и камер-юнкеров позволяют себе носить усы, кои присвоены только военным, и бороды в виде жидовских», поэтому император «повелеть соизволил: строжайше воспретить, дабы никто из имеющих придворные звания не осмеливался носить ни усов, ни бород»[26]. Кроме этого, когда в конце 1840-х гг. начался знаменитый дискурс западников и славянофилов, то у последних борода стала своеобразным политическим знаменем, что также вызвало гонения властей. Только в 1874 г. Александр II

разрешил ношение бороды во всех войсках и на флоте кроме гвардии, гренадеров и императорской свиты[27]. При этом отдельным указом в 1875 г. военным было запрещено фабрить бороды и усы[28]. Примечательно, что сам Александр II не терпел бородачей, поэтому в его окружении их не было. Однако некоторые лица из свиты царя имели такие разросшиеся бакенбарды, что бритый подбородок буквально терялся среди них, и они выглядели со стороны настоящими бородачами, соблюдая при этом букву закона.

Со временем на голове у Александра II появились глубокие залысины, но он так и не изменил своей прически, сохранив зачес волос на правую сторону, и, конечно, никогда не носил парик. Можно отметить, что с возрастом размер его усов несколько увеличился. На официальных портретах конца жизни императора видна некоторая «неухоженность» — разросшиеся усы с подусниками и не очень аккуратно уложенные волосы.

Внешний облик российских императоров был тесно связан с их харизмой. Многие современники Александра II отмечали космополитичность и некоторую вялость характера царя. Оценивая характер Александра II, фрейлина А. Ф. Тютчева отмечала, что, по ее мнению, «он не был государем, популярным в истинном смысле слова; народ не чувствовал притяжения к нему, потому что в нем самом совершенно отсутствовала национальная и народная струна… Человеческая природа такова, что она более ценит людей за них самих, чем за их дела»[29]. Отчасти так и было. По воспитанию, манерам и поведению Александр II был скорее европейским монархом, который совершенно не имел «национальной специфики», столь характерной для его сына — Александра III.

А. Ф. Тютчева, наблюдавшая Александра II на протяжении полутора десятков лет и старавшаяся быть объективной в своем отношении к нему, писала, что в свои 35 лет (1853) цесаревич «был красивый мужчина, но страдал некоторой полнотой, которую впоследствии потерял. Черты лица его были правильны, но вялы и недостаточно четки; глаза большие, голубые, но взгляд мало одухотворенный; словом, лицо его было маловыразительно, и в нем было даже что-то неприятное в тех случаях, когда он при публике считал себя обязанным принимать торжественный и величественный вид»[30].

Современники подмечали и мелкие особенности поведения Александра II, которые его отнюдь не красили. Впрочем, подобные черточки можно при желании обнаружить почти у всех. Граф С. Д. Шереметев вспоминал: «Бывало, как государь сильно горячится, волнуется по мере того, что говорит, глаза становятся совсем круглыми, голос, и без того картавый, становится раздражительным и крикливым. Очень неприятно было видеть его в такие минуты, чувствовалось что-то несильное в этом раздражении, которое с годами все увеличивалось. Он не всегда держался меры, и многим приходилось от него выслушивать неподходящие слова»[31]. Откровенные недоброжелатели, которых всегда много у публичных политиков, называли царя «бодрилой», а писатель Д. В. Григорович прямо глумился над ним (в кругу близких людей, конечно), «уморительно имитируя его басок и картавость»[32].

Говоря об особенностях характера Александра II, следует отметить его чувство долга и ответственности, что было характерно для всех Романовых в XIX столетии. Так, присутствуя на театре военных действий, Александр II выполнял преимущественно инспекторско-представительские задачи, посещая, в числе прочего, многочисленные госпитали, при этом царь «заходил в палаты тифозных и горячечных»[33].

Но даже симпатизировавшие императору современники, отдавая ему должное, считали его слабым. Слабым человеком и слабым, подверженным влияниям самодержцем. Резонанс колебаний его внутриполитического курса был значителен — от либеральных реформ 1860-х гг. к «закручиванию гаек» в 1870-х. Это также было отражением его характера. При этом Александр II очень ревниво относился к власти. Своих старших сыновей он приобщал к власти, следуя традиции и здравому смыслу, но делал это с некоторой оглядкой. Граф С. Д. Шереметев отмечал: «В основе характера государя таилось мелочное чувство, и то была ревность. Она проявлялась в нем не раз и по отношению к самым близким ему людям. Такое чувство испытывал он по отношению к императрице и даже к цесаревичу Николаю Александровичу»[34].

Это чувство известной «ревности» проявлялось и во взаимоотношениях с соратниками. Колебания внутриполитического курса, смена министров по-

зволили князю П. А. Кропоткину справедливо отметить, что «ни в вопросах политики, ни в личных симпатиях он не был человеком, на которого можно было положиться, и вдобавок отличался мстительностью. Сомневаюсь, чтобы он искренно был привязан к кому-нибудь»[35].

Примечательно, что Александр II в начале своего правления проводил кадровую политику, традиции которой уходили в XVIII век. Тогда считалось, что строевой генерал, успешно справлявшийся с корпусом, способен не менее успешно справиться с любым гражданским министерством. В 1860-х гг. по Петербургу ходила едкая реплика Ф. И. Тютчева, связанная с назначением на пост товарища министра финансов генерала С. А. Грейга, служившего сначала в конногвардейском полку, а затем в морском министерстве: «Странное дело, конногвардейскому офицеру поручают финансы; публика, конечно, удивлена, но в меру, не особенно сильно; попробуйте же Рейтерна сделать командиром конногвардейского полка, все с ума сойдут, поднимется такой вопль, как будто Россия потрясена в своих основаниях»[36].

Императрица Мария Александровна

Императрица Мария Александровна прожила в России почти сорок лет. Приехав в Россию юной девушкой, она со временем стала истинно русской. Вторая половина ее жизни в России полна драматизма. Жена, родившая мужу-императору девятерых детей, она трагически потеряла старшего любимого сына-цесаревича накануне его свадьбы и одновременно фактически лишилась мужа.

Картины, акварели и фотографии донесли до нас ее внешний облик. Красивая и утонченная в молодости Мария Александровна отличалась прекрасным вкусом. В 1841 г. цесаревна носила в качестве утреннего туалета легкое батистовое или жаконетовое платье с белым вышитым воротничком, соломенную шляпу с лентами в цвет соломы, коричневую вуаль, коричневый зонтик, шведские перчатки и клетчатое манто[37].

На картинах английской художницы Кристины Робертсон, считавшейся признанным мастером женского портрета и приглашенной в Россию Николаем I, мы видим изящную молодую женщину в дворцовых интерьерах. На одной из картин 1849 г., написанной в жанре парадного портрета, цесаревна Мария Александровна изображена стоя, в роскошном парчовом платье, ее шея и руки украшены крупным жемчугом. У цесаревны под рукой — раскрытый фолиант с закладками. У ног — любимая левретка. Примечательна прическа будущей императрицы. Ее прекрасные густые волосы разделены посередине пробором. Эта прическа фактически без изменений сохранялась до последних дней жизни Марии Александровны.

На втором портрете, кисти той же Кристины Робертсон, цесаревна Мария Александровна сидит за столиком опять-таки перед раскрытой книгой. Элегантный кувшин на столе подчеркивает изящество цесаревны. Безусловно, все детали этих парадных портретов тщательно продумывались и согласовывались.

Фрейлина А. Ф. Тютчева, впервые увидевшая Марию Александровну в 1853 г., отмечала, что 28-летняя цесаревна выглядела очень молодо. Она была стройна и хрупка, и это складывалось в совершенно особое изящество, «какое можно найти на старых немецких картинах». Мемуаристка подчеркивала, что цесаревна и в 28 лет не была классической красавицей николаевской эпохи, поскольку «черты ее не были правильны». Но при этом у цесаревны были прекрасные волосы, нежный цвет лица, большие голубые, немного навыкате, глаза, «смотревшие кротко и проникновенно. Профиль ее не был красив, так как нос не отличался правильностью, а подбородок несколько отступал назад. Рот был тонкий, со сжатыми губами… а едва заметная ироническая улыбка представляла странный контраст к выражению ее глаз»[38].

До нас дошла миниатюра, выполненная А. Г. Рокштулем[39], датированная 1855 г. На миниатюре Мария Александровна изображена в роскошном бальном платье, с синей муаровой лентой через плечо и миниатюрной короной на голове. Из украшений — только столь любимые ею жемчуга: в прическе, на шее и в ушах.

Одним из известных парадных портретов императрицы Марии Александровны стала картина художника Ф. К. Винтерхальтера, законченная в 1857 г. На этом официальном полотне, написанном вскоре после коронации Александра II, мы видим исполненную достоинства женщину во всем блеске зрелой красоты. Волосы, руки и шея усыпаны крупными жемчугами. Пышное парадное платье обильно украшено кружевами. В изящно сложенных руках — костяной, тонкой работы веер. Молодая императрица словно только что вышла из бальной залы. На ее левой руке, наряду с массивными золотыми браслетами, на безымянном пальце были надеты два золотых кольца. Именно о них писала камер-юнгфера императрицы А. И. Яковлева: «На левой руке она носила очень толстое обручальное кольцо и другое, такое же толстое, с узорною чеканкою, поперечник такой же толщины был прикреплен большим рубином. Это — фамильное кольцо, подаренное государем всем членам царской семьи»[40]. К сожалению, на картине правая рука императрицы просматривается не полностью, но камер-юнгфера упоминает, что «на правой руке, на четвертом пальце, великая княгиня носила множество колец; это были воспоминания ее детства, юности, тут были кольца ее матери; все не дорогие и не имевшие даже особенного наружного достоинства»[41].

На фотографиях 1865–1866 гг., сделанных после пережитой личной трагедии, связанной со смертью старшего сына — великого князя Николая Александровича, умершего в апреле 1865 г., мы уже видим постаревшую женщину, сломленную горем. Всю оставшуюся жизнь она носила платья в темных тонах, в память о потерянном сыне. Примечательно, что, находясь при умирающем сыне, «она была очень тверда» и плакала меньше всех[42]. Вся эта твердость характера понадобилась ей в 1870-х гг., когда она боролась с болезнью, и когда ее муж Александр II поселил свою многолетнюю любовницу с детьми над покоями Марии Александровны в Зимнем дворце.

Мария Александровна была императрицей и прекрасно осознавала, что ревность, выставленная на показ, — дурной тон. Поэтому она ни разу ни словом, ни действием не показала, насколько глубоко уязвлена многочисленными увлечениями супруга, которые она в узком кругу не без иронии называла «умилениями моего мужа»[43]. Чего ей стоила эта ирония, знала только она сама.

Император Александр III

Будущий Александр III, второй сын в семье Александра II и Марии Александровны, до 1865 г. даже не рассматривался как возможный кандидат на российский престол. Родители были настолько уверены в своем Никсе, что не допускали и мысли о каком-либо несчастье. При этом и сам великий князь Александр Александрович совершенно спокойно относился к своему «второму» месту и готовился к карьере гвардейского генерала. Между братьями сохранялись очень теплые отношения.

Великий князь Александр Александрович с детства отличался некоторой тяжеловесностью, заслужив прозвище «бульдожки». Он не был столь изящен и умен, как его старший брат, и его «второсортность» совершенно устраивала родителей, не желавших видеть в нем конкурента старшему сыну.

Александр Александрович находился при умирающем цесаревиче Николае Александровиче до самого конца. Он присутствовал и при обмывании тела и сам надевал чистое белье на покойника[44].

Будущий Александр III после смерти в апреле 1865 г. старшего брата Николая унаследовал от него не только титул цесаревича, но и невесту — датскую принцессу Дагмар. Этот брак заключался без большой любви. Александр по приказу отца-императора был вынужден отказаться от своей первой любви — фрейлины Мещерской. В мае 1866 г. он отправился в Данию свататься. Именно тогда будущий Александр III впервые надел штатское платье.

Рано начавший полнеть, высокий и крепкий Александр Александрович, видимо, чувствовал себя в гражданском костюме неловко. Однако этикет требовал от русского цесаревича, сватавшегося к датской принцессе, быть одетым именно в партикулярное платье. Сохранились фотографии этого периода. На них молодой цесаревич в темном двубортном сюртуке, белой рубашке с отложным воротником. На этой постановочной фотографии, а в то время только такие и были, цесаревич опирается на спинку венского стула, придерживая руками темные, в цвет сюртука, котелок и перчатки. Слегка просматривается пестрый галстук.

Тот же галстук хорошо виден на другой фотографии, менее официальной, из той же свадебной серии. Эта фотография уже не так статична. Одетый в гражданское цесаревич смог позволить себе более свободную позу (он непринужденно сидит на стуле, подогнув ногу), что в военном мундире было совершенно непозволительно. Расстегнутый сюртук позволяет увидеть обязательный жилет и часовую цепочку брегета. Котелок уже светлый, но, судя по всему, сюртук, рубашка и галстук те же самые. Конечно, у цесаревича был богатый гардероб просто по статусу. Однако современники в один голос отмечали, что Александр III тяжело привыкал к новым вещам. И если он что-либо «обнашивал» из своего гардероба, то носил эту вещь до тех пор, пока она буквально не разваливалась. Это особенно хорошо заметно по штатским вещам цесаревича. У него не было большого навыка в ношении сюртуков и пиджаков, но в некоторых из них он, видимо, чувствовал себя хорошо. Это «хорошо» затягивалось настолько, что костюмы катастрофически теряли вид, несмотря на все усилия камердинеров. Кроме этого император Александр III полнел, и некоторые из привычных, но редко носимых сюртуков и пиджаков становились ему явно маловаты, но император упорно отказывался надевать новый костюм. Не из скупости, а просто потому что привык к старому.

На фотографиях хорошо видно, что карманы оттянуты, пиджак, когда застегнут на все пуговицы, тесноват, его «украшают» многочисленные складки. Любопытно то, что одна из фотографий многовариантна. Видимо, фотографии российского монарха в гражданской одежде были такой редкостью, что фотографы активно использовали ретушь при их подготовке к тиражированию. На исходной фотографии Александра III, одетого в гражданский костюм, держит под руку его жена, императрица Мария Федоровна. На последующих фотографиях, трудами ретушеров, Марию Федоровну «убрали» и император стоит один.

Как правило, привычные костюмы Александр III позволял себе носить во время визитов в Данию, на родину жены. Эти поездки носили почти семейный характер, сродни сегодняшней поездке на дачу к старым друзьям, если позволительно такое сравнение. В Дании российский император чув-

ствовал себя свободно и позволял себе появляться на людях в комфортной одежде.

Тем не менее у императора, естественно, бывали ситуации, когда требовалось выглядеть «с иголочки». Так, во время визита в Англию в 1873 г. внешний вид русского цесаревича был безупречен. Об этом свидетельствуют несколько фотографий, сделанных английскими фотографами во время визита.

Следуя европейским тенденциям моды, русский цесаревич в Англии смог позволить себе надеть светлую модную «тройку» в довольно крупную клетку. Примечательно, что на этой фотографии, сделанной в середине 1870-х гг., мы видим двух любящих сестер (цесаревна Мария Федоровна, в девичестве датская принцесса Дагмар, и принцесса Уэльская Александра, старшая сестра российской цесаревны) в одинаковых платьях. Как правило, эти парные платья заказывались у известного парижского портного Чарльза Ворта. Таким образом сестры демонстрировали всем свою сохранявшуюся с детства близость.

Ближайшее окружение Марии Александровны, зная трепетное отношение матери к старшему сыну, подчеркнуто критически относилось к цесаревичу Александру. Граф С. Д. Шереметев упоминал, что, бывая у наперсницы императрицы А. Н. Мальцовой, он часто слышал «слабое мнение» о новом цесаревиче[45].

Перемены в характере будущего Александра III зрели незаметно даже для тех, кто постоянно находился рядом с ним. Точкой, во многом завершившей формирование его характера, стала трагическая смерть Александра II. Многие из тех, кто видел Александра III в мартовские дни 1881 г., отметили для себя эти совершенно непонятные и неожиданные для них изменения. Фрейлина А. Ф. Тютчева записала эти впечатления в дневнике 25 марта 1881 г.: «В его взгляде, в его голосе и движениях было что-то неопределенное, неуверенное, и я замечала это еще очень немного лет тому назад. Теперь, глядя на него, я с изумлением спрашивала себя, каким же образом произошла эта полнейшая перемена, которая меня в нем поразила; откуда у него появился этот спокойный и величавый вид, это полное владение со-

бой в движениях, в голосе и во взглядах, эта твердость и ясность в словах, кратких и отчетливых, — одним словом, это свободное и естественное величие, соединенное с выражением честности и простоты, бывших всегда его отличительными чертами»[46].

Впоследствии эти черты Александра III развились и усилились. И мемуаристы отмечали некий контраст между свитой царя и им самим. Контраст, порожденный спокойным осознанием своей исключительности. Об этом в воспоминаниях очень хорошо написал художник, критик и искусствовед А. Н. Бенуа, случайно увидевший царя среди его свиты в театре: «Состав этой густой и толкавшейся в разные стороны массы не отличался ни красотой, ни элегантностью, ни величественностью, ни какой-либо «породистостью». Большинство присутствующих состояло из согбенных под бременем лет сановников и из большей частью маленьких, толстеньких, а частью из тощих и комично высоких старых дам… Двери ложи распахнулись, выбежали церемониймейстеры с длинными тросточками, и за ними появился государь, ведя под руку новобрачную… Меня поразили его «громоздкость», его тяжеловесность и — как-никак — величие… Лицо государя поражало своей значительностью. Особенно поразил меня взгляд его светлых (серых? голубых?) глаз… Этот холодный стальной взгляд, в котором было что-то грозное и тревожное, производил впечатление удара. Взгляд человека, стоящего *выше всех*, но который несет чудовищное бремя и который ежесекундно должен опасаться за свою жизнь и жизнь самых близких!»[47]

Следует подчеркнуть, что «особость» царя не была искусственной позой, порожденной исключительностью положения, нет, это была столь редко встречающаяся и столь ценимая людьми особая харизма власти, воспринимающаяся на подсознательном уровне. А. Н. Бенуа писал: «Поражала его чрезвычайная простота, абсолютная непринужденность, абсолютное отсутствие какой-либо позы (позы властелина), что нельзя было сказать ни про его брата Владимира, ни (в особенности) про недоступного, высокомерного великого князя Сергея Александровича»[48].

При спокойном осознании силы своей власти Александр III считал себя вправе периодически «проявлять характер». Современники отмечали, что

он умел *держать* и *сдерживать*. Несмотря на всю ровность характера, царь мог себе позволить отчасти театрально гневаться, ударяя «кулаком об стол, и удар был серьезный»[49].

Его резолюции пестрят резкими и нелицеприятными высказываниями и характеристиками. Он мог прямо в глаза назвать нерадивого подданного резким словом. Как вспоминали близкие к царю люди: «Крепкое словцо[50] было присуще его натуре, и это опять русская черта, но в словах не было озлобления. Это была потребность отвести душу и ругнуть иной раз сплеча, не изменяя своему добродушию. Иногда за столом и при свидетелях говорил он, не стесняясь, прямо набело, и, когда уж очень становилось неловко от его слов, «она» (императрица Мария Федоровна — *И. З.*) полушутя бывало обращалась ко мне и говорила: «Быстро расскажите мне что-нибудь», или «Ничего не слышно, не правда ли, мы ничего не слышали?», а в сущности, нисколько этим не стеснялась и всегда сочувствовала ему. И это было особенно привлекательно»[51]. Но при этом Александр III «никогда и никому не говорил «ты». Николаевское поколение видело в этом что-то патриархальное и отеческое, но на самом деле оно не всегда оправдывалось и только сбивало понятия… Ни тени фамильярности никогда не допускал себе цесаревич»[52].

Будучи великим князем, цесаревичем, а затем и императором, Александр III всячески подчеркивал свою «русскость». И в этом не было совершенно никакой наигранности, позы или ксенофобии. Это была органически присущая ему черта, которая выражалась и в использовании русского языка в светском обществе, и в его одежде, и в художественных симпатиях, да и в самом внешнем облике. Поэтому его способность «ругнуть иной раз сплеча» и говорить «прямо набело» была также частью его искренней русской души. При всем том Александр III прекрасно знал свою родословную и совершенно не заблуждался по поводу своей «русскости» «по праву крови». Его мать, бабушка и прабабушка были немками, и множество исследователей высчитывало доли русской (мизер) и немецкой крови в его жилах.

Тем не менее, когда он прочитал «Записки» Екатерины II, из которых следовала возможность того, что отцом Павла I был один из русских вельмож, а не Петр III, он искренне обрадовался, поскольку это увеличивало

долю его русской крови. Но при этом он решительно не симпатизировал славянофилам, считая их «ряжеными» и по духу, и по внешнему виду. Так, близких к славянофилам фрейлин А. Ф. Тютчеву и А. Д. Блудову он не выносил одинаково, поскольку «он был слишком русский человек, чтобы быть славянофилом»[53].

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на лице наследника-цесаревича Александра Александровича появилась борода. Это совершенно выбивалось из традиций царствования Александра II, но, видимо, отвечало каким-то внутренним импульсам цесаревича. Следует подчеркнуть, что появление бороды у цесаревича не было фрондой по отношению к отцу, хотя отношения между ними были очень сложными. Дело в том что на время ведения боевых действий Александр II официально разрешил офицерам носить бороды. Как известно, запретный плод сладок, и в армии началось поголовное отращивание бород. Даже 20-летний великий князь Сергей Александрович начал отращивать бороду, записав в дневнике 9 июня 1877 г.: «Государь разрешил во [время] компании носить бороды, и мы отпускаем себе, я также»[54]. Однако когда император возвратился в Петербург (10 декабря 1877 г.), он уже через неделю потребовал от своего ближайшего окружения привести себя в порядок. 19 декабря Сергей Александрович писал цесаревичу: «Мою чудную бороду пришлось обрить, это было очень печально и неприятно, но Папа́ не хочет, по-видимому, чтобы носили бороды»[55].

Тем не менее, судя по фотографиям, цесаревич и его младшие братья Владимир и Алексей бороды так и не сбрили. Борода цесаревичу шла. Крупный телом и лицом, без изящества вельмож предыдущих царствований, он очень органично смотрелся с этой бородой. В результате Александр III стал первым «бородатым» российским императором, возобновив традицию внешнего облика православных московских царей допетровской Руси. После воцарения Александра III мода на бороды немедленно охватила всю мужскую половину высшего света.

Современники, сравнивая Александра III с его предшественниками, отмечали его сходство в отношении к России с Николаем I. Именно Николай Павлович первым из российских императоров громко и внятно заявил о

своей любви к России и сделал первые шаги к «русификации» высшего света. И эта эстафета была воспринята Александром III. Граф С. Д. Шереметев, сравнивая Николая I и Александра III, писал: «Он (Николай I — *И. З.*) сам желал быть Русским и по-своему, насколько мог, хотел им быть, хотя и в одежде средневекового рыцаря, да и не по одной одежде. Но он своим умом познал, что править Россией можно только будучи Русским или показывая, что хочешь им быть. Эта нота недостаточно звучала в Александре II, у которого его чувство было явно немецким, навеянным сентиментализмом времен своей юности. Русское воплощение царя в XIX веке совершилось в Александре III! Вот почему и царствовать после нельзя без этого воплощения…»[56]

Надо заметить, что Александр III инстинктивно отличал позу от истинного чувства. Или, по крайней мере, был очень определен в своих симпатиях и антипатиях. Так, граф С. Д. Шереметев упоминал, что, увидев у него на столе книгу стихотворений Тютчева, Александр III заявил, что «вообще не любит Тютчева и как поэта, и как человека»[57].

Примечательно, что, когда Александр II посещал Аничков дворец, в котором жил с семьей наследник, все ощущали некую чужеродность отца и сына. Граф С. Д. Шереметев упоминал, что присутствие Александра II «несколько стесняло всех, даже хозяев. Уж очень были различны характеры и вкусы. Государь подсаживался к цесаревне, слегка картавя, заводил с нею речь и лишь изредка обращался к цесаревичу… Меня поражало это различие между сыном и отцом: другие приемы, другие речи, другое воспитание»[58].

В одежде император Александр Александрович был столь же прост. У него, безусловно, имелись все необходимые мундиры и сюртуки «по должности». Но, в отличие от своего отца, он не имел мундирных коллекций, которыми так наслаждался Александр II. Мемуаристы в один голос утверждают, что Александр III, как правило, носил привычные вещи, занашивая их до непотребного состояния. С. Ю. Витте упоминал о штопаных штанах императора и клиньях, вшитых в его брюки. Дома с юных лет он привык носить тужурку[59]. Не носил Александр III и ювелирные украшения. Из колец у него было только венчальное, и то «к концу растрескалось так, что опасно было его носить»[60]. Эта скромность российских императоров по части

ювелирных изделий носила также традиционный характер. Мемуаристы упоминают, что Александр I не носил «никаких драгоценностей, ни одного кольца, даже не носил часов»[61].

Говоря об Александре III, следует упомянуть и о такой детали, как о его манере обращаться к соратникам и подданным. Мемуаристы в один голос утверждают, что Александр III был первым царем, который обращался к своим подданным на «вы». Это не совсем так. Первым монархом, который ввел обращение «вы» к своим подданным, был Александр I. Однако императорский двор в начале XIX в. был франкоязычным, поэтому русское «вы» императора не прижилось. Николай I, который начал «русификацию» императорского двора, обращался к своим подданным только на «ты», и эту привычку переняли его братья и сыновья. При этом в своей переписке Николай Павлович, как правило, использовал обращение «вы». При дворе Александра II обращение на «ты» сохранялось. Вместе с тем, Александр II иногда использовал обращение «вы» для того, чтобы показать свое нерасположение к собеседнику, поэтому царского «вы» очень опасались. Однако времена изменились, и сыновья Александра II усвоили привычку обращаться к близким и подданным только на «вы». Поэтому и Александр III использовал это обращение.

Император Николай II

Традиционный и хорошо знакомый внешний облик российского императора Николая II сложился достаточно рано. В начале 1890-х гг. на лице молодого Николая Александровича появились небольшие щегольские усики. На фотографиях 1891 г., запечатлевших царя во время путешествия на Восток, мы видим бритый подбородок, короткую стрижку ежиком и небольшие усы. Судя по сохранившимся фотографиям, бородка на лице Николая II появилась в 1892–1893 гг. На серии фотографий, связанных с помолвкой в апреле 1894 г., мы видим уже новый образ, который Николай II не менял до конца своей жизни: короткая стрижка с пробором на правую

сторону, достаточно объемные ухоженные усы и небольшая округлая борода. Со временем усы несколько укоротились и «слились» с бородой. На голове появились небольшие залысины, волосы слегка поредели.

Внешний облик царя «разных возрастов» описан многими мемуаристами. Все они отмечали спортивность царя и его хорошую физическую форму при крепком здоровье. Например, генерал Ставки Ю. Н. Данилов описывал «позднего» 46-летнего царя следующим образом: «Государь был невысокого роста, плотного сложения, с несколько непропорционально развитой верхней половиной туловища. Довольно полная шея придавала ему не вполне поворотливый вид, и вся его фигура при движении подавалась как-то особенно, правым плечом вперед.

Император Николай II носил небольшую светлую овальную бороду, отливавшую рыжеватым цветом, и имел спокойные серо-зеленые глаза, отличавшиеся какой-то особой непроницаемостью, которая внутренне всегда отделяла его от собеседника»[62].

За своим внешним обликом Николай II следил весьма тщательно. Об этом свидетельствуют счета парикмахеров, которые два-три раза в месяц посещали царя. Конечно, у Николая II был достаточно обширный гардероб. Самой его значительной частью были различные военные мундиры. Являясь шефом множества полков русской армии, император надевал эти мундиры совершенно не случайно, а с учетом множества причин: полковых праздников части, которая несла караул во дворце, различных полковых юбилейных дат и т. п. В этой коллекции были и мундиры различных полков европейских армий, которые надевались во время каких-либо официальных визитов. Гардероб включал и гражданское платье, которое Николай II, как правило, мог позволить себе надеть только за границей.

Первая серия фотографий Николая II в штатском платье относится к его поездке «на Восток» в 1890–1891 гг., когда он еще был цесаревичем. На этих фотографиях 22-летний цесаревич одет в легкую «тропическую форму», и только во время официальных визитов он надевал офицерский мундир. Во время экскурсий цесаревич, как правило, был облачен в модный легкий европейский костюм. На фотографии, сделанной в 1891 г. в

Японии, мы видим на цесаревиче фетровый котелок. Именно этот котелок был разрублен двумя ударами самурая-полицейского во время покушения на цесаревича в мае 1891 г. В Государственном Эрмитаже хранится и белая рубашка с монограммами цесаревича Николая, на которой остались следы крови после покушения.

Примерно в эти же годы молодой цесаревич обзавелся охотничьим костюмом «из английской рогожки». Все последующие годы фасон этого охотничьего костюма не изменялся. Сам костюм сохранился, и именно с этой пропотевшей одежды экспертам удалось взять генетический материал при проведении экспертизы по идентификации останков Николая II в 1990-х гг.

В 1893 г. цесаревич Николай Александрович посетил Англию. Среди прочего обнаружилось, что двоюродные братья, наследники русской и английской корон, необычайно похожи. Настолько, что это стало поводом для нескольких фотографий.

Следующая серия фотографий в штатском платье была сделана во время сватовства цесаревича Николая Александровича в апреле 1894 г. По традиции русский цесаревич приехал в Дармштадт в костюме. На этих постановочных фотографиях цесаревич довольно скован и несколько озабочен. Это понятно, поскольку обстоятельства сватовства к Алисе Гессенской были довольно сложными.

С 1895 г. в список поставщиков высочайшего двора вошел гражданин Швейцарии Генри Фолленвейдер, который владел фирмой «Генри». В своем магазине, находившемся в Петербурге на Большой Морской, 18, он продавал морскую и гражданскую одежду. Включение его в список, видимо, состоялось «высочайшим решением», поскольку поставки этой фирмы морской и гражданской одежды ко двору начались с 1895 г.

Эта фирма поставляла Николаю II именно гражданскую одежду. Например, с апреля по август 1903 г. Генри Фолленвейдер продал Николаю II 16 предметов на сумму 1043 рубля. Список этих предметов весьма показателен: сюртук, жилет и брюки (на 150 рублей); смокинг (150 рублей); три костюма (по 115 рублей каждый); белый теннисный костюм (110 рублей);

осеннее пальто (140 рублей); сюртук «Фантазия» (30 рублей); три белых жилета для фрака (по 20 рублей каждый); велосипедные штаны (28 рублей); жилет к костюму (25 рублей); шелковый теннисный пояс (5 рублей).

В этом же магазине фраки Николая II чистили и ремонтировали, а также стирали царские жилеты. Магазин оказывал и сопутствующие услуги. Например, купленная готовая одежда подгонялась по фигуре заказчика. Например, в 1903 г. Николаю II «расставили» шесть пальто и 11 брюк, что свидетельствовало о том, что император начал набирать вес.

Следует еще раз подчеркнуть, что Николай II появлялся в штатском платье считанные разы, и даже ближайшее окружение императора, постоянно находившееся рядом с ним, увидев царя в партикулярном платье, воспринимало это как несообразность. При этом, как мы видели из бухгалтерских счетов, все необходимые штатские вещи в гардеробе царя присутствовали, и за ними внимательно следили. В 1897 г. во время поездки на родину жены в Дармштадт Николай II и Александра Федоровна совершили путешествие инкогнито во Франкфурт-на-Майне. Одеты они были в обычные костюмы состоятельных буржуа. Окружение молодого императора немедленно отметило, что Николай II совершенно не имел привычки носить штатское платье, да и цилиндр на нем был плохого качества[63].

Довольно много фотографий Николая II, одетого в гражданское, осталось после посещения Германии осенью 1910 г. Главной целью поездки было лечение императрицы Александры Федоровны на ее на родине в Дармштадте. За границей семья Николая II пробыла около трех месяцев. Визит носил родственный, приватный характер, и Николай II по большей части одевался в гражданское платье, причем весьма разнообразное. Поначалу это вызывало удивление. Например, подруга императрицы А. А. Вырубова, которая впервые увидела в 1910 г. Николая II одетым «по гражданке», отметила этот факт в воспоминаниях: «Государь пришел в штатском платье. С непривычки было как-то странно его так видеть, хотя в то же время очень забавляло»[64].

После 1910 г. Николай II совершил еще несколько поездок за границу, во время которых у него была возможность надеть штатское платье. Один из последних зарубежных визитов состоялся в мае 1913 г. В августе 1914 г.

Россия вступила в Первую мировую войну, и с этого времени Николай II ни разу не надевал штатское платье. В солдатской гимнастерке он встретил смерть в июле 1918 г.

Портные Николая II

Как мы уже писали, российские императоры на родине носили только военную форму. Как правило, ее шили портные, специализировавшиеся на производстве военного обмундирования. Для сшитой военной формы требовалось множество элементов: от головных уборов, погон, аксельбантов и до сапог. Вся эта арматура приобреталась в так называемых магазинах офицерских вещей. Хозяева этих магазинов со временем оказывались в числе поставщиков высочайшего двора.

Самым давним поставщиком являлся хозяин магазина офицерских вещей фабрикант Скосырев. Семейное дело существовало с 1812 г. Магазин был расположен в Петербурге на Владимирском проспекте, 4. По списку императорских поставщиков можно восстановить три поколения семьи Скосырева, которые последовательно получали высокое звание поставщика высочайшего двора: фабрикант Скосырев получил звание поставщика высочайшего двора еще в 1857 г., затем звание подтвердил его сын Василий Скосырев, поставщик с 1863 г. Завершил купеческую династию Александр Скосырев, поставщик с 1895 г.

В военном магазине М. И. Скосырева, продававшего форменную одежду для офицеров, в 1903 г. для императора Николая II были приобретены товары на сумму в 1234 рубля 90 копеек. В основном это были мелочи: два шарфа, семь фуражек различных полков, форменные ремни, кокарды для фуражек, пряжки для сабли, эполеты и т. д.

Поскольку российские императоры являлись шефами различных иностранных полков, то в числе поставщиков оказались германские (И. Эйснер, Берлин, с 1862 г.; Теодор фон Линкер, Дармштадт, с 1896 г.; Феликс Коллани и Оскар Курдс, владельцы фирмы «L. H. Berger Collani», Берлин, с 1903 г.) и датские (A. H. Herlin с 1910 г.) портные.

Одним из выдающихся петербургских военных портных конца XIX — начала XX в. был Николай Иванович Норденштрем, который являлся поставщиком императорского двора с 1895 г. Фирма «Норденштрем Н.» была одной из старейших столичных фирм, специализировавшихся на изготовлении военных мундиров. Ее основал Николай Иванович Норденштрем, перебравшийся в Петербург из Швеции в 1821 г. В 1841 г. мастерская перешла к его приехавшему из Швеции племяннику Андрею Ивановичу, в 1852 г. — к Николаю Ивановичу и в 1856 г. — к Карлу Ивановичу Норденштремам. Фирма имела ателье и магазин на Невском проспекте, 46. В начале 1900-х гг. главой фирмы стал К. Н. Норденштрем. Портные и закройщики фирмы выполняли весьма ответственные заказы — шили мундиры для Александра III, его младших братьев, великих князей Алексея, Сергея и Павла Александровичей.

Счета Н. И. Норденштрема за военную форму, поставленную для великого князя Сергея Александровича с 1884 по 1895 г., составили 14 500 рублей. Первые его поставки великому князю Сергею Александровичу относятся еще к 1877 г. С декабря 1902 г. по декабрь 1903 г. магазин Норденштрема поставил 15 предметов и два комплекта военного обмундирования на сумму в 1572 рубля. В этот список вошли: конногвардейский колет (225 рублей); зимний доломан (250 рублей); парадная кираса (55 рублей); тужурка (100 рублей); китель Московского полка (100 рублей); китель Преображенского полка (100 рублей); морской китель (110 рублей); жилет (15 рублей); три пары брюк (по 38 рублей); двубортный китель Преображенского полка (90 рублей); брюки для морской формы (38 рублей); брюки для пехотной формы (40 рублей); парадный пехотный мундир (145 рублей); парадный мундир Сводного полка (135 рублей). Этот же портной принимал царские мундиры в чистку и ремонт. Некоторые из мундиров, жилетов и брюк расставлялись портным, поскольку в 1903 г. царь начал прибавлять в весе.

В ателье известного портного шили мундиры для великих князей Константина и Дмитрия Константиновичей; великих князей Николая и Петра Николаевичей; великих князей Георгия и Александра Михайловичей; великих князей Кирилла, Бориса и Андрея Владимировичей, а также для Александра

и Константина Петровичей Ольденбургских, принца Петра Александровича Ольденбургского, герцога Евгения Максимилиановича Лейхтенбергского[65]. Ну и конечно любой офицер императорской гвардии считал для себя обязательным сшить мундир именно у «старика Норденштрема». Через мастерскую Н. И. Норденштрема, поставщика императорского двора, проходили практически все состоятельные гвардейские офицеры, «строившие» себе форму. «Синий кирасир» В. С. Трубецкой писал в воспоминаниях: «Ежедневно я после учений ездил в Петербург, где первым долгом посещал почтенного Норденштрема — знаменитого петербургского военного портного… там я без конца примеривал офицерский колет, сюртуки, вицмундиры, кителя, пальто, николаевскую шинель, короткие и длинные рейтузы и чахчиры с лампасами для парада, для гостиных и для повседневной жизни»[66].

В последнем по времени составления списке поставщиков двора, датированном 1914 г., под номером 252 фигурирует портной из Санкт-Петербурга Н. И. Норденштрем, так что можно утверждать, что его таланты служили императорскому двору до последних дней существования российской монархии[67].

Для коронации 1896 г. на Николая II был сшит особый мундир, который в настоящее время хранится в Оружейной палате Московского Кремля в коллекции коронационных одежд русских монархов. Поскольку церемония коронации предусматривала очень значимое таинство миропомазания, то на мундире и сапогах были сделаны специальные отверстия для совершения таинства. На мундире был сделан клапан на груди, откинув который можно было помазать миром голую грудь императора. Как вспоминал камердинер, который одевал Николая II перед коронацией: «Мундир и подошвы сапог государя имели заранее сделанные отверстия, через которые было совершено таинство миропомазания. Переодевшись, государь велел убрать мундир и сапоги, которые должны были храниться как святыня и в качестве исторической реликвии»[68].

Российские императоры, как и обычные люди, привыкали к определенной одежде и с трудом с ней расставались. То же было и с Николаем II. Он годами носил одни и те же вещи, предпочитая латаные и штопаные,

но привычные детали туалета. Это, конечно, усложняло жизнь его камердинерам. Как и все Романовы, он страстно любил военную форму. В его платяных шкафах хранились сотни военных мундиров. В ясеневых шкафах в гардеробной Николая II в Александровском дворце Царского Села к 1917 г. хранилось до 1500 мундиров императора. Фактически он должен был иметь полный комплект формы всех полков русской армии. Во время парадных выходов он надевал мундир того полка, который в это время нес караул в императорской резиденции. Тем не менее Николай II предпочитал форму преображенцев и лейб-гусар[69]. С удовольствием Николай II носил малиновую косоворотку гвардейских стрелков.

Существовали и другие, несравнимо меньшие расходы, но они показывают, сколь обширен был круг людей, вовлеченных в личное обслуживание императора. Так, в 1902 г. казак Собственного конвоя Платон Монастырский «исправлял» черкеску и бешмет царя формы Собственного конвоя, и его работа была оплачена 10 рублями.

Характер и манера поведения

Многие особенности поведения Николая II были заложены в его детстве. Несколько эпизодов времени детства и отрочества сыграли заметную роль в формировании личности царя. О них Николай II вспоминал спустя много лет. Так, на маленького Николая глубочайшее впечатление произвел эпизод с шаровой молнией, которая влетела в дворцовую церковь во время службы. Он видел, что император Александр II во время этого происшествия оставался совершенно спокоен, и стремление подражать деду заставило его сознательно выработать необычайное самообладание[70].

Николай II не сразу обрел навык публичных выступлений и появлений на людях в качестве первого лица. Поначалу он испытывал самый настоящий стресс. Со временем навыки были приобретены, однако, несмотря на всё его внешнее спокойствие и «непрошибаемость», он, как и всякий человек, нервничал, и «внешним образом смущение государя выражалось, например, в столь известном постоянном поглаживании усов и почесывании левого

глаза»[71]. Эту сохранявшуюся внутреннюю неуверенность царя при внешнем спокойствии отмечали многие внимательные мемуаристы, особенно те, кто мог наблюдать его длительное время в повседневной жизни. Так, один из генералов Ставки вспоминал: «Эти черты государя выявлялись и наружно нервным подергиванием плеч, потиранием рук и излишне частым покашливанием, сопровождавшимся затем безотчетным разглаживанием рукою бороды и усов»[72].

Постепенно Николай II выработал и определенную «защитную» манеру поведения, ставшую частью его делового стиля: «Все жесты и движения императора Николая II были очень размеренны, даже медленны. Эта особенность была ему присущей, и люди, близко знавшие его, говорили, что государь никогда не спешил, но никуда не опаздывал»[73].

Поскольку к каждому слову императора внимательно прислушивались, Николай II рано понял, что последствия самых, на его взгляд, безобидных реплик могут оказаться весьма серьезными. Поэтому он очень редко бывал откровенен с собеседниками и предпочитал слушать, держа свое мнение при себе. Спорить, доказывать то, что для него было совершенно очевидным, он не желал. Молчание же императора многие ошибочно принимали за согласие с их мнением и после испытывали жестокое разочарование, когда император поступал так, как считал необходимым. Тогда немедленно начинались крики о двуличии царя. Близко знавшие царя люди единодушно отмечали его «умение владеть собою и скрывать свои внутренние переживания. В самые драматические моменты жизни внешнее спокойствие не покидало его»[74].

Эти спокойствие и сдержанность царя в стрессовых ситуациях были загадкой для современников и порождали самые разнообразные толки. Поэтому сначала слово современникам.

Сдержанность в поведении и оценках в подражание деду формировалась им сознательно с детства, а затем уже стала маской, настолько сросшейся с ним самим, что было трудно разделить развившийся фатализм его натуры и сознательно скрываемые эмоции. Флигель-адъютант А. Мордвинов, тестем которого был К. И. Хис — воспитатель и преподаватель молодого

цесаревича, также подчеркивал, что «даже мальчиком он почти никогда не горячился и не терял самообладания»[75].

Государственная деятельность неизбежно связана с решением сложных, конфликтных ситуаций. Общеизвестно, что царь старался избегать их. Объясняли это по-разному. Одни писали о его воспитанности, которая мешала ему говорить неприятные вещи своим сановникам, другие видели в этом проявление некоего двоедушия и иезуитства. Например, С. Ю. Витте, который не питал особых симпатий к царю, отмечал: «Государь по натуре индиферент-оптимист. Такие лица ощущают чувство страха только тогда, когда гроза перед глазами, и, как только она отодвигается за ближайшую дверь, оно мигом проходит»[76]. Министр народного просвещения А. Н. Шварц писал, что «не сердился он, как будто, никогда. Ни сам я гнева его никогда не видел и от других о проявлениях его никогда не слышал»[77]. Военный министр А. Редигер считал, что, «несмотря на выпавшие на его долю тяжелые дни, он никогда не терял самообладания, всегда оставался ровным и приветливым, одинаково усердным работником. Он мне говорил, что он оптимист»[78].

Особенно примечательно поведение царя в стрессовых ситуациях. За время его царствования их было достаточно. Войны — это события, которые потрясают любую державу до основания. В день начала Русско-японской войны военный министр А. Н. Куропаткин записал в дневнике: «28 января 1904 г. На докладе 27 числа государь был бледен, но спокоен»[79]. Посол Германской империи граф Пурталес, сообщивший царю об объявлении войны в 1914 г., также отмечал это необычайное самообладание, которое даже вызвало у него впечатление некой психической аномалии: «31 июля 1914 г. Царь спокойно выслушал меня, не выдавая ни малейшим движением мускула, что происходит в его душе… У меня получилось впечатление, что мой высокий собеседник либо в необычайной манере одарен самообладанием, либо еще не успел, несмотря на мои весьма серьезные заявления, постигнуть всю грозность создавшегося положения»[80].

Особенно много толков вызвало поведение царя во время отречения. Наиболее часто цитируется фраза официального историографа Ставки

генерала Д. Н. Дубенского, произнесенная во время допроса в августе 1917 г.: «Это такой фаталист, что я не могу себе представить… он отказался от Российского престола, как сдал эскадрон»[81]. Это показное спокойствие глубоко оскорбило многих и, в свою очередь, заставило спокойно отнестись к смерти самого царя и его семьи летом 1918 г. Но, вместе с тем, генерал, сталкивавшийся с царем только с 1914 г., счел нужным добавить: «Я думаю, будут писать об этом многие психологи, и им трудно будет узнать, а вывести, что это равнодушный человек, — будет неверно».

Чрезмерное спокойствие царя глубоко поразило и принимавшего текст отречения А. И. Гучкова. Во время допроса в Чрезвычайной следственной комиссии 2 августа 1917 г. он поделился своими наблюдениями: «Вообще, я должен сказать, что вся эта сцена произвела в одном отношении очень тяжелое впечатление… что мне прямо пришло в голову, да имеем ли мы дело с нормальным человеком? У меня и раньше всегда было сомнение в этом отношении, но эта сцена — она меня еще глубже убедила в том, что человек этот просто до последнего момента не отдавал себе полного отчета в положении, в том акте, который он совершал... Мне казалось, что эти люди должны были понять, что они имеют дело с человеком, который не может считаться во всех отношениях нормальным»[82].

Не все разделяли это мнение. О том, что это непрошибаемое спокойствие — только маска, писали те, кто хорошо знал царя на протяжении многих лет. Они подчеркивали, что для сохранения этой привычной маски царю иногда требовались серьезные волевые усилия. Хорошо знавшая его баронесса С. К. Буксгевден вспоминала, что «сдержанность была второй его натурой. Многие спрашивали: отдавал ли он полностью себе отчет в трагичности некоторых событий? — настолько спокойно было его отношение, настолько скрытно было выражение его лица. На самом деле это была маска»[83]. А. Блок привел слова генерала Д. Н. Дубенского: «Когда он говорил с Фредериксом об Алексее Николаевиче один на один, я знаю, он все-таки заплакал»[84].

Свои настоящие переживания царь позволял видеть только самым близким людям. Младшая сестра царя Ксения в дневнике писала, что после

приема в Зимнем дворце в апреле 1906 г. по случаю открытия заседаний I Государственной думы «многие плакали! Мама и Аликс плакали, и бедный Ники стоял весь в слезах, самообладание его наконец покинуло, и он не мог удержаться от слез!». Очень характерное замечание сестры — «наконец». Видимо, чрезмерное спокойствие государя угнетало даже самых близких к нему людей[85]. А. Вырубова в своих воспоминаниях говорила, что когда царь вернулся в Царское Село после отречения 9 марта 1917 г., он «как ребенок рыдал перед своей женой»[86]. Она же передала слова царя: «Видите ли, это всё меня очень взволновало, так что все последующие дни я не мог даже вести своего дневника»[87]. Один из биографов царя — Е. Е. Алферьев — в самом названии своей книги выразил мысль о его необычайной воле. Он писал, что «постоянной упорной работой над собой он развил в себе сверхчеловеческое самообладание и никогда не выражал сколько-нибудь явно своих переживаний... По своей природе государь был очень замкнут… Незнание порождало непонимание»[88].

Такая внешняя и эмоциональная «закрытость» царя имела и объективные причины. Слишком многие люди в беседах с ним исками малейших проявлений каких-либо эмоций, на основании которых они могли бы судить об отношении Николая II к их словам. Царь же желал сохранить полную приватность своих мыслей и настроений, дабы избежать каких-либо толков и сохранить за собой определенную свободу маневра. И для этого необычайно хорошо подходила маска непроницаемого спокойствия. В целом подобное поведение было нетипично для российских монархов, которые в силу своего положения могли себе позволить не сдерживать эмоции, а «царский гнев» вообще был необходимой частью их «царской профессии». Поэтому у П. А. Столыпина и вырвалось однажды: «Да рассердитесь же хоть раз, ваше величество!»

Советские историки 1920-х гг., занимавшиеся этим вопросом, сошлись в том, что это спокойствие есть результат особого психо-эмоционального склада царя. Например, П. Е. Щеголев утверждал: «Чувствительность Николая была понижена чрезвычайно, она была ниже уровня, обязательного для нормального человека»[89].

Нам представляется, что нет никаких оснований говорить о какой бы то ни было психической аномалии. Столь сдержанное поведение было результатом многолетних волевых усилий, вошедших в привычку, ставших вторым лицом. Кроме этого, религиозность царя, граничившая с фатализмом, также способствовала некому отстраненному взгляду на происходящие события. Да и образ спокойного, держащего себя в руках государя импонировал окружающим. Но импонировал он только в условиях стабильности. В ситуации надвигающегося краха, который отчетливо ощущался многими современниками, это безграничное спокойствие воспринималось как безволие, как психическая аномалия, что в свою очередь подрывало престиж императорской власти.

Об этом патологическом впечатлении писал протопресвитер русской армии и флота Г. И. Шавельский, который в своих воспоминаниях привел весьма любопытную фразу Николая II, произнесенную в июле 1916 г. в беседе с министром иностранных дел С. Д. Сазоновым: «Я, Сергей Дмитриевич, стараюсь ни над чем не задумываться и нахожу, что только так и можно править Россией. Иначе я давно был бы в гробу»[90].

Очень важна степень воздействия монарха на ближайших сотрудников. Николай I и Александр III обладали отчетливо выраженной харизмой власти. Эта харизма основывалась как на их характерах, так и на способности подчинять. Что касается Николая II, то внутренняя убежденность в божественности своей власти у него присутствовала, но интеллигентный царь считал излишним на кого-то давить. Поэтому на все попытки спорить с ним он отвечал молчанием, а затем, через некоторое время, убирал спорщика с политической арены. Те, кто работал с царем непосредственно, были убеждены в том, что царь «слаб». По мнению В. И. Гурко, с одной стороны, Николай II «не умел внушить свою волю сотрудникам», но, с другой стороны, и «сотрудники его не были в состоянии переубедить в чем-либо царя и навязать ему свой образ мыслей»[91]. Трагедией для России стало именно то, что во главе огромной империи на переломе событий оказался человек, не имевший «той внутренней мощи, которая покоряет людей, заставляя их беспрекословно повиноваться»[92].

Завершая разговор об особенностях характера царя, хотелось бы привести один малоизвестный факт, который вновь порождает непростые вопросы. Николай II, как и его дед и отец, был страстным охотником. По принятому в Министерстве двора порядку в конце каждого охотничьего сезона составлялся итоговый список царских трофеев. В этом списке у Николая II наряду с традиционными медведями, зубрами, оленями и волками постоянно присутствовали вороны, бродячие кошки и собаки. Причем в неимоверных количествах. Так, по подсчетам автора, только за шесть лет (1896, 1899, 1900, 1902, 1908, 1911 гг.) царем были застрелены 3786 «бродячих» собак, 6176 «бродячих» кошек и 20 547 ворон[93]. Трудно понять, зачем были нужны эти несчастные собаки и кошки царю, где и как он их отстреливал. Не было ли это своеобразным выходом глубоко скрытой агрессии внешне кроткого царя?

Императрица Александра Федоровна

Императрицу Александровну Федоровну в России не любили. А к 1917 г. уже просто ненавидели. Это отношение к императрице проявилось и в описаниях ее внешности: «Нельзя сказать, чтобы внешнее впечатление, производимое ею, было благоприятно. Несмотря на ее чудные волосы, тяжелой короной лежавшие на ее голове, и большие темно-синие глаза под длинными ресницами, в ее наружности было что-то холодное и даже отталкивающее. Горделивая поза сменялась неловким подгибанием ног, похожим на книксен при приветствии или прощании. Лицо при разговоре или усталости покрывалось красными пятнами, руки были мясисты и красны»[94]. При этом никого не интересовало, что у императрицы больные ноги, и «неловкое подгибание ног» связанно именно с этим. Однако характер ее действительно был, что называется, сложный.

Своей внешности императрица, как и всякая женщина «с положением и возможностями», уделяла большое внимание. При этом были и нюансы. Так, императрица практически не использовала косметику и не завивала

свои прекрасные волосы. Только накануне больших дворцовых выходов парикмахер с ее позволения использовал завивочные щипцы. Императрица не делала и маникюр, «поскольку его величество терпеть не мог наманикюренные ногти»[95]. Из духов императрица предпочитала «Белую розу» парфюмерной фирмы Аткинсон. Они, по ее словам, были прозрачными, без всякой примеси, и бесконечно ароматными. В качестве туалетной воды она использовала «Вербену»[96].

Свои парфюмерные предпочтения появились и у великих княжон, когда они подросли. Девочки, как и положено в их возрасте, экспериментировали, но со временем остановились на парфюмерии французской фирмы «Коти». При этом Татьяна предпочитала «Jasmin de Corse» (Корсиканский жасмин), Ольга — «Rose Tee» (Чайная роза). Мария то и дело меняла духи, но в конечном счете остановилась на «Сирени», а неизменными духами Анастасии стала «Фиалка»[97].

Начавшееся в октябре 1894 г. царствование Николая II немедленно пополнило список поставщиков высочайшего двора новыми портными. Из иностранцев появились только два новичка: фирма «Дэвис и сын» (с 1895 г., Лондон) и фирма портного Редферна (с 1895 г., Париж). При этом следует учесть, что все остальные иностранные портные, вошедшие в список с начала 1860-х гг., продолжали выполнять заказы российского императорского двора.

Особенностью этого периода стало появление собственных списков поставщиков у вдовствующей и у царствующей императриц. Так, в списке вдовствующей императрицы Марии Федоровны к 1915 г. насчитывались четверо портных: Радферн (с 1895 г., Лондон; видимо, у этого мастера были мастерские в Лондоне и Париже); дамский портной Павел Китаев (с 1903 г.) и Рене Бризак, как «преемник французского гражданина Альбера Бризак» (с 1914 г., Петроград).

В списке царствующей императрицы Александры Федоровны упомянуты пятеро портных. Первой петербургской портнихой Александры Федоровны стала в 1902 г. некая Морэн-Блосье. В 1907 г. дамский портной Михайлов пополнил личный список императрицы. Примечательно, что у

двух императриц некоторые портные были общими. Так, Павел Китаев, автоматически[98] унаследовавший звание придворного поставщика от своего учителя Ильи Крылова (поставщик с 1878 г.), одновременно вошел в списки обеих императриц в 1903 г. Его мастерская была расположена на Невском проспекте, 68/40, около Аничкова моста.

В мае 1896 г. в Москве состоялась коронация Николая II. В Успенском соборе Московского Кремля на помосте были установлены три трона. Два из них предназначались для вдовствующей и действующей императриц. Для них важной частью подготовки торжеств было шитье парадных платьев для церемонии коронации. Окружение ревниво следило за подготовкой торжественных одеяний императриц.

Платье вдовствующей императрицы Марии Федоровны обошлось в 4040 рублей. Эта сумма включала в себя покупку материала из «серебряной грани», изготовленного на ткацкой фабрике поставщиков императорского двора Сапожниковых (855 рублей). Основная сумма была уплачена за художественную вышивку этой ткани, сделанную в мастерской мадам Залеман (3000 рублей). Шитье самого платья стало самой дешевой позицией (185 рублей). Платье сшила «мастерица Иванова».

Коронационное платье императрицы Александры Федоровны обошлось в 5857 рублей. Примечательно, что эскизы коронационного платья для императрицы готовили и признанные модельеры, и дилетанты. Отвечала за этот «участок работы» фрейлина М. Н. Ермолова, которая представила Александре Федоровне на выбор четыре проекта рисунка платья. Николай II и Александра Федоровна выбрали проект самой фрейлины Ермоловой, составленный по мотивам, взятым в древней ризнице Новоспасского Московского монастыря. Фрейлине-дилетантке за удачный эскиз было уплачено 300 рублей. Окончательной прорисовкой эскиза, шитьем на бумаге и материи занималась госпожа Тейхарт (200 рублей). Материал купили на московской фабрике Сапожниковых (747 рублей). По традиции ткань была с «серебряной гранью» и очень тяжелая. С учетом того, что церемония коронации была очень продолжительной и проходила в переполненном Успенском соборе, а у Александры Федоровны болели ноги, то Сапожни-

ковым поставили задачу изготовить «облегченную» ткань. Они успешно справились с задачей, но заказчикам это стоило денег. Вышивку ткани делали монахини Ивановского монастыря в Москве (4000 рублей). Платье шила самая известная мастерица, специализировавшаяся по парадным платьям, госпожа Бульбенкова (фирма «M-me Olga»). Шитье обошлось в 610 рублей[99]. После коронации мундир Николая II и платье Александры Федоровны были сданы в Оружейную палату.

Со временем у императрицы Александры Федоровны сложился круг собственных модельеров. Из них императрица Александра Федоровна предпочитала вещи «от Бризака». Модный дом, основанный французским гражданином Бризаком, также значился в списках обеих императриц. В 1914 г. торговый дом возглавил Рене Бризак, подтвердив звание придворного поставщика.

Имя Альбера Бризака, или, как его называли в России, Августа Лазаревича, было широко известно в конце XIX — начале XX в. В своих воспоминаниях последний хозяин фирмы Рене Бризак упоминал, что родился в 1885 г. в Петербурге. За несколько лет до этого его «дедушка и бабушка основали в этом городе крупный дом моделей». К 1885 г. у руля фирмы стояли уже родители Рене — Альбер Бризак и его жена. Уже в 1880-х гг. среди клиентов торгового дома «Альбер Бризак» были «ее императорское величество императрица Мария Федоровна, супруга царя Александра III, и вся императорская семья. Позднее клиенткой дома стала ее императорское величество императрица Александра Федоровна, супруга царя Николая II, а также их четыре дочери, великие княжны: Мария, Ольга, Татьяна и Анастасия… Вся одежда, начиная от матросок, которые носили маленькие великие княжны, до платьев и манто, которые они носили, будучи молодыми девушками, выпускалась домом А. Бризак»[100].

Следует отметить, что не только Альбер Бризак выполнял обязанности главного дизайнера-модельера фирмы. Судя по воспоминаниям А. А. Вырубовой, в семейной фирме активно работала и его жена. Более того, А. А. Вырубова прямо упомянула, что у женской половины семьи Николая II портнихой была именно m-me Brizaak. Талантливая женщина-мо-

дельер создавала такие фасоны, которые позже дали основания мемуаристам упомянуть, что женская половина семьи Николая II одевалась просто, но со вкусом[101]. Рене Бризак также упоминал, что «императрица очень любила мою мать, она относилась к ней с большим доверием и часто советовалась с ней относительно своих детей»[102].

Это действительно было так. Императрица Александра Федоровна внимательно следила за внешним видом своих дочерей, и костюмы им шили те же портные, что и самой императрице. Как правило, костюмы заказывались одного и того же покроя для всех четырех дочерей. Или два парных костюма для старших девочек — Ольги и Татьяны и два одинаковых для младших — Марии и Анастасии. Девочки по-разному относились к бесконечным примеркам. Например, великая княжна Татьяна очень любила наряды, и любое платье, даже самое простое, смотрелось на ней великолепно[103].

Мадам Бризак обшивала кроме императриц значительную часть состоятельных дам Петербурга. Так, в 1907 г., когда Лили Ден первый раз представлялась императрице Александре Федоровне, на ней было «простое белое платье от Брессак и шляпка, украшенная розами». Императрице наряд молодой девушки пришелся по вкусу[104].

Надо признать, что мадам Бризак прекрасно учитывала особенности психологии своих заказчиц, эксплуатируя их тщеславие. Поскольку всем великолепно было известно, что она одевает всех дам фамилии Романовых, она откровенно задирала цены. Одна из мемуаристок приводит следующий эпизод, описывая методы работы мадам Бризак: «Это была высокая смуглая женщина. Всякий раз, как она появлялась, чтобы проследить за примеркой, я указывала ей на дороговизну ее услуг. Бриссак сначала смотрела на меня с обиженным выражением лица, затем с заговорщицким видом шептала: «Прошу ваше императорское высочество никому не говорить об этом в Царском Селе, но для вас я сделаю скидку». Позднее Алики рассказывала мне о том, как она посетовала на чересчур высокие цены, на что мадам Бриссак ответила: «Прошу вас, ваше императорское величество, никому об этом не сообщать, но я всегда делаю скидку для вашего величества». Мы с Алики от души расхохотались! Вот старая пройдоха! Она так хорошо на

нас заработала, что могла жить на широкую ногу в собственном особняке в Петербурге»[105].

Следует отметить, что при заказе каждого нового платья Александра Федоровна всегда интересовалась его ценой и даже сетовала на дороговизну. Это не было крохоборством, это была привычка, впитанная со времен небогатого детства и закрепленная при английском пуританском дворе королевы Виктории. Ближайшая подруга императрицы писала, что, «воспитанная при небольшом дворе, государыня знала цену деньгам и потому была бережлива. Платья и обувь переходили от старших великих княжон к младшим»[106]. Как это ни удивительно, царские дочери в буквальном смысле донашивали одежду друг за другом. Это мемуарное свидетельство подтверждают и счета портных, которые перешивали детскую одежду.

Магазин торгового дома «А. Бризак» входил в неофициальный список «статусных» магазинов, которые могли лично посещать члены императорской семьи. Однако хозяева магазина должны были неукоснительно выполнять определенные требования, связанные с тем, что их покупатели входили в число охраняемых лиц. Например, предприниматели должны были заблаговременно оповещать полицию о намерении царственных покупателей посетить магазин. В связи с этим Р. Бризак писал: «Я очень хорошо помню о штрафе, который был наложен на моего бедного отца полицией в тот день, когда великая княжна Ольга, сестра императора, неожиданно приехала в магазин, застав врасплох мою бедную мать, чтобы посмотреть новые модели, прибывшие накануне из Парижа. Мой бедный отец просто забыл проинформировать полицейский пост квартала. И только благодаря вмешательству великой княжны Ольги этот штраф никогда не был оплачен»[107].

В 1901 г. Рене Бризак, окончив школу, занялся делами, далекими от семейного бизнеса. Работал подмастерьем в фирме «Центральные электросети», индустриальным дизайнером на металлургическом заводе Лесснера, который одним из первых в России начал изготавливать автомобильные шасси.

В 1906 г. в Шато де Вилар в местечке Сен-Марселин во Франции скончался дедушка Рене, который заложил в Петербурге фундамент семейного бизнеса. В 1908 г. там же скончалась и его бабушка. К началу 1914 г. в

торговом доме сменилось руководство. Альбер Бризак и его жена передали семейное дело сыну Рене, который в 1914 г. был включен в список как поставщик обеих императриц. Затем Альбер Бризак с женой уехали из России, но, когда они оказались в Германии, началась Первая мировая война. Бросив все вещи, они бежали из Германии в Швейцарию. После начала Первой мировой войны французский гражданин Рене Бризак отправился во Францию, где принял участие в боевых действиях. Уезжая в августе 1914 г., он оставил во главе торгового дома «А. Бризак» свою жену. Осенью 1914 г. с большим трудом хозяева фирмы — чета Бризак через Англию, Норвегию, Швецию и Финляндию вернулись в Россию. Старые Бризаки были вынуждены вновь возглавить семейное дело. В конце 1914 г. «госпожа В. Бризак» пожертвовала 400 рублей на склад вещей, организованный императрицей Александрой Федоровной в Зимнем дворце[108].

В декабре 1916 г. Рене Бризак получил телеграмму от матери из Санкт-Петербурга о том, что скончался его отец — знаменитый модельер Альбер Бризак. Рене немедленно отправился из Франции в Россию. Надо отметить, что семейство Бризаков было известно не только в России, но и во Франции. Так, в 1916 г. кузен Рене — Марк Бризак являлся главой правительства и министром авиации Франции. Другой кузен — Жюль Бризак был руководителем органов общественной благотворительности.

Вернувшегося в Петроград Рене Бризака в феврале 1917 г. приняла императрица Александра Федоровна. Принимала она его не как главу дома высокой моды «А. Бризак», а как представителя союзной Франции. После того как Рене Бризак прибыл в Александровский дворец, его проводили в маленький зал на первом этаже[109]. В этот день Бризак был единственным, кого принимала императрица. Императрица встретила Рене Бризака очень тепло, благословив и поцеловав в лоб. Но разговор между собеседниками так и не коснулся актуальных тенденций женской моды. Заботы были иные. После расспросов о семье императрица начала расспрашивать Бризака о настроении во французской армии, интересовалась его мнением о сроках окончания войны. Видимо, это был один из последних приемов Александры Федоровны накануне Февральской революции 1917 г.

После Февральской революции 1917 г. Бризаки начали постепенно сворачивать семейный бизнес в Петрограде. Они не видели перспектив для развития бизнеса в России, в которой более сорока лет проработали три поколения их семьи. Для такого пессимизма были все основания. Весной 1917 г. торговый дом «А. Бризак» возглавил уполномоченный Петросовета, их лучший закройщик, работавший в фирме с 1899 г. Все счета фирмы были заблокированы, и распоряжаться ими Рене Бризак мог только с санкции бывшего закройщика. Бризакам было категорически запрещено переводить деньги в заграничные страны и отправлять туда свой товар. Таким образом, уже весной 1917 г. Бризаки перестали быть хозяевами своего дела. Фактически это был конец одного из известнейших домов мод в России.

В этой ситуации мать и сын Бризаки приняли решение об отъезде из России во Францию. Они попытались «отбить» часть своего имущества. И они добились своего! Рене Бризак подчеркивал, что это удалось осуществить только благодаря «доброжелательному содействию наших бывших служащих, преданного персонала, большинство которых видели меня еще с моего рождения». Условия сделки с новой властью были следующими: Бризаки оставляли персоналу торгового дома всю недвижимость, нажитую за сорок лет жизни в России, включая все товары дома моделей. В распоряжение служащих передавался склад с великолепными мехами — шиншиллами, соболями и горностаями. Также там оставались уникальная коллекция кружев, большое количество тканей, среди которых были многочисленные отрезы прекрасных лионских броше, которые заказывались для придворных выездов и для пошива стильных платьев. Кроме того, Бризаки обязывались выплатить авансом каждому из рабочих и служащих торгового дома, а их насчитывалось в 1917 г. около двухсот человек, полностью годовую зарплату. На этих условиях Бризакам позволили вывезти все личные драгоценности и сумму в десять тысяч рублей, или двадцать пять тысяч золотых франков.

В 1923 г. Рене Бризак, будучи в Финляндии, последний раз посетил Петроград. Он пробыл в городе только один день: «Имя Бризак было слишком известно в России, более полувека мы имели честь быть поставщиками императорской семьи, и очевидно, что это не могло понравиться Советской

власти»[110]. В 1930 г. умерла мать Рене Бризака, которая на протяжении многих лет была соратницей выдающегося модельера Альбера Бризака. Она похоронена в Париже на кладбище Монпарнас.

Наряду с Бризаками всем придворным дамам было хорошо известно имя модельера Ольги Николаевны Бульбенковой (1835–1918). Она стала создательницей модной мастерской, специализировавшейся на шитье роскошных придворных платьев. Поскольку так называемое русское придворное платье предполагало золотое шитье, ширина которого зависела от положения дамы в придворной иерархии, то золотошвейные работы исполнялись в мастерской И. А. Васильева, расположенной на Екатерининском канале. Золотое шитье на придворных платьях, предназначенных для царской семьи, исполнялось в московском Новодевичьем монастыре. В начале XX в. делами практически руководила ее племянница — Ариадна Константиновна Виллим (1890–1976).

Следует отметить, что шитое золотом женское придворное платье как важный элемент дворцовой формы появилось при Николае I, в начале 1830-х гг. 27 ноября 1833 г. А. С. Пушкин отметил в дневнике: «…осуждают очень дамские мундиры — бархатные, шитые золотом — особенно в наше время, бедное и бедственное»[111]. В 1834 г. женская «придворная форма» была подробнейшим образом регламентирована в Своде законов Российской империи: «Штатс-дамам и камер-фрейлинам: верхнее платье бархатное зеленое, с золотым шитьем по хвосту и борту, одинаковым с шитьем парадных мундиров придворных чинов. Юбка белая из материи, какой кто пожелает, с таким же золотым шитьем вокруг и на переди юбки. Наставницам великих княжон: верхнее платье бархатное синего цвета; юбка белая; шитье золотое того же узора. Фрейлинам ее величества: верхнее платье бархатное пунцового цвета; юбка белая; шитье то же, как сказано выше. Фрейлинам великой княгини: платье и юбка, как у фрейлин ее величества; но с серебряным придворным шитьем. Фрейлинам великих княжон: платье бархатное светло-синего цвета; юбка белая; шитье золотое, того же узора. Гофмейстринам при фрейлинах: верхнее платье бархатное малинового цвета; юбка белая; шитье золотое. Приезжающим ко двору городским дамам

предоставляется иметь платья различных цветов; с различным шитьем, кроме, однако ж, узора шитья, назначенного для придворных дам. Что же касается до покроя платьев, то оный должны иметь все по одному образцу, как на рисунке показано.

Всем вообще дамам, как придворным, так и приезжающим ко двору, иметь повойник или кокошник произвольного цвета, с белым вуалем, а девицам — повязку равным образом произвольного цвета и также с вуалем»[112].

Эту нишу, связанную с изготовлением шитых золотом придворных платьев, и занимала модельер Ольга Бульбенкова.

Наряду с Бризаками и Бульбенковой императрица Александра Федоровна безоговорочно доверяла вкусу модельера Надежды Ламановой. Именно в ее мастерской исполнялась большая часть костюмов по заказу российского императорского двора и аристократии.

Надежда Петровна Ламанова (1861–1941) родилась 14 декабря 1861 г. в русской провинции, в деревне Шутилово Нижегородской губернии. Отец — Петр Михайлович Ламанов — был потомственный дворянин из обедневшего рода. Семья находилась на грани разорения, когда двадцатилетняя Надя после окончания курса местной гимназии уехала из родительского дома в Москву, чтобы самостоятельно зарабатывать на жизнь. Проучившись два года в школе кройки О. Суворовой, в 1879 г. она перешла на самостоятельную работу — закройщицей в известную мастерскую Войткевичей.

В 1885 г. Н. П. Ламанова открывала в Москве свое дело, а уже через два-три года ее мастерская приобрела широкую известность в среде живописцев, актеров, режиссеров. После открытия собственной мастерской и первых признаний ее таланта Надежда Петровна продолжала учиться — теперь в Париже — у известных в Европе модельеров. Несколько позднее произошло знакомство с выдающимся французским кутюрье Полем Пуаре, перешедшее затем в длительную творческую дружбу.

В этот период Надежда Петровна создала серии блистательных придворных туалетов, подлинных шедевров. Эти вещи красноречиво говорят о том, что их творец — художник высочайшего класса, обладающий при этом оригинальным русским почерком.

В 1901 г. К. С. Станиславский пригласил Ламанову в Московский художественный театр. Она трудилась в костюмерной мастерской практически сорок лет — до последних дней своей жизни. Под руководством Надежды Петровны «работались» костюмы для всех спектаклей театра. Круг друзей художницы к этому времени расширился. Среди близких ей людей были В. И. Мухина, М. Горький, М. Ф. Андреева, В. А. Серов. Кисти последнего принадлежит портрет Надежды Петровны, написанный в 1911 г.

Говоря об основных тенденциях моды конца XIX в., следует иметь в виду, что после всемирной выставки в Париже на смену «историзму» пришел стиль модерн. Бальные платья начала XX в. являются одной из многочисленных граней этого изящного стиля. Силуэт их определял особой конструкции корсет, придававший фигуре S-образный изгиб, подчеркиваемый лифом с напуском и юбкой, плотно облегающей бедра и веером распускающейся к полу. В этом силуэте нашел выражение эстетический идеал стиля модерн с его тяготением к волнистым формам и текучим линиям. Шили эти платья из мягких пластичных струящихся тканей светлых пастельных тонов: дымчатого, серебристо-серого, палевого и т. д. Часто использовался принцип многослойности: шифон, газ и тюль, положенные на атлас или парчу, приглушали блеск этих тканей, заставляя мерцать в зависимости от освещения, создавая особый декоративный эффект. Подлинным воплощением стиля является и декор костюмов. Он многообразен по решению: вышивка блестками, бисером и синелью с характерным для модерна использованием в орнаменте стилизованных растительных мотивов. Широко использовались кружева[113].

В первом десятилетии XX в. с костюмом стали происходить дальнейшие трансформации, но при этом сохранялись стилевые доминанты модерна. Так, более стройным стал силуэт, исчез корсет, сильно стягивавший фигуру. Одной из особенностей моды стало соединение тяжелых тканей — бархата, парчи, атласа с полупрозрачным воздушным газом, шифоном и тюлем. Своего апогея достигло великолепие декора нарядных туалетов. Часто платье из тонких, воздушных тканей украшала тяжелая вышивка стеклярусом, металлической нитью, мехом.

Дошедшие до нас платья Александры Федоровны дают возможность составить представление о вкусовых пристрастиях императрицы. Близкие к ней мемуаристки подчеркивали, что «одевалась она очень хорошо, но не экстравагантно. Она подбирала наряды к своему типу внешности и ненавидела крайности моды»[114]. Дома императрица любила носить блузки с юбкой. Этот женский взгляд на императрицу, вероятно, более точен, чем мужской, утверждавший, что «женская суетность была ей абсолютно чужда; например, нарядами она вовсе не интересовалась»[115]. Что касается отношения к экстравагантности в одежде, известно, что императрица категорически не воспринимала «последний крик моды» — узкие юбки.

Любимыми цветами императрицы были голубой, лиловый, сиреневый, белый, серый и светло-розовый[116]. Александра Федоровна предпочитала длинные ниспадающие широкими складками платья, в которых выглядела очень привлекательно[117]. Большая часть этих платьев была сшита в ателье Альбера Бризака, Ольги Бульбенковой и Надежды Ламановой.

У императрицы имелись предпочтения и в обуви, ей больше импонировала обувь с длинным заостренным носком. Александра Федоровна обычно носила замшевые золотистого или белого цвета туфельки. Атласные туфли она не надевала никогда[118].

Что касается ювелирных украшений, то императрица, как всякая женщина «с возможностями», их весьма высоко ценила и прекрасно разбиралась в качестве ювелирных изделий. По свидетельству мемуаристки, «перстни и браслеты она действительно любила и всегда носила перстень с крупной жемчужиной, а также крест, усыпанный драгоценными камнями»[119].

В соответствии с программой очередного дня Александра Федоровна сама составляла список вещей, которые она предполагала надеть на следующий день. Так называемые комнатные девушки Александры Федоровны тщательно готовили одежду, выкладывая ее в гардеробной. У прислуги в распоряжении были электроутюги и гладильные доски, а в списке поставщиков значились специалисты по чистке и покраске одежды. Кроме того, вся одежда императорской семьи стиралась только в механической прачечной Аничкова дворца. Одевалась императрица сама, без посторонней помощи.

Хранению одежды и белья в Александровском дворце Царского Села, который с 1905 по 1917 г. являлся постоянной жилой резиденцией российского императора, уделялось самое пристальное внимание. На первом этаже дворца, на царской половине, располагалась комната дежурного гардеробщика Александры Федоровны (комната № 60), неподалеку находилась гардеробная Николая II (комната № 66). В этих помещениях в дубовых шкафах хранились повседневные вещи императорской четы.

На втором этаже, в коридоре, рядом с комнатами цесаревича Алексея, в ясеневых шкафах хранились военные мундиры и фуражки цесаревича. На этом же этаже, вдоль коридора великих княжон, в ясеневых шкафах держали костюмы кормилиц детей Николая II (шкаф № 1); «русские»[120] платья княжон (№ 2); пальто и меха (№ 3); платья, головные уборы и перчатки княжон (№ 4); шляпы, шарфы, зонтики и трости (№ 5); подушки и прочие подношения княжнам (№ 6); саше, носовые платки, воротнички, полотенца, накидки и прочие подношения в виде русских кустарных кружев (№ 7). Хранились даже ленты (!) от подносившихся букетов, которые занимали целый шкаф (№ 8). В десятом шкафу хранились японские костюмы, поднесенные княжнам. В одиннадцатом — одеяла и накидки, поднесенные княжнам, детские костюмы, шапочки, трости, пояски и прочие вещи наследника Алексея. В этом же коридоре (у стены, справа) стояли сундуки, в которых перевозились вещи княжон во время путешествий. Шкафы для хранения одежды располагались и в комнатах великих княжон. Например, в уборной великих княжон (комната № 9) в шкафах хранились русские маскарадные костюмы (боярыни и кучера), традиционные маскарадные костюмы (маркизы и пьеро) и национальные костюмы. В этом же шкафу находились костюмы сестер милосердия, которые почти постоянно носили девочки с осени 1914 г. Там же были и мемориальные вещи — военный сюртук времен Александра I[121].

В комнатах антресольного этажа, располагавшихся между первым и вторым этажами, хранились основные «стратегические» запасы царской одежды. В гардеробной Александры Федоровны (комната № 1) в дубовых шкафах находились платья, сшитые в мастерских А. Бризака и Н. Ламано-

вой. В ясеневых шкафах на площадке деревянной лестницы — зонты, веера и шляпы Александры Федоровны, в том числе изготовленные в мастерской поставщика высочайшего двора Бертрана. В гардеробной Николая II (комната № 2) кроме обычных дубовых шкафов для одежды присутствовали еще и металлические чемоданы-кофры, которые использовались для перевозки одежды царя во время заграничных вояжей. В комнате № 3 на антресолях хранились меховые вещи Александры Федоровны. В этой же комнате находилась дежурная портниха, на случай каких-либо срочных переделок.

Поскольку у Николая II было огромное количество мундиров различных полков русской и иностранных армий, то для них выделялась еще одна комната (№ 4), в которой жил камердинер царя. Там, перед комнатой, в ясеневых шкафах хранились костюмы, мундиры и белье императора. В комнате гардеробщика (№ 5) также стояли шкафы с военным обмундированием. В сундуках лежало белье. Примечательно, что в комнате гардеробщика находился мужской манекен царя, который видимо, постоянно использовался портными, для того чтобы освободить царя от примерок. Можно добавить также, что после того как в начале 1920-х гг. в Александровском дворце была развернута выставка, посвященная повседневной жизни царской семьи, в 1922 г. из гардеробов Зимнего дворца в Царское Село отправили комплекты одежды дворцовой прислуги. На черно-белых фотографиях 1920-х гг. хорошо видны манекены арапов, лакеев и скороходов, одетых в свои роскошные мундиры.

К сожалению, о других портных-поставщиках мы знаем значительно меньше. Из российских портных царствования Николая II можно упомянуть Ивана Вагина (поставщик с 1895 г.); Евдокию Иванову (с 1898 г.); Александру Трофимову (с 1898 г.).

Среди персонала, обслуживавшего российских императоров, были и весьма узкие специалисты. Так, двум российским императорам — Александру III и Николаю II с 1881 г. стирала и «ремонтировала» рубашки некая Клара Г. Коиффевр. Она же вышивала монограммы на рубашках и стирала царские носки. Буквально. При случае почтенная Клара занималась и ночными сорочками императрицы Александры Федоровны. Царская семья была

действительно экономной, поскольку на рубашках «ремонтировались» не только воротнички, но и рукава.

Надо отметить, что расценки были весьма высокие. Так, только в мае 1903 г. прачка заработала «на носках» — 104 рубля 40 копеек. 2 мая стирка шести женских сорочек — 51 рубль; 6 мая вышивка шести монограмм «под короной» — 6 рублей. К 13 мая прачка выполнила следующие работы: перешила воротники на 17 рубашках за 17 рублей; «поправила» шесть эполет за 4 рубля 50 копеек; постирала 17 рубашек за 8 рублей 50 копеек; в этот же день постирала шесть черных подтяжек за 9 рублей, а также выстирала 36 носков за 5 рублей 40 копеек. Все это было привезено во дворец, с оплатой транспортных расходов в сумме 3 рубля. В июне все было скромнее: перешиты рукава восьми рубашек (8 рублей); заштопаны четыре рубашки (6 рублей); постираны восемь рубашек (2 рубля 80 копеек) и четыре пары черных подтяжек (7 рублей). Перевозка рубашек в Петергоф — 3 рубля.

У поставщиков императорского двора приобретались также шляпы и перчатки. Для Николая II на протяжении 1903 г. несколько раз заказывались перчатки «у Моррисона» на общую сумму 222 рубля 30 копеек. Поставщик императорского двора с 1872 г. Фабрицио Бруно (фирма «Братья Бруно») заработал в 1903 г. на царских заказах только 36 рублей, продав шелковый цилиндр за 16 рублей и мягкую шляпу за 12 рублей, взяв 8 рублей за доставку.

Императоры верхом

Говоря о внешнем облике российских императоров, следует также упомянуть и о такой особенности, как их навыки и умение держаться на лошади. Следует иметь в виду, что первый памятник российской монументальной скульптуры — «Медный всадник» Этьена Фальконе увековечил Петра I верхом. Это было данью европейской традиции. Конный памятник первому лицу — это неотъемлемый атрибут европейской художественной традиции. Все мы помним памятник Николаю I на Исаакиевской площади работы Э. Монферрана и барона Клодта. Николай I действительно был

прекрасным наездником и легко управлялся с лошадьми, верхом на которых прошла значительная часть его жизни.

Что касается его сына Александра II, то современники весьма критично оценивали его навыки наездника. При этом следует иметь в виду, что первые лошадки-пони у царских детей появлялись в 3–4 года, а систематически учить верховой езде их начинали с 7 лет. Тем не менее мемуарист утверждает, что «государь Александр II ездил неважно, постоянно шпоря лошадь, когда она стояла на месте, и не замечая того»[122]. Возможно, скульпторы учитывали это, поскольку на конном памятнике Александру II, сооруженном в Софии, император спокойно сидит на спокойной лошади, без всяких акробатических упражнений. В России преобладали его «пешие» памятники.

Александр III тоже был плохим кавалеристом. Это во многом связано с весом императора, которому требовались лошади-тяжеловесы. Доброжелательно относящийся к Александру III граф С. Д. Шереметев писал о царе: «Ездок он был плохой и вообще не охотник до верховой езды. Кавалерийской жилки у него не было, и это ставилось ему многими в упрек»[123]. Тем не менее самым известным памятником царю так и остался конный памятник работы Паоло Трубецкого. В результате конкурса вариант Трубецкого выбрала сама вдовствующая императрица Мария Федоровна. Памятник этот воспринимался публикой очень по-разному. Либеральная интеллигенция считала его пародией на российское самодержавие. Монархисты видели в нем символ незыблемости российский монархии. Споры об этом памятнике не утихают по сей день.

Самой лихой кавалеристкой среди российских императриц считалась императрица Мария Федоровна, жена Александра III. Граф С. Д. Шереметев упоминал, что «цесаревна наслаждалась верхом, скакала через рвы и канавы, брала препятствия, с трудом за нею угонялись»[124]. Дочь императрицы писала: «Мама… обожала лошадей, но папа их терпеть не мог»[125].

На акварелях придворного художника М. Зичи запечатлено несколько сюжетов участия цесаревны Марии Федоровны в лихих псовых охотах. При этом иконография остальных императриц XIX в. почти совершенно исключает сюжеты, изображающие их сидящими верхом. Есть единственная

картина О. Верне, посвященная Царскосельской карусели 1842 г. На этой картине изображена императрица Александра Федоровна в средневековых одеждах, спокойно сидящая верхом в дамском седле.

Николай II был хорошим кавалеристом. Он уверенно держался в седле, но при этом верховую езду не любил[126]. Поэтому когда у царя появилась возможность, он с удовольствием поменял лошадь на автомобиль. К концу своего правления Николай II, даже принимая парады, объезжал строй полков в автомобиле. Тем не менее во время особо торжественных случаев Николая II старались «усадить» на лошадь. Это делало императора более солидным. Дело в том что рост в 168 сантиметров не добавлял царю представительности. Кроме того, у него была непропорциональная фигура — короткие ноги при длинном туловище. Лошадь и седло скрывали эти недостатки царя, представляя его подданным в требуемом величии. Удивительно, но и императрица Александра Федоровна иногда садилась на лошадь. В мае 1906 г. Николай II записал в дневнике: «Аликс ездила верхом».

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В СЕМЬЕ

Семья традиционно занимает важное место в жизни любого мужчины. Так было и при российском императорском дворе. Но при этом в обыденном сознании всегда бытовало представление, что «жениться по любви» на императорском уровне невозможно. Отчасти это действительно так, тем не менее практически в течение всего XIX в. браки при российском императорском дворе заключались именно по любви[127].

Для подбора невест молодым великим князьям к началу XIX в. сложилась определенная методика. Как правило, русских великих князей по завершении образования отправляли в европейские турне, основной задачей которых был подбор невесты среди многочисленных немецких принцесс. При этом конкретные кандидатуры цесаревичам не навязывались. Просто маршрут их путешествия по Европе планировался так, чтобы у цесаревича была возможность увидеть всех потенциальных невест. Опытные дипломаты тактично подводили невест, «согласованных на всех уровнях», к российским женихам.

Традиция женитьбы на иностранках была заложена Петром I, который женил своего сына Алексея на немецкой принцессе и выдал своих сводных

племянниц Анну и Екатерину за герцогов Курляндии и Мекленбурга. С этого времени именно немки возглавили список невест на российском брачном рынке. За весь XIX в. только одна российская императрица была датчанкой, все остальные являлись именно немками, как и подавляющее число жен великих князей. Немки отвечали многим практическим соображениям.

Екатерина II

Во-первых, протестантки легко меняли вероисповедание, принимая накануне замужества православие. На рубеже XVIII–XIX вв. была сделана единственная попытка породниться с католическим домом Габсбургов через замужество одной из дочерей Павла I. Этот брак был во многом обусловлен популярными тогда идеями сближения католической и православной церквей, что отчасти проявилось и в том, что Павел I стал гроссмейстером католического Мальтийского ордена. После этого русских великих княжон за католиков не выдавали.

Во-вторых, воспитанные в бедных семьях, они были домовитыми женами, которые рачительно вели хозяйство императорской или великокняжеской семьи.

В-третьих, приехав в Россию, немки не тащили за собой родню, но при этом вводили своих русских мужей в круг самой родовитой европейской аристократии. Таким образом, в браках с немецкими невестами было больше плюсов, чем минусов.

Брак Александра I был далек от идеала даже для того весьма свободного времени. Екатерина II начала подыскивать невесту любимому внуку с 1790 г., когда ему исполнилось еще только 13 лет. Выбор был сделан именно Екатериной II. Из множества кандидаток она выбрала дочь маркграфа Ба-

денского — Луизу-Марию-Августу. Окончательно вопрос решился, когда потенциальная невеста в октябре 1792 г. прибыла в Петербург. Великому князю Александру Павловичу, которому на тот момент было 15 лет, 13-летняя девочка-невеста понравилась. 9 мая 1793 г. состоялось миропомазание 14-летней принцессы Луизы, которую нарекли великой княжной Елизаветой Алексеевной. 10 мая последовало обручение с великим князем Александром Павловичем, а 28 сентября 1793 г. — бракосочетание.

Когда молодые повзрослели, они осознали, насколько далеки они друг от друга… Все внешние формы брачных отношений были соблюдены, но супружеских отношений фактически не существовало. Тем не менее у Елизаветы Алексеевны родились две дочери — Мария (1799–1800) и Елизавета (1806–1808). При этом можно с большой долей уверенности утверждать, что вторая дочь императрицы родилась от связи с конногвардейцем Охотниковым. У Елизаветы Алексеевны при родах второй дочери возникли осложнения, которые сделали ее бесплодной. Александр Павлович знал об этой связи, но закрывал на нее глаза, поскольку сам жил на две семьи.

Мемуаристы упоминают о многочисленных любовных связях Александра I, некоторые из них были мимолетными (актриса Фаллие, мадам Шевалье, девица Жорж, фрейлина В. И. Туркестанова), а другие продолжались годами. Его фактической женой стала одна из первых красавиц петербургского света М. А. Нарышкина (урожденная княжна Четвертинская), которая родила царю троих детей. Двое из них умерли в раннем детстве, а Софья — в 1824 г.[128] При этом прекрасная полячка М. А. Нарышкина являлась женой обер-егермейстера Д. Л. Нарышкина. Один из современников писал об Александре I: «Государь любил общество женщин, вообще, он занимался ими и выражал им рыцарское почтение, исполненное изящества и милости»[129].

Не сложилась семейная жизнь и у второго сына Павла I — великого князя Константина Павловича. В феврале 1796 г. его женили на саксен-кобургской принцессе Юлиане-Генриетте-Ульрике, при миропомазании нареченной великой княгиней Анной Федоровной. Этот брак был бездетен, что дало формальные основания для развода в марте 1820 г. Уже в мае 1820 г. 41-летний Константин Павлович сочетался вторым, морганатическим бра-

ком с 25-летней полячкой Иоанной Грудзинской, получившей после того титул светлейшей княгини Лович.

Старшие братья, испытавшие все трудности непростых отношений с женами, искренне желали счастья младшему брату и поэтому не давили на него. Брак будущего Николая I, конечно, готовился заранее. Вопрос о браке с прусской принцессой Шарлоттой-Фредерикой-Луизой-Вильгельминой обсуждался в семье еще в 1808–1809 гг., когда Николаю было только 15 лет. Окончательно вопрос был решен в 1813 г., когда Александр I увидел принцессу в Силезии. Однако последнее слово оставалось за женихом.

С династической и дипломатической точек зрения этот брак был выгоден и Пруссии, и России. После разгрома Наполеона Россия наряду с Англией доминировала в Европе. Пруссия же, ослабленная наполеоновскими войнами, нуждалась в сильном союзнике. Поэтому прусский король Фридрих-Вильгельм одобрил возможность этого брака. Потенциальная невеста получила добротное образование, поскольку с ней занимались профессора Берлинского университета.

Впервые Николай Павлович увиделся с принцессой Шарлоттой 21 февраля 1814 г., когда прибыл в Берлин. Российского великого князя приняли в прусской королевской семье. Между молодыми (18 и 16 лет) возникла взаимная симпатия. После многочисленных согласований в октябре 1815 г. было объявлено о помолвке, но брак отложили до совершеннолетия молодых. Видимо, к этому решению подтолкнул печальный опыт Александра I.

В сентябре 1816 г. в Берлине состоялось обручение молодых по протестантскому обряду. В апреле 1817 г. Николай Павлович вернулся в Петербург. Вскоре принцесса Шарлотта с братом тоже выехали в Петербург. Наконец, в июне 1817 г. состоялась церемония обращения невесты в православие, которую нарекли Александрой Федоровной. На момент брака жениху шел 22-й, а невесте 20-й год. Церемония бракосочетания состоялась 1 июля 1817 г. в Большой церкви Зимнего дворца.

Это был брак по любви. Это был личный выбор великого князя, хотя и тщательно подготовленный старшим братом. На протяжении всей жизни Николай Павлович с трогательной внимательностью относился к своей су-

пруге — императрице Александре Федоровне. К ней он проявлял предельную заботу, окружая ее всей возможной пышностью. На половине императрицы в Зимнем дворце традиционно собиралась вся большая семья, центром которой была слабая и постоянно недомогавшая Александра Федоровна.

Примечательно, что с начала XIX в. загар в аристократической среде считался дурным тоном. В эпоху романтизма бледные, анемичные девушки (по моде того времени) уже в семнадцать лет были «разочарованы в жизни», прогуливаясь с томиком Байрона по аллеям загородных резиденций. Поэтому, когда в 1817 г. в Россию приехала принцесса Шарлотта, дамы высшего света буквально просканировали девушку и вынесли вердикт — слишком загорелая, как простолюдинка. Графиня Ливен сочла возможным заявить Шарлотте: «Вы очень загорели, я пришлю вам огуречной воды умыться вечером»[130].

В 1818 г. великая княгиня родила первого ребенка — будущего императора Александра II. В 1820 г. родился мертвый ребенок. Всего она родила Николаю Павловичу семерых детей, не считая мертворожденного. Конечно, это не могло не сказаться на состоянии здоровья еще молодой женщины.

Это стало одной из причин преждевременного старения и худобы Александры Федоровны. Она считалась крайне больной женщиной, испытывавшей периодические «припадки биения сердца». По этой причине императрица могла себе позволить принимать гостей полулежа. Врачи старались удалять императрицу из столицы на зиму, поэтому она регулярно выезжала на курорты за границу (в 1821, 1824, 1834, 1835, 1839, 1844–1845, 1852, 1856, 1859 гг.), где лечилась сывороткой и минеральными водами. Постоянными местами ее пребывания были модные климатические курорты в Спа, Эймсе, Крейте у подножия Альп. Зимы Александра Федоровна проводила в Неаполе, Палермо, Ницце, Шлангенбахе[131]. Современники отмечали, что императрица после событий декабря 1825 г. страдала конвульсивными подергиваниями головы.

Трогательное и внимательное отношение к жене не мешало бравому Николаю I заводить интрижки. Эти интрижки император называл «васильковыми дурачествами». Испытывал он и более сильные чувства. Так одна

из фрейлин его жены — В. А. Нелидова на протяжении многих лет была его негласной фавориткой. Но следует подчеркнуть, что свои несемейные увлечения Николай I тщательно скрывал, и все выглядело прилично.

Естественно, современников, особенно дам, крайне интересовали эти «васильковые дурачества». При этом они дружно отмечали, что «дурачества» занимали далеко не главное место в жизни императора, буквально заваленного многочисленными делами и скованного очень плотным рабочим графиком.

Так, даже весьма осведомленные дамы, с надежными «источниками информации» при дворе, задавались вопросом: «Когда же царь бывает у фрейлины Нелидовой? В 9-м часу после гулянья он пьет кофе, потом в 10-м сходит к императрице, там занимается, в час или 1.30 опять навещает ее, всех детей, больших и малых, и гуляет. В 4 часа садится кушать, в 6 гуляет, в 7 пьет чай со всей семьей, опять занимается, в десятого половину сходит в собрание, ужинает, гуляет в 11, около двенадцати ложиться почивать. Почивает с императрицей в одной кровати»[132].

Судя по всему, Варвара Аркадьевна Нелидова была больше другом царя, чем фавориткой, поэтому отношения Николая I и Нелидовой оставались непонятны окружающим, которые пытались уловить хотя бы намек на их «неформальность». Бывшая фрейлина императрицы, «черноокая Россети», говорила в своих воспоминаниях, что в марте 1845 г. «за ужином государь пожаловал за наш стол, между мной и Захаржевской; по ту сторону Захаржевской сидела Варинька Нелидова, которую государь всегда зовет Аркадьевна… Она очень умно себя ведет и очень прилично. Особенного не было говорено»[133].

Видимо, император Николай I считал придворный флирт неотъемлемой частью своей «работы». Конечно, его «маневры» весьма критично оценивались обойденными его вниманием современницами: «В Аничковом дворце танцевали всякую неделю в Белой гостиной: не приглашалось более ста персон. Государь занимался в особенности бар[онессой] Крюднер, но кокетствовал, как молоденькая бабенка, со всеми и радовался соперничеством Бутурлиной и Крюднер. Я была свободна как птица и смотрела на все

эти проделки как на театральное представление, не подозревая, что тут развивалось драматическое чувство зависти, ненависти, неудовлетворенной страсти, которая не переступала границ единственно оттого, что было сознание неискренности государя. Он еще тогда так любил свою жену, что пересказывал ей все разговоры с дамами, которых обнадеживал и словами, и взглядами, не всегда прилично красноречивыми»[134]. Этот приватный бал («не приглашалось более ста персон») состоялся в марте 1845 г., когда семейный стаж императорской четы составлял уже 28 лет, но при этом мемуаристка признает, что Николай I любил свою жену. Об этом же свидетельствует и диалог между мемуаристкой и баронессой А. П. Крюднер, наблюдавшими, как царь беседует с Е. М. Бутурлиной:

«…Вы ужинали, но последние почести сегодня для нее.

— Это странный человек, — сказала она, — нужно, однако, чтобы у этого был какой-нибудь результат, с ним до конца никогда не бывает, у него на это нет мужества; он придает странное значение верности. Все эти маневры с ней ничего не доказывают»[135].

Современники подчеркивали, что по отношению к дамам Николай Павлович придерживался тона «утонченной вежливости», что совершенно не мешало императору требовать от своих подданных строгого соблюдения правил придворного этикета.

Семья Александра II

Цесаревич Александр Николаевич любил женщин с молодых лет. И всю жизнь. Еще до женитьбы он пережил несколько обычных юношеских романов, на которые родители смотрели сквозь пальцы, считая их естественной данью возрасту. Так, в 15 лет он флиртовал с фрейлиной матери Натальей Николаевной Бороздиной, которая была старше его на два года.

Самым серьезным «добрачным» увлечением будущего Александра II стала прекрасная полячка, фрейлина его матери Ольга Калиновская. Роман начался в январе 1837 г. на так называемом китайском маскараде, на

котором Калиновская изображала первую придворную даму. Цесаревичу тогда было 19 лет.

Отношения между молодыми людьми, конечно, находились под пристальным «контролем» со стороны императрицы-матери Александры Федоровны и отца Николая Павловича. Естественно, эти отношения носили платонический характер, однако от этого в их юном возрасте были не менее пылкими.

После завершения образования в 1838 г. цесаревич отправился в Европу. К этому времени для него уже был составлен список потенциальных невест. По свидетельству младшей сестры цесаревича, «Саша уезжал с тяжелым сердцем. Он был влюблен в Ольгу Калиновскую и боялся, что за время его отсутствия ее выдадут замуж»[136].

Тем не менее чувство долга заставило цесаревича внимательно отнестись к подготовленному списку, и произошло то, что должно было произойти. Цесаревич Александр Николаевич обратил внимание на одну из немецких принцесс.

Во время большого ознакомительного тура по Европе в 1838–1839 гг. цесаревич Александр Николаевич остановился на одну ночь в Дармштадте. Эта незапланированная мимолетная остановка в марте 1839 г. в конечном итоге и решила его судьбу. Именно там он впервые увидел 15-летнюю дочь Дармштадтского герцога Людвига II — принцессу Максимилиану-Вильгельмину-Августу-Софию-Марию и заинтересовался ею. Между родителями молодой принцессы и российского цесаревича была достигнута договоренность о будущей помолвке.

Однако не все было так просто, и в этом проявился непоследовательный и слабый характер цесаревича. Дело в том что после возвращения из Германии в 1839 г. «его любовь к Ольге Калиновской снова разгорелась жарким пламенем. Несколько раз заявлял он о том, что из-за нее согласен отказаться от всего… Папа был очень недоволен слабостью Саши. Еще в марте он говорил о том, что согласен жениться на принцессе Дармштадтской, а теперь, после четырех месяцев, уже хотел порвать с нею. Это были тяжелые дни. Решили, что Ольга должна покинуть Двор»[137].

Николай I счел необходимым лично переговорить с фрейлиной, объяснив ей «в простых словах, что не только два сердца, но будущность целого государства поставлена на карту»[138]. В результате Ольга Калиновская была удалена от императорского двора и вскоре вышла замуж за графа Огинского.

Родителей это история совсем не радовала, хотя они понимали, что для 20-летнего юноши подобные увлечения совершенно нормальны. О том, насколько родители опасались «варианта Калиновской», говорит красноречивая реплика в письме Николая Павловича 1841 г.: «…его тоска по польке, чего оборони Боже!»[139]. Но родители не оказывали прямого давления на сына. Хотя в обыденном сознании Николай I считался солдафоном, в отношениях к своим детям он был бережен и довольно тонок.

После удаления фрейлины и нескольких тяжелых разговоров с отцом цесаревич Александр Николаевич весной 1840 г. уехал в Германию, где 4 марта в Дармштадте было объявлено о его помолвке. Летом цесаревич представил невесту родителям. 8 августа 1840 г. состоялся торжественный въезд гессенской принцессы в Санкт-Петербург. 5 декабря 1840 г. она приняла в православии имя Марии Александровны, а на другой день — 6 декабря 1840 г., в день именин Николая I, молодых обручили. Бракосочетание состоялось в апреле 1841 г.

Ровно через год после торжественного въезда Марии Александровны в Петербург Николай I вспомнил, скольких нервов ему стоило «дело Калиновской», поэтому в письме к генерал-адъютанту А. А. Кавелину от 8 августа 1841 г. Николай Павлович писал: «Не могла уйти от моих глаз его склонность к Ольге Калиновской; не обратив на сие больше внимания, чем следовало, я объяснил, однако, сыну, что сколь ни естественно в его летах предпочитать одно лицо женского пола другому, не должно, однако, давать волю мечтам или склонности, когда они не приличны ни по званию, ни по положению лиц»[140]. Хотелось бы отметить, что Николай I лично разрешил эту коллизию, поговорив и с сыном, и с Калиновской, и аргументы у него были весьма серьезные.

Примечательно, что многодетный отец Николай I очень по-доброму относился ко всем женам своих сыновей. Но особенно по-доброму он

относился к старшей невестке — великой княгине Марии Александровне: «Папа с радостью следил за проявлением силы этого молодого характера и восхищался способностью Мари владеть собой. Это, по его мнению, уравновешивало недостаток энергии в Саше, что его постоянно заботило»[141].

Семья цесаревича быстро увеличивалась. С 1842 по 1860 г. Мария Александровна родила восьмерых детей — двух девочек и шестерых мальчиков. Однако Александр II, «войдя в возраст», приобрел прочную репутацию «жизнелюба». Он всегда очень внимательно относился к женщинам, и в его жизни было множество мимолетных любовных приключений. По традиции, на «забавы» монарха смотрели сквозь пальцы, поскольку это также было одной из традиций императорского двора. На быстроменяющихся возлюбленных мужа Мария Александровна внешне старалась не реагировать.

На отношениях супружеской пары сказались и объективные обстоятельства. Императрица была болезненна и худа. Однако ситуация коренным образом изменилась в 1860 г. после рождения последнего ребенка — Павла Александровича. Врачи заявили, что следующая беременность убьет императрицу, и супружеские отношения между Александром II и Марией Александровной полностью прекратились[142].

После этого рядом с Александром II немедленно появилась новая пассия. Ею стала фрейлина императрицы — молоденькая княжна Екатерина Михайловна Долгорукая. То, что фрейлин использовали при дворе для адюльтеров, было привычным делом. Во второй половине XIX в. их заменили балерины. На фрейлинах, как и на балеринах, не женились. Но фрейлина Е. М. Долгорукая стала единственной, закончившей свою историю законным браком с императором. Эта была последняя любовь стареющего императора к женщине моложе его на 29 лет. Связь продолжалась 14 лет, и во второй семье императора Александра II родилось четверо детей.

Между тем, Александр II и Мария Александровна очень скромно отметили в 1866 г. свою серебряную свадьбу. Скромно потому, что едва закончился годичный траур по умершему старшему сыну. Это трагическое событие буквально сломило императрицу. В это время она постоянно носила глубокий траур. Ей было совершенно не до традиционных семейных тор-

жеств. Тем не менее Александр II 16 апреля подарил жене «кольцо, подобное обручальному, с цифрою XXV из бриллиантов и золотое пасхальное яичко с двойным числом помолвки и ее 25-летней годовщины; то же число было изображено на браслете с крупной жемчужиной и на портрете государя в полной парадной форме лейб-гвардии Преображенского полка (в этой форме он просил ее руки)». Были и другие подарки. Мария Александровна получила вазу из ляпис-лазури Петергофской гранильной фабрики, а каждому из детей досталось по пасхальному яйцу из твердого камня. Кроме этого, младшие сыновья, Сергей и Павел, получили «корзины с живыми мопсами для пополнения их коллекции»[143].

Были и неизбежные, но сведенные к минимуму торжественные публичные мероприятия. На семейное торжество прибыла сестра Александра II — королева Вюртембергская Ольга Николаевна. Из посторонних лиц на семейном торжестве был только князь А. И. Барятинский, приглашенный царем как его шафер на свадьбе 1841 г. 16 апреля 1866 г. к 11 часам утра в Зимнем дворце собрались все члены императорской фамилии, и великий князь Николай Николаевич (старший) от имени всего царского дома поднес императорской чете икону трех святителей, которую Александр II сам отнес в Малую церковь Зимнего дворца, где она и была помещена. Вслед за этим была обедня с благодарственным молебном. В 2 часа вся императорская фамилия поехала в Петропавловскую крепость, где была отслужена панихида по цесаревичу Николаю Александровичу. На этом завершились семейные торжества. Через два дня, 18 апреля 1866 г. в Николаевском зале Зимнего дворца состоялся большой бал на тысячу человек, которым, собственно, и закончились торжества в Петербурге[144].

К этому времени Александр II уже имел определенную репутацию среди прекрасной половины высшего света. Современники, которые подмечали мельчайшие нюансы в поведении императора (например, граф С. Д. Шереметев упоминал, что «всем было уже известно движение его руки, когда он вынимал носовой платок, и по этому движению судили о настроении его духа»[145]), отмечали, что, «не поддаваясь влиянию мужчин, Александр II имел необыкновенную слабость к женщинам. Близкие ему люди, искренно его

любившие, говорили, что в присутствии женщины он делается совершенно другим человеком»[146].

Несмотря на то что семья практически распалась и наличие второй семьи у Александра II было секретом полишинеля, на официальном уровне все было очень пристойно. Семейные юбилеи регулярно отмечались. Так, 13 марта 1874 г. в кругу близких было отмечено 35-летие первой встречи Александра II и Марии Александровны. На так называемом охотничьем ужине были розы и первая земляника[147]. В 1876 г. прошел еще один семейный юбилей, связанный с 35-летием со дня свадьбы Александра II и Марии Александровны. 16 апреля Александр II подарил жене браслет с большим диамантом, который можно было носить и как брошку. На браслете были выгравированы памятные даты «1841–1876». По этому случаю состоялся большой фамильный обед[148].

К этому времени «маленькая Катенька Долгорукая» давно и жестко держала гражданского мужа в своих руках. Александр II действительно любил свою «дусю», хотя уже хорошо представлял себе все ее недостатки. В 1868 г. он писал[149] своей Катеньке: «Я знаю мою гадкую шалунью до самого донышка и люблю мою дусю до безумия со всеми ее недостатками, как Бог ее сотворил».

Они любили друг друга. Об этом свидетельствует вся их переписка. У них был свой «язык». На своих фотографиях, подаренных Е. Долгорукой, Александр II на французском языке писал: «Твой отвратительный Мунька, который тебя обожает» (1868); «От твоего Муньки, который тебя любит больше, чем душу» (1878). Сама Долгорукая была не менее откровенна: «Я люблю тебя со страстью, как безумная… очутиться в твоих объятиях и забыть весь мир» (1868); «Итак, до сегодняшнего вечера, до ¾, и вопьемся, как кошки. Это то, к чему у меня ужасная страсть. Целую тебя всего страстно» (1870)[150].

Однако он был императором огромной страны, а она происходила из обедневшей княжеской семьи. Поэтому в любви Е. Долгорукой присутствовал и откровенный практицизм. Вся обширная переписка Е. Долгорукой и Александра II проникнута также беспокойством княжны за свое положение,

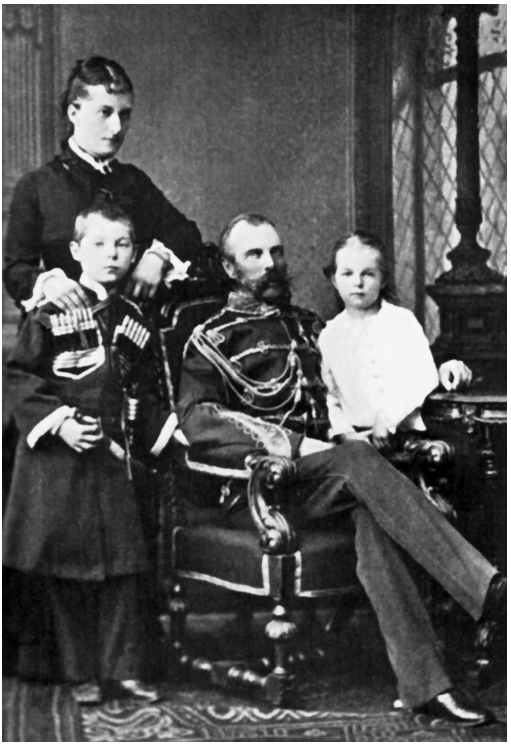
за будущее своих детей. Е. Долгорукая сделала так, что император в начале их связи поклялся перед иконой, что он женится на ней, когда станет «свободен». Долгорукая писала в мемуарах: «Он поклялся мне перед образом, что предан мне навсегда и что единственная его мечта — жениться на мне, если когда-нибудь он будет свободен». Александр II, как мог, успокаивал «дусю» и в завещании, составленном 8\20 сентября 1876 г., обеспечил ее и будущее их детей материально.

Александр II, не особенно скрываясь, жил на две семьи. Когда «официальная» царская семья переезжала в Царское Село, туда же переезжала и Е. М. Долгорукая с детьми. До 1877 г. она жила в доме коменданта императорской главной квартиры А. М. Рылеева. Этот холостой и бездетный генерал занимался воспитанием детей Долгорукой, а после смерти Александра II стал их опекуном.

В 1877 г. начались ремонтные работы в Зубовском флигеле Екатерининского дворца в Царском Селе на половине Александра II. Несколько комнат, которые ранее использовались как служебные помещения (Рейнкнехтская и Штандартная), были превращены в жилые покои. Вполне возможно, что в этих комнатах и поселилась Е. Долгорукая. Точно известно, что в 1877 г. Е. М. Долгорукой были выделены комнаты рядом с апартаментами Александра II в Большом Царскосельском дворце.

Для взрослых детей Александра II факт наличия у отца второй семьи не был секретом. При этом все держали себя так, как будто никакой Катеньки в природе не существовало. Однако Екатерина Долгорукая не упускала случая обозначить свое присутствие рядом с императором. В основном — скандалами. Так, в августе 1877 г. она в анонимном письме к начальнику Царскосельского дворцового управления Ребиндеру потребовала «выслать в квартиру генерал-адъютанта Рылеева ту долю фруктов, которая назначается самому государю в его здесь пребывание». Ребиндер письмо проигнорировал и продолжал отсылать лучшие фрукты из Царскосельских оранжерей императрице Марии Александровне. Тогда Катенька написала жалобу Александру II, который в это время находился в Дунайской армии, осаждавшей Плевну. В результате этой переписки с берегов Дуная Ребиндер получил

телеграмму с высочайшим повелением послать Долгорукой «фрукты, предназначаемые для самого государя»[151].

Александр II, Е. Долгорукая и их дети

В 1879 г., после серии покушений на Александра II, император перевез свою вторую семью в Зимний дворец. Екатерину Долгорукую поселили на третьем этаже юго-западного ризалита императорской резиденции. По свидетельству мемуаристов, смех и крики маленьких детей были отчетливо слышны в гостиной Марии Александровны, которая находилась этажом ниже. Однако императрица ни словом, ни взглядом не упрекнула своего мужа.

С этого времени Екатерина Долгорукая начала вмешиваться в государственные дела. Судя по мемуарам Е. Долгорукой, ее влияние распространялось даже на охрану императора. Так, после апрельского покушения 1879 г. на Дворцовой площади Александр II, по просьбе Е. Долгорукой, отказался от ежедневных утренних прогулок вокруг своей резиденции и вместо этого совершал утренние прогулки по большим залам Зимнего дворца «в обществе своих троих детей, рожденных от его брака с княгиней Юрьевской»[152]. Она постоянно консультировалась по вопросам охраны с графом Лорис-Меликовым и А. Рылеевым, обсуждала эти вопросы и с Александром II. По ее словам, «за такими сведениями она обычно обращалась, руководимая заботами, вдохновляемыми ее искренней привязанностью»[153]. Ее энергию можно понять. Молодая, 33-летняя женщина с тремя

детьми (один ребенок умер) понимала, что все ее благополучие держится на жизни и здоровье Александра II, которому шел 63-й год и на которого беспрерывно совершались покушения.

Некоторые из придворных немедленно «поменяли ориентацию», уделяя Е. Долгорукой самое пристальное внимание. Начали крутиться вокруг Катеньки и разного рода дельцы, хорошо представлявшие степень ее влияния на стареющего Александра II. Так, С. Ю. Витте упоминал, что Катенька не брезговала добычей в пользу этих дельцов «различных концессий и льгот»[154]. И, конечно, не бескорыстно.

20 мая 1880 г. императрица Мария Александровна, после длительной болезни, в одиночестве угасла в Зимнем дворце. Александр II в это время жил со своей «дусей» в Зубовском флигеле Большого Екатерининского дворца. С 20 мая для Катеньки Долгорукой начались горячие дни, во время которых она проявила бешеную энергию и железную волю. Она буквально ковала, пока горячо…

О том, как развивались отношения Александра II с Екатериной Долгорукой в мае — июне 1880 г., дает представление их переписка. В день смерти жены, 20 мая 1880 г., Александр II писал Долгорукой: «Ты знаешь… что я исполню мой долг, лишь обстоятельства мне это позволят». На следующий день Александр II сообщил министру императорского двора А. В. Адлербергу о своем желании вступить в законный брак с Екатериной Долгорукой. Результаты этого разговора царь зафиксировал в дневнике 22 мая 1880 г.: «Адлерберг, представив множество возражений, не советует мне вступать в новый брак. Должен признать, что в некотором отношении он прав, но я не мог с ним говорить с полной откровенностью. Я дал слово чести и должен сдержать его, даже если Россия и История мне этого не простят»[155].

Только после смерти Александра II министр императорского двора А. В. Адлерберг поделился с близкими людьми своими впечатлениями от этого разговора. Он подчеркивал, что «покойный государь был совершенно в руках княгини Юрьевской, которая довела бы государя до самых крайних безрассудств, до позора». По словам министра, он был крайне возмущен намерением царя жениться, когда тело его жены, матери его детей, еще

не было предано земле. Адлерберг был категорически против этого брака, Александр II настаивал на своем желании: «Государь, со своей стороны, доказывал необходимость предположенного брака, считая себя обязанным к этому чувством чести, совести и религии. Он горячился, волновался, и горячий наш спор продолжался более часа»[156]. Наконец, Адлербергу удалось убедить царя соблюсти минимальные приличия и отложить брак.

Для Катеньки эта отсрочка была катастрофой. Она стала жестко давить на Александра II, требуя немедленного выполнения обещания жениться. Царь не отказывался от своего обещания, но хотел соблюсти элементарные приличия, настойчивость «дуси» стала вызвать у него раздражение. В письме от 27 мая 1880 г. Александр II убеждал ее: «Но ты должна понимать, милая дуся, что мне неприятно касаться подобного предмета, когда тело усопшей еще не предано земле. Поэтому не будем говорить об этом, ибо ты достаточно хорошо меня знаешь, чтобы не сомневаться в моем слове»[157].

Александр II действительно сдержал свое слово. Когда миновал сороковой день после смерти императрицы Марии Александровны, он решительно объявил А. В. Адлербергу о своем желании жениться: «Государь при одном из моих докладов снова поразил меня, объявив свое решение не отлагать долее исполнение намерения и совершить обряд немедленно, секретным образом. Я снова пытался отклонить его, представив все неприличие такого поступка до истечения годичного срока после кончины императрицы. Во все время, что я говорил, государь сидел молча, бледный, смущенный, руки дрожали, вдруг встает и, не сказав ни слова, выходит в другую комнату. Я в полном недоумении соображаю, что остается мне делать, и намеревался также уйти, как вдруг отворяется снова дверь и входит женщина; за нею вижу фигуру государя, который, впустив княжну в кабинет, затворяет за нею дверь. Странное было мое положение — очутиться лицом к лицу с женщиной, с которою приходилось мне говорить в первый раз и которая напустилась на меня с резкими упреками за то, что я отговариваю государя от исполнения долга чести. Я вынужден был возражать ей, так что между нами произошла бурная сцена, продолжавшаяся довольно долго. Среди горячего нашего спора дверь в кабинет полураскрылась, и показалась голова государя, который кротко

спросил, пора ли ему войти. На это княжна с горячностью ответила: «нет, оставь нас докончить разговор». Государь захлопнул снова дверь и только несколько времени спустя вошел в кабинет, когда сама княжна, излив всю злобу на меня, вышла из кабинета»[158].

Эта сцена поразила министра императорского двора. Он первый раз видел и слышал, как выставляли из собственного кабинета самодержавного хозяина многомиллионной империи! В этот миг он, видимо, совершенно отчетливо понял, кто будет управлять этой империей.

Венчание Александра II и Екатерины Долгорукой состоялось 6 июля 1880 г. в Екатерининском дворце Царского Села перед походным алтарем Александра I. Несмотря на секретность, факт венчания стал немедленно широко известен. Императорская фамилия и петербургский бомонд были шокированы поступком Александра II. Осенью 1880 г. в крымской Ливадии новая жена была официально представлена детям Александра II от первого брака.

Для молодых великих князей, младших сыновей Александра II, это стало настоящей трагедией. При этом о своем браке Александр II сообщил сыновьям через их воспитателя Арсентьева, «для них это был страшный удар; они питали культ к памяти своей матери, так недавно скончавшейся. Сергей Александрович знал о связи своего отца, но он поставил себе задачей помешать тому, чтобы младший брат его, великий князь Павел, что-нибудь узнал об этом»[159]. Вскоре после возвращения в Петербург из Ливадии Екатерина Долгорукая высочайшим указом (от 5\17 декабря 1880 г.) превратилась в княгиню Юрьевскую.

Реакция детей была пассивно-демонстративной. Например, цесаревич Александр Александрович, который в 1870-х гг. охотно жил в Царском Селе, в Александровском дворце, со дня свадьбы Александра II с княгиней Юрьевской перестал посещать дворец[160].

В Петербурге события лета и осени 1880 г. стали главным предметом для разговоров. Почти все осуждали стареющего императора и сочувствовали его детям. А. Н. Бенуа тогда был ребенком, но и ему запомнилось это единодушное осуждение скоропалительного брака Александра II.

Много позже он вспоминал: «В это лето мы не переехали на дачу, и тетя Лиза не прерывала своих еженедельных посещений, оттого мне особенно и запомнился этот ее гнев, сопровождавшийся совершенно убежденными пророчествами: Бог-де непременно накажет его за такое попрание божеских и людских законов!»[161]

Темп развития событий второй половины 1880 г. не удовлетворил притязаний честолюбивой «дуси». В недрах Министерства императорского двора началась неофициальная подготовка к ее коронации и превращению княгини Юрьевской в императрицу Екатерину III. Амбиции княгини Юрьевской всячески поддерживал всесильный тогда «диктатор», министр внутренних дел М. Т. Лорис-Меликов, который поддерживал с Юрьевской самые дружеские отношения.

Княгиня Юрьевская (Е. Долгорукая)

Коронация планировалась на август 1881 г. К разработке проекта коронации был привлечен М. Т. Лорис-Меликов[162]. По свидетельству близкого ко двору профессора Б. Н. Чичерина, «Епитроп[163] Иерусалимской церкви, ныне государственный контролер, Тертий Филиппов по этому случаю даже ездил в Москву, чтоб из архивов извлечь подробности о коронации Екатерины I… Добыв в Москве архивные сведения для будущей коронации, он с торжеством возвращался в Петербург, как вдруг на полпути узнал о событии 1 марта»[164].

Проблемы в семье к этому времени обострились настолько, что Александр II периодически, в минуты гнева, прямо говорил своему старшему сыну, что тот может лишиться статуса цесаревича. Отношения в большой семье Александра II в начале 1881 г. складывались весьма непростые.

Злодейское покушение на драгоценную жизнь в Бозе почившего Царя Освободителя 1 марта 1881 г.

Однако гибель императора Александра II от рук террористов 1 марта 1881 г. положила конец честолюбивым притязаниям «дуси». Многие сановники, преданные соратники Александра II, отчасти с облегчением восприняли известие о трагической кончине царя, «списавшей» все его земные грехи. Министр императорского двора А. В. Адлерберг конфиденциально высказал следующее мнение: «Трудно сказать, до чего могла бы довести государя эта женщина, нахальная и вместе с тем глупая и неразвитая! Вот почему я и сказал, что мученическая кончина государя, быть может, предотвратила новые безрассудные поступки и спасла блестящее царствование от бесславного и унизительного финала»[165].

При Александре III после ряда скандалов княгиня Юрьевская уехала из России во Францию. При Николае II она периодически приезжала в

Россию. В этот период с Юрьевской подружилась великая княгиня Ольга Александровна, которая часто бывала в доме второй жены своего деда. Она вспоминала, что «всякий раз, как я приходила к ней, мне казалось, будто я открываю страницу истории. Жила она исключительно прошлым. Она только о нем и говорила». Более того, Юрьевская сохранила все мундиры Александра II, всю его одежду, даже домашний халат, и поместила их в стеклянную витрину в домашней часовне[166]. Накануне Первой мировой войны Юрьевская окончательно покинула Россию, уехав во Францию, где и скончалась в 1928 г.

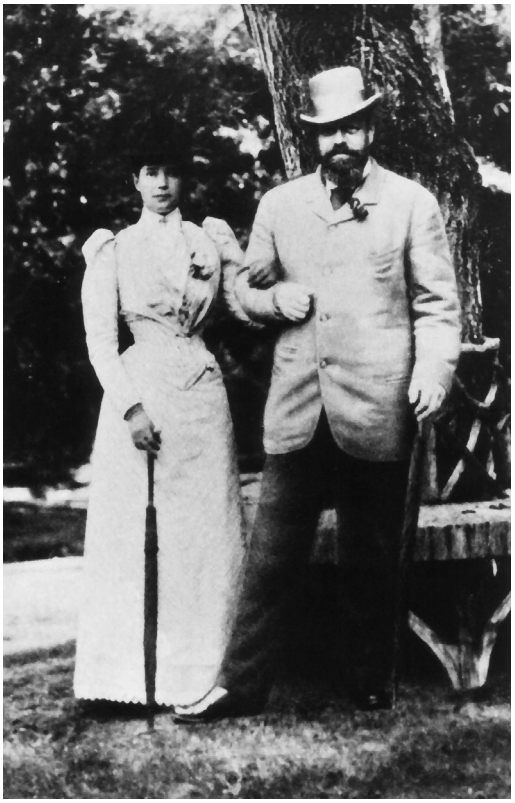
Семья Александра III

Взаимоотношения в семье Александра III были на редкость гармоничны. Для императорской семьи. Несмотря на некоторые неизбежные сложности в начале супружеской жизни, несмотря на взрывной характер Марии Федоровны, которую прозвали Гневной, это была патриархальная семья в лучшем смысле слова.

Эта патриархальность проявлялась в самых разных вещах. Именно в семье Александра III сложилась традиция вечерних семейных чтений. По свидетельству мемуаристов, Александр III очень любил Гоголя, следил за современными писателями, читал Достоевского, Льва Толстого, Тургенева: «Он охотно читал вслух и чуть ли не каждый день императрице Марии Федоровне»[167].

Одной из особенностей этой семьи было то, что ни у Александра III, ни тем более у Марии Федоровны современники не отметили ни одного увлечения «на стороне». Удивлялись потому, что царствование Александра II, особенности семейной жизни великих князей Константина и Николая Николаевичей (Старшего) давали светскому обществу Петербурга массу поводов для разговоров.

В семье рано сложились ровные отношения, со своими сферами влияния. Александр III, еще будучи цесаревичем, не позволял Марии Федоровне

Император Александр III и императрица Мария Федоровна.
1890–1893 гг.

вмешиваться в его работу, хотя к ее мнению и прислушивался. Он моментально ставил жену на место, если она выходила за традиционные рамки взаимоотношений. В свою очередь у Марии Федоровны была масса дел. Она занималась домом и детьми. И это была полностью ее сфера влияния. Она унаследовала от императрицы Марии Александровны все дела, связанные с благотворительностью, и покровительствовала обществу Красного креста. Кроме этого, у нее как цесаревны, а затем императрицы было множество представительских обязанностей.

Проблемы в семье, конечно, возникали, но уровень этих проблем не шел ни в какое сравнение с семейными сложностями Александра II. Александр III с пониманием относился к маленьким женским слабостям супруги. И даже посмеивался над ними. Он терпел ее увлечения танцами и нарядами, иронизировал по поводу любви Марии Федоровны к прогулкам по Невскому проспекту. У Александра III даже появился свой глагол, обозначающий эти прогулки: «Madame vous alles *хлыще*». Это словечко он производил от слова *хлыщ* (*хлыщить*), то есть уподобляться катающимся хлыщам[168]. Видимо, слово прижилось в семье, поскольку Николай II в своих дневниках в молодые годы частенько его упоминал по отношению к себе.

Семья Николая II

Николай II, вступив в брак в 26 лет с любимой женщиной, пытался воспроизвести семейные порядки, к которым привык с детства. Однако его женой стала женщина, очень далекая по складу характера от его матери. Поэтому, несмотря на внешнее сходство семейного повседневного быта, его «начинка» оказалась совершенно иной.

На семейную жизнь последнего царя оказывало влияние множество факторов, но, пожалуй, одним из главных было состояние здоровья императрицы Александры Федоровны.

Когда гессенская принцесса Аликс стала невестой цесаревича Николая в апреле 1894 г.[169], то проблемы со здоровьем стали одной из центральных тем в переписке между будущими супругами и королевой Викторией. При этом необходимо сказать, что неблагополучное состояние здоровья принцессы не только не скрывалось ее родственниками, но наоборот подчеркивались ими. Дело в том что королева Виктория была поначалу категорически против самой возможности этого брака. Еще в 1890 г. королева писала старшей внучке, в замужестве принцессе Батенберг-Маунбэттен: «Сообщи Элле, что разрешения на замужество Аликс в Россию не будет, и пора с этим кончать»[170]. И только угроза политической изоляции Англии заставила ее изменить отношение к ситуации. Но последующая откровенность королевы в сообщениях о состоянии здоровья внучки позволяет предположить, что она не оставляла мыслей расстроить этот брак.

Известно, что еще в 18 лет молодая принцесса страдала от крестцово-поясничных болей, которые заставляли ее проводить длительное время в инвалидной коляске. Через много лет в апреле 1909 г. старшая сестра императрицы — Елизавета Федоровна упомянула в письме к царю о больных ногах как о семейном заболевании: «Ревматические боли или подагра, от которой страдали все в нашей семье»[171].

В переписке молодых тема здоровья невесты занимала значительное место. Никто не предполагал, что свадьба состоится так скоро, и из переписки видно, что на поправку здоровья принцессы отводился как минимум

год. Об этом упоминали и она сама, и ее бабушка — королева Виктория. В апреле 1894 г. невеста писала будущему мужу из Виндзора: «Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы к будущему году привести ноги в порядок, но это совсем нелегко, а ты так любишь ходить пешком»[172]. Никто не предполагал тогда, весной 1894 г., что болезнь буквально за полгода сожрет последние силы Александра III и что свадьба состоится через несколько недель после смерти императора.

В мае 1894 г. для лечения больных ног невеста русского цесаревича уехала на английский курорт Харрогит, откуда регулярно информировала его о своем здоровье. Она писала ему: «Сегодня утром я приняла свою первую серную ванну, запах довольно неприятный». Заболевание было действительно серьезным, но молодая девушка не стеснялась упоминать об этом в письмах к жениху. В письме от 11 мая 1894 г. она вновь повторила, что «у меня сегодня так болели ноги, и я приняла мою первую ванну». Все это время невеста наследника престола передвигалась в кресле-каталке, что, безусловно, сразу же начало вызывать нежелательные толки в среде русской аристократии. Естественно, это больно задевало Алису, и, как она признавалась жениху, «если я не была бы в этом кресле-каталке, я бы и внимания не обращала»[173] на пересуды скучающей публики.

Объективная информация медицинского характера о состоянии здоровья будущей русской императрицы поступала к наследнику и от королевы Виктории. В письме, написанном 25 мая 1894 г. в резиденции Балморал, она сообщала, что «результаты лечения дорогой Алики в целом удовлетворительны, но ей нужен исключительный покой и отдых. Посылаю тебе копию письма доктора из Харрогита, очень умного и хорошего человека. Она на диете и соблюдает строгий режим. Ей приходится много лежать. Это надо было сделать давно, но врач, которому она, к сожалению, очень доверяет, весьма глуп, и от него никакого проку, и он соглашается на все, о чем его просят. То, что она делает сейчас, надо было сделать прошлой осенью и зимой. Кончина ее дорогого отца, беспокойство за брата и споры о ее будущем *очень сильно* подорвали *ее нервную систему.* Надеюсь, ты это поймешь, и *не* будешь спешить со свадьбой, ведь ради *твоего* и *своего* блага

она *сначала должна выздороветь* и окрепнуть»[174]. В этом письме обращают на себя внимание два момента. Во-первых, просьба королевы не спешить со свадьбой, во-вторых, ее упоминание о расшатанности нервной системы невесты. Надо заметить, что королева была достаточно откровенна со своим родственником, так как особенности болезненной психики Гессенского дома были широко известны среди владетельных дворов Европы.

В свою очередь внучка королевы — Алиса Гессенская сообщала бабушке о ходе своего лечения. В письме от 28 мая 1894 г. она писала, что «ванны очень утомительны, и мне приходится много отдыхать. Хотя боли все еще не проходят, но я надеюсь, что со временем ванны помогут»[175]. На курорте Харрогит будущая русская императрица пробыла все лето 1894 г., и королева Виктория регулярно оповещала жениха о том, что «дорогая Аликси ведет себя благоразумно, не ездит верхом и не играет в лаун-теннис»[176]. Однако уровень медицины того времени не позволял добиться серьезных перемен к лучшему, и ноги невесты продолжали болеть. 13 августа 1894 г. Николай писал невесте: «Твои бедные ножки опять болят… хотел бы я быть рядом с тобой, уж я бы их растер»[177].

После того как к осени 1894 г. стало очевидно, что состояние императора Александра III безнадежно, Алиса Гессенская поняла, что она выходит замуж уже не за наследника, а за императора огромной России. Алису срочно вызвали в Ливадию, прервав ее лечение раньше отведенного на то срока. Состояние ее здоровья не изменилось к лучшему, но для влюбленного наследника это не играло существенной роли. В его дневниковых записях, наряду с темой болезни и приближающейся кончины отца, значительное место занимают упоминания о состоянии ног «бедной Аликс». 14 октября 1894 г. он записал в дневнике: «Аликс ехала в коляске, так как надо беречь ее ноги, чтобы боли не возобновились»[178]. 19 октября 1894 г., за день до смерти отца, он упоминал: «Побоялся за ее ноги, чтобы она не устала лезть наверх».

Позже английские родственники, хорошо зная о больных ногах императрицы Александры Федоровны, прислали ей «механический экипаж». Это был четырехместный электромобиль «Colombia», на котором она ездила

по парку[179]. Но чаще для этих целей использовалась обычная инвалидная коляска.

20 октября 1894 г. умер император Александр III, и принцесса Алиса Гессенская стала невестой русского императора Николая II. Но, несмотря на весь груз забот, свалившийся на молодого монарха, тема здоровья любимой продолжала оставаться одной из главных в его дневниковых записях. В день свадьбы, 14 ноября 1894 г., царь записал в дневнике: «Завалились спать рано, так как у нее сильно разболелась голова»[180]. Характерно, что запись, сделанная в день свадьбы, добавляет еще одну медицинскую тему для дневников царя — это постоянные изнуряющие головные боли молодой императрицы. Поначалу в дневнике он фиксировал каждое ее недомогание. В записях за ноябрь и декабрь 1894 г. Николай без конца упоминал об этом: «За обедней бедной Аликс сделалось дурно, и она вышла… У Аликс разболелась голова»; «Аликс легла раньше, так как все еще не чувствовала себя хорошо»; 29 января 1895 г.: «Дорогая Аликс проснулась с головной болью, поэтому она осталась лежать в постели до 2-х»; 3 марта 1895 г.: «Гулял один, так как Аликс лежала в постели до 12 ч.»; 5 марта 1895 г.: «Аликс осталась лежать и завтракала в постели… Аликс легла пораньше»; 9 апреля 1895 г.: «К несчастью, у дорогой Аликс продолжалась головная боль целый день» (с 8 апреля по 16 апреля), «Только теперь, после целой недели, у нее прошли головные боли!»[181]

В результате, больные ноги молодой императрицы, заставлявшие ее прибегать к инвалидной коляске, бесконечные головные боли, приводившие к тому, что она целыми днями оставалась в кровати, вызывали недовольство невесткой со стороны вдовствующей императрицы и досужие сплетни, которыми она была окружена до конца своих дней. Начались разговоры о том, что молодая царица не в состоянии родить здорового наследника. Безусловно, эти факторы медицинского характера, из которых никто не делал поначалу секрета, учитывались в политических интригах конца XIX в.

Взаимоотношения с родственниками

Уже в первой четверти XIX в. семья Романовых, благодаря многочисленным детям императора Павла I, стремительно разрослась. Девочки, как правило, уезжали из России в Германию. В свою очередь, из Германии в Россию приезжали другие девочки, выросшие при карликовых дворах германских герцогств, княжеств и королевств. Эта традиция сохранялась вплоть до начала XX в. В результате к концу XIX в. российский императорский двор не только разросся сам по себе, но и оказался связанным тесными династическими узами со многими европейскими дворами.

Родни было много, как в России, так и за ее пределами. Как и у всех, у императорской семьи отношения с родней были очень разными. С одними — очень теплые и дружеские, с другими — холодные и официальные. Но вне зависимости от личных симпатий и антипатий на большие праздники, похороны и коронации собирались все вместе. Собравшись, обсуждали сложные межгосударственные проблемы, сплетничали и злословили, присматривали будущие партии для своих детей, интриговали, просили денег… Но при всей этой пестроте событий личностные качества российских самодержцев,

выстраиваемый ими сценарий власти определяли некую стержневую линию во взаимоотношениях с ближней и дальней родней.

Николай I, порядочный и твердый император, установил такие правила взаимоотношений между родственниками, что никому не могло прийти в голову нарушить возрастную и династическую субординацию. Россия оставалась полуфеодальной империей, которая еще не была заражена ядом буржуазной демократии и революций. И конечно никто из великих князей, тогда еще немногочисленных, не мог всерьез думать о возможности морганатического брака. Хотя прецеденты бывали и тогда. Тем не менее «правила игры» во взаимоотношениях между родственниками, установленные Николаем Павловичем, жестко соблюдались вплоть до его смерти. Безусловно, симпатии и антипатии присутствовали, но все это держалось глубоко в душах, и длительное царствование не было омрачено ни одним серьезным династическим скандалом.

Самым близким родственником Николая I, его верным многолетним соратником, был младший брат — великий князь Михаил Павлович. Они вместе росли и были близки по своим взглядам на жизнь. Михаил Павлович отлично понимал свое место в семейной иерархии и был безупречен в отношении старшего брата-императора. Тем не менее, при всей корректности на людях, Николай и Михаил Павлович периодически «искрили» наедине. Дочь Николая Павловича вспоминала, как они спорили, как Михаил Павлович впадал в ярость и «начинал кричать, Папа́ в свою очередь выходил из себя, после чего дядя предлагал уйти в отставку… такие сцены обижали Папа́, оттого что он любил своего брата и всегда оберегал его»[182].

Николай Павлович держал свою стремительно разраставшуюся родню и сановников, окружавших трон, «в кулаке», жестко пресекая малейшие вольности, которые, по его мнению, могли нанести урон чести императорской фамилии.

К таким эпизодам можно отнести случаи «высочайшей контрабанды». Барон Корф описывал эпизод, когда великая княгиня Мария Павловна воспользовалась дипломатической почтой, отправив с фельдъегерем контра-

бандную посылку в адрес канцелярии Министерства иностранных дел на имя министра графа К. В. Нессельроде. Следует подчеркнуть, что это была старшая сестра Николая I, ставшая в замужестве герцогиней Саксен-Веймарской. Герцогство было крохотным, и ее желание «сэкономить», по немецкой скаредности, — вполне понятно. Однако фельдъегерь прежде Петербурга заехал в Гатчину с пакетом к Николаю I. Тот поинтересовался, что еще он везет, и приказал принести все пять пакетов. Видимо, у осведомленного царя была информация о дипломатическом контрабандном канале. Поэтому Николай Павлович сам бестрепетно вскрыл объемистый пакет старшей сестры, обнаружив там фрак и брюки. Примечательно, что содержимое пакета было адресовано фрейлине Ю. Ф. Адлерберг.

Николай Павлович немедленно вызвал в Гатчину начальника петербургской таможни Ильина с двумя досмотрщиками. Таможенники вскрыли все остальные пакеты. Согласно таможенным правилам, всю «высочайшую контрабанду» конфисковали, наложив штраф на фрейлину в 630 рублей серебром. Кроме этого, наказали посла в Берлине, и император лично сделал выговор министру иностранных дел графу К. В. Нессельроде[183].

Надо заметить, что столь жесткая реакция Николая I на «высочайшую контрабанду» была не случайной. Тот же Корф описывал еще один подобный эпизод, произошедший несколько ранее. Статс-дама Елизавета Алексеевна Паскевич-Эриванская, супруга генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевич-Эриванского, которого Николай I глубоко уважал и называл в личных письмах «отцом-командиром», прислала в Петербург своим зятьям разные гостинцы. Ящики были запломбированы с тем, чтобы их вскрыли в Петербурге. Зятья, получив посылки, сами, без таможенных чиновников, сняли пломбы. Это стало известно, поскольку министр финансов счел необходимым доложить об этом царю. И, несмотря на все личные и давние отношения с семьей фельдмаршала, Николай I приказал взыскать штраф в 17 000 рублей серебром, говоря, что чем выше звание, тем более до́лжно подавать пример уважения к законам. Эти эпизоды, конечно, получили широкий резонанс, и высочайшие контрабандисты и взяточники вынуждены были поумерить свои аппетиты.

Период правления Александра II дает нам уже больше информации для анализа взаимоотношений как в самой императорской семье, так и в ее родственном окружении. Александр II продолжил практически все семейные традиции своего отца. На протяжении всего его царствования по воскресным дням проходили обязательные фамильные обеды в Зимнем дворце, «на которые приглашалась вся наличная императорская фамилия»[184].

Следует заметить, что традиция еженедельных собраний всей семьи на фамильные обеды, видимо, сложилась во второй половине XVIII в. По крайней мере, точно известно, что при Александре I фамильные обеды проходили два раза в неделю. Один — на половине императора, другой — на половине вдовствующей императрицы Марии Федоровны. На фамильные обеды кроме членов высочайшей семьи приглашались литераторы, художники, музыканты, члены Императорской академии, военные[185].

Многочисленные дети Александра II, подрастая, на подсознательном уровне впитывали иерархические принципы. Старший брат был не просто старшим, а наследником и будущим императором. Даже в своих играх они воспроизводили эту иерархию.

Так, на императрицу Марию Александровну очень тяжелое впечатление произвел диалог ее сыновей, услышанный ею случайно. Дети играли, когда императрица услыхала, как ее старший сын — великий князь Николай сказал своему брату Владимиру — «когда ты будешь императором…». Мать немедленно вмешалась и поправила: «Ты ведь хорошо знаешь, что Владимир никогда не будет императором». — «Нет! Будет, — отвечал ребенок, — его имя означает «владетель мира». — «Но ты же знаешь, что не имя, а очередь рождения дает право на престол!» — «Да, — сказал мальчик, — но дедушка был третьим сыном, а он царствовал. Я умру — тогда царем будет Саша, но и Саша умрет, тогда им будет Владимир». Об этом эпизоде Мария Александровна рассказала фрейлине А. Ф. Тютчевой, признавшись, что слова пятилетнего ребенка поразили ее «прямо в сердце»[186].

Надо заметить, что подобным разговорам молва порой придавала характер пророчеств и передавала из поколения в поколение. Великий князь Владимир Александрович так и остался вечным «заместителем». Сам он к

своему положению младшего брата царя относился совершенно спокойно, и у братьев были прекрасные отношения. Но его жена, великая княгиня Мария Павловна, или Михень, как ее звали близкие, мечтала об ином положении. После того как в октябре 1888 г. семья Александра III буквально чудом уцелела в железнодорожной катастрофе, Владимир и Мария Павловна, находившиеся за границей, ограничились сочувственной телеграммой и не вернулись в Россию. Императрицу Марию Федоровну это очень раздражило. Следует отметить, что до 1889 г., то есть до полного совершеннолетия будущего Николая II, с 1881 по 1889 г. официальным наследником престола являлся великий князь Владимир Александрович[187].

При императоре Николае II надежды Михень на изменение своего положения вновь воскресли. Дело в том что родившийся цесаревич Алексей был инвалидом, и следующими по старшинству претендентами на престол по мужской линии становились сыновья Марии Павловны. Поэтому в 1908 г. Михень, как женщина весьма практичная, приняла православие. При этом она вышла замуж за великого князя Владимира Александровича в 1874 г., оставаясь лютеранкой на протяжении 34 лет. Ее принятие православия в 1908 г. было истолковано именно как подготовка для принятия ее сыновьями императорской короны на случай смерти цесаревича Алексея с учетом того, что младший брат Николая II собирался заключить морганатический брак. Эти сложные расклады не добавляли теплоты в отношения между родственниками.

Когда в апреле 1865 г. в Ницце умер цесаревич Николай Александрович (Никса), его младший брат Александр принял на себя обязанности цесаревича. Многие встретили это без особого восторга, но, как правило, держали это при себе. Только младший брат Александра II — великий князь Константин Николаевич, который, по общему признанию, имел тяжелый характер, не счел нужным скрывать своего отношения к племяннику. Граф С. Д. Шереметев упоминал, что «всех язвительнее и ожесточеннее был царский брат — Константин Николаевич. Он не щадил самолюбия, не стесняясь, отзывался презрительно о цесаревиче. Впрочем, он и ранее того… относился вообще к племянникам пренебрежительно»[188].

Недоброжелательность дяди к племяннику буквально прорвалась в трагические дни 1 марта 1881 г., когда горе, казалось бы, должно было объединить всю царскую семью. С. Д. Шереметев вспоминал: «Не забуду я, когда в Зимнем дворце в марте 1881 г., еще до похорон государя, Константин Николаевич заметил на погонах моих вензеля императора Александра III. Он стремительно подошел ко мне, посмотрел в упор, уставился злобным и ледяным взглядом и, указывая на вензеля мои, глухо произнес: «Надолго ли?» Конечно, адъютант нового императора при случае передал эту реплику Константина Николаевича Александру III. «Его оно не удивило, но не забыть мне этого злого вызывающего взгляда; то было шипение змеи, чувствующей приближение своего конца»[189].

Александр III отвечал дяде постоянной взаимной неприязнью. Эта неприязнь была обусловлена не только их межличностными отношениями, но и тем, что на склоне лет Константин Николаевич оставил семью, открыто зажив с балериной. Примерному семьянину Александру III претило это демонстративное попрание семейных уз.

Царь по отношению к родственникам мог высказаться очень сильно. Граф С. Д. Шереметев писал: «Всего более не терпел великого князя Константина (Константина Николаевича — *И. З.*). «Подлец!» — говорил он при мне… По всему чувствовалось, что он был, и не раз, глубоко оскорблен выходками своего дяди: «Он с нами обращался, как со свиньями!» — сказал он при мне»[190]. И действительно, после 1881 г. великий князь Константин Николаевич был отправлен в отставку и утерял все то влияние на государственные дела, которое имел при Александре II.

Следует отметить, что настороженное отношение к «Константиновичам» у Александра III сохранялось на протяжении всей его жизни. Видимо, он исходил из русского «яблоко от яблони». Так, он достаточно рано разошелся с другом своих детских игр — сыном Константина Николаевича — великим князем Николаем Константиновичем, или, как его звали в семье, Николой. Молодой человек в начале 1870-х гг. блестяще учился в Академии Генерального штаба, параллельно погружаясь в жизнь петербургского полусвета. В результате в 1874 г. он заболел сифилисом и был вынужден уехать в Вену

для лечения. Не был он чужд и гомосексуальных забав. Видимо, слухи об этом доходили до цесаревича Александра Александровича. Граф С. Д. Шереметев очень сдержанно упоминал об этом: «Из лагеря он (цесаревич Александр Александрович — *И. З.*) послал меня в Павловск посмотреть на увеселения великого князя Николая Константиновича, в то время собиравшего мальчиков для какой-то борьбы, разделенных на два враждебных отряда, они нападали на дворец и защищали его. Это было что-то не вполне нормальное. Я был свидетелем многих странностей и рассказал о них»[191]. В 1876 г. разразился скандал, связанный с кражей Николой бриллиантов из иконы матери. Великий князь был сослан, и эта ссылка продолжалась при императорах Александре III и Николае II.

После того как осенью 1866 г. состоялся брак цесаревича Александра Александровича с датской принцессой Дагмар, постепенно начали выстраиваться отношения «старого» и «молодого» дворов. Следует подчеркнуть, что кандидатура Дагмар была выбором Александра II и отчасти императрицы Марии Александровны. Сам цесаревич Александр согласился на этот брак только под жестким давлением отца. К своей невестке Александр II относился по-доброму. Она действительно импонировала ему своим очарованием юности, изяществом и женским инстинктивным умом. Императрица же Мария Александровна относилась к ней по-иному. Она так и не смогла простить Дагмар «измены» ее старшему, умершему сыну. Поэтому к невестке она относилась безупречно, с точки зрения «большого света», но по-человечески была прохладна. С. Д. Шереметев, который все это наблюдал сам, отмечал, что императрица Мария Александровна относилась к ней «сдержанно, словно подчеркивая измену своему любимцу, она охлаждала первые ее любезности: «Не выходите из своей роли, вы еще не императрица!». До меня доходили отзывы приближенных к императрице. А. Н. Мальцова не скрывала своих иронических замечаний»[192].

У молодой семьи цесаревича сразу же установились очень теплые отношения с родными жены — датской королевской семьей. Достаточно часто семья наследника, а затем и императора Александра III посещала Данию. Там, вдали от блеска и пышности российского императорского двора,

Александр III и Мария Федоровна могли позволить себе на короткое время частного визита сбросить обязательный официоз повседневной жизни. Они наслаждались иллюзией жизни обеспеченных буржуа, с удовольствием посещая магазины.

Немыми свидетелями этой «датской» жизни остались два недорогих веера из гладких деревянных пластин, которые были в моде в 1860–1870-х гг. Первый веер сделан в форме раковины и украшен с одной стороны гирляндой розочек, оплетающих слово «Fredensborg» и дату «1870». На лицевой стороне второго веера нарисован букет шиповника, а оборотная сторона заполнена многочисленными автографами, среди которых выделяется размещенная внизу надпись крупными буквами «1870. САША. Baby». Очевидно, эти надписи сделаны во Фреденсборге, резиденции Датского королевского дома, во время традиционного съезда родственников. Появление этой надписи связано с рождением 19 августа 1870 г. на острове Корфу у Георга I (родного брата Дагмар) и Ольги Константиновны (дочери великого князя Константина Николаевича) их третьего ребенка — дочери Александры. Веер был использован в качестве своеобразного памятного альбома, на пластинах которого гости оставили автографы, что было обычным явлением в 1870–1880-х гг.[193]

Став императором, Александр III буквально сразу же показал своей многочисленной российской родне, кто в доме хозяин. Так, он категорически исключил возможность прощания с Александром II своего двоюродного брата Николая Константиновича, сосланного за скандальное поведение еще погибшим царем. Он отправил в отставку не только министров отца, но и родного дядю Константина Николаевича.

Александр III, переехав в Гатчину, несколько дистанцировался от большой императорской семьи. При этом члены семьи, признавая харизму власти царя, его остерегались и недолюбливали: «Они боялись его (боязнь иногда входит в семейные традиции), но, за немногими исключениями, не чувствовалось с их стороны привязанности. Государь — исполнитель долга неудобен семье, не признающей ничего, кроме прав»[194].

В результате Александр III позволил себе то, на что не решались его предшественники. В 1886 г. было высочайше подписано «Положение об

императорской фамилии», согласно которому звание великого князя или великой княгини, соответствующее ему денежное вознаграждение, титул «императорское высочество», принадлежавший ранее всем членам императорской фамилии, отныне присваивался только детям и внукам императора и их женам. Все остальные получали звания князей императорской крови и титул «высочества», а также лишь единовременные субсидии. Конечно, это «Положение» вызвало бурю негодования, но это негодование проявлялось родственниками только у себя дома. Бюджету императорского двора это принесло существенное облегчение, поскольку расходы на содержание всей императорской семьи были значительно сокращены.

Конечно, к своим многочисленным родственникам Александр III относился по-разному. Как и всякий человек. Однако при нем Романовы, несмотря на всю клановость и обилие разных группировок, продолжали оставаться большой, но семьей. Александр III неукоснительно требовал, чтобы вся семья в обязательном порядке собиралась на крестины, свадьбы, похороны и другие важные события. Он считал своим долгом раз в неделю устраивать большой обед для всех родственников. Но император внес и свои новшества в давнюю традицию семейных обедов. Из разговоров за столом было совершенно исключено обсуждение каких-либо общеполитических вопросов[195]. Этого правила придерживался и сын Александра III — Николай II. Однако после 1904 г. традиция больших семейных обедов прервалась[196]. При этом абсолютный запрет на политические разговоры сохранился и для малых семейных застолий.

С некоторыми из родственников император Александр III позволял себе пошутить. Иногда это были весьма сомнительные шутки с точки зрения хорошего тона. Один из мемуаристов упоминал о подобной «шутке» императора со своей троюродной сестрой — принцессой Евгенией Максимилиановной Ольденбургской: «Принцесса почти всегда была одета в костюм-тайер, иногда синего, но чаще светло-серого или бежевого цвета. Этому полумужскому наряду полагалось иметь сзади раскрывающиеся фалды. И вот мы все были свидетелями того, как Александр III, самодержец всероссийский, осторожно подкравшись сзади к принцессе, ни с того ни с сего раскрыл эти фалды и

даже, манерно схватив кончиками пальцев, подержал их несколько секунд в таком положении. Спору нет, шутка эта была несколько дурного тона и какая-то чисто мальчишеская; вероятно, то была своего рода реминисценция тех невинных шуток, которые те же персоны шутили между собой лет сорок тому назад, когда они были детьми»[197]. Принцесса была, конечно, возмущена подобным мальчишеством российского самодержца.

Видимо, эти семейные шутки встречались и среди других родственников. Так, великая княгиня Ольга Александровна упоминала, что у них была своя шутливая фраза с герцогом Йоркским, сопровождавшая их на протяжении всей жизни. Как-то в юные годы в Дании, где собиралась многочисленная европейская родня, кузен шутя предложил Ольге «пойти покувыркаться с ним на оттоманке». Шутка запомнилась. Став взрослыми, встречаясь и вспоминая молодость, они возвращались и к своим прежним шуткам, и постаревший кузен мог, как в былые дни, шепотом предложить Ольге Александровне «пойти покувыркаться с ним на оттоманке». Их обоих крайне забавляло, что это «непристойное предложение» могли услышать посторонние люди[198].

Александр III глубоко уважал своего дядю — великого князя Михаила Николаевича, достойно представлявшего уходящую николаевскую Россию. Но его жену и детей не любил. Категорически. Межличностные отношения вообще иррациональны, но многие из современников писали о «корректном» антисемитизме Александра III. С. Ю. Витте предполагал, что причиной нерасположения к жене Михаила Николаевича — великой княгине Ольге Федоровне было то, что, «во-первых, великая княгиня Ольга Федоровна не была вполне образцовой супругой, а затем, во-вторых, главным образом потому, что она имела еврейский тип, ибо, как это известно в Бадене, она находилась в довольно близком родстве с одним из еврейских банкиров в Карлсруэ. Этот еврейский тип, а пожалуй, и еврейский характер, в значительной степени перешли и к некоторым из ее детей»[199].

Не любил он и своего будущего зятя, великого князя Александра Михайловича, сына Михаила Николаевича и Ольги Федоровны. С. Ю. Витте упоминал, что у великого князя Александра Михайловича «не только внеш-

ний тип еврейский, но что он обладает, кроме того, вообще отрицательными сторонами еврейского характера… Он очень не любил этого великого князя»[200]. Он согласился на брак своей дочери Ксении Александровны с Александром Михайловичем, только видя искреннюю влюбленность дочери и желая ей счастья.

Для великого князя Александра Михайловича отношение к нему Александра III не было тайной. Александр Михайлович упоминал о своем примечательном диалоге с царем. Как-то во время одной из поездок Александр III в поезде обратил внимание на резиновую ванну великого князя. Молодой князь, демонстрируя свою ванную, вскользь заметил, что наконец-то хоть что-то у него понравилось императору.

Были и те, кого Александр III просто не переносил и не особенно скрывал это. Так, во время одной из бесед с С. Ю. Витте император поинтересовался, много ли в Биаррице отдыхает русских. Узнав, что там бывает князь Георгий Лейхтенбергский, он заметил: «Что же, принц моет свое поганое тело в волнах океана?»[201]

Тем не менее жизнь брала свое, и во второй половине XIX в. начала повально нарастать практика морганатических браков, заключаемых членами российской императорской фамилии. При этом в «Основных законах» империи четко прописывалось, что дети от этих браков «не могут сообщить… прав, принадлежащих членам императорской фамилии»[202].

В 1820 г. великий князь Константин Павлович получил разрешение на морганатический брак с княжной Лович. Этот морганатический брак, первый в семье Романовых, создал прецедент, который начал периодически повторяться. Поэтому Александр I, с одной стороны, позволил брату жениться на любимой женщине, с другой стороны, урегулировал прецедент изменением юридических норм. Манифестом от 20 марта 1820 г. император Александр I внес дополнения в указ Павла I «Об императорской фамилии», связанный со вступлением членов императорской семьи в неравнородные браки: «Если какое лицо из императорской фамилии вступит в брачный союз с лицом, не имеющим собственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному дому; в таком случае лицо

императорской фамилии не может сообщить другому прав, принадлежащих членам императорской фамилии, и рождаемые от такого союза дети не имеют права на наследование престола»[203].

Следующий прецедент отмечен в 1850-х гг., когда старшая дочь Николая I Мария Николаевна тайно обвенчалась с графом Строгановым. Эти тайные браки великих князей и княжон неоднократно повторялись. Так, фрейлина императрицы Марии Александровны Нина Пилар была тайно обручена с великим князем Николаем Николаевичем (старшим). Младший брат просил императора дать ему разрешение на женитьбу, однако Александр II категорически отказал[204].

Так, в конце 1889 г. Александр III только из-за намерения великого князя Михаила Михайловича заключить морганатический брак фактически сослал его на окраину империи. Это событие, естественно, вызвало оживленные пересуды. Многочисленные Михайловичи были возмущены: «Семейство полагает, что такое изменение произошло под влиянием императрицы, которая опасается морганатических браков для своих сыновей. Что за чудовищное во всех отношениях ничтожество изображает из себя эта датчанка»[205].

Случались и просто скандальные связи, на которые высший свет закрывал глаза, хотя о них было всем прекрасно известно. Великий князь Николай Николаевич (старший) открыто жил с балериной Е. Г. Числовой. Великий князь Константин Николаевич на склоне лет также имел связь на стороне. Младший брат Александра III великий князь Алексей Александрович в молодые годы, несмотря на категорический запрет отца, тайно обвенчался в Италии с фрейлиной А. В. Жуковской, а в зрелые годы жил с замужней герцогиней Зинаидой Дмитриевной Лейхтенбергской, женой герцога Евгения Лейхтенбергского, которая справедливо считалась одной из красивейших женщин Европы.

Когда Александр III умер, его младшие братья, дяди молодого императора Николая II, ощутили себя в новом качестве. Если раньше они признавали официальное и неофициальное старшинство императора, то к племяннику они относились снисходительно. В лучшем случае. Между

собой они называли Николая II не иначе как «дурачок Ники». Да и по-другому быть не могло, поскольку сам молодой император был действительно инфантилен, и 26-летнего Николая II министр императорского двора граф И. И. Воронцов-Дашков воспринимал на уровне 14-летнего мальчика.

При Николае II морганатические браки стали скандальным, но довольно обычным делом. Дядя царя, великий князь Павел Александрович, овдовев, решил жениться во второй раз на разведенной жене полковника Пистолькорса. Николай II, прекрасно понимая, что за этим может последовать, попытался «хлопнуть кулаком по столу». 20 октября 1902 г. он писал матери: «Еще весною я имел с ним крутой разговор, кончившийся тем, что я его предупредил обо всех последствиях, которые его ожидают. К всеобщему огорчению, ничего не помогло… Как все это больно и тяжело, и как совестно перед всем светом за наше семейство! Какое теперь ручательство, что Кирилл не сделает того же завтра и Борис или Сергей М. не поступят также послезавтра? И целая колония Русской императорской фамилии будет жить в Париже со своими полузаконными или незаконными женами? Бог знает, что такое за время, когда один только эгоизм царствует над всеми другими чувствами: совести, долга и порядочности?»[206]

И предвидения царя вскоре оправдались. В 1905 г. двоюродный брат Николая II — великий князь Кирилл Владимирович женился на разведенной супруге великого герцога Дармштадтского Эрнста — Виктории-Мелите. Особую скандальность ситуации придавало то, что герцог Дармштадтский Эрнст был родным братом императрицы Александры Федоровны. Великого князя с треском уволили из флота и запретили проживать в России. Отец «разжалованного» великого князя — великий князь Владимир Александрович при поддержке своей жены Михень устроил грандиозный скандал, грозя оставить все официальные посты. Но, надо отдать должное, Николай II не изменил своего решения.

Тем не менее под давлением обстоятельств в августе 1911 г. в примечании к статье 188 полный запрет на неравнородные браки был сохранен только для великих князей и великих княжон[207]. Это решение создало юридический прецедент для заключения брака племянницы Николая II Ирины

Александровны (дочери младшей сестры царя — Ксении Александровны) с Феликсом Юсуповым.

Одним из последних громких морганатических браков в семье Романовых стала женитьба младшего брата Николая II — великого князя Михаила Александровича на Наталии Сергеевне Вульферт в 1913 г. Наталия Сергеевна Вульферт, в девичестве Шереметевская, имела довольно скандальную репутацию. Дочь московского адвоката и польки, она в 1902 г. вышла замуж за московского актера Мамонтова. В 1905 г. развелась с ним и во второй раз вышла замуж за ротмистра Вульферта, служившего в гвардейском полку «синих кирасир». Полком командовал великий князь Михаил Александрович. Наталия Вульферт немедленно стала его любовницей. Она развелась с Вульфертом и вскоре родила великому князю ребенка. Весной 1913 г. они выехали из России.

Этому браку пытались воспрепятствовать. Чинов дворцовой полиции и заграничную агентуру подняли на ноги. В мае 1913 г. любовники поселились в Берхтесгадене, на границе Верхней Баварии и Тироля. Однако великому князю удалось обмануть плотное кольцо негласной охраны. Михаил Александрович публично упомянул о своем намерении посетить Ниццу. Именно туда и были брошены все агенты. Но сам великий князь выехал в Вену, куда раньше отправился его доверенный. В Вене была православная церковь, устроенная сербским правительством для своих подданных. Настоятель этой церкви за тысячу крон наскоро тайно обвенчал высокую чету[208]. Николаю II пришлось запретить брату въезд в Россию.

При Николае II великие князья попытались изменить свое положение и начать играть новую роль. Более активную. Фактически это означало, что большая семья становилась не более чем фикцией. Борьба честолюбия и высочайшего эгоизма окончательно расколола ее на несколько враждующих кланов. Однако всё оправдывалось, конечно, высокими устремлениями. Об этом писал великий князь Александр Михайлович: «Мы просто хотели, чтобы нам позволили занимать должности в различных казенных учреждениях, и преимущественно в провинции, где мы могли бы быть полезны тем, что служили бы связывающим звеном между царем и русским народом».

Однако Николай II, несмотря на свою неопытность, уже вполне понимал, насколько для него усложнится процесс управления страной, когда ему придется навязывать свою волю и конфликтовать с родственниками, а не с покорными министрами. Кроме того, Романовы фактически были недоступны для обычного правосудия, но при этом их «проколы на работе» сильно били по авторитету всей императорской семьи. Поэтому молодой царь, сославшись на вековые традиции династии Романовых, немедленно пресек эти поползновения: «В продолжение трехсот лет мои отцы и деды предназначали своих родных к военной карьере. Я не хочу порывать с этой традицией. Я не могу позволить моим дядям и кузенам вмешиваться в дела управления»[209].

Во взаимоотношениях с родственниками вплоть до 1917 г. существовали и другие традиции. Например, уехать за границу великие князья могли только после официального разрешения императора. И такое разрешение они должны были «испрашивать» у государя. Конечно, как правило, это была довольно пустая формальность, и неофициально все сводилось к прощальному свиданию в дружественной обстановке обеденного стола[210]. Однако эта традиция позволяла царю контролировать перемещения своей многочисленной родни и просто быть в курсе ее намерений. Со временем и в силу своего официального положения Николай II приобрел некоторую сноровку в обращении с родственниками.

Конечно, в бытность Николая II цесаревичем у него были дружеские отношения со своими многочисленными кузенами. Однако со временем император замкнулся в себе, поскольку дружить с кем-либо из своего окружения в обыденном значении этого слова он не мог. Это было связано с возможным влиянием на принятие решений. Эта история при российском императорском дворе повторялась не единожды. Дружба с ровесниками в мальчишеские годы — и постепенное ее охлаждение после восшествия на престол. В лучшем случае на роль друга могла претендовать жена императора, но и подобное случалось не слишком часто. Даже небольшие и неформальные встречи с кем-либо из императорского окружения «казались чем-то из ряда вон выходящим при российском дворе с его устоявшимися

и неизменными традициями»[211], поскольку это «общение в неформальном кругу противоречило всем традициям русского двора»[212].

Со временем стратегию отношений Николая II с родственниками стала определять жена — императрица Александра Федоровна. Общеизвестно, что Александра Федоровна не пользовалась симпатией ни со стороны вдовствующей императрицы, ни со стороны многочисленной родни. Можно сколько угодно говорить о ее болезненной застенчивости, но остается фактом, что ни одна из императриц XIX в. не вызывала столь единодушной неприязни родственников. В свою очередь, она платила им холодным высокомерием. Всех тех, кто входил в так называемый большой свет, она презрительно называла «бриджистами»[213].

Отдых в императорской семье

Каждая эпоха рождает свои формы отдыха и развлечений. Они органично вырастают из соответствующих возможностей и традиций. Если говорить об императорской семье, то под отдыхом мы будем рассматривать те формы досуга, которые связаны с пребыванием семьи вне Петербурга. Именно с целью отдыха и развлечений. Хотя, безусловно, для императора, стоящего во главе огромной государственной машины, само понятие отдыха имело весьма относительный характер. Также, говоря об отдыхе, мы затронем и эволюцию средств передвижения, которые делали само понятие «курорт» более доступным.

У российских императоров, естественно, были свои предпочтения в том, что они понимали под отдыхом. Поэтому положение и возможности монархов превращали отдых в самостоятельную сферу дворцовой жизни и обслуживавшей ее инфраструктуры.

Те или иные формы отдыха российских монархов, безусловно, оказывали влияние на российскую аристократию, делая их модными среди петербургского бомонда. В результате российская аристократия, вольно или невольно, начинала отдыхать именно в императорской манере.

Следует также иметь в виду, что на формы отдыха накладывали отпечаток традиционные сезонные переезды российских императоров из одной

Старый дворец в Ливадии

резиденции в другую. Как правило, зиму российские императоры проводили в Петербурге, в Зимнем или Аничковом дворцах. Только с 1881 по 1894 г. Александр III зимой жил в Гатчине, периодически переезжая в Аничков дворец. Весной семья могла несколько дней прожить на Елагином острове, а затем, во второй половине мая, перебиралась в Царское Село. В июле, с наступлением летней жары, переезжали «на море» — на побережье Финского залива, в Петергоф. В конце июля — начале августа мужчины либо переселялись в Красное Село, где начинались традиционные маневры, либо регулярно ездили туда из Петергофа[214]. Осенью вновь наступал черед

Царского Села, где жили до глубокой осени, возвращаясь в петербургские резиденции только в конце октября — начале ноября. Со времен Александра II осенью, в бархатный сезон, царская семья стала периодически выезжать в свою крымскую резиденцию — Ливадию.

Хобби

Одной из форм отдыха российских монархов было то, что сейчас мы называем «хобби». Этим разнообразным занятиям, дающим возможность отвлечься от череды бесконечных дел, они посвящали некоторую часть своего времени. Характер этих увлечений был очень разным. Присутствовали почти обязательные увлечения, связанные с расширением коллекций Императорского Эрмитажа и Кунсткамеры. Но наряду с этими весьма затратными пристрастиями существовали и «пустяки» (собирание коллекций марок и монет), которые более рельефно показывают личностные особенности российских императоров.

В 1822 г. император Александр I устроил ферму в Царском Селе. Для этого он выписал быков и коров тирольской, венгерской, швейцарской, английской, голландской, холмогорской и малороссийской пород. Всего 62 головы и 100 мериносов. Конечно, он сам не занимался уходом за племенным стадом, но с удовольствием посещал ферму и гордился тем, что сукно его мундира было выработано из шерсти «его» мериносов[215].

Жена Николая I — императрица Александра Федоровна, страстно любя живопись и поклоняясь таланту Рафаэля Санти, могла позволить себе оформлять покои картинами из Эрмитажа. Периодически их заменяли новыми работами, которые императрица хотела видеть на своей половине. Но при этом даже императрица не считала себя вправе оставлять картины на своей половине навсегда, поэтому Николай I «заказал для нее копии тех картин, которые она особенно любила»[216].

В свою очередь Николай I положил начало «мужской» коллекции приватного собрания предметов эротического искусства. Это увлечение в той

или иной степени продолжили Александр II, Александр III и Николай II. Результатом этого увлечения стало формирование обширной и уникальной «эротической коллекции», включавшей в себя как гравюру и живопись, так и декоративную пластику.

«Первая охота»

С момента появления Великого княжества Московского и на протяжении многих веков охота считалась самой достойной формой проведения досуга российских монархов. Зачастую охота как забава для высшего дворянского сословия совмещалась и с обсуждением и решением важнейших государственных и внешнеполитических вопросов[217].

Регулярная охота на зверя и птицу была не только древнейшей составляющей повседневной жизни русских царей и императоров, но и традиционным отдыхом. Как и любая другая царская забава, охота имела своих страстных поклонников. С одной стороны, из российских монархов XIX — начала XX в. к охоте более чем спокойно относились Александр I и Николай I. С другой стороны, их преемники — Александр II, Александр III и Николай II были страстным любителями охоты.

У каждого из них имелись свои охотничьи предпочтения. Так, Александр II с молодых лет привык ходить на крупного зверя. Достаточно рано его начали приучать к охоте, которую он полюбил на всю жизнь. По свидетельству воспитателя цесаревича К. К. Мердера, он уже в десятилетнем возрасте владел техникой ружейной стрельбы. С тринадцати лет охотился на уток и зайцев, в четырнадцать впервые принял участие в охоте на волков, а в девятнадцать лет убил своего первого медведя[218]. Именно при Александре II медвежья охота вошла в моду при императорском дворе.

В Гатчинском арсенале хранится коллекция охотничьих рогатин, с которыми Александр II лично ходил на медведей[219]. Этот вид охоты всегда считался весьма рискованным. И Александр II не раз подвергал свою жизнь реальной опасности. Во время охотничьего сезона 1872 г. произошел до-

статочно серьезный эпизод. Охота проходила в Малой Вишере. Раненый медведь бросился на Александра II, и только меткость унтер-егермейстера И. В. Иванова и расторопность рогатчика спасли жизнь императору. Позднее Иванов был награжден специально отчеканенной в единственном экземпляре золотой медалью на Владимирской ленте с надписью «Благодарю», а рогатчик — медалью «За спасение».

Александр III, как и его отец, был страстным охотником. Он рано включился в эту царскую забаву. Еще мальчишкой он охотился на птицу, а подростком — уже на более серьезную дичь. Двадцатилетним юношей охотился на медведей. В 1860-х гг. Александр II охотно брал с собой подросших сыновей на охоту. В апреле 1865 г. на одной из высочайших охот великие князья Александр и Владимир Александровичи убили по первому медведю[220].

Особенно ценил Александр III охоту в Беловежской пуще. Именно там для императора в 1880–1890-х гг. был построен дворец, единственный новый дворец за все тринадцать лет его царствования. Следует отметить, что Беловежская пуща как охотничий заказник использовалась с начала 1860-х гг. На ее территории для организации поистине «царской» охоты десятилетиями проводилась селекционная работа. При Александре III в Беловеж были завезены зубры с Кавказа. При этом еще в 1870-х гг. поголовье зубров в Беловеже составляло 400–500 голов. Зимой зверей подкармливали.

Следует отметить, что и для самого царя, и для его окружения существовали довольно жесткие неписаные правила охоты. Так, запрещалось стрелять по зубрихам, лосихам, диким козам, маткам оленей и ланей. Конечно, случались и ошибки. Когда министр императорского двора и близкий соратник Александра III граф И. И. Воронцов-Дашков по ошибке застрелил зубриху, то Александр III счел своим долгом сделать ему резкое замечание. Опасаясь гнева царя, несмотря на очевидный риск, охотники старались подпустить зубров как можно ближе, чтобы не допустить ошибки с полом животного[221]. В императорском имении на территории Царства Польского — Спале разрешалось бить только тех оленей, у которых было не менее десяти отростков на рогах. Можно только представить, что испытывали охотники, которые должны были в стрессовой ситуации отличить корову от

самца или успеть посчитать отростки на рогах у матерого оленя, мчащегося на них. Тем не менее результатом последовательной селекционной работы и довольно строгих правил охоты стало то, что к концу XIX в. поголовье зубров в Беловежской пуще составило уже 1400–1600 голов. И это несмотря на достаточно внушительные итоги каждой из царских охот. Например, в последнюю осень императора Александра III в 1894 г. в Беловеже было убито 36 зубров, 37 лосей, 25 оленей, 69 козлов[222]. При Николае II размах царских охот был полностью сохранен. Так, осенью 1897 г. в Беловежской пуще царственные охотники и их гости (всего 15 человек) убили более сотни зубров[223].

Существовали и свои традиции. Например, в Спале охотники, убившие первого и последнего оленя за охотничий период, должны были разом выпить рог шампанского, вмешавшего целую бутылку[224].

Николай II, как и отец и дед, был страстным охотником. Он охотился везде, где была такая возможность. В дневнике он непременно фиксировал свои охотничьи успехи. В 23 года, 8 декабря 1891 г. цесаревич Николай Александрович убил двумя пулями своего первого лося: «Радость была огромная, когда я его повалил!»[225]

Активно охотились и в пригородах Петербурга. О размахе пригородных охот дает представление дневник Николая II, в котором он тщательно фиксировал спутников по охоте, ее обстоятельства и итоги.

1895 г. 19 июля: «Охота на уток была очень удачна; всего убили 360 штук, выстрелов сделали 911». На этой охоте Николай II убил 72 утки. Для него это было более чем скромно. Количество дичи, убитой лично Николаем Александровичем, составляло десятки, сотни и тысячи штук. Например, английский посол Дж. Бьюкенен упоминал, что рекорд был поставлен на одной из охот, когда царь лично настрелял за один день 1400 штук фазанов[226].

Если привести все выписки из дневника Николая II, посвященные охоте за 1904 г., то вырисовывается следующая картина.

11 января. Охота в Гатчине в фазаннике, близ ремиза: «Охота была весьма удачная — всего убито 879 штук. Мною: 115 — 21 куропатка, 91 фазан, беляк и 2 кролика». *18 января.* «Охота была в том же фазаннике и вышла очень удачною. Всего убито: 489. Мною: 96 — 81 фазан и 14 куропаток и

беляк». *20 апреля.* «В час ночи поехал на ток около Гатчины и убил 2 глухарей». *27 апреля.* «Ночью поехал в другой глухариный ток за дер. Замостье. Погода была теплая, но ветреная. Убил 2 глухарей». *7 октября.* «В 9 час. отправился на охоту за Гатчину в Елизаветинскую дачу. Знакомые круги по облавам в 1895 г. Со мною поехали д. Алексей, т. Михень, Ники, Борис, Фредерикс, кн. Г. С. Голицын, Гессе, Гирш. Погода стояла отличная, тихая, без солнца. Завтракали в новом домике. Всего убито: 490 штук. Мною: 10 тетеревей, рябчик, куропатка, 2 русака и 45 беляков, вальдшнеп, всего — 60. Очень наслаждался этим, проведенным на свежем воздухе. Вернулся в Царское в 6¼. Принял доклад Будберга и читал до 8 час.». *14 октября.* «В 7½ выехал почти с теми же на охоту. У Егерской слободы вышли из поезда и отправились в Туганицы. Облава была очень удачная, летала масса пера. Погода была серая, тихая и приятная. Всего убито: 210 штук. Мною: 11 тетеревей, с[ерая] куропатка, вальдшнеп, рябчик, 3 русака и 10 беляков; всего 27». *21 октября.* «В 8 час. отправился на

Николай II на охоте

облаву под Петергофом. Взяли загоны от жел. дор. к Марьино, где утопали в болоте. Завтракали у д. Ольгино в палатке и оттуда дошли загонами за дорогу из Бабигона в Настолово. Погода сделалась серая, и задул свежий ветер. В 6½ вернулся в Царское. Всего убито: 511. Мною: 6 фазанов, 5 тетеревей, сова, 3 русака и 35 беляков — итого 50». *4 ноября.* «В 7¼ отправился по жел. дор. в Красное Село, оттуда с другими охотниками, прибывшими из города, в Ропшу. Охота была вокруг Глядина. Ветер сначала дул очень сильно, мороз был небольшой. Завтракали в чайном домике. Всего убито: 670 штук. Мною: 4 фазана, 2 тетерева, 9 сер. куропаток, 7 русаков и 25 беляков — итого 47 штук». *11 ноября.* «Поехал в Петергоф. Охота происходила в Знаменском фазаннике; принимали участие: т. Михень, д. Алексей, Петюша и Галл. Погода стояла очень приятная, тихая, серая оттепель. Охота началась в 10½ и кончилась в 3 часа, с часовым перерывом для завтрака в домике конторы охоты. Убил 144 фазана; всего убито: 522. Фазанов 506, зайцев 16». *18 ноября.* «В 12½ отправился по новой Моск.-Винд. Рыб. жел. дор. на наши охотничьи места. У переезда за первой станцией сел в сани и поехал прямо к кругу. Взяли один большой загон, весьма удачный по результату. Я убил двух хороших лосей на месте, Димка Голицын — большого быка». *24 ноября.* «В 12½ поехал на охоту в Царско-славянский лес. Погода была скверная, дуло, и шел мокрый снег. Убил лося с хорошими рогами, но всего с 4-мя отростками». *30 ноября.* «После обычных докладов отправился на охоту на лосей. Взяли два круга, но стрелять не пришлось, так как быки прорвались назад, вышли на линию только коровы».

Это достаточно типичная подборка записей в дневнике Николая II о его охотах. Во-первых, следует отметить, что выезды на охоту не были столь уж частым делом. В относительно спокойном 1904 г. (война с японцами началась в январе этого года) царь охотился в зимний сезон — четыре раза и осенью — восемь раз. Всего за год он сумел выбраться на охоту только двенадцать раз. И это при том, что все зависело только от его желания, поскольку организацией охот занималось целое придворное подразделение. Во-вторых, обращает на себя внимание тщательная фиксация итогов охоты вообще и своих личных результатов. В-третьих, царь с удовольст-

вием фиксировал чрезвычайные происшествия на охоте. Конечно, все то, что выбивалось из запланированного круга событий, оставалось у него в памяти. В-четвертых, Николай II тщательно перечислял всех участников этой забавы — это выработанная годами привычка. В-пятых, обращает на себя внимание периодически зашкаливающее за все разумные пределы количество убитой дичи. Как правило, дичь в таком количестве убивалась в царских «зоопарках» под открытым небом — в так называемых зверинцах, когда животных просто гнали под выстрел императора. Следует отметить, что это также было частью дворцовых традиций, зародившихся еще в XVIII в., когда императрица Анна Иоанновна буквально наваливала горы дичи своей меткой стрельбой.

В последующие годы аналогичные записи повторялись каждый сезон. Какими бы ни были тревожными политические события, Николай II старался ежегодно вырваться на столь любимую им охоту. Но в записях попадались и вариации. Так, с 1905 г. к традиционным местам охоты добавились и финские шхеры, где стала отдыхать императорская семья. Охота в шхерах носила импровизированный характер (что царь особо отмечал в дневнике), но от этого была не менее масштабной. Так, на импровизированной охоте в финских шхерах 5 сентября 1905 г. в качестве загонщиков было задействовано 125 матросов. Правда, результаты охоты оказались мизерные. На этой охоте царь убил одну (!) тетерку, а один из офицеров — лисицу и зайца. Но при этом все получили массу удовольствия, поскольку погуляли «по делу» и при этом постреляли.

Примечательно, что в очень тяжелые и тревожные дни осени (октябрь — ноябрь) 1905 г., когда в стране полыхала первая русская революция, и охрана фактически изолировала Николая II в его резиденциях, тем не менее он достаточно регулярно продолжал выезжать на охоту. Любопытно, что по перечислению спутников на царской охоте можно с уверенностью фиксировать появление новых фаворитов. Так, 6 января 1906 г. Николая II впервые сопровождал на охоту генерал Д. Ф. Трепов, назначенный в октябре 1905 г. дворцовым комендантом и оказывавший огромное влияние на формирование внутренней политики этого периода.

По перечисленной дичи можно сделать вывод и о степени квалификации Николая II как ружейного охотника. Например, 16 января 1906 г. три охотника (Николай II, Д. Ф. Трепов и великий князь Петр Николаевич) застрелили в процессе «весьма удачной охоты» в Петергофском Знаменском фазаннике 626 штук дичи, из них — 601 фазан. Из этого количества дичи на долю Николая II пришлось 90 штук (86 фазанов, русак и три беляка). То есть на его долю пришлись весьма скромные 14,37 %. Иногда царь так и упоминал в дневнике: «Стрелял плохо». Хотя следует отметить, что количество дичи для Николая II было на охоте не самым главным делом. В дневнике он подчеркивал, что «погода была удивительная, все наслаждались и радовались»; «как всегда чувствовал себя после охоты бодрым». С 1906 г. в организации охоты появилось весьма существенное изменение. На охоту начали выезжать на «моторах», то есть автомобилях. Это было не только данью моде, но и отвечало требованиям усиления личной охраны царя в условиях массового политического террора.

За организацию царской охоты отвечал довольно обширный персонал. Как структурное подразделение императорского двора эта служба возникла еще в 1742 г. С 1882 г. по 14 апреля 1917 г. она действовала под названием Управление императорской охоты Министерства императорского двора[227]. В ведении императорской охоты был довольно широкий круг задач: организация императорских охот; приобретение и содержание собак и лошадей; наблюдение за выездкой верховых лошадей, натаскивание собак; обучение персонала охотничьему делу; покупка и ремонт ружей; истребление хищных зверей в окрестностях загородных дворцов; надзор за частными лицами, производящими охоту. Во главе этого подразделения стояли обер-егермейстеры. Среди них были известные личности, десятилетиями отвечавшие за организацию царских охот. Например, около двадцати лет (с 15 сентября 1852 г. по 12 января 1871 г.) подразделением руководил П. К. Фрезен, облик которого запечатлен придворным художником М. Зичи на «охотничьей» колоде карт, подаренной художником Александру II. Почти тридцать лет (с 6 ноября 1889 г. по 28 марта 1917 г.) во главе подразделения стоял князь Д. Б. Голицын[228].

Собственно организацией охот ведала Охотничья часть. Ее персонал с 1857 г. базировался в Гатчине в Егерской слободе, расположенной поблизости от дворца. До настоящего времени сохранилось несколько домов, отстроенных еще в XIX в., с наличниками, богато украшенными резьбой. Охотничья команда в полном составе кроме дневальных и дежурных включала в себя: егерей — 19 человек, стременных — 10 человек, доезжачих — два человека, выжлятников — восемь человек, тенетчиков — 15 человек, конюшенных — 13 человек, наварщиков — один человек, корытничих — два человека, кучеров — два человека, лесников — два человека. Всего 74 человека[229]. Кроме профессионалов к царской охоте в качестве загонщиков могли привлекаться крестьяне из окрестных деревень.

Высочайшей называлась всякая охота, в которой принимали участие особы императорской фамилии. По числу охотников это были очень разные охоты. Иногда собирались весьма многочисленные компании. Так, в высочайшей охоте 24 февраля 1906 г. «в Фазаннике и за Ремизом» приняло участие 12 человек. Из них три человека[230] были из «семьи», а остальные участники — близкие к ним лица. Охота продолжалась с 10 часов утра до 5 часов вечера, с завтраком в Лисьих Буграх. Всего было сделано более двух тысяч выстрелов. Настреляли «по мелочам», но много. Больше всего было фазанов (508 штук).

Иногда охоты носили камерный, семейный характер, когда главной была не дичь, а возможность побыть на природе и отключиться от бесконечного круговорота дел. Так, 3 мая 1906 г. охотились великий князь Владимир Александрович и его жена Мария Павловна. Они приехали из Петербурга в Гатчину в 7 часов 30 минут вечера и вернулись с охоты в 4 часа утра. За это время они сумели убить только по одному рябчику. Видимо, они приезжали на глухариную охоту, однако, как отмечено в документе, «глухари не пели»[231]. Николай II в эти годы охотился редко. 13 сентября 1907 г. царь с женой приехали на охоту из Петергофа «на моторах». Однако они не стреляли.

В Отделе рукописей РНБ хранится уникальный документ, названный «Журналом императорской охоты № 9, составленным ловчим Владимиром Романовичем Дицем»[232]. В этом «Журнале» приводятся данные охотничьих

успехов Николая II с 1884 г., когда будущему императору было 16 лет, по 1909 г., когда Николаю II исполнился уже 41 год.

Если говорить о серьезных трофеях, то за эти 15 лет Николай II добыл 638 830 зверей и птиц. Следовательно, в среднем за год царь отстреливал по 25 553 зверя и птицы. Отдельные года были особенно успешны в плане охоты. Только в 1889 г., в 21 год, Николай Александрович настрелял колоссальное количество зверья, почти 50 тысяч голов (49 753). Трудно сказать, как это ему удалось, но в те годы у цесаревича досуг был. В другие годы в среднем количество трофеев определялось цифрой в 5–8 тысяч голов (включая птицу). В 1898 г. общее количество добытого зверья перевалило за 13 000 тысяч (13 011 голов).

Если брать «серьезных» зверей, то за 15 лет царь застрелил 245 медведей, то есть он «брал» примерно по 16 медведей в год. Конечно, год на год не приходился, в 1905 г. царь застрелил только одного медведя. В это время, когда в стране полыхала революция и эсеровские террористы охотились за высшими сановниками, царь отсиживался в своих пригородных резиденциях. Самыми результативными «медвежьими» годами были 1889 г. — 19 медведей и 1908 г. — 13 медведей.

Эксклюзивной и истинно царской считалась охота на зубров. Примечательно, что на зубров российские монархи могли охотиться и в пригородах Петербурга, куда животных доставляли из Беловежа. Содержались зубры в пригородных императорских охотхозяйствах. Естественно, это были единичные экземпляры. Охотились на зубров в пригородах Петербурга только члены императорской семьи. Например, 8 декабря 1906 г. во время высочайшей охоты на Царскославянской даче великий князь Михаил Александрович застрелил зубра в 43 пуда весом. Интересно, что остальные гости, бывшие на охоте (великая княгиня Ольга Александровна, подполковник Плешков, корнет Куликовский), обошлись без стрельбы. Охота была достаточно скоротечной. Выехали в 12 часов 15 минут, вернулись домой уже в 2 часа дня[233].

Однако самой роскошной охота на зубров была в Беловежской пуще. Подобные мероприятия с десятками убитых зубров могли позволить себе

только российские императоры. Эти охоты носили и политический оттенок. Беловежская пуща, расположенная на западной границе России, была легко достижима для европейских монархов и политиков. И на царской охоте можно было не только охотиться, но и в неформальной обстановке решать политические вопросы. Известно, что Вильгельм II очень хотел поохотиться на зубров в Беловеже, но Александр III так и не пригласил германского императора. Причиной тому были как личная неприязнь Александра III к Вильгельму II, так и политика, приведшая Россию в стан противников Германии по военно-политическому союзу Антанте.

Судя по документам, Николай II за 15 лет, с 1886 по 1909 г., застрелил 104 зубра, в среднем по семь зубров в год. Первые семь зубров были убиты цесаревичем Николаем в Беловежской пуще в сентябре 1894 г. Это было время последней болезни Александра III. Тем не менее и сам император, и его дети регулярно выезжали и успешно охотились на зверя. В 1897 г. Николай II прибыл в Беловеж уже как император, после официального вояжа по европейским странам. Естественно, именно на него и гнали царственного зверя. В результате Николай II лично добыл 37 зубров. В 1898 г. успехи оказались гораздо скромнее — всего два зубра. Видимо, они были застрелены в пригородах Петербурга. В 1900 г. вновь организовывалась охота в Беловеже. В этот сезон Николай II поставил свой личный рекорд, застрелив 41 зубра. В последующие годы результаты были куда скромнее, поскольку политическая ситуация в стране обострялась и возможности выехать в Беловеж уже не было. Последний раз большая охота на зубров у Николая II состоялась в 1903 г., когда ему удалось застрелить 12 зубров[234]. Под «последним разом» имеются в виду данные цитируемого документа. После стабилизации ситуации в стране (после 1909 г.) Николай II еще несколько раз посетил Беловеж, однако архивных данных об охотничьих успехах царя за этот период у нас нет.

Примечательно, что после начала Первой мировой войны все германские подданные, находящиеся на службе в Министерстве императорского двора, были интернированы. К таким подданным относился и ловчий царя Владимир Романович Диц. Однако Николай II счел необходимым лично

вмешаться в его судьбу. По свидетельству мемуариста, «после объявления войны Германией двух германских подданных, подлежащих поселению в концентрационном лагере (садовника в Ливадии и царского егеря)»[235], было приказано оставить на своих местах.

«Вторая охота»

Регулярная охота на зверя и птицу была важной частью повседневной жизни русских царей и императоров. Но «вторая охота» — рыбалка не была таким уж частым увлечением Романовых. Пожалуй, из всех русских царей самым страстным любителем рыбалки являлся император Александр III.

Тем не менее возможности для рыбалки в императорских резиденциях были обеспечены. В Петергоф для пруда при павильоне Марли еще при Петре I были доставлены из Пруссии язи, головли, судаки и сазаны. В Большом Марлинском пруду рыба по звону колокольчика подходила к самому берегу, откуда ей бросали корм[236]. В Гатчине в шестигранном Карпином пруду, вырытом в 1796 г. по личному распоряжению Павла I, разводились карпы, выпущенные в пруд в 1797 г. Рыбу кормили, также приманивая звуком колокольчика. Рыбачить в Карпином пруду разрешалось только членам императорской семьи[237].

Самым заядлым рыбаком из Романовых считался Александр III. «Рыбачить» он начал, будучи еще двухлетним ребенком. Летом 1847 г. в Петергофском парке дети Александра II «ловили» рыбу в пруду у павильона Марли. Как писал родителям мальчика один из воспитателей: «Теперь у нас появилась новая забава: кормить и удить рыбу в Марли. Эта забава так занимает их, что старший, как только увидит меня поутру, то уже и спрашивает: «Когда пойдем в Марли?» …Надобно видеть их удовольствие, их радость, когда удается вытянуть рыбку. Каждый выбрал себе особую удочку, и хотя сам и не держит ее постоянно, но рыбка считается того, чья удочка»[238].

Младшим братьям Александра III тоже в детстве дарили удочки. Так, в сентябре 1866 г. в Ливадии девятилетнему великому князю Сергею Алек-

сандровичу подарили «снаряд для рыбной ловли», проще говоря — удочку. Мальчишки тут же опробовали «снаряд» в Ориандском бассейне. Конечно, поймать в нем три огромных форели оказалось не очень сложно, и юные рыбаки были в восторге[239]. Когда Сергей Александрович вырос, он периодически возвращался к своему детскому увлечению, видимо, навыки у него имелись. Летом 1875 г. он рыбачил в Финском заливе («удил в море») вместе с герцогом Эдинбургским Альфредом[240], и они «поймали много рыб»[241].

Став взрослым, великий князь Александр Александрович не оставил эту забаву. Граф С. Д. Шереметев упоминает, что однажды на маневрах под Петербургом цесаревич с приближенным и «в свободное время отправились ловить рыбу. В тех местах чудные ручьи. Явился какой-то местный помещик, большой рыболов, и указал нам на хорошие места»[242].

Среди великих князей практиковалась даже зимняя рыбалка. Правда, эта экстремальная и популярная ныне забава тогда не была столь распространена. Да и судя по воспоминаниям, великие князья по большей части только следили за процессом ловли рыбы. Великий князь Сергей Александрович описывает процесс следующим образом (16 ноября 1874 г.): «Сегодня и вчера занимались на льду ловлей налимов. Это очень просто! Константин Андреевич обухом ударял по льду, где находилась рыба; от этого сильного удара рыба глохнет, вырубают лед, и она всплывает»[243].

Любимой резиденцией Александра III была Гатчина с ее прекрасными парковыми прудами. Именно в них, зная об увлечении царя рыбалкой, специально разводили рыбу. Судя по письмам императора к жене, это занятие он рассматривал как ежедневный отдых после напряженного рабочего дня, который у царя регулярно заканчивался за полночь. Так, в письмах, датированных маем 1884 г., он постоянно упоминал о своих рыбалках. Например, 10 мая 1884 г. он писал, что пошел «на озеро ловить рыбу и поймал 37 штук». На следующий день он рыбачил с детьми и поймал «много карасей».

Судя по записям, любимой рыбалкой императора была ночная. Причем рыбалка активная — лучение рыбы острогой. Смысл в том, что рыба дремлет на поверхности, и вся задача — ударить ее острогой: «Тлеющий на лодке огонек освещает воду. Ночная тишина и шепот на лодке способствуют

настроению. Государь наслаждался этой тишиной и, как художник, понимал и чувствовал ее красоту»[244]. 13 мая 1884 г. он писал жене: «Я занимался до 10 часов, а потом пошли с Барятинским на озеро ловить рыбу и поймали 49 штук, и я — двух больших язей, одного в 4 фунта. В 2½ вернулись, закусили и легли спать». 16 мая 1884 г.: «Занимался до 10 часов и потом пошел в последний раз на озеро ловить рыбу, но неудачно; поймали всего 13 штук, но одну большую щуку. В 2¼ вернулся».

О том, как проходили ночные рыбалки Александра III, рассказывал его камердинер. Александр III выезжал на рыбную ловлю на Гатчинское озеро обыкновенно после полуночи. В лодке кроме императора находились матросы-гребцы и егерь. Позади шла еще одна лодка, в которой сидели только матросы. Егерь светил факелом, а вооруженный острогой император Александр III бил по привлеченной ярким светом всплывавшей рыбе. Такой способ ужения, древний как мир, называется *лучением* и на сегодняшний день считается браконьерским.

Весной 1884 г. по личному указанию Александра III для лучения рыбы с плотов было приспособлено электрическое освещение. На эти рыбные ловли снаряжалась особая охрана, обычно в составе 20 человек. Команда эта вверялась, как правило, унтер-офицеру — камердинеру, причем только он один имел право идти за лодкой по берегу, солдаты же, входившие в состав команды, обязаны были следовать за императором, скрываясь в кустах. С рыбной ловли император возвращался очень поздно, иногда даже на рассвете.

Ловили рыбу на прудах и неводом («поймали мало, все щуки маленькие, всего 15 штук»), но любимой забавой царя на протяжении всей жизни продолжала оставаться именно ночная рыбалка. Так 22 апреля 1892 г. он писал жене: «Был три раза ночью на озере, но рыбы еще мало, ночи холодноватые и я вернулся домой уже в 1¼ и занимался».

Император Александр III любил отдыхать в Финляндии, которая с начала XIX в. входила в состав Российской империи. В немалой степени его привлекала туда именно отличная рыбалка. Впервые Александр III как император посетил Финляндию в сентябре 1882 г. Рыбалка в финских

шхерах и на порогах рек доставила ему немало приятных минут. Он очень ценил такой отдых. Поэтому для Александра III на острове Ляхделахти был построен двухэтажный рыбачий домик. Финны до сих пор хранят память о визитах русского царя, и сейчас в этом доме находится музей. Были у русского царя и партнеры по рыбной ловле. Так, в конце 1880-х гг. он рыбачил на Аландских островах с рыбачкой Финой.

Любопытно, что увлечение мужа разделяла его жена — императрица Мария Федоровна. Изредка она тоже сидела с удочкой. Даже после смерти мужа она продолжала периодически заниматься рыбалкой. До нас дошла фотография вдовствующей императрицы с удочкой в руках. Любопытно, что удочка явно самодельная, вырезанная из простой длинной ветки. При этом червей вдовствующая императрица насаживала сама. Рыбачила императрица, как правило, в Гатчине и Петергофе. В июле 1896 г. Николай II записал в дневнике в Петергофе: «Гуляли и присутствовали при ловле рыбы Мама́».

Увлечение царя рыбалкой оставило след и в большой истории России. По легенде, которая передавалась многими современниками, на упоминание министра о том, что его ждет посол одной из европейских держав, Александр III бросил фразу: «Когда русский царь удит рыбу — Европа может подождать!»

«Третья охота»

«Третья охота», то есть собирание грибов, была очень нечастым занятием членов императорской семьи. Скорее всего, эта забава была уделом детей. При этом грибы собирали в достаточно ухоженных дворовых пригородных парках. Эта традиция передавалась из поколения в поколение в императорской семье. Самыми грибными считались петергофские парки. По очень простой причине — в грибной сезон императорская семья жила именно в Петергофе. Когда Александр II был еще цесаревичем, и его семья жила во дворце в парке Александрия, его многочисленные сыновья, гуляя, собирали ягоды и грибы[245].

Собственно, говорить об этом увлечении позволяют очень редкие упоминания в дневниках и мемуарах. Великая княгиня Ольга Александровна вспоминала, что в Петергофе «папа вставал очень рано и отправлялся в лес, к обеду он приносил большую корзину грибов. Иногда он брал с собой кого-нибудь из нас, детей»[246].

Николай II в дневниковых записях также периодически упоминал о своих походах за грибами. Так, 8 августа 1896 г. он записал: «Искали грибы и нашли 184 штуки в полтора часа». Эта лаконичная неэмоциональная запись дает основания предполагать, что грибы были найдены в Петергофском парке Александрия. Как правило, сбор грибов был делом женской части семьи и детей, но иногда в этой забаве принимал участие и сам император. Видимо, эта запись появилась благодаря выдающимся результатам — «184 штуки за полтора часа». Наверное, это был грибной год, или же царские садовники специально культивировали грибы. Примечательно, что царь не указал, что это были за грибы, в то время как результаты охоты, которую он знал и любил, всегда тщательно детализированы. Либо он не очень разбирался в грибах, либо то были пустяковые сыроежки, либо он просто не любил «третью охоту». Тем не менее царь продолжал периодически участвовать в этих «тихих» охотах. В последний раз он собирал грибы 28 июля 1915 г.: «Гулял с детьми и искал грибы».

Байдарка

Последний русский император Николай II любил и умел отдыхать. Само понятие отдыха являлось важной и непременной частью его повседневной жизни. Он был, пожалуй, единственным русским монархом, который пытался разделять работу и отдых, чтобы посвящать свободное время семье и близким людям. Среди его увлечений, которые можно отнести к отдыху, немалое место занимали водные прогулки, в частности на байдарках. Это не был спорт, это было скорее желание остаться наедине с природой, иногда со стихией, стремление отрешиться от подчас неприятной повседневности.

Любовь к гребле на байдарке, видимо, сформировалась у Николая Александровича в детские годы, когда главной загородной резиденцией царя Александра III стала Гатчина с ее большими прудами. Александр III не оказывал в этом отношении на цесаревича никакого влияния, поскольку вследствие своей тучности не чувствовал себя комфортно на воде. Любовь к спорту Николаю привил его воспитатель — англичанин Карл Хис. И молодого цесаревича с полным основанием можно было назвать десятиборцем. В этом ряду одно из важных мест занимали шлюпка и байдарка.

Николай Александрович с нетерпением ждал байдарочного сезона, который для него обычно начинался в апреле и продолжался вплоть до ноября. Для тех, кто хоть раз сидел в байдарке в это время года, совершенно очевидно, что только искренняя любовь к воде могла заставить открыть сезон в столь раннее время. Поскольку император с четырнадцати лет постоянно вел дневник, то упоминания о байдарочных прогулках мы встречаем в нем очень часто.

Регулярные плавания на шлюпке-гатчинке[247] и в одноместной байдарке входили в повседневный быт Николая II примерно с 1904 г. В это время императорская семья окончательно переехала в Царское Село. Поначалу царь пытался разделить свое увлечение с женой, но ее слабое здоровье не позволило это сделать, хотя в 1904 г. в записях за 12 и 20 мая мы встречаем упоминания: «Катал Аликс в кресле и затем в шлюпке».

Летом, когда семья перебиралась «на море» в Петергоф и жила в Коттедже на берегу Финского залива, царь предпочитал ходить на одноместной байдарке. Он был очень доволен, когда на заливе поднималась волна и можно было проявить свою квалификацию байдарочника в борьбе со стихией. Когда подрос цесаревич Алексей, то Николай II и его начал приучать к воде. Сначала это была шлюпка-гатчинка. В 1913 г. 21 апреля он писал: «Погулял и покатался в гатчинке с Алексеем». Достаточно рано Алексей начал самостоятельно ходить на гатчинке. Затем, когда сын почувствовал вкус к воде, для него была приобретена байдарка-«двойка», и 15 июля 1914 г. Николай II записал в дневнике: «Катался в байдарке рядом с Алексеем, в двойке; были волнушки».

Как правило, ежегодно в августе царская семья отправлялась на отдых в финские шхеры на своей яхте «Штандарт». Это было комфортабельное судно, построенное по заказу Александра III в Дании. Но увлечения Николая Александровича не распространялись на управление этим судном, он был на нем только главным пассажиром. 8 мая 1906 г. он записал в дневнике: «Посетили наш милый «Штандарт».

Во время прогулок в шхеры царская семья отдыхала от постоянного пристального внимания окружающих, совершала прогулки по островам, собирала грибы, играла в бадминтон. В круг этих развлечений были включены и небольшие байдарочные походы царя и цесаревича.

Постепенно байдарочные походы стали общим увлечением. Так на байдарке ходила и младшая сестра Николая II — великая княгиня Ольга Александровна. Николай II отметил в дневнике 15 июня 1913 г.: «Покатался в компании четырех байдарок; около деревни на Падио встретил Ольгу, катавшуюся в двойке с Семеновым».

Из этой записи следует, что на «Штандарте» находилось, по крайней мере, пять байдарок, в числе которых имелась и «двойка». Эта двухместная байдарка была построена из красного дерева английским мастером. Еще четыре «одиночки» были изготовлены лучшим байдарочным мастером императорского яхт-клуба.

Примечательно, что Николаю II удалось, пусть и минимально, приобщить к байдарочным походам даже императрицу Александру Федоровну. Это вдвойне удивительно, поскольку она постоянно недомогала и подчас передвигалась в инвалидной коляске. Мемуаристы упоминают о ее четырехкилометровом походе на байдарке по финским шхерам.

Увлечения царя разделяли и его четыре дочери. Поскольку у каждой из них был свой фотоаппарат, до нас дошло огромное количество фотоснимков, на которых мы нередко видим их в шлюпке-гатчинке и байдарках.

Весной и осенью царская семья переезжала в Крым, в Ливадию. Это были уже серьезные морские прогулки. 21 октября 1913 г. царь писал: «После чая пошел к морю и с Алексеем покатался в двойке»; 26 апреля 1914 г.: «Погулял и покатался с Алексеем в двойке, был мертвый штиль».

Начавшаяся летом 1914 г. мировая война принесла новые заботы, но сезон в Царском Селе был открыт как обычно — в апреле. 23 апреля 1915 г. в дневнике царя появилась запись: «Катался на байдарке и гатчинке». В августе 1915 г. царь принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего и большую часть времени проводил в Ставке в Могилеве, но когда он на короткое время возвращался к семье в Царское Село, то не упускал возможности вновь (запись от 25 сентября) покататься в байдарке с сыном и поесть «картошку и печеные яблоки с Алексеем у костра».

К весне 1916 г. положение на фронте стабилизировалось, и, как обычно, в дневнике 16 апреля появилась запись: «Начал сезон на байдарке». Увлечение царя греблей использовалось лейб-медиком С. П. Федоровым для контроля состояния его здоровья. Например, 26 апреля 1916 г. по словам царя: «Мы гребли также полдороги обратно под палящим солнцем, но потом перешли на моторную лодку. Здесь шутки ради Федоров стал пробовать у нас пульс; после усиленной гребли против течения у Вали был 82, у меня — 92, у Воейкова — 114 и у Кирилла — 128... 10 минут спустя Федоров опять проверил наши пульсы: у Вали и у меня пульс был нормальный, но у двух других он продолжал сильно биться».

Отречение Николая II в марте 1917 г., тяжелая болезнь детей в марте и апреле выбили царскую семью из колеи обычной жизни, тем не менее в дневнике царя 13 мая 1917 г. появилась запись: «Катался в байдарке и шлюпке». Это последнее упоминание царя о своем любимом увлечении, поскольку после этого были Тобольск, Екатеринбург, смерть.

Путешествия членов императорской семьи

При императорском дворе средствам передвижения всегда уделялось первостепенное внимание, поскольку они традиционно занимали важное место в его повседневной жизни. Поскольку русские цари веками ездили верхом, в каретах и санях, то для обслуживания их самих и многочисленного окружения во второй четверти XVIII в. была образована Придворная конюшенная контора.

Необходимо подчеркнуть, что российские монархи были необычайно мобильны. В российскую историю вошла знаменитая поездка Екатерины II в Крым. Императрицу сопровождал огромный штат слуг и придворных. Кроме того, в этой «акции» ее сопровождал и дипломатический корпус, годами спокойно живший в Санкт-Петербурге. Безусловно, столь масштабная поездка потребовала громадных усилий Придворной конюшенной части. Во время путешествия в Крым в 1787 г. кортеж императрицы Екатерины II состоял из 14 карет и 124 саней, на каждой станции для подмены его ожидали 560 лошадей. Карета Екатерины II, по свидетельствам очевидцев, представляла собой целый вагон, состояла из нескольких отсеков: кабинета, гостиной на восемь человек, игорного зала, маленькой библиотеки и была

снабжена всеми возможными в то время удобствами. В движение эта передвижная усадьба приводилась силами тридцати лошадей и обладала завидной плавностью хода. К концу XVIII в. экипажи нашли широкое применение во всех слоях привилегированного общества, и, по мнению самой Екатерины II, «излишество в экипажах превзошло пределы умеренности», поэтому в 1779 г. был издан специальный указ, строго регламентировавший вид экипажа и форму выезда для различных классов.

Известны редкие случаи, когда дворцовые транспортные средства задействовались для спасения жизни членов императорской семьи. Так, 14 декабря 1825 г., после первой неудачной атаки конной гвардии на каре мятежников, выстроившихся на Сенатской площади, Николай I отправил своего личного друга полковника В. Ф. Адлерберга к шталмейстеру В. В. Долгорукому с целью «приготовить загородные экипажи для матушки и жены», чтобы «в крайности выпроводить их под прикрытием кавалергардов в Царское Село»[248].

Примеров «транспортной мобильности» русских монархов множество. Так, Николай I, отличавшийся необычайной выносливостью, выдерживал длительные переезды на лошадях. Из Красносельских лагерей он верхом ездил за двенадцать верст в Александрию обедать и потом возвращался обратно в лагеря. Его преемники также отличались высокой мобильностью.

Сама Придворная конюшенная контора за свою историю претерпела ряд преобразований и к началу XX в. именовалась Придворной конюшенной частью[249].

В ведение Придворной конюшенной части входили покупка лошадей, как в России, так и за границей; англизирование и лечение лошадей в казенном конском лазарете; дела о лошадях, подводимых или подаренных императору знатными иностранными особами; дела о павших лошадях и постановка над ними памятников; обеспечение лошадей фуражом; изготовление упряжи для экипажей; покупка в России и за границей экипажей и упряжи; управление государственными конными заводами; заведование конюшенным госпиталем, конским лазаретом и конюшенной церковью. Другими словами к концу XIX в. в Министерстве императорского двора

действовала мощная структура, руководители которой прочно сидели на своих местах и весьма ревниво относились к возможности появления при дворе «альтернативных» видов транспорта.

У каждого из российских императоров были свои лейб-кучера, а у Николая II появился и свой шофер. Естественно, все они жили при императорской резиденции, поскольку их услуги требовались монархам практически ежедневно.

Были и нюансы, связанные с личностными особенностями российских самодержцев. Так, Николай I практически не пользовался закрытыми каретами. Любил он и скорую, лихую езду, «наматывая» колоссальное число верст, разъезжая с инспекторскими проверками по всей стране. Во всех поездках его коляской или санями правил личный кучер. Однако в 1836 г. по дороге из Пензы в Тамбов, в четырнадцати верстах от небольшого городка Чембар (с 1946 г. город Белинский Пензенской области), на спуске с горы против деревни Шалолетки ямщик не сдержал лошадей и вывернул царя из коляски. После этого Николай I стал пользоваться местными ямщиками при езде по незнакомой дороге.

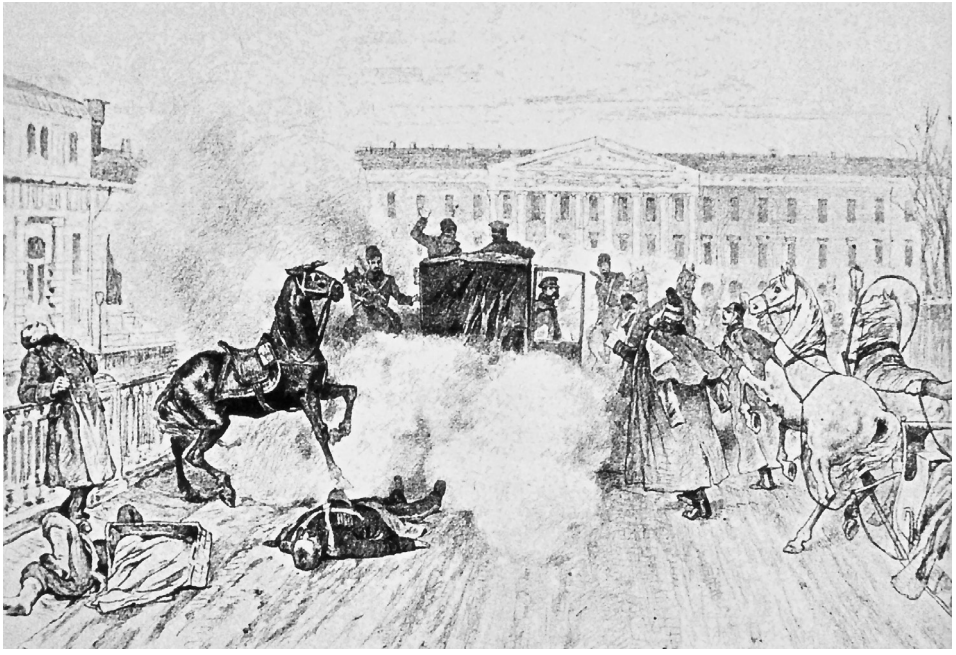
У Александра II на протяжении всего его царствования лейб-кучером служил Фрол Сергеев. Поскольку революционный терроризм заставил Александра II передвигаться по Петербургу в закрытом экипаже, то была введена в действие традиционная система связи «царь — кучер». К правой руке кучера привязывался шнур, за который тянул царь, если требовалось остановить карету по его желанию. Когда 1 марта 1881 г. первая бомба, брошенная террористом, разрушила заднюю стенку кареты, ее ходовая часть не была повреждена, и существовала реальная возможность немедленно увезти царя с места покушения, что и собирался сделать кучер. Однако Александр II сам приказал кучеру остановиться, а когда почувствовал, что тот не собирается выполнять его приказ, «с силой потянул шнур, привязанный к руке кучера, и не отпускал его, пока карета не остановилась»[250].

Эта карета с полуразрушенной задней стенкой сохранилась до сего дня. Она экспонируется в Камероновой галерее Царского Села. По устойчивой легенде, она была подарена Александру II Наполеоном III, с которым они

Покушение на Александра II. 1-я бомба. 2-я бомба.
1 марта 1881 г.

вместе пережили покушение поляка Березовского в Париже в 1867 г. Карета, якобы, была обшита металлическими листами — «блиндирована». Однако эта карета находилась в употреблении только с 1879 г. и была изготовлена русскими мастерами в мастерской И. Брейтингама, а Наполеон III, как известно, потерял власть в 1870 г. В действительности же имел место только тот факт, что в целях защиты императора колеса всех его зимних экипажей были обтянуты «толстым слоем гуттаперчи». Это было сделано в предположении, что «мягкая часть колеса отчасти парализует действие взрывчатых веществ». В результате взрыва задняя стенка кареты хотя и была повреждена, но ни кузов, спереди и с боков прилегающий к козлам, ни самые козлы, ни крыша кузова, ни колеса, ни оси, ни рессоры, четыре продольные и одна поперечная, ни дышло не пострадали вовсе. Подушки в карете остались целыми. По мнению компетентных лиц, несмотря на повреждения, карета оставалась на ходу и была в состоянии немедленно увезти императора с места взрыва.

У Александра III также имелись свои кучера. И своя система связи с ними. Когда требовалось вызвать карету, он подходил к письменному столу в своем кабинете и «трогал звонок в конюшню, по которому подавали ему экипаж, смотря по тому, как он прижимал кнопку»[251].

Примечательно, что жесткие нормы этикета регламентировали и порядок поездок первых лиц империи. Так, российским императрицам не было позволено совершать поездки в одиночестве в открытых экипажах за пределами царских резиденций нигде, кроме Петергофа. Этот прецедент был узаконен и сохранялся вплоть до 1917 г.[252]

Однако следует отметить, что при всем традиционализме императорского двора вопросам комфорта первых лиц всегда уделялось самое пристальное внимание. Кроме того, весьма важным фактором была скорость. Другими словами, главными критериями средств передвижения при императорском дворе были скорость, комфорт и представительность. Поэтому техническим новинкам в области передвижения уделялось особенное внимание.

Путешествия в императорской семье, как правило, были связаны либо с деловыми поездками, либо с поездками на отдых. Маршруты путешествий были обусловлены особенностями средств транспорта.

Одним из главных маршрутов был путь в Европу. Эти поездки российских монархов и членов их семей с официальными и неофициальными визитами к многочисленной европейской родне совершались практически ежегодно. Особенно тесные связи существовали с различными германскими дворами, поскольку почти все российские императрицы были немками по рождению.

Свита коронованных особ была слишком большой для карликовых европейских дворов, считавших каждую копейку. Один из современников рассказывал, описывая визит императрицы Марии Александровны на малую родину в 1864 г.: «Весь Дармштадт кишел русскими военными и гражданскими чинами в разнообразнейших мундирах, составлявшими многочисленную императорскую свиту, фельдъегерями и придворными служителями, и по внешнему виду совершенно походил на Петербург»[253].

Ездили и на курорты — «на воды». Эту традицию российская аристократия усвоила со времен Петра I, который, собственно, ее и заложил. Вплоть до 1860-х гг. поездки в Европу проходили в каретах, запряженных лошадьми. Это было довольно тяжело физически, к тому же долго. Но в России постепенно развивалась своя железнодорожная сеть, и в 1860-х гг. она была наконец соединена с европейскими железнодорожными линиями.

Железная дорога

Во второй четверти XIX в. в развитии средств транспорта произошли принципиальные изменения. Сначала в октябре 1837 г. была открыта Царскосельская железная дорога. В день открытия Николай I лично проехал в первом железнодорожном составе, состоящем из паровоза с тендером и восьми вагонов. Весь путь от столицы до Царского Села занял 35 минут. При этом царь находился в своем экипаже, который был установлен на открытой грузовой платформе.

Можно сказать, что этот экипаж на железнодорожной платформе стал символом николаевской эпохи, поскольку бóльшая часть царствования

Николая I пришлась на время становления парового транспорта. Только в конце царствования Николая I в 1851 г. завершилось строительство железной дороги от Санкт-Петербурга до Москвы. Для новой железной дороги приобретались паровозы и вагоны. По распоряжению императора в Англии были закуплены первые 42 пассажирских и 120 товарных локомотивов. Позже было закуплено еще 72 пассажирских и 580 товарных вагонов. Столь масштабный подход показывает, что развитие железнодорожного сообщения стояло для руководства страны в числе главных задач.

Поскольку строящейся железной дороге царь уделял много внимания, то он и стал первым ее пассажиром, проехав от Москвы до Бологого. Для этого путешествия был подготовлен специальный железнодорожный состав. Он состоял из паровоза заграничной постройки, вагона-салона, вагона-кухни, вагона-опочивальни, вагона-столовой, служебного и свитских вагонов (давших престижную аббревиатуру СВ), которые соединялись крытыми переходами. Часть этих вагонов была построена в 1850–1851 гг. на Петербургском Александровском заводе[254].

Длина собственного императорского вагона составляла более 25 метров, покоился он на двух четырехосных тележках, что было ново и необычно даже для начала XX в. (ведь тогда в железнодорожную практику только начали входить пассажирские вагоны двадцатиметровой длины). Вагон был окрашен снаружи в голубой цвет, а расположенные с обеих его сторон окна увенчаны золочеными двуглавыми орлами. Потолок царского вагона был обтянут белым атласом, стены обиты стеганым штофом малинового цвета. Этот же материал применялся для обтяжки мебели, для чего приглашались французские декораторы из Лиона. На столах стояли бронзовые часы, интерьер также украшали вазы севрского фарфора и бронзовые канделябры. Двери мозаичной работы открывались и закрывались совершенно бесшумно, а свежий воздух доставлялся по бронзовым вентиляционным трубам, украшенным наверху флюгерами в виде орлов. Трубы отопления были замаскированы бронзовыми решетками, успешно служившими эффектными деталями декора[255].

Эти вагоны были впервые использованы в 1851 г. при подготовке к юбилею — 25-летию со дня коронации Николая I. Придворные ведомства максимально задействовали мощности новой дороги для переброски в Москву различных грузов. Так, на одну из платформ были погружены две лошади императора и восемь городских экипажей. На других платформах установлены экипажи свиты. Императорский состав отбыл из Петербурга 19 августа 1851 г. в половине четвертого утра. Поскольку в императорском составе путешествовала Александра Федоровна, то предварительно по трассе проехали главноуправляющий путями сообщения граф П. А. Клейнмихель, обер-гофмаршал А. П. Шувалов и лейб-медик М. Мандт, «чтобы удостовериться, каждый по своей части, будет ли покоен проезд для императрицы»[256]. Вагон императрицы представлял собой «три изящно убранные комнаты, с камином, с кухней, погребом и ледником»[257]. Планировалось, что время пути составит 18 часов, однако императорский состав прибыл в Москву только через 23 часа.

Впоследствии в состав этого поезда было добавлено еще несколько вагонов различного по функциональности назначения. В процессе эксплуатации некоторые вагоны модернизировались и перестраивались с целью улучшения их внутреннего убранства и технического устройства. Этот железнодорожный состав использовался для путешествий по России вплоть до 1888 г.

При Александре II, в 1860-х гг., в России началось быстрое развитие сети железных дорог. В это время для императрицы Марии Александровны в Крыму было приобретено имение Ливадия, куда вся семья ежегодно стала выезжать на отдых.

Следует напомнить, что первая поездка в Крым была предпринята еще Екатериной II. А в 1837 г. в Крым впервые выехала семья Николая I. Именно тогда императрица Александра Федоровна получила от Николая I в подарок поместье Ореанда «с одним условием, что Папа́ совершенно не будет заботиться о нем и что она выстроит себе там такой дом, какой ей захочется»[258]. Впоследствии архитектор А. И. Штакеншнейдер построил там дворец, отошедший после смерти Александры Федоровны в собственность ее второго сына — великого князя Константина Николаевича.

Путешествия в Крым для слабой здоровьем императрицы Марии Александровны были очень утомительными. Для нее всегда старались спланировать как можно более спокойный маршрут, чтобы бóльшая его часть проходила по железной дороге и по воде. Так, в 1863 г. Мария Александровна выехала в Крым из Царского Села 11 сентября. Маршрут проходил следующим образом. На лошадях от Царского Села до станции Саблино и далее по железной дороге до Москвы. Затем на лошадях до города Николаева, через Тулу, Орел и Полтаву. От Николаева по Днепру и Черному морю до Ялты. От нее по шоссе до Ливадии. Весь маршрут протяженностью 2328 верст занял семь дней[259].

Поскольку в 1870-х гг. у Марии Александровны было диагностировано серьезное легочное заболевание, и зиму она, как правило, проводила на европейских курортах, то в 1872 г. во Франции был размещен заказ на строительство нового железнодорожного состава для заграничных поездок императрицы. Франция была выбрана потому, что строительство состава там обходилось несколько дешевле, чем в других странах[260]. Курировала выполнение этого заказа инспекция императорских поездов.

Железнодорожный состав императрицы формировался постепенно. В 1872 г. во Франции были закуплены первые семь вагонов, которые обошлись казне в 121 788 рублей[261]. Возможность их приспособления к российской колее Главным обществом Российских железных дорог обошлась еще в 17 787 рублей. Закупленный отдельно от этой партии товарный вагон был оборудован ледником и приспособлен под перевозку провизии (1839 рублей). Несколько позже на заводе «Мильтон Рау и К°» были закуплены еще четыре новых вагона (51 620 рублей)[262]. В результате императорский поезд был укомплектован десятью вагонами[263]. В конечном счете, этот железнодорожный состав предназначался только для заграничных путешествий, поскольку был построен под более узкую железнодорожную колею, европейского стандарта.

При разработке проекта поезда большое внимание уделялось степени комфортности состава и его отделке. С учетом заболевания императрицы одним из главных требований было обеспечение комфортной температуры и вентиляции состава[264]. Контролировал качество этих работ лейб-медик

императрицы профессор С. П. Боткин. Так, при внешней температуре от +8 до –20 градусов, в составе должна была обеспечиваться постоянная температура от +13 до +15 градусов, «как у пола, так и у потолка». Также предусматривалась возможность изменения температуры в купе, независимо от температуры в коридоре. Для этого в купе была установлена сигнальная кнопка. В вагоне императрицы и в большом салоне работали «увлажняющие аппараты» для поддержания определенного уровня влажности (зимой 48 % — 58 %). В четырех вагонах состава были смонтированы вентиляторы-кондиционеры, которые летом охлаждали поступающий в вагоны воздух. При закрытых дверях и окнах температура в вагонах предполагалась ниже наружного воздуха на пять градусов[265].

Предметы убранства для этих вагонов также заказывались во Франции. В контракте с французскими заводами «Мильтон Рау и К°» оговаривалось, что «вагоны эти должны быть снабжены всей необходимой мебелью и другими принадлежностями… кроме полотняных и умывальных приборов, настольных подсвечников и канделябров, пепельниц и спичечниц»[266].

Интерьер действительно был царский. Так, в вагоне императрицы умывальник выполнен из серебра[267]. Любопытно, что хотя в то время ватерклозеты в вагонах уже были предусмотрены, по традиции, в перечне заказанных предметов упоминаются и «белые с позолотою ночные фарфоровые сосуды»[268].

Впервые императрица путешествовала за границу в новом составе в декабре 1873 г. В ходе этой поездки выявились некоторые недостатки в оборудовании нескольких вагонов. По большому счету, это были мелочи (многие баки для воды дали течь, трубы для воды, проходившие под днищем вагонов, промерзали, посуда гремела на ходу, провисли жалюзи, выяснилось, что сиденья на диване неудобны), но и они были немедленно ликвидированы[269]. После всех переделок и доработок стоимость императорского поезда для заграничных путешествий составила 320 905 рублей.

К 1880-м гг. Россия покрылась постоянно растущей сетью железных дорог. Для императора Александра III железные дороги стали неотъемлемой и привычной частью повседневной жизни. К концу 1880-х гг. император-

ская семья располагала вагонным парком, который начал формироваться еще при Николае I.

В одном из таких составов, состоявшем из десяти вагонов, 17 октября 1888 г. царская семья едва не погибла в результате железнодорожной катастрофы, произошедшей близ местечка Борки под Харьковом.

Как установило следствие, причиной катастрофы было значительное превышение скорости тяжелого царского состава, а также допущенные дефекты при строительстве железной дороги. Это трагическое событие стало важной вехой в семейном календаре последних Романовых. На момент катастрофы царская семья (шесть человек), за исключением маленькой Ольги, находилась в вагоне-столовой. То, что вся семья уцелела под обломками вагона, в то время как лакей, наливавший сливки в чай Александру III, погиб, воспринималось ими как божественное провидение. Естественно, вокруг этого события возникло множество мифов, самый распространенный из которых описан С. Ю. Витте. По его словам, «вся крыша столового вагона упала на императора, и он только благодаря своей гигантской силе удержал эту крышу на своей спине, и она никого не задавила»[270]. На самом деле в момент крушения поезда стены вагона сдвинулись и задержали падение крыши[271]. По материалам проведенного следствия было установлено, что во время катастрофы погиб 21 и ранено 24 человека. Позже из числа раненых умерли еще двое.

В апреле 1888 г. было принято решение о создании Императорского Российского исторического музея. В декабре 1888 г. высочайшим решением было приказано поместить на хранение в музей серебряный стакан, находившийся в вагоне-столовой императорского поезда 17 октября 1888 г. и поврежденный во время крушения близ станции Борки. Спасение семьи во время железнодорожной катастрофы было воспринято как чудо. Николай II ежегодно фиксировал этот день в дневнике как высокоторжественный день. 17 октября 1913 г. он записал: «Вот уже четверть века минуло с того дня, что Господь спас нашу семью от смерти при крушении поезда!»

После крушения поезда в Борках экспертная комиссия выявила серьезные технические недочеты в конструкции поезда и значительные нарушения

основных правил его эксплуатации. На основании выводов этой комиссии было принято решение о строительстве нового поезда для царской семьи.

Уже 28 октября 1888 г. высочайшим решением была учреждена комиссия для решения вопросов, связанных с формированием концепции будущего царского поезда. Главным для комиссии являлось определение типа новых императорских вагонов, их сравнительный анализ с имеющимися аналогами, эксплуатировавшимися главами европейских государств.

28 июня 1889 г. состоялся доклад Александру III министра путей сообщения А. Я. Гюббенета о проделанной подготовительной работе. В ходе доклада был поднят вопрос и о необходимости строительства нового поезда для заграничных путешествий императора и его семьи. Это было связано с тем, что находящийся в эксплуатации специальный поезд для заграничных путешествий обветшал и не отвечал требованиям безопасности. Таким образом, первоначально в октябре 1888 г. речь шла о строительстве двух составов: для внутренних и для заграничных поездок царской семьи.

Составы задумывались как дворцы на колесах. Наряду с роскошью и удобствами предполагались плавный ход и должный уровень безопасности. Для того чтобы определить, сколько пассажиров будет сопровождать императора в его заграничных поездках, охраной составлялся специальный список. В результате было принято решение, что в состав царского поезда войдут 11–12 вагонов общим весом около 400 тонн.

Чтобы определить стандарты для вагонов такого класса, для осмотра соответствующих железнодорожных составов и посещения заводов, которые могли бы выполнить подобный заказ, за границу был командирован один из железнодорожных инженеров. Естественно, известие о крупном потенциальном заказе быстро распространилось среди заинтересованных лиц. Последовали многочисленные обращения в комиссию с предложениями от иностранных фирм, способных изготовить вагоны такого класса. Они брались подготовить требуемый состав за один-два года. После тщательного рассмотрения эти предложения были отвергнуты. В ноябре 1889 г. было принято принципиальное решение о размещении престижного заказа на Александровском механическом заводе Николаевской железной дороги.

Вагоны в составе распределялись следующим образом. В первом вагоне располагались мастерская и электростанция с обслуживающим ее персоналом. Второй был багажным. Третий вагон с купе первого и второго класса предназначался для обслуги. В четвертом вагоне на семь купе располагались первые лица царской свиты. Пятый вагон, на шесть купе, занимали министр императорского двора, командующий главной императорской квартирой, начальник охраны, гофмаршал, лейб-медик, и одно купе было запасным. Шестой вагон, также на шесть купе, был дамским. В нем располагались маленькая великая княжна Ольга Александровна и ее бонна. Отдельное купе было запланировано для великой княжны Ксении Александровны. Два одноместных купе предназначались для фрейлин. В двухместном купе ехали камеристки императрицы. Шестое купе предназначалось для прислуги фрейлин. Уровень комфорта в этом вагоне предусматривал особую туалетную комнату в каждом из двух великокняжеских купе и еще один общий туалет для фрейлин и их служанок. Седьмой вагон назывался великокняжеским. Он был рассчитан на пять купе. Первое из них предназначалось для наследника-цесаревича Николая Александровича, будущего императора Николая II. Второе двухместное купе — для малолетнего великого князя Михаила Александровича и его гувернера. В третьем купе находился второй сын царя — великий князь Георгий Александрович. В вагоне имелось два туалета.

Два следующих вагона именовались императорскими. Восьмой вагон — спальный. В нем были оборудованы две отдельные опочивальни для Александра III и императрицы Марии Федоровны. Опочивальню императора обили сафьяном. Каждая спальня имела по три окна. В спальне императора располагались стол, диван, небольшой туалетный столик, двойные светильники на стенах и умывальник. При каждой спальне оборудовали отдельные туалетные комнаты. И каждое отделение было оформлено в своем стиле. Всего вагон имел двенадцать окон. В этом вагоне также была устроена гардеробная и находились два купе для камердинера императора и камер-фрау императрицы. Для отопления вагона в нем был оборудован паровой котел.

В девятом вагоне располагались императорский салон и рабочий кабинет. В десятом — императорская столовая. Этот вагон был разделен на три отделения: столовую, закусочную и буфет. Данными четырьмя из десяти вагонов поезда (опочивальней, салоном-столовой, детской и великокняжеским), отличающимися особенным шиком отделки, пользовались только члены царской семьи.

Два замыкающих состав вагона были хозяйственными. В одиннадцатом — кухня, также состоявшая из трех отделений: кухни, буфета и отделения для провизии. В двенадцатом вагоне второго класса располагались купе для четырех поваров и четырех официантов, а также 14 спальных мест для прислуги и шесть мест для казаков охраны. Всего вагон был рассчитан на 32 спальных места при одном общем туалете.

Первоначально, дабы сэкономить место, было решено освещать состав только свечами. Затем рассматривался вариант газового освещения, но после некоторых колебаний в поезде все же провели электрическое освещение. В каждом из купе были оборудованы 1–2 светильника в стиле модерн. Установленные лампы накаливания на 8, 16 и 25 свечей каждая, при напряжении 50 вольт, запитывались от динамо-машины и аккумуляторов. Общее число электрических ламп в поезде составило 200 штук. Впервые электрическое освещение было опробовано в царском поезде осенью 1902 г. — во время традиционной поездки семьи Николая II в Крым. В дневное время свет в вагоны попадал не только через окна, но также через потолочные окна-фонари. Для сообщения между вагонами были установлены телефоны.

Отопление вагонов было паровым. Для охлаждения в летнее время предусматривались специальные «ветродуи-холодильники», прообразы будущих кондиционеров. Воздух через специальные воздухозаборники попадал в изящно отделанные ящики с каналами, обложенными льдом с солью, а затем охлажденный воздух поступал в вагон. Все трубы водоснабжения изготавливались из меди. Ширина коридоров в императорских вагонах была определена в 72 сантиметра, в остальных — 70. Пол покрывали линолеум

и ковры. Толщина перегородок между купе, для облегчения общего веса вагонов, не превышала трех сантиметров.

Для изготовления каркасов вагонов кроме металла потребовалось самое разнообразное дерево, которое было закуплено в Лондоне. В ходе строительства использовались тик, ясень, красное дерево и дуб. Кузова вагонов тщательным образом, в несколько слоев, покрасили в синий цвет. На верхней части окон устанавливались золоченые государственные гербы художественной ковки. Крыша была изготовлена из красной меди, покрашенной в светло-серый цвет. Гармошки между вагонами сшиты из черной кожи. Поскольку особое внимание уделялось облегчению веса состава, никакой брони на вагонах не имелось.

Уже в ходе строительства поезда для заграничных поездок императора было принято решение использовать его и для внутренних поездок царской семьи. Для этого была разработана процедура смены скатов заграничной колеи в 1435 миллиметров на русскую колею в 1524 миллиметра. Кроме того, в конструкцию состава предусмотрительно заложили возможность его переправы на паромах через проливы Большой и Малый Бельт, поскольку Александр III часто гостил у родственников своей жены в Дании. Первоначально смена скатов на каждом вагоне занимала до трех часов. То есть на то, чтобы «переобуть» весь состав, уходило трое суток. В экстремальных случаях железнодорожные рабочие укладывались в 18 часов. Поскольку это оказалось весьма неудобно, приняли решение оборудовать на пограничной станции Вержболово специальный вагоноподъемник. Он был установлен в 1903 г. и обошелся казне в 206 тысяч рублей.

Пробная поездка императорского поезда (для заграничных путешествий) состоялась 20 января 1893 г. Свитский вагон прошел от Санкт-Петербурга до станции Тосно и обратно. Далее опробовали поезд молодожены — великая княгиня Ксения Александровна и великий князь Александр Михайлович. Они отправились из Нового Петергофа в Севастополь в начале августа 1894 г. После этого прогона 24 августа 1894 г. царский состав был официально сдан в эксплуатацию. Состав из десяти вагонов для путешествий по России был введен в строй к 1897 г.

Однако императору Александру III не пришлось воспользоваться новыми поездами. К этому времени он был уже смертельно болен. Одно время состав все же хотели использовать, поскольку врачами предполагалась поездка царя на климатический курорт на остров Корфу. Но темпы развития болезни диктовали совсем иной ход событий, и император, узнав о неутешительных прогнозах, отказался покидать территорию страны, переехав умирать в близкую ему Ливадию. Поэтому настоящим хозяином нового поезда стал Николай II. Он достаточно много путешествовал и по стране, и за границу, и его мимолетные замечания приводили к дальнейшему совершенствованию материальной части царского состава. Так, в январе 1902 г. Николай II обронил, что у поезда французского президента ход более плавный. В результате сравнительных ходовых испытаний была произведена смена тележек. Поскольку цель поездок царя была различной, то комплектация составов в царском поезде постоянно менялась, и отдельные вагоны имели разный пробег. Так, на 1 января 1907 г. пробег императорского вагона-опочивальни по территории России составил 28 003 версты, великокняжеского вагона — 44 876 верст. За границей вагон-опочивальня «набегал» 72 957 верст, а великокняжеский — 71 816 верст.

Особенно активно использовался царский состав после того, как Николай II в августе 1915 г. принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего русской армией. В этом же поезде, в салон-вагоне, он подписал свое отречение 2 марта 1917 г.

Николай II вплоть до 1905 г. пользовался поездами, которые были построены по приказу его отца — Александра III. Но поскольку Николай II достаточно часто ездил по стране, то постепенно на каждой железной дороге начал формироваться свой царский железнодорожный состав. К 1903 г. парк императорских поездов состоял уже из пяти составов. Первый — это императорский поезд Николаевской железной дороги для путешествий вдовствующей императрицы Марии Федоровны с вагонами на четырехосных тележках. Состав включал 10 вагонов. Второй — «собственный его императорского величества» — для дальних путешествий по России, сданный в эксплуатацию в 1897 г., на четырехосных тележках. Третий — императорский поезд «для

заграничной колеи», вошедший в строй в 1894 г., состоял из 11 вагонов на четырехосных тележках. Четвертый — «пригородный императорский поезд» с трехосными вагонами для путешествий в окрестностях Санкт-Петербурга, состоявший из 13 вагонов. Пятый — императорский поезд Курской железной дороги «для путешествий иностранной и местной знати» с трехосными вагонами числом 16[272].

На увеличение парка императорских поездов существенное влияние оказали внутриполитические события. Необходимо было усилить меры по обеспечению безопасности императора в условиях назревавшего революционного кризиса. Поэтому в начале 1900-х гг. началось строительство второго экземпляра внутрироссийского поезда. Строительство этого состава было завершено к 1905 г.[273]

Именно эти железнодорожные составы-близнецы обеспечивали «прикрытие» царя, постоянно меняясь местами на трассе проезда. При этом надо заметить, что подобная практика охраны сложилась еще в конце 1870-х гг. — при Александре II. В поезд-дублер назначался специальный персонал, из числа комнатной челяди, задачей которого было постоянно мелькать в окнах вагонов, придавая им жилой вид.

До нас дошли описания мемуаристами императорского поезда. Начальник канцелярии Министерства двора А. А. Мосолов вспоминал: «В первом вагоне находились конвой и прислуга. Как только поезд останавливался, часовые бегом занимали свои места у вагонов их величеств. Во втором вагоне находились кухня и помещения для метрдотеля и поваров. Третий вагон представлял собой столовую красного дерева; треть этого вагона отведена была под гостиную с тяжелыми драпировками и мебелью, обитой бархатным штофом; там же стояло пианино. Четвертый вагон пересекался во всю ширину коридором и был предназначен для их величеств. Первое купе представляло собой гостиную государыни серо-лиловых тонов. Если императрицы не было в поезде, купе это закрывалось на ключ. В пятом вагоне находилась детская: драпировки были из светлого кретона, а мебель — белая. Фрейлины помещались в этом же вагоне. Шестой вагон отводился свите. Он был разделен на девять купе, из которых одно — двойное, по-

середине вагона, предназначалось для министра двора. Наши купе были много просторнее, чем в международных спальных вагонах. Комфорт был обеспечен, конечно, полностью. На каждой двери была рамка для помещения визитной карточки. Одно купе всегда было свободным: в него помещали лиц, представлявшихся их величествам в пути и почему-то оставляемых в поезде. Седьмой вагон предназначался для багажа, а в восьмом находились инспектор высочайших поездов, комендант поезда, прислуга свиты, доктор и аптека. Вагоны освещались электричеством, обогревались паровым отоплением, в каждом купе был телефон. У изголовья дивана находилась ручка стоп-крана. В тамбуре вагона круглосуточно дежурил кондуктор. Внутренняя отделка вагонов выполнялась ведущими специалистами фирм Г. Г. Бюхтгера, Н. Ф. Свирского и других».

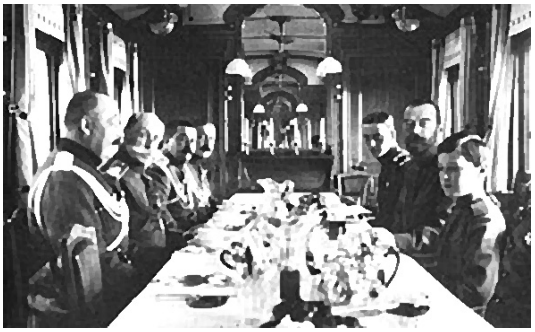
Вагоны императорских поездов старались держать на каждом из постоянных железнодорожных маршрутов царя. Эти маршруты, как правило, были в целом постоянными, поскольку поездки царя по пригородным двор-

Императорский поезд в Ставке

цам, в Беловеж, Ливадию и Спалу неизменно повторялись из года в год. Поэтому императорский состав быстро укомплектовывался необходимым числом вагонов.

Особенно часто императорский состав использовался царем в годы Первой мировой войны. Для маневренности и секретности передвижений царский поезд комплектовался в сокращенном виде. Флигель-адъютант полковник А. А. Мордвинов вспоминал: «Императорский поезд был невелик. Он состоял в центре из вагона его величества, где находились спальня и кабинет государя; рядом — свитский, с одной стороны, а с другой — вагон-столовая. Далее шли кухня с буфетом, вагон с военно-походной канцелярией и последний вагон, где помещались железнодорожные инженеры и начальник той дороги, по которой следовал поезд». Когда царь приезжал на фронт в Ставку, он оставался жить в своем поезде. Летом 1915 г. Николай II принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего и бóльшую часть времени стал проводить в Могилеве, где находилась его Ставка, к нему часто приезжала императрица с дочерьми. Фактически в 1915–1917 гг. императорский поезд стал одной из постоянных резиденций последнего русского императора.

Обед в вагоне-столовой императорского поезда

После отречения Николая II в марте 1917 г. его поезда в течение полугода использовались министрами Временного правительства. После прихода к власти большевиков из императорских вагонов был сформирован знаменитый поезд председателя Реввоенсовета Л. Д. Троцкого. Он в полной мере воспользовался удобствами императорского поезда, в том числе гаражом-вагоном, построенным в 1915 г. для состава Николая II.

С конца 1920-х гг. и до второй половины 1930-х в Петергофе в парке Александрия, в рамках выставки, посвященной быту императорской семьи,

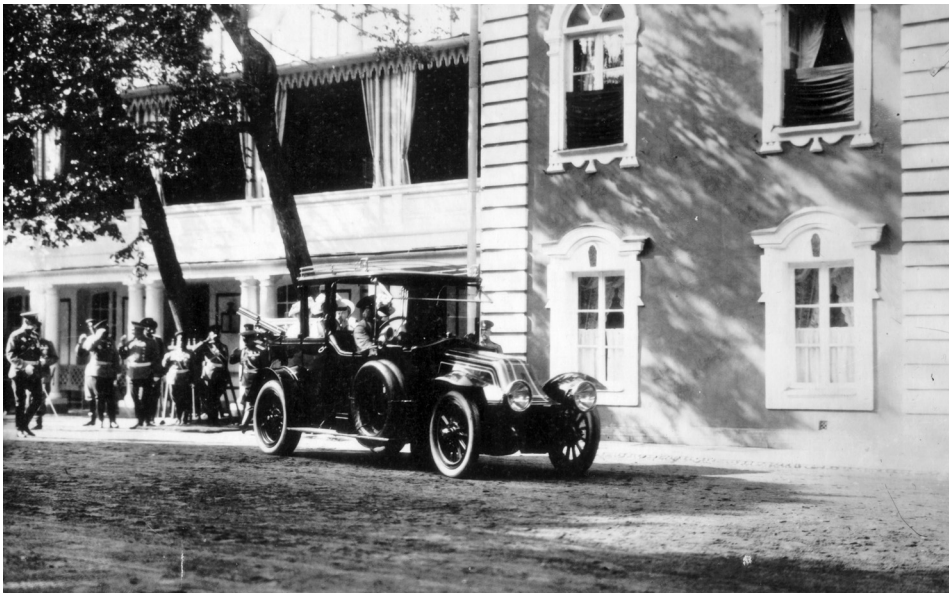
демонстрировались два царских вагона, в которых была развернута экспозиция, рассказывающая об отречении Николая II. В числе этих вагонов был представлен вагон-салон, в котором 2 марта 1917 г. император подписал свое отречение.

Судьба всех этих роскошных вагонов оказалась печальной. Бóльшая часть императорских вагонов «сгорела» в огне Гражданской войны. Уцелевшие вагоны погибли в 1941 г., и к настоящему времени на территории Российской Федерации не сохранилось ни одного из подлинных императорских поездов. Однако у наших соседей, в Музее железнодорожного транспорта Суоми, экспонируются три вагона из числа одного из императорских составов. Некоторые мемориальные вещи, находившиеся в царских вагонах, сохранились в фондах Петергофского заповедника.

Поскольку в 1990-х гг. «царская тема» стала достаточно популярной в кинематографе, режиссер Глеб Панфилов восстановил императорский поезд по подлинным документам и фотографиям для фильма «Романовы. Венценосная семья». Для этого съемочной группой была использована книга «Императорский поезд», выпущенная тиражом в двести экземпляров, где имелись все выкладки по вагонам и чертежи всевозможных устройств. Сам реконструированный поезд строили в Финляндии[274].

Собственный его императорского величества гараж. 1905–1918 гг.

Автомобили появились в повседневной жизни царской семьи благодаря князю Владимиру Николаевичу Орлову, который в 1903 г. впервые пригнал в Александровский дворец Царского Села свою машину. Для императора первое знакомство с подобными техническими новинками началось еще летом 1895 г., когда в Петергофе ему показали «паровой велосипед». Это был французский паровой мотоцикл фирмы «Millet», выпущенный в 1893 г.

Автомобиль с членами императорской фамилии отъезжает от Большого Петергофского дворца.
1914 г. Петергоф

В начале XX в. автомобили быстро входили в повседневную жизнь состоятельных людей России. Так, Николай II записал в дневнике 12 мая 1904 г.: «В среду к обеду приезжал в Царское Село Миша[275] из лагеря[276] на автомобиле». В этой фразе царь впервые использовал термин «автомобиль», до этого, как правило, он употреблял слово «мотор». В дневниках императора встречается еще один термин — «помоторили». Из окружения Николая II первыми в 1901–1902 гг. приобрели автомобили министр императорского двора барон В. Б. Фредерикс и великий князь Дмитрий Константинович. Это были французские автомобили системы «Серполле». Во время поездок царской семьи в Германию они начали совершать регулярные прогулки по пригородам Наугейма на автомобиле брата императрицы — гессенского герцога Эрнеста.

Регулярно автомобили российскими монархами стали использоваться только с 1905 г. Николай II поначалу настороженно воспринял эту новую технику, но после пробной поездки усадил в автомобиль и императрицу Александру Федоровну. Новинка настолько понравилась царю, что он совершал поездки на ней практически каждый день. Князь Орлов, опасаясь подвергать жизнь царя опасности, фактически превратился в его шофера. Он записал весной 1905 г.: «Государь полюбил автомобиль и решил приобрести себе тоже несколько штук»[277]. Аристократический бомонд Петербурга немедленно отреагировал на эту новость слухами. Так, близкая ко двору А. В. Богданович записала в дневнике 16 августа 1906 г.: «Фаворит же теперь князь Орлов, который ежедневно катает царскую чету в своем автомобиле. Это единственное теперь их увлечение и развлечение»[278].

Это стало действительно большим увлечением и даже объектом семейных шуток. В туалете (WC) Николая II в Александровском дворце Царского Села на стене висела карикатура на царя, на которой он был изображен сидящим в автомобиле «Bianco T»[279].

Вопрос о приобретении техники был согласован с министром императорского двора В. Б. Фредериксом. Естественно, отвечал за покупку автомобилей для царского гаража флигель-адъютант, князь Владимир Николаевич Орлов, который с 1906 по 1915 г. являлся начальником Военно-походной канцелярии императора Николая II.

Первые автомобили, закупленные Орловым, появились в Александровском дворце Царского Села в конце 1905 г. Это были французские и немецкие машины. Во Франции был приобретен представительский лимузин (фаэтон) фирмы «Delaunnay-Belleville». Его использовали для коротких поездок по пригородам и Петербургу. Для дальних поездок было приобретено несколько быстроходных автомобилей фирмы «Mercedes» модификации «16-40». Если «Delaunnay-Belleville» поражал роскошью, то автомобили «Mercedes»уже тогда считались одними из самых быстроходных. В 1904 г. туристическая модификация «Mercedes» могла держать скорость 85 миль в час. Именно эти машины положили начало автомобильному парку императорского гаража.

После того как появились первые автомобили, парк которых постоянно увеличивался, возникла необходимость решить кадровые проблемы. Князь В. Н. Орлов выступил инициатором открытия императорской школы шоферов. Он же подобрал личного шофера Николаю II. Им стал француз с безупречными рекомендациями — 25-летний Адольф Кегресс. Некоторое время В. Н. Орлов постоянно ездил с новым шофером, проверяя его.

«В виде опыта» императорский гараж был создан в Царском Селе и Петергофе в 1905 г. В 1906 г. он приобрел официальный статус. К концу 1906-го в гараже имелось уже шесть автомобилей, которые обошлись казне в 100 000 рублей. С этого времени затраты на оборудование гаража и закупку автомобилей постоянно росли. В 1906 г. царь потратил на гараж 77 277 рублей. В 1908-м — 69 700 рублей. В 1909 г. — 65 000. В 1910 г. — 33 000. Самые значительные расходы пришлись на 1911 г., когда был потрачен 96 681 рубль. К 1911–1912 гг. сумма затрат стабилизировалась на уровне 58 600 рублей. Таким образом, по самым скромным подсчетам, с 1905 по 1912 г. на приобретение машин и оборудование императорских гаражей Министерством императорского двора было потрачено около 550 000 рублей. На эти средства приобретались не только автомобили, но и строились новые помещения для императорского гаража. Гаражи появились не только в Царском Селе и Петергофе, но и в других царских резиденциях — в Зимнем и Аничковом дворцах в Санкт-Петербурге, в Гатчине, в Ливадии.

К 1910 г. в императорском гараже находился 21 автомобиль различных модификаций. Среди них было пять открытых автомобилей-ландо, предназначенных лично для Николая II и его семьи[280]. Стоит обратить внимание, что Николай II предпочитал именно открытые машины. Это решение диктовалось не вкусовым, а политическим выбором. Николай II считал, что царь должен быть виден народу. И хотя охрана многократно убеждала его в необходимости передвигаться по городу в закрытом автомобиле, Николай II, как правило, ездил в открытых лимузинах.

Николай II предпочитал роскошные французские автомобили фирмы «Delaunnay-Belleville». Французская фирма «Delaunnay-Belleville» в течение XIX ст. занималась изготовлением паровых котлов и локомотивов. В 1904 г.

она изготовила свой первый автомобиль. На фотографиях хорошо видна своеобразная цилиндрическая форма капота. Это конструктивное решение было напоминанием о корнях компании, которая в XIX в. занималась изготовлением котлов для локомотивов.

К 1907 г. качество, мощность и надежность лимузинов «Delaunnay-Belleville» сделали их популярными в аристократической среде европейских монархических дворов. В 1909 г. по заказу российского императорского двора фирма изготовила специальную версию автомобиля. Она была обозначена как «Delaunnay-Belleville — 70 S. M. T.». Сокращение «S. M. T.» («Sa Majesti le Tsar») шло от французского — «его императорское величество». Это были солидные и надежные машины весом в четыре тонны с мощностью двигателя в 70 лошадиных сил (объем двигателя — 11,5 литра, шесть цилиндров), способные развивать скорость до 100 километров в час.

Управление было достаточно сложным. Вместо трех обычных педалей в царском автомобиле имелось девять. Две педали — для левого и правого тормозов, «горный тормоз, или упор», акселератор, усиленная подача масла в мотор, пневматический свисток. Кроме того, имелись рычаги пускового устройства, пневмодомкрата, подкачки шин. Вся эта система работала на сжатом воздухе, поступавшем из специальных баллонов. Запускался автомобиль также сжатым воздухом. Машина могла бесшумно тронуться с места и проехать только на запасе сжатого воздуха несколько километров. По сравнению с образцами той же фирмы, закупленными в 1906 г., это были более совершенные модели. Так, на них использовалась не цепная передача от двигателя к колесам, а карданная.

Естественно, заказы русского императорского двора были крайне престижны для «Delaunnay-Belleville», поэтому автомобили «S. M. T.» изготавливались очень тщательно и с максимальной роскошью. Этот автомобиль вплоть до Первой мировой войны оставался одной из самых шикарных машин мира. Его репутация пережила две мировые войны. Последний «Delaunnay-Belleville» был произведен в 1948 г. Но «золотой век» компании пришелся именно на период с 1907 по 1914 г., когда она поставляла свои автомобили русскому императорскому двору.

Царский автомобиль на лыжах у мастерской Ипата.
«Руссо-Балт» Д24-40 7-й серии на полугусеничном ходу.
1913 г.

В Царскосельском гараже кроме личного транспорта императора стояли еще десять машин, которые использовались в основном свитой Николая II. Среди них были три немецких автомобиля «Mercedes» (модификация «16-40»)[281], три французских фирм «Delaunnay-Belleville»[282], «Panhard — Levassor»[283], «Serex»[284] и один английский автомобиль[285]. Кроме них в гараже размещались и отечественные творения фирм «Lessner»[286] и «Руссо-Балт»[287]. Автомобили «Руссо-Балта» были самими роскошными отечественными автомобилями. На пробках радиаторов этих машин завод имел право устанавливать фигурку двуглавого орла — символа Российской империи.

Поскольку со временем стали предприниматься поездки на большие расстояния, а императора по протоколу сопровождало множество лиц, то наряду с обычными автомобилями были приобретены четыре грузовика-трейлера с кроватями[288]. За казенный счет покупались автомобили для должностных лиц. Так, в распоряжении дворцового коменданта находились два автомобиля «Mercedes»[289]. В 1910 г. ежегодное содержание императорского гаража обходилось Министерству императорского двора в 126 000 рублей.

Для обслуживания этой техники в гараже работал 21 водитель, из расчета по одному водителю на каждый автомобиль. К 1910 г. машины прочно вошли в повседневную жизнь императорской семьи. К ним быстро привыкли, хотя поначалу при их использовании возникала масса недоразумений. В основном, они были связаны с автомобильными «катастрофами» того времени. Вид механических чудовищ приводил в неистовство лошадей и коров на дорогах, которые становились неуправляемыми. Поэтому подчас император лично компенсировал потерянный товар в перевернутых телегах или распоряжался об отправке в больницу пострадавших[290].

Гараж продолжал развиваться. В 1911–1912 гг. для него было приобретено еще 14 современных автомобилей различного класса. Среди них были четыре открытых автомобиля-ландо[291], пять фаэтонов[292] и два автобуса[293]. Дворцовый комендант также получил два новых мощных открытых автомобиля[294]. Примечательно, что кузова для всех царских машин изготавливала с 1909 г. только одна французская фирма — «Keller», хотя технику покупали на разных шасси («Rolls-Royce», «Renault», «Peugeot», «Mercedes»). Кроме того, в гараже появился гоночный четырехцилиндровый «Mercedes» на 40 лошадиных сил, приобретенный в 1910 г. Скорее всего, он был куплен для нужд личной охраны царя, сопровождавшей его во всех поездках.

Поскольку гараж императора стремительно разрастался, и дворцовая элита пересаживалась из карет в комфортабельные автомобили, то возникла острая необходимость в расширении территории гаража. В августе 1910 г. министр императорского двора В. Б. Фредерикс писал царю, что вследствие роста числа автомобилей императорского гаража возникла необходимость в

Император Николай II и сопровождающие его лица на IV Международной выставке в Михайловском манеже осматривают автомобиль фирмы «Пежо».

Май 1913 г. г. Петербург

строительстве второго каменного здания в Царском Селе, нового здания в Петергофе и здания для гаража в Санкт-Петербурге. Самым важным положением этого документа было то, что В. Б. Фредерикс предлагал построить новое здание гаража в Царском Селе «всего» на 35 машин (30 автомобилей, две грузовые машины и три автомобиля для дворцового штата).

Вероятно, именно в 1910–1911 г. был построен гараж в Черном дворике Зимнего дворца, в районе расположения дворцовых кухонь. Этот гараж сохранился по сей день. Рядом с ним находится клапан бензозаправки, емкость которой закопана поблизости. В 1911 г. при строительстве нового

дворца в Ливадии был также построен гараж, для которого закуплены два «вневременных» «Rolls-Royce» — «Серебряный призрак», использовавшихся вплоть до 1917 г.

Документ, подготовленный министром двора В. Б. Фредериксом, имеет свою историю. К 1910 г., видимо, возникли серьезные трения между неофициальным «хозяином» гаража — князем В. Н. Орловым и министром двора В. Б. Фредериксом. Эти недоразумения были обусловлены в основном финансовой ситуацией вокруг гаража и его неопределенным положением в структурах Министерства императорского двора. Финансовые проблемы были связаны с бесконтрольным расходованием значительных средств на приобретение всё новых и новых автомобилей и дороговизной содержания самого гаража[295].

Поскольку на это строительство предполагалось истратить значительные суммы из бюджета Министерства императорского двора, было принято решение разработать специальное Положение об императорском гараже. А поскольку гараж его величества предназначался исключительно для обслуживания потребностей царской семьи, то его функции определялись после личного согласования с Николаем II.

В. Б. Фредерикс, имевший серьезное влияние на царя, видимо, решил воспользоваться ситуаций и законодательно ограничить «расползание» гаража вширь. Поэтому министр предлагал прекратить необоснованное приобретение новой техники в больших количествах. Он считал, что тридцать имеющихся автомобилей — это достаточно много, учитывая тот факт, что только один раз в году, помимо постоянного обслуживания императора и его окружения, гараж использовал все свои транспортные средства разом — в ходе ежегодных маневров в Красном Селе, которые длились 5–6 дней. По мнению В. Б. Фредерикса, на 1910 г. гараж уже был укомплектован достаточным количеством современных машин, и в текущем году гараж арендовал только четыре автомобиля, да и то только потому, что четыре автомобиля из числа императорских были посланы за границу. Министр обращал внимание Николая II на то, что затраты на гараж уже прописаны в бюджете Министерства императорского двора, но при этом реальные

расходы превышали выделенные бюджетом средства. Поэтому увеличение числа автомобилей сверх имеющихся тридцати и строительство новых зданий гаража, для которых потребуется дополнительный штат сотрудников, сделает содержание императорского гаража накладным для бюджета Министерства императорского двора.

Формально В. Б. Фредерикс был прав. Но он не учел особенностей человеческой психики. Хороших автомобилей для человека, который их любит, много не бывает. Особенно когда есть финансовые возможности. Поэтому гараж продолжал разрастаться. Николай II распорядился одобрить предполагавшиеся значительные расходы. Видимо, на это решение повлияло и увлечение царя автомобилями, и влияние князя В. Н. Орлова, и то, что техника стала важной частью повседневной жизни высшего света. Князь В. Н. Орлов всячески поддерживал увлечение царской семьи машинами. Так, в 1913 г. девятилетнему цесаревичу Алексею был подарен крохотный двухместный автомобиль «Bebe Peugeot» с двигателем в 10 лошадиных сил[296].

Единственное, что удалось сделать министру, это подчинить в июне 1912 г. «Собственный его императорского величества гараж» управляющему Придворной конюшенной частью фон А. А. Гринвальду[297]. Это был компромисс с В. Н. Орловым. С одной стороны, «лошадник» Гринвальд не вмешивался в дела гаража, и В. Н. Орлов продолжал оставаться его неофициальным руководителем. С другой стороны, формальное подчинение гаража Конюшенной части давало право на финансовый контроль деятельности гаража со стороны Министерства императорского двора.

Повседневная жизнь императорского гаража порождала множество проблем, которые приходилось оперативно решать. Прежде всего это были кадровые сложности, связанные с поиском квалифицированных водителей и грамотных техников по обслуживанию автомобилей. Поскольку в то время никакой службы автомобильного сервиса, естественно, не существовало, от водителей требовалось не только умение прекрасно водить машину, быть в состоянии определить характер и место поломки, но и исправить ее. Эти задачи решала императорская школа шоферов.

Группа шоферов у автомобиля, принадлежащего императорской фамилии.
До 1914 г.

Службы, занимавшиеся обеспечением личной безопасности императора, требовали от водителей при перевозке членов императорской фамилии максимального внимания. Поскольку царь предпочитал открытые лимузины, то водители должны были быть готовы к решительным действиям для спасения пассажиров при возможном покушении. Сама возможность такого покушения после событий первой русской революции 1905–1907 гг. была более чем реальна. Прецеденты к этому времени имелись. Однажды учитель французского языка П. Жильяр и цесаревич Алексей попали в одну из первых пробок в Петербурге. Поскольку они ехали в открытом автомобиле, прохожие, узнав цесаревича, мгновенно окружили автомобиль, создав толпу, из которой они с трудом выбрались.

Водителей в России в то время было мало. Квалифицированный шофер из Царскосельского гаража мог легко устроиться к любому титулованному хозяину на большое жалование. Поэтому их старались удержать на службе в Министерстве двора. Все они получали достаточно высокое жалование, включавшее так называемые «столовые» и «квартирные» деньги. Но постоянно растущий спрос на водителей заставлял оперативно поднимать оплату их труда. Так, в мае 1914 г. князь В. Н. Орлов писал Николаю II: «Жалованье рабочих гаража теперь следующее: водители императорских автомобилей получают 90–100 рублей, другие рабочие — 50–80 рублей в месяц. Но ваше величество должен знать тот факт, что даже в частных домах платят гораздо больше, чем это жалованье»[298]. Он подчеркивал, что работа в гараже не так уж легка. Многие служащие работали без отпуска и подчас ночью, для того чтобы закончить ремонт царского автомобиля. Он утверждал, что уровень жалования рабочих от водителей до мойщиков (последние получали по 25 рублей в месяц) совсем не высок. А возможностей повысить им жалование при жестких бюджетных рамках — нет. При этом князь В. Н. Орлов упрекал контроль дворцового управления в бесконечных финансовых придирках, что, по его мнению, отвлекало руководителя механического отдела гаража А. Кегресса и его помощника от непосредственных обязанностей. В. Н. Орлов, добиваясь режима финансового благоприятствования для гаража, выдвинул главный аргумент. Он сообщил царю, что многочисленные выговоры и требования со стороны дворцовой администрации и контроля заставили А. Кегресса несколько раз просить В. Н. Орлова об увольнении. Князь В. Н. Орлов заявлял, что считает А. Кегресса «незаменимым рабочим, и я боюсь, что его увольнение будет большой потерей для гаража»[299]. Далее князь В. Н. Орлов просил царя, чтобы министр императорского двора В. Б. Фредерикс отдал распоряжение дворцовому финансовому управлению о невмешательстве в проблемы определения уровня заработной платы рабочим. Это очень характерная записка, показывающая, что князь В. Н. Орлов продолжал оставаться фактическим «хозяином» императорского гаража, решая все спорные вопросы непосредственно через императора. А требование о невмешательстве в финансовые

дела гаража, входившего в структуры Министерства императорского двора, вообще беспрецедентно.

Однако жизнь постоянно подбрасывала новые проблемы. Так как автомобили необходимо было возить вслед за императором и по железной дороге, то сначала для этого использовались обычные открытые платформы. В феврале 1914 г. было принято решение о строительстве специального вагона-гаража для перевозки императорских автомобилей. Изначально предполагалось, что это будут два вагона, соединенные между собой металлическими мостками длиной примерно по 18 метров. Однако в процессе строительства размеры несколько изменились. В результате были изготовлены два четырехосных вагона, каждый длиной в 20 метров. Этот закрытый гараж вмещал пять машин, подсобные помещения для ремонта, запчастей и горючего. Автомобильный вагон-гараж подцеплялся к хвосту императорского состава. Автомобили выезжали из него по специальным металлическим съездам в торце вагона. Работа над этим заказам была резко ускорена, после того как Россия в августе 1914 г. вступила в Первую мировую войну. С сентября 1914 г. Николай II стал регулярно выезжать на фронт. Вагон-гараж перегнали в Царское Село в марте 1915 г., и в августе 1915 г. был подписан акт приемки железнодорожного гаража. Это было очень важно, поскольку именно в августе 1915 г. Николай II принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего. Он продолжал регулярно ездить по фронтам. В это время императорским гаражом заведовал В. Шоффер[300]. Личным водителем императора по-прежнему оставался А. Кегресс. Это был действительно большой мастер. По свидетельству последнего дворцового коменданта В. Н. Воейкова, он даже на крымских дорогах около Ливадии ездил со скоростью «60–70 верст в час»[301].

Гараж императора продолжал увеличиваться и в годы войны. Но увеличивался он не за счет роскошных автомобилей, а тех, которые могли бы понадобиться в условиях боевых действий. Так, зимой 1915\16 гг. для царя был разработан автомобиль-сани. Одну из двух изготовленных машин передали службе начальника личной охраны царя полковнику А. И. Спиридовичу. К началу 1916 г. в императорском гараже находилось 56 машин.

Среди них были девять личных автомобилей Николая II, 19 автомобилей для свиты, три фельдъегерских, 15 хозяйственных и 10 автомобилей для придворных[302].

После Февральской революции 1917 г. и падения монархии весь автомобильный парк императорского гаража был реквизирован. 9 марта 1917 г. вся материальная часть «Собственного его императорского величества гаража» была передана в распоряжение Временного правительства[303]. После Октябрьской революции 1917 г. и прихода к власти большевиков бывший императорский гараж перешел к новым хозяевам. 26 января 1918 г. имущество бывшей Придворной конюшенной части и бывшего Гаража его императорского величества было передано Автоконюшенной базе Рабоче-крестьянского правительства. На царских автомобилях стали возить В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого. Россия начала погружаться в пучину Гражданской войны, которая похоронила и все царские автомобили. До настоящего времени не сохранилось ни одной машины.

Развлечения в императорской семье

Развлечения как способ проведения досуга были не просто видом отдыха российской аристократии. Скорее это была специфическая форма времяпрепровождения, где собственно развлечения сопрягались с решением множества утилитарных задач: от конфиденциальных бесед на сугубо деловые темы в неформальной обстановке придворного праздника до обычной ярмарки тщеславия, позволявшей блистать немыслимой роскошью, и решения матримониальных задач. Для женской половины, входящей в большой свет, это было главное поле битвы, где случались свои громкие победы и сокрушительные поражения, молва о которых передавалась из поколения в поколения и прилежно фиксировалась в дневниках и мемуарах. Поэтому развлечения при императорском дворе, в их в самых различных вариантах, являлись не только важнейшей частью повседневной жизни российской аристократии, но и своеобразной формой самореализации. Сам факт участия в светских развлечениях свидетельствовал о приближенности к императорскому двору и причастности к высшему свету.

Как правило, расписание развлечений носило циклический характер и определялось как временем года, религиозными праздниками, так и имевшимися прецедентами. Конечно, особенности времени и прогресса вносили в характер этих развлечений свои поправки.

Тем не менее и для этих довольно разнообразных мероприятий была характерна придворная церемониальность, замешанная на множестве нюансов, о которых знали только «свои». Например, во время театральных пьес или других действ придворный этикет запрещал аплодировать прежде императора. Можно было аплодировать только вслед за ним, но, «по некоторой робости, аплодировали очень немногие и очень слегка»[304]. И таких нюансов, подчас ставящих в тупик «новичка», существовало множество.

Спиритизм

Интерес к различным мистическим практикам европейского толка формировался еще при императорском дворе Екатерины II. В 1780 г. в Петербург под именем графа Феникса прибыл знаменитый граф Калиостро, ставший главной сенсацией зимнего сезона. В числе прочего известный европейский авантюрист широко практиковал и спиритизм. Следует заметить, что сама императрица весьма скептически отнеслась к заезжей знаменитости, не без оснований связав его деятельность с укреплением масонских лож в России. По крайней мере, за два года (1785–1786) она написала три комедии, одну из которых, с красноречивым названием «Обманщик», посвятила Калиостро. Тем не менее именно Калиостро положил начало спиритической практике в России, сохранявшейся среди высшего света вплоть до 1917 г.

Спиритизм (франц. *spiritisme*, от лат. *spiritus* — душа, дух) как мистическое течение, сторонники которого верят в посмертное существование душ умерших и возможность общения с ними, окончательно сформировался в середине XIX в. В серьезных энциклопедических словарях упоминается, что «в России первые спиритические сеансы были устроены в начале 70-х годов знаменитым медиумом Юмом». Это не совсем точно.

Дело в том что мода на спиритические сеансы начала распространяться в высшем свете еще в 50-х гг. XIX в. Как правило, ко двору приглашались заезжие европейские «звезды». Потенциальных «клиентов» этого действа

привлекал откровенный мистицизм, замешанный на любопытстве. Однако такие развлечения старались не афишировать. С одной стороны, эта практика не вписывалась в каноны православной церкви, с другой — спиритизм считался моветоном. Поэтому в спиритических сеансах принимали участие только самые близкие к императорской семье люди.

Фрейлина Марии Александровны А. Ф. Тютчева в воспоминаниях и дневнике неоднократно с недоумением и раздражением затрагивала тему спиритических сеансов при императорском дворе. В 1853 г. она упоминала о трех таких сеансах. В мае окружение цесаревича «после чая» забавлялось тем, что магнетизировало столы и шляпы, а затем отправлялось спать[305]. В сентябре — по «возвращении двора в Царское все здесь очень заняты вертящимися и пишущими столами. С ними производится множество опытов даже на вечерах у императрицы… К одной из трех ножек стола привязан карандаш… весь вздор вертящихся столов занимает меня как игра»[306]. В октябре: «Вечер у императрицы. Опять вертящиеся столы»[307].

Как следует из дневниковых записей фрейлины А. Ф. Тютчевой, в 1858 г. при дворе несколько раз принимали «Юма-столовращателя», который появился в Петербурге в июле 1858 г. В Зимнем дворце немедленно был организован сеанс, в котором приняли участие одиннадцать человек. Фрейлина А. Ф. Тютчева, сама присутствовавшая при этом действе, перечислила их имена в дневнике: император Александр II, императрица Мария Александровна, императрица-мать Александра Федоровна, великий князь Константин Николаевич, наследный принц Вюртенбергский, граф П. А. Шувалов, граф В. Ф. Адлерберг, Алексей Толстой, Алексей Бобринский и фрейлины Александра Долгорукая с Анной Тютчевой[308].

Эти спиритические забавы вызвали неоднозначную реакцию со стороны упомянутых лиц. Так, на очередном сеансе у императора Александра II, который состоялся в ноябре 1858 г., обе императрицы — Мария Александровна и Александра Федоровна — не присутствовали, хотя столовращатель сделал всё, чтобы заинтересовать царственных особ. По свидетельству А. Ф. Тютчевой, «стол поднялся, завертелся и застучал, выбивая такт гимна «Боже, царя храни». Сама же фрейлина, оценивая эти

забавы, констатировала: «Во всем этом странная смесь глупости и чего-то сверхъестественного»[309].

Немало способствовала популярности спиритизма среди российской аристократии и жена великого князя Константина Николаевича, великая княгиня Александра Иосифовна. Истеричка по природе, она не только охотно принимала в Мраморном дворце заезжих знаменитостей, но и искала своих, «отечественных» медиумов. Как водится, из этих «поисков» вышла очередная скандальная история, которую, конечно, всеми силами постарались замять.

Когда интерес высшего света к «Юму-столовращателю» иссяк, он начал проводить сеансы среди российской интеллигенции. К этим сеансам большинство отнеслось скептически. Однако нашлись и горячие сторонники. Среди них оказались А. Н. Аксаков и профессора А. М. Бутлеров и Н. П. Вагнер. В результате в 1871 г., по предложению Д. И. Менделеева, при Петербургском университете была создана комиссия (32 человека) для изучения спиритических явлений, которая признала спиритизм суеверием. Тем не менее в среде и интеллигенции, и аристократии, и членов императорской фамилии спиритические сеансы проводились довольно регулярно.

Когда в семье Александра II подросли младшие сыновья Сергей и Павел, то и они побывали на спиритических сеансах. При этом, участвуя из любопытства в этом действе, они выражали решительное недоумение теми лицами свиты, которые принимали спиритизм всерьез. Это отношение они, видимо, унаследовали от матери и воспитательницы Анны Федоровны Тютчевой.

Мода на спиритизм в императорской семье сохранялась вплоть до начала XX в. Последний всплеск этого увлечения пришелся на период с 1903 по 1904 г., когда Николай II и Александра Федоровна принимали участие в спиритических сеансах, устраиваемых черногорками Милицей и Станой, на которых те «вызывали» дух Александра III, чтобы он давал своему сыну политические рекомендации. Эти увлечения довольно быстро угасли, но на всю жизнь императрица сохранила любимый символ — свастику, которую

она воспринимала как символ возрождения. Вплоть до своей смерти императрица носила на руке простой перстенек с эмблемой свастики[310]. Одна из подруг императрицы объясняла это пристрастие к свастике следующим образом: «В ее глазах она представляла собой не амулет, а некий символ. По ее словам, древние считали свастику источником движения, эмблемой божественного начала»[311].

Рыцарские карусели

Так называемые рыцарские карусели появились при российском императорском дворе еще при Екатерине II. Это галантное развлечение, связанное с постановкой «танцев на лошадях», предполагало тщательную подготовку и высокую квалификацию участников. От всадников требовались безупречная техника выездки и умение естественно чувствовать себя в средневековых костюмах.

В XIX в. заметным событием в развлекательной практике российского императорского двора стали карусели, проводимые в период царствования Николая I. Император-рыцарь, всячески поддерживавший культ прекрасной дамы — императрицы Александры Федоровны, счел возможным и даже необходимым организовать несколько таких каруселей. Соответствующий антураж уже был фактически готов. В императорском Арсенале хранилась роскошная коллекция подлинных рыцарских доспехов, а в пригородах были сооружены модные в то время строения в готическом стиле.

Непосредственным поводом для организации самой известной рыцарской карусели стало приближающееся 25-летие обручения императора Николая I и императрицы Александры Федоровны в 1842 г.

Техническая подготовка к карусели началась за два месяца до ее проведения. Был определен круг участников. Конечно, главными действующими лицами являлись юбиляры — Николай Павлович и Александра Федоровна. Во время поста 1842 г. были проведены репетиции в Михайловском манеже Петербурга, сшиты платья и подогнаны доспехи.

Михайловский манеж к этому времени стал привычным местом проведения подобных мероприятий. Так, В. А. Жуковский в одном из писем упоминал о карусели, состоявшейся там 2 апреля 1828 г.: «Была два раза карусель, то есть 16 пар дам и мужчин верхами в Михайловском манеже. Видеть это было очень приятно. Дамы были одеты в обыкновенное суконное верховое платье; все почти в черном с белыми кавалергардскими фуражками на головах. Царица была лучше всех, она удивительно ловка верхом»[312].

Рыцарская карусель 1842 г. прошла в два этапа. В конце апреля 1842 г. в Михайловском манеже, «для своих», под контролем Николая I была проведена генеральная репетиция карусели. Она прошла без исторических костюмов и в отсутствие главного действующего лица — императрицы Александры Федоровны.

Главное представление рыцарской карусели состоялось 23 мая 1842 г. в Царском Селе, на площадке перед Александровским дворцом. Уже здесь все действо строилось вокруг императрицы, которая в костюме средневековой дамы восседала в седле. Кавалеры, окружавшие императрицу, были в подлинных бесценных «максимилиановских» доспехах средневековых рыцарей, взятых «на прокат» из императорского Арсенала.

Всего в карусели участвовало шестнадцать пар, которые сначала проехали торжественным маршем, а затем составили кадрили, шены и прочие танцевальные фигуры. Все мероприятие продолжалось полтора часа: с семи часов до половины девятого вечера. Зрителей было очень мало, только родственники участвующих в карусели лиц[313].

В последующие годы рыцарские карусели также проводились, но уже с меньшим размахом. Так, подшефные «синие» кирасиры императрицы Марии Федоровны по случаю полковых праздников периодически устраивали для нее рыцарские карусели в 1880–1890-х гг. Последняя карусель, устроенная для императрицы подшефными кавалергардами, состоялась 20 марта 1914 г. Мария Федоровна в этот день записала в дневнике: «В 9 часов вечера я и Мари отправились на caroussel, устроенную кавалергардами. Все также прошло прекрасно и невероятно весело»[314].

Карточные игры

Существует предание, что карточные игры были изобретены во Франции для забавы слабоумного французского короля Карла VI (1380–1422), которого прозвали Безумным. Следовательно, карты, «по месту рождения», являлись древнейшей придворной игрой. Однако фактически карты появились много раньше, по крайней мере, известно, что в 1132 г. в Китае они уже были в повсеместном употреблении.

В Европе игральные карты появились не ранее эпохи крестовых походов. Первое документальное известие об игральных картах относится к 1379 г. Многочисленные варианты карточных игр были не только видом досуга, но и способом наживы. Поэтому карточные игры периодически, в разное время и в разных странах, запрещались. Однако эти меры, как правило, успеха не имели, поскольку никакие запреты не могли противостоять азарту и стремлению к наживе. Не избежали увлечения карточными играми и монархи. Особенно широкий размах азартные игры приобрели во Франции в период правления «Короля-Солнце» Людовика XIV.

В России игральные карты появились в XVII в., вероятно, через Малороссию, где казаки иногда коротали за ними время в лагерях. В допетровской Руси игра в карты жестоко каралась. В Уложении Алексея Михайловича 1649 г. предписывалось с игроками поступать, «как писано о татех», то есть бить кнутом и рубить им руки и пальцы. При Петре I руки и пальцы уже не рубили. Указом 1696 г. велено было обыскивать всех заподозренных в желании играть в карты, «и у кого карты вынут, бить кнутом». В 1717 г. игра в карты каралась только денежным штрафом. При Анне Иоанновне в 1733 г. для профессиональных картежников предусматривалось наказание тюрьмой или батогами (последние — для «подлых людей»). В конце царствования Елизаветы Петровны (в 1761 г.) было введено различие между запрещенными азартными и дозволенными коммерческими играми: «Позволяется употреблять игры в знатных дворянских домах; только ж не на большие, но на самые малые суммы денег, не для выигрыша, но единственно для препровождения времени»[315]. Петр III заменил батоги и тюрьму денежным

штрафом, причем штрафом наказывались только те игроки, которые играли на большие деньги или в долг.

Как мы видим, «картежные» законодательные нормы постоянно смягчались — от узаконенного членовредительства до денежных штрафов, налагаемых только на профессиональных шулеров. Эта тенденция достаточно очевидна. Во-первых, карты превратились в общепринятую форму досуга для широкого круга людей. Во-вторых, грань, отделявшая азартные игры от досуговых, всегда была достаточно зыбкой. В-третьих, при императорском дворе тоже играли, и играли по-крупному. Особенно крупно играли при дворе Екатерины II. Ее многочисленные фавориты ставили огромные суммы, и это была самая настоящая коммерческая игра. Один из «отставных» фаворитов Екатерины II — С. Г. Зорич, развлекаясь в своем Шкловском имении, практиковал карточную игру по-крупному, и к нему охотно съезжались знатные партнеры. Недаром А. С. Пушкин в «Пиковой даме» упоминает о Зориче как о знаменитом игроке. В Государственном Эрмитаже по сей день хранятся различные драгоценные фишки, которые использовались во время карточной игры.

Тем не менее и при Екатерине II издавались указы, связанные с картами. Например, сенатским указом были признаны азартными запрещенными играми «банк», «фаро», «квинтич», а коммерческими — «ломбер», «кадрилия», «пикет», «контра», «панфил». В конце XIX в. к азартным играм были отнесены «штос», «баккара», «виктория» и «макао» со всеми видоизменениями.

При этом в конце XVIII — начале XIX в. карточная игра «макао» была широко распространена при российском императорском дворе. Екатерина II во время дворцовых праздников и вечеринок предпочитала играть именно в «вист» и «макао». Кавалеры ее партии несколько раз чередовались[316]. При этом она периодически меняла партнеров, беседуя с ними на те или иные темы. Как правило, при дворе в карты играли «на интерес». Это могли быть специальные золотые фишки или неграненые алмазы, иногда бриллианты и золотые червонцы. Перед игроками ставились ящички с камнями, либо счет робберам велся на червонцы — тогда рядом с императрицей находился камер-паж с запасом империалов и червонцев для уплаты проигрыша

императрицы[317]. Играть с царственной особой в азартные игры было не только почетно, но и выгодно, поскольку монархи не всегда стремились к выигрышу. Их подчас солидные проигрыши были своеобразной формой материальной помощи тем или иным вельможам.

В карты играли все российские монархи, но «запойных» любителей азартных игр среди них не было. Так, Николай I, будучи еще великим князем и великосветским человеком, конечно, в карты играл. И, конечно, на деньги. Но при этом игроком он не был. В январе 1825 г., возвращаясь из Пруссии, великий князь Николай Павлович проиграл своим спутникам: графу Модену — 485 рублей ассигнациями, генералу Корсакову — 30 рублей и полковнику Турно — 17 рублей. Всего 532 рубля ассигнациями[318].

Играл Николай I и будучи императором, хотя карточный азарт, видимо, был ему совершенно чужд. Судя по записям в его бухгалтерских книгах, он регулярно проигрывал. В ноябре 1835 г. он пять раз сидел за карточным столом (4 ноября (105 рублей), 9-го (45 рублей), 10-го (85 рублей), 22-го (65 рублей) и 24 ноября (90 рублей)), проиграв 395 рублей ассигнациями[319]. В декабре он проиграл еще 605 рублей[320].

Свои карточные проигрыши Николай I оплачивал из гардеробной суммы. По свидетельству того же М. Корфа, «проигрыш его рассылался по принадлежности на другой день, при напечатанных по однообразной форме записках министра императорского двора князя Волконского»[321]. Видимо, Николай I не получал особенного удовольствия ни от карточной игры, ни от своих проигрышей, и в последующие годы он полностью исключил эту статью расходов из своих гардеробных сумм.

Жена Николая I — императрица Александра Федоровна из всех карточных игр предпочитала «макао». Об этой игре она упоминала в своем альбоме[322]. Во время «балов с мужиками» в Зимнем дворце она, показывая себя подданным, играла с министрами именно в эту игру.

В николаевскую эпоху карты использовали и для благотворительных лотерей. Эти лотереи, как правило, разыгрывались на приватных балах в Аничковом дворце, куда приглашали только своих. Для проведения лотереи из Английского магазина доставлялись различные заранее отобранные

вещи. Они размещались на столах. Николай I садился за небольшой стол, на котором лежала колода карт, а под каждой вещью вместо номера также размещалась игральная карта. Гости «покупали» карты у царя, а затем он сам раздавал купленные вещи. Достаточно часто на этих лотереях разыгрывались действительно ценные предметы. Так, на одной из лотерей был продан портрет В. А. Жуковского, написанный К. Брюлловым[323].

При Александре II традиция приватных карточных игр была продолжена. Один из мемуаристов, описывая весенний вечер 1863 г. в Большом Екатерининском дворце Царского Села, упоминал, что когда в Китайской комнате императрицы Марии Александровны для фрейлин читалось «Дворянское гнездо» Тургенева, Александр II садился за карточный стол «с обычными своими партнерами»[324].

Карточная игра как часть досуга при российском императорском дворе нашла отражение даже в изобразительном искусстве. Например, в коллекции Государственного Эрмитажа, в так называемом «Охотничьем альбоме» Александра II хранится уникальная колода из 52 карт. Карты стандартного размера (90 х 55 мм) являются 52 акварелями, на которых придворный художник Михай Зичи запечатлел различные сценки на тему придворной охоты. Причем сюжеты были взяты из реальных событий охотничьего сезона 1860 г.

Александр II, как уже говорилось выше, был страстным охотником. Ежегодно зимой, с одной и той же компанией в 15–20 человек, император отправлялся в охотничье хозяйство «Большое Лисино», находившееся в тридцати верстах от Павловска. Из Петербурга выезжали вечером на поезде, затем пересаживались на сани и на место прибывали уже глубокой ночью. Рано утром, после легкого завтрака, охотники отправлялись в лес. Там они становились «на номера». Как правило, охота была серьезной — на медведя. Охота — дело непредсказуемое, даже если она тщательно организована. И на ней бывали и комические, и трагические случаи. Сюжетом для 52 карточных акварелей стали именно комические случаи. При этом художник ни разу не изобразил Александра II. Зато все его спутники, включая великих князей, запечатлены с добродушным юмором.

Как правило, в карты начинали играть в поезде, чтобы скоротать время. И, конечно, играли на деньги. По-иному играть считалось неприличным, о чем сохранились мемуарные свидетельства. Один из егерей вспоминал: «Была назначена охота на медведя, довольно далеко от Петербурга, по Николаевской железной дороге. На станции, где должен был выйти государь, я дожидался прибытия его. Поезд плавно подъехал; обер-кондуктор подбежал к двери вагона, ухватился за ручку, но дверь не отворяется. Проходят две-три минуты ожидания. Оказалось, что его величество играл в карты, и делали расчет. Дверь открылась, и я вижу стол с зеленым сукном и около стола — обер-егермейстера барона Ливена с мелком в руках, проверяющего счет. Государь, проходя мимо стола к выходной двери, обернулся к барону и сказал: «Что же ты еще считаешь?» — «Да что, государь, кажется, меня обсчитали». Государь улыбнулся и, сказав — «не может быть», вышел на платформу»[325]. Судя по акварелям, в карты играли и после охоты.

Играли вечерами в карты и при дворе цесаревича Александра Александровича в Аничковом дворце: «Собирались тогда за круглым чайным столом, а потом рассаживались играть в карты. Цесаревич — со своими обычными партнерами, остальные садились за стол цесаревны, до 12 обязательно играли в игру под названием loup»[326].

Во второй половине XIX в. в карты на неграненые алмазы уже не играли. Играли на деньги. Иногда случались забавные истории. Так, граф С. Д. Шереметев, не самый серьезный игрок, когда приходило время расплачиваться за проигранную партию, «вынимал бумажки, которые словно нарочно оказывались до того засаленными, что цесаревич приходил в комическое негодование». Надо заметить, что это было мелким, но, тем не менее, нарушением сложившейся практики при карточных «императорских партиях». И когда Шереметев «вытащил полуразорванную в бумажной рамке» купюру, «явление небывалое за царской партией и при дворе», цесаревич отобрал ее у графа и лично сжег на свечке[327]. Играла в карты и Мария Федоровна. Мемуаристы упоминают, что она «не прочь была даже азартных игр», при этом «государь этому вовсе не сочувствовал»[328].

Николай II предпочитал домино и бильярд, но императрица Александра Федоровна в карты играла охотно. Мемуаристка упоминала, что «императрица была большой любительницей «альмы», но ей свойственна была маленькая, но простительная слабость: она не любила проигрывать»[329].

Следует еще раз подчеркнуть, что «запойных» игроков в императорской семье не было. Игроки имелись, однако зависимые — нет. В карты «на интерес» играли, конечно же, ради легкого адреналина. Однако за границей российские великие князья немало денег оставляли в казино Монте-Карло. Там игра шла подчас по-крупному, а казино, как известно, в проигрыше не бывают. Поэтому и на великих князьях периодически повисали весьма крупные карточные долги.

Деревянная гора

Трудно сказать, когда именно в императорских дворцах появилась такая забава, как большая деревянная гора, с которой могли кататься не только дети, но и взрослые. Скорее всего, подобное развлечение стало возможно, когда во второй половине XVIII в. выстраивались и обживались большие дворцы с огромными залами.

Эта забава выросла из традиционных зимних ледяных гор. В XVIII в. катание на горках являлось частью зимнего досуга не только простолюдинов, но и рафинированной аристократии. Во времена Елизаветы Петровны в парке при Большом Царскосельском дворце была сооружена катальная гора. В Ораниенбауме при Екатерине II также был построен павильон «Катальная горка». Причем, судя по чертежам, это была не только зимняя, но и летняя забава самодержцев. Летом по «трассе» катались на специальных тележках. Это был, безусловно, экстремальный вид отдыха, поскольку высота ораниенбаумской горки составляла тридцать три метра — высота современного двенадцатиэтажного дома. Правда, скат горки находился на уровне двадцати метров, но и этого для экстрима вполне достаточно. По преданию, Екатерина II так и не рискнула скатиться летом с этой горы.

Ледяные горы никогда не исключались из списка зимних развлечений российской аристократии. Императрица Мария Федоровна, будучи цесаревной, так отчаянно каталась с ледяных гор в Таврическом саду зимой 1881 г., что сумела основательно расшибиться и после этого ходила «с порядочным синяком» на лице[330].

Деревянные горки в дворцовых залах появились, видимо, при Николае I, во второй четверти XIX в. Предположительно такие сооружения были устроены во всех императорских дворцах. По крайней мере известно, что огромные деревянные горки для детей были созданы в Зимнем дворце, Александровском дворце Царского Села и Гатчинском дворце.

Одно из самых ранних упоминаний о подобных сооружениях относится к 1818 г. Так, императрица Александра Федоровна писала, что, находясь в Гатчинском дворце, она «попробовала скатиться с деревянной горы стоя»[331]. Дети же катались с подобных горок на специальных войлочных ковриках.

Еще одна такая горка была сооружена в одном из залов Александровского дворца в Царском Селе. Она занимала примерно половину большого парадного зала и была изготовлена из полированной древесины, катались с нее на небольших ковриках. Горка дала название залу, который вполне официально именовался Залом горы. Сохранился рисунок А. Чернышева «Развлечения при Высочайшем дворе в Царском Селе в 1846 г.». На горке — не только дети, но и молодые юноши и девушки. Взрослые также присутствуют в зале, снисходительно наблюдая за резвящейся молодежью и обсуждая свои взрослые дела. Конечно, в этом же зале находились многочисленные хрупкие произведения искусства, и перед служителями дворца стояла весьма сложная задача — уберечь их от расшалившихся детей.

С этой горки катались все дети Николая I, Александра II и Александра III. Императоры, даже став «большими», периодически скатывались с любимой горы. Одна из мемуаристок вспоминала, как ее ребенком пригласил в Александровский дворец Александр II и предложил покататься с деревянной горы. Поскольку девочка смущалась, то Александр II «сам, для примера, скатился с внуком на руках»[332]. Примечательно, что этим внуком

являлся будущий Николай II, следовательно, Александру II на тот момент было, по меньшей мере, пятьдесят лет.

Дочери Николая II и цесаревич Алексей были последними, кто, по праву хозяев, катался в Зале горы. Как и в прежние годы, с этой горки с большим удовольствием съезжали не только дети, но и взрослые. Одна из мемуаристок упоминала, как в 1908 г. она, будучи беременной, вместе в великими княжнами каталась «на американских горах, установленных в одном из помещений дворца. Мы целыми часами развлекались, получая от катания огромное удовольствие. Я совершенно забывала о том, что я — замужняя женщина, которая через несколько месяцев собирается стать матерью»[333].

На протяжении почти восьмидесяти лет деревянная горка служила одним из любимых развлечений четырех поколений Романовых. Эта горка «прожила» длинную жизнь, поэтому сохранилось несколько ее фотографий. Как и многие мемориальные вещи, деревянная горка в Александровском дворце Царского Села погибла в годы Великой Отечественной войны.

О существовании подобного сооружения в Зимнем дворце мы знаем из воспоминаний английской няни Маргарет Эггер, которая нянчила детей Николая II. Она упоминала, что на первом этаже Зимнего дворца, на детской половине, в одном из залов, «обитом красной материей, в котором царских детей учили танцам», находилась огромная горка из полированного дерева, дети катались с нее на войлочных ковриках[334].

Велосипед

Подрастающие великие князья для своих развлечений охотно использовали различные технические новинки, которые только-только появлялись в магазинах. К числу таких новинок относились и велосипеды. Вероятно, первыми велосипедистами в императорской семье стали младшие сыновья Александра II — великие князья Сергей и Павел Александровичи. Предположительно вместе с ними катались и их ровесники — двоюродные братья.

В императорской семье этот вид спорта начали осваивать во второй половине 1870-х гг. К этому времени в Европе уже развивалась велосипедная индустрия, и к 1890-х гг. наиболее качественные велосипеды изготавливались в Англии (до 40 000 штук в год). Одной из лучших фирм считалась «Cowentry Machinist's Co». К концу 1890-х гг. в Европе и Америке насчитывалось до 1000 велосипедных фабрик.

В 1870-х гг. велосипеды еще не имели пневматических шин[335], и для катания на них были необходимы ровная трасса и определенный навык. Навык нарабатывался опытом, а трассой с ровным покрытием стали драгоценные паркеты Зимнего дворца. Первые опыты велосипедной езды по дворцовым залам зафиксированы в декабре 1876 г. Видимо, велосипеды были только-только приобретены, а ждать наступления лета не хватало терпения. 9 декабря 1876 г., когда на улице стоял мороз, состоялся первый велосипедный заезд по залам Зимнего дворца. При этом катались несколько великих князей: Сергей, Павел и, возможно, Владимир с Алексеем. В этом заезде использовались велосипеды разных конструкций, по крайней мере, Сергей уточнял в дневнике, что он катался «на четырехколесном», и молодые люди очень забавлялись: «Мы прокатывались повсюду, даже перед караулом»[336]. Можно только представить себе реакцию дворцовых смотрителей, когда сыновья Александра II гоняли по залам Зимнего дворца, переполненным драгоценными предметами, царапая отполированный паркет. Тем не менее перечить им никто не мог, и такие заезды позже повторялись неоднократно. Великий князь Сергей Александрович записал в дневнике: «Гоняли на велосипедах по залам, право, забавляет меня это, уморительно»[337].

Теннис

В энциклопедии «Брокгауза и Эфрона» справедливо утверждается, что термин «lawn-tennis» — английского происхождения, и смысл игры состоит в том, чтобы «на открытом воздухе, при участии 2, 3 или 4 лиц… при

помощи особых палочек с рукояткой и широкой, обтянутой ремешками рамкой» перекидывать «друг другу мячи, стараясь по возможности дольше не дать им упасть на землю».

В России большой теннис стал известен на рубеже 1860–1870-х гг. Тогда в Петербурге начали появляться различные спортивные клубы, создававшиеся английской диаспорой. Постепенно игра завоевала любовь российской аристократической молодежи. Надо заметить, что англоманов среди русской аристократии всегда было много. В результате в конце XIX в. большой теннис стал популярным видом развлечения золотой молодежи.

В российской императорской семье в теннис начали играть в середине 1870-х гг. Видимо, одними из первых теннисистов в государстве были сыновья Александра III. В дневнике великого князя Сергея Александровича (31 мая 1875 г.) упоминается, что он «с братьями» играл «для тренировки» в «теннис на траве»[338]. Сохранилось упоминание другого мемуариста о том, что в начале 1880-х гг. младший брат Александра III — великий князь Владимир Александрович без ведома императора начал использовать Большой зал Александровского дворца в Царском Селе для игры в теннис. Когда Александр III узнал об этом, его брат немедленно получил нагоняй за «нецелевое» использование одного из парадных залов дворца[339].

Из этих упоминаний следует, что одна из первых теннисных площадок с большой долей вероятности была расположена в Александровском парке Царского Села. Трудно сказать, что это была за площадка и была ли она вообще, или в теннис играли на одном из парковых газонов («на траве»). Поскольку Сергей Александрович упоминает братьев в качестве своих партнеров, а на Владимира он указывает прямо, то наверняка Сергей Александрович имел в виду своих старших братьев — Александра, Владимира и Алексея. Поэтому мы с большой долей вероятности можем предположить, что в молодые годы Александр III играл в большой теннис.

Наряду с теннисом играли в бадминтон. Играли и зимой в помещении. Николай II записал в дневнике, что 3 февраля 1890 г. он «играл с тетенькой в бадминтон»[340]. «Тетенькой» будущий император называл жену своего дяди — великого князя Сергея Александровича — Елизавету Федоровну.

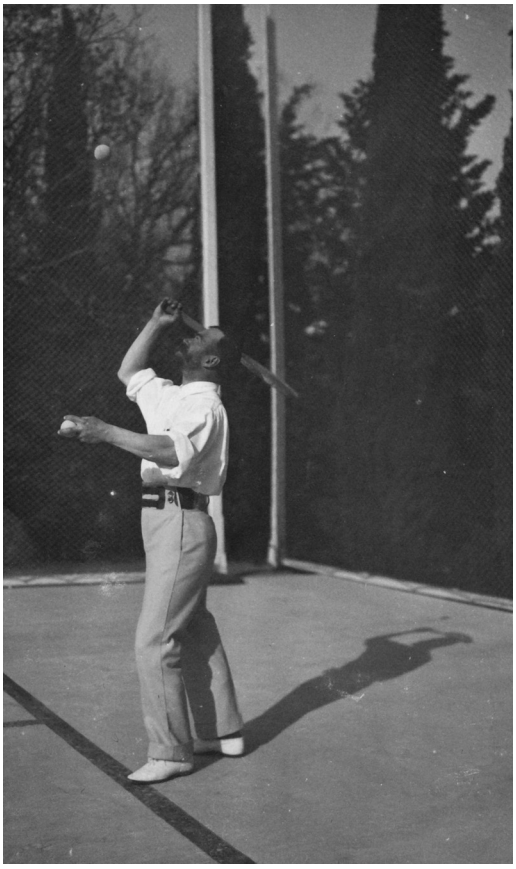
6 февраля играли еще раз, и Николай Александрович с удовлетворением отметил, что он выиграл шесть раз.

Даже крупный Александр III подумывал о том, чтобы заняться модной игрой. Причиной этих раздумий были полнота Александра III и его желание похудеть. К тому же царь вообще нуждался в физических нагрузках. Как упоминал в мемуарах государственный секретарь А. А. Половцев, он в июне 1890 г. посоветовал императору «устроить для себя jeu de pomme (игра в мяч — *франц.*)». При этом Александр III ответил, что «очень желал бы это сделать»[341]. Однако сложившийся образ жизни и постоянная занятость так и не позволили Александру III заняться большим теннисом. Поэтому первым российским императором, включившим теннис в свой досуг, стал Николай II.

Судя по всему, с игрой в lawn-tennis Николай II познакомился в ходе своих визитов в Англию в середине 1890-х гг. Однако в Англии он только смотрел, как играют. В России на теннисный корт Николай II впервые вышел в подмосковном селе Ильинском, где отдыхал после коронации в Москве в 1896 г. Это село являлось загородной резиденцией великого князя и генерал-губернатора Москвы Сергея Александровича.

В дневнике Николая II зафиксирована точная дата, когда он впервые взял в руки теннисную ракетку. 2 июня 1896 г. он записал: «После чаю пошел играть с другими в lawn-tennis, в первый раз». С этого дня Николай II две недели ежедневно играл в теннис. В дневнике царя факт каждой игры пунктуально фиксировался: «После кофе играл с другими в lawn-tennis до завтрака, а также затем с 4-х до 7½ час.»; «Все утро до завтрака играли в lawn-tennis»; «С 9 час. начали играть в lawn-tennis, я удачнее вчерашнего… В 4 часа опять lawn-tennis и чай в саду»; «Вернувшись домой, выпили кофе и отправились играть в lawn-tennis — эта игра стала главным спортом нашей здешней жизни»; «Утро было чудное, этим мы воспользовались, чтобы долго играть в lawn-tennis в последний раз!»

На теннисном корте в селе Ильинском Николай II получил первые навыки игры. А поскольку император был физически прекрасно развит, то у него игра пошла. Кроме того, для него, загруженного массой дел,

Николай II играет в теннис
1914 г.

было очень важно за короткое время получать максимальную физическую нагрузку. И теннис для этого прекрасно подходил. Впоследствии в императорских резиденциях было построено пять теннисных кортов: в Петергофе, в Царском Селе (два корта), в Ливадии, в Спале. Еще один, шестой теннисный корт был построен в финляндских шхерах, поблизости от места постоянной стоянки «Штандарта».

Игра так увлекла царя, что, уехав из Москвы 21 июня и переехав 25 июня в Фермерский дворец в Петергофском парке Александрия, Николай II с женой, едва «разложив все вещи, пошли осмотреть вновь устроенный lawn-tennis». А на следующий день, 26 июня, Николай II уже обновил свой первый теннисный корт, поиграв в теннис со своими дядями — Михаилом и Петром Николаевичами, при этом качество покрытия корта царя не устроило: «Играли потом в lawn-tennis; хорошо, но еще довольно мягко».

Обычно царь в дневниковых записях называл эту игру «lawn-tennis», «сетка» или по-русски — «теннис». Партнерами Николая II, как правило, были офицеры подразделений охраны или офицеры императорской яхты «Штандарт». Иногда он играл с родственниками, молодыми великими

князьями. Постепенно круг теннисных партнеров царя расширялся. Как обычно бывает в России, царское увлечение немедленно превратилось в увлечение ближайшего окружения. К офицерам «Штандарта» присоединились фрейлины. Неплохо в теннис играла фрейлина Анастасия Гендрикова. Даже весьма полная Анна Вырубова разделила это царское увлечение. Когда подросли дочери, они также вышли на теннисный корт.

Николай II у теннисного корта в Ливадии.
1914 г.

Императрица Александра Федоровна, у которой были больные ноги, играла в теннис единственный раз 29 июня 1896 г.: «После чаю читал и затем играл с Аликс (single)[342] в lawn-tennis». Однако ее старшая сестра — прусская принцесса Ирэна в теннис играла чаще. На фотографиях, сделанных в Спале, можно видеть прусскую принцессу на теннисном корте.

Для хорошо физически развитого Николая II серьезными противниками были только молодые офицеры «Штандарта». С остальными, судя по фотографиям, игра в теннис больше напоминала игру в бадминтон.

В ноябре 1913 г. на корт в Ливадии против 45-летнего царя вышел молодой Феликс Юсупов (Сумароков-Эльстон), будущий убийца Григория Распутина и муж племянницы Николая II — Ирины Александровны. Николай II охарактеризовал его в дневнике как лучшего игрока в России и констатировал, что у него есть чему поучиться. Всего у Николая II были

четыре игры (11, 20, 21 и 22 ноября 1913 г.) с Ф. Юсуповым, и, видимо, царь был доволен встречей с серьезным противником, которая помогла ему определить собственный уровень игры: «Сегодня в теннисе принял участие гр. Сумароков — молодой студент — лучший игрок в России. Есть чему поучиться у него». В его дневнике появились записи: «Поиграли с увлечением с Сумароковым», «Была удачная игра в теннис с Сумароковым». Судя по этим записям, дипломатичный Ф. Юсупов дал себя обыграть.

Интересно, что весьма сдержанный Николай II периодически позволял себе «подурить», находясь на теннисном корте. На фотографиях, сделанных летом 1914 г. на корте в Петергофе, Николай II сидит на плечах партнера по теннису — сотника Собственного его императорского величества конвоя Зборовского.

На теннисный корт мужчины-игроки выходили, как правило, в форме. Николай II был одет в белые брюки и рубашку, на нагрудном кармане которой вышит императорский двуглавый орел. На ногах — белые ботинки с черными носками, пояс светлый, видимо, взятый от одного из военных мундиров. Позже, на фотографиях, сделанных в Ливадии, видно, что пояс у царя уже трехцветный. Насколько можно судить по расположению цветов на черно-белой фотографии, они воспроизводили цвета государственного флага России: бело-сине-красный. Пояс застегивался сбоку на три узких ремешка. Видимо, партнеров царя по теннису обеспечивали теннисной формой централизованно, либо они сами по образцу заказывали себе именно. Примечательно, что Николай II был очень аккуратен в одежде, на большинстве фотографий на его рубашке застегнуты все пуговицы, а на голове вне игры надета офицерская фуражка. Возможно, и обувь для тенниса у игроков была специальной. По крайней мере, на фотографии, сделанной летом 1914 г., великая княжна Мария Александровна держит в руках белые теннисные туфли с плоской подошвой без каблуков.

Теннисные ракетки, или, как это сказано в энциклопедии, «особые палочки с рукояткой и широкой, обтянутой ремешками рамкой», были стандартных размеров. На фотографиях отчетливо просматривается, что дизайн теннисных ракеток разный. Судя по всему, ракетки берегли. По

крайней мере, на одной из фотографий девушки держат в руках ракетки зачехленными.

На теннисном корте присутствовали и традиционные ныне мальчики и девочки, которые подавали мячи играющим. На фотографии, сделанной на теннисном корте в Спале, можно видеть двух мальчиков и двух девочек, одетых в национальное платье, перед плетеной корзиной для мячей. На не огороженном корте в Виролахти мячи подбирали матросы с яхты «Штандарт».

Во время неофициальных визитов Николай II играл и за границей. Так, в конце августа 1910 г., когда семья уехала на несколько месяцев в Германию, Николай II охотно играл с братом жены. Сохранилась фотография, где он стоит на теннисом корте в городе Дармштадт.

Первый по времени теннисный корт для Николая II, как упоминалось выше, был построен летом 1896 г. в Петергофском парке Александрия, вскоре после возвращения царя из Москвы. Именно этот теннисный корт был самым задействованным из всех царских кортов.

Площадка для игры в теннис располагалась восточнее собственного сада Фермерского дворца, на северном берегу ручья. План корта и описание правил игры в июне 1896 г. собственноручно сделал император Николай II. В июле — августе того же года были составлены проект и смета на 4619 рублей[343].

Проектом императорской площадки для тенниса занимался московский архитектор А. А. Семенов, который в 1875–1883 гг. руководил строительством московского Исторического музея. Видимо, именно он проектировал теннисную площадку для великого князя Сергея Александровича в селе Ильинском. Поэтому как «специалиста по кортам» его и направили в Петергоф.

Как показали археологические исследования последних лет, во избежание сырости «между площадкою тенниса и сеткой устраивался фундамент». Поверхность корта была засыпана слоем желтого песка (10–15 см), затем шел слой кирпичного щебня (43 см) и на глубине 65 см была заложена глиняная подушка. Вокруг корта проложена дорожка шириной в 2,7 м из

крупного битого кирпича. Площадку окружали вертикальные стойки из бревен, державшие ограждавшую теннисный корт сетку[344].

В дневниковых записях царя часто встречаются упоминания об игре в теннис на этом корте. В июне 1905 г. Николай II отметил, что «в первый раз после долгого времени поиграли с офицерами в lawn-tennis». Летние дневниковые записи во время его пребывания в Нижнем дворце Петергофа буквально испещрены упоминаниями об этих играх. В летнем сезоне 1905 г. Николай II выходил на теннисный корт 25 раз. Записи в дневнике крайне лаконичны и просто констатируют факт игры: «Играли в теннис». Иногда указывалось время и качество игры: «Играли в теннис с 4 до 5½ — лучше, чем вчера». Изредка упоминались партнеры по играм, так, 24 июня 1905 г.: «Играл с Мишей и офицерами в теннис». «Миша» — это младший брат царя, великий князь Михаил Александрович. Часто партнерами царя становились дежурные флигель-адъютанты: «Долго играл в теннис с Андреем (деж.) и офицерами». «Андрей» — великий князь Андрей Владимирович. В 1905 г. Николай II последний раз вышел на теннисный корт 1 сентября.

Летом 1913 г. Николай II играл «с дочерьми и Настенькой Гендриковой». Периодически Гендрикову заменяла А. А. Вырубова: «Поиграл с детьми и Аней в теннис». В числе его постоянных партнеров по теннису был лейтенант Н. Родионов, который специально приезжал «с яхты… и поиграл с нами до 5 час.». Также с царем играли лейтенанты «Штандарта» Семенов, Потоцкий и Хвощинский.

Лето 1914 г. выдалось тревожным, поскольку политическая ситуация в Европе резко обострилась. Дело шло к большой войне. Однако теннис оставался теннисом. И, судя по фотографиям, настроение у царя было очень неплохое. Партнеры у царя были те же, что и в 1913 г. Среди новых игроков появился сотник собственного конвоя Зборовский. Последний раз на Петергофском корте Николай II играл в теннис 16 июля, а 19 июля (1 августа) Германия объявила России войну.

Второй и третий теннисные корты были сооружены в императорских резиденциях Ливадии и Спале, видимо, одновременно — во второй половине 1890-х гг. Причем, опять же судя по фотографиям, в Ливадии построили

две площадки для игры. Корты были стандартные, с песчаным покрытием, окруженные высокой сеткой. Впервые Николай II вышел на теннисный корт в Ливадии летом 1909 г. А. А. Вырубова упоминала, что Николай II «ежедневно играл в теннис, я всегда была его партнером», при этом «он относился очень серьезно к игре, не допуская даже разговоров… он отлично играл и терпеть не мог проигрывать»[345]. На кортах стояли скамейки, на которых и было сделано большинство фотографий. Старшие Ольга и Татьяна являлись уже взрослыми девушками, и непринужденная обстановка игры позволяла им слегка флиртовать с офицерами «Штандарта». На фотографиях, сделанных весной 1913 г. в Ливадии, с девушками на корте почти постоянно находился мичман Н. Родионов. Мичман, как правило, играл в паре с царем. В Ливадии поблизости от теннисных кортов был сооружен чайный домик. После игры все игроки и зрители отправлялись пить чай.

В 1913 г. первая игра на корте в Ливадии состоялась 24 августа. К этому времени сложился определенный ритуал: после игры — обязательный чай. Иногда сдержанный Николай II с удовольствием констатировал в дневнике: «Днем прекрасно поиграл в теннис — лично я сыграл семь сетов». В этот сезон царская семья прожила в Крыму необычайно долго, и в теннис играли буквально до заморозков: «Днем поиграли в теннис, руки зябли»; «Играли в теннис, руки зябли». В этом сезоне во время одной из игр Николай II был довольно серьезно травмирован: «Во время игры мне мячом попало в правую икру настолько сильно, что я захромал. Вечером мне наложили бинт». Пару дней он был вынужден пролежать в кровати, а затем ходил, опираясь на палку. Эта игра, состоявшаяся 26 ноября 1913 г., и завершила сезон. В начале декабря 1913 г. семья отправилась в Петербург.

Через несколько месяцев, 30 марта 1914 г. царская семья вернулась в Ливадию. С 9 апреля возобновилась игра в теннис, которая продолжалась почти два месяца — до конца мая 1914 г. Завершающий раз на теннисный корт в Ливадии Николай II вышел 25 мая 1914 г.: «Поиграли хорошо в теннис». Это было последнее посещение царской семьей Ливадии.

Четвертый теннисный корт был сооружен в 1907 г. в финляндских шхерах, близ местечка Виролахти. Корт расположился на мысу, близ воды.

Покрытие сделали из досок, постеленных на грунт. Были настелены две параллельные площадки. Ограждений из сетки не имелось, и матросам приходилось бегать за мячами. За игрой наблюдали, сидя на траве или на длинной скамейке, поставленной рядом с кортом. У императора имелось свое кресло-шезлонг. Рядом с кортом соорудили временный сарай, стены и крышу которого обтянули парусиной. В этом сарае, видимо, переодевались и хранили спортивный инвентарь.

Николай II и его семья очень любили эти места. В дневнике царя множество упоминаний об игре в теннис. В 1913 г. царская семья провела в шхерах целый месяц (с 11 июня по 11 июля): «Скоро после завтрака съехали на берег и начали с увлечением играть в теннис»; «В 2¼ съехали на берег, и я много играл в теннис». Если в Ливадии после тенниса пили чай, то в шхерах — купались: «С увлечением поиграли в теннис и выкупались»; «Днем поиграл в теннис и чудно выкупался»; «Поиграли в теннис и затем выкупались с наслаждением».

Последний раз Николай II с семьей побывал в шхерах и играл на теннисном корте близ Виролахти 2 июля 1914 г.: «Съехал с детьми на берег и поиграл в теннис. Потом выкупался с офицерами на старом месте».

Пятый теннисный корт был сооружен на территории Федоровского городка, построенного в Царском Селе, близ императорской резиденции Александровского дворца. Сам корт находился внутри кирпичных стен Федоровского городка, что весьма устраивало охрану. В отличие от других теннисных кортов известна только одна фотография, где запечетлена игра на нем. Необычен ракурс фотографии, поскольку ее сделали с одной из башен Федоровского городка. На фотографии отчетливо видны разметка, сетка, окружающая корт, и скамейки за сеткой для зрителей. Видимо, на этом корте играли только дочери Николая II. По крайней мере, в дневниках весьма пунктуального царя нет ни одного упоминания о его играх на этой площадке. Время сооружения корта в Федоровском городке можно назвать только предположительно. Вероятнее всего, это лето 1915 г.

В 1914 г. в зданиях Федоровского городка был устроен госпиталь, и, видимо, выздоравливавшие офицеры играли с молодыми великими княж-

нами летом 1915 г. Сохранилась акварель, на которой Мария и Анастасия Николаевны изображены на фоне башен Федоровского городка в окружении офицеров, у двоих из которых в руках теннисные ракетки.

Наряду с кортом на территории Федоровского собора в парке рядом с Александровским дворцом был еще один, шестой теннисный корт. Этот корт был временным, поскольку имел покрытие из досок, которое разбиралось на зиму. О нем несколько раз писал в дневнике Николай II: «Поиграл с дочерьми в теннис, который вновь устроен из досок» (3 июня 1915 г.); «В 3½ ч. вернулся в Царское Село. Поиграл в теннис и покатался на прудах».

В 1917 г., уже после отречения, Николай II мимоходом вновь упомянул об этом теннисном корте: «Пошли посмотреть работу по складыванию досчатого «groud» для нашего тенниса на прежнем месте» (12 мая 1917 г.); «Днем была успешная работа около дорожки, пройдя теннис; срубили пять сухих елей и распилили их все на дрова» (31 мая 1917 г.); «Днем спилили четыре сухих дерева за теннисом» (20 июня 1917 г.).

Поскольку все перемещения Романовых после ареста были разрешены только в пределах ограды Александровского парка, это локализовало место временного корта указанной территорией. Однако эта теннисная площадка в 1917 г. так и осталась невостребованной.

Анекдоты

Частью досуга императорского двора были и анекдоты. Вообще, сам этот жанр устных юмористических историй восходит к «Декамерону» Дж. Бокаччо. В XVIII в. под анекдотами понимались и различные нравоучительные истории бытового характера, связанные с жизнью известных лиц. В их основе, как правило, лежали подлинные истории. Так, широко были известны анекдоты, связанные с жизнью Петра I. Во второй четверти XIX в. анекдоты приняли более современный характер коротких рассказов — отчасти вымышленных или утрированных подлинных событий. Как правило, эти анекдоты были по-мужски «неприличными». И рассказывали их в мужском обществе.

Цитирований в дневниках и мемуарах собственно текстов анекдотов очень мало. Чаще просто фиксировался сам факт повествования. Так, Николай II в дневнике 26 августа 1896 г. записал: «Ели, пили кофе, курили и болтали в столовой поезда Вильгельма; как всегда, когда дамы уходят, все начали рассказывать неприличные анекдоты — больше всего он сам и посол наш Остен-Сакен». Обращают на себя внимание выражение «как всегда» и тот факт, что любителем скабрезных анекдотов был кайзер Вильгельм II.

Примечательно, что пристойные анекдоты не возбранялись и во время светской беседы за царским столом. По упоминаниям мемуаристов, их рассказывали и совершенно «не приспособленные» для анекдотов люди. Так, аскетический облик «великого инквизитора» — обер-прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева совершенно не вязался с анекдотами. Тем не менее, по воспоминаниям, на одном из высочайших завтраков в Гатчине «Победоносцев порывался рассказывать анекдоты»[346].

Наверняка потихоньку при императорском дворе рассказывали анекдоты и о самодержцах. Они, конечно, носили политизированный характер. За границей революционная эмиграция периодически издавала брошюры этих анекдотов. «Качество» подобных текстов весьма сомнительно, однако политическая подоплека очевидна. Вот несколько анекдотов о Николае II.

«Однажды, когда его величество сидел в театре, он обратил внимание на человека с густой шевелюрой и поинтересовался узнать, кто он.

— Мне кажется, что это известный поэт, — сказал его величеству сидевший позади министр двора.

— Поэт? Поэт? — заинтересовался его величество. — Может быть, это сам Пушкин?»[347]

«Зайдя в детскую, его величество увидел, что дети ссорятся и дерутся из-за большого листа «Русских ведомостей».

— Олечка, Танечка, — сурово приказал он, — бросьте сейчас же эту дрянную газету.

— Зачем же ты ее получаешь, папа? — спросили в один голос обе девочки»[348].

Фотография

Детали повседневной жизни императорской семьи запечатлены в различных источниках. Но одним из самых достоверных по сей день остается фотография, поскольку она в буквальном смысле фиксировала «мгновенья жизни» императорской семьи. Фотографии «императорской серии» можно разделить на две группы, каждая из которых имеет свою историю. К первой относятся официальные снимки, сделанные профессиональными фотографами, а ко второй — любительские, сделанные либо лично членами императорской семьи, либо лицами, входившими в их ближайшее окружение.

Вообще, история фотографии началась в 1839 г., когда был изобретен процесс фотографирования и разработаны технические средства для закрепления изображения. Поражает оперативность, с которой эта техническая новинка оказалась в сфере внимания хозяйственных подразделений Министерства императорского двора. В результате уже осенью 1839 г. Николай I внимательно ознакомился с дагерротипным аппаратом, приобретенным хозяйственными службами министерства. Сам факт приобретения аппарата именно министерством дает основания предположить, что его собирались использовать для фотографирования членов императорской семьи. Однако после осмотра императором дагерротипный аппарат был передан в Академию художеств. К сожалению, несмотря на существовавшие технические возможности, эпоха Николая I не оставила ни одной фотографии.

На рубеже 1850–1860-х гг. появились первые официальные фотографии, запечатлевшие внешний облик членов императорской фамилии. Примечательно, что на этапе формирования «фотографического рынка» среди фотографов императорской семьи оказывались люди, имена которых впоследствии исчезли из официальных списков. Так, например, 29 марта 1862 г. великий князь Александр Александрович, будущий Александр III, дважды ездил фотографироваться «к Робильяру» со своим старшим братом, цесаревичем Николаем Александровичем[349]. Упомянутый Робильяр (Robillard) впервые приехал в Петербург из Франции в 1852 г. в качестве портретиста, работавшего преимущественно пастелью.

Однако со временем вокруг императорской семьи сложился круг профессиональных фотографов, которые монополизировали за своими ателье права на съемку престижных клиентов. К их числу можно отнести К. И. Бергамаско, А. И. Деньера, И. Дьяговенко, А. А. Пазетти и К. А. Фишера.

Но самым известным мастером считался Сергей Львович Левицкий. Свою карьеру он начал еще при Николае I, в 1849 г., открыв на Невском проспекте «Дагерротипное ателье С. Левицкого». Профессия была настолько востребована, что в конце 1850-х гг. С. Л. Левицкий перебрался Париж, где также держал собственное фотоателье.

Знакомство С. Л. Левицкого с членами императорской семьи состоялось в 1865 г. Это было очень тяжелое время для коронованной четы. В апреле в Ницце умер старший сын Александра II — цесаревич Николай Александрович. Тогда же наметился окончательный разрыв между Александром II и его женой, Марией Александровной. Так сложилось, что летом 1865 г. С. Л. Левицкий в Ницце снимал российских аристократов, в том числе и лиц, входивших в окружение императрицы. Видимо, именно они составили фотографу протекцию, и благодаря этому до нас дошло несколько фотографий, запечатлевших Александра II и Марию Александровну в трауре по старшему сыну. С. Л. Левицкий произвел на императрицу хорошее впечатление, и она попросила его вернуться в Санкт-Петербург.

К этому времени в Министерстве императорского двора сложилась нормативная практика присуждения весьма престижного звания придворного поставщика. Это звание было юридически оформлено в 1856 г. Но еще до этого времени при дворе существовала группа поставщиков, которые имели право использовать государственный герб в рекламных целях. В 1854 г. С. Л. Левицкий попытался получить двуглавого орла на свою продукцию, однако ему было отказано на том основании, что фотография — это искусство, а не производство. Надо заметить, что с подобными отказами сталкивался не только Левицкий. Поэтому нормативные документы, связанные с присвоением звания придворного поставщика, были скорректированы, и с 1859 г. фотографы смогли получать звание поставщика и придворного фо-

тографа. Как и всем другим потенциальным поставщикам, им необходимо было для этого приблизительно 8–10 лет печатать фотографии царской семьи. Если отсчитывать время начала работы на императорскую семью с 1865 г., то получение С. Л. Левицким звания придворного фотографа их императорских величеств в 1877 г. выглядит вполне логичным.

На «боевом счету» С. Л. Левицкого — хрестоматийные фотографии семьи Александра II и Александра III. Именно его приглашали для фотографирования почивших в Бозе российских монархов и для коронационных снимков. В дневниковых записях Романовых в 1860–1870-х гг. по большей части упоминается имя Левицкого. В мае 1875 г. императрица Мария Александровна с детьми посетила ателье Левицкого, и, по словам великого князя Сергея Александровича, фотографии «хорошо удались, мы также сняли группу втроем и я вдвоем с Мама́»[350]. В мае 1877 г.: «…поехали… к Левицкому, снимались в различных видах и очень долго, трогательные группы с Павлом»[351].

Именно Левицкий фиксировал памятные моменты из жизни императорского дома. Например, 26 февраля 1876 г., когда цесаревичу Александру Александровичу минул 31 год, в Аничковом дворце состоялись торжественная обедня и завтрак. Потом вся семья отправилась к Левицкому, где «сняли группу пантомимическую… Отлично все удалось, и отдельные карточки также»[352]. Через несколько дней Сергей Александрович посетил ателье фотографа Бергамаско, где «снимался в гусарской венгерке и чакчирах»[353].

В 1890 г. Левицкий начал строительство около Казанского собора на Невском проспекте Фотографического дома. Примечательно, что в проекте был предусмотрен специальный подъезд для членов императорской семьи. Фотографический дом был открыт в 1894 г. К этому времени Левицкий начал передавать дело своему сыну — Льву. Молодой Левицкий на тот момент специализировался на выездной съемке, а в 1898 г. полностью унаследовал дело отца[354].

Следует отметить, что тиражирование и продажа фотопортретов членов императорской семьи были достаточно прибыльным бизнесом. Это право давалось канцелярией Министерства императорского двора.

Поначалу бизнесом «на лицах» занимались несколько фирм, связанных с императорским двором. Но в начале 1900-х гг. фирме «Боасонна и Эгглер» удалось добиться монопольного права на тиражирование некоторых царских фотографий. Видимо, речь шла о нескольких версиях официальных фотопортретов членов императорской семьи. Можно только предполагать, каким образом швейцарский фотограф Фредерик Боасонна и его компаньон, германский подданный Фриц Эггер, приобретшие в 1902 г. популярную в Петербурге фотографию А. А. Пазетти на Невском проспекте, добились этого права.

Отдельной историей было тиражирование портретов Николая II. Монопольное право на тиражирование фотопортретов царя получила царскосельская фирма «К. Е. фон Ган и К⁰». Особенно прочными позиции этой фирмы стали после перенесения постоянной императорской резиденции в 1905 г. из Зимнего дворца в Александровский дворец Царского Села.

История фирмы началась 1 июня 1891 г., когда выходец из Варшавы Карл Андреевич Ягельский совместно с К. Е. Якобсон, урожденной Ган, открыли фотоателье под маркой «К. Е. фон Ган и К⁰». В 1897 г. еще одной совладелицей К. А. Ягельского стала вдова титулярного советника В. И. Засельская, а «привилегия художественной собственности» на снимки императорской семьи перешла к Ягельскому. В 1911 г. высочайшим указом ему было присвоено звание фотографа его величества. Следует отметить его новаторский подход к технологическим процессам фотосъемки. Например, Ягельский применил метод кинематографической съемки с целью последующего распечатывания отдельных кадров в качестве фотографий. Об объемах его работы «на семью» говорит то, что только за 1910 г. им было напечатано от 1500 до 2000 карточек.

Будучи близок к царю «географически», К. А. Ягельский превратился в фотографа, который получил доступ со своей фото- и кинокамерой в ближний круг императорской семьи. Он много снимал царя в деловой обстановке, во время отдыха на «Штандарте» и в финляндских шхерах. Его фотографии включались заказчиками в свои личные альбомы. Лучшие фото, с одобрения императрицы Александры Федоровны, отбирались и

разрешались к продаже. По материалам поездок Николая II по фронтам в 1914–1915 гг. К. А. Ягельскому удалось составить и издать альбом «Его императорское величество в действующей армии». Свое место рядом с семьей К. А. Ягельский сохранил вплоть до 1917 г. Более того, последние снимки были им сделаны в Тобольске во второй половине 1917 г.[355]

Во время визитов в европейские страны к официальным съемкам подключались европейские фотографы. Именно они запечатлели важнейшие события, связанные с российской историей. Так, в апреле 1894 г. в Кобурге, где цесаревич Николай Александрович сватал дармштадтскую принцессу Алису Гессенскую, официальную съемку помолвки вел фотограф Эдуард Уленхут.

Пожалуй, самым информативным и объективным источником истории повседневной жизни императорской семьи является любительская фотография. Первыми фотографами-любителями в императорском окружении можно назвать графа И. Г. Ностица[356] и генерала А. А. Несветевича, которые в 1870–1880-х гг. фотографировали членов семьи Александра II и Александра III. Однако полнее всего любительская фотография заявила о себе в семье последнего российского императора — Николая II. К этому времени в продаже появились надежные фотоаппараты «Кодак» с неплохими возможностями для любительской съемки.

Первые опыты любительской фотографии Николая II и Александры Федоровны относятся к 1896 г., когда после коронации царская семья отдыхала в подмосковном Ильинском. Царственные любители отсняли более 500 сюжетов[357].

Со временем рядом с Александровским дворцом появилась «база» для обработки и печати многочисленных пленок, которые «нащелкивали» члены императорской семьи. Для этого в одном из парковых павильонов была оборудована фотомастерская. Там в год проявлялось до двух тысяч фотопластинок, с которых печатали фотографии.

Со временем увлечение распространилось и на детей царской семьи. Все дочери имели свои фотоаппараты. Поскольку фотографировали все, то некоторые снимки получались на весьма хорошем художественном уровне.

Охотно занималась фотосъемкой даже пожилая вдовствующая императрица Мария Федоровна. В своем дневнике за 1914 г. (28 июня) она упоминала о прогулке в Гайд-парке, «где делала фотоснимки»[358].

Представление о том, сколько было фотоаппаратов в царской семье, дают описи Гатчинского дворца. Например, в уборной и шкафной комнатах великого князя Михаила Александровича хранился аппарат фотографический типа клап-камеры с объективом. В передней и проходной комнатах Михаила Александровича: Folding Pocet Kodak и еще три фотоаппарата[359].

Рядом с царской семьей пребывали и другие любители с фотоаппаратами. Так, полковник А. И. Спиридович, возглавлявший Отряд подвижной физической охраны, был фактически еще одним домашним фотохудожником, поскольку он по долгу службы обязан был постоянно находиться поблизости от императора. Значительный вклад в фотолетопись последней императорской семьи внесла и ближайшая подруга императрицы Александры Федоровны — Анна Александровна Вырубова. Когда в 1920 г. она по льду Финского залива бежала из советской России, то унесла с собой несколько альбомов с фотографиями императорской семьи. Сейчас все они хранятся в библиотеке Йельского университета.

Кинематограф

Первый опыт привлечения «великого немого» для документальных съемок придворных церемоний появился в мае 1896 г. В этом году в Москве происходила коронация Николая II. Для фиксации исторической церемонии были приглашены французские операторы. Эта короткая пленка стала первым документальным фильмом в Российской империи.

Начало было положено. Имелся и соответствующий интерес к модной технической новинке. Поэтому через месяц после коронации в Большом Петергофском дворце состоялись два киносеанса (7 и 13 июля 1896 г.). Примечательно, что термин «кинематограф» еще не вошел в повседневный оборот, поэтому Николай II использовал привычную для него терминоло-

гию: «…показывали удивительно интересные движущиеся фотографии на экране». Но уже во второй дневниковой записи царь прибег к новому тогда термину «кинематограф»: «Обедали у Мама́ и в 10 ч. поехали в Большой дворец, где показывались движущиеся фотографии (кинематограф)». Из текста непонятно, каков был сюжет этих «движущихся картинок», но поскольку все происходило вскоре после коронации, можно с большой долей уверенности предположить, что французские кинематографисты в Большом Петергофском дворце впервые представили свою продукцию заказчикам и, вероятно, показали другие документальные ленты. Таким образом, в 1896 г. кинематограф вошел в жизнь императорского двора.

В 1896 г. Николай II еще несколько раз столкнулся с кинематографом. В сентябре, во время визита в Англию, состоялась официальная съемка царственных гостей: «После кофе вышли вместе в сад, где нас снимали и простым способом, и вертящимся (синематограф)». Знакомство с новым видом искусства продолжилось в Германии. В октябре 1896 г. Николай II записал в дневнике: «Обедали в 8 час. и поехали в концертное здание, где видели действие кинематографа».

В Петербурге модная техническая новика появилась в марте 1897 г. И также в доме вдовствующей императрицы Марии Федоровны — Аничковом дворце. В камер-фурьерском журнале зафиксировано, что «в Танцевальном зале французским гражданином Матье был продемонстрирован кинематограф» — подвижные фотографии и «эхоноград»[360].

Со временем кинематограф стал частью повседневной жизни императорской семьи. Так, во время летнего пребывания в Царском Селе фотограф Карл Андреевич Ягельский 1 августа 1900 г. организовал для семьи первое кинопредставление[361].

По мере того как подрастали дети, а Александровский дворец Царского Села превращался в жилую императорскую резиденцию, на втором этаже детской половины дворца оборудовали помещение для просмотра кинофильмов.

Поначалу в Александровском дворце специального помещения «для кино» не было. Потом для этой цели оборудовали комнату, в которой ранее

проводили уроки музыки (в комнате стояли два пианино). Для просмотра кинофильмов на лицевой стене был повешен экран из прорезиненной ткани, покрытый серебристой алюминиевой краской. Кроме того, большой проблемой оказалось стационарное размещение кинопроекционного аппарата. Для него в подвале дворца установили специальный трансформатор, выделив отдельное помещение.

Со временем кинозалы были оборудованы во всех императорских резиденциях. В ноябре 1904 г. царь, будучи у матери в Гатчине, записал в дневнике: «Вечером смотрели разные сцены кинематографа Гана».

В Ливадии в 1910–1911 гг. под руководством молодого архитектора царского имения Г. П. Гущина был сооружен ряд технических и служебных построек, в число которых вошел и театр. Его здание перестроили из бывшей флотской казармы, прежде также служившей местом «собраний и народных развлечений». В театре имелся просторный зрительный зал со сценой. На сцене установили экран, и «милый театр», как назвал его Николай II, стал еще и кинотеатром. За тематику демонстрируемых фильмов и техническое обеспечение по-прежнему отвечал К. А. Ягельский.

Кинематографические сеансы для августейших особ устраивались и на императорской яхте «Штандарт». Для организации демонстрации фильмов иногда приглашались владельцы ялтинских кинотеатров — А. К. Салтыков и П. К. Чепатти. Среди немногочисленных кинематографических заведений Ялты театры «Одеон» Салтыкова и «Иллюзион» Чепатти были наиболее популярны.

Фильмы, предназначавшиеся для императорской семьи, в основном были развлекательными. Сам Николай II определял репертуарную политику Ягельского терминами «интересный», «веселый», «забавный». Например, в дневнике он писал: «Поехали к 8 час. на яхту к обеду… Затем наверху в столовой был забавный кинематограф»; «После чая в 5½ поехали в театр, где видели отличный кинематограф — «Одеон».

Участие владельцев ялтинских театров в показе кинематографических лент для императорской семьи отмечалось наградами. В декабре 1911 г. директор «Одеона» А. К. Салтыков получил золотую булавку с крупным

бриллиантом, а жена его — золотые дамские часы, украшенные государственным гербом с короной.

«В среду, 11 апреля, вечером, — сообщала «Русская ривьера», — в Ливадии состоялся сеанс кинематографа, на котором присутствовали: Николай II с дочерьми, великий герцог и герцогиня Гессенские, великий князь Дмитрий Павлович, лица свиты, находившиеся в Ливадии, и другие лица. Картины удостоился демонстрировать владелец ялтинского «Иллюзиона» г. Чепатти. Сеанс кинематографа продолжался с 9¼ до 11¾ вечера, причем было показано 11 картин». Через месяц, в мае 1912 г., П. К. Чепатти был награжден большой золотой медалью на Аннинской ленте с надписью «За усердие», а его жене пожалованы золотые часы с короной, усыпанной бриллиантами.

Надо заметить, что такие подарки были обычной практикой в Министерстве императорского двора. Все люди, которые так или иначе привлекались к обслуживанию императорской семьи и при этом не состояли в придворном обслуживающем штате, как правило, получали подарки, которые они, естественно, высоко ценили.

В Ливадийском театре кроме кинематографических сеансов устраивались показы «картин в натуральных красках». В течение сеанса на экране возникали красочные пейзажи России. Менялись слайды, и перед взором зрителей представали достопримечательности, памятники древнего зодчества, знаменитые архитектурные ансамбли. Автором этих «картин» был Сергей Михайлович Прокудин-Горский (1863–1944) — родоначальник русской цветной фотографии, замечательный фотомастер, ученый-химик.

Николай II благосклонно относился к начинаниям С. М. Прокудина-Горского, с удовольствием смотрел его слайды, приглашая для этого Сергея Михайловича в Царское Село и Ливадию. По указу царя Министерство путей сообщения выделило фотографу вагон для его передвижной лаборатории и обеспечило бесплатный проезд по всем железнодорожным магистралям России. Во время последних поездок по стране в 1909–1911 гг. С. М. Прокудин-Горский сделал несколько тысяч цветных фотографий. 30 ноября 1911 г. император «присутствовал при демонстрации С. Прокудиным-Горским картин в цветной проекции Туркестана и Средней России» в Ливадии.

Работы С. М. Прокудина-Горского и в последующие приезды царской семьи демонстрировались в Ливадии. 13 декабря 1913 г. Николай II записал в дневнике: «В 9 час. поехали в Ливадийский театр, где сначала были показаны снимки цветными стеклами, а затем интересный кинематограф».

В новом Ливадийском дворце в кабинете царя хранились в красных кожаных футлярах два небольших диапозитива в натуральных цветах на стекле, выполненные С. М. Прокудиным-Горским. Один диапозитив был с изображением государя и государыни, другой — царской семьи. После революции эти фотографические снимки на стекле были отправлены в Москву, куда ушли многие ценные вещи из Ливадийского дворца[362].

По мере того как взрослели царские дети, репертуарная политика постепенно менялась. Как правило, это были документальные ленты, причем значительную часть киноматериала составляли снятые Ягельским зарисовки из жизни императорской семьи. Сам Николай II и Александра Федоровна с удовольствием смотрели семейную кинохронику. Конечно, весь киноматериал оставался в семье. Только малая его часть, связанная с официальными мероприятиями, тиражировалась и поступала в широкий прокат. Например, сохранился официальный ролик, посвященный закладке Федоровского собора в Царском Селе.

Судя по всему, при семье находились два кинодокументалиста. Наряду с К. А. Ягельским семейные и официальные кинофильмы снимал придворный фотограф Ган. Так, 20 января 1907 г. Николай II зафиксировал в дневнике, что после завтрака он «долго гулял и катался с детьми с горы. От 5 час. до 6¼ Ган показывал кинематографические снимки — комические и из пребывания на «Штандарте».

С 1911 г. репертуар фильмов стал контролировать начальник канцелярии Министерства императорского двора генерал А. А. Мосолов. Он писал впоследствии, что императрица сама определяла программу киносеансов: «Сначала актюалитэ, фильмы, снятые за неделю придворным фотографом Ягельским, затем научный либо красивый видовой, в конце же веселую ленту для детей»[363].

Николаю II и его близким очень нравилось кино. Просмотр фильмов стал одним из любимых семейных занятий. Примечательно, что император

положил начало традиции личной цензуры фильмов, имевших политический подтекст. Так, осенью 1911 г. в Ливадийском театре на суд императора и его окружения была представлена первая в истории отечественного кино полнометражная историческая кинолента режиссера В. Гончарова «Оборона Севастополя». Фильм продюсировала крупнейшая российская кинофирма «Ханжонков и К°». За картину «Оборона Севастополя» Александр Ханжонков был удостоен личной награды Николая II — бриллиантового перстня.

Пропагандистский потенциал кинематографа в самодержавной России впервые широко использовался в год 300-летия династии. К торжествам специально был снят художественный фильм «Избрание на царство Михаила Федоровича». Фильм «сдавали» накануне торжеств 16 февраля 1913 г. лично самодержцу. И заслужили его одобрение. В дневнике царя в этот день появилась запись: «После обеда смотрели кинематогр[аф] «Избрание на царство Михаила Феодоровича». Хорошо и достаточно верно в историч[еском] отношении. Потом видели веселые снимки».

В период Первой мировой войны царя много снимали. Однако в условиях системного кризиса самодержавия документальный монархический кинематограф уже не мог спасти репутацию правящей династии. Когда в залах кинотеатров крутили фронтовую хронику с участием царя — «Награждение Георгиевскими крестами», в зале в голос смеялись и выкрикивали: «Батюшка с Георгием, а матушка с Григорием».

Сохранилось описание одного из киносеансов, проводимых в ближайшем окружении Николая II в Александровском дворце. Его оставил посол Франции Морис Палеолог. 12 марта 1916 г. он записал в дневнике: «Я приехал в Царское Село в пять часов. Аппарат установили в большом круглом зале, перед экраном поставлены три кресла, вокруг них дюжина стульев. Почти тотчас же вышли император и императрица с великими княжнами и наследником-цесаревичем в сопровождении министра двора Фредерикса с супругой, обер-гофмейстера графа Бенкендорфа с супругой, полковника Нарышкина, г-жи Буксгевден, воспитателя наследника Жильяра и нескольких чинов дворцового управления. Во всех дверях столпились и выглядывали горничные и дворцовые служители. Император был одет в походную форму,

на императрице и великих княжнах — простые шерстяные платья, прочие дамы — в визитных туалетах.

Передо мной императорский двор во всей простоте его обыденной жизни. Император усадил меня между собой и императрицей. Свет погасили, и сеанс начался.

Во время двадцатиминутного антракта нам подали чай; император вышел в соседнюю комнату покурить, я остался с императрицей...»[364]

После отречения Николая II и ареста семьи Романовых киносеансы в Александровском дворце Царского Села продолжались вплоть до конца августа 1917 г. Обязанности киномеханика взял на себя бывший цесаревич Алексей. В июле 1917 г. бывший император дважды упоминал, что Алексей «показывал свой кинематограф очень удачно». После того как семью Романовых выслали в Сибирь, среди множества вещей, взятых с собой, были и предметы, имеющие отношение к кинематографу. Так, например, в Тобольск из Александровского дворца были отправлены кинопроектор, экран и 21 коробка с кинолентами. Видимо, Алексей планировал и дальше проводить свои удачные киносеансы.

Можно добавить, что Александровский дворец Царского Села в конце 1920-х гг. впервые стал кинематографической площадкой, на которой снимался игровой художественный фильм. Знаменитый режиссер С. Эйзенштейн в подлинных интерьерах снимал фильм о событиях 1917 г., посвящая свое творение 10-летию Октябрьской революции. Из этого фильма наиболее известна сцена разорения матросами царской спальни.

Музыкальные увлечения членов императорской семьи

Совершенно естественным элементом воспитания детей русского дворянства было музыкальное образование. Музыка была своеобразной средой обитания. Конечно, для девочек эта дисциплина была обязательной, и учили их музыке более основательно. Для мальчиков музыкальное образование являлось скорее желательным.

Маленьких великих князей и княжон обучали музыке педагоги, которых приглашали в царскую семью. Следует подчеркнуть, что все представители дома Романовых получили домашнее музыкальное образование. В том числе и императоры. При этом музыкальное образование было весьма востребовано в их повседневной жизни. Степень музыкально-исполнительской квалификации была, конечно, разной, но все русские императоры владели теми или иными музыкальными инструментами. И, самое главное, все они являлись квалифицированными ценителями и знатоками музыки, с удовольствием посещая оперу, различные музыкальные спектакли и концерты.

Император Александр I играл на скрипке и кларнете. Его учителем был Фердинанд Диц (1742–1798), ученик композитора Глюка, который начинал карьеру в венской опере, где приобрел репутацию виртуозного скрипача. В 1771 г. Диц приехал в Россию, где начал карьеру в качестве камер-музыканта придворного оркестра. Как придворный музыкант он играл в Малом Эрмитаже, и его талант был оценен Екатериной II. Именно она избрала его на роль учителя музыки Александра I. Уроки принесли свои плоды: по свидетельству современников, Александр I хорошо играл на скрипке[365].

Николай I также не был чужд музыке. Император Николай Павлович стал первым российским монархом, игравшим на различных духовых инструментах: флейте, валторне, корнете и корнет-а-пистоне. Сам Николай I называл свои инструменты без различия нюансов попросту «трубой»[366].

Современники отмечали его хорошую музыкальную память и слух. Не чуждался он и сочинительства, отдавая предпочтение военным маршам. Свои музыкальные навыки Николай Павлович реализовывал так, как это было принято в дворянской среде по всей России, на домашних концертах. Эти концерты проходили и в Зимнем, и в Аничковом дворцах, и на них, как правило, приглашались только свои.

Поскольку у царя не имелось физической возможности систематически заниматься игрой на музыкальном инструменте, он поручил А. Ф. Львову (автору гимна «Боже, Царя храни») «всегда за несколько минут пред концертным вечером приходить к нему в кабинет, чтобы проиграть с ним его

партию»[367]. Специально для царя А. Ф. Львовым была составлена партия на cornet à pistons[368].

Некоторую объективную информацию о музыкальных пристрастиях Николая Павловича дают его приходно-расходные книги по так называемой гардеробной сумме. Так, в 1824 г., находясь в Пруссии, великий князь Николай Павлович счел необходимым «за свой счет» приобрести у «инструментальных мастеров» Грислинга и Шлотта «духовые инструменты для саперного и пионерного батальонов», шефом которых он был. Эти духовые инструменты обошлись великому князю в 2914 прусских талеров[369].

В 1830-х гг., судя по счетам, император Николай I довольно часто музицировал. Личные бухгалтерские книги императора пестрят счетами «за чистку инструментальных труб» перед концертами. Чистили «инструментальные трубы» разные люди: безымянный «унтер-офицер саперного батальона», «отставной унтер-офицер Максимов», «унтер-офицер саперного батальона музыкант Федоров» и другие. По большей части эти люди были музыкантами саперного батальона, которым Николай Павлович командовал в молодые годы. Как правило, разовая чистка «музыкальных», или «инструментальных», труб обходилась Николаю I в 10 рублей ассигнациями[370]. Периодически трубы чинили. Обычно чинил их унтер-офицер саперного батальона музыкант Федоров за те же 10 рублей ассигнациями. Иногда трубы чистили чаще, иногда реже. Видимо, это было связано с частотой их использования. Так, в ноябре 1835 г. музыкант Аникеев получил «за чищение двух раз труб» сразу 20 рублей.

Кроме того, для императора приобретались новые музыкальные инструменты — как в России, так и за границей. В России в июне 1835 г. инструментальному мастеру Андерту «за взятые для его величества две трубы» было уплачено 265 рублей ассигнациями. В декабре 1835 г. у этого же мастера была куплена валторна «для его величества» за 250 рублей[371]. Приобретались инструменты и за границей. В мае 1835 г. на Санкт-Петербургскую таможню законопослушный государь направил сумму таможенных сборов в 10 рублей 34 копейки «за полученные из-за границы две музыкальные трубы»[372].

Имелись у императора и другие музыкальные инструменты. Судя по гардеробным счетам, в феврале 1836 г. барабанщику дворцовых гренадеров было уплачено 25 рублей «за перетягивание барабана его величества»[373].

В 1840–1850-х гг. «музыкальные счета» практически исчезли из гардеробных сумм. Бесконечный поток дел, возраст и болезни давали о себе знать. Видимо, в эти годы император играл только на семейных праздниках по «своим» дням — в июне (день рождения) и декабре (тезоименитство). Так, в ноябре 1849 г. (накануне тезоименитства) «за чистку музыкальных труб его величества» было уплачено 3 рубля серебром[374]. В декабре 1853 г. и 1854 г. «за чистку трех музыкальных труб мастеровому роты Федору Купцову» было уплачено 3 рубля серебром[375]. Это были последние «музыкальные счета» императора Николая I. Все эти сухие бухгалтерские документы свидетельствуют, что любовь к музыке император Николай Павлович пронес в буквальном смысле через всю жизнь. Кроме этого, именно Николай I «легализовал» духовые инструменты в императорской семье.

В период правления Николая I сформировалась такая форма музыкального досуга, как концерты на открытом воздухе в императорских резиденциях. Именно в 1840-х гг. Павловский вокзал превратился в музыкальную Мекку истинных ценителей музыки. Согласно некоторым сведениям, великий князь Михаил Павлович согласился на продолжение Царскосельской железной дороги до Павловска только при условии регулярных музыкальных вечеров, которые предполагалось организовывать в здании Павловского вокзала. К императорскому двору регулярно приглашались первоклассные европейские музыканты, принимавшие участие и в музыкальных вечерах в Павловске. Так, 5 апреля 1843 г. на торжестве по случаю 25-летия обручения Николая I и Александры Федоровны играл Ференц Лист[376].

Интересно, что концерт Листа при императорском дворе закончился скандалом. Один из мемуаристов передал рассказ самого Листа об этом инциденте: «Во время моей игры государь подозвал своего адъютанта и стал о чем-то с ним разговаривать. Я перестал играть; наступила тишина. Император подошел ко мне и спросил, отчего я бросил играть. Я ответил: «Когда ваше величество разговаривает, все должны молчать». Николай I

с минуту на меня с недоумением смотрел, потом вдруг нахмурил брови и сказал: «Господин Лист, экипаж вас ждет». Я молча поклонился и вышел. Через полчаса в гостиницу ко мне явился полицмейстер и сказал, что через шесть часов я должен покинуть Петербург»[377]. Знаменитый Иоганн Штраус более десяти сезонов отыграл на Павловском вокзале для рафинированной публики.

О музыкальных увлечениях Александра II мы знаем очень мало. Известно только, что он играл на фортепиано. Императрица Мария Александровна, как и всякая аристократка ее эпохи, также владела этим инструментом.

В салоне Марии Александровны, конечно, регулярно проводились музыкальные вечера. Императрица «по должности» покровительствовала музыкантам, ее именем назван Мариинский театр. Однако современники свидетельствовали, что «императрица музыки не любила и ее не понимала»[378].

Но сыновья и племянники императорской четы музыку любили с детства и реализовали свои музыкальные интересы в полной мере. Так, великий князь Константин Константинович, будучи молодым человеком, каждую пятницу играл на виолончели в русском оркестре под управлением Направника. С ним разучивались новые произведения, но, конечно, без публики[379]. Видимо, у «Константиновичей» виолончель была семейным инструментом, поскольку отец знаменитого поэта «К. Р.» — великого князя Константина Константиновича — великий князь Константин Николаевич также играл на этом инструменте.

Можно почти точно установить, когда будущий Александр III начал играть на любимых духовых инструментах. Летом 1847 г., когда Александру шел третий год, его брат упросил одного из воспитателей купить ему настоящую трубу, «чтоб играла». Воспитатель «приискал в игрушечной лавке детскую трубу из цинка, которая при легком надувании производит звуки через так называемую гармонику; а чтоб младшему брату было незавидно, то и для него немного поменьше»[380]. В результате Никса и Александр «с утра до вечера не выпускали их из рук и изо рта». Примитивные музыкальные экзерсисы мальчиков в немалой степени раздражали бабушку-меломанку —

императрицу Александру Федоровну. Она вызвала воспитателя и «особенно благодарила за эти подарки». Когда этим же летом Александр II прислал детям игрушки, купленные в Гамбурге, то находившиеся в их числе трубы были немедленно изъяты[381].

Достаточно много известно о музыкальных пристрастиях Александра III. Внешне совершенно неутонченный и мужиковатый император был тонким ценителем и большим знатоком музыки. Александр III, как и Николай I, регулярно играл на музыкальных инструментах, получая от этого искреннее удовольствие. Примечательно, что могучий царь играл на различных духовых инструментах, как и его дед, Николай I, которого Александр III глубоко почитал. В описи вещей в личных комнатах императора в Гатчинском дворце упоминаются музыкальные инструменты, которые находились «под рукой». Так, в рабочей комнате Александра III хранилась валторна. В уборной — труба-баритон. В комнате за уборной — труба[382].

Следует отметить, что свой путь к духовым инструментам Александр III нащупал не сразу. Сначала его пытались учить играть на фортепиано, как это было принято во всех порядочных аристократических семействах. Утонченной императрице Марии Александровне, при всем ее искреннем уважении к свекру, претили эти «военные» трубы.

Уроки фортепиано начались для великих князей Александра и Владимира Александровичей довольно поздно, с осени 1857 г., когда Александру было уже 12,5 лет. Первым учителем музыки для братьев стал полковник В. М. Половцев, которому платили по 7 рублей за урок[383]. Преподавателя нашли, как это принято во все времена, по рекомендации. В. М. Половцев учил игре на фортепиано принцессу Екатерину Петровну Ольденбургскую, которая была на два года младше Александра, но учиться музыке начала значительно раньше него[384]. В. М. Половцев, ученик знаменитого Гензельта, стал учителем музыки и для всех сыновей Александра II.

Занятия шли очень плохо, и причиной тому было простое нежелание великого князя играть на фортепиано. При этом у братьев ненависть к фортепиано была какой-то наследственной, как и тяга к духовым инструментам. Дело в том что еще осенью 1858 г. наследник-цесаревич Николай

Александрович решительно отказался учиться играть на фортепиано, и тогда же его молодой воспитатель О. Б. Рихтер начал учить его играть на корнет-а-пистоне. Позже с цесаревичем стал заниматься признанный виртуоз Вурм[385]. Трудно сказать, что повлияло на решение Никсы: наследственное увлечение внешней стороной военного дела или авторитет царственного деда.

Младшие братья цесаревича, Александр и Владимир, видимо, не раз слышали музыкальные экзерсисы старшего брата и постепенно заинтересовались и самим инструментом. В сентябре 1861 г. воспитатель Александра Александровича отметил в дневнике, что его воспитанник, «по-видимому, более интересуется игрою на корнет-à-pistons, нежели прежде»[386]. При этом 16-летний Александр Александрович продолжал «мучить» фортепиано. 4 сентября 1861 г. воспитатель записал: «После завтрака Александр Александрович отправился играть на фортепиано»[387].

Второму царскому сыну было уже почти 17 лет. Несмотря на несколько лет регулярных занятий, его музыкальные «успехи» не продвинулись дальше примитивных гамм, поэтому родители в конце октября 1861 г. приняли «стратегическое» решение прекратить обучение Александра Александровича игре на этом инструменте. Как ни удивительно, молодой человек воспринял это достаточно болезненно, по крайней мере, он жаловался своему воспитателю, что его не будут больше учить играть на фортепиано. На эти жалобы воспитатель резонно заметил, что «в этом он сам виноват, что тот, кто в течение нескольких лет сидит на экзерсисах и еще не умеет разбирать нот, тот не может подавать надежды на успехи. Что нужно требовать строго либо совсем оставить музыку»[388]. Так на фортепиано безрезультатно потратили целых четыре года.

Однако уроки не прошли бесследно. Они пробудили интерес к музыке. По примеру старшего брата Александр Александрович стал брать уроки у О. Б. Рихтера. И уже в январе 1862 г. воспитатель констатировал, что «Александр Александрович пошел к Дмитрию Борисовичу (Рихтеру — *И. З.*), чтобы не пропустить урока музыки на трубе, он как-то стал дорожить этим»[389].

В 1860-х гг. пятый сын Александра II — Сергей повторил путь старшего брата, отказавшись играть на фортепиано. Точнее, учитель музыки Кюндин-

гер[390] сам посоветовал прекратить занятия. При этом великий князь Сергей Александрович любил и понимал музыку.

На протяжении всего 1862 г. воспитатель великого князя Александра Александровича неоднократно отмечал, что у Рихтера братья «провели время очень весело, не говоря уже о музыке, которая доставляет им истинное наслаждение»[391]. Александр Александрович настолько почувствовал вкус и к новому инструменту, и к игре на нем, что принял «несколько раз участие в оркестре»[392]. Более того, 17-летний великий князь стал играть самостоятельно и «трубил до 10 часов»[393]. Во всех этих записях сквозит сначала удивление, а затем и просто изумление как музыкальными талантами, так и желанием играть со стороны того, на ком уже давно поставили крест учителя.

В летний сезон 1863 г. великих князей Александра и Владимира стали вывозить на аристократический «музыкальный пленэр» в Павловск. Эти прогулки в Павловск «на музыку» были почти обязательны для петербургской аристократии: «Вереница экипажей останавливалась у болотистой речки. Отсюда внимали звукам оркестра. Знакомых бывало — пропасть»[394].

Как известно, музыка объединяет, и в первой половине 1860-х гг. вокруг сыновей Александра II сложился кружок любителей музыки, который просуществовал около десяти лет. По свидетельству мемуариста, Александр Александрович играл квартеты еще со своим старшим братом — наследником Николаем Александровичем, генералом Половцевым, Вурмом, Тюрнером. После смерти старшего брата в апреле 1865 г. великий князь Александр Александрович стал цесаревичем, и к 1869 г. вокруг него сложился «скромный медный септет» из девяти человек[395].

В 1872 г. по желанию цесаревича Александра Александровича было основано Общество любителей духовой музыки, которое в то время называлось «Хором наследника цесаревича Александра Александровича». Цесаревич лично на протяжении девяти лет участвовал в его регулярных репетициях и концертах. К этому времени состав Общества был расширен за счет офицеров лейб-гвардии Егерского полка. Музицировали еженедельно, по четвергам. Оркестр был исключительно медный с прибавлением одного

«контр-баса» (ротмистр Дмитрий Антонович Скалон) и турецкой музыки. Дирижировал помощник заведующего хором гвардии Беккель, позже его заменил Шрадер. Репертуар для любителей был довольно сложный — Бетховен, Глинка, Шуман, Вагнер, Мейербер. Для усиления состава один раз был даже приглашен «легионер» со стороны — профессиональный американский музыкант-виртуоз, игравший на корнете. Они отыграли вместе два месяца, за что американец получил на память весьма ценный перстень[396].

Надо заметить, что очень многие офицеры были заинтересованы войти в состав «Хора» наследника, поскольку это давало возможность личных, неформальных контактов с ним. Все хорошо понимали, что наследник рано или поздно станет императором и будет набирать свою «команду» из лично ему известных людей. Не чурались «музыкальных контактов» и великие князья. Так, дядя цесаревича — великий князь Николай Николаевич (старший) несколько раз исполнял в оркестре цесаревича «партию маленького барабана», при этом он «выбивал дробь отчетливо и красиво» на барабане, привезенном из Болгарии в 1877 г.

Периодически «Хор» концертировал. Например, играл в Зимнем дворце для императрицы Марии Александровны. Один раз был устроен большой концерт для своих. Предполагалось, что это будут родные и близкие участников хора. Однако в зале собралось до 250 человек. До последнего момента участники концерта не знали, приедет ли цесаревич. Александр Александрович приехал и вместе со всеми музыкантами выступал на сцене. Это был уже прецедент.

Столь многолетнее членство в «Хоре» в конце 1870-х гг. было формализовано. По инициативе цесаревича придворный фотограф Левицкий сфотографировал всех членов кружка. Затем придворными ювелирами был изготовлен жетон для ношения с инициалами наследника и царской короной над ними. Внутри жетона была помещена миниатюрная фотография цесаревича[397].

Личное участие цесаревича в занятиях «Хора» продолжалось вплоть до марта 1881 г., когда после воцарения у Александра III уже не осталось ни времени, ни возможности для регулярных занятий музыкой[398].

Будущий Александр III не был чужд и пения. Мемуарист упоминал, как «великий князь, сидя рядом с бароном Владимиром Александровичем Фредериксом, очень твердым певцом, пел вместе с ним партию 2-го тенора»[399].

Александр III очень любил музыку П. И. Чайковского. Когда композитор лишился финансовой помощи своих покровителей, то именно Александр III поддержал его материально. Великому композитору была положена государственная пенсия в 3000 рублей в год, что равнялось годовому жалованью университетского ординарного профессора. Можно упомянуть и то, что П. И. Чайковский, в свою очередь, посвятил жене Александра III, популярной в России императрице Марии Федоровне, двенадцать романсов, некоторые из них — на слова великого князя Константина Константиновича.

О музыкальных пристрастиях Александра III подробно писал в мемуарах граф С. Д. Шереметев. Он вспоминал, что в один из вечеров в Гатчине они слушали Чайковского: «Хор играл в этот день особенно хорошо, и впечатление было сильное. Государь пожелал повторения и слушал с видимым наслаждением, да и нельзя было иначе. Все разошлись несколько позднее обыкновенного и под чудным настроением, а на другой день узнали, что в то самое время, когда все это происходило в Гатчине, умирал Чайковский. Казалось, мы слушали его лебединую песнь.

Вообще, он очень любил музыку, но без всяких предвзятых, партийных мыслей, без всякой претензии на музыкальность. Конечно, он восторгался Глинкой и знал многие его романсы. Особенно любил он «В крови горит огонь желанья». Рубинштейна он не переваривал как человека, его коробили его самомнение, его самодовольство и самоуверенность… К Балакиреву относился сочувственно и снисходительно к его невменяемости. Римского-Корсакова ценил не только как композитора, а как знатока оркестровой части. Он многому восхищался у Вагнера и любил, когда его исполняли, но не терпел музыкальных завываний его поклонников… Церковную музыку очень любил, ценил Бортнянского, но предпочитал Львова за его задушевность. Любимая его «Херувимская» была Львова. Он назначил ее петь в день своей коронации…»[400]

Граф Шереметев упоминал также, что Александр III был не прочь послушать и цыган, «когда они были хороши». Поскольку в естественной «среде обитания» цыган, то есть ресторанах, российские императоры их слушать не могли, то одну цыганку пригласили спеть в императорском Гатчинском дворце. Разумеется, петь в парадных дворцовых залах для цыганки было совершенно неорганично, поэтому она волновалась, пела в одиночестве и, конечно, хуже обыкновенного. Однако Александр III остался ею доволен и щедро наградил певицу[401].

Александру III нравилась и легкая музыка, особенно вальсы Штрауса. Он следил за музыкальными новинками, но отзывы его были осторожны. Он никогда не судил по первому впечатлению. Примечательно, что в обычае семьи было посещение прогонов, или генеральных репетиций. Так, с «Пиковой дамой» Александр III впервые познакомился еще перед первым ее представлением. Эта опера ему понравилась.

Николая II, как и всех царских детей, учили играть на музыкальных инструментах. Но, судя по всему, они так и не стали его постоянными спутниками. Царь мог сносно играть на фортепиано, но делал это чрезвычайно редко. По воспоминаниям Маргарет Эггерт, Николай II лично не музицировал и не пел, хотя очень любил музыку и был в достаточной степени музыкально развит.

Младший брат царя — великий князь Михаил Александрович в своем кабинете Гатчинского дворца хранил фисгармонию. Это клавишный духовой музыкальный инструмент с металлическими язычками, со многими регистрами и двумя педалями, которыми приводились в движение меха воздушного резервуара инструмента. Фактически это был домашний орган. Сестра Николая II великая княгиня Ольга Александровна играла на скрипке. Ее учителем был первый скрипач в императорском оркестре Владислав Курнакович.

По своим музыкальным пристрастиям Николай II во многом унаследовал вкусы родителей. Он очень любил оперу[402] и церковную музыку. При этом в отношении церковного пения Николай II отличался большим консерватизмом и предпочитал простое пение. Так же, как и его отец, Николай II

из композиторов любил более всего Бортнянского, Турчанинова, Львова, «к которым с детства привыкло его ухо. Произведения новых композиторов можно было исполнять при нем с большой опаской, рискуя получить замечание, а то и резкое выражение неудовольствия»[403].

Императрица Александра Федоровна в молодые годы, как и все девочки ее круга, получила добротное музыкальное образование. Ее учитель музыки, директор Дармштадтской оперы, высоко оценивал музыкальные дарования юной принцессы. Главным инструментом императрицы было фортепиано. По своим музыкальным вкусам она тяготела к Вагнеру[404].

Став императрицей, Александра Федоровна не оставила своих занятий музыкой. Более того, после 1905 г. императрица пригласила в Александровский дворец профессиональных педагогов. Она играла дуэты с пианистом профессором Кюндингером, который приходил к ней каждую неделю на несколько часов. Брала уроки пения у профессора Н. А. Ирецкой из консерватории. Видимо, эти занятия были связаны с желанием императрицы петь дуэты со своими подросшими дочерьми. Любопытно, что Николай II более чем скептически относился к музыкальным талантам своей жены и слушать ее пение не любил. Тем не менее периодически император приходил на половину супруги послушать, как она и Вырубова в четыре руки играли любимые им пятую и шестую симфонии Чайковского. Те, кто слышал игру императрицы, утверждали, что «ее величество была великолепной пианисткой и играла с удивительным подъемом»[405].

У Александры Федоровны, по словам А. А. Вырубовой, было «чудесное контральто». Естественно, организовывались и домашние концерты. С императрицей пели дуэтом баронесса Мария Штакельберг (в девичестве Каульбарс), сестры Танеевы, графиня Эмма Фредерикс, а также «госпожа X и госпожа Z — две известные оперные певицы»[406]. Однако вскоре эти домашние концерты были прекращены. Официальным предлогом стали проблемы с сердцем, которые возникли у Александры Федоровны примерно в 1908 г.

Подрастающих дочерей в большой семье Николая II музыке учили фрейлины и мать. Уровень их музыкальной одаренности был, естественно, разным. Так, по мнению очевидцев, старшая дочь — великая княжна Ольга

Николаевна считалась не только самой умной из всех сестер, но и самой музыкальной, «она могла на память сыграть любое услышанное ею музыкальное произведение», кроме этого «она очень недурно пела меццо-сопрано»[407].

Примечательно, что наряду с «академическими» музыкальными занятиями в семье Николая II были и вполне «народные» пристрастия. Как это ни покажется странным, утонченная и рафинированная императрица Александра Федоровна любила простую трехструнную русскую балалайку. Как правило, балалаечников она слушала во время отдыха на императорской яхте «Штандарт». Обстановка яхты позволяла это не совсем царское пристрастие. Во дворце балалайку слушать было неловко. Фрейлина императрицы баронесса С. К. Буксгевден упоминала, что в Ливадии «после обеда иногда слушали игру балалаечного оркестра яхты или пение казаков эскорта»[408].

Первым музыкальным инструментом цесаревича Алексея стала именно русская балалайка. Здесь сказались и выбор матери, и стремление сделать из цесаревича истинно русского монарха. Судя по воспоминаниям, «Алексей обладал превосходным музыкальным слухом и великолепно играл на балалайке»[409]. Сохранилась фотография, на которой трехлетний цесаревич Алексей, сидя на палубе яхты с юнгами, играет на балалайке. Любопытно, что в списке вещей, взятых в августе 1917 г. царской семьей в Тобольск, значатся и две балалайки.

Театр в жизни императорской семьи

Со времен московского царя Алексея Михайловича в придворный быт вошла практика театрализованных действ. Общепризнанно, что придворный театр времен царя Алексея Михайловича — одна из важных ступеней становления русского профессионального театра. В XVIII в. театр занял прочное место в дворянской культуре, квинтэссенцией которой был высший петербургский свет.

Члены императорской семьи регулярно посещали главные театральные сцены в Петербурге. С поездками в театр было связано множество нюан-

сов. Во-первых, к XIX в. отслеживание новинок театрального сезона стало прочной традицией. Во-вторых, многие великие князья оказывали неформальное покровительство молодым актрисам и балеринам, что также стало неофициальной традицией. В-третьих, два петербургских театра получили имена императриц — Александры Федоровны и Марии Александровны, превратившись в императорские Александринский и Мариинский театры. Была создано специальное подразделение — Дирекция императорских театров в структуре Министерства императорского двора.

Когда семья императора выезжала в пригородные резиденции, то театральный сезон продолжался и там, только на различных летних площадках императорских резиденций. Так, во время пребывания в Царском Селе при дворе два раза в неделю шли спектакли, состоящие из одной русской и из одной французской пьес[410]. Граф Шереметев упоминал, что в сезон 1863 г. «в Китайском театре давались спектакли, в Эрмитаже был прелестный бал… За ужином блюда подавались на машине, как в прошлом столетии»[411].

В Царском Селе кроме Китайского театра активно использовалась сцена в Большом зале Царскосельского дворца. Там дважды в неделю на сцене, устроенной еще при Николае I, давали спектакли артисты императорской русской и французской трупп. После спектакля все следовали на ужин[412].

Российские императоры хорошо знали и ценили своих артистов. Ценили в том смысле, что во время юбилейных бенефисов считали своим долгом прислать юбиляру дорогой подарок и, по возможности, почтить юбилейный спектакль своим присутствием. Кроме того, артисты императорских театров получали высокое жалование и могли при достаточной выслуге лет рассчитывать на достойную пенсию.

В дворянском быту обычным делом считались выступления профессиональных трупп на «домашних площадках». Так было и в императорской семье. Иногда и монархи не чурались выйти на сцену во время профессиональных постановок. Конечно, это рассматривалось как вполне безобидная прихоть монарха. Даже грозный Николай I позволял себе такие экспромты. Один из ведущих актеров николаевской эпохи П. А. Каратыгин, описывая в своих «Записках» представление водевиля «Ложи первого яруса» в Гат-

чинском дворце, рассказывал: «Спектакль, говорят, прошел на славу, хотя был бесконечный, но к довершению эффекта государь, который во время второго акта сел нарочно сбоку, незаметно ушел за кулисы, накинул на себя серую шинель и явился на сцену квартальным надзирателем»[413].

Один из многолетних соратников Николая I барон Модест Корф упоминал в мемуарах, что в Гатчинском дворце приглашенные актеры играли две пьесы: «Ложа первого яруса» Каратыгина и французскую комедию. В последней император исполнял роль немца, которого сбил с ног русский купец. Корф подчеркивает, что пьесу с участием Николая I смотрели «в самом тесном кругу» зрителей — семья и пятеро ближайших сановников. Русскую пьесу играли и для более широкого круга зрителей, но царь в ней не участвовал[414].

Надо заметить, что петербургская аристократия с пренебрежением относилась к русскому драматическому театру, предпочитая Михайловский французский театр. Тон этой моде задавала царская семья. При этом Александринский театр также был весьма посещаем, однако совершенно другой — разночинной публикой: «Фи, Александринский театр для простых…»; «Туда никогда не ходят»[415].

Как мы уже упоминали, ни императрица Мария Александровна, ни император Александр II не были страстными любителями музыки. Поэтому посещение итальянской оперы являлось, по большей части, данью традиции и соблюдением привычных форм досуга. В 1865 г. Александр II писал жене: «Ты, не правда ли, удивишься, что я поехал в «Отелло»? Но главная тому причина та, что я хотел видеть детей и пить с ними чай, и, в конце концов, я действительно насладился музыкой»[416].

Детей Александра II с ранних лет приобщали к итальянской опере, которую они со временем оценили и полюбили. После посещения очередного спектакля мальчики с удовольствием напевали наизусть затверженные оперные мотивы[417]. Например, вечером 27 декабря 1861 г. великие князья Александр (16 лет) и Владимир (14 лет), в сопровождении своего главного воспитателя графа Б. А. Перовского, отправились в театр смотреть «Севильского цирюльника»[418].

Юношей регулярно вывозили в театры. В дневнике их воспитателя встречается множество упоминаний о таких поездках: «В семь часов великие князья пошли к императрице и скоро вернулись оттуда, чтобы ехать в театр. В ложе были императрица, великий князь Константин Николаевич и фрейлина Тютчева» (29 декабря 1861 г.)[419].

Регулярное посещение театра было важной частью создания публичного образа монарха. Вместе с тем, в театр монархи ходили прежде всего для того, чтобы получать удовольствие и отдыхать. При этом соблюдались некоторые светские условности. Так, в императорских театрах имелись царские ложи. Аналогичные ложи существовали и в других театрах, которые часто посещались членами императорской семьи. Вместе с тем, для мужской половины императорской семьи было совсем необязательно находиться именно в царской ложе. Так, М. Ф. Кшесинская упоминала, что на спектакле в январе 1892 г. «государь и наследник сидели в первом ряду, а императрица и великие княгини — в царской ложе»[420].

Торжественная и помпезная царская ложа занималась хозяевами в обязательном порядке во время официальных мероприятий. Но в повседневной жизни царственные зрители садились на те места, с которых им было удобнее наблюдать за разворачивающимся на сцене действом. Фрейлина А. Ф. Тютчева, впервые сопровождавшая в театр цесаревну Марию Александровну в январе 1853 г., была искренне удивлена тем, что ее «ввели в маленькую литерную ложу у самой сцены, в одном ряду с ложами бенуара»[421]. Видимо, для цесаревны Марии Александровны в первую очередь было важно находиться «у самой сцены». Поэтому статусная царская ложа часто пустовала, хотя в театре и присутствовали особы императорской фамилии.

Примечательно, что молодых великих князей, которых в обязательном порядке сопровождали их воспитатели, как правило, не приглашали в царскую ложу. Для них резервировалась вполне достойная ложа, но несколько в стороне от их царственных родителей и свиты. Подобная практика восходила к традициям XVIII в., когда родители и дети были достаточно далеки друг от друга, да и родителей только с трудом можно было назвать родителями в современном понимании этого слова. Один из воспитателей упоминал:

«Мы сидели в верхней ложе, в нижней ложе был государь и другие члены царской фамилии»[422].

Также следует отметить, что к балетным спектаклям великих князей Александра и Владимира начали приобщать с 1862 г., когда Александру было уже 17 лет. Однако воспитатели великих князей считали, что балетные спектакли мальчикам смотреть еще рано («великим князьям еще рано ездить по балетам»), поскольку именно в эти годы балерины стали не только прочно занимать места дам полусвета в гвардейско-аристократической среде, но и привлекать пристальное внимание старшего поколения великих князей.

Александр III на всю жизнь сохранил любовь к театру и сумел передать ее своим детям. Интересно, что с возрастом театральные пристрастия императора претерпели изменения. В отличие от своих родителей Александр III особенно любил «русскую сцену и следил за нею»[423]. Следует подчеркнуть, что именно в период его правления появились негосударственные театры и сложились традиции русской реалистической театральной школы.

Российская балетная школа окончательно сформировалась в конце XIX в. Этому в немалой степени способствовало то, что именно балет стал «главным из искусств» как для членов императорской семьи, так и для петербургского бомонда. Причем преимущественно для его мужской части. К этому времени балерины прочно вошли в личную жизнь членов императорской фамилии.

На период правления Александра III пришлись главные балетные премьеры П. И. Чайковского. Следует отметить, что члены семьи Александра III посещали даже репетиции и генеральные прогоны новых балетных постановок с музыкой П. И. Чайковского[424].

Способствовало подъему статуса балетной сцены и внимание Александра III к Императорскому балетному училищу. При этом царская семья практически перестала посещать Смольный институт, что так любил делать Александр II. Именно во время выпускного концерта в 1890 г. за стол Александра III была приглашена одна из самых талантливых выпускниц балетного училища — 17-летняя Матильда Феликсовна Кшесинская, судьба которой

в дальнейшем оказалась тесно связана с императорской семьей. Тогда она и была представлена цесаревичу Николаю Александровичу.

Как правило, в императорских резиденциях по торжественным дням устраивалось то, что сейчас называют концертом или «сборной солянкой». Конечно, составители концерта учитывали личные вкусы монархов и повод, по которому, собственно, и устраивалось представление. Например, 14 ноября 1896 г. в Аничковом дворце был проведен один из таких концертов, посвященных дню рождения вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Согласно сведениям, почерпнутым из камер-фурьерского журнала, репертуар был составлен из произведений для струнного оркестра: «Арагонская хота» (Глинка), народная песня из «Скандинавской сюиты» (Гамерик), Вальс цветов из балета «Щелкунчик» (Чайковский), пролог из оперы «Паяцы» (Леонковалло), марш «Привет Копенгагену» (Фарбах)[425].

К. П. Победоносцев

Примечательно, что, несмотря на театральность императорской семьи, обер-прокурору Святейшего синода К. П. Победоносцеву, имевшему большое влияние на Александра III, удалось добиться полной отмены спектаклей в императорских театрах на период Великого поста[426].

Поскольку в императорской семье сформировались прочные театральные традиции, то цесаревич Николай Александрович, а затем и император Николай II стал заядлым театралом, чего нельзя было сказать о его жене, императрице Александре Федоровне.

Сохранились записки Николая II к императрице-матери, написанные в 1896 г., в которых речь шла о театре: «Милая Мама! Извини, пожалуйста, за наше дерзкое бегство в театр. Но в ½ восьмого дают Ревизора. Сандро и

Сергей очень звали туда. Я два раза старался попасть в него, но ни разу не удавалось»; «Милая Мама, мне очень хочется поехать сегодня в балет Чайковского «Лебединое озеро», поэтому извини нас, если не придем к тебе к обеду. Не думаешь ли ты тоже поехать в театр?»

Дневник Николая II позволяет в деталях определить место театра в повседневной жизни императора на протяжении длительного времени, понять его театральные предпочтения и то, что оставляло его равнодушным. В дневниковых записях за 1896 г., первый год правления молодого императора, когда он еще не в полной мере ощутил груз, свалившийся на него после ранней смерти отца, «театральные» записи довольно часты. В январе 1896 г. он ходил в театр буквально через день, посетив шестнадцать постановок.

Анализ этого списка показывает, что 26-летний молодожен предпочитал оперу (шесть посещений)[427], которую с удовольствием слушал в императорских театрах. Об опере Массне «Вертер» он отозвался: «Очень красиво, но трудно ознакомиться с первого раза». Об опере Направника «Дубровский» Николай II писал как о красивой вещи, с отличной оркестровкой и чудными хорами. Слушая «Отелло» Верди, он отметил, что итальянские певцы Батистини и Таманьо пели великолепно. Оценивая оперу Вагнера «Тангейзер», которую он слушал в первый раз, император записал только одно слово — «Прелестно!». Через несколько дней Николай II впервые посетил «Аиду» Верди, но, видимо, впечатления были не столь сильны, поскольку он ограничился только замечанием «очень хорошо». Зато оперу П. И. Чайковского «Евгений Онегин», которую слушал не единожды, царь оценил очень высоко: «Пел старый настоящий состав — великолепно! Ничего не знаю лучше этой музыки». Нужно сказать, что молодая жена не всегда ему сопутствовала. Но на любимого «Евгения Онегина» он ее вывез.

Вторую позицию по предпочтениям занимали легкие водевили во Французском театре (пять посещений)[428], о которых царь только упоминал, что была «отличная веселая пьеса» или «давали уморительную пьесу». Причем некоторые вещи ему нравились настолько, что он иногда смотрел один и тот же спектакль дважды.

Третью позицию в шкале предпочтений занимал балет (четыре посещения)[429]. Судя по отзывам, балетные постановки нравились ему далеко не все. Так, балет Чайковского «Лебединое озеро» он назвал «красивым, но скучным». Вместе с тем, «Спящую красавицу» он оценил очень высоко: «Как всегда, в нем наслаждался музыкой». Высоко оценил и балет «Конек-Горбунок», который смотрел впервые: «Постановка отличная, музыка старая и простая». Однако с бенефиса признанного мастера балета Петипа император ушел до окончания спектакля.

В феврале 1896 г. император побывал в различных театрах двенадцать раз. В этом месяце он отдал предпочтение Французскому театру, посетив его пять раз[430]. Но в этом театре практиковалось последовательная постановка двух коротких веселых спектаклей. Причем спектакль «Conseil judiciaire» Николай II смотрел в январе, однако счел возможным посетить его еще раз и «хорошо посмеяться». Любопытно, что уже тогда у молодоженов выявились различные вкусовые пристрастия. Так, 28 февраля 1896 г. Николай II отвез жену в Немецкий театр, а сам предпочел с великими князьями Георгием и Владимиром Александровичами отправиться во Французский театр. Там они от души повеселились — «хохотали ужасно!». В этом месяце царь прослушал четыре оперы[431]. Еще раз отметил любимую «Спящую красавицу» и очень высоко оценил «Паяцев». Кроме того, по просьбе жены Николай II дважды посетил Немецкий театр[432], но, судя по всему, ему больше нравился искрометный юмор французских пьес, которым он отдавал явное предпочтение. В феврале царь единственный раз, без особых эмоций, съездил в императорский Александринский театр[433].

Балет император смотрел только до Великого поста. Видимо, любоваться на балерин во время поста считалось греховным. 4 февраля 1896 г. он записал в дневнике: «Давали сборный спектакль, где все лучшие балерины, в последний раз перед постом, отличались со свойственным им умением».

В марте 1896 г. репертуар Французского театра абсолютно лидировал. В течение месяца Николай II посмотрел в нем девять спектаклей[434]. Причем «очень смешной» спектакль «Ten Toupinel» он смотрел дважды. Вкусовые

театральные предпочтения супругов, проживших вместе четыре месяца, обозначились уже вполне отчетливо. Так, 8 марта Николай II записал в дневнике, что после того как они поужинали вдвоем с женой, он поехал один в театр, так как пьеса была очень легкая. При этом в театре 26-летний царь много смеялся. Видимо 22-летнюю Александру Федоровну, которую мало кто видел с улыбкой на лице, совершенно не прельщали эти веселые, скорее всего, двусмысленные французские пьесы. Из серьезных вещей царь послушал во второй раз «Аиду» и поприсутствовал в Мариинском театре на Инвалидном концерте.

Последним театральным петербургским месяцем 1896 г. стал апрель. Дела наваливались более плотно. Кроме того, в завершающую стадию вступила подготовка к очень важному событию в жизни Николая Александровича — коронации, которую планировали провести в мае 1896 г. Поэтому за месяц Николай II сумел вырваться в театр только четыре раза. Он снова прослушал «Дубровского», съездил в Михайловский театр, где посмотрел «отличную пьесу» «Через край». Затем насладился обязательной «Спящей красавицей» и завершил месяц посещением Французского театра.

После выматывающей коронации Николай II и Александра Федоровна полтора месяца прожили в селе Ильинском, подмосковном имении великого князя Сергея Александровича и великой княгини Елизаветы Федоровны. Естественно, московская знать делала всё, чтобы досуг императорской четы оказался насыщенным и разнообразным. Так, 1 июня царственная пара отправилась в Архангельское к князю Юсупову, в его домашний театр. Для царской четы была приготовлена легендарная опера «Лалла-Рук» с итальянкой Арнольдсон. После оперы смотрели фейерверк и ужинали. 6 июня вновь у Юсуповых слушали два акта «Севильского цирюльника» и четвертый акт из «Риголетто».

В июле — августе 1896 г. в Красном Селе происходили традиционные учения Гвардейского корпуса, и центр театральной жизни переместился туда. В офицерской среде Красносельских лагерей большим успехом пользовались легкие французские водевили.

Вторая половина 1896 г. оказалась занята первыми официальными визитами в европейские страны. Это отнимало много времени и так выматывало физически, что супругам было не до развлечений.

В последующие годы театральная жизнь императорской четы стала значительно скромнее. Императрица Александра Федоровна практически перестала посещать театры. Это было связано как с рождением пятерых детей, так и с особенностями характера императрицы. Николай II по-прежнему старался выбираться в театры, однако дела и политическая ситуация в стране диктовали такой график, что театр постепенно ушел из жизни царя.

Если взять последний «спокойный» (на Дальнем Востоке уже началась война с японцами) год, то в январе 1904 г. царь выбрался в театр восемь раз. Дважды послушал очень понравившуюся ему оперу «Gotter dammerung» («наслаждались все вместе»). Из Александринского театра после просмотра пьесы «Обыкновенная женщина» вернулся разочарованным, оценив ее как бессмысленную. Зато постановка во Французском театре, как обычно, понравилась. С удовольствием в очередной раз посетил «Спящую красавицу» («отлично, давно не видал»). В рамках традиционных январских празднеств «посмотрел весьма удачный» спектакль в Эрмитаже. Это был сокращенный вариант «Мефистофеля», в котором пели Медея, Шаляпин и Собинов. Потом был опять Французский театр. Закончился январь просмотром «Русалки». В этот день царь узнал о нападении японцев на Порт-Артур. Началась Русско-японская война, и публичное посещение театров прекратилось. Развлечения стали носить камерный, семейный характер.

Потом была революция. За период с 1905 по 1907 г. Николай II побывал в Петербурге только четыре раза, проводя все время в пригородных резиденциях. После стабилизации положения в стране Николай II возобновил посещение театров. Этот факт был немедленно замечен в высшем свете и расценен как окончательное подавление революционного террора. Одна из мемуаристок отметила, что Николай II, приехавший 12 декабря 1910 г. в театр по случаю 50-летнего юбилея одного из артистов (Гердта), «шесть лет не был в театре». Она также добавила, что «царь собирается часто бывать в театре», что «пока еще возможно ездить, но с конца января и начала февра-

ля эти посещения будут опасны. По всему видно, что снова смутное время надвигается»[435].

В это время постоянными спутницами Николая II стали его дочери. Так, две старшие дочери сопровождали царя во время его визита в Киев и 1 сентября 1911 г. присутствовали на торжественном исполнении «Сказки о царе Салтане» в Киевском оперном театре. Правда, представление закончилось гибелью премьер-министра П. А. Столыпина, застреленного террористом буквально на глазах царя.

Накануне и во время подготовки торжеств, связанных с 300-летием династии, Николай II возобновил визиты в Петербург. По сути, это был его последний театральный сезон, продолжавшийся два месяца. В январе 1913 г. царь в компании всех своих дочерей посмотрел «Конька-Горбунка» в новой постановке. Всем очень понравилось. Со старшими девочками в Мариинском театре слушал «красивую оперу» Пуччини «M-me Butterfly», также удачно посетил Александринский театр, посмотрев «интересную пьесу» «Ассамблея». Со всеми дочерьми наслаждался А. Павловой в «Дон Кихоте», которая «танцевала на славу». Не был чужд царь и театральных новинок. Так, он достаточно высоко оценил оперу Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о граде Китеже и деве Февронии». Новую постановку царь слушал со старшими девочками, оценив произведение как «интересную вещь, музыка трудная, но красивая. Мне она понравилась». Для такого искушенного театрала как Николай II оценка весьма высокая, поскольку он вообще был скуп на подобные эмоциональные оценки.

Складывается такое впечатление, что Николай II в январе и феврале 1913 г. просто наслаждался давно знакомыми постановками, которые смотрел и слушал много раз. Наслаждался тем, что может разделить радость от увиденного со своими детьми, может вновь посещать театры, а не сидеть узником в пригородных резиденциях, окруженный многослойной охраной. При этом следует отметить, что возобновление «театральной жизни» диктовалось не столько личными желаниями царя, сколько политической необходимостью. Накануне 300-летия династии Николай Романов должен был продемонстрировать политическую стабильность страны и возможность

спокойно посетить любую точку империи. В том числе и театр. Царь активно демонстрировал себя подданным.

В феврале 1913 г. с дочерьми смотрел балет «Дочь фараона», в котором А. Павлова «дивно танцевала». Затем был «чудный» «Лоэнгрин», где он наслаждался «дивной музыкой». В Царском Селе, в помещении Китайского театра смотрел спектакль «не статусной» труппы «Кривое зеркало», при этом все «много хохотали».

Накануне юбилейных торжеств начались спектакли, входившие в праздничную «тематическую» программу. Так, 22 февраля 1913 г. с женой и старшей дочерью Николай II поехал в Мариинский театр на парадный спектакль «Жизнь за Царя». На постановке такого уровня, конечно, «было очень красиво», тем не менее «Аликс уехала после первого действия». Надо заметить, что императрица откровенно пренебрегла выполнением своих представительских «должностных обязанностей», уехав в такой день со спектакля. После этих празднеств Николай II только один раз выбрался в театр — в августе 1913 г., послушав оперу. В одиночестве.

Любительские спектакли

Наряду с посещением профессиональных театров у членов императорской семьи находилось время и для любительских постановок на домашней сцене. Вообще, домашние спектакли были прочной дворянской[436] традицией, устойчиво сохранявшейся вплоть до 1917 г. Естественно, самое активное участие в этих спектаклях принимала молодежь. Распределялись роли, учились тексты, готовились костюмы, и после двух-трех прогонов спектакль выставлялся на суд публики. При этом у молодых «актеров» уже был некоторый сценический опыт, поскольку дети в императорской семье участвовали в любительских спектаклях с младых лет.

Например, зимой 1864 г. семилетний великий князь Сергей и четырехлетний Павел Александровичи играли первый в жизни спектакль для императрицы Марии Александровны. Домашний театр был устроен в пустых ком-

натах нижнего этажа виллы Пельон в Ницце. Графом А. А. Бобринским для детей была написана пьеса на французском языке «La mansarde du Crim»[437].

Конечно, публика была более чем лояльна, поскольку на сцене «блистали» хорошо известные им люди: родственники и друзья. Пьесы, как правило, отбирались комические, и публика охотно смеялась. Но кроме комедий ставились театральная классика и сложные драматические произведения.

Об этих любительских спектаклях есть упоминания в дневниках и мемуарах. Во второй половине XIX в. некоторые эпизоды из театральных постановок были зарисованы придворными художниками и запечатлены фотографами. В 1859 г. в Гатчинском дворце серию акварельных зарисовок сделал начинающий придворный художник М. Зичи. Судя по его акварелям, любительские спектакли занимали важное место в досуге императорской семьи. 24 октября 1859 г. на сцене Арсенального зала Гатчинского дворца блистали молодые фрейлины — А. Н. Трубецкая и А. С. Долгорукая. Придворный художник в деталях зарисовал всех участников спектакля и публику, стоящую у сцены. 28 октября 1859 г. на той же сцене была разыграна комедия «Булочная», в которой приняли участие три сына Николая I: великие князья Константин, Николай и Михаил.

Когда подросли сыновья Александра II, то и они были вовлечены в постановки домашних спектаклей. При этом все было «по-взрослому». Так, при постановке спектакля в апреле 1875 г., подготовленного сыновьями для императрицы Марии Александровны, прошла генеральная репетиция, «актеры», естественно, переживали («Ужасно страшно! К счастью, все хорошо удалось! Арлекинада отлично. Толпа народа, ужасно»). Известный скульптор барон П. К. Клодт, по совместительству учитель рисования великого князя Сергея Александровича, подготовил афиши для спектакля («Две афишки, сделанные бароном Клодтом, прелестны»)[438].

Примечательно, что в домашних спектаклях наряду с любителями участвовали и профессиональные актеры, которые своей игрой прочно «сшивали» любой рыхлый любительский спектакль. В январе 1876 г. великий князь Сергей Александрович после обычных эмоций («Эмоции ужасные, страдание. Всё великолепно удалось!!! Счастье! Папа́ и Мама́ очень довольны. Все нам

комплименты говорили, более или менее искренние») упоминал, что после спектакля состоялся «ужин с актерами»[439].

В октябре 1878 г. в Ливадийском дворце были поставлены сцены из комедии «Ревизор». Судя по дошедшей фотографии, главные роли достались молодым великим князьям, младшим сыновьям Александра II. Хлестакова играл великий князь Сергей Александрович. Его младший брат Павел Александрович также играл одну из главных ролей. Остальные роли исполняли флигель-адъютанты и ближайшее окружение императорской семьи[440].

Николай II, будучи еще цесаревичем, принял участие в таком любительском спектакле в феврале 1890 г. Цесаревичу тогда шел 23-й год. Жена великого князя Сергея Александровича — Елизавета Федоровна (цесаревич называл ее «тетей Эллой») выступила в качестве режиссера при постановке пьесы по «Евгению Онегину». Цесаревичу, конечно, досталась одна из главных ролей. В своем дневнике будущий император отметил основные этапы подготовки пьесы. 13 февраля: «Начал разучивать свою маленькую роль из Евгения Онегина для крошечного спектакля т. Эллы»[441]; 23 февраля прошла первая репетиция на сцене; 24 февраля был прогон, поскольку «репетиция шла два часа»; 25 февраля — репетиция в костюмах; и, наконец, 27 февраля 1890 г. состоялся сам спектакль: «Спектакль с нашими двумя сценами с тетенькой прошел удачно». Видимо, спектакль был так хорошо принят, что его повторили на следующий день. 3 марта 1890 г. цесаревич записал в дневнике: «Возня с Евгением Онегиным окончилась сегодня тем, что я поехал к Бергамаско и снялся в обоих костюмах с Татьяной во многих положениях». Эти снимки 22-летнего Николая II сохранились.

Своеобразным пиком любительских спектаклей, которые фактически вышли на профессиональный уровень, стала постановка «Гамлета» на сцене Эрмитажного театра в 1899 г. Великий князь Константин Константинович Романов не только перевел[442] «Гамлета» на русский язык, но и, с разрешения своего племянника Николая II, сыграл главную роль.

Этому любительскому спектаклю придавалось государственное звучание. Поэтому на постановку «Гамлета» были потрачены значительные суммы из личных средств Николая II. Офелию играла дочь графини М. Э. Клейн-

михель. В ролях второго плана были задействованы офицеры гвардейских полков. Даже пажами датской королевы были настоящие пажи, дети лучших русских фамилий. Императрица Александра Федоровна регулярно посещала репетиции: «Всегда холодная и равнодушная, она, казалось, была только тем занята, чтоб в шекспировском тексте не было ничего, могущего показаться ей оскорбительным»[443]. Современники отмечали роскошь этой постановки. Любительский спектакль на «дворцовой площадке» повторили три раза. Первый раз — для императорского двора и дипкорпуса. Второй раз — для родственников исполнителей и третий — для артистов императорских театров (русского, французского и итальянского).

В 1904 г. Николай II с большим удовольствием посмотрел еще два любительских спектакля. 20 января 1904 г. Николай II и Александра Федоровна семейно посетили молодоженов — младшую сестру царя Ольгу и принца Петра Ольденбургского и там посмотрели любительский спектакль, в котором играли Ольга, Петр и младший брат царя Михаил. «Играли совсем хорошо и весьма дружно». В ноябре 1904 г. дети Николая II устроили для родителей сюрприз, разыграв «в лицах и надлежащих нарядах» пьесу «Стрекоза и муравей».

Летние купания

Летом цари, как и все их подданные, купались. С большим удовольствием. Купались, как правило, в Петергофе, где и проводили самые жаркие летние месяцы. Известно, что еще в XVIII в., при Екатерине II, в Петергофе на Менажерийном пруду оборудовали императорскую купальню. В закрытом со всех сторон павильоне были устроены специальные ниши для раздевания. Небольшой пруд украшен шестнадцатью фонтанирующими дельфинчиками и фонтаном «Солнце». Купальня была достаточно большой — 29 метров по наружному краю бортов и 27,5 метров по внутреннему. Интересно, что фонтан «Солнце» использовался не только для декора купальни, но и для совершенно утилитарных нужд. В 1772–1774 гг. этот фонтан в центре

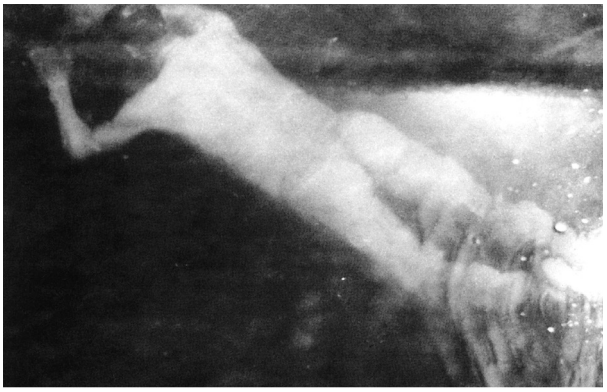
бассейна стал одновременно и водометом императорской кухни. Купальня, просуществовав более 150 лет, была разобрана в 1925 г.[444]

Тем не менее купание являлось достаточно редкой формой отдыха в императорской семье вплоть до начала XX в. Купались, конечно, по очереди. Пуританский XIX век не приветствовал совместных купаний, к тому же «в исподнем» или нагишом. Хотя в мемуарной литературе есть упоминания, что жена Александра III императрица Мария Федоровна в молодые годы могла окунуться в гатчинских прудах в неглиже, но это, видимо, было исключением из правил, а не обычной практикой. Судя по фотографиям, только в конце XIX в. в царской семье стали использовать специальные купальные костюмы.

На Черное море императорская фамилия начала регулярно выезжать с 1862 г. Местом ее пребывания на крымском побережье стала резиденция Ливадия, расположенная поблизости от Ялты. Уже к 1866 г. на берегу моря было выстроено здание купальни для Марии Александровны. Императрица, у которой были больные легкие, могла позволить себе морские ванны только в специальном закрытом помещении[445].

В 1866 г. младшие сыновья Александра II — девятилетний Сергей и шестилетний Павел с огромным удовольствием купались прямо в море. Конечно, под бдительным присмотром. Для детей в море оборудовали купальню, которая практически без изменений просуществовала до 1917 г. Последними в ней плескались дети Николая II. Воспитатель девятилетнего великого князя Сергея Александровича описывал в дневнике купальню следующим образом: «Купальня устроена весьма удобно: она состоит из довольно большого пространства, обколоченного редкими сваями, обтянутыми полотном; в купальне двигается по рельсам весьма красивая будка, в которой одеваются; когда волнение сильно, то для великих князей приготовляют ванны на открытом воздухе близ моря, а в случае сильного ветра — в здании ванны ее величества»[446].

Морские купания маленьких мальчиков справедливо рассматривались как оздоровительные процедуры — ванны, которым велся строгий учет. В бархатный сезон 1866 г. великий князь Сергей Александрович «взял» всего 46 ванн, а его младший брат Павел Александрович — 40 ванн[447].

Николай II. Купание в шхерах.
Лето 1911 г.

Примечательно, что за купающимися царскими детьми, даже за взрослыми, внимательно следили. Так, летом 1875 г., когда 18-летний великий князь Сергей Александрович плавал в Финском заливе, рядом с ним в воде в обязательном порядке находился его «военный дядька» — матрос Андреев[448].

Когда в 1909 г., после четырехлетней изоляции в пригородных резиденциях Петербурга, Николай II с семьей отправился на Черное море — в любимую Ливадию, для девочек в Английском магазине были приобретены все необходимые купальные принадлежности. С июля 1909 г. по 14 января 1910 г. только для Марии Николаевны там были куплены две пары купальных туфель по 2 рубля, купальная шапочка за 1 рубль 25 копеек и купальный костюм за 17 рублей. Судя по фотографиям, купальные костюмы у девочек были одинаковой стандартной расцветки в горизонтальную полоску, цветов тельняшки. Если не считать характерных для того времени

закрытых купальных костюмов, тот же самый набор вещей мы приобретаем сегодня, отправляя наших детей в бассейн или на курорт.

В Ливадии Николай II постоянно плавал в море. Царская купальня была оборудована довольно просто. На галечном берегу разбивалась палатка для переодевания. От палатки к морю разворачивался веревочный мат, чтобы галька не колола ноги. В море уходил канат, за который можно было ухватиться при волне.

У царских дочерей в Ливадии имелась своя купальня, оставшаяся еще со времен императрицы Марии Александровны. К деревянным мосткам, ведущим в море, были пристроены со всех сторон экраны из парусины. В огороженное пространство, обтянутое канатами, спускалась лестница с широкими деревянными ступеньками. То есть с точки зрения безопасности и морали все условности были соблюдены. За девочками присматривал матрос А. Е. Деревенько. Сохранилось несколько фотографий купающихся царских дочерей рядом с А. А. Вырубовой. Александра Федоровна в Черном море категорически не купалась. Николай II упоминал «бассейн перед домом», видимо, именно там она с младшими дочерьми принимала морские ванны.

У императорской семьи было еще одно «море» для отдыха — Финский залив. Николай II в дневниковых записях называл залив без всяких кавычек морем. Так, 6 июня 1905 г. он записал в дневнике: «Днем баловались с детьми в море, они барахтались и возились в воде. …в первый раз купался в море при 14¼ — низкая температ[ура], но зато освежительная». Николай II окунался при первой возможности, как позволял рабочий график. Детям позволяли «купаться в море перед домом». Александра Федоровна могла себе позволить только «ходить с детьми в воде».

Каждый факт купания Николай II прилежно фиксировал в дневнике. 28 июня 1906 г.: «Купался в море в первый раз — и в воде было 20°»; 30 июня 1906 г.: «Купались вместе в море; в воде было 18°, а в тени 21°»; 1 июля 1906 г.: «Купались вместе в море». Что касается упоминания о совместных развлечениях, то имеются в виду дочери, но не жена. Александра Федоровна купалась в Финском заливе считанные разы, в самом начале супружеской жизни.

Купались и в Балтийском море. В 1860–1870-х гг. царских детей вывозили в «Гапсалу» (сейчас Хаапсала в Эстонии). При Николае II купались в финляндских шхерах. Сутки перехода на «Штандарте» от Петергофа — и царская семья оказывалась среди живописных островов. Песчаные пляжи на островах были совершенно необорудованными, но это нисколько не мешало царю с адъютантами плавать. Даже в неглиже. В холодной воде плескались и Алексей с сестрами. Александра Федоровна позволяла себе только прогулки на лодках по островам.

Балы в императорских дворцах

В жизни императорского двора балы были ближе всего к официальным торжественным церемониям. Балы во дворцах занимали промежуточное положение между торжественными высочайшими выходами и неформальными развлечениями высшего света с участием членов императорской фамилии.

Схема бала строго регламентировалась — от официальных и неофициальных правил поведения и до «формы одежды» мужской и женской половин участников бала. Кроме этого, существовал устоявшийся график проведения балов, по крайней мере, Больших, традиционно проходивших в Зимнем дворце. Эти балы проводились в зимний сезон, начиная с Рождества и продолжаясь до начала Великого поста.

Существовали устоявшиеся «форматы» зимних императорских балов.

Во-первых, это был Большой бал в Николаевском зале Зимнего дворца, или, как его называли, «Большой бал Николаевской залы». На него собиралась вся родовая, военная и бюрократическая аристократия Петербурга. Он являлся официальным балом, для приглашения на который главным основанием служила «Табель о рангах».

Во-вторых, Средний бал в Концертном зале Зимнего дворца. На него отбор публики проходил более жестко, как правило, его посещала так называемая «трехклассная аристократия», то есть лица, занимавшие в «Табели о

рангах» первые три классные должности. Однако туда могли приглашаться и лица, не входившие в должностную иерархию, но лично близкие, по тем или иным причинам, к членам императорской фамилии.

В-третьих, проводились Малые балы в Эрмитаже. Традиция этих балов сложилась в первой половине 1860-х гг., когда старший сын Александра II — цесаревич Николай Александрович начал выходить в свет. Собственно, и зал, где проходили такие балы, был устроен на половине наследника, в так называемом Шепелевском дворце. Как правило, по числу приглашенных это был весьма немноголюдный бал. Поэтому сам факт приглашения на него являлся прямым свидетельством принадлежности к сливкам петербургской аристократии. Мероприятию придавало особое звучание и обязательное присутствие на нем дипломатического корпуса. В целом расписание этого бала было традиционным. Главным занятием и событием являлись, конечно, танцы. Для тех, кто не танцевал, в Эрмитажной галерее размещали целую вереницу зеленых карточных столов. Танцы прерывались обязательным ужином. С. Д. Шереметев, описывая Эрмитажный бал, состоявшийся 12 февраля 1887 г., вспоминал: «Когда наступило время, оркестр заиграл марш, и шествие двинулось к ужину. Впереди обер-гофмаршал князь С. Н. Трубецкой выступает испанским шагом. За ним царская чета просто и приветливо раскланивается по сторонам»[449]. После ужина некоторое время продолжались танцы, а затем гости «нестройною толпою повалили все с лестницы, и начался разъезд»[450].

Серия январско-февральских балов, когда все представители императорской семьи активно развлекались, вызывала даже некоторое раздражение. Одна из фрейлин императрицы Александры Федоровны (жены Николая I) писала о своей «хозяйке»: «Набесновавшись вдоволь в мясоед и на масляной, императрица ездила на экзамены Екатерининского института, вязала шнурок на вилке и слушала со вниманием»[451].

Традиция «бешеных» зимних балов сохранялась вплоть до конца XIX в. Когда в начале 1900-х гг., при Николае II, эта традиция была постепенно свернута, многие старики с ностальгией вспоминали бальные беснования своей молодости. Январские записи (1877) в дневнике 20-летнего великого

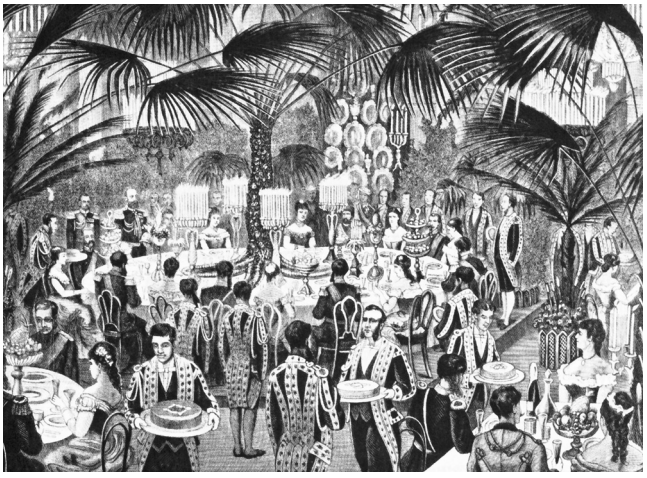
князя Сергея Александровича достоверно фиксируют эти настроения: «Вечером очень веселый и анимированный бал у Саши (будущего Александра III, тогда цесаревича. — *И. З.*), как всегда, очень весело, и плясали у-у-ух как!»; «Котильон был бешеный! С ума сходили… Кружились, бесились без конца. Под конец бегали и в изнеможении падали на стулья, чтобы через несколько времени снова скакать по зале. Я раз двадцать пропотел; платки были мокрые тряпки. Кончили после 4-х часов утра…»[452]

Наряду с зимними балами проводились и летние. После того как в мае императорский двор переезжал в Царское Село, там, в парадных залах Большого Екатерининского дворца, организовывались несколько балов. Эти балы производили оглушающее впечатление на новичков благодаря и гению Растрелли, и составу участников. Молодой граф С. Д. Шереметев, принадлежавший к «золотой молодежи» 1860-х гг., спустя много лет вспоминал: «В первый раз видел я Большой Царскосельский дворец во всем блеске бала. Танцевали в Большой зале, а в проходной галерее накрыт был ужин на бесчисленное число гостей. Сияли деревянные колонны с позолотой, перевитые гирляндами во вкусе прошлого века, горели огнями. Тогда еще никто не помышлял об электрическом освещении, и горели бесчисленные свечи, как бывало во времена Екатерины. Чудное было зрелище, которое нельзя забыть…»[453]

Перечисленные виды балов носили обязательно-ритуальный характер. Периодичность их проведения не зависела от желания или нежелания государя. Это была традиция, важность и значение которой признавались всеми: «Это предание, которое не следует забывать, и балы по-прежнему продолжались: Концертные, Эрмитажные, Аничковские»[454].

Наряду с официальными мероприятиями проводились и более камерные, которые со временем также стали приобретать почти статусный, официальный характер. Самыми камерными балами зимних сезонов являлись домашние балы императорской семьи. Традиция таких вечеров была заложена еще в XVIII в. Екатериной II, а в XIX в. подхвачена Николаем I, который начал проводить так называемые Аничковские балы. Эту традицию продолжил Александр III. В период его правления Аничковские балы стали

почти обязательной частью зимнего сезона большого петербургского света. Число домашних балов не было строго установлено и зависело от множества причин. В «хорошие» годы их проводилось несколько. Главной их особенностью было то, что на них приглашались люди, лично приятные императорской семье или входящие в ее ближний круг. Соответственно эти балы «отличались немноголюдством и носили несколько домашний, семейный характер. Не танцующих было немного»[455].

Ужин под пальмами на балу в Зимнем дворце.
1884 г.

Для детей аристократии проводились детские балы (dejeuners dansants (*фр.*) — детские балы, буквально «завтрак с танцами»). Родители на этих детских балах, как правило, не присутствовали. За детьми следили воспитатели. Однако случались и особые, статусные детские балы. Так, 16 апреля 1851 г. был проведен первый детский бал в Дворянском собрании для старших сыновей цесаревича Александра Николаевича — великих князей Николая и Александра Александровичей. Причем первому исполнилось восемь, а второму — только шесть лет. На этом мероприятии присутствовала вся императорская семья[456].

Кроме этого, члены императорской фамилии посещали многочисленные балы и танцевальные вечера в домах и дворцах петербургской аристократии, в Дворянском собрании, в женских институтах. Следует иметь в виду, что существовала неофициальная регламентация балов, которые было принято или не принято посещать членам разраставшейся императорской фамилии.

Это была весьма тонкая градация, и периодически, в силу характера и темперамента, совершались «ошибки». Так, в марте 1891 г. Александр III счел необходимым сделать выговор великим княгиням — «женам Владимира и Павла, что были на балах у Пистолькорс и Гартунг, сказал им, что скоро они поедут к бранд-майору»[457].

Традиционные январско-февральские Большие и Малые императорские балы завершались последним балом перед началом Великого поста. Он заканчивался своеобразным ритуалом, который был неоднократно зафиксирован современниками. При Николае I в воскресенье перед постом ровно в 12 ночи трубач трубил отбой, и танцы прекращались, даже если это происходило среди фигуры котильона[458].

Эта традиция воспроизводилась вплоть до конца XIX в. 26 февраля 1867 г., в воскресенье, состоялся последний бал на масленицу. Он открылся обедом в Золотой гостиной Зимнего дворца в 19.30 вечера, причем танцы начались сейчас же после обеда и окончились в 23.55, так что бал завершился за пять минут до наступления поста[459]. В феврале 1874 г. великий князь Сергей Александрович в последнюю ночь перед постом «танцевал до 12 часов у т. Мери[460]. Бал был чудесен! Всё в цветах!»[461]. 7 февраля 1877 г., в первый день Великого поста, Сергей Александрович записал в дневнике: «Отдохнули после вчерашнего бала, но у меня в голове слышны звуки вальса!»[462] На масленицу в 1888 г. на танцевальном вечере для молодежи в Александровском дворце Царского Села меню ужина включало блины с икрой. По сложившейся традиции в 12 ночи, с первым ударом часов, «музыка внезапно смолкла, танцы прекратились, а все члены императорской семьи и их гости сели за «постный ужин». Из меню было исключено только мясо»[463].

Стоимость балов

Придворные балы имели совершенно конкретную финансовую составляющую. Денежная калькуляция бала включала довольно обширный перечень — от стоимости тысяч свечей до оборудования буфетов и устройства ужина для участников бала. Однако, по авторитетному свидетельству вели-

кого князя Александра Михайловича, стоимость придворных балов при всей их пышности и роскоши была сравнительно невысокой. Это объяснялось тем, что «для их устройства не требовалось делать специальных покупок и не надо было нанимать в помощь особой прислуги. Вино доставлялось Главным управлением уделов, цветы — многочисленными оранжереями дворцового ведомства, оркестр музыки содержался постоянно Министерством двора. То, что более всего поражало приезжавших иностранцев, которые получали приглашение на придворные балы, это скорее окружавшая их пышность, нежели значительность произведенных расходов»[464]. При этом приглашенные дамы блистали (в буквальном смысле) на собственные средства и были, по сути, главным украшением императорских балов.

Публика

Круг приглашенных на большие императорские балы формально определялся чинами. Помимо придворных чинов, кавалеров и дам, право присутствия на балах имели генералы и офицеры (VII класса и ниже — по особым спискам), гражданские чины I–III классов (иногда IV), Георгиевские кавалеры, губернаторы, предводители дворянства и председатели земских управ (находившиеся в Петербурге), а также супруги и дочери тех лиц из перечисленных, которые имели чин IV класса и выше, супруги полковников и бывшие фрейлины (с мужьями). Если следовать только этим формальным признакам, то присутствовать на императорских балах могли тысячи людей, как мужчин, так и женщин.

Непременным условием приглашения на придворные балы для мужчин являлось обладание формальным правом быть представленным императору, а для дам — предварительное фактическое представление императрицам. Право представления «их величествам» в первую очередь давалось придворным чинам, кавалерам и дамам, а затем военным и гражданским чинам первых четырех классов, полковникам гвардии, занимавшим должности IV класса, и некоторым другим категориям лиц (после 1908 г. также членам Государственной думы и Государственного совета). Из числа дам этим правом

пользовались супруги и дочери всех придворных чинов и кавалеров (после 1908 г. — и их вдовы); бывшие фрейлины; супруги, вдовы и дочери «особ первых четырех классов»; супруги флигель-адъютантов (после 1908 г. — также их вдовы и дочери) и некоторых полковников и капитанов 1 ранга. Для военных и гражданских чинов высших классов было принято представляться императору по случаю назначения на должность, награждения, отъезда и по другим поводам.

Официально лишь названные категории лиц, именовавшиеся как «имеющие право приезда ко двору» или «имеющие право быть представленными ко двору», могли приглашаться на «балы и другие собрания» при дворе. Даже представление императорской чете частным образом (в обход официального порядка) не давало права на такие приглашения. Вместе с тем, кроме этих формальных признаков существовали так называемые «правила большого света», которые неформально определяли, кому являться завсегдатаями придворных мероприятий, подчас не имея на то официальных прав, а кому, несмотря на наличие всех прав, никогда не развлекаться на императорском балу.

Об этом феномене в разное время рассказывали многие мемуаристы. Например, барон М. А. Корф писал в январе 1839 г. следующее: «Элементы, из которых составляются все эти балы большого света, довольно трудно объять какими-нибудь общими чертами. Разумеется, что на них бывает весь аристократический круг; но кто именно составляет этот круг в таком государстве, где одна знатность происхождения не дает сама по себе никаких общественных прав, — объяснить нелегко. В этом кругу есть всего понемножку, но нет ничего, так сказать, доконченного, округленного. Тут есть и высшие административные персонажи, но не все; некоторые отдаляются от светского шума по летам, другие — по привычкам и наклонностям. Точно так же в этом кругу есть и богатые и бедные, и знатные и ничтожные. Даже такие, о которых удивляешься, как они туда попали, не имея ни связей, ни родства, ни состояния, ни положения в свете! Между тем, весь этот круг как заколдованный: при 500 000 населения столицы, при огромном дворе, при централизации здесь всех высших властей государственных — он состоит

не более как из каких-нибудь 200 или 250 человек, считая оба пола, и в этом составе переезжает с одного бала на другой, с самыми маленькими и едва заметными изменениями, так что в этом кругу, то есть особенно в так называемом *большом свете*, невозможно и подумать дать в один вечер два бала вдруг.

Молодые люди-танцоры попадают легче, но тоже не без труда. Так, например, флигель-адъютанты и кавалергардские офицеры почти все везде; конногвардейских много; прочих полков можно назвать наперечет, а некоторых мундиров, например гусарского, уланского и большей части пехотных гвардейских, решительно нигде не видать. Появление в этом эксклюзивном кругу нового лица, старого или молодого, мужчины или женщины, так редко и необыкновенно, что составляет настоящее происшествие. Заключу одним: человеку, не посвященному в таинства петербургских салонов, невозможно ни по каким соображениям угадать априори, кто принадлежит к большому кругу и кто нет»[465].

Организационная подготовка

При подготовке торжественных балов необходимо было решить множество организационных проблем, которые весьма косвенно принимались во внимание самими участниками бала.

Для балов печатались пригласительные билеты, развозившиеся по адресам придворными слугами. Там же указывалось, в какой форме быть на балу. 18 декабря 1834 г. А. С. Пушкин записал в дневнике: «Придворный лакей поутру явился ко мне с приглашением: быть в 8½ в Аничковом, мне — в мундирном фраке, Наталье Николаевне — как обыкновенно»[466].

Примечательно, что и тогда существовала проблема пробок при съезде гостей на бал. Для того чтобы избежать толкотни, все гости дворцовых балов были «разведены» по разным подъездам Зимнего дворца. К каждому из подъездов подъезжали приглашенные, занимавшие определенное положение. При этом они непременно являлись к дворцовым подъездам в своих каретах (как тогда говорили — «на своих выездах»). Длина кареты,

запряженной парой лошадей, почти вдвое превосходила длину современного автомобиля. Пробки заставляли регламентировать количество карет, которые могли выстраиваться у подъезда. Поэтому к дворцовым подъездам приходилось занимать очередь. А. С. Пушкин в письме к жене в апреле 1834 г. упоминал, что на предполагавшемся балу в Зимнем дворце будет 1800 гостей. «Расчислено, что, полагая по одной минуте на карету, подъезд будет продолжаться 10 часов; но кареты будут подъезжать по три вдруг, следственно время втрое сократится»[467].

Подобная суета была и при разъезде с балов. Поскольку на балы приглашались сотни гостей, то, вероятно, существовали и «очереди в гардеробах». Ни один из мемуаристов не упоминал, как, собственно, раздевались и одевались гости, приехавшие в императорский дворец. Из документов известно, что в качестве дополнительных гардеробщиков на Больших балах «подрабатывали» рядовые лейб-гвардейского Преображенского полка. Конечно, трудно представить, чтобы княгиня Юсупова стояла с номерком за шубой в очереди за графиней Куракиной. Скорее всего, слуги уже ждали своих хозяев с их шубами в обширных вестибюлях Зимнего дворца. Но о том, что накладки случались, есть мемуарные свидетельства. Довольно регулярно путали шубы и шинели, а то и вовсе гости оставались без верхней одежды. Так, на балу у князя Юсупова у цесаревича Александра Николаевича пропала шуба. При этом на балу присутствовал император со всей семьей. Не желая задерживать близких, цесаревич надел первую попавшуюся шинель. Когда Николай Павлович увидел сына на морозе в шинели, он рассердился на него за пренебрежение здоровьем. На другой день шубу цесаревича, конечно, нашли…[468]

При подготовке балов организаторы старались удивить гостей какими-либо новинками. Например, при Александре III электрическое «ослепительное» освещение «эдиссоновскими лампочками» было сначала опробовано во время традиционных балов в Зимнем дворце. Наряду с яркостью света приглашенные с удовлетворением отметили, что лампочки «не греют», что было весьма важно во время многолюдных балов. Гости, разгоряченные выпитым и танцами, просто меньше потели.

Приглашенные во дворец отмечали для себя малейшие просчеты гофмаршальской части, которая отвечала за материальную сторону проводившихся мероприятий. Так, во время Эрмитажного бала 12 февраля 1887 г. один из гостей отметил, что «зимний сад очень красив, как всегда. Но я заметил нововведение: среди растений распевали канарейки. Жаль только, что клетки взяты прямо с рынка, совсем уж просты»[469].

Организационная композиция проводимого действа была достаточно сложной и только по традиции могла быть называема балом. Официальный бал включал в себя несколько составных частей: придворный спектакль — как правило, сборный, обед и собственно сам бал, который, безусловно, являлся самым главным действом.

Для того чтобы в ходе самого бала управлять этим сложным механизмом, требовались распорядители. Интересно, что это была неофициальная должность. И каждая «эпоха» выдвигала своих тонких знатоков бальных действ. В 1860-х гг. лучшим распорядителем балов считался Ипат Бартенев: «Он составил себе прочную репутацию лучшего распорядителя, и при дворе не бывало бала без участия Ипата Бартенева»[470]. Во второй половине 1880-х гг. императорскими балами дирижировал конногвардеец — барон Ф. Е. Мейендорф. Граф С. Д. Шереметев, невольно сравнивая барона с распорядителями балов своей молодости, критично отмечал, что Мейендорф, конечно, «добрый малый, но с ухарскими ухватками, не вполне подходящими, кричит он и командует, как в казарме»[471].

Время окончания бала не регламентировалось. Гости веселились до тех пор, пока в зале находились император или императрица. Действо продолжалось, как правило, до двух-трех часов ночи. Балы «с мужиками» длились до полуночи. Домашние Аничковские балы у страстной танцовщицы императрицы Марии Федоровны могли затягиваться и до четырех часов утра. Современники вспоминали, что когда «котильон продолжался слишком долго, а императрице не хотела кончать, государь придумывал особое средство. Музыкантам приказано было удаляться поодиночке, оркестр всё слабел, пока не раздавалась последняя струна, и та, наконец, умолкала. Все оглядывались в недоумении, бал прекращался сам собой»[472].

Общее количество балов в сезон могло меняться. Это зависело от множества причин: состояния здоровья и вообще дел и взаимоотношений самой императорской четы, траура по европейским родственникам, внутриполитической и внешнеполитической ситуаций. Но минимальное количество обязательных, традиционных балов сохранялось почти всегда. Например, в зимний сезон 1838 г. было проведено примерно двадцать балов. В это число входили и детские балы, в которых участвовали все дети Николая I с ровесниками из аристократических семейств.

В николаевскую эпоху сезон Больших дворцовых балов начинался, как правило, в Николин день (6 декабря). Устраивались балы и в другие «высокоторжественные» дни. По отзывам современников, все они имели одинаковый, строго классический, но именно поэтому и чрезвычайно грандиозный характер.

Само действо разворачивалось в парадных залах Зимнего дворца, которые со временем приобрели определенную «специализацию». Так, танцевали в Белой (Золотой) галерее, играли в карты в Георгиевском зале, ужинали в Николаевском зале[473].

Своего апогея балы в Петербурге достигали на масленицу. В эти дни «гуляли все». И аристократы, и народ. График масленичных балов 1848 г. составил барон М. А. Корф. Судя по его записям, 15 февраля, в воскресенье, состоялся огромный бал для первых четырех классов. В понедельник — бал у управляющего двором великого князя Константина Николаевича — графа Кушелева. В этот же день прошел маскарад в Большом театре, который почтил своим присутствием Николай I. Во вторник — бал для царской фамилии в Михайловском дворце. В среду — бал у графа Закревского для императора и цесаревича и бал-маскарад в Дворянском собрании, на котором они также присутствовали. В четверг — домашний спектакль и бал для царской фамилии у графа Клейнмихеля. В пятницу — маленький бал для избранных в собственных комнатах Николая I, перед его кабинетом. В субботу — бал у князя Юсупова и маскарад в Большом театре. В воскресенье 22 февраля — folle journee у наследника[474]. При этом всю неделю наряду с

балами — катания с ледяных гор в Таврическом саду, утренние и вечерние спектакли во всех театрах, забавы, балаганы и непременные блины…

Французский художник О. Верне, лично наблюдавший бурную жизнь петербургского света в начале 1843 г., оценивал «трудозатраты» аристократов следующим образом: «Наконец масленица кончилась, наступает пост, и мы возвращаемся на путь Господень. Оно и пора — еще несколько таких дней, и половина петербургского общества отправилась бы на тот свет»[475].

Если отвлечься от эмоций и перейти на сухой язык цифр, то, по данным хозяйственных подразделений Министерства императорского двора, в 1867 г. высочайших балов состоялось:

Число, месяц	Меню	Число персон	Место проведения
28 января	Фриштик	100 чел.	Зимний дворец
29 января	Вечерний стол	450 чел.	Зимний дворец
2 февраля	Вечерний стол	500 чел.	Зимний дворец
16 февраля	Вечерний стол	490 чел.	Зимний дворец
23 февраля	Вечерний стол	260 чел.	Зимний дворец
25 марта	Обеденный стол	160 чел.	Зимний дворец
6 мая	Фриштик	104 чел.	Царское Село
6 мая	Обеденный стол	104 чел.	Царское Село
28 мая	Фриштик	160 чел.	Царское Село
21 июня	Фриштик	225 чел.	Красное Село
26 июня	Обеденный стол	1439 чел.	Павловск
6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 17 июля	Обеденный стол	2170 чел.	Красное Село
6 ноября	Обеденный стол	150 чел.	Царское Село
8 ноября	Обеденный стол	160 чел.	Зимний дворец
21 ноября	Обеденный стол	160 чел.	Зимний дворец
26 ноября	Фриштик	30 чел.	Зимний дворец
26 ноября	Обеденный стол	320 чел.	Зимний дворец
7 декабря	Обеденный стол	348 чел.	Зимний дворец
12 декабря	Обеденный стол	348 чел.	Зимний дворец

Таким образом, всего в 1867 г. столы накрывались на высочайших Больших балах 27 раз[476]. Для того чтобы наглядно показать традиционализм и цикличность, с ориентацией на опыт «прежних лет», присущие повседневной жизни российского императорского двора, приведем данные и на 1868 г.

Число, месяц	Меню	Число персон	Место проведения
6 января	Вечерний стол	2240 чел.	Зимний дворец
9 января	Вечерний стол	2240 чел.	Зимний дворец
28 января	Вечерний стол	2240 чел.	Зимний дворец
6 февраля	Вечерний стол	602 чел.	Зимний дворец
8 февраля	Вечерний стол	602 чел.	Зимний дворец
24 марта	Обеденный стол	170 чел.	Зимний дворец
13 апреля	Обеденный стол	745 чел.	Зимний дворец
17 апреля	Обеденный стол	745 чел.	Зимний дворец
9 мая	Фриштик	110 чел.	Гатчина
20 мая	Обеденный стол	1274 чел.	Царское Село
20, 21, 26, 27 июня	Обеденный стол	1414 чел.	Красное Село
1 июля	Фриштик	180 чел.	Петергоф
3, 7, 8, 9, 12 июля	Обеденный стол	1308 чел.	Красное Село
4 октября	Обеденный стол	1121 чел.	Зимний дворец
8 октября	Обеденный стол	1121 чел.	Зимний дворец
22 октября	Фриштик	110 чел.	Зимний дворец
6 ноября	Обеденный стол	150 чел.	Царское Село
8 ноября	Обеденный стол	1328 чел.	Зимний дворец
21 ноября	Обеденный стол	1328 чел.	Зимний дворец
26 ноября	Обеденный стол	1328 чел.	Зимний дворец
12 декабря	Обеденный стол	420 чел.	Константиновский дворец

Всего в 1868 г. мероприятия с участием высочайших персон проводились несколько чаще, чем в 1867 г., — 28 раз, но и число участников в них

было значительно больше[477]. Если сопоставить по сезонам, то совершенно очевидно, что с декабря по февраль фриштики, обеденные и вечерние столы накрывались в Зимнем дворце для участников традиционных балов. В Красном Селе за обеденными столами располагались офицеры гвардейских полков, принимавшие участие в регулярных учениях. Ежегодно 26 ноября фриштик и обеденный стол накрывались для Георгиевских кавалеров. Остальные дни были связаны с «высокоторжественными днями» высочайших тезоименитств, крестин, помолвок, свадеб и прочих важных событий в жизни многочисленного потомства Павла I.

Николай II подробно зафиксировал в дневнике все перипетии своих первых официальных балов в январе 1896 г. Так, 11 января 1896 г. он записал: «В 9½ ч. вышли в Николаевский зал, и начался наш первый Большой бал. Страдал за дорогую Аликс, кот[орая] должна была принять массу дам. Обошел столы и затем сам ужинал. В 1.10 все кончилось!» Этот восклицательный знак скупого на эмоции императора вместил всё — и напряжение первого «рабочего» бала, и волнение за жену, и просто человеческую усталость после тяжелого дня.

После первого бала началась профессиональная рутина. 18 января состоялся первый Концертный бал, который продолжался почти три часа. За это время царь даже успел сходить в свои комнаты перекурить. Бал проходил по традиционной схеме: танцы — ужин — танцы. 25 января прошел второй Концертный бал. Николай II опять во время ужина «работал», обходя столы. Этот бал продолжался с 21.45 до 02.30, то есть около четырех часов. И 31 января — заключительный, третий Концертный бал. После его окончания царь с облегчением отметил в дневнике: «Этим и закончились наши балы!» Концертными их называли по названию Концертного зала Зимнего дворца, в котором они проходили.

В последующие годы обязательные балы по раз и навсегда заведенному порядку продолжались. 19 января 1904 г. около 22 часов начался Большой бал в Зимнем дворце. Николай II отметил, что «народу было как никогда много». Он, как обычно, «обходил столы по всем залам». И, как обычно, волновался за жену: «К счастью, дорогая Аликс отлично выдержала бал».

Форма одежды

Для женской части императорской семьи цвет и фасон платья определялся исключительно господствующими модными тенденциями. При этом соблюдалась некая мера, поскольку петербургский аристократический бомонд следовал моде с определенным консервативным оттенком. Это было негласное правило, которое старожилы высшего света хорошо знали. В остро модных платьях на балах появлялись только не знавшие этих тонкостей выскочки, и их немедленно наказывала стоязыкая молва женской части бальной залы.

Женское бальное платье «оснащалось» всеми необходимыми аксессуарами: от веера до обязательной «корне де баль» — книжечки для бала, в которой дамы записывали карандашом порядок танцев и имена кавалеров. Страницы этой книжечки были изготовлены из тонких пластин слоновой кости. В начале XIX в. пожилые дамы, блиставшие на балах еще в екатерининское время, активно пользовались такими аксессуарами, как табакерки и мушечницы.

В Эрмитаже хранится богатая коллекция табакерок, принадлежавших нескольким поколениям российских монархов: табакерка в виде гренадерской шапки лейб-компании с вензелем императрицы Елизаветы Петровны, изготовленная в 1741–1742 гг.; табакерка в виде мопса, лежащего на подушке. У мопса на золотом ошейнике выгравировано «Toujours Fidelle». Эта табакерка впервые упомянута в описи за 1789 г.

Следует иметь в виду, что в XVIII в. мода нюхать табак охватила не только мужчин, но и женщин. Табак нюхали по ряду соображений. Во-первых, «для здоровья». Считалось, что со «злым чихом» из человека «вылетают» все его болячки. Поэтому и во время бала не считалось дурным тоном зрелой матроне заправить ноздрю доброй понюшкой табака. Во-вторых, нюхательный табак, изготовленный на основе виргинского табака, со множеством самых разнообразных ароматизаторов, являлся простейшим средством взбодриться. В первой половине XIX в. табакерки были вполне в ходу, и этому посвящено одно из ироничных стихотворений А. С. Пушкина «Красавице, которая нюхала табак».

Как известно, увлечения и пристрастия первых лиц России моментально становились увлечениями и пристрастиями всего их окружения. Александр I и Николай I не жаловали «табашников». По свидетельству мемуариста, «так как сам государь (Николай I. — *И. З.*) не курил и терпеть не мог табачного дыма, то, конечно, и при дворе это удовольствие не имело места»[478]. Тем не менее иногда при императорах курили, и это разрешение курить в присутствии лиц царской фамилии расценивалось как знак «высочайшей милости». При российском императорском дворе открыто курить начали при Александре II, поскольку сам император курил. В его правление не считалось дурным тоном во время церковной службы великим князьям выскочить на пять минут перекурить на церковной лестнице. Курильщиками были и Александр III, и Николай II.

Бальная книжечка с карандашом

Возвращаясь к дворцовым балам, следует сказать несколько слов об одежде российских монархов. Для них все было однозначно. Их бальный наряд в обязательном порядке составлял военный мундир. Но после этого начинались нюансы. Существовала масса условий, определявших, какой мундир наденет в день бала император. Это мог быть мундир полка, полковой праздник которого приходился на день проведения бала. Это мог быть мундир полка, который нес караул в день бала в Зимнем дворце. Это мог быть мундир подшефного императору полка. Если на балу присутствовал гость из европейского королевского дома, император в знак уважения к нему мог надеть мундир подшефного полка страны гостя. У российских

императоров имелись целые коллекции военных мундиров, насчитывавшие сотни комплектов. Например, граф С. Д. Шереметев упоминал, что на Эрмитажном балу 12 февраля 1887 г. Александр III присутствовал в уланском мундире, потому что в этот день был уланский праздник[479].

На Больших балах определенная форма одежды была установлена и для всех приглашенных. На официальные балы все, военные и штатские, являлись в парадных мундирах и башмаках. Иногда вносились изменения. Так, на первом Большом балу сезона 6 декабря 1841 г. были введены два новшества, немедленно отмеченные всеми гостями. Во-первых, в карты играли в Портретной галерее, так как в Георгиевском зале обрушился потолок, и там продолжался ремонт. И, во-вторых, не танцующим военным впервые позволено было явиться в сапогах[480]. Примечательно, что форма одежды жестко регламентировалась высочайшими указами, вносимыми в Полное собрание законов Российской империи. Например, в 1852 г. генерал-адъютантам, флигель-адъютантам и генералам Свиты его императорского величества было предписано «на балах при высочайшем дворе и на всех частных балах, когда на бале приказано быть в праздничной форме, — иметь при присвоенных званиях их полукафтаны, бальные шаровары белого сукна, без цветной по боковым швам выпушки»[481].

Немаловажную роль играли и прически участников балов. Если женская половина просто следовала, с теми или иными вариациями, моде своего времени, то для мужчин было все гораздо строже. Дело в том что со времен Петра I особенности волосяного покрова на лицах российской аристократии приобрели характер политический. Конечно, бороды насильно никто не стриг, поскольку их появление на лицах российской аристократии вплоть до Александра III было совершенно немыслимым делом. Допускались усы, подусники, бакенбарды, но никак не бороды. Для мужчин было совершенно нормальным и естественным завиваться перед балом. Так, 10 апреля 1862 г. 17-летний будущий Александр III перед балом первый раз завился «по приказанию государя, и, кажется, ему это очень нравится»[482].

Следует подчеркнуть, что офицеры лейб-гвардейских полков играли на придворных балах очень важную роль, поскольку были теми обязатель-

ными кавалерами, перед которыми ставилась конкретная задача развлекать танцами и разговором «застоявшихся» и «невостребованных» дам. Этих офицеров по разнарядке подбирали командиры гвардейских полков, строго указывая им, что их главной «боевой» задачей является развлечение дам, а не собственные удовольствия и предпочтения.

Вместе тем, малейшее нарушение бальной офицерской формы строжайшим образом пресекалось лично императорами, которые вообще были крайне чувствительны к нарушениям формы одежды. Даже в мелочах. Во времена Александра I и Николая I требования придворного этикета соблюдались очень жестко. Так, Г. А. Римский-Корсаков[483] был исключен из гвардии за то, что позволил себе за ужином расстегнуть мундир[484]. На представлении об увольнении «по домашним обстоятельствам с мундиром» помета: «Высочайше повелено мундира Корсакову не давать, ибо замечено, что оный его беспокоит. 20 февр. 1821». При этом следует иметь в виду, что по моде второй четверти XIX в. мужчины затягивались, как и женщины, поэтому за столом иногда хотелось расстегнуться.

На придворных балах офицерам категорически запрещалось танцевать без перчаток. Так, на одном из январских балов 1890 г. Александр III «остался недоволен некоторыми офицерами, которые после ужина начали танцевать без перчаток». Видимо, разгоряченные спиртным офицеры решили позволить себе эту маленькую, по их представлениям, вольность. Однако Александр III не считал нарушение установленной формы одежды мелочью, поэтому немедленно сделал замечание командирам соответствующих полков. Более того, один из офицеров во время исполнения польки начал танцевать венский вальс. Всё это «возмутило государя». И на следующий день четыре офицера были «посажены в комендантскую»[485].

Аресты офицеров за нарушение установленной формы одежды начались во времена Павла I и продолжались при всех последующих императорах, до Александра III. Эти аресты в какой-то степени также стали одной из традиций Больших зимних балов. Заслуженные генералы с удовольствием вспоминали проказы своей молодости и то, как их сажали за не вовремя снятую перчатку или расстегнутый крючок на воротнике. И это не было вымыслом. Так, в

августе 1839 г. великий князь Михаил Павлович отправил Лермонтова под арест прямо с бала в Царском Селе за не форменное шитье на воротнике и обшлагах вицмундира[486].

Вместе с тем, многие современники отмечали, что упрощение военной формы при Александре III, придание даже гвардейской форме «мужицкого характера» привели к некоторой утрате привычного блеска императорских балов. Граф С. Д. Шереметев, участвовавший в Эрмитажном бале 12 февраля 1887 г., отмечал, что «мундиры на военных некрасивы, сапожища и шаровары не идут к балу»[487].

При проведении балов учитывались особенности православных религиозных праздников. Так, во времена Николая I на масленицу в ходе обеда обязательно подавались блины с икрой. Вообще же, многотысячные балы, сопровождавшиеся обязательным ужином, требовали напряженных усилий всех подразделений императорской кухни.

Маргарет Эггер, няня-англичанка, наблюдала серию таких балов в январе — феврале 1901 г. По ее свидетельству, для одного из больших балов было приготовлено триста пятьдесят блюд, на каждом из которых лежали по три цыпленка с салатом и гарниром; триста пятьдесят больших омаров в соусе под майонезом; триста пятьдесят больших с холодным мясным ассорти; огромное количество различных пирогов и бисквитов; две тысячи связок спаржи для жареного мяса; огромное количество фруктов и различных вин. По воспоминаниям англичанки, во время ужинов подавались и супы различных видов. На этих балах было всё: прекрасные интерьеры, замечательная музыка, ярмарка тщеславия, азарт карточных баталий и прекрасный стол.

Даже во время многотысячных балов «с мужиками» предусматривалось угощение. В залах по углам стояли горки, на которых были выставлены золотые кубки, блюда и другая посуда. Это также являлось просчитанным психологическим ходом. Организаторы понимали, что прекрасный декор дворцовых залов удивлял, но народное представление о богатстве всегда было связано с золотом. Поэтому «царское богатство» в изобилии представляли на подобных действах, рассчитывая на народное восприятие. Рядом с

горками, наполненными драгоценной посудой, лакеи разливали чай и сами размешивали в нем сахар ложечками, чтобы кто-нибудь не позарился на царское добро…

Отношение к танцам

Конечно, участие в балах являлось одной из обязанностей императорской четы, связанной с традиционными формами презентации монархической власти в России, специфическим способом общения монархов со своими подданными. Однако монархи были людьми и по-человечески очень по-разному относились к этой процедуре.

По свидетельству современников, Александр I не только прекрасно танцевал, но и любил это делать. Императрица Александра Федоровна (жена Николая I) любила танцевать, впрочем, как и большинство женщин. Сам Николай I «танцевал в виде исключения, только кадрили»[488]. Его дочь Ольга Николаевна в мемуарах несколько раз повторяла, что ее отец «принимал балы как неприятную необходимость, не любил их»[489]. «Папа терпеть не мог балов и уходил с них уже в 12 часов спать»[490]. Однако это были просто впечатления ребенка, записанные спустя много лет.

Соратники Николая I оценивали отношение императора к балам несколько по-иному. Так, барон М. А. Корф отмечал, что Николай I, будучи человеком «очень веселого и живого нрава», предпочитал парадным балам «небольшие танцевальные вечера, преимущественно в Аничковом дворце», на которых бывал даже «шаловлив», и на протяжении многих лет охотно принимал участие в танцах[491]. Думается, правы оба. Николай Павлович с годами стал избегать участия в тяжеловесных парадных балах под прицелом сотен глаз, но дома, в привычной обстановке, танцевал охотно.

Галантный женолюб Александр II охотно танцевал на камерных балах. Но во время Больших традиционных балов в Зимнем дворце он, как и положено, работал. По профессии. Князю П. А. Кропоткину, камер-пажу императора, приходилось сопровождать Александра II на придворных балах. Он упоминал, что его служба «была не из легких», поскольку Александр II

«не танцевал и не сидел, а все время ходил между гостей». Камер-паж по должностным обязанностям должен был находиться поблизости от царя, но так, чтобы «не торчать слишком близко и вместе с тем быть под рукой, чтобы явиться немедленно на зов. Это сочетание присутствия с отсутствием давалось нелегко. Не требовал его и император: он предпочел бы, чтобы его оставили одного, но таков уже был обычай, которому царю приходилось подчиняться»[492].

Нужно сказать, что детей учили танцам с раннего детства и постепенно вводили в круг взрослых развлечений. Первые взрослые балы вызывали массу эмоций не только у девушек, но и у великих князей. По свидетельству К. К. Мердера, будущий Александр II тщательно оттачивал танцевальные навыки: «С некоторого времени князь берет уроки танцевания в бальном костюме, чтобы не казаться слишком натянутым, когда придется явиться на бал в чулках и башмаках. Его высочество все еще вальсирует слабо»[493].

Родители буквально принуждали сыновей участвовать в балах, прекрасно понимая, что эти навыки становятся частью натуры только на практике. По словам В. А. Жуковского: «Ныне на бале императрица послала великого князя вальсировать. Он вальсирует дурно оттого, что, чувствуя свою неловкость, до сих пор не имел над собою довольно сил, чтобы победить эту неловкость и выучится вальсировать, как должно. Будучи принужден вальсировать и чувствуя, как смешно быть неловким, он в первый раз вальсировал порядочно, потому что взял над собою верх и себя к тому принудил. Самолюбие помогло»[494].

Императрица Мария Александровна, в силу своего характера, к балам относилась как к обязанности. Она выполняла свой долг, но не более того. Современники, видевшие ее на этих балах, писали: «Видел я ее не раз на больших придворных балах: стройная, худая, вся усыпанная бриллиантами, с прическою в мелких завитках, она показывалась как бы нехотя, была любезна, говорила умные речи, всматривалась пристально и проницательным взглядом; всегда сдержанная, она скорее недоговаривала, чем говорила лишнее. Она как бы исполняла скучную обязанность, и когда говорила, можно

было подумать, что она хочет сказать: «Видите, я с вами говорю, потому что это принято, что это — долг, но до вас мне нет никакого дела; у меня есть внутренняя жизнь, доступная избранным, всё остальное — служба, долг, скука». …Сдается мне, что государю Александру Николаевичу было душно с нею»[495].

Тяжеловесный Александр III, как и его дед Николай I, относился к балам как к обязанности. Многолетний соратник императора граф С. Д. Шереметев упоминал, что «придворные балы были наказанием для государя»[496], что Александр III «никогда не отличался своими светскими наклонностями, не любил танцевать, на балах всегда скучал и не скрывал вообще своих взглядов»[497].

Следует заметить, что подобное отношение к балам сформировалось у Александра III еще во времена его юности. Этому возрасту вообще свойственны многочисленные комплексы по поводу своего внешнего вида. Александр Александрович довольно рано набрал вес и совершенно не вписывался в образ мужской красоты того времени — стройного изящного юноши с тонкой талией. Даже осенью 1866 г., когда в Зимнем дворце проводилась серия балов, на которых датскую принцессу Дагмар, будущую цесаревну, вводили в светское общество Петербурга, цесаревич отказывался танцевать со своей невестой. С. Д. Шереметев упоминал: «Я был на одном бале и видел, как цесаревич стоял во время кадрили около своей невесты, но это продолжалось недолго. Он решительно заявил, что танцевать не намерен, и слово это сдержал к немалому смущению придворных и семьи. Вообще, в роли жениха цесаревич, по-видимому, был невозможен»[498].

Вместе с тем, Александр III использовал балы для неформального общения с лично приятными и интересными ему людьми. Во время домашних Аничковских балов он показывался в начале бала, радушно принимал гостей и уходил в свой кабинет. Затем некоторых из гостей Александр III приглашал к себе. Не обязательно для дела, а просто покурить или поиграть в карты. Причем не только мужчин, но и женщин. Естественно, за этими избранниками «следили со вниманием, предаваясь праздным выводам»[499].

Жена Александра III — императрица Мария Федоровна страстно любила танцевать. Еще со времен, когда она стала цесаревной и в 1870-х гг. начали проводиться Аничковские балы. После 1881 г. участие в этих балах стало одним из признаков вхождения в ближний императорский круг. Аничковских балов бывало по несколько за сезон.

По свидетельству сестры Николая II — Ольги Александровны, ее брат-император «любил танцевать и был превосходным танцором», однако супруга, у которой были больные ноги, «терпеть не могла такого рода увеселений». Поэтому император танцевал на балах только «обязательные» танцы[500].

Молодежь, конечно, любила балы и охотно в них участвовала, поскольку они являлись главными событиями сезона, к ним долго и тщательно готовились. Например, в 1840 г. Ольга Николаевна, дочь Николая I, не сочла возможным пропустить изысканный бал у своей тети Елены Павловны в Михайловском дворце, хотя незадолго перед тем довольно тяжело болела (47 дней в постели) «нервной горячкой», во время которой ей побрили голову. Для того чтобы скрыть отсутствие волос, великая княжна надела на голову сетку из бархатных лент.

По традиции бал открывался полонезом. Первую пару составлял император, который вел старшую чином даму дипломатического корпуса[501]. Николай II, как и его предшественники, на балах не развлекался, а преимущественно работал. В его обязанности как раз входило торжественное открытие бала традиционным полонезом. За исключением этого полонеза Николай II больше не танцевал, «хотя до своего восшествия на престол считался хорошим танцором. Императрица принимала участие лишь в тех танцах и с теми партнерами, которые предписывались ей этикетом»[502]. Будучи гессенской принцессой, Александра Федоровна, как и все молодые девушки, любила танцы. Но после того как она стала российской императрицей, обычные танцы стали для нее недоступны[503].

Начало официальных балов полонезом и неучастие в дальнейших танцах императора и императрицы являлось традицией, восходившей к XVIII в. О таком порядке торжеств упоминало множество мемуаристов. Например, великий князь Михаил Александрович писал: «Самодержец открывал бал

всегда полонезом, после чего начинались общие танцы. Император и императрица наблюдали за нами, но не принимали в них участия. Цари покидали залы сейчас же после ужина, чтобы дать молодежи возможность веселиться с большой свободой»[504].

На балах полуофициального характера порядок танцев мог меняться. Главными всегда были вальс и мазурка. Например, в январе 1896 г. на балу у великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны бал начался с фигуры мазурки, исполненной восемью парами.

Коронационные, исторические и «цветные балы»

Процедура коронационных торжеств отрабатывалась до мельчайших деталей. Важное место в них занимали балы. Эти публичные помпезные действа официально открывали начало новой эры в жизни большого света. Неписаные правила уравнивали хозяев бала и гостей. Английский писатель Ф. Ансело, описывая коронационный бал 1826 г., отмечал: «Знаки почтения, каких требует обычно присутствие императора и великих князей, были запрещены. Женщинам полагалось явиться в национальном костюме, и лишь немногие ослушались этого предписания»[505].

На коронационном балу 1826 г. танцевали исключительно полонезы. Наряду с классическим полонезом исполняли и его модификации, например, так называемый «польский». Фактически танец представлял собой прогулку по залам. Мужчины предлагали руку дамам, и постепенно пары обходили большую залу и прилегающие к ней комнаты. Во время неспешного танца-прогулки имелась возможность завязать беседу. В ходе танца можно было менять партнерш. При этом в просьбе «по обмену» отказывать было нельзя[506].

Еще одной коронационной традицией являлись балы у английского и французского послов. Поскольку речь шла о престиже великих держав, то послы «выкладывались» полностью в негласном соперничестве. Они затрачивали гигантские средства на подготовку этих балов. Причем российские гости, прекрасно зная об этом почти официальном соперничестве и вспоминая легенды и «счет» предыдущих коронаций, выносили свою оценку «по совокупности».

Иногда посольские балы прочно ассоциировались с трагедиями. Николаю II подданные так и не простили того, что в мае 1896 г., во время коронационных торжеств в Москве, после трагедии на Ходынском поле, где в давке погибли сотни людей, молодой император, тем не менее, отправился на бал к французскому послу Монтобелло.

Некоторые из императорских балов по тем или иным причинам в буквальном смысле входили в историю. О них долго вспоминали современники, описывая произошедшее в мемуарах и дневниках, о них мы помним и сегодня. Степень «историчности» при этом была разной. От заметного, но в целом проходного первого бала нового царствования до действительно знаменитых балов.

Прочная традиция костюмированных балов-маскарадов органично переросла в так называемые *исторические* балы. Они стали историческими в буквальном смысле, поскольку были обращены к прошлому России. Такая тематика становилась публичной демонстрацией ценностных ориентиров нового царствования.

Эти исторические балы старались каким-либо образом зафиксировать. В фотографиях, на веерах и даже в маленьких портфельчиках. Так, сезон зимних балов в 1874 г. был очень оживленным. Наряду с традицией сыграло свою роль и замужество единственной дочери Александра II. И на одном из балов в Аничковом дворце дамы и кавалеры во время мазурки обменялись взаимными, заранее подготовленными подарками. Дамы давали кавалерам маленькие портфельчики с надписью: «Дворец 18 января 1874 года», а кавалеры дамам — веера с той же надписью[507].

Костюмированный бал, прошедший в Петербурге в 1882 г., оставил после себя веер императрицы Марии Федоровны, на котором директором Императорского Эрмитажа И. А. Всеволожским были нарисованы карикатурные изображения участников. Среди них можно узнать великих князей Алексея Александровича и Сергея Александровича, герцога Эдинбургского, А. А. Половцева, К. П. Победоносцева. «По политическим мотивам» не изображены только хозяева бала, а также царь и царица[508].

Вообще, как таковое начало традиции исторических балов было положено при Александре III. 25 января 1883 г. у младшего брата царя — великого князя Владимира Александровича прошел первый из таких костюмированных балов. В придворные костюмы XVII в. были одеты хозяева бала — великий князь Владимир Александрович и великая княгиня Мария Павловна. Следует отметить, что исторические костюмы не были импровизацией портных на заданную тему. Созданию костюмов предшествовала серьезная работа в архивах Императорской академии художеств.

Для отделки костюмов из лучших тканей использовались золотые и серебряные нити, драгоценные камни и жемчуг, меха соболя и горностая. На балу присутствовали император Александр III с супругой. Императрица Мария Федоровна была одета в костюм русской царицы XVII в., состоящий из «парчовой ферязи, украшенной бриллиантами, изумрудами, рубинами, жемчугом и другими драгоценностями; парчовой шубки с золотыми цветами, отороченной соболиным мехом, и с разрезными рукавами. На голове ее величества была надета серебряная шапка-венец, отороченная соболем и украшенная большими брильянтами, изумрудами и крупным жемчугом, который в несколько ниток ниспадал с шапки на оплечье»[509]. Во время ужина исполнялись исключительно русские песни. Надо заметить, что подобный бал явился еще одним из проявлений подчеркнутого национализма Александра III и его ближайших соратников.

В журнале «Всемирная иллюстрация» это событие описывалось следующим образом: «На бал было приглашено… до 250 знатных особ обоего пола… На парадной лестнице, на площадке и в дверях малой столовой стояла прислуга, одетая в живописные костюмы разных эпох, имеющие связь с русской историей: то были скифы, варяги, бермяты, стрельцы новгородские и московские… Вскоре гостиная и танцевальная залы наполнились русскими боярами, боярынями и боярскими детьми обоего пола, воеводами, витязями, думными и посольскими дьяками, кравчими, окольничими, ловчими, рындами, конными и пешими жильцами (времен Иоанна IV)»[510]. Примечательно, что если императрица Мария Федоровна позволила себе появиться в платье московской царицы XVII в., то император Александр III был на этом балу в генеральском мундире.

В конце 1880-х гг. петербургскому бомонду запомнились так называемые «цветные» балы. Говоря о «цветных» балах, следует иметь в виду, что это достаточно давняя традиция. Так, в обычае были Белые балы для молодых девушек, впервые выходящих в свет, а также Розовые — для молодоженов. Но в конце 1880-х гг. прошли два бала других цветов. Они запомнились современникам.

24 января 1888 г. в Зимнем дворце состоялся Зеленый, или Изумрудный, бал. Назван он был так, потому что на нем доминировал зеленый цвет — цвет надежды. Зеленые изумруды женских украшений оттеняли бальные платья различных зеленых оттенков.

26 января 1889 г. в Аничковом дворце прошел знаменитый Черный бал. Всех приглашенных попросили прийти в траурной одежде. Столь странная просьба была вызвана тем, что австрийский двор организовал большие празднества во время траура при российском дворе. При подготовке очередного бала в Аничковом дворце пришло известие о смерти австрийского эрцгерцога. Бал не отменили, но гостей попросили прийти в черных платьях. Камердинер императрицы Марии Федоровны описывал дамские наряды следующим образом: «Серые вырезанные платья, черные веера, черные по локоть перчатки, черные башмачки»[511]. Во время бала исполнялась только венская музыка. Надо признать, что это была действительно изысканная месть, поскольку «никогда женщины не выглядели так привлекательно, как на этом балу — в черных вечерних платьях, усыпанных бриллиантами!»[512]. Один из участников этого бала — великий князь Константин Константинович Романов (поэт «К. Р.») записал в дневнике: «Бал в Аничковом 26 января 1886 г. был очень своеобразным, с дамами во всем черном. На них бриллианты сверкали еще ярче. Мне было не то весело, не то скучно»[513]. Можно с уверенностью утверждать, что инициатором этих «цветных» балов была императрица Мария Федоровна.

Иногда балы запоминались современникам по различным историям, которые на них происходили. Об этих историях вспоминали спустя десятилетия, они становились своеобразным придворным фольклором, который передавался из поколения в поколение. Например, генеральша Богданович

записала в дневнике (30 января 1898 г.) знаменитую историю о том, как был закончен один из балов в Аничковом дворце: «Jules Урусов вспоминал былое время, когда бывали балы в Аничковом дворце, как царица-мать любила танцевать. Балы затягивались до четырех часов. Царица от дирижера Урусова требовала еще танцев, царь косо смотрел. Однажды во время grand rond (большой круг (*фр.*) — фигура в танце. — *И. З.*) оказалось, что в оркестре остались всего два инструмента — флейта и барабан, которые тоже через три минуты умолкли. Оказалось, что царь приказал музыкантам по двое уходить из оркестра, и таким образом бал кончился»[514].

В одном из писем к старшему сыну Александр III рассказал о забавном случае, произошедшем на январском балу 1891 г.: «Большой бал в Николаевской зале прошел благополучно, было более народу, чем когда-либо; приехало на бал более 2200 человек, и к ужину пришлось ставить запасные столы. Наш оркестр играл дивно в полном составе 106 человек и произвел эффект… Падений, слава Богу, не было, но во время вальса вылетела на середину зала большая юбка!»[515] Можно только представить, что пережила молодая девушка, у которой из-под платья вылетела эта «большая юбка»…

11 января 1896 г. состоялся первый Большой придворный бал в честь молодоженов Николая II и Александры Федоровны. Поскольку это был первый бал нового царствования, рассылалось достаточно много приглашений (3500), фактически же на бал явились 2500 человек. Несмотря на весь опыт дворцового персонала, на входе во дворец и у гардеробов создались обычные «толпа и давка». Поскольку многие уезжали с бала, не дожидаясь вечернего стола, его накрыли, желая сэкономить, из расчета на 2400 человек и почти угадали, поскольку свободными остались только 60 приборов. Николай II и Александра Федоровна, как и положено государям, по большей части работали и не танцевали. Николай II обходил присутствующих, стараясь каждому сказать что-либо приятное. Молодой императрице «представляли множество дам». Мемуарист, конечно, упомянул и о туалетах главных действующих лиц: Николай II был в «алом конногвардейском мундире», а императрица Александра Федоровна — «в бледно-зеленом платье с рубинами»[516].

Трудно было заранее предугадать, какой из балов останется в памяти потомков. Например, серия парадных балов различного уровня, связанных с празднованием 300-летия династии Романовых, оказалась совершенно проходной, не оставив после себя каких-то особенных впечатлений. Сам Николай II в дневнике отметил, что во время празднеств, 23 февраля 1913 г., поехал с женой и сестрой Ольгой в Дворянское собрание. Бал был начат исполнением «польского», а затем пошли танцы. Всё впечатление царя: «Был большой порядок и красивый бал».

Император Николай II впитал «русскость» своего отца с детства. И сам, в свою очередь, продолжил традицию исторических балов. В какой-то мере это было демонстрацией идеологической преемственности. Грандиозный костюмированный бал, проведенный в Зимнем дворце в 1903 г., стал последним Большим балом империи, запомнившемся современникам. Великий князь Александр Михайлович писал в «Воспоминаниях»: «22 января 1903 г. «весь» Петербург танцевал в Зимнем дворце. Я точно помню эту дату, так как это был последний Большой придворный бал в истории империи»[517].

Учитывая масштабы действа, для подготовки костюмов привлекались десятки портных. Как и во время исторического бала 1883 г., проводились архивные изыскания с целью создания эффекта максимальной достоверности костюмов времен царя Алексея Михайловича. Надо отметить, что «малый царский наряд» Николая II был действительно отчасти подлинным. Эскиз костюма для царя разработали директор Эрмитажа И. А. Всеволожский и художник Санкт-Петербургских императорских театров Е. П. Пономарев. Ткани заказали поставщику высочайшего двора фирме Сапожниковых — два вида бархата и золотую парчу. Из Оружейной палаты Московского Кремля было выписано 38 подлинных предметов царских костюмов XVII в. Из них для костюма Николая II отобрали 16 предметов[518], в том числе жемчужные запястья, принадлежавшие сыну Ивана Грозного — царю Федору Иоанновичу. В качестве дополнения к костюму использовали подлинный жезл царя Алексея Михайловича[519]. Пуговицы и нашивки на костюме были русской работы XVII в.

Сшил костюм для царя театральный костюмер императорских театров И. И. Каффи, которому помогали две портнихи, чьи имена не сохранились.

Царскую шапку изготовили в шляпной мастерской братьев Брюно, поставщиков высочайшего двора с 1872 г.

Великий князь Александр Михайлович описывал костюмы участников бала следующим образом: «Ксения была в наряде боярыни, богато вышитом, сиявшем драгоценностями, который ей очень шел. Я был одет в платье сокольничего, которое состояло из белого с золотом кафтана с нашитыми на груди и спине золотыми орлами, розовой шелковой рубашки, голубых шаровар и желтых сафьяновых сапог. Остальные гости следовали прихоти своей фантазии и вкуса, оставаясь, однако, в рамках эпохи XVII века… Аликс выглядела поразительно, но государь для своего роскошного наряда был недостаточно велик ростом. На балу шло соревнование за первенство между великой княгиней Елизаветой Федоровной (Эллой) и княгиней Зинаидой Юсуповой… Бал прошел с большим успехом и был повторен во всех деталях через неделю в доме богатейшего графа А. Д. Шереметева»[520].

Знаменитому балу предшествовала только одна генеральная репетиция, которая состоялась 10 февраля 1903 г. Все танцующие прорепетировали предполагавшееся действо в Павильонном зале Зимнего дворца. Дамы были в сарафанах и кокошниках, мужчины — в костюмах стрельцов, сокольничих и прочих. Отсматривали подготовленный «материал» лично императрица Александра Федоровна и ее старшая сестра великая княгиня Елизавета Федоровна. Предполагалось, что в этих костюмах пройдут три бала.

На следующий день, 11 февраля, состоялся первый бал. Вечером гости начали собираться в Романовской галерее Зимнего дворца. Затем участники, шествуя попарно, отдавали русский поклон хозяевам бала в Большом Николаевском зале. Потом состоялся концерт в Эрмитажном театре. После спектакля в Павильонном зале участники бала танцевали «русскую». Ужин проходил в Испанском, Итальянском и Фламандском залах Эрмитажа, где сервировали вечерний стол. Далее участники бала проследовали опять в Павильонный зал и вечер завершили танцами.

13 февраля 1903 г. состоялась вторая часть бала. Участие приняли 65 танцующих офицеров в костюмах XVII в. Члены царской семьи соби-

рались в Малахитовом зале, остальные — в прилегающих помещениях. В 23 часа все участники перешли в Концертный зал, где за позолоченной решеткой на подиуме находился придворный оркестр в костюмах трубачей царя Алексея Михайловича, а в Большом Николаевском зале — расставлены 34 круглых стола для ужина. Буфеты располагались в Концертном зале и Малой столовой, столики с вином и чаем — в Малахитовой столовой. После ужина хозяева возвратились в Концертный зал и танцевали до часу ночи. Общие вальсы, кадрили и мазурки начались после исполнения трех специально подготовленных танцев: «русского», хоровода и плясовой. Кавалерами были кавалергарды, конногвардейцы и уланы. 14 февраля состоялся заключительный третий бал, который прошел в доме графа А. Д. Шереметева.

Традиционные зимние бальные сезоны были прерваны Русско-японской войной (1904–1905), революцией 1905 г. и болезнью цесаревича Алексея в 1912 г. Но когда дочери Николая II подросли, их потребовалось вывести в большой свет. Для великой княжны Ольги Николаевны, которой осенью 1911 г. исполнилось 16 лет, в Ливадии был организован первый в ее жизни взрослый бал. На бал были приглашены не только родственники, но и офицеры военного гарнизона, расквартированного в Ялте. А. А. Танеева вспоминала, что «великая княжна Ольга Николаевна, первый раз в длинном платье из мягкой розовой материи, с белокурыми волосами, красиво причесанная, веселая и свежая, как цветочек, была центром всеобщего внимания. Она была назначена шефом третьего гусарского Елисаветградского полка, что ее особенно порадовало. После бала был ужин за маленькими круглыми столами»[521].

Вскоре к старшей сестре присоединилась великая княжна Татьяна Николаевна, для которой поводом для участия во взрослых балах стали торжества 1913 г.

Заботливая бабушка, вдовствующая императрица Мария Федоровна, успела устроить для старших внучек Большой бал до начала Первой мировой войны. Зимой 1914 г. в Аничковом дворце был дан бал в честь старших дочерей Николая II — Ольги и Татьяны, который стал главным событием сезона. Для вдовствующей императрицы этот бал не был проходным. В своем

дневнике (14–27 февраля 1914 г.) она отметила, что она «впервые за последние двадцать лет устроила бал!»[522]. Как и было принято «в старые добрые времена», бал в Аничковом дворце закончился под утро — в 04.30 утра. Императрица Александра Федоровна присутствовала на этом балу, но предпочла уехать вскоре после его открытия — в полночь[523]. Эти мелочи просто поразительны. Мать, выводящая старших дочерей во взрослую светскую жизнь, «отбывает номер» и, соблюдя минимальные приличия, покидает бал, на котором танцуют ее дочери!

В начале 1914 г. традиционные зимние балы прошли и в Зимнем дворце. Мария Федоровна зафиксировала этот факт в дневнике (3–16 марта 1914 г.): «Когда еще не пробило 6 вечера, отправилась в Эрмитаж на «Парсифаль»… В 8½ вечера в бальном зале был накрыт пышный обед, где присутствовали все… Всё продолжалась ужасно долго — до 1½ ночи»[524]. Это тоже примечательная мелочь. На «своем» балу можно было танцевать до утра, а бал у невестки — это уже утомительно и «ужасно долго»!

Для младших великих княжон — Марии и Анастасии — первый бал остался лишь мечтой. Первая мировая война так и не позволила вывести их в свет. Хотя Мария все-таки успела прикоснуться к взрослой жизни. Дело в том что по случаю приезда осенью 1916 г. в Петроград румынского принца Кароля в Александровском дворце Царского Села был устроен домашний бал. Именно на нем состоялся дебютный выход в свет третьей дочери царя — 17-летней Марии Николаевны. Конечно, не обошлось без накладок. Входя в зал в туфлях на высоком каблуке, Маша упала, на что немедленно последовала реплика отца: «Разумеется, это толстушка Мария»[525]. Можно только предполагать, что испытала тогда молодая девушка.

Придворные маскарады

Традиция публичных маскарадов при императорском дворе была заложена во времена правления Петра I и донесла до XIX в. сравнительную демократичность этих действ. Маскарады были одними из немногих придворных

мероприятий, когда в парадных залах Зимнего дворца могли развлекаться не только дворяне, но и купечество и даже представители других слоев городского населения. Со времен Петра I дошла и строгая регламентация маскарадных увеселений.

До середины XVIII в. какой-либо внятной периодичности в проведении придворных маскарадов не просматривалось. Их обычно просто приурочивали к значимым событиям в жизни императорской семьи. В немалой степени популярность придворных маскарадов была обусловлена любовью к ним женщин-императриц, начиная с Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. Во время 34-летнего правления Екатерины II некая тенденция к регулярности обозначилась уже вполне отчетливо.

Первый маскарад в Зимнем дворце состоялся 22 октября 1763 г. Поскольку во дворец должны были прийти тысячи людей, была отработана процедура их допуска. Сначала требовалось направить письменный запрос в придворную контору, по рассмотрении которого выдавался пропускной билет. Билет был бесплатным и имел разное оформление для дворян и купцов. Как правило, дворяне и купцы являлись главными гостями царских маскарадов, но периодически разрешалось посещение их и городскими мещанами. Существовали и жесткие ограничения. Например, слугам, носящим господскую ливрею, посещение маскарада возбранялось.

В XVIII в. в Зимнем дворце маскарады проводились достаточно часто — до восьми в год. Осенью — три-четыре, столько же — после Нового года, от Рождества и до Великого поста. Под эти действа отводились все парадные залы на втором этаже Зимнего дворца. С учетом сословной структуры Российской империи даже демократичные маскарады проводились «по сословиям». Во время праздника для каждой категории гостей выделялись свои залы. При этом каких-то жестких препон возможности перехода в другой зал не ставилось. Просто купцам и дворянам было комфортнее веселиться «среди своих».

Естественно, возможность посещения царского маскарада привлекала тысячи людей. Данные о количестве участников колеблются от 2,5 до 8 тысяч человек. Столь большой разнос вполне объясним. Обычно придворная

контора выдавала от 7 до 10 тысяч билетов, однако на маскарады приходило не более 4–5 тысяч[526]. Но были маскарады-рекордсмены. Так, в 1778 г. в Зимнем дворце собралось 8 тысяч человек[527]. Если приводить точные данные, то на маскарад, проведенный в Зимнем дворце 12 февраля 1776 г., пришло 2350 «дворянских масок» и 470 «купеческих». Всего 2820 человек. На маскарад 29 октября 1776 г. было роздано 6958 билетов: 5926 — дворянам и 1032 — купцам. Но пришло только 2482 человека дворян и 289 купцов. Всего 2771 человек. На маскарад 16 февраля 1778 г. роздано билетов 8977. Присутствовало 3882 дворянина и 854 купца. Всего 4736 человек[528]. Приводя эти данные, следует учитывать, что в 1784 г. население Петербурга насчитывало 192 тысячи человек, при этом дворяне с купцами составляли 2–3 % от общей численности населения столицы[529].

Традиции маскарадов были продолжены в период правления Александра I и Николая I. Биографы отмечали, что Николай I «по должности» рано начал принимать участие в придворных маскарадах. Сначала ему эта забава не очень нравилась, однако, повзрослев, он втянулся в нее[530]. Мемуаристы, писавшие о времени царствования Александра I, отмечали, что «балы при дворе были в то время довольно часты. Они назывались bals pares (костюмированные балы — *фр.*), или куртаги, и состояли из одних польских»[531]. При этом на маскарадах приветствовать особ императорской фамилии запрещалось. Гости должны были проходить мимо, не обнажая головы и не кланяясь.

К началу XIX в. в Петербурге сложилась определенная классификация маскарадных торжеств. Маскарады в Петербурге были самые разные. *Публичные* — на которые могли за умеренную плату попасть самые разные люди. Это были коммерческие предприятия, которые должны были приносить некоторый доход. Самыми знаменитыми публичными праздниками стали маскарады, проводившиеся в доме Энгельгардта и описанные в «Маскараде» М. Ю. Лермонтова. Их неоднократно посещал Николай I.

На *корпоративные* маскарады собирались представители того или иного землячества или купеческой гильдии. Это был способ общения и развлечения в своем кругу.

Примерно те же цели преследовались и на *аристократических* маскарадах, на которые приглашались представители высшего света. Как правило, эти действа носили камерный характер. Так, императрица Александра Федоровна описывала один из подобных маскарадов, проведенный в начале 1818 г. Он проходил во дворце молодоженов — Николая Павловича и Александры Федоровны «для нашего всегдашнего павловского общества». Все были «замаскированы» с головы до ног: «Maman — волшебницей, императрица Елизавета Алексеевна — летучей мышью, я — индийским принцем, с чалмой из шали, в длинном ниспадающем платье и широких шароварах из восточной ткани»[532].

Конечно, со временем появились образцы для подражания. Как правило, они приходили из Европы. С начала 1820-х гг. таким образцовым аристократическим празднеством считался знаменитый берлинский маскарад «Лалла Рурк», организованный в 1822 г. принцем Антоном Радзивиллом. Этот маскарад надолго стал эталоном светского блеска и хорошего вкуса[533]. Успех «Лаллы Рурк» был повторен 13 июля 1829 г., когда в Потсдаме ко дню рождения императрицы Александры Федоровны ее отец, прусский король Фридрих Вильгельм III, организовал вечер под названием «Волшебство Белой розы». Праздник был задуман как средневековый рыцарский турнир с «живыми картинками» и посвящен российской императрице. Название было связано как с девичьим прозвищем императрицы, так и с тем, что белая роза, символ праздника, являлась любимым цветком Александры Федоровны.

По образцам «Лаллы Рурк» и «Белой розы» при российском императорском дворе начали организовывать тематические маскарады. Один из них состоялся зимой, на масленицу 1834 г. Тема была обозначена сказкой «Аладдин и волшебная лампа». В Концертном зале Зимнего дворца поставили трон «в восточном вкусе» и галерею для тех, кто не танцевал. Зал декорировали тканями ярких цветов, кусты и цветы освещались цветными лампами. Мемуаристка Ольга Николаевна, дочь Николая I, писала, что «волшебство этого убранства буквально захватывало дух». На маскараде старшие дочери царя Ольга и Мария появились «в застегнутых кафтанах, шароварах, в острых

туфлях и с тюрбанами на головах». На этом вечере им впервые разрешили «идти с Мама́ в полонезе». Однако общий фурор произвел сын министра двора Г. П. Волконский, который изображал горбатого с громадным носом карлика с лампой[534].

В январе 1835 г. маскарад в Аничковом дворце тематически воспроизводил эпоху Павла I. А. С. Пушкин, присутствовавший на этом событии, записал в дневнике (8 января): «6-го бал придворный (приватный маскарад). Двор в мундирах Павла 1-го; граф Панин (товарищ министра) одет дитятей. Бобринский — Брызгаловым (кастеляном Михайловского замка)… Государь — полковником Измайловского полка, etc. В городе шум. Находят всё это неприличным»[535].

Тезоименитство императора Николая I также отмечалось балом-маскарадом. Только его проводили в Зимнем дворце. 26 декабря 1835 г. на нем присутствовали А. С. Пушкин с женой. Последний раз Пушкины были вместе в Зимнем дворце на церемонии водосвятия 6 января 1837 г.[536]

В 1837 г. в рамках Китайского маскарада был проведен третий и последний детский «Бобовый праздник». Все приглашенные пришли в китайских костюмах. Николай I был одет мандарином, с искусственным толстым животом, в розовой шапочке, с висящей косой на голове. Он был совершенно неузнаваем[537].

По гардеробным суммам мы можем представить, сколько стоил Николаю I этот китайский карнавальный костюм. В марте 1837 г. по счетам из гардеробной суммы было уплачено: костюмеру театра Балте за китайское маскарадное платье — 865 рублей; парикмахеру Вивану за китайский парик для маскарада — 70 рублей; мастеру Тимофееву за китайскую шапку — 40 рублей. Следовательно, весь костюм обошелся императору в 975 рублей[538].

Приглашение к участию в костюмированных балах в Аничковом дворце было знаком особой царской милости. На этих маскарадах ждали избранных. Например, когда после смерти А. С. Пушкина его жена Наталья Николаевна возобновила светскую жизнь, ее пригласили участвовать в маскараде в Аничковом дворце. Она была одета «в древнебиблейском стиле»: длинный

фиолетовый бархатный кафтан, почти закрывавший широкие палевые шаровары, на голове — покрывало из легкой белой шерсти[539].

Отношение к придворным маскарадам не менялось. Как правило, их любили все за демократичность и некую интригу, которая отсутствовала на помпезных официальных балах. Однако дочь царя Ольга Николаевна заметила спустя много лет, что ей не нравились костюмированные вечера. Она считала их утомительными и скучными, поскольку «специально разученные для них танцы часто подавляют прирожденный талант и грацию»[540]. Тем не менее она активно участвовала в каждом из придворных маскарадов. В 1843 г. на одном из зимних костюмированных балов Ольга Николаевна с несколькими барышнями появились в средневековых костюмах из голубого шелка, отделанного горностаем, с лентами на голове, усеянными драгоценными камнями, наподобие короны святого Людовика[541].

Иногда проводились маскарады *официально-парадные*. Как правило, они были связаны с событиями общегосударственного масштаба. Это могли быть коронационные торжества: 1 сентября 1826 г. во время московских торжеств, связанных с коронацией Николая I, состоялся «маскерад» в Большом театре на Петровке. На маскараде мужчины были в венецианах — полумаскарадных костюмах в виде плаща-накидки.

Были поводы и дипломатического характера. Например, 4 мая 1830 г. прошел костюмированный бал по случаю заключения мира с Турцией. На этом маскараде фрейлина Екатерина Тизенгаузен изображала циклопа. По ее просьбе А. С. Пушкин написал для нее стихотворение, которое она с успехом прочла перед императорской четой:

Язык и ум теряя разом,
Гляжу на Вас единым глазом.
Единый глаз в главе моей.
Когда б судьбы мои хотели,
Когда б имел я сто очей,
То все бы сто на Вас глядели[542].

Маскарады по случаю заключения браков детей Николая I также носили официальный характер. Так, в 1841 г. в Зимнем дворце был устроен пышный костюмированный вечер с участием всего императорского дома по случаю бракосочетания наследника Александра Николаевича[543]. По случаю бракосочетания Ольги Николаевны 4 февраля 1843 г. в Зимнем дворце был также проведен парадный маскарад.

Примерно до середины 1840-х гг. в Зимнем дворце 1 января или на масленицу ежегодно проходили *народные* маскарады, или, как их называли, балы «с мужиками». Иногда балы «с мужиками» давались и летом в Петергофе во время традиционных гуляний, связанных с днем рождения императрицы Александры Федоровны (с 1826 по 1829 г. летние балы не проводились).

Эта традиция сложилась еще в екатерининскую эпоху и воспроизводилась на протяжении почти столетия. Определенную регулярность балы «с мужиками» приобрели во время правления Николая I. Так, 1 января 1828 г. в Зимнем дворце был устроен подобный бал, на котором половину гостей составляли мещане[544]. В 1831 г. в Зимнем дворце состоялся очередной маскарад для купечества и дворян, куда было приглашено 2200 человек.

Нужно заметить, что европейские страны в это время вступали в период буржуазных революций, и для иностранцев было странным видеть столь массовые демонстрации единения народа и императорской фамилии. Весьма критично относившийся к реалиям николаевской России французский путешественник барон де Кюстин с некоторым раздражением, но, по сути, верно подметил «идеологическую» подоплеку этих балов. Он зафиксировал в своих «Записках»: «Когда император открывает свободный с виду доступ во дворец привилегированным крестьянам и буржуа, которых он дважды в году удостаивает чести явиться к нему на поклон, он не говорит земледельцу, купцу: «ты такой же человек, как я», но он говорит барину: «ты раб, как они»[545].

Действительно, это была ежегодная демонстрация единства самодержавной власти и народа. Народ впускали в «царские чертоги», где они могли видеть императора и его семью. Эти действа вписывались в рамки сценария патернализма, который реализовывался в период правления Николая Павло-

вича. Поэтому наряду с «мужицкими» балами в Зимнем дворце устраивались и общедоступные маскарады.

Описаний подобных маскарадов достаточно много. Любопытно восприятие столь масштабных праздников. Так, Николай I 4 января 1832 г. в письме к И. Ф. Паскевичу сообщал, что «на маскараде 1 числа было во дворце 22 364 человека; и в отменном благочинии»[546]. С другой стороны, одна из фрейлин императрицы Александры Федоровны — «чернооkая» Смирнова-Россет писала, что «полиция счетом впускала народ, но более сорока тысяч не впускали. Давка была страшная»[547].

Интересен взгляд на подобный маскарад со стороны руководителей хозяйственных подразделений Зимнего дворца. В 1844 г. в рапорте «майора от ворот» полковника Баранова указывается, что для подготовки маскарада была проделана серьезная работа. Из Таврического дворца были доставлены скамейки, которые расставили в нишах под окнами в залах. По сложившейся традиции организовывались буфеты для бесплатного угощения публики. Какие-либо ограничения допуска во дворец не устанавливались. Конечно, охрана следила за тем, чтобы городские мещане приходили в «чистой одежде». На глаз контролировалась и численность гостей.

Важной частью подобных мероприятий были непосредственные контакты народа и монархов. Николай I, его жена и все дети считали своим прямым долгом находиться среди «мужиков» на протяжении всего бала, отчетливо понимая, что это — часть их профессии, хотя безусловно это было тяжело физически. Как правило, императрица Александра Федоровна, одетая в так называемый русский сарафан, усаживалась в Георгиевском зале за ломберный стол, играя с министрами в «бостон» или «вист». Для того чтобы лицезреть императрицу, в громадный парадный зал «простых людей» пускали не более чем по десять человек за раз. Можно представить робость, трепет и преклонение подданных, тихо проходивших мимо императрицы. Для Александры Федоровны это была просто работа.

Конечно, у дворцовой администрации имелись опасения за сохранность залов. Но в 1844 г. всё прошло на редкость гладко. Полковник Баранов после маскарада немедленно доложил министру императорского двора

П. М. Волконскому о «потерях». Они были на удивление незначительны с учетом того, что за несколько часов через залы дворца прошли тысячи человек. В числе «потерь» упоминалась потертая краска на стенах и дверных рамах. Видимо, через них пропихивалась толпа. «Полы паркетные, в особенности, где стояли буфеты, значительно повреждены». Надо полагать, горожане штурмовали буфеты с царским угощением. Психологически это совершенно понятно: царское угощение, да еще бесплатное! Что говорить о простолюдинах, если даже высокопоставленные сановники старались унести домой с дворцового приема апельсин или «конфекту» детям в качестве царского подарка. Также оказались разбиты стекла в двух форточках. Посетителям было душно от бесчисленных свечей, расставленных в дворцовых залах. В Гренадерском пикете нижнее арматурное украшение было повреждено. Вероятно, кто-то по русской традиции хотел унести «сувенир» из царского дворца. В Портретной галерее героев 1812 г., с правой стороны от портрета Александра I, «от сильного дыхательного пара человеческого лак на шести портретах покрылся непроницаемой белизной». Любознательные посетители буквально «носом» рассматривали портреты. В Белом зале на поверхности почти всех позолоченных колонн остались следы сырости от дыхания[548]. Министр императорского двора распорядился немедленно исправить повреждения.

Летние народные маскарады проходили в Петергофской Александрии по случаю дня рождения императрицы Александры Федоровны. Каждый год в этот день дворцовая охрана широко открывала ворота парков для всех желающих. Со временем эти маскарады стали традицией. В письмах к различным корреспондентам Николай I обычно только фиксировал факт состоявшегося очередного мероприятия. Так, на следующий день после маскарада, 2 июля 1837 г. царь писал своему старшему сыну из Александрии: «Маскарад был очень ладен и заключил с обычным ужином весь праздник. Зато сегодня прекрасная погода, и народу очень много»[549].

Во второй половине 1840-х гг. проведение народных маскарадов прекратилось, но многолетняя традиция к тому времени уже стала маленьким кирпичиком программной формулы: «Православие, самодержавие, народность».

Костюмированный бал во дворце великого князя Владимира Александровича.
25 января 1883 г.

Популярность маскарадов во многом была связана с их демократизмом. Под маской могли скрываться самые разные по происхождению и социальному положению люди. Особенно любили интриговать окружающих девушки, которые на маскарадах искали «своего случая».

В немалой степени популярности этих празднеств способствовало отношение к ним самого императора. По свидетельству близкого к царю мемуариста, «император Николай чрезвычайно любил публичные маскарады и редко их пропускал, давались ли они в театре или Дворянском собрании»[550]. Причины тут были самые разные. Император считал необходимым для себя быть в курсе происходившего в столице, в том числе и развлечений. Кроме того, красавец император любил общество молодых женщин. А на маскарадах любая дама в маске или полумаске «имела право взять государя под руку и ходить с ним по залам». Дамы, естественно, считали своим долгом заинтересовать императора. Для этого «на тамошние маскарады раздавалось до 80 даровых билетов актрисам, модисткам и другим подобных разрядов француженкам. Именно с целью интриговать и занимать государя»[551].

Справедливо считалось, что только француженки обладают достаточной «квалификацией» для маскарадных интриг. До нас дошел забавный анекдот, связанный с этой темой. Зимой 1851 г. к Николаю I на публичном маскараде подошла девушка в маске и заявила императору: «Я тебя знаю». Император немедленно ответил: «И я тебя». — «Не может быть…» — «Точно знаю». — «Кто же я такая?» — «Дура!» — сказал царь и отвернулся. По-русски говорила либо горничная, либо прачка[552].

На одном из таких театральных маскарадов, подражавших балам в парижской «Опера», Николай I познакомился с молоденькой Варенькой Нелидовой, бедной сиротой, младшей из пяти сестер. Она сумела удержать возле себя императора и только под конец вечера открыла, кто она. А дальше для бедной девочки началась сказка о Золушке. Ее пригласили ко двору, и она понравилась императрице Александре Федоровне. Вскоре Нелидова получила фрейлинский шифр. Эта история породила множество сплетен. Большой свет единодушно зачислил Нелидову в категорию дам «для особых услуг». При этом сами современники, четко контролируя чрезвычайно плотный график Николая I, озадачивались тем, когда же он находит время для свиданий. Так или иначе, но Вареньку Нелидову и Николая I публичный маскарад связал семнадцатилетней дружбой. Хотя современники считали Нелидову далеко не красавицей, однако признавали ее необыкновенную обаятельность, то, что называется шармом. Дочь Николая I отмечала, что, по ее наблюдениям, «женщины такого типа нравились деловым мужчинам, как так называемые «душегрейки». Видимо, Николай I действительно чувствовал себя комфортно в обществе Нелидовой. Так, Ольга Николаевна описывала, как мастерски Нелидова рассказывала анекдоты: «Папа смеялся до слез. Однажды от смеха его кресло опрокинулось назад»[553].

Для маскарадов создавались специальные наряды, причем они предписывались циркулярно. Для дам все было достаточно просто. Они обязаны были появляться в масках, полумасках или тематических костюмах. Так, в 1843 г. на маскарад в доме министра императорского двора князя П. М. Волконского императрица пришла «в богатейших средневековых нарядах»[554]. На аристократических маскарадах, где все прекрасно знали друг друга, было

допустимо появление только в маскарадном костюме, без маски. В 1849 г. на традиционном Петергофском празднике, по случаю дня рождения императрицы, сама Александра Федоровна появилась «в великолепнейшем новогреческом (албанском) костюме, в предшествии восьми пар, одетых в такой же костюм, все без масок. Пары эти составляли, сверх великой княжны Марии Николаевны, фрейлины и молодые камер-юнкеры и камергеры»[555]. На известном портрете графини Самойловой кисти К. Брюллова мы видим на заднем плане публику в маскарадных костюмах, при этом сама графиня тоже в маскарадном костюме, но без маски на лице.

Что касается мужчин, то маски они не носили. До начала 1840-х гг. они обязаны были приходить в различных костюмах, в том числе домино и венецианах. Если на маскараде появлялись офицеры, то без шпаг. Так, барон М. Корф, описывая вечер у графа Левашова в феврале 1839 г., рассказывал: «Мы все были в цветных фраках, без масок, но и без лент, в домино, дававших нам вид немецких пасторов или каких-то Дон-Базилиев, с круглыми шляпами, которых, однако, никто не надевал»[556]. Император и наследник могли позволить себе появиться в каком-либо экзотическом обмундировании, которое могло сойти за маскарадный костюм. В 1843 г. на маскараде у князя П. М. Волконского Николай I был в пунцовом жупане линейных казаков Собственного конвоя.

В середине 1840-х гг. на костюмированные балы император и вообще мужчины, «военные и статские, являлись… в обычной своей одежде; но дамы все без изъятия были переряжены»[557]. Однако 12 февраля 1846 г. по случаю маскарада в пользу инвалидов был объявлен приказ, согласно которому любые маскарадные костюмы для офицеров запрещались. С этого времени офицеры развлекались на подобных празднествах только в форменных мундирах и обязательно при шпаге. Маскарады для военных стали отличаться от обыкновенных балов лишь тем, что на первых они должны были носить на голове каски. Можно только представить себе развлекающегося офицера при шпаге и в массивной кожаной каске с имперским орлом.

Как уже говорилось выше, на маскарадах, в силу жанра самого действа, манера поведения гостей отличалась особой демократичностью. В 1842 г.

Великий князь Алексей Александрович в маскарадном костюме на балу, состоявшемся в Мраморном дворце.
1871 г.

грациозностью, и на него непрестанно нападает множество черных домино, чтобы сказать ему всё, что им только взбредет в голову»[558].

Традиция проведения придворных маскарадов в полной мере была продолжена в первое десятилетие правления Александра II. Примечательно, что сам жанр маскарада, даже на заданную тему, оставлял достаточ-

французский живописец О. Верне, сопровождавший Николая I на одном из маскарадов, отмечал: «Каждый предоставлен самому себе — от императора до последнего актеришки. Все проталкиваются сквозь толпу без почитания рангов и не снимая головных уборов. У офицеров поверх мундиров — маленькие шелковые накидки из черного кружева… Его величество держится с удивительной

Великий князь Владимир Александрович в маскарадном костюме на балу, состоявшемся в Мраморном дворце.
1871 г.

ный простор для фантазии участников действа. Эти фантазии допускали даже некоторое отступление от весьма жестких условностей большого света. Молодым светским львицам жанр маскарадов позволял обнажиться чуть больше принятого или намекнуть своим костюмом на некую загадку. Граф С. Д. Шереметев, описывая петербургское общество 1860-х гг., упоминал о вечере в доме княгини Е. П. Кочубей: «Здесь я был на знаменитом костюмированном балу, на котором были двор и все общество… помню… княжну Марию Элимовну Мещерскую в виде египетского сфинкса с одной яркой бриллиантовой звездой в волосах. Грусть и сосредоточенное, загадочное ее выражение как нельзя более шли к изображению сфинкса… Тут же был и князь Павел Петрович Вяземский в виде огра (людоеда), в огромных сапогах с раструбами, за голенищами которых насованы были куклы, изображавшие детей»[559].

Бывали случаи, когда относительная «маскарадная свобода» становилась поводом для политических эскапад. Так, на одном из придворных святочных маскарадов 1860-х гг. влиятельная фрейлина императрицы Марии Александровны графиня Антонина Блудова, весьма близко примыкавшая к славянофильским кругам, позволила себе надеть простонародный «костюм полотера». На балу «она показалась в рубашке и в больших сапогах». Александр II «вышел из себя. Ей сделано было внушение, и больше уже этого не повторялось»[560].

В 1860-х гг. в Михайловском дворце при дворе великой княгини Елены Павловны продолжались блестящие маскарады, бывшие отголоском ушедшей николаевской эпохи. По словам мемуариста, «это было поистине что-то сказочное… Тут были маски и костюмы удивительно богатые и разнообразные, целая депутация каких-то насекомых в мантиях и приветственная у них речь и адрес государю, произнесенная главою депутации букашек»[561].

Участвовал в придворных костюмированных балах и Александр II. На одном из них, состоявшемся в феврале 1875 г., цесаревич Александр Александрович был наряжен атаманом, а император Александр II — Петром Великим, «в руках его была знаменитая дубинка, но одеяние это ему не шло, и он скоро его снял»[562].

Группа офицеров лейб-гвардии Конного полка в нарядах сокольничих времен царя Алексея Михайловича

На это замечание по поводу «скоро снятого» маскарадного костюма следует обратить особое внимание. Харизматичный Николай I мог многое себе позволить, в том числе и появиться в маскарадном костюме, и ни у кого не возникал вопрос — «идет или не идет» тот или иной образ монарху. Александр II был слаб, и это на подсознательном уровне фиксировалось многими, именно поэтому ему и не шел образ Петра Великого с его дубинкой. Такой костюм разрушал и без того не слишком прочный имидж монарха, поэтому в 1870-х гг. маскарадная традиция стала постепенно вымываться из придворного досуга.

18-летнему великому князю Сергею Александровичу на этом маскараде, который он назвал «костюмированным балом», понравилось всё: «Чудный костюмированный бал у Владимира[563]. …Было много красивых костюмов. Минни[564] была в розовом домино, Михен[565] — в виде жрицы солнца, вели-

Участники костюмированного бала в Зимнем дворце.
1903 г.

колепна. Папа[566] — Петром Великим, Саша[567] — великолепным гетманом, дядя Низи[568], Алексей[569] и Николаша[570] — витязями, Владимир — кавалергардом Елизаветы Петровны, дядя Костя[571], Костя[572] — моряками Екатерины, Елена М.[573] — бержеркой[574], очень мила. Танцевали до половины 5-го!!! Лег около 6 часов»[575].

При Александре III проведение придворных маскарадов продолжалось вплоть до 1894 г. Но за все правление Александр III ни разу не появился в маскарадном костюме. Однако то, что не подходило монарху, подходило цесаревичу Николаю Александровичу. Зимой 1894 г. на необычайно оживленной масленице, несмотря на тяжелый грипп Александра III, был проведен очередной придворный маскарад. Он отражал уже сложившиеся веяния царствования Александра III. На этом маскараде цесаревич Николай Александрович, одетый в костюм сокольничего, «был очень хорош. Ксения Александровна царевною также очень хороша. Ее жених «боярином» был слаб»[576].

Рождество в императорской семье

Новый год и Рождество сегодня — привычные радостные праздники. Логичное календарное окончание одного отрезка жизни и начало другого, естественно, более удачного. Однако нынешнее празднование Нового года и Рождества существенно отличается от восприятия этих праздников в дореволюционной России.

Как известно, перенос начала календарного года на 1 января произошел по указу Петра I в декабре 1699 г., когда на смену древнеславянскому календарю с точкой отчета летоисчисления «от сотворения мира» пришел юлианский календарь. При этом надо заметить, что в Европе в это время уже прочно утвердился григорианский календарь, введенный в XVI в. и ведший летоисчисление от Рождества Христова. Поэтому в русских дореволюционных газетах на первой странице ставили две даты: русскую — по юлианскому календарю и европейскую — по григорианскому. Переход России на григорианский календарь произошел только в январе 1918 г. При этом все церковные праздники по сей день продолжают отсчитываться по юлианскому календарю. Поэтому в нашу жизнь прочно вошло чисто русское, слегка бредовое понятие «старый Новый год».

Традиция празднования Рождества и Нового года существовала на Руси издавна. При Петре I «по немецкому образцу» в атрибутику праздника вошли еловые ветви, которыми украшались дома и кабаки.

Появление *рождественской елки* в России датируется первой четвертью XIX в., когда жена великого князя Николая Павловича, будущая императрица Александра Федоровна, постепенно ввела этот обычай при императорском дворе. Будучи немецкой принцессой, Александра Федоровна впитала эту традицию с детства, поскольку рождественские елки получили широкое распространение в Германии на рубеже XVIII–XIX вв. При этом следует подчеркнуть, что елки и подарки были непременным атрибутом именно рождественских праздников, а не календарного начала Нового года. Великая княгиня Александра Федоровна впервые устроила рождественскую елку с подарками в декабре 1817 г., находясь с мужем в Московском

Кремле, и нарядила ее в старом Большом императорском дворце, только что восстановленном после нашествия Наполеона. Впрочем, упоминания о рождественских елях встречаются и в период правления Петра Великого, и даже его отца Алексея Михайловича. Просто украшение елок в те времена не имело публичного характера.

При Николае I рождественская елка в Зимнем дворце стала прочной традицией. Постепенно этот обычай распространился сначала среди аристократии Петербурга, а затем и среди горожан. Как правило, накануне Рождества, в Сочельник, после всенощной, у императрицы Александры Федоровны устраивалась елка для ее детей, и вся свита приглашалась на этот семейный праздник. При этом у каждого из членов семьи была своя елка, рядом с которой стоял стол для приготовленных подарков. А поскольку детей и племянников было много, то в парадных залах Зимнего дворца ставилось до десятка небольших елочек. Надо заметить, что детские подарки были довольно скромными. Как правило, это были различные игрушки и сладости с обязательными «конфектами». Мемуаристы зафиксировали, что Николай I лично посещал магазины, выбирая рождественские подарки каждому из своих близких.

Елки ставились обычно в покоях императрицы и ближайших залах — Концертном и Ротонде. После всенощной перед закрытыми дверями «боролись и толкались все дети между собой, царские включительно, кто первый попадет в заветный зал. Императрица уходила вперед, чтобы осмотреть еще раз все столы, а у нас так и бились сердца радостью и любопытством ожидания. Вдруг слышался звонок, двери растворялись, и мы вбегали с шумом и гамом в освещенный тысячью свечами зал. Императрица сама каждого подводила к назначенному столу и давала подарки. Можно себе представить, сколько радости, удовольствия и благодарности изливалось в эту минуту».

На Рождество 1831–1832 гг. в Зимнем дворце были устроены уже традиционные семейные елки с подарками. 13-летнему наследнику-цесаревичу отцом были подарены бюст Петра I, ружье, сабля, ящик с пистолетами, вицмундир кавалергардского полка, фарфоровые тарелки и чашки с изображением различных частей русской армии и книги на французском языке.

Интересно, что дети сами приобретали рождественские подарки для родителей на свои карманные деньги. Описывая рождественскую елку в декабре 1837 г., дочь Николая I — Ольга Николаевна упоминала: «У нас была зажжена по обыкновению елка в Малом зале, где мы одаривали друг друга мелочами, купленными на наши карманные деньги».

Кстати, «зажженные елки» представляли собой определенную опасность для огромного дворца, поскольку на них действительно зажигали свечи. Поэтому, когда в декабре 1837 г. загорелся Зимний дворец и Николаю I доложили об этом, его первой мыслью было, что пожар начался на половине детей, которые по неосторожности могли уронить свечку. Рассказывая об этом эпизоде, Ольга Николаевна обронила, что император «всегда был против елок»[577].

Однако к тому времени традиция уже сложилась, и «пожароопасные» рождественские елки, так радовавшие детей, продолжали проводиться. А рождественские подарки вспоминались спустя долгое время после самого Рождества. Так, в июле 1838 г. Николай I в письме к сыну Николаю упомянул: «Надеюсь, что мои безделки на Рождество тебя позабавили; кажется, статуйка молящегося ребенка мила: это ангел, который за тебя молится, как за своего товарища»[578].

Царская семья не забывала одарить и свиту. После раздачи взаимных семейных подарков все переходили в другой зал Зимнего дворца, где был приготовлен большой длинный стол, украшенный фарфоровыми вещами, изготовленными на императорской Александровской мануфактуре. Здесь разыгрывалась лотерея. Николай I выкрикивал карту, выигравший подходил к императрице и получал выигрыш — подарок из ее рук.

Но, пожалуй, самым запомнившимся современникам рождественским сюрпризом в период царствования Николая I стал подарок его дочери — великой княжне Александре Николаевне в декабре 1843 г. Дело в том что накануне в Петербург прибыл ее жених. Родители скрыли это от дочери, и когда двери Концертного зала Зимнего дворца растворились, дочь Николая I увидела своего жениха, привязанного к елке в качестве подарка вместе с фонариками и «конфектами». Наверное, для нее это стало действительно рождественским чудом.

На это Рождество подросшие дочери Николая I в Концертном зале Зимнего дворца нашли уже взрослые подарки. Великая княжна Ольга Николаевна получила от родителей «чудесный рояль фирмы Вирт, картину, нарядные платья к свадьбе Адини и от Папа́ браслет с сапфиром — его любимым камнем»[579]. А для двора и светского общества был устроен традиционный праздник с лотереей, на которой разыгрывались прекрасные фарфоровые вещи — вазы, лампы, чайные сервизы и прочие очаровательные подарки.

После смерти Николая I его сын — молодой император Александр II продолжил традиции, сложившиеся в царствование отца. 24 декабря 1855 г., в Сочельник, елка была устроена на половине императрицы Марии Александровны, «в малых покоях». Поскольку в 1855 г. продолжался годичный траур по умершему Николаю I, то на елке собрались только свои. К «своим» по обыкновению были отнесены фрейлины Марии Александровны — Александра Долгорукая и Анна Тютчева. Всё шло, как обычно: стояла особая елка для императрицы, елка для императора, елка для каждого из детей императора и каждого из детей великого князя Константина. Золотая гостиная превратилась в целый лес. Выложенные под елками подарки фактически образовали «выставку игрушек и всевозможных прелестных вещиц. Императрица получила бесконечное количество браслетов, старый Saxe (саксонский фарфор), образа, платья и т. д. Император получил от императрицы несколько дюжин рубашек и платков, мундир, картины и рисунки»[580].

Следует отметить, что к проведению этих рождественских елок и лотерей готовились не только взрослые, но и дети. Так, 27 декабря 1861 г. великие князья Александр и Владимир на половине императрицы несколько часов готовили елку, а затем наклеивали билетики на книги для проведения лотереи[581].

Даже когда семья в силу обстоятельств оказалась разлучена, елки в Зимнем дворце по устоявшейся традиции продолжали проводиться. На Рождество 1864 г., когда за границей находились тяжело больной наследник Николай Александрович и лечившаяся в Ницце императрица Мария Александровна, в Петербурге прошла традиционная рождественская елка. На шести столах были разложены присланные императрицей тщательно завернутые подарки. Четыре стола из шести отводились под подарки императрицы Александру II

и их сыновьям: Александру, Владимиру и Алексею. На двух столах лежали подарки для великого князя Константина Николаевича и его сына Николая Константиновича. Александр II сам читал письмо императрицы, и, следуя инструкциям, юноши вскрывали подарки один за другим. На другой день, в Рождество была зажжена вторая елка для прочих членов императорской фамилии и ближайших ко двору должностных лиц[582].

В свою очередь, мать и сын в Ницце устроили рождественскую елку для себя. Это было очень грустное Рождество. Наследник-цесаревич Николай Александрович умирал. В декабре он уже не вставал с постели. Накануне Рождества Мария Александровна устроила в спальне цесаревича своеобразную елку. Посреди комнаты было поставлено померанцевое дерево, увешанное золотистыми плодами, кроме того, на ветвях красовались фотографические портреты лиц свиты императрицы и самого наследника. Поскольку круг посетителей цесаревича был ограничен и свита не могла присутствовать на елке, все они были представлены на снимках. Эта затея матери развлекла и позабавила больного цесаревича. На другой день, в Рождество императрица устроила у себя другую такую же елку для своего двора и находившихся в Ницце знатных русских. «Собрание было очень оживленное и веселое»[583].

Сама процедура проведения рождественских праздников сложилась в Зимнем дворце еще во второй половине XVIII в. Собственно рождественские праздники начинались с всенощной службы в малой дворцовой церкви. Как правило, это был семейный праздник. На богослужении присутствовали только императорская чета и их дети. После службы все направлялись в Золотую гостиную Зимнего дворца, где каждого ожидала елка. Подарки подбирались очень тщательно, с учетом склонностей, желаний и увлечений каждого из членов семьи. Однако царская семья не могла остаться в узком кругу даже в рождественскую ночь. На елку приглашались и те, кто со временем фактически входил в императорскую семью. В основном, это были няни и воспитатели, то есть те, кто растил царских детей, отчасти заменяя им родителей. Так, в 1860-х гг. на елках в обязательном порядке присутствовали фрейлина и воспитательница А. Ф. Тютчева, няня Е. И. Стуттон и воспитатель младших сыновей Александра II Д. С. Арсеньев[584].

Конечно, рождественское настроение было не только у детей, но и у взрослых. Все члены императорской семьи с удовольствием готовились к празднику, обдумывали, какие подарки выбрать для родных и близких. И очень радовались подаркам, найденным под елкой. 16-летний великий князь Сергей Александрович записал в дневнике 24 декабря 1873 г.: «Была чудная елка! Как мы наслаждались, подаркам не было конца! Мари получила чудные драгоценности! Китти была и очень радовалась»[585]. Няня царских детей Е. И. Стуттон (Китти) разделяла радость семьи.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. рождественские традиции были нарушены. В семье возникли разногласия. Императрица Мария Александровна желала провести рождественские праздники как можно скромнее из-за продолжавшейся войны. Как писал ее сын Сергей Александрович, «Мама́ решила, что елок не будет у нас совсем в этом году и праздники грустные будут»[586], однако «Папа́ потребовал одну большую елку в Золотой гостиной»[587].

Разумеется, рождественские праздники имели свою материальную составляющую, которая не особенно интересовала хозяев огромной империи. Как правило, приготовлением елок на Рождество занимались кондитеры. Обычно им выдавался аванс на их обустройство, а после предоставления счета происходил окончательный расчет. При Александре II аванс составлял 500 рублей. Но при этом в 1878 г. все рождественские елки обошлись в 880 рублей, с бронзовыми и прочими украшениями, сюрпризами, картонажем и фруктами. В 1879 г. елки стоили 780 рублей, кроме этого были дополнительные расходы в 480 рублей на елку, отправленную в Ниццу, где проводила зиму болеющая императрица Мария Александровна. Таким образом, в этот год рождественские елки обошлись дворцовому ведомству в 1260 рублей.

На Рождество и Новый год в 1870-х гг. устанавливалось, как правило, пять елок. Из них три большие елки — для императора, императрицы и цесаревича, «на обыкновенных столах». По счету кондитера Петра Прядина в 1880 г., две елки «с бронзовыми украшениями» обошлись по 45 рублей, три другие — «с обыкновенными украшениями» — по 25. Елочные подарки включали в себя: «сюрпризы французские» (95 штук по 2 рубля), «конфек-

ты» (75 кульков по 1 рублю 43 копейки за фунт), мандарины (150 штук по 1 рублю 45 копеек за десяток), яблоки (150 штук по 1 рублю за десяток), чернослив французский (только для великих князей, 9 ящичков по 2 рубля 50 копеек). Кроме этого, за границу великим князьям Сергею и Павлу Александровичам были отправлены сюрпризы и конфеты. От стандартного «рождественского набора» отличался только подарок Александру II, которому в комплект включили ящичек абрикосов «пат де абрикос» (одна коробка за 3 рубля)[588].

Таким образом, в 1880 г. придворными кондитерами было укомплектовано 75 стандартных рождественских подарков, в каждый из которых входили французские сюрпризы, конфеты (по фунту), яблоки и мандарины по две штуки. Великим князьям был добавлен чернослив. Всё вместе обошлось в 972 рубля. Как мы видим, по сегодняшним стандартам, набор был очень скромным, но «базовый комплект», конечно, дополнялся и личными подарками членов императорской семьи. Следует отметить, что с началом «террористической охоты» на Александра II императорская семья утратила возможность самостоятельно ходить по магазинам. Образцы присылались в Зимний дворец поставщиками императорского двора, и именно из них отбирались личные подарки.

В дневниковых записях великих князей в 1870-х гг. встречаются упоминания о том, что рождественские елки организовывались и для детей слуг. 24 декабря 1874 г. великий князь Сергей Александрович целый день занимался подготовкой елки «для детей людей». В этот же день в Белой зале состоялась и семейная елка со всеми традиционными подарками. На следующий день семья отправилась в Аничков дворец, где были обед и елка «у Саши для детей»[589].

При Александре III Рождество, как правило, отмечалось в Гатчинском дворце. Готовиться начинали заранее: формировали подарки для гостей, отбирали фарфоровые и стеклянные вещи для лотереи.

Во время правления Александра III проблемы с подбором подарков только усилились. Волна терроризма в России на рубеже 1870–1880-х гг. окончательно исключила возможность личного посещения магазинов чле-

нами императорской семьи. Поэтому образцы по-прежнему присылались магазинами во дворец, а уже из них отбирались собственно подарки. Однако эти образцы из года в год повторялись, поэтому дети старались смастерить что-нибудь сами. Так, однажды великая княжна — маленькая Ольга Александровна подарила отцу мягкие красные туфли, вышитые белыми крестиками. Ей было так приятно видеть их на нем[590].

Как правило, в Гатчинском дворце для царской семьи и братьев императора ставили 8–10 елок — в Желтой и Малиновой гостиных. К всенощной съезжалась вся царская семья — великие князья с семьями. Кто не приезжал в Сочельник, появлялись утром к литургии и праздничному завтраку в Арсенальном зале, на который приглашались лица по списку.

Рождество отмечалось каждый год, но от этого оно не становилось менее радостным. Сестра Николая II вспоминала, как отец, император Александр III, звонил в колокольчик, и все, отбросив этикет и всякую чинность, кидались к дверям банкетного зала. Двери распахивались, и «мы оказывались в волшебном царстве». Весь зал был уставлен рождественскими елками, увешанными позолоченными и посеребренными фруктами и елочными украшениями, сверкали разноцветные свечи. Шесть елок предназначались семье и гораздо больше — родственникам и придворному штату. Возле каждой елки стоял маленький столик, покрытый белой скатертью и заваленный подарками[591]. Дочь Александра III Ксения вспоминала, что на праздник в 1884 г. она «получила много вещей», а на елке «хлопали хлопушки». Михаил, младший брат Николая II, писал в дневнике, что накануне Рождества он «валялся в кровати и думал о елке».

Вскоре праздник заканчивался, и елки, простоявшие во дворце три дня, убирали. Снимали украшения с них дети: «Все изящные, похожие на тюльпаны подсвечники и великолепные украшения, многие из которых были изготовлены Боленом и Пето, раздавались слугам. До чего же они были счастливы, до чего же счастливы были и мы, доставив им такую радость!»[592] — вспоминала великая княгиня Ольга Александровна.

При Александре III было положено начало традиции посещения других многочисленных елок членами императорской фамилии. Так, ежегодно

25 декабря после фамильного завтрака все вместе, с детьми и великими князьями, ехали в манеж Кирасирского полка на елку для нижних чинов Собственного его величества конвоя, сводно-гвардейского батальона и дворцовой полиции. На следующий день елка повторялась для чинов, бывших накануне в карауле. Императрица Мария Федоровна лично раздавала солдатам и казакам подарки. Для офицеров праздник устраивался 26 декабря в Арсенальном зале Гатчинского дворца. Напротив бильярда ставились елка и стол с подарками, после раздачи которых всех угощали чаем. Александр III считал своим долгом разделить рождественские праздники с людьми, которые обеспечивали его личную безопасность.

С началом царствования Николая II все традиции, впитанные им с детства, сохранились и воспроизводились при императорском дворе вплоть до 1917 г. В декабре 1895 г. император Николай II впервые встречал Рождество в Зимнем дворце мужем и отцом. Он записал в дневнике 24 декабря: «В 6½ пошли ко всенощной, и затем была общая елка в Белой комнате… Получил массу подарков от дорогой Мама́ и от всех заграничных родственников». Затем 25 декабря: «В 3 ч. поехали в придворный манеж на елку Конвоя и Сводного батальона. Как всегда, были песни, пляски и балалайки. После чаю зажгли маленькую елку для дочки и рядом другую — для всех женщин, Аликс в детской». 26 декабря: «В 2½ ч. отправились в манеж на елку второй половины Конвоя и Сводного батальона. После раздачи подарков смотрели опять на лезгинку и пляску солдат». 27 декабря была «елка офицерам». Таким образом, начиная с Александра III, рождественские праздники для императорской семьи стали важной частью публичной демонстрации «нерушимого единства» царя и его личной охраны.

Конечно, в этой череде официальных праздничных мероприятий старались найти время и для семейной елки с обязательными взаимными подарками. 24 декабря 1896 г.: «В 4 часа устроили елку для дочки в нашей спальне». В этот день Александра Федоровна недомогала, а у царя «трещала голова», поэтому они в 11 вечера легли поспать, а затем, проснувшись через час, «показали наши взаимные подарки. Оригинальная елка в первом часу ночи в спальне!!!». Хотелось бы подчеркнуть, что тогда рождественские праздники не

носили характера «всенародного праздника», а были тихим, семейным делом. Естественно, царем незатейливо подводились и итоги года: «Не могу сказать, чтобы с грустью простился с этим годом. Дай Бог, чтобы следующий 1897 г. прошел бы также благополучно, но принес бы больше тишины и спокойствия».

Няня царских детей англичанка Маргарет Эггер впервые наблюдала русское Рождество в декабре 1900 г. В этом году рождественские праздники встречались в Александровском дворце Царского Села. По ее словам, во дворце было установлено не менее восьми елок, в украшении которых принимала участие сама императрица. Кроме того, Александра Федоровна выбирала подарки для всего окружения императорской семьи — от офицеров охраны и до лакеев с истопниками. Для царских дочерей и их няни устанавливалась отдельная елка, под которой музыкальная шкатулка наигрывала бессмертную песню «Ах, мой милый Августин». Подарки для детей были разложены на отдельных столиках, стоящих вокруг елки.

В последующие годы празднование Рождества в семье Николая II проходило в традиционно сложившемся порядке. Менялось только количество детей, и с 1904 г. Рождество стали постоянно отмечать в Александровском дворце Царского Села. Поскольку детей поселили на втором этаже дворца, 24 декабря 1904 г. рождественская елка впервые была у детей «наверху». В этот же день, к вечеру, семья отправилась в Гатчинский дворец к вдовствующей императрице Марии Федоровне. Там, после всенощной, была устроена елка «для всех». Около 11 часов вечера Николай II с женой вернулись в Царское Село, где «устроили свою елку в новой комнате Аликс». В следующие два дня члены императорской семьи присутствовали на рождественских елках, проводимых для различных подразделений охраны.

В дальнейшем всё повторялось без изменений. Многочисленные елки для охраны, елки с родственниками, домашние елки, елки для детей. Так, 24 декабря 1905 г. «в 4 часа была елка детям наверху». Готовились и личные подарки. 28 декабря 1905 г. царь «убрал рождественские подарки по комнатам». У родителей была «собственная елка». В 1906 г. Николай II записал: «В новой комнате Аликс была наша собственная елка с массой прекрасных взаимных подарков».

Одна из мемуаристок упоминала, что у императрицы была маленькая «рождественская» слабость, «она непременно хотела, чтобы свечи на елке задувала она сама. Она гордилась тем, что особенно сильной струей воздуха ей удавалось погасить самую верхнюю свечу»[593].

Когда дочери подросли, их стали привлекать к посещениям елок для охраны. Появились даже специфические выражения: «елка первой очереди», «елка второй очереди». Присутствие на этих обязательных елках являлось важной частью публичной деятельности императорской семьи.

После того как началась Первая мировая война, многое в жизни страны изменилось. 24 декабря 1914 г. вдовствующая императрица Мария Федоровна записала в дневнике: «Впервые в этом году мы с ней (Ксенией — *И. З.*) встречали Рождество без настоящей рождественской елки»[594].

Новый год

В императорской России новогодняя ночь с 31 декабря на 1 января не считалась большим праздником, а была просто календарным рубежом между уходящим и наступающим годами. Поэтому прочной традиции провожать старый год и встречать новый тогда не существовало. Праздником со взаимными подарками и весельем считалось прошедшее Рождество. Тем не менее в семьях этот день в той или иной степени отмечался. Хотя, конечно, это отмечание не шло ни в какое сравнение с современными новогодними гуляниями.

Сохранилось очень немного упоминаний о том, как в императорской семье проходил предновогодний день. Так, вечер 31 декабря 1853 г. фрейлина А. Ф. Тютчева провела у императрицы. Дамы говорили о войне и щипали корпию для армии. В одиннадцать часов подали шампанское, все поздравили друг друга, и императрица отпустила фрейлин, «так принято в царской семье, чтобы к двенадцати каждый удалялся к себе»[595].

31 декабря 1861 г. сыновья Александра II — Александр и Владимир провели, в целом, как обычно. Их подняли в семь часов утра. После завтрака

юноши готовились к лотерее и наклеивали билетики на книги. Затем они посетили отца и в 11 часов пошли к литургии. На шесть часов вечера была назначена елка у наследника-цесаревича. До нее великие князья готовили уроки и обедали с родителями. После елки на половине цесаревича в восемь часов вечера вся семья собралась ко всенощной, которая продолжалась два часа. Затем Александр и Владимир побыли «с час времени» у родителей и «спать легли около четверти двенадцатого». Перед сном к сыновьям зашел Александр II[596].

Воспитатель царских детей адмирал Д. С. Арсеньев особо отметил в дневнике (1873), что «императрица и государь никогда не встречали Нового года, и императрица к 12 часам уже была в постели, и великие князья Сергей и Павел Александровичи, простившись с родителями около 11 часов, пришли к нам и у нас встречали Новый год»[597]. Единственное, что выделяло этот день из череды других, — семейный обед всех детей с родителями. День завершался всенощной, на которой императорская чета не присутствовала.

Хотя Новый год и не встречали, но в дневниковых записях нескольких поколений Романовых четко прослеживается традиция, характерная для самых разных людей, — коротко подводить итоги уходящего года. Как правило, это делалось в нескольких словах. Например, 31 декабря 1873 г. 16-летний великий князь Сергей Александрович незатейливо отметил для себя: «Вот кончился милый 1873 год, мне жаль, потому что я был счастлив в этом году, и всегда грустно покидать старое, хорошее!!!»[598]

1 января был обычным рабочим днем, в том числе и для великих князей. В этот день служилась обедня в парадных туалетах, приносились поздравления, наносились обязательные визиты.

Так, 1 января 1862 г. Александр и Владимир встали всё в те же семь часов. В восемь утра они пошли на половину старшего брата-наследника пить чай. К половине десятого великие князья собрались в приемной Александра II в полной парадной форме и с андреевскими цепями. После семейного завтрака братья отправились делать визиты. Один из младших братьев цесаревича записал в дневнике: «По обыкновению, вся семья собралась утром

поздравлять Папа́… Завтракали en famille. Таскался целый день с визитами, ужасно много, голова болит, спать хочется»[599].

Около половины одиннадцатого они вернулись домой и стали одеваться в церковь. Обедня и выход окончились в час. Перекусив у родителей, Александр и Владимир зашли к себе, а затем опять отправились делать визиты. Они заехали ко всем членам императорской фамилии и, кроме того, к военному министру, генерал-губернатору, генералу Плаутину, графу Строганову и графу Перовскому. Домой вернулись в три часа дня. Остальное время до обеда великие князя читали. В этот день молодые люди обедали у родителей, а в шесть часов пришли к себе и снова сели читать. В семь часов вечера великие князья переоделись, чтоб ехать в Большой театр. После спектакля они вернулись домой «в исходе 11 часа. Еще Александр Александрович не успел снять с себя курточки, как к нам пришел государь… великие князья совершенно улеглись в половине 11»[600].

31 декабря 1864 г. Александр II отметил только обедом с тремя взрослыми сыновьями — Александром, Владимиром и Алексеем[601]. 20-летний цесаревич Александр Александрович провел этот вечер «в своих комнатах в беседах с друзьями». Только около 12 часов ночи отворилась дверь и вошел Александр II. Он поздравил цесаревича с Новым годом и благословил его. Так в 1860-х гг. русская аристократия встречала Новый год[602].

Традиция формальной фиксации наступления Нового года, в лучшем случае отмечаемого семейным молебном, сохранялась в императорской семье вплоть до падения монархии в феврале 1917 г. По дневнику Николая II можно проследить, как отмечался этот праздник на протяжении двух десятилетий. Эти события носили повторяющийся из года в год характер, мало меняясь со временем. В дневнике цесаревича Николая 31 декабря 1891 г. появилась запись: «Вечер провели спокойно у себя и по обыкновению Новый год не встречали ничем… Не могу сказать, чтобы сожалел, что 1891 г. кончился: он был положительно роковым для всего нашего семейства. Три смерти, болезнь и долгая разлука с Георгием, и, наконец, мой случай в г. Оцу»[603].

Если проанализировать дневниковые записи Николая II, можно увидеть, что для него последний день уходящего года был обычным днем, который

отличался от остальных только тем, что вечером вся семья собиралась на новогодний молебен. Этот молебен появился при Николае II, когда уже постепенно начинала формироваться традиция торжественной встречи Нового года.

В период проживания Николая II с семьей в Зимнем дворце размах молебна был на уровне большого императорского выхода. Одна из мемуаристок описывала такое действо, состоявшееся в ночь 31 декабря 1900 г. Молебен служился в Большой церкви Зимнего дворца, и на нем присутствовало все наличное императорское семейство. Соответственно все дамы были одеты в придворные платья, усыпанные драгоценностями. При этом, следуя стандартам «формы одежды», Александра Федоровна надела кокошник, украшенный алмазами. Она была настолько хороша, что старшая из дочерей, пятилетняя Ольга в восторге сравнила императрицу-мать с рождественской елкой: «О! Мама, Вы такая же прекрасная, как рождественская елка!» После молебна императрице были представлены новые фрейлины-дебютантки.

После того как царская семья переселилась в Александровский дворец Царского Села, новогодний молебен стал проводиться в более камерной обстановке, и в этой церемонии кроме царской семьи принимали участие только самые близкие к ней люди. 31 декабря 1904 г. Николай II работал до 19 часов, после чего с семьей поехал в Гатчину — к матери на новогодний молебен. Затем, после семейного обеда, все вернулись в Царское Село.

Следует отметить, что и в праздники работа для царя не останавливалась. Например, 31 декабря 1905 г. рабочий день императора включал в себя: смотр лейб-гвардии Казачьего полка (с 10 часов 30 минут); три обычных доклада министров (с 14 до 16 часов). Поскольку день был насыщенный, царь отметил: «Гулял очень мало». Потом в 16 часов 30 минут состоялась елка для офицеров. Затем в 20 часов — семейный обед, на котором присутствовали «Миша» (младший брат царя), «Ольга» (младшая сестра царя), «Петя» (принц Ольденбургский, муж Ольги), «Мари», «Дмитрий» (Мария и Дмитрий Павловичи, дети дяди Николая II — великого князя Павла Александровича) и «Сашка Воронцов» (дежурный флигель-адъютант и друг

детства Николая II). После обеда царь, стараясь закончить дела, «занимался усиленно» до 23 часов 30 минут. И только затем семья «пошла к молебну». И так повторялось из года в год.

31 декабря 1906 г. с утра Николай II ездил к обедне и завтракал со своей семьей. Гулял. Затем, стараясь оставить все дела в «старом году», работал с документами «до чая и до обеда», то есть до 17 и 20 часов вечера, и «окончил всё, что было на столе». Потом состоялся семейный обед, после которого царь поиграл с великим князем Дмитрием Павловичем на бильярде «в пирамиду». Около 11 часов вечера в Александровский дворец подъехала императрица Мария Федоровна вместе с младшим братом царя Михаилом Александровичем. Все вместе пили чай, а к половине двенадцатого пошли к молебну и «встретили наступающий год горячею молитвою!».

31 декабря 1913 г. Николай II все утро (с 10 до 13 часов) принимал доклады. На завтраке был только великий князь Иоанн Константинович. В 15 часов царь поехал с Ольгой и Татьяной в военный госпиталь и в лазарет Гусарского полка на елку. В этот день он отказался от прогулки и «читал весь вечер и отвечал на телеграммы». Под термином «читал» имеется в виду работа с документами. И только в 23 часа 30 минут «поехали в полковую церковь на новогодний молебен». В этот день Николай II просил: «Благослови, Господи, Россию и нас всех миром, тишиною и благочестием!»

Таким образом, день 31 декабря фактически являлся обычным рабочим днем, который заканчивался в 24 часа молебном.

Наступление Нового года было связано с традиционными гаданиями. Этот обычай возник во второй половине царствования Николая I и закрепился при Александре II, точнее при императрице Марии Александровне, симпатизировавшей славянофилам.

Гадала Мария Александровна со своими фрейлинами (2 января 1854 г.). Поскольку фрейлины были, естественно, сплошь незамужние, то гадали они «на женихов» — «давали петуху клевать овес, топили олово»[604]. Эта традиция воспроизводилась на протяжении десятилетий. Спустя двадцать лет (2 января 1877 г.) сын Марии Александровны записал в дневнике: «…вечером у нас гадание. Мама немного простудилась и лихорадка, несмотря на это она

хотела, чтобы были гадания… Отличные были шутки: лоханка с водой и записками, разные сюрпризы, петух с зернами, который, по обыкновению, неприлично себя вел, зеркало, и под столом я пугал девиц, дергая их за платье»[605].

Христос воскресе…

Важное место в череде обязательных процедурно-церемониальных мероприятий российских императоров занимало ежегодное христосование на Пасху. Эта древняя традиция издревле существовала при царском дворе. Христосовались и русские цари, и российские императоры. Однако во второй четверти XIX в. традиция претерпела существенные изменения. При Николае I в практику вошли так называемые христосования «с мужиками».

До 1830-х гг. монархи христосовались только с ближайшей свитой, однако при Николае I акценты были смещены. Традиция христосования со свитой сохранилась, но при этом церемония дополнилась христосованием с простыми людьми, окружавшими царя. Этот обряд должен был демонстрировать нерушимость триады «православие — самодержавие — народность». Видимо, данная традиция зародилась в конце 1830-х — начале 1840-х гг., когда отчетливо обозначилась национальная составляющая государственной идеологии николаевской эпохи. Можно предположить, что к изменению существовавших традиций царя подтолкнули события на Пасху 1839 г.

Празднование Пасхи в 1839 г. проходило особенно торжественно. Весной 1839 г. в Светлое Христово Воскресенье состоялось освящение восстановленного Зимнего дворца. Перед заутреней был проведен крестный ход по парадным залам. В Белой зале собрались ремесленники, которые в течение года восстанавливали дворец. Торжественная процессия двигалась между длинными рядами мастеровых, большей частью бородатых мужиков в кафтанах. После крестного хода для ремесленников были устроены богатые «разговены» на 3000 человек. Однако обычного христосования царя со свитой в ту ночь не было. Почему, мы можем только предполагать…

Но через несколько дней, во время развода гвардейских караулов в Михайловском манеже, Николай I по традиции перецеловался со всеми генералами и гвардейскими офицерами. За вечерней молитвой императрица целовалась, по обыкновению, с дамами. Возможно, именно тогда у царя зародилась мысль христосования «с мужиками». По крайней мере, точно известно, что в 1840-х гг. он христосовался с сотнями людей. Не только со свитой, но и со своими слугами и казаками охраны. После таких массовых христосований его щека становилась черной. Причем Николай Павлович христосовался не только сам, но и приучал к этому своих детей. Прецедент был создан и со временем превратился в традицию, которая сохранялась вплоть до 1917 г.

Во время народных христосований случались и скандалы. Французский художник О. Верне передал одну из дворцовых историй времен Николая I. Художник писал родным: «После богослужения император целуется с первым встречным. Обычно это часовой, стоящий у дверей. Несколько лет назад государь поцеловал гренадера Преображенского полка со словами: «Христос воскресе!», на что тот отвечал: «Никак нет!», он оказался евреем. С тех пор всех евреев перевели во флот, и в сухопутных войсках не осталось ни одного из них. Вот от чего зависит здесь судьба людей»[606].

Традиция христосований с прислугой и охраной сохранялась при Александре II. При Александре III эта практика была расширена. Наряду со слугами и охраной царь стал христосоваться с волостными старшинами и старообрядцами. Это вполне вписывалось в подчеркнуто народный облик царя-миротворца.

Детали процедуры массовых христосований реконструировались в период правления Николая II, который воспроизводил традиции царствования своего отца. В своих дневниках он зафиксировал и «рабочие объемы» христосований.

Как правило, процедура христосования занимала у царя от двух до четырех дней. 3 апреля 1895 г. он записал, что в несколько приемов христосовался «с военным начальством и нижними чинами» «своей» роты Преображенского полка, стоявшей в пасхальную ночь в карауле Аничкового

дворца. Это заняло час дорогого царского времени. На следующий день он христосовался с «егерями охоты», и 5 апреля состоялось христосование со старообрядцами.

Со следующего 1896 г. Николай II четко фиксировал «объемы проделанной работы». 23 марта — 288 человек. Он не указывал социальный статус людей, но, надо полагать, это была свита, поскольку христосование состоялось после церемонии большого выхода в Зимнем дворце. 24 марта — «со всеми людьми» в Малахитовой зале, и «почти 500 человек получили яйца». Под «всеми людьми» царь имел в виду придворную челядь. 26 марта состоялось «большое христосование» в Концертной зале с личной охраной — «со всеми фельдфебелями, вахмистрами и пасхальными караулами». В этом христосовании принимала участие и императрица. Надо заметить, что это была физически тяжелая процедура. Солдат охраны специально предупреждали не стричь усов, бород, чтобы не колоть царя во время поцелуев. Тем не менее щека царя и рука царицы распухали от бесчисленных «уколов» усами и бородами. Но это были особенности профессии… 27 марта состоялось последнее христосование с волостными старшинами и раскольниками, то есть представителями народа. Таким образом, в 1896 г. в три дня царь похристосовался, по меньшей мере, с тысячью подданных.

Со временем число людей, с которыми христосовался царь, увеличивалось. 28 марта 1904 г. Николай II в Большой церкви Зимнего дворца поцеловался с 280 чинами свиты. В этот же день состоялось первое «большое христосование» с придворной челядью (730 человек). На следующий день состоялось второе «большое христосование» в Концертной зале с нижними чинами охраны (720 человек). Таким образом, на Пасху 1904 г. Николай II троекратно поцеловал 1730 человек.

В 1905 г. эта процедура заняла три дня. 17 апреля Николай II похристосовался в течение часа почти с 600 придворными. На следующий день в Большой галерее Зимнего дворца «происходило христосование со свитой, военным начальством и воен[ными] учеб[ными] заведениями». В этот же день

царь христосовался с охраной (всего 960 человек), а 19 апреля — со старообрядцами. По меньшей мере, царь троекратно перецеловал 1600 человек.

В 1906 г. процедура происходила в Большом Екатерининском дворце. К этому времени сложился определенный порядок христосования. Первое «большое христосование» происходило с придворной челядью и чиновниками Министерства императорского двора (2 апреля 1906 г. — «600 с лишком человек»). Надо заметить, что царь работал как автомат, за 1 час 45 минут — более 600 человек. Следовательно, процедура индивидуального христосования (троекратный поцелуй и обмен пасхальными яйцами) занимала чуть более двадцати секунд.

Второе «большое христосование» происходило со свитой, начальством и нижними чинами охраны (3 апреля 1906 г. — 850 человек). Особенностью этого года, когда по всей стране полыхал пожар первой русской революции, было то, что христосование с народом не проводилось по соображениям личной безопасности царя, поскольку в это время на него начали целенаправленную охоту террористы.

Однако едва ситуация стабилизировалась, вернулась и традиционная практика христосования. В 1907 г. Николай II христосовался четыре дня. В первый день — со слугами (22 апреля — 700 человек). Во второй день — со свитой и офицерами подшефного императрице лейб-гвардии Уланского полка. В этой церемонии участвовала императрица Александра Федоровна, которая раздавала пасхальные яйца. В третий день царь христосовался «с военным начальством и с нижними чинами» охраны (24 апреля — почти 700 человек). И 25 апреля состоялось заключительное христосование с раскольниками и волостными старшинами. Интересно, что Николай II отмечал цифры только массовых церемоний и ни разу не указал, сколько присутствовало старообрядцев и волостных старшин. Можно с уверенностью предположить, что их было немного, не более двух-трех десятков. Но христосование с ними являлось очень важной частью праздника, поскольку символизировало не только единство царя и народа, но и религиозное единство страны.

В 1913 г. трехдневное христосование прошло по стандартной схеме. Со слугами — 720 человек. Со свитой, начальством и нижними чинами — 915 человек, а также со старообрядцами и волостными старшинами «трех здешних уездов». Последняя фраза примечательна. Следовательно, волостных старшин «брали» поблизости от императорской резиденции, и, видимо, это были одни и те же многократно проверенные люди.

Весну 1914 г. царская семья проводила в Крыму, в Ливадии. Несмотря на оторванность от столицы, процедура поздравлений на Пасху осталась без изменений. 6 апреля, после заутрени царь «христосовался со всеми в церкви». Со всеми — это со свитой. После обедни пошли разговляться в столовую. Легли спать в 3 часа ночи. Днем началось первое «большое христосование» — 512 человек. На следующий день состоялось второе «большое христосование» с охраной — 920 человек. Эта процедура продолжалась час, то есть на каждого человека уходило уже не более 15 секунд. Для того чтобы обеспечить такую скорость, нижние чины стояли строем вплотную друг за другом, а царь заученными движениями работал как заведенный. Для него это была тяжелая работа.

В 1915 г. Пасхальная служба проходила в Федоровском соборе Царского Села, который на время крестного хода красиво осветили бенгальскими огнями. Утром 22 марта началось христосование в Александровском дворце Царского Села со всеми придворными, которое продолжалось полтора часа. На следующий день — 23 марта Николай II христосовался в Большом дворце Царского Села со свитой, начальством округа и нижними чинами запасных батальонов шефских частей. Между них было много раненых и поправившихся от ран. 24 марта у царя состоялось последнее христосование со старообрядцами и волостными старшинами.

В апреле 1916 г. Николай II впервые встречал Пасху вне семьи. Поскольку с августа 1915 г. он являлся главнокомандующим русской армией, на него обрушилось множество дел, и к Пасхе в Ставке у него не оказалось традиционных подарочных яиц для жены и детей.

Даже после отречения Николая II от престола в 1917 г. традиция сохранилась. В апреле 1917 г. царская семья жила под арестом в Александровском

дворце Царского Села. Утром, после празднования Пасхи, перед завтраком, гражданин Романов христосовался со всеми служащими Александровского дворца (135 человек), а Александра Федоровна раздавала фарфоровые яйца, сохранившиеся из прежних запасов. Это было последнее христосование последней императорской семьи.

Дни рождения взрослых в императорской семье

Дни рождения членов императорской фамилии в царской России относились к так называемым высокоторжественным дням. В эти дни в храмах служились молебны, а в императорских резиденциях данные праздники обязательно отмечались. Уровень празднования дней рождения зависел от многих причин: положения в иерархической лестнице дома Романовых, состояния здоровья и даже особенностей характера. Конечно, самыми торжественными были дни рождения царствующих особ.

Николай I превратил празднование дня рождения своей жены в большой летний феерический спектакль. Тем более что день рождения императрицы Александры Федоровны — 1 июля совпадал с днем их бракосочетания. Как правило, день рождения императрицы отмечали в Петергофе, где в это время года обычно находилась императорская семья. Например, 1 июля 1832 г. этот праздник был отмечен вечерним феерическим балетом в саду Монплезира перед бьющими фонтанами, освещенными бенгальскими огнями[607]. Обильная иллюминация стала неотъемлемой частью представления.

Интересно, что ранее ежегодно 22 июля в Петергофе торжественно отмечалось тезоименитство вдовствующей императрицы Марии Федоровны, жены Павла I. Первый раз эта традиция была нарушена в 1818 г., когда праздник перенесли с 22 июля на 1 июля. Императрица Александра Федоровна вспоминала, что в 1818 г. «петергофский праздник, справляемый всегда 22 июля, был на сей раз отпразднован 1 июля, по случаю пребывания короля, моего отца»[608]. После воцарения Николая I эта практика закрепилась.

Американский посол, уезжая на родину в июле 1839 г., посетил для прощальной аудиенции Петергоф в один из высокоторжественных дней. Его, повидавшего всякое, поразил размах торжеств по случаю дня рождения императрицы: «Картина была совершенно волшебная и напоминала чудеса Аладдиновой лампы. Горело не менее 500 000 шкаликов, расположенных причудливыми фигурами. Было светло как днем; огни отражались в гладких озерах… ликующая двухсоттысячная толпа, наполнявшая все дорожки парка, расступалась перед нашей кавалькадой и теснилась к балаганам»[609].

Посол немного преувеличил, или ему попросту пустили пыль в глаза. По свидетельству более осведомленного мемуариста, чуть позже, в 1845 г., в день рождения императрицы в Петергофском парке впервые на деревьях в неимоверных количествах (до 52 тысяч) были развешены разноцветные стеклянные фонари в форме виноградных лоз. Для их изготовления были остановлены все работы на казенном стеклянном заводе[610].

Как водится, радостные события в жизни императорской семьи сопровождались высочайшими милостями. Поскольку 1 июля был женским праздником, то милости распространялись преимущественно на женскую половину. И милости эти иногда были очень весомые. Например, 1 июля 1845 г. бывшую воспитательницу царских дочерей статс-даму Ю. Ф. Баранову возвели «с потомством» в графское достоинство. Современники немедленно отметили, что это уже второй случай пожалования столь высокого титула придворной даме.

Первый подобный случай был связан с пожалованием графского титула воспитательнице сестер Николая I — госпоже Ш. К. Ливен. Затем ее пожаловали в княгини. Карьера княгини Ш. К. Ливен беспрецедентна, поскольку, будучи вдовой, «на воспитательном поприще» она последовательно получила два титула — графини и княгини. Кроме этого, помощница графини Барановой — фрейлина Акулова была награждена орденом Святой Екатерины. Это был первый случай пожалования фрейлине столь высокого ордена. Ранее орден Святой Екатерины вручался только придворным дамам, имевшим звание камер-фрейлин (графине Орловой-Чесменской и княжне Волконской)[611].

Мужские дни рождения отмечались гораздо скромнее. Эта традиция оформилась в период правления Николая I, подчеркнуто демонстрировавшего свой аскетизм. Например, в июне 1854 г. из-за начавшейся Крымской войны день рождения Николая I вообще не отмечался. Император просто провел вечер в кругу семьи[612]. Так же прошли и именины Николая Павловича 6 декабря 1854 г.: «Сегодня именины государя, но не было ни торжественного выхода, ни поздравлений. У обедни мы были в обыкновенных туалетах»[613].

Подарки мужчинам в царской семье были довольно скромными. Высоко ценились и приветствовались подарки детей, сделанные собственными руками. Да и для жен российских императоров считалось весьма приличным заниматься различными женскими рукоделиями. Например, вышиванием бисером. Для этого на женской половине имелись не только все необходимые аксессуары, но и различные специальные столики для рукоделий. Так, в молодые годы великая княгиня Александра Федоровна подарила мужу (будущему Николаю I) вышитые бисером домашние туфли, которые он носил до конца жизни[614].

Когда дни рождения императоров отмечались, то праздник являл собой сочетание традиционного утреннего торжественного выхода и развода полков на площадке перед дворцом. Затем следовали парадный обед во дворце и прием дипломатического корпуса. Завершалось торжество вечером «на площадке» перед Адмиралтейством, где звучала парадная «заря», которую исполняли две тысячи музыкантов[615]. Именно так было отмечено 55-летие Александра II в апреле 1873 г.

Примерно таким же образом проходили и другие дни рождения Александра II. К приведенному выше описанию можно только добавить утренние поздравления именинника всем наличным разросшимся семейством Романовых. В апреле 1876 г. Александра II поздравлял и его старший восьмилетний внук, одетый в казачью форму, будущий Николай II. В этот день великому князю Сергею Александровичу запомнилось, как отец вечером читал выдержки из камер-фурьерского журнала, посвященные кончине (!) императрицы Екатерины II[616].

Поскольку дни рождения царствующих особ являлись общегосударственными праздниками, для сановников и придворных это были обязательные присутственные дни, проходившие по определенному ритуалу. Например, день рождения супруги Александра III — императрицы Марии Федоровны отмечался ежегодно 14 ноября. Как правило, этот праздник проходил в Гатчине. За годы царствования Александра III сложилась стандартная, ежегодно повторяющаяся процедура празднования дня рождения императрицы.

14 ноября 1883 г. гости собрались на Варшавском вокзале Петербурга к 9.30 утра, к отходу экстренного поезда до Гатчины. Приглашенные должны были прибыть в Гатчинский дворец к 10.30, поскольку в 11.00 начинался высочайший выход в церковь Гатчинского дворца. Для сбора каждой из категорий гостей отводилось свое помещение. Так, в Тронном зале собирались свитские дамы (12 человек) и супруги бывших адъютантов его величества (9 человек). В Белом зале — члены Государственного совета, министры и военная свита его величества. В Чесменской галерее — офицеры Кавалергардского (45 человек) и лейб-гвардии Кирасирского полков (35 человек), офицеры Сводной роты почетного конвоя и Собственного конвоя его величества (28 человек). Выбор помещений был продуман. Парадные залы Гатчинского дворца невелики по размерам. Поэтому только в Белом зале могли собраться вместе 33 члена Государственного совета, 14 министров и 48 генерал-адъютантов. Всего же на день рождения императрицы с учетом «высочайших особ» (23 человека) и «прочих особ» (53 человека) собиралось более 300 человек[617].

После церковной службы все гости приглашались на так называемый фриштик. Так по традиции, сложившейся еще в XVIII в., называли завтрак. Меню к завтраку печаталось на французском языке. После завтрака мужчины могли поиграть в бильярд, а женщины общались или «пудрили носики». Затем начинался танцевальный вечер в Арсенальном зале. Он открывался официальной частью, во время которой духовой оркестр исполнял марш «синих» кирасир, чьим шефом была императрица Мария Федоровна. Исполнялся также «Марш ее величества», сочиненный композитором Лумби.

При Николае II празднование дня рождения императрицы Александры Федоровны проходило значительно скромнее. В этом сказывалась разница характеров двух императриц. Если Мария Федоровна никогда не отказывалась от превращения даже личных событий ее жизни в официальные действа, то Александра Федоровна с самого начала царствования всячески избегала публичности. Можно сколько угодно говорить об особенностях ее характера, но публичность императрицы была частью ее профессии, следовательно, Александра Федоровна пренебрегала своими профессиональными обязанностями.

23 апреля 1897 г. в Полукруглом зале Александровского дворца в Царском Селе отмечался день рождения императрицы Александры Федоровны. Это был не семейный праздник, а придворная церемония, со своим ритуалом, расписанным по часам. Праздник открыл в 9.25 утра хор Финского общества пения «Lieder-Taffel», который исполнил серенаду под окнами комнат Александры Федоровны. Вместе с ними до 9.40 исполнял любимые произведения императрицы Придворный хор. В 11.00 в одном из дворцовых залов началась Божественная литургия. В 12.25 близкие родственники были приглашены к императорскому завтраку. Столы для самых близких (всего 30 кувертов, задействовано 28) накрывались в Полукруглом зале Александровского дворца. Эти 30 кувертов были размещены на трех круглых столах, по 10 кувертов на каждом. В середине каждого стола располагались корзины со свежими цветами, на четырех серебряных блюдах поданы конфеты, бисквиты, фрукты и свежая земляника. Рядом, в Портретном зале стоял стол с закусками. В ходе завтрака гостям подавали различные вина (Мадера № 3; Rudesheimer Berg-Rizling 1884 г.; Leoville 1874 г. и отечественное шампанское). На горячее предлагались суп из сливок со спаржей, пироги «гатчинские», форель «по-американски», отбивные из баранины, филе молодой утки, фаршированное свежим горохом. На десерт были персики. В завершение завтрака на балконе Александровского дворца пили кофе и шоколад.

К началу XX в. традиции празднования дней рождения были буквально отлиты в бронзе. Экспромтов и импровизаций не допускалось по определению. В день своего 45-летия (6 мая 1913 г.) Николай II записал в днев-

нике: «Странно делается при мысли, что мне минуло 45 лет! Погода была дивная. К сожалению, Аликс себя чувствовала скверно и оставалась дома целый день. В 11 час. поехал за Мама́ во дворец. Обедня, поздравления и большой завтрак, все по-старому. Только и разница, что были все дочери». Примечательно, что, когда собиралась вся родня, Александра Федоровна немедленно «заболевала» и под этим предлогом не выходила из своих комнат даже в день 45-летия своего мужа.

Личность каждого человека многогранна. Естественно, при разработке психологического портрета кого-либо из первых лиц страны очень важны различные мелочи, позволяющие высветить как достоинства, так и недостатки того или иного человека.

К таким мелочам повседневной жизни Николая II можно отнести и уникальный «Ювелирный альбом» царя. На протяжении всей жизни цесаревич, а затем император Николай II регулярно получал в качестве подарков различные ювелирные изделия. Как правило, различные мужские мелочи — запонки, галстучные булавки, цепочки для часов и т. д. Царь хранил эти дорогие для него вещицы в специальном сундучке, обшитом изнутри вельветовой тканью. К сундучку прилагался специальный альбом, в который царь лично зарисовывал эти украшения, сопровождая рисунки краткими комментариями. Альбом этот он заполнял на протяжении 25 лет — с 1 января 1889 г. по 1913 г. Рисунки выполнялись акварелью, и их качество было достаточно высоким. На любительском уровне царь действительно неплохо рисовал. Всего в альбоме оказалось 305 номеров. Последний подарок под этим номером преподнесли царю 26 мая 1913 г. принц ганноверский Эдуард Август и принцесса Виктория-Луиза, дочь Вильгельма II, по случаю их бракосочетания[618].

Хотя на самом деле предметов было куда больше, чем 305. Регулярно царь одним рисунком изображал целую группу идентичных ювелирных изделий. Каждый рисунок сопровождали краткое пояснение и обозначение места дарения.

Преподнесенные вещицы были изготовлены в модном тогда стиле art nouveau, который известен в России как стиль модерн. В небольших ювелир-

ных украшениях присутствовали характерные для этого стиля растительные мотивы. Вещи создавали лучшие европейские и российские ювелиры — К. Фаберже, А. Картье, К. Бланк, соответственно, представлявшие различные ювелирные школы — французскую, дармштадтскую и русскую.

Присутствовала и определенная символика подарков. Были изделия в виде сердца, иногда с инициалами имен членов семьи как символа любви и семейного счастья. Встречались изделия в форме подков — символа удачи, с изображением волшебной птицы Сирин, которая считалась в России символом доброго предзнаменования. На Пасху дарились запонки и булавки в виде пасхальных яиц, на тезоименитство — с изображением святого Николая Чудотворца, на годовщины коронации — с символами царской власти. Камням издавна приписываются определенные мистические свойства. Николаю II чаще всего дарили сапфиры. Сапфир считается камнем тельца, под знаком которого 6 мая родился император.

Среди этой символики несколько раз встречалась и свастика. Ее изображение в древней Индии считалось символом вечного возрождения и часто использовалось в Европе XIX в. как элемент ювелирных изделий или архитектурного декора. Именно свастику «на счастье» нарисовала императрица Александра Федоровна на косяке двери в Ипатьевском доме перед расстрелом в июле 1918 г.

Вредные привычки

Вредные привычки российских императоров и их ближайших родственников никогда не выходили за рамки относительной нормы. Они курили, пили очень в меру, волочились за женщинами в пределах разумного. Самой распространенной вредной привычкой среди императоров было курение.

Из российских императоров XIX в. не курили только Александр I и Николай I. Все остальные были завзятыми курильщиками и курили практически всё: трубки, сигары, сигареты и пахитоски.

Изображать курящих императоров на картинах или акварелях было не в традициях.

Николай I не курил. При этом он и не пил. Однако, лояльно относясь к питию спиртного в своем присутствии, он совершенно не выносил курения поблизости от него. Это было отлично известно окружению императора, и в его присутствии свита воздерживалась от курения.

Более того, при Николае Павловиче были введены суровые законы, связанные с курением. С 17 июля 1839 г. запрещалось курить на улицах и площадях[619]. Это было связано не с антипатией царя к курильщикам, а с реальной опасностью больших городских пожаров. Впоследствии при Николае Павловиче принимались и другие антитабачные законы. В 1848 г. в «Табачный устав» было внесено положение, согласно которому запрещалось курение в общественных местах и даже на улице. Нарушение наказывалось крупным денежным штрафом.

Периодически боролись с курением и при императорском дворе. Еще при Елизавете Петровне вышел указ (9 января 1749 г.), запрещавший употребление нюхательного табака во время церковных служб в императорских дворцах: «Ее Императорское Величество изволила указать именным Своего Величества указом обретающимся при дворе Ее Императорского Величества кавалерам и фрейлинам и прочим чинам без изъятия объявить Свой Императорского Величества указ, дабы никто в придворных церквах во время отправления службы Божией, стоящих как внутри, так и в близости и вне церкви, в первых комнатах от церкви, в которых стоят для слушания божественного пения, табаку отнюдь не употреблял, а ежели за тем Ее Императорского Величества указом в противность оному табак будет кто употреблять, у таковых табакерки отбирать камер-лакеям и лакеям, кто таковые усмотрит, и обратно их не отдавать, а тому, у кого за приемы или употребление такого табаку табакерки требованы будут, отдавать без всякого спору, дабы, опасаясь того, охотники употреблять табак в таковое божественной службы время могли воздержаться… А у кого табакерки ими отобраны будут, в Придворную контору рапортовать»[620].

Следует отметить, что на протяжении XVIII — начала XIX в. обычай нюханья табака был весьма распространен не только среди придворных

кавалеров, но и придворных дам. Да и сама Екатерина II постоянно имела при себе табакерку. При этом императрица нюхала табак, используя для этого левую руку, на которой и оставались желтые следы, правая же рука предназначалась только для поцелуев.

Видимо, традиция использования нюхательного табака сохранялась вплоть до середины XIX в., поскольку Николай I был вынужден фактически продублировать указ Елизаветы Петровны (28 апреля 1847 г.) «о неупотреблении табаку в церквах во время отправления службы».

Во второй половине XIX в. настали новые времена, отношение к курению радикально изменилось. Дело было связано не только с либерализацией общественных отношений, но и с тем, что Александр II курил сам, как курили и все его сыновья.

В результате в 1860 г. была разрешена продажа раскурочного табака, папирос и сигар. В 1865 г. официально легализовано курение на улицах. 4 июля 1865 г. было разрешено курить на улицах Петербурга. Запрет сохранялся только для солдат и матросов. Кроме того, запрещалось курение табака «на тротуаре, облегающем Зимний дворец».

В мемуарной литературе не осталось каких-либо подробных эпизодов, связанных с курением Александра II, кроме констатации самого факта. Можно отметить только, что император предпочитал именно сигары.

Александр III унаследовал привычку своего отца и также предпочитал сигары и папиросы. Иногда он пользовался мундштуком. При Александре III в повседневный обиход широко вошла фотография, однако при этом до нас дошло очень мало семейных снимков курящего императора — это по-прежнему было признанным табу.

В рабочих кабинетах императора имелось все необходимое для комфортного курения. Кабинет Александра III находился на втором этаже Аничкова дворца и был расположен так, что часть окон выходила в сад, а часть — на Невский проспект. На письменном столе Александра III стояла «фигура пожарного, держащего факел, об этот факел зажигал он свою папироску. Курил он большей частью папиросы, которые впоследствии стал ему доставлять султан. Курил иногда и сигары, но был бережлив и почти никогда

сигарами не угощал»[621]. Следует отметить, что курила и императрица Мария Федоровна. Однако, разумеется, ни одного снимка курящей императрицы до нас не дошло.

Но самым заядлым курильщиком являлся Николай II. Курил он преимущественно папиросы, набитые первоклассным турецким (египетским) табаком. В списке императорских поставщиков с 1895 г. значились два человека — подданные Османской империи, специализировавшиеся на поставках табака для российского императора.

Поскольку Николай II был завзятым курильщиком, до нас дошло множество фотографий, на которых царь запечатлен с папиросой в руке. Мемуаристы оставили описания того, как собственно происходил процесс курения при императорском дворе.

Особенно много таких воспоминаний относится к 1915–1916 гг., когда Николай II принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего и стал более открыт и доступен для повседневного общения.

Протопресвитер отец Шавельский вспоминал: «В конце завтрака, как и обеда, государь обращался к гостям: «Не угодно ли закурить?» И сам первый закуривал папиросу, вставив ее в трубку (или в мундштук) в золотой оправе, которую всегда носил в боковом кармане гимнастерки»[622].

Один из генералов ставки воспроизвел эту процедуру гораздо подробнее: «К концу обеда государь вынимал из портсигара папиросу, затем доставал из-за пазухи своей серой походной рубахи пеньковый, коленчатого вида мундштук, медленно и методично вставлял в него папиросу, закуривал ее и затем предлагал курить всем. Сигар не курили, так как государь не выносил их запаха.

Я никогда не видел, чтобы государь предлагал свои папиросы другим лицам. Он, как большой курильщик, видимо, очень дорожил своим запасом табака, который ему доставлялся из турецких владений в виде подарка от султана. Так как мы были в войне с Турцией, то, очевидно, приходилось быть экономным.

«Я очень рад, — шутил император Николай, — что новый запас табака был мне привезен в Крым от султана незадолго до начала войны, и, таким образом, я оказался в этом отношении в довольно благоприятных условиях».

Период курения после еды был очень длителен и утомителен для не куривших, так как государь не спеша выкуривал за столом не менее двух-трех довольно больших и толстых папирос»[623]. Этот же мемуарист уточнял, что «первую папиросу он курил, жадно втягивая в себя дым, и, докурив до половины, нервными толчками тушил ее…Тотчас закуривал вторую, которую и выкуривал до конца».

Курила и императрица Александра Федоровна. Судя по воспоминаниям, до 1905 г. она не курила, но «во время революции приохотилась к папиросам»[624]. Поскольку ее здоровье оставляло желать лучшего, императрица неоднократно пыталась бросить курить. В одном из писем к мужу в апреле 1915 г. она упоминала, что нездоровье заставило ее попытаться отказаться от курения. В августе 1915 г. она снова упоминала в письме, что «пост состоит в том, что я не курю, — я пощусь с самого начала войны и люблю ходить в церковь»[625]. Однако отказаться от курения было не слишком просто, в ноябре она писала Николаю: «Я себя скверно чувствую, так что даже несколько дней не курила»[626].

Граффити на стекле

Говоря о повседневной жизни российских императоров, следует упомянуть еще об одной традиции, которая сохранялась в семье на протяжении нескольких поколений. Речь идет о граффити на стекле. Это был способ запечатлеть то или иное важное событие. Вообще, с фиксацией различных событий никаких сложностей не существовало, поскольку российские императоры добросовестно вели дневники. Кроме того, их действия тщательно фиксировали камер-фурьерские журналы. В случае же с граффити была важна именно сиюминутная *личная фиксация* события. Технически всё обстояло очень просто — несколько слов, дата или фраза выцарапывались на стекле бриллиантом. Иногда об этой надписи становилось известно многим, иногда о ее существовании знали только авторы. К сожалению, стекло — очень хрупкий материал, а Зимний дворец и другие императорские резиденции пережили не одну войну.

Одно из самых ранних свидетельств граффити — надписи на оконном стекле датского дворца Фриденсборг. В сентябре 1864 г. наследник-цесаревич Николай Александрович и датская принцесса Дагмар объяснились в любви. В память об этом событии на одном из окон дворца они выцарапали надписи «Nix» и «Dagmar». После того как в апреле 1865 г. цесаревич умер, невеста «перешла» к младшему брату — Александру. Когда в мае 1866 г. будущий Александр III прибыл в Данию для сватовства к той же Дагмар, его поселили в комнатах, где всего два года назад жил его любимый старший брат. В этих комнатах он и обнаружил выведенные на стекле надписи. После удачного завершения сватовства Александр решил повторить «опыт» старшего брата и предложил невесте оставить на стекле их имена[627]. Можно предположить, что окна Фриденсборга по сей день украшают четыре имени — двух русских цесаревичей и дважды одной Дагмар…

Другая дошедшая до нас история связана с романом цесаревича Николая и гессенской принцессы Аликс. Во время их второй встречи в 1889 г. они оставили свои имена на стекле одного из окон Коттеджа в Петергофе. Тогда цесаревичу был 21 год, а его будущей жене — 17 лет. История их граффити имела продолжение. В 1896 г. император Николай II и императрица Александра Федоровна отправились в первый заграничный вояж. В ходе путешествия они навестили родину императрицы, заехав в Дармштадт. И во дворце, в котором выросла девочка Аликс, они вновь оставили свои имена, вырезанные бриллиантом на одном из «гостевых окон». Дело в том что в дармштадтском дворце существовало окно, на стекле которого из десятилетия в десятилетие все значимые гости оставляли автографы.

Прошли годы. Постоянной резиденцией императорской семьи вновь стал Зимний дворец. И в 1902 г., стоя у одного из окон дворца, императрица Александра Федоровна вырезала на стекле ничего не значащие для посторонних слова: «Ники смотрит на гусар».

Как это ни удивительно, несмотря на революцию 1917 г., пожары Гражданской войны, ремонты дворца и страшную блокаду, стекло с надписью уцелело. И сегодня мы, проходя по залам, можем приподнять завесу тайны и словно наяву увидеть руку императрицы, вырезающую на стекле эту малопонятную для нас надпись.

Материальное обеспечение императорской фамилии

Российский императорский двор справедливо считался одним из богатейших монархических дворов Европы. Неисчислимые ресурсы бескрайней России и положение абсолютных монархов позволили Романовым накопить огромные богатства. Однако «денег много не бывает», и наряду с колоссальными доходами привычная роскошь императорского двора требовала астрономических расходов. Периодически российские монархи, как самые обычные люди, сталкивались с проблемой отсутствия денег. Поэтому деньги считали, причем особенно тщательно считали те деньги, которые шли на личное потребление членов императорской фамилии. Разграничение финансов на государственные и личные отчетливо обозначилось еще при Петре I, но окончательно оформилось только в конце XVIII в.

5 апреля 1797 г. Павел I распорядился выделить из государственных владений часть недвижимых имений («из числа состоящих в государственной собственности»), и появились так называемые *удельные доходы*. Эти доходы предназначались исключительно для содержания членов императорской фамилии. И это были огромные денежные средства. С 1797 по 1897 г. из них было потрачено 236 308 791 рубль.

Павел I разделил императорскую семью на две основные категории. К первой он отнес тех членов императорской фамилии, кто имел «по первородству право к заступлению места наследника престола». Ко второй категории — всех тех, кто не имел прав на престол «по отдаленности их первородства, пока не пресечется поколение старших». Первым личное содержание выплачивалось из государственных сумм, то есть из Государственного казначейства, вторым — из удельных. Естественно, это содержание было разным.

В результате данного решения Павла I личные доходы российских императоров, вплоть до Николая II, стали складываться из трех источников. Во-первых, это были ежегодные ассигнования из средств Государственного казначейства на содержание императорской семьи. При Николае II эта сумма достигла 11 000 000 рублей. Во-вторых, это доходы от удельных земель. В-третьих, проценты с капиталов, хранившихся в английских и германских банках[628].

Конкретные суммы на содержание были регламентированы Павлом I в 1897 г. Четвертая глава «Учреждения об императорской фамилии» так и называлась — «О содержании членов императорского дома».

Царствующей императрице выделялось 200 000 рублей в год плюс суммы на содержание ее двора. На содержание детей царя до совершеннолетия — по 33 000 рублей в год. На наследника-цесаревича давалось 100 000 рублей. На супругу наследника — 50 000 рублей в год, при возможном вдовстве — пенсия в 100 000 рублей и содержание ее двора. Детям наследника до совершеннолетия — по 20 000 рублей в год на каждого.

Четко прописывались суммы приданного капитала. Дочерям и внукам императора по прямой нисходящей линии — по 1 000 000 рублей. Правнукам и праправнукам — по 100 000 рублей. Происходящим от праправнуков императора — по 30 000 рублей. Еще раз отметим, что финансирование царствующей императорской семьи (первая категория) шло из средств Государственного казначейства, всех остальных (вторая категория) — из удельных сумм.

Определение суммы содержания каждого представителя императорской фамилии, поступавшей из государственного бюджета, — дело довольно

деликатное. С одной стороны, существовала традиция, которая требовала поддержания привычной роскоши российского императорского двора, с другой — были и инфляция, и различные сложные жизненные коллизии в самой семье, которые вызывали настоятельную необходимость траты весьма крупных сумм. Так или иначе, при Николае Павловиче сложился определенный порядок финансирования императорской семьи, который не менялся вплоть до конца XIX в.

По закону смета Министерства двора должна была рассматриваться в Государственном совете «на общем основании». Однако на практике эти расходы фактически определялись в результате консультаций между министром императорского двора и министром финансов. При этом за министром императорского двора оставалось последнее слово. После определения контрольной цифры Государственный совет просто принимал сумму, которую сообщал ему министр финансов.

Однако в 1897 г. этот привычный порядок был изменен. После того как в 1897 г. министром императорского двора стал В. Б. Фредерикс, он сообщил министру финансов С. Ю. Витте высочайшее повеление, по которому устанавливался новый порядок финансирования царской семьи. Согласно указаниям Николая II, новый порядок предполагал, что министр императорского двора составляет смету и представляет ее на утверждение Николаю II. После этого утвержденная многомиллионная сумма сообщается министру финансов, который вносит ее *без обсуждения* в Государственном совете в государственный бюджет. С. Ю. Витте подчеркивал, что Николай II пожелал, чтобы «сие высочайшее повеление не распубликовывалось, дабы не возбудить толков, а чтобы при кодификации законов, то есть печатании нового издания, были соответственно изменены соответствующие статьи». Следует отметить, что в этом решении Николая II явно просматривалась рука его супруги — императрицы Александры Федоровны, которая стремилась поставить все финансовые потоки семьи под свой жесткий контроль.

Время подтвердило прозорливость и практицизм Павла I. Императорская семья разрасталась, и к концу XIX в. его потомство составило 246 человек, а с супругами — 316. И всех необходимо было достойно

обеспечить. Естественно, суммы расходов на содержание императорской фамилии постоянно росли. Так, наименьший расход пришелся на XVIII в. — 560 000 рублей, наибольший на 1891 г. — 6 172 185 рублей. В среднем в год тратилось порядка 2 363 000 рублей[629].

Основными статьями, кроме расходов «на жизнь», были траты на строительство, путешествия, вступление в брак и совершеннолетие.

По сложившейся к середине XIX в. традиции великие князья отправлялись в путешествия по достижении совершеннолетия. Как правило, организовывались два масштабных вояжа. Первый — по России. Предполагалось, что будущий монарх должен познакомиться с огромной страной и народами, ее населяющими. Этой поездкой, как правило, завершалось образование наследника.

Существовали определенные параметры материального обеспечения подобных путешествий. Так, в период правления Николая I из удельных сумм выделялось 5000 рублей на каждый месяц поездки по России, а в случае путешествия с супругами или семейством — 7143 рубля ежемесячно.

Второй вояж предпринимался в Европу. Как правило, во время этой поездки цесаревич подбирал себе невесту. Поскольку цесаревич представлял весь российский императорский двор, то и расценки были значительно выше. Так, путешествие за границу одного члена императорской фамилии обходилось казне в 7143 рубля ежемесячно. Во время путешествия с семьей сумма удваивалась.

Имелись и другие жестко регламентированные расходы. Например, для подготовки младенческого белья из казны отпускалось 8000 рублей, а родители очередного великого князя или княжны получали «за труды» по 18 000 рублей каждый. Следовательно, только рождение младенца, входившего в состав императорской семьи, обходилось казне в среднем в 44 000 рублей[630].

Кроме того, значительные суммы уходили просто «на жизнь». Ежегодно Министерство двора составляло бюджет предполагавшихся доходов и расходов на основе прецедентов и сумм, затраченных на содержание двора в предыдущем году. Например, к 1 января 1869 г. реальные расходы по

придворной конторе составили 2 718 812 рублей. В числе самых крупных расходных статей можно упомянуть параграфы: § 1. На содержание личного состава по ведомству придворной конторы — 274 682 рубля; § 8. На стол их величеств со свитою, на продовольствие — 464 202 рубля; § 9. На покупку водок, вин и питий — по смете планировалось истратить 60 000 рублей, реально было потрачено только 43 294 рубля; § 12. Отопление — по смете 173 650 рублей, реально — 173 567 рублей; § 13. Освещение — по смете 107 382 рубля, реально — 122 993 рубля. На достаточно взрослых «августейших» детей Александра II планировалось истратить по смете 130 614 рублей, однако на детях «сэкономили», потратив 113 279[631]. Таким образом, только императорский стол обходился казне ежегодно в полмиллиона рублей. И хотя соответствующие службы Министерства императорского двора пытались сокращать расходы, но по отдельным статьям они все равно превышали плановые суммы (на освещение перерасход составил более 15 000 рублей).

Своеобразные промежуточные «финансовые итоги» подводились в духовных завещаниях российских императоров и императриц. Промежуточные — потому что духовные составлялись царствующими особами задолго до смерти. Так, императрица Мария Александровна в мае 1868 г., за двенадцать лет до смерти, распорядилась своей собственностью. Согласно завещанию императрицы ее недвижимость переходила:

- дача Коттедж в парке Александрия (перешла в собственность Марии Александровны 8 марта 1861 г. после смерти жены Николая I — императрицы Александры Федоровны) близ Петергофа отписывалась невестке — цесаревне Марии Федоровне;
- имение Ливадия[632] в Крыму — наследнику цесаревичу Александру Александровичу;
- подмосковное имение Ильинское[633] отходило к дочери императрицы — Марии Александровне, но только при условии, что она, выйдя замуж, останется жить в России. В завещании оговаривалось, что в случае ее отъезда за границу это имение должно отойти Сергею Александровичу, а в случае его смерти без потомства — к Павлу Александровичу.

В завещании перечислены и капиталы императрицы: *собственный* капитал — шесть 5% билетов Госбанка в 150 000 рублей серебром; *экономический* капитал — билеты Государственной комиссии погашения долгов, разных займов, по билетам 5% внутреннего займа с выигрышами и другие процентные бумаги — 150 000 рублей серебром; *неприкосновенный* капитал — 42 000 рублей, посвященный умершей дочери Александре, и *севастопольский* капитал — 150 000 рублей[634]. Примечательно, что эти деньги держались в ценных бумагах, приносящих доход в виде процентов. Кроме указанных средств российские императрицы обладали значительными коллекциями ювелирных изделий, которые педантично распределялись между наследниками.

А. В. Адлерберг

Окончательные итоги финансового положения семьи подводились после смерти царствующего императора. При смене императоров происходила «инвентаризация» всего имущества семьи, в том числе и финансов. При этом надо учитывать, что за весь период существования Министерства императорского двора сменилось только пять министров. Все без исключения руководители Министерства двора были личными друзьями российских императоров. И все они были безупречными в моральном отношении людьми. По крайней мере, в той части, что касалась их службы.

При восхождении на трон Александра III уходящий министр императорского двора А. В. Адлерберг в марте 1881 г. составил записку «Финансовое положение Министерства императорского двора», в которой констатировал, что финансовая ситуация в министерстве кардинальным образом улучшилась. Из записки мы узнаем, что до середины 1860-х гг. финансовое положение министерства было весьма сложным. Как писал А. В. Адлерберг:

«По Министерству императорского двора не было никаких капиталов, и экстренные и строительные расходы предыдущего года по недостаточности для сего наличных сумм уплачивались из средств открытия экстраординарных кредитов или же относились на счет заключаемых займов и даже на собственные суммы… Александра II»[635]. Столь тревожное положение заставило провести некоторые преобразования. В частности, с 1 января 1864 г. начала действовать единая касса Министерства императорского двора, через которую проходили все денежные потоки.

Финансовое положение на начало 1864 г. было следующим. При введении единой кассы оказалось, что Министерство двора располагает капиталом в сумме 2 225 000 рублей, который складывался из капиталов, принадлежащих: высочайшим особам — 382 184 рубля; Кабинету, Капитулу орденов и прочим, имеющим особое назначение, — 1 472 716 рублей; разным обществам и частным лицам — 370 100 рублей.

Долги же к 1864 г. по Министерству двора доходили до 1 200 000 рублей. А если учесть, что долги по Кабинету его величества доходили до 1 800 000 рублей, то их общая сумма составляла порядка 3 000 000 рублей.

При этом, несмотря на тяжелое финансовое положение, в первой половине 1860-х гг. наметилась тенденция к некоторой стабилизации. В первую очередь, старались стабилизировать финансовое положение тех придворных структур, которые были связаны с материальным обеспечением царя. Например, с 1858 до 1863 г. дефицит по Кабинету его императорского величества достигал огромной суммы в 2 002 400 рублей. К 1863 г. дефицит по Кабинету удалось сократить до 280 401 рубля. Однако в целом по Министерству двора неудовлетворенных кредиторов оставалось на сумму в 673 000 рублей.

Столь тяжелое финансовое положение, связанное с отсутствием свободных средств, привело к высочайше одобренному решению, по которому «для покрытия комнатных расходов» был взят очередной заем на сумму в 493 720 рублей. Собственный капитал Александра II также поступил в кассу Министерства императорского двора из Кабинета в сумме 358 877 рублей[636].

В 1860-х гг. тенденция к финансовой стабилизации продолжала развиваться. При назначении А. В. Адлерберга в апреле 1870 г. министром

двора финансовое положение министерства было следующим. По министерству оставалось долгов — 592 719 рублей; по Кабинету его величества — 1 521 511 рублей. То есть за пять лет сумму долга удалось уменьшить почти на миллион рублей. Сбережения за 1869 г. по Кабинету составили 194 331 рубль. Оставалось всех капиталов (за исключением собственного) до 12 000 000 рублей. Собственный капитал Александра II составлял 2 216 457 рублей. Как мы видим, в последнем показателе изменения особенно разительны. Собственный капитал царя увеличился с 358 877 рублей (1864) до 2 216 457 рублей (1870).

Финансовая ситуация окончательно стабилизировалась за 1870-е гг. В результате к 1 апреля 1880 г. по Министерству императорского двора и Кабинету его величества были погашены все долги, неудовлетворенных кредиторов не оставалось, и оказалось сбережение по суммам за 1879 г. — 1 151 731 рубль. Кроме того, образовались капиталы (за исключением собственного) до 40 000 000 рублей. Собственный капитал Александра II к апрелю 1881 г. составил 12 470 000 рублей.

Из этого капитала по высочайшему повелению 2 июня 1880 г. было выделено 1 025 662 рубля на сооружение новой больницы в Петербурге в память императрицы Марии Александровны. К 1 марта 1881 г. собственный капитал с процентами составил 11 739 321 рубль.

Структура финансов Министерства двора представлена в «Списке капиталов», составленном А. В. Адлербергом. Отчитывался министр прежде всего за личные семейные накопления, которые именовались *специальными капиталами* императорской семьи:

1. особый, Александра II — 3 337 251 рубль 72 копейки (по особому повелению в сентябре 1880 г. внесен на хранение в Государственный банк);
2. собственный, великой княгини Марии Александровны — 1 000 000 рублей;
3. особый, его императорского величества — 878 250 рублей;
4. общий оборотный — 2 148 965 рублей;
5. депозитный — 2 012 150 рублей;
6. «приданный» особ императорской фамилии — 1 463 772 рубля;

7. оборотный горнозаводской — 7 761 045 рублей;
8. ликвидационный (неприкосновенный) — 3 108 133 рубля;
9. выкупной — 272 689 рублей;
10. Петровского острова — 25 200 рублей;
11. экстренный — 324 940 рублей;
12. запасной МИДв для особых расходов — 2 604 961 рубль;
13. запасной депозитный Кабинета — 650 000 рублей;
14. недвижимостей — 686 244 рубля;
15. имений Кабинета — 4 386 966 рублей;
16. неприкосновенный, для покупки бриллиантов — 338 262 рубля;
17. на уплату долгов горных заводов — 1 389 619 рублей;
18. особый экстраординарный — 7 556 335 рублей.

Итого: 39 944 782 рубля 72 копейки.

По другим источникам, общие оборотные капиталы в кассе Министерства императорского двора к 1 января 1881 г. составляли:

1. по счету общих средств — 3 662 582 рубля 25½ копеек;
2. по счету специальных средств — 43 411 128 рублей 30½ копеек;
3. по счету депозитов — 17 652 585 рублей 23¾ копейки.

Итого 64 726 295 рублей 79¾ копейки[637].

Таким образом, одной из главных задач министерства на протяжении длительного времени было стремление стабилизировать финансовое положение императорского двора. Очень большую роль в этом процессе играло личное отношение царя к финансам.

Пожалуй, самым «лично экономным» из российских императоров был Александр III. Сохранилось множество историй, рисующих его простоту, переходящую в прижимистость. С. Ю. Витте поведал о заштопанных панталонах императора, о клиньях, вшитых в его брюки, и прочем. Император в своем стремлении сократить расходы на содержание двора подчас обращал внимание на такие мелочи, о которых его предшественники постеснялись бы даже упоминать. Так, генерал Н. А. Епанчин в воспоминаниях привел

следующий колоритный эпизод: «Александр III был весьма бережлив в расходовании народных денег, и его внимание привлекали даже небольшие расходы в придворном обиходе. Так, государь обратил внимание на значительное количество фруктов, конфет и вообще угощения во время приемов во дворце. Иногда приглашенных было немного, а расход на угощение выводился очень большой. Государь как-то в беседе с К. П. Победоносцевым упомянул, что по случаю небольшого приема, бывшего недавно во дворце, было показано в счете гофмаршальской части множество фруктов, конфет и прочего, но, разумеется, гости не могли уничтожить все это количество. Особенно государь обратил внимание на расход фруктов, считая, что едва ли гости могли съесть по нескольку штук. На это Победоносцев объяснил государю, что такой расход возможен. Так, например, он сам съел один апельсин, но взял с собою другой и грушу для Марфиньки — его приемной дочери. Многие гости так делают, привозя детям из дворца какое-нибудь лакомство, — как бы царский подарок. Государь не знал этого обычая и успокоился»[638].

Для Александра III были характерны бережливость в расходах, стремление закрепить старое, нелюбовь к радикальным новшествам. В. С. Кривенко привел ряд характерных царских резолюций. Так, по поводу устройства калориферного отопления в некоторых комнатах Гатчинского дворца Александр III отметил: «Для чего? Я не понимаю, отопление отличное и чудная тяга!» По поводу обновления меблировки Зимнего дворца: «По-моему, не нужно»[639].

Однако личная бережливость царя наталкивалась на многолетнюю традицию расходования средств, отпускаемых на содержание императорского двора. Поэтому следует признать, что, несмотря на клинья, вшитые в штаны Александра III, общая сумма, отпускавшаяся казной на содержание царского двора, постоянно увеличивалась. Если в начале его правления в 1881 г. бюджет императорского двора составил 9 154 000 рублей, то в 1884 г. эта сумма достигла 10 560 000 рублей. Эта тенденция продолжала развиваться, и к 1917 г. затраты на содержание двора достигли 17 000 000 рублей[640].

К Александру III, как и ко всем его предшественникам, за материальной помощью обращалось множество людей. В том числе и виднейшие представители творческой элиты России. Широко известно, что Александр III любил музыку П. И. Чайковского, и великий композитор знал об этом. Буквально через полтора месяца после воцарения Александра III композитор через К. П. Победоносцева обратился к царю с просьбой о материальной поддержке[641]. В результате Александр III распорядился выдать композитору 3000 рублей, указав, что «эти деньги он может не возвращать»[642]. Также он оказал помощь драматургу А. Н. Островскому: «Через несколько дней состоялся высочайший указ о назначении драматургу, губернскому секретарю Александру Николаевичу Островскому пенсии в 3000 рублей в год»[643]. Поддерживал император и Ф. М. Достоевского.

При этом не следует считать, что деньги раздавались направо и налево всем достойным людям. Такая финансовая поддержка была скорее исключением, чем правилом. Чиновник Министерства императорского двора вспоминал: «Сколь мог я понять психологию высших распорядителей земных благ, наверху не склонны были делать подарки из казенного или дворцового сундука по примеру императриц XVIII века. Давать деньги так, потому лишь, что заслуженный человек нуждается, считалось недопустимым»[644].

Возникали и коллизии служебного порядка, требовавшие использования личных средств императора. С. Ю. Витте в разговоре с Александром III упомянул о том, что много потеряет в жаловании, перейдя со службы в частной компании на государственную службу. На что «государь приказал, чтобы я восемь тысяч получал по штату, а восемь тысяч государь будет платить из своего кошелька, так что мне было назначено шестнадцать тысяч»[645].

Вполне возможно, что именно этот откровенный разговор на «шкурные» темы положил начало многолетнему сотрудничеству царя и министра. Надо полагать, царю понравилась прямота, с которой С. Ю. Витте обозначил «денежную составляющую» их отношений. Современники единодушно отмечали, что Александр III был весьма щепетилен в финансовом вопросе: «Люди, заподозренные в этой слабости, не могли уже рассчитывать на его сочувствие. Без лицеприятия относился он и к членам своей собственной

семьи. Он строго отличал государственную собственность от личной и в подобных вопросах был особенно щекотлив и чуток»[646].

Царские дети до совершеннолетия находились на полном обеспечении большого двора, в дальнейшем же для них формировался специальный капитал, который колебался в диапазоне от 1 до 4 миллионов рублей[647].

К финансовой стороне жизни императорской фамилии относились и *брачные контракты*, составлявшиеся при заключении семейных союзов. Были возможны два варианта.

В первом случае выходили замуж императорские дочери. Согласно законам Российской империи царские дочери, выходя замуж, кроме приданого получали единовременный капитал в 1 миллион рублей. Сумма эта была весьма приятная — для карликовых немецких государств. Но не для России. Когда в 1839 г. старшая дочь Николая I вышла замуж за Максимилиана Лейхтенбергского, но осталась в России, возникла необходимость в корректировке законодательства. В результате в июле 1839 г. в Свод законов Российской империи было внесено высочайшее повеление о «назначении великой княжне Марии Николаевне из удельных сумм 600 000 рублей годового дохода»[648]. В повелении указывалось, что «определенное учреждением от императорской фамилии при замужестве великой княжны награждение миллионом рублей никак не может быть достаточно к содержанию здесь ее дома, а тем менее к устроению благосостояния ее потомства», поэтому «сверх положенного по учреждению в приданное награждение миллионом рублей из Государственного казначейства назначаем ее высочеству и потомству ее из удельных сумм 600 000 рублей ассигнациями годового дохода».

Судя по тексту, с этим документом поработали квалифицированные юристы, которые проговорили все возможные варианты развития супружеских отношений молодых, как и судьбу выделяемых царем 600 000 рублей. Так, например, в документе указывалось, что этот капитал является «наследственным, доколе поколение ее останется в России или совсем не пресечется», при этом дети наследовали доход матери. Указывалось также, что «если супруг уедет из России или вступит в другой брак, то опека над доходами переходит по назначению нашему».

Надо заметить, что на этом подарки отца старшей дочери не закончились. В 1845 г. Николай I подарил великой княгине Марии Николаевне огромный дворец, который мы сегодня знаем как Мариинский. В 1845 г. в документах он именовался как «вновь построенный дворец у Синего моста»[649].

Во втором случае женились царские сыновья. Естественно, особое внимание уделялось брачным контрактам цесаревичей. При этом все понимали, что приданое бедненьких немецких принцесс будет более чем скромным. Так, Николай II «отхватил» в результате брака с Алисой Гессен-Дармштадтской, согласно 4-й статье брачного договора, 35 000 германских марок приданого из Гессенской великогерцогской главной кассы. После замужества Алисы банкирский дом М. А. Ротшильда через Петербургский международный коммерческий банк перевел всю сумму в кассу Министерства императорского двора[650].

Цена деньгам

Любопытно, знали ли цену деньгам члены императорской семьи? И каковы были их личные расходы?

Конечно, знали, но все в разной степени. Так, императрица Александра Федоровна, жена Николая I, жившая, как утверждали современники, в совершенно тепличных условиях, вряд ли даже когда-то держала ассигнации в руках. Один из мемуаристов как-то мельком услышал разговор между Николаем I и Александрой Федоровной. Царь жаловался супруге на неудачную игру в карты. Но при этом он подарил ей «на шляпку» 21 рубль серебром, которые он опять же выиграл у кого-то на днях. Жена шутя ответила: «Это не будет нечто великолепное, конечно, без перьев, но, во всяком случае, это выгодно!»[651]

Сам Николай I деньгами практически не пользовался. Так, по крайней мере, утверждал барон М. Корф: «Государь никогда не носил при себе денег»[652]. Тем не менее он был значительно ближе к повседневной жизни

своих подданных, чем императрица. Например, тот же М. Корф упоминал, что царь перед Рождеством лично выбирал подарки своим близким, посещая магазины[653]. При этом император за выбранное не расплачивался и не перебирал мелочь в кармане. Понравившиеся товары вписывались в счет, который оплачивался камердинерами из гардеробной суммы Николая I.

Постоянной статьей расходов Николая I были подарки жене — императрице Александре Федоровне. В 1833 г. император приобретал для нее подарки в «модном магазине Циклера» трижды. Как правило, это были модные женские шляпки. При этом император их сам не выбирал, этим занималась фрейлина императрицы Султелен, а Николай Павлович только оплачивал выбранные квалифицированной фрейлиной женские вещи. Так, в мае 1833 г. были приобретены дамские головные уборы за 710 рублей[654]. Самая крупная сумма в 2218 рублей пошла на покупку «разных уборов для дня рождения ее императорского величества». Также на Рождество за 419 рублей были куплены очередные дамские головные уборы.

В разные годы подарков могло быть больше или меньше, к тому же кроме шляпок царь приобретал и другие женские вещи. В 1835 г. Николай Павлович сначала оплатил купленную для императрицы в Английском магазине материю (40 рублей), затем изготовленную белошвейкой Жаксон «вставку для платья» (108 рублей). С 1835 г. Николай I начал дарить к праздникам «дамские уборы» своим старшим дочерям Марии и Ольге. В 1836 г. подарков для женской половины семьи было куплено на 4167 рублей 60 копеек («разные дамские уборы», «разные головные уборы», «разные платья для ее величества»). В 1839 г. для императрицы в Берлине за 400 талеров (1318 рублей ассигнациями) были приобретены «золотые головные уборы»[655].

Иногда в модном магазине вещи выбирались и для других женщин. В мае 1834 г. он оплатил (1400 рублей) «бархатное платье, шитое золотом», которое императрица попросила приобрести для фрейлины Султелен. Видимо, это был прощальный подарок фрейлине, поскольку с 1835 г. покупками для императрицы стала ведать камер-фрау Клюгель, приехавшая из Германии с императрицей еще в 1817 г. Тогда же в магазине был взят

«по повелению его величества один верховой хлыстик для княгини Юсуповой» за 185 рублей. В 1839 г. очередной «хлыстик» обошелся царю уже в 1200 рублей.

Лично императором или по его поручению в магазинах также покупались сущие пустяки. Как правило, эти приобретения делались в очень дорогом Английском магазине. В марте 1833 г. «за купленную в Английском магазине табакерку его величеством» было уплачено 325 рублей, в мае за взятые камердинером «по повелению его величества» зонтик и веер — 522 рубля 50 копеек, в декабре «за взятую лично его величеством золотую с эмалью табакерку» — 850 рублей.

В 1839 г. среди прочего император лично приобрел в Английском магазине «книгу для прихода и расхода гардеробной суммы» за 20 рублей. Именно в этой книге, зеленого сафьяна, с тиснением и золотым обрезом, велись расходные записи за 1840 г. Как это ни парадоксально, но российский император Николай I в Английском магазине пользовался пятипроцентной скидкой. Видимо, как «выгодный клиент». Набрав в сентябре 1839 г. товаров на сумму 1620 рублей (хлыстик и браслет), он заплатил «всего» 1539[656]. Кроме того, император получал для себя и памятные вещи. В апреле 1840 г. в Английский магазин «за взятые из оного лично его величеством бриллиантовый перстень за 200 рублей и кольцо с портретом его величества императора Александра… за 30 рублей» было отправлено 230 рублей. Последний раз Николай Павлович делал покупки в Английском магазине в мае 1853 г., когда за женские шелковые чулки и карандаши он заплатил 196 рублей 20 копеек.

Как только великим князьям исполнялся 21 год, в их распоряжении оказывались весьма крупные денежные средства, позволявшие им вести тот образ жизни, который диктовался их положением. Когда Николай II был еще наследником российского трона, он мог позволить себе делать дорогие подарки М. Ф. Кшесинской. По словам весьма знающей балерины, «подарки были хорошие, но не крупные. Первым его подарком был золотой браслет с крупным сапфиром и двумя большими брильянтами»[657]. Затем цесаревич не только решил «жилищный вопрос» своей фаворитки, купив ей дом[658],

но и подарил ей на новоселье «восемь золотых, украшенных драгоценными камнями, чарок для водки»[659].

После того как цесаревич Николай Александрович превратился в Николая II, в его распоряжении оказались огромные средства. Об их масштабе свидетельствует тот факт, что в 1898 г. во время голода он из личных средств выделил 500 000 рублей[660].

Естественно, современники пытались оценить уровень богатств российского монарха. Точных данных у них не имелось, но было очевидно, что размеры состояния императорской семьи огромны. Одна из современниц, со ссылкой на генерал-майора Н. В. Клейгельса, зафиксировала в дневнике (25 августа 1906 г.): «Клейгельс сказал, что по счету богатства царь стоит вторым, что богаче его один американец, что у царя больше миллиарда»[661]. Однако это были весьма умозрительные оценки.

Довольно подробно о состоянии Романовых писал в мемуарах великий князь Александр Михайлович. Во-первых, он отмечал, что значительная часть заключалась в недвижимости: «В удельные имения входили сотни тысяч десятин земли, виноградники, охоты, промыслы, рудники, фруктовые сады и пр., приобретенные главным образом во второй половине восемнадцатого столетия прозорливой Екатериной II. Порядок управления удельными имениями был регламентирован императором Павлом I. Общая стоимость этих имуществ достигала ста миллионов рублей золотом и не соответствовала их сравнительно скромной доходности, едва достигавшей 2 500 000 рублей в год»[662].

Во-вторых, в различных банках Европы Романовы держали значительные вклады. Следует подчеркнуть, что сам факт размещения крупного вклада носил политический характер. После того как в конце 1880-х гг. Александр III начал политическое сближение с Францией, из берлинских банков стали постепенно изыматься российские капиталы, которые переводились в банки Франции и Англии, политических союзников России по Антанте.

Надо отметить, что тема «золота Романовых» волновала не только современников, но и потомков. Весьма меркантильный великий князь

Александр Михайлович, женившийся на младшей сестре Николая II, «был в курсе» этого вопроса, однако его информация о заграничных вкладах, естественно, весьма скупа. Он упоминал, что «со времени царствования императора Александра II» российские монархи держали в лондонском банке «двадцать миллионов стерлингов»[663]. Но к 1917 г. все эти деньги были потрачены. Кроме этого, великий князь упоминал, что на текущем счету в том же английском банке хранилось порядка 200 000 000 рублей. Эти деньги были также потрачены в годы Первой мировой войны. Отметим, что великий князь упомянул только о потраченных активах, хранившихся в банках Европы, не сказав об активах сохранившихся, которые наверняка имелись.

Великий князь Александр Михайлович и великая княгиня Ольга Александровна упоминали в своих мемуарах об одном и том же примечательном «денежном» факте. По утверждению Александра Михайловича, министр императорского двора граф В. Б. Фредерикс «вопреки приказаниям государя незадолго до войны перевел за границу принадлежавшее государевым детям состояние. В качестве места хранения Фредерикс избрал Берлин». Он указывал и сумму, размещенную в берлинском банке, — 7 000 000 рублей[664].

Ольга Александровна писала об этой финансовой операции: «Перед 1914 г. министр финансов вместе с двумя ведущими банкирами, вопреки желанию императора, вложили все эти средства в немецкие ценные бумаги. Императора заверяли, что средства размещены надежно и крайне выгодно. В годы войны все пропало»[665].

С трудом можно поверить в то, что столь крупная сумма «детских денег» была размещена в Берлине «вопреки приказаниям государя». Таким уровнем принятия самостоятельных решений по финансовым вопросам В. Б. Фредерикс, конечно, не обладал. Однако оба мемуариста, очень близко стоявшие к императорской семье, пишут об этом. В таком случае подобное решение могла принять только императрица Александра Федоровна, которая контролировала семейные финансы и могла пойти в этом вопросе «вопреки желанию императора».

В-третьих, коронные драгоценности императорской семьи оценивались в колоссальные суммы. Тот же Александр Михайлович писал: «Мертвый капитал» императорской семьи оценивался в сумму 160 000 000 рублей, соответствующую стоимости драгоценностей Романовых, приобретенных за триста лет их царствования»[666].

По словам мемуариста, годовой совокупный доход Николая II составлял порядка 20 000 000 рублей[667]. Однако, несмотря на серьезные размеры этой суммы, не менее значительными были и расходы императорской семьи.

Во-первых, крупной статьей расходов были средства, направляемые на содержание многочисленных резиденций, музеев и парков. Помимо малых императорских резиденций, которые были разбросаны по всей России, Министерству двора приходилось содержать пять больших дворцов (Зимний, Гатчинский, Петергофский, Екатерининский и Александровский). Немаловажной статьей расходов было и содержание императорских театров. По словам великого князя Александра Михайловича: «Несмотря на свое мировое имя и неизменный успех, императорский балет отнюдь не являлся доходным театральным предприятием, и все пять императорских театров приносили убытки. Этот дефицит покрывался из средств Министерства двора и уделов. Чтобы высоко поддерживать знамя русского искусства, императорской семье надо было ежегодно расходовать 2 миллиона рублей. В 1905 г. к числу субсидируемых Министерством двора театров прибавилась еще и балетная труппа С. Дягилева»[668].

Во-вторых, огромные средства продолжали расходоваться на стремительно разраставшуюся императорскую семью. Из удельных сумм каждому великому князю полагалась ежегодная рента в 200 000 рублей. Каждой из великих княжон полагалось в случае замужества приданое в размере 1 000 000 рублей. Каждый из князей или княжон императорской крови получал при рождении капитал в 1 000 000 рублей. Свадьбы, как и рождение детей, было довольно трудно спрогнозировать. «Эти значительные суммы очень часто расстраивали все сметные предположения, так как выдача их зависела от непостоянного числа великих князей, от числа браков и рождений в императорской фамилии»[669].

В-третьих, жалование дворцовой прислуги также требовало значительных затрат. Кроме самого жалования вся прислуга получала различные выплаты: на питание, обмундирование, вышедшие в отставку — пенсии. «Гофмаршал, церемониймейстеры, егеря, скороходы, гоф- и камер-фурьеры, кучера, конюхи, метрдотели, шоферы, повара, камер-лакеи, камеристки и прочие — все они ожидали два раза в год подарков от царской семьи: на Рождество и в день тезоименитства государя. Таким образом, ежегодно тратилось целое состояние на золотые часы с императорским вензелем из бриллиантов, золотые портсигары, брошки, кольца и другие драгоценные подарки»[670].

В-четвертых, на императора обрушивался целый вал прошений с просьбами о материальном вспомоществовании. Подчас Николай II шел даже на нарушение сложившейся юридической практики, вызволяя из долгов людей, лично ему известных и приятных, людей «своего круга». Бывший министр финансов С. Ю. Витте был вынужден выполнять прямые распоряжения Николая II о негласной выдаче огромных ссуд: «Во время моего последнего всеподданнейшего доклада государь мне приказал выдать из Государственного банка Скалону ссуду в 2 миллиона рублей, прибавив: «Я вас прошу об этом ничего не говорить председателю Совета»[671]. Этот Скалон был сослуживцем Николая II по лейб-гусарскому полку. Витте констатировал, что колоссальную ссуду выдали «в нарушение устава банка». Были выплаты и более скромные. Александр Михайлович приводил в пример банальную историю, когда любимый флигель-адъютант Николая II попал в критическую ситуацию, проигравшись в карты. Ему дали 24 часа, чтобы уплатить проигрыш. В результате император выручил офицера, оплатив 25 000 рублей карточного долга[672].

В-пятых, расходы на благотворительность были выделены «особой строкой» у всех членов императорской фамилии, с самого детства. Александр Михайлович упоминал: «Еще в бытность наследником цесаревичем император Николай II получил от своей прабабушки наследство в 4 миллиона рублей. Государь решил отложить эти деньги в сторону и употребить доходы от этого капитала специально на нужды благотворительности. Однако весь этот капитал был израсходован через три года»[673]. В результате из

20 000 000 рублей «на личные нужды государю оставалось ежегодно около 200 тысяч рублей, после того как были выплачены ежегодные пенсии родственникам, содержание служащим, оплачены счета подрядчиков по многолетним ремонтам во дворцах, покрыт дефицит императорских театров и удовлетворены нужды благотворительности»[674]. Однако эти громадные расходы были необходимы. «Крайне скромный и простой в своей частной жизни, царь должен был в таких случаях подчиняться требованиям этикета. Правитель одной шестой части земного шара мог принимать своих гостей только в атмосфере расточительной пышности»[675].

Следует отметить, что в императорской семье существовала прочная традиция благотворительных базаров, на которых собирались значительные суммы, шедшие целевым назначением на крупные благотворительные проекты. Например, в 1911, 1912, 1913 и 1914 гг. императрица Александра Федоровна организовала в Ялте четыре больших базара в пользу туберкулезных больных, которые принесли «массу денег»[676].

Если говорить о семье Николая II, то у императора, его жены и детей практически не имелось ни возможности, ни необходимости расплачиваться наличными деньгами. Поэтому представление о ценности денег у них было достаточно абстрактное. Особенно это было характерно для Николая II. А. А. Вырубова, описывая «походы по магазинам» императорской четы, упоминала, что император, выбирая какую-либо вещь, «брал, что ему нравилось, не спрашивая о цене: о деньгах он понятия, конечно, никакого не имел, так как был сын и внук царя, и все уплачивалось за него Министерством двора»[677]. При посещении Федоровского собора члены императорской семьи по традиции опускали «денежку» к кружку. На эти пожертвования Николаю II «выдавались» раз в месяц четыре золотые десятки. Однако, как это часто бывает, деньги как-то заканчивались раньше срока, и тогда император был вынужден «перехватывать до получки» у своей жены, императрицы Александры Федоровны[678].

Членам императорской фамилии, как и обычным людям, нравилось «заниматься шопингом». Следует заметить, что именно этим, казалось бы, недавно вошедшим в массовый обиход термином они обозначали свои

походы по магазинам. В январе 1875 г., находясь в Париже, великий князь Сергей Александрович записал в дневнике: «…потом пойти shopping, что меня очень прельщает»[679]. Но shopping члены императорской семьи позволяли себе, как правило, только за границей. Сестра Николая II Ольга Александровна вспоминала, как она со своей няней ходила по магазинам в Копенгагене: «Оставив экипаж где-нибудь в предместье, бродили пешком; заходили в какую-нибудь лавку. Никогда не забуду того волнения, которое я испытывала, когда впервые в жизни могла гулять по улице, разглядывая витрины магазинов, зная при этом, что могу войти в любой и купить всё, что мне заблагорассудится. Это было больше чем удовольствие!»[680]

Мемуаристы рассказывали, как в первые годы супружеской жизни Николай II и Александра Федоровна в Германии или Дании с удовольствием посещали магазины, накупая всякой всячины. Но инкогнито удавалось сохранить не всегда. Когда за спиной коронованной четы вырастала любопытствующая толпа, вся прелесть хождения по магазинам пропадала.

Эти походы по магазинам высоко ценились царственными покупателями, поскольку позволяли приобрести не то, что положено, исходя из сложившихся прецедентов, а то, что хотелось. Так, А. А. Вырубова описывала эпизод, когда Николай II пожаловался ей, что страстно желает получить цветные носки к своему теннисному костюму. Когда изумленная собеседница спросила, в чем, собственно, проблема, император ответил, что как только он подумает, сколько людей будет вовлечено в совершение этой пустяковой покупки, сколько будет недоуменно поднятых бровей и пожиманий плечами, то у него моментально пропадает всякое желание отдать соответствующее распоряжение. По его словам, требовалось как минимум десять человек, чтобы у него появились новые теннисные носки. Когда Вырубова на следующий день подарила ему вожделенные цветные носки, которые она купила в ближайшем магазине, царь был просто счастлив.

Последний раз императрица Александра Федоровна ходила по магазинам у себя на родине в Дармштадте в 1910 г. А. А. Вырубова упоминала: «Императрица ездила с дочерьми в Наугейм, любовалась магазинами и иногда заходила в них что-нибудь купить»[681].

Какова же была личная сумма ежегодных расходов императора Николая II? Сколько денег он тратил на приобретение одежды, обуви и других личных предметов?

Средства на это шли из так называемых комнатных денег. Начальник канцелярии Министерства императорского двора А. А. Мосолов упоминал, что ежегодная комнатная, или гардеробная, сумма при Николае II составляла порядка 40 000 рублей. Он писал, что «раньше этими деньгами распоряжались камердинеры императора. Граф Воронцов-Дашков, заметив, что при этих выдачах допускаются неумелость, а кроме того, по введении «охраны государя» доступ посетителям во дворец стал недоступен», эти деньги перешли в ведение чиновников канцелярии Министерства двора[682]. Поэтому А. А. Мосолов, возглавлявший эту канцелярию, был в курсе.

У каждого члена царской семьи существовал свой бюджет комнатных денег. Суммы были разные и зависели от разных факторов. Так, сумма Николая II, судя по архивным документам, была относительно невелика — от 20 до 75 тысяч рублей в год. Общая сумма «императорского кошелька» постоянно менялась. Так, если в 1903 г. в его распоряжении находилось 44 694 рубля 19 копеек, то к 1916 г. она сократилась до 21 385 рублей 65 копеек. Особенно умиляют эти копейки. В общей сумме императорских расходов личные расходы занимали довольно незначительную долю — порядка 15–20%. При этом в период Первой мировой войны, когда царь не снимал гимнастерку, выполняя обязанности Верховного главнокомандующего, личные расходы сократились до 10%.

Говоря о структуре ежегодных расходов императрицы Александры Федоровны, необходимо отметить, что ее бюджет многократно превосходил бюджет Николая II. Так, в 1916 г. общий годовой бюджет императрицы составил 231 959 рублей 77 копеек. А бюджет Николая II — только 21 385 рублей. Столь значительная разница была обусловлена рядом причин. Прежде всего кроме обычного годового бюджета в распоряжении императора находились очень крупные средства Собственного его императорского величества кабинета[683]. А у императрицы других финансовых источников не

существовало. Следует также иметь в виду, что русские императрицы «по должности» широко занимались благотворительностью, которая требовала крупных сумм.

Дочери располагали суммами, сопоставимыми с комнатными деньгами Николая II, — 33 000 рублей. А наследник-цесаревич Алексей получал ежегодно 100 000 рублей. Большая часть детских денег не тратилась. Остатки этих средств возвращались в так называемую экономическую сумму, то есть накопительный фонд каждого из членов царской семьи.

Необходимо подчеркнуть, что бóльшая часть предметов приобреталась у проверенных многолетних поставщиков, которые поставляли одежду, обувь и другие вещи еще деду Николая II. Личные вкусы царя и его предпочтения часто не совпадали с представленными образцами поставщиков. Но выше личных вкусов царя были традиция, прецедент, которым он послушно следовал. Требования приличия подавляли его личные вкусы, и случаев «бунта» с его стороны практически не было. Во многом это обусловливалось тем, что смена придворного поставщика неизбежно порождала бесконечные бюрократические проблемы. Например, Николай II фактически не вмешивался в формирование своего гардероба. Он просто приказывал подготовить ему определенный костюм или мундир, а детали прорабатывались его камердинером и другими специалистами.

Николай II не был расточительным человеком. Он годами носил одни и те же вещи, предпочитая латаные и штопаные, но привычные детали туалета. Это, конечно, усложняло жизнь его камердинерам. И лишь в одном император не мог себе отказать. Как и все Романовы, он страстно любил военную форму. В его платяных шкафах хранились сотни мундиров. Он практически постоянно носил военную форму, даже дома, среди близких ему людей. Фотографий Николая II в гражданских костюмах очень мало, и бóльшая их часть сделана во время европейских вояжей императора.

Структура расходов царя также постепенно менялась. Если в 1903 г. Николай II больше тратил на себя — 19,37%, а на различные «экстренные» пособия слугам приходилось 21,38% и на «случайные» расходы — 19,24%, то к 1913 г. личные расходы сократились до 14,89%. Видимо, к этому времени

внешний облик 45-летнего царя окончательно сложился, затраты на одежду уменьшились, как и стало меньше желаний. К 1916 г. личные расходы продолжали сокращаться (9,88%). Это вполне объяснимо. Николай II постоянно носил военную форму, а обязанности Верховного главнокомандующего практически не оставляли свободного времени. Именно во время войны самыми значительными статьями расходов стали «пособия семействам» (23,20%) и «экстраординарные пожертвования» (20,29%). Вместе с тем, несмотря на войну, царь достаточно много денег потратил по статье «картины и другие произведения искусства» (20,30%).

Как и все обычные люди, император приобретал обувь. Всего в 1903 г. за различные ботинки было выплачено 1243 рубля 75 копеек. Обувь к императорскому двору, а также ко дворам великих князей и княгинь поставляла весьма солидная фирма «Ситков и сыновья», имевшая магазины в Санкт-Петербурге на улице Большой Морской, 28, и в Москве на Тверской улице, 15. За год, с августа 1902 г. по август 1903 г., фирма трижды подвозила для Николая II обувь, в общей сложности — пятнадцать пар[684]. Бóльшая часть этих ботинок была предназначена для длительных пеших прогулок, которые столь любил Николай II. Кстати, эта же фирма ремонтировала стоптанные каблуки императорской обуви.

Поскольку все Романовы считали себя офицерами и постоянно носили военную форму, для царя приобреталось множество предметов военного обихода. Как правило, военная форма заказывалась у известного петербургского портного Николая Ивановича Норденштрема. Это был купец 1-й гильдии, поставщик императорского двора. Его магазин находился на Невском проспекте, 43. Н. И. Норденштрем поставлял военную форму и великому князю Сергею Александровичу. С 1884 по 1895 г. его доход на военной форме только Сергею Александровичу составил 14 500 рублей. Первые его поставки великому князю относятся еще к 1877 г. Только с декабря 1902 г. по декабрь 1903 г. магазин Норденштрема привез ему 15 предметов и два комплекта военного обмундирования на сумму в 1572 рубля[685]. Этот же портной принимал царские мундиры в чистку и ремонт. Наряду с мундирами приобреталась и соответствующая военная атрибутика. Так,

в военном магазине М. И. Скосырева, продававшего форменную одежду для офицеров, в 1903 г. для императора были приобретены товары на сумму 1234 рубля 90 копеек, в основном мелочи: два шарфа, семь фуражек различных полков, форменные ремни, кокарды для фуражек, пряжки для сабли, эполеты и т. д.

Морская и гражданская одежда закупалась у фирмы «Генри», которой владел гражданин Швейцарии Генри Фолленвейдер. Его магазин находился на Большой Морской, 18. Поставки Фолленвейдером морской и гражданской одежды ко двору начались с 1895 г. С апреля по август 1903 г. у него было приобретено16 предметов на сумму 1043 рубля[686]. В этом же магазине чистили и ремонтировали фраки, стирали царские жилеты. Здесь царю были расставлены шесть пальто и 11 брюк, что также свидетельствует о том, что император набирал вес.

Значительные расходы были связаны с поддержанием достойного внешнего вида царя. Именно на рубеже веков формировался столь привычный для нас облик Николая II. За 1903 г. расходы на услуги парикмахера Г. Маулла составили 795 рублей 55 копеек. Стирка рубашек обошлась еще в 688 рублей 05 копеек. Общая сумма (1483 рубля 60 копеек) весьма значительна и вполне сопоставима с расходами на обувь и одежду.

Как набегала столь серьезная сумма, становится ясно из множества счетов, выставленных этим же парикмахером в 1913 г. (январь — декабрь). Примечательно, что этот парикмахер, по крайней мере, десять лет регулярно подстригал царя. Как правило, император вызывал его к себе из Петербурга два раза в месяц. Стрижка обходилась в 10 рублей, и еще 3 рубля составляли издержки на поездку парикмахера в Царское Село. В мае 1913 г. император стригся трижды, поскольку в это время состоялся его визит в Берлин. Также при царе находились и дворцовые парикмахеры, к услугам которых он периодически прибегал. Общие затраты в 1913 г. на парикмахера и «специалистку по рубашкам» составили 688 рублей 25 копеек.

У этого же парикмахера покупались и различные мелочи: ножницы, туалетная вода, пакетики с сухими духами, подтяжки для носков, носки дюжинами, одеколон, гребенки для волос.

Стиркой и «ремонтом» рубашек царя с 1881 г. занималась Клара Г. Коффевр. Она же вышивала монограммы на рубашках и стирала царские носки. Так, стирка 36 пар стоила дворцовому ведомству всего 5 рублей 40 копеек. При случае почтенная Клара занималась и сорочками императрицы Александры Федоровны. Семья была действительно экономной, поскольку на рубашках «ремонтировались» не только воротнички, но и рукава. У поставщиков императорского двора приобретались также шляпы и перчатки.

Императрица Александра Федоровна совсем иначе относилась к деньгам. Она умела считать их, поскольку выросла в относительно скромно обеспеченном аристократическом семействе. Гессенский дом был беден и во многом полагался на финансовую помощь британской королевы Виктории, которая приходилась Алисе бабушкой. Аликс была с детства приучена к скромному повседневному быту. И хотя ее материальное положение после замужества совершенно изменилось, но привычки сохранялись на протяжении всей жизни. Надо подчеркнуть, что до вступления в брак собственных финансовых средств у нее не было. Если бы не блестящее замужество, она бы так и осталась на иждивении своих родственников. Ее финансовое положение еще сильнее осложнилось, когда ее старший брат — великий герцог Гессенский женился, и ежегодное пособие Аликс стала контролировать жена брата.

Со вступлением в российскую императорскую семью в распоряжении Александры Федоровны оказались запредельные для нее финансовые средства. Поначалу она воспринимала широкие траты, столь обычные для российского императорского двора, настороженно, постепенно привыкая к суммам счетов. Но и получив со временем рычаги управления финансами семьи, она продолжала относиться к каждому рублю, как к последнему в семейном кошельке. Александра Федоровна всегда помнила о том, что в любой момент может наступить черный день, поэтому весьма трепетно относилась к драгоценностям, понимая, что их компактность и огромная ценность в случае чего могут выручить семью. Она имела кошельки в буквальном смысле. В фондах Петергофского музея хранится портмоне с вензелем императрицы Александры Федоровны[687].

Ее скупость была широко известна и проявлялась в самых различных вещах. Например, она дарила своим дочерям на дни рождения по крупной жемчужине с тем, чтобы к совершеннолетию у них набрались ожерелья. Министру императорского двора только с помощью Николая II удалось убедить императрицу, что выгоднее сразу купить целое жемчужное ожерелье и рассыпать его на подарки, чем покупать ежегодно по жемчужине, подбирая их по цвету, форме и размеру. А. А. Вырубова упоминала: «Все великие княжны в шестнадцать лет получали жемчужные и бриллиантовые ожерелья, но государыня не хотела, чтобы Министерство двора тратило столько денег сразу на их покупку великим княжнам, и придумала так, что они два раза в год, в дни рождения и именин, получали по одному бриллианту и по одной жемчужине. Таким образом, у великой княжны Ольги Николаевны образовалось два колье по тридцать два камня, собранные для нее с малого детства»[688].

Фрейлина императрицы С. К. Буксгевден вспоминала, что императрица «не любила бросать денег на ветер. У всех великих княжон было большое состояние. Но на руки им выдавали ежемесячно лишь по два фунта, предназначавшихся для покупки почтовой бумаги, духов, необходимых подарков и т. п. Разумеется, им не приходилось самим оплачивать свои наряды — это делали их родители. Благодаря такой умеренности девочки должны были научиться думать, прежде чем тратить… Таким образом, принцессы, по замыслу своей матери, должны были узнать цену деньгам — вещь, весьма труднодоступная для девушек из высшего общества. Однако этикет препятствовал принцессам посещать любые магазины (за исключением небольших лавочек в Царском Селе и Ялте), поэтому девушки никогда не представляли себе истинной стоимости различных вещей»[689].

А. А. Вырубова писала: «Государыня знала цену деньгам и потому была бережлива. Платья и обувь переходили от старших великих княжон к младшим. Когда она выбирала подарки для родных или приближенных, она всегда сообразовывалась с ценами»[690].

Со свойственным ей педантизмом Александра Федоровна старалась контролировать все многочисленные расходы семьи. К 1917 г. она распо-

лагала блестяще подобранной коллекцией ювелирных изделий на баснословную сумму. По некоторым оценкам, ее стоимость составляла около 50 миллионов долларов в ценах 1917 г. Интересно, что драгоценности императрица хранила в своей спальне в Александровском дворце Царского Села.

Бóльшая часть ювелирной коллекции Александры Федоровны была составлена из подарков родственников. Ежегодно на различные праздники она получала подарки от мужа, тещи и многочисленных родственников. Николаю II импонировала слабость жены к ювелирным украшениям. Императрица умела произвести впечатление, появляясь на официальных выходах в бриллиантах. При этом С. К. Буксгевден отмечала, что Александра Федоровна «никогда не опустошала Государственного казначейства неумеренными тратами и покупкой дорогих украшений». Самыми любимыми камнями императрицы были относительно недорогие аметист и аквамарин[691].

О ювелирной коллекции императрицы мало кто знал. Блистать в обществе она не любила, регулярно пренебрегая даже обязательными официальными церемониями. Поэтому к весне 1917 г. Временное правительство не имело точных сведений о структуре и ценности ювелирной коллекции императрицы. «Временные» просто попросили передать драгоценности «на сохранение» новым властям.

Она передала то, о чем было хорошо известно, — знаменитые пасхальные яйца мастеров К. Фаберже и ряд изделий, которые с трудом поддавались транспортировке. А поскольку у Временного правительства начали стремительно нарастать политические проблемы, то Александре Федоровне удалось сохранить практически всю свою коллекцию драгоценностей, которая и была вывезена в Тобольск, а затем в Екатеринбург[692].

Конечно, расходы императрицы не ограничивались интересом к ювелирным изделиям, но данные о них крайне отрывочны. Надо заметить, что статья «личные расходы» у царственных супругов вполне сопоставима: Николай II — 8657 рублей 35 копеек в 1903 г. и 10 841 рубль 50 копеек в 1913 г.; Александра Федоровна в 1913-м — 6000 рублей. В процентном

отношении личные расходы императрицы колебались в пределах 2–3% от общей суммы ее бюджета. Много тратила она на подарки (более 23%), которые должны были быть поистине «царскими». В отличие от бюджетных статей Николая II у Александры Федоровны была отдельная статья расходов на «туалет и гардероб», на которую постоянно выделялась очень крупная сумма — 40 000 рублей (15–17% бюджета). Статья «экстраординарные расходы», достигавшая 33% , позволяла императрице достаточно свободно решать возникающие финансовые проблемы.

Первая мировая война несколько изменила структуру расходов императрицы. Хотя всю войну она практически не снимала костюм сестры милосердия, тем не менее ее траты на одежду от самых модных модельеров того времени не уменьшились ни на рубль. Зато резко сократились расходы на подарки (с 23% до 11%), как и денежные субсидии обслуживающему персоналу. Свидетельством военного времени были резко возросшие в 1915 г. расходы на лазарет императрицы, которые составили 23 098 рублей 49 копеек (10,14%).

Императорские дети также имели свои бюджеты, со своей детской, но вполне материальной спецификой. В 1910 г. бюджет, отпущенный на содержание третьей дочери царя — великой княжны Марии Николаевны, составил 33 000 рублей. Деньги распределялись по различным обязательным статьям, например, пенсии, пособия, денежные выплаты слугам на праздники, жалование преподавателям, пожертвования, учебники и пособия, а также туалет и гардероб. Но реальные расходы Марии Николаевны в этом году составили 18 397 рублей 56 копеек. Остальные деньги были переданы в так называемую экономическую сумму, чтобы увеличить ее капитал или быть потраченными позже на экстренные нужды.

Немалый интерес представляет расшифровка некоторых из статей расходов великой княжны. Так, по статье «Пенсии» за год был истрачен 481 рубль 99 копеек. Эта статья предназначалась для всех тех, кто когда-либо обслуживал девочку. Конкретно средства были истрачены на следующие пенсии: кормилице Марии Кузьминой — 132 рубля; вдове педиатра —

100 рублей; первой няне, англичанке мисс Эггер, — 249 рублей 99 копеек. Каждая сумма составляла только четвертую часть пенсии, остальные три четверти выплачивались из средств Анастасии, Ольги и Татьяны.

Денежные выплаты на праздники составили за год 548 рублей 33 копейки. На подарки было потрачено всего 175 рублей. Это стоимость брошки. На пособия ушло 80 рублей. Пожертвования составили 71 рубль.

Самой значительной частью расходов 11-летней великой княжны были затраты на оплату жалования ее преподавателей. На эти цели за 1910 г. было израсходовано 7636 рублей 45 копеек. Причем эти затраты составляли долю только одной великой княжны.

Второе место по значимости составили расходы на одежду и обувь — 6307 рублей 37 копеек. География поставщиков была преимущественно петербургской. Заграничными поставщиками являлись только лондонская фирма «Robert Heath Ltd», которой были заказаны шляпы на 13 рублей 46 копеек, и портной Франк Корер из Дармштадта, сшивший платья за 87 рублей 65 копеек.

В Петербурге трижды за этот год заказывались костюмы и платья для девочек у любимого портного императрицы Бризака. Причем на довольно крупную сумму в 1752 рубля 75 копеек.

Также из портных дважды обращались к Китаеву, который тоже шил для девочек костюмы. Вообще, за период с 22 мая 1909 г. по май 1910 г. портной сшил для великой княжны Марии Николаевны четыре костюма[693]. Кроме того, Китаев перешивал костюмы. Так, он пришил новый мех и удлинил юбку за 40 рублей. Перешил на Марию старый костюм ее старшей сестры Ольги за 35 рублей. Удлинил рукава пальто за 35 рублей, переделал жакет за 7 рублей.

Члены императорской фамилии на протяжении почти сотни лет являлись постоянными покупателями Английского магазина. В нем для Марии Николаевны приобретались самые разные вещи — от губок (51 рубль 28 копеек) до чулок и свитеров (175 рублей 80 копеек).

Одежда для девочек покупалась также в магазине «Dalberg». Обувью великих княжон обеспечивал Генри Вейс.

Порядок приобретения вещей для царских детей соблюдался неукоснительно. Поскольку у каждого из них был свой бюджет, то любая вещь оплачивалась только из собственных сумм. Даже мелочи. Если вещи приобретались сразу для всех детей, то каждый из них оплачивал пятую часть общей суммы. Естественно, дети денег в руках не держали, поскольку существовала гофмейстерская часть, полностью бравшая на себя все хозяйственные заботы императорской семьи.

Самый маленький в царской семье — наследник цесаревич Алексей по своему положению имел самый большой ежегодный бюджет в 100 000 рублей. Конечно, из них мальчиком тратилась самая малая часть, и оставшиеся деньги по установившемуся порядку переводились в экономическую сумму наследника. Ребенок постоянно болел, и все врачи, лечившие его, оплачивались из этих денег. Когда суммы на лечение начали выходить за привычные рамки, прижимистая Александра Федоровна устроила так, чтобы врачи оплачивались из средств Министерства императорского двора.

Значительные средства шли придворной прислуге, которая персонально занималась цесаревичем. Всего из денег Алексея жалование выплачивалось десяти слугам: двум няням, двум горничным[694], двум лакеям[695], трем чернорабочим — «кухонным мужикам»[696] и «дядьке» цесаревича — Андрею Ереемевичу Деревенько[697].

К 1910 г. дочери уже выросли, и няня требовалась только Алексею. Его няней была Мария Вишнякова, которая вырастила всех царских дочерей. В 1910 г. жалование Вишнякова получала из бюджета Алексея в размере 2000 рублей. Помощнице Вишняковой — Александре Тепловой платили 1200 рублей.

Со временем расходы на штат увеличивались. В 1916 г. 14-летнему наследнику уже не требовались няни, но «дядька» А. Е. Деревенько перешел на должность камердинера цесаревича с жалованием 360 рублей в год, и у него даже появился помощник, также из матросов «Штандарта», — Климентий Нагорный с жалованием в 240 рублей в год.

На одежду цесаревича ежегодно уходило от 2500 до 4000 рублей. При этом поставщики были те же, что и у девочек. Как и для сестер Алексея,

портной Китаев перешивал для мальчика вещи, из которых тот уже вырос. Например, он перешил меховой полушубок наследника (новым мехом удлинил полушубок и вшил новую ткань в обтрепавшиеся манжеты), два казачьих бешмета и удлинил 16 штанов. Поскольку все эти работы требовали многочисленных примерок, то Китаев с января по июнь 1910 г. посетил цесаревича в Ливадии, Петергофе и Царском Селе 27 раз.

Поставщик императорского двора — М. И. Скосырев с декабря 1909 г. по декабрь 1910 г. поставил цесаревичу семь комплектов морской формы с зимними головными уборами и 24 кокарды. Он «растянул» две фуражки и одну папаху. Всего услуг и товаров у него было приобретено на 214 рублей 50 копеек.

В Английском магазине традиционно покупались самые разнообразные вещи, среди них — шесть пальто для наследника, две гребенки и различные ткани. Так, эластичные чулки для цесаревича обошлись в 51 рубль 28 копеек. На свитера и ряд мелочей было истрачено еще 187 рублей 10 копеек.

Обувь для цесаревича Алексея Николаевича, как и для его сестер и родителей, покупалась в обувном магазине Генри Вейса, который поставлял ее и вдовствующей императрице Марии Федоровне, и греческому королю. В Петербурге его магазин располагался на Невском проспекте, 66, а в Москве — на Кузнецком мосту. Эта респектабельная фирма просуществовала с 1880 по 1917 г. О качестве предлагаемого товара свидетельствовали гран-при, полученные на выставках в Париже в 1900 г. и Реймсе в 1903 г. Ассортимент обуви отличался разнообразием.

Были и траты «по мелочам». Так, комнатная девушка Тегелева сшила для цесаревича несколько блуз и получила за работу 5 рублей 50 копеек.

В 1910 г. на пенсионные выплаты из бюджета Алексея было израсходовано 496 рублей. В основном это были пенсии первым кормилицам Алексея — Негодовой-Крот, Ивановой, Кошельковой и Зиновьевой. Также в пенсионные выплаты вошла пятая часть (вместе с сестрами) отчислений вдове педиатра царских детей — доктора Коровина.

Императорский бизнес

На протяжении XVIII — первой половины XIX в. непосредственное окружение императоров в весьма незначительной степени было вовлечено в коммерческую деятельность. Это обусловливалось рядом причин. Во-первых, приближенные императорской семьи были людьми весьма состоятельными и занимали солидные посты, в достаточной степени их обеспечивавшие. Во-вторых, вне зависимости от степени материального благосостояния власть сама по себе, особенно в России, всегда являлась источником богатства. Слухи о мздоимстве крупных чиновников, руководителей департаментов не были столь уж большой редкостью. И они имели под собой основание. Следовательно, сама принадлежность к властной элите открывала столь блестящие перспективы для личного обогащения, что занятие непосредственно коммерческой деятельностью считалось излишним.

Дворянство, веками строившее свое материальное благосостояние на основе крепостнической собственности, традиционно рассматривало коммерческую деятельность как малосовместимое с дворянским статусом занятие. Хотя это, конечно, не исключало участия дворян в коммерческих проектах.

Тем не менее к XIX в. сложился порядок, по которому дворянам, активно занимавшимся частным предпринимательством, доступ в придворный штат был полностью закрыт. В свою очередь потомственные дворяне, занимавшие крупные придворные должности, считали для себя занятие коммерцией делом если не постыдным, то малодостойным.

После отмены крепостного права в 1861 г. ситуация начала меняться. Стремительная капитализация страны со всеми ее моральными издержками не могла не пошатнуть привычные стереотипы. Люди становились свидетелями того, как миллионы делались буквально «из воздуха», а многие придворные аристократы при этом были отягощены бесчисленными долгами. Старые дворянские гнезда пустели.

В этой ситуации некоторые придворные попытались идти в ногу со временем. Не всем это удавалось. Неумелые биржевые спекуляции, участие

в финансовых пирамидах разорили не одно аристократическое семейство. Придворные начали продавать самое ценное, что у них было, — связи при императорском дворе, влияние на ключевых чиновников, от которых многое зависело. В процесс попытались включиться и некоторые из великих князей, в меру своих «деловых талантов». Несмотря на значительное казенное содержание, многие из великих князей постоянно пребывали в долгах.

Один из осведомленных мемуаристов привел характерный эпизод «великокняжеского бизнеса», ссылаясь на рассказ генерала П. А. Шувалова, который занимал должность шефа жандармов и управляющего III Отделением. Именно к нему, по должности курировавшему борьбу с коррупцией, явился великий князь Николай Николаевич (старший) и обратился с просьбой пролоббировать в комитете министров концессию на строительство железной дороги в пользу определенного лица. Озадаченный генерал сдержанно ответил, что не вмешивается в дела железнодорожных концессий, и затем поинтересовался, зачем великому князю касаться подобных вопросов. Николай Николаевич, ничуть не смутившись, ответил: «До сих пор я никогда не занимался ими, но, видишь ли, если комитет выскажется в пользу моих protégés, то я получу 200 000 рублей; можно ли пренебрегать такой суммой, когда мне хоть в петлю лезть от долгов…» Услышав это незатейливое заявление, генерал поинтересовался: «Ваше высочество, даете ли вы себе ясный отчет в том, что говорите; ведь безупречная репутация ваша может пострадать». На что князь спокойно ответил: «Вот вздор какой, если бы еще я сам принимал участие в решении дела, а то ведь нужно только походатайствовать, попросить…»

Разумеется, П. А. Шувалов не предпринял никаких шагов, но так случилось, что комитет министров принял решение в пользу тех, за кого просил великий князь. Через несколько дней Шувалов встретил великого князя на какой-то торжественной церемонии во дворце. Николай Николаевич благодарно пожал ему руку и с довольной улыбкой указал на свой карман. Мемуарист совершенно справедливо отметил, что великий князь проявил непроходимую глупость «в бизнесе», и «по глупости он только говорил откровенно о том, что тысячи других делали втихомолку»[698].

Активно «продавалось» и влияние на императора Александра II. Так, по устойчивым слухам, морганатическая жена Александра II — Е. М. Долгорукая (княгиня Юрьевская) за солидные комиссионные беззастенчиво пробивала выгодные для предпринимателей коммерческие проекты. Это раздражало очень многих.

Весьма красочное и достоверное описание придворных «гешефтов» содержится в воспоминаниях того же мемуариста, который ссылался на рассказ князя А. Барятинского[699], брата знаменитого фельдмаршала.

Поскольку решения о концессиях принимались на самом верху, то предпринимателям были жизненно необходимы люди со связями для лоббирования их интересов. Таким лоббистом известного предпринимателя К. Ф. фон Мекка и стал князь А. И. Барятинский. В это время велась борьба за концессии на строительство Севастопольской и Конотопской железных дорог. В борьбе принимали участие не только предпринимали, но и их высокие покровители. Соперником фон Мекка был предприниматель Н. И. Ефимович, которого поддерживали «либо принц Гессенский, либо Долгорукая». Располагая этими сведениями, фон Мекк отправил Барятинского в Германию — на курорт Эмс, где отдыхала княгиня Долгорукая. В силу ряда причин выйти на Долгорукую князю не удалось, однако в поезде он случайно встретил проигравшуюся в казино графиню Гендрикову, подругу девицы Шебеко, которая «представляла финансовые интересы» Е. М. Долгорукой. Князь Барятинский предложил проигравшейся графине деньги за устройство свидания: «Говорю вам прямо, мне нужно побеседовать с нею об одном предприятии, в котором я принимаю живейшее участие». Графиня немедленно сориентировалась и заявила, что «Долгорукая ничего не смыслит, всеми делами такого рода — к чему таиться — орудует моя belle-souer… Шебеко», и обещала Барятинскому устроить свидание.

Когда свидание состоялось, князь Барятинский был поражен хваткой девицы Шебеко: «Много я видал на своем веку отчаянных баб, но такой еще не случалось мне встречать». Объяснив ей суть дела и выяснив, что близкие к Долгорукой лица действительно поддерживают Ефимовича, князь приступил к переговорам: «Можете ходатайствовать о дороге Севастополь-

ской, — сказала m-me Шебеко, — но Конотопскую мы вам не уступим». Тогда Барятинский предложил Шебеко деньги, и та немедленно оценила свои услуги в полтора миллиона рублей. Эта цифра, приводимая мемуаристом, наглядно показывает уровень взяток, бытовавших при императорском дворе во времена Александра II. Князя Барятинского весьма озадачила названная сумма, поскольку его полномочия ограничивались 700 000 рублей, однако «Шебеко не хотела об этом и слышать». На том «переговорщики» и расстались. Однако через несколько дней Шебеко вышла на Барятинского и согласилась взять предложенные 700 000, но с тем условием, чтобы фон Мекк немедленно, прежде чем состоится решение по Конотопской дороге, выдал им вексель на всю эту сумму, на имя родственника Долгорукой. Барятинский проконсультировался с сопровождавшими его агентами фон Мекка, и те не согласились с предложенным вариантом, поскольку, по их мнению, «партия княжны Долгорукой только хотела усыпить нас, а в сущности не думала нарушить свою сделку с Ефимовичем». В 1990-х гг. это называлось «кинуть».

Тем не менее переговоры с Шебеко продолжились в Петербурге. В них участвовали князь Барятинский, фон Мекк, двое его агентов и «девица Шебеко». В ходе переговоров Шебеко получила телеграмму и показала ее Барятинскому: «Х нам сказал, что Мекк — человек ненадежный; гарантии необходимы». Эту телеграмму показали фон Мекку. Он вспылил и потребовал назвать имя этого Х. На это требование Шебеко «отвечала весьма спокойно… Государь». Барятинский не поверил: «Я заметил Шебеко, что как генерал-адъютант не позволю кому бы то ни было вмешивать его имя в наши дрязги и глубоко возмущен ее выходкой». Совещание было немедленно прервано. Следует заметить, что по законам Российской империи прямое упоминание имени Александра II в данном контексте было делом подсудным.

Вскоре состоялось совещание комитета министров, на котором было принято решение в пользу фон Мекка. На министров давили, однако они провели более выгодный для страны вариант и твердо стояли на своем. Только поэтому не прошла интрига «долгоруковской» партии. Но самым поразительным в этой истории было то, что после получения фон Мекком

концессии к нему тотчас же явилась бой-баба Шебеко — за деньгами! Мекк денег не дал. Судя по тому что инженер путей сообщения и предприниматель Карл Федорович фон Мекк умер в 1875 г., описанные «деловые» нравы сложились при императорском дворе уже в первой половине 1870-х гг.[700]

Из этого эпизода следует, что император Александр II был в курсе многомиллионных взяток, получаемых ближайшим окружением. Коррупция при императорском дворе «позднего» Александра II стала самым обычным делом. Мемуарист упоминал, что ему «не раз случалось… слышать, что сам император Александр Николаевич находил вполне естественным, что люди к нему близкие на его глазах обогащались с помощью разных концессий и т. п., — если не одни, так другие, почему же не те, кому он благоволил»[701]. И добавлял, что всесильный шеф жандармов, имевший серьезное влияние на царя, П. А. Шувалов, которого называли Петром IV, лишился своей должности и был отправлен послом в Лондон именно потому, что пытался бороться с коррупцией при императорском дворе, символом которой стала княгиня Е. М. Долгорукая.

После гибели императора Александра II ситуация изменилась. Дело в том что Александр III весьма неприязненно смотрел на совмещение государственной службы с предпринимательской деятельностью. В результате в 1884 г. были приняты «Правила о порядке совмещения государственной службы с участием в торговых и промышленных товариществах и компаниях, а равно и общественных и частных кредитных установлениях». Этими правилами запрещалось участвовать в учреждении акционерных обществ и в делах управления ими сановникам, состоявшим «в высших должностях и званиях государственной службы, в должностях первых трех классов и в соответствующих придворных чинах»[702], то есть в первых и вторых чинах высочайшего двора, равных общегражданским чинам второго и третьего классов. О сановниках, находившихся в придворных званиях, которые давались обладателям общегражданских чинов четвертого класса и ниже, в правилах ничего не говорилось.

Особенно строго за выполнением этих правил следили в Министерстве императорского двора. По свидетельству крупного чиновника Министерства

двора В. С. Кривенко, «по отношениям к лицам, занимающим сколько-нибудь значительные должности, ограничение совместительства было особо строгое; в частности в Министерстве двора запрет был положен для всех служащих без исключения»[703].

При этом сам же мемуарист приводил различные примеры. Так, по его свидетельству, П. П. Дурново, управляющий Департаментом уделов, «вошел в состав правления вновь возникшего огромного предприятия», но Александр III лично ему это запретил. Точнее П. П. Дурново поставили перед выбором — или отказаться от совместительства, или оставить пост. Дурново обиделся и немедленно подал в отставку. Однако были и исключения. Опять-таки лично Александр III разрешил остаться в правлении Варшавско-Виленской железной дороги управляющему княжеством Ловическим маркизу Вельепольскому[704].

По данным современных исследователей, этот запрет действительно соблюдался очень строго, вплоть до февраля 1917 г. Такая жесткая позиция была связана и с личностными особенностями Александра III. Порядочному царю претила коммерциализация придворной жизни, которая стремительно набирала темпы в последние годы правления Александра II.

Придворные, не подпадавшие под действие «Правил» 1884 г., так или иначе втягивались в коммерческую деятельность. Однако их было очень мало. Среди вторых чинов придворного штата в управлении акционерными обществами и банками участвовали всего пять человек. Их доля на фоне общей численности вторых чинов была столь невелика (3,1%), что ее можно трактовать как исключение, подтверждающее правило. Но уже в случае с лицами, состоявшими в должности вторых чинов, чине «церемониймейстера» и «должности этого чина», картина была несколько иная, что вполне объяснимо, ведь в правилах 1884 г. об этих придворных отличиях не упоминалось[705].

Можно констатировать, что в результате для предпринимателей придворная карьера стала совершенно невозможной, между тем как для придворных, если они не являлись чинами двора, предпринимательская карьера оказывалась вполне доступной.

Наряду с придворными чинами попытки вписаться в рыночные отношения предпринимали и представители высшего столичного бомонда. Так, жена принца А. Л. Ольденбургского, Евгения Максимилиановна, являлась собственницей большой конфетной фабрики «Рамон», в которую вложила почти все свое состояние. Однако отсутствие деловой хватки дало себя знать, и дела этого предприятия пошли очень скверно. Принцессе грозило банкротство. В этой ситуации принц Ольденбургский обратился к министру императорского двора В. Б. Фредериксу с просьбой о займе из удельного ведомства. Поскольку эта просьба шла вразрез с принципиальными положениями финансирования лиц императорской фамилии, князь Кочубей, начальник уделов, запротестовал, не желая создавать прецедент. Министерство финансов также выступило против этого, понимая, какой вал подобных просьб от неудачливых коронованных коммерсантов может обрушиться на Министерство императорского двора. Принц Ольденбургский, человек бешеного темперамента, обратился за помощью «к родне». В результате родственного давления Николай II вынес это дело на рассмотрение семейного совета. На совещании присутствовали В. Б. Фредерикс, министр финансов Коковцев и князь Кочубей, которые аргументировано изложили свою негативную позицию по обсуждавшемуся вопросу. Однако родственная корпоративность взяла верх, принцессе помогли[706].

Николай II старался подавать родне пример, принципиально не участвуя ни в каких видах коммерческой деятельности. Министру императорского двора и главноуправляющему уделами было категорически запрещено вкладывать деньги в какие бы то ни было иностранные или русские частные предприятия, чтобы не давать пищи разговорам о том, что государь император заинтересован в той или иной отрасли промышленности. Так же ситуация обстояла и с доходами от вкладов в иностранных банках[707].

Пожалуй, за все время правления Николая II был единственный эпизод, когда российского монарха едва не втянули в финансовую аферу. Но даже этот эпизод привел к тяжелейшим внешнеполитическим последствиям. В 1904 г. камергер Безобразов рисовал в высшем свете сказочные перспективы от эксплуатации концессии на реке Ялу в Корее. Николай II не только поддержал

саму идею концессии и активного проникновения русского бизнеса в Китай и Корею, но и высказал желание приобрести акции на сумму в 200 000 рублей. Русского императора от позора спас министр императорского двора В. Б. Фредерикс, который со свойственным ему тактом, но твердо заявил, что «никогда русский самодержец не станет акционером». Ближайший помощник В. Б. Фредерикса А. А. Мосолов свидетельствовал, что царь прямо предписал Фредериксу «выдать Безобразову 200 тысяч рублей». Но министр, не считая возможным выполнить распоряжение Николая II, поручил А. А. Мосолову подготовить всеподданнейшую записку с просьбой об увольнении его от должности министра двора. Николай II, высоко ценивший В. Б. Фредерикса, отставку не принял. Фредерикс предложил считать эти 200 000 рублей личным пособием Безобразову. По свидетельству А. А. Мосолова, это было «единственное серьезное разногласие» между Николаем II и министром императорского двора[708].

«Детские» деньги

С момента рождения великих князей «ставили на денежное довольствие» при дворе. Как уже упоминалось выше, им определялся ежемесячный капитал, который по мере их взросления постоянно прирастал. При этом все выплаты «на гардероб», врачей и обслуживающий царственного младенца персонал также шли из его собственной суммы. Конечно, дети поначалу не имели о денежных делах никакого понятия, и их средства контролировались родителями и воспитателями.

Будущему Николаю I с рождения «на личный счет» каждые три месяца переводилось по 33 333 рубля ¼ копейки ассигнациями. Следовательно, в год на содержание великого князя отпускалось 133 332 рубля 1 копейка. В эту сумму должны были уместиться все расходы на ребенка. Остаток суммы, если таковой имелся, переходил на следующий месяц[709]. Расходы на «посторонние» нужды были минимальны. Так, в 1802 г., «к святой Пасхе на построение малолетнего платья» шестилетнему великому князю было выделено 2010 рублей.

Постепенно на личном счете великого князя Николая Павловича сформировался крупный капитал. Уже в 1804 г. «в распоряжении» восьмилетнего великого князя было 639 033 рубля, «отданные в Государственный Заемный банк и в сохранную казну в прежних годах»[710]. Следует отметить, что динамика накопления собственной суммы была достаточно внушительной. Если в первой трети 1804 г. собственная сумма великого князя составляла указанные 639 033 рубля, то уже в конце года на счету хранилось 767 248 рублей 99 копеек[711]. В мае 1805 г. сумма денег, «отданных в банк и в сохранную казну в прежних годах», составила 904 164 рубля[712], и, наконец, в январе 1807 г. она превысила миллион и составила 1 143 746 рублей[713]. Все финансовые дела маленьких великих князей жестко контролировались матерью — вдовствующей императрицей Марией Федоровной. На финансовых документах детей неоднократно встречаются ее рукописные пометки.

Когда в 1840-х гг. у Николая I появились внуки, их содержание было пересчитано на серебро и составило 50 000 рублей серебром в год. Эти средства выделялись из Государственного казначейства[714] и несколько превышали годовое обеспечение самого Николая Павловича в детские годы. Видимо, дедушка учел инфляционные процессы и увеличил денежное содержание своих внуков.

По мере взросления царские дети приучались к самостоятельному расходованию финансов. Этот процесс проходил в несколько этапов. Сначала они осознавали, что в их распоряжении есть значительные средства, которые они могут тратить по собственному усмотрению. Однако находились эти деньги буквально в карманах воспитателей. Так, в 1847 г. один из воспитателей писал будущему Александру II, что его старшие сыновья дали денег мальчику, который работал в парке без сапог. Воспитатель отмечал, что «это уже не первые издержки при мне их высочеств. Мне часто приходится выдавать, по желанию их, особенно старшего, то нищим, то бедным итальянским шарманщикам, то старым солдатам, то фонтанщикам; так что я всякий раз, когда с ними, должен иметь при себе мелкие деньги»[715]. При этом следует отметить, что старшему — великому князю Николаю

Александровичу в 1847 г. было только четыре года, а его брату, будущему Александру III, шел третий год.

Собственно к самим деньгам детей начинали приучать с семилетнего возраста, когда они переходили из рук женской прислуги к мужчинам-воспитателям. При этом воспитатели, конечно, сохраняли полный контроль над «детскими» деньгами.

«Детские» деньги, как и «взрослые», имели определенные статьи расходов. И брать из одной статьи для другой было не в семейной традиции. Так, дочь Николая I упоминала, что на гардероб до пятнадцатилетия царским дочерям выделялось по 300 рублей в месяц. Следует отметить, что это была довольно скромная сумма, и поэтому этих денег «нам никогда бы не хватило, если бы Мама́ не помогала нам подарками на Рождество и в дни рождений. На милостыню были предназначены 5000 рублей серебром в год. Остальное из наших доходов откладывалось, чтобы создать для нас капиталы. Каждый год Папа́ проверял наши расходы»[716]. Таким образом, основными статьями расходов являлись затраты на гардероб, на благотворительность и учителей.

Следует отметить, что деньги всегда были важным делом, и им уделялось значительное внимание. Когда в 1858 г. фрейлина императрицы Марии Александровны А. Ф. Тютчева заняла должность воспитательницы при маленьких детях, она немедленно «наложила руку» и на распределение денег, разумеется, в хорошем смысле. Получив в феврале 1959 г. отчет о расходах великого князя Сергея и великой княжны Марии за прошлый год, она «с удовольствием заметила, что ввела значительные улучшения. До 1 августа, когда я стала вести расходы, на туалеты великой княжны было израсходовано 2404 рубля, на великого князя — 2411 рублей; с того же момента, как я взяла ведение расходов на себя, и до 1 января для великого князя истрачено было 482 рубля, а для великой княжны — 909 рублей. До меня расходы на извозчиков доходили до 150–180 рублей. За треть года, а теперь тоже на треть, тратится около 16 рублей. И то же самое для мелких расходов. Я наслаждаюсь при мысли о том, что таким образом мешаю моим подчиненным красть… Я очень довольна m-lle Тизенгаузен. Она — сама честность и толковость. Я установила все расходы, просматриваю их каж-

дый месяц, но не вмешиваюсь в мелкие детали, не экономлю на огарках; великая княжна одета лучше, чем прежде; тем не менее расход сокращен наполовину, потому что на этом деле у меня человек деятельный, толковый, и во всем порядок»[717]. Следует подчеркнуть, что такое бережное отношение к финансам весьма приветствовалось царственными родителями.

Статус молодых великих князей и княжон позволял им в сопровождении воспитателей посещать магазины. В основном они покупали подарки и иногда мелочи для себя. При этом посещение магазинов не являлось частым занятием, упоминания о таких визитах единичны. В апреле 1862 г. во время прогулки 15-летний великий князь Владимир Александрович с воспитателем заехали в магазин, где купили «сотню сигар для государя»[718].

Много «детских» денег ежегодно уходило на рождественские, пасхальные и прочие подарки. В августе 1862 г. великие князья Александр и Владимир Александровичи «крупно потратились» в магазине, поскольку накупили «разных коробочек и папиросниц фабрики Лукутина». Их воспитатель, оценивая траты, заметил: «Для Владимира Александровича это неудивительно, но от Александра Александровича я не ожидал решимости истратить на это 24 рубля; правда, он выбирал такие вещи, которые подешевле, и поэтому он их купил очень много числом»[719]. В октябре 1861 г. Александр и Владимир заезжали в магазины Корнилова и Вишневского[720]. А в декабре 1862 г., накануне Нового года, великие князья «поехали по книжным магазинам», чтобы выбрать книги для лотерей «по приказанию императрицы». Кроме того, они посетили Английский магазин, где Александр Александрович купил сигары для старшего брата — цесаревича Николая Александровича[721].

Став достаточно взрослыми, великие князья и княжны начинали сами планировать свой бюджет, хотя при этом их расходы, конечно, контролировались воспитателями. Воспитатель был вправе в любой момент потребовать от своих воспитанников их расходные книжки. В сентябре 1862 г., просматривая расходные книжки 17-летнего Александра Александровича и 15-летнего Владимира Александровича, воспитатель констатировал: «Счета, по видимости, ведены были чисто и аккуратно, но по проверке оказалось противное: Александр Александрович не досчитался по счетам 11 рублей

серебром, а Владимир Александрович — 8 рублей серебром, у первого осталось от месяца рублей 6, а у Владимира Александровича — ничего»[722].

Для детей Александра III ситуация с карманными деньгами изменилась кардинально. Это было связано с тем, что в 1880-х гг. службы, отвечавшие за безопасность императорской семьи, совершенно исключили из ее повседневной жизни практику похода по магазинам. Поэтому у детей не стало карманных денег, что, конечно, не исключало возможность для них распоряжаться своими деньгами в «рамках бюджетного финансирования». Младшая сестра Николая II упоминала, что «карманных денег императорские дети не имели», поскольку всё оплачивалось из казны, и что сколько стоит — они не знали[723]. Эта практика сохранялась вплоть до 1917 г.

Духовники российских императоров

Взаимоотношения российских самодержцев и православной церкви имели свою весьма драматичную историю. Следует помнить, что все российские монархи были религиозными людьми, однако к православной церкви как к институту власти относились по-разному.

В первой четверти XVIII в. Петр I сумел подчинить православную церковь, сделав ее частью государственного механизма, в результате чего священнослужители фактически превратились в государственных служащих. Это было политическое решение, никак не связанное с личной религиозностью монарха. На протяжении XVIII — начала XX в. церковные структуры интегрировались в бюрократическую систему Российской империи.

Процесс подчинения церкви государству сопровождался бюрократизацией ее структур и постепенной утратой морально-нравственного авторитета священнослужителей в глазах народа. Совершенно не случайно то, что в русской литературе XIX в. крайне мало положительных образов священников. Художники также отдали дань антирелигиозной пропаганде, достаточно вспомнить картины В. Г. Перова «Монастырская трапеза» и «Крестный ход на Пасху». Тем не менее именно православная вера цементировала целостность империи, а российские монархи фактически определяли стратегию влияния

церкви на мировоззрение населения. Поэтому небезынтересно оценить уровень личной религиозности российских монархов, который формировался в том числе с помощью царских духовников.

Следует отметить, что демонстративное пренебрежение национально-религиозными традициями со стороны монархов было редкостью и, в конечном счете, дорого им обходилось. Так, внук Петра I — Петр III всячески выказывал свое негативное отношение к православной обрядности. В придворной среде и спустя десятилетия ходили об этом самые разные слухи. В 1860-х гг. министр императорского двора В. Ф. Адлерберг «рассказывал, что слышал от императора Александра Павловича, как в Зимнем дворце была лютеранская церковь Петра III»[724]. Надо признать, что источники этой информации весьма авторитетны. Прагматичная Екатерина II активно использовала религиозный фактор в процессе подготовки переворота, подчеркнуто демонстрируя приверженность идеалам православия.

Петр I

Тем не менее после воцарения Екатерины II в 1762 г. никакого всплеска религиозного фанатизма при российском императорском дворе отмечено не было, что весьма характерно для XVIII в., который вошел в европейскую историю как век просвещения, густо замешанного на атеизме.

Система домашнего образования российских монархов и великих князей предполагала и традиционное религиозное воспитание. Вместе с тем, уровень религиозности особ императорской фамилии, естественно, был разным, хотя на протяжении жизни со всеми ее драматическими коллизиями мог меняться в ту или иную сторону.

Несмотря на исключительное положение, российские монархи, конечно, оставались людьми, разграничивавшими личную религиозность и религиозную политику империи, во главе которой они находились. Вплоть до последней четверти XIX в. религиозная практика императорского двора оставалась в рамках формальных традиций, сложившихся еще при Екатерине II.

Императорскому двору первой четверти XIX в. в целом было присуще формально-скептическое отношение к религии, характерное для XVIII в. Это было результатом, в том числе, и воспитания Александра I в духе космополитических просветительских идей Ж. Ж. Руссо и Ф. Вольтера.

Религиозным образованием Александра I в детские годы занимался протоирей А. А. Самборский. Судя по воспоминаниям современников, это был человек более светский, лишенный глубокого религиозного чувства. Протоирей Андрей Афанасьевич Самборский (1732–1815) не только обучал будущего Александра I основам православия, но и был его первым *духовником.*

Говоря о духовниках монархов, следует иметь в виду, что по традиции, сложившейся к концу XV в., духовниками русских царей, а затем и российских императоров являлись настоятели кремлевского Благовещенского собора. И хотя в имперский период российской истории духовники императорской семьи жили в Петербурге, по традиции протопресвитер Большого придворного собора в Зимнем дворце одновременно возглавлял и Благовещенский собор Московского Кремля.

Как правило, духовниками российских императоров являлись весьма образованные люди, подолгу жившие в Европе. Не был исключением и А. А. Самборский. Окончив в 1765 г. Киевскую духовную академию, он, по воле Екатерины II, был отправлен в Англию для изучения агрономии. Одновременно с этим на него были возложены обязанности ведения церковных служб при российском посольстве в Лондоне. В 1768 г. он женился на англичанке, которую обратил в православие. В 1868 г. Самборского официально назначили на должность священника при посольской церкви. Наряду со службами на русском языке он совершал службы для греков и

сочувствующих православию англичан на греческом и латинском языках. В Англии Самборский прожил пятнадцать лет. В 1780 г. императрица Екатерина II отозвала его в Россию.

В 1781 г. он был включен в свиту наследника Павла Петровича во время его путешествия по Европе. По завершении путешествия «графа Северного» Самборский был награжден Екатериной II бриллиантовым крестом на голубой ленте. В 1785 г. Самборского назначили наставником в Законе Божием и духовником к великим князьям Александру и Константину Павловичам. Позже в этом же звании он был и при великих княжнах, дочерях Павла I. Когда в 1788 г. в Царском Селе был сооружен величественный Софийский собор, Самборский стал его первым протоиереем.

Его деятельность была высоко оценена. В 1799 г. Самборский был удостоен ордена Святой Анны I степени. В этом же году его определили духовником к великой княгине, эрцгерцогине австрийской Александре Павловне, при которой он находился вплоть до ее кончины в 1801 г. Его не забывали и после смерти Павла I. Самборский был удостоен алмазных знаков ордена Святой Анны, ему позволили жить в Михайловском дворце «на покое».

Влияние священника-агронома Самборского сказалось на увлечениях Александра I. Император Александр I, воспитанный в традициях энциклопедистов, стал, по сути, космополитом, оставаясь православным монархом православной империи. Проявлялось это в различных вещах. Известно, например, что император длительное время поддерживал отношения с баронессой В.-Ю. Крюденер, проповедовавшей идеи слияния православной и католической церквей. В 1813 г. император посетил в Германии общину моравских братьев. С 1812 г. он начал систематически читать Библию и при этом послал сестре Екатерине Павловне список «мистической литературы»[725]. Все эти увлечения были весьма далеки от канонического православия.

Самборский являлся духовником Александра I с 1785 г. по 3 апреля 1808 г., то есть в течение 23 лет. После ухода с должности одряхлевшего Самборского его место при Александре I занял Павел Васильевич Криницкий (1752–1835). Он происходил из дворян Черниговской губернии, образова-

ние получил в Черниговской гимназии и Киевской духовной академии. По окончании курса он некоторое время преподавал поэзию и греческий язык в Черниговской гимназии. Однако в 1783 г. его жизнь резко изменилась, поскольку его отправили священником в Париж, где он стал свидетелем начала Великой французской революции. Во Франции Криницкий пробыл до 1791 г. По возвращении в Россию он с 1793 по 1795 г. состоял законоучителем в Академии художеств.

В 1799 г. началась придворная карьера П. В. Криницкого. Он был определен законоучителем младших детей императора Павла Петровича и протоиереем Софийского собора. В расходных документах великого князя Николая Павловича впервые имя Криницкого упоминается в 1801 г., когда повелением императрицы Марии Федоровны «находящемуся при их императорских высочествах великих князьях духовником и законоучителем протоирею Павлу Криницкому» было выдано «в пожалование 100 рублей»[726].

Именно Криницкий стал первым законоучителем будущего императора Николая I. Любопытно, что таинство исповеди при императорском дворе было «платной услугой». По крайней мере, в финансовых документах прямо фиксируется, что помимо жалования в марте 1810 г. «духовнику протоирею Павлу Криницкому» было выдано «за исповедь 200 рублей»[727]. Систематические занятия Законом Божиим начались у великого князя Николая Павловича с осени 1802 г.

Постепенно Криницкий занял все должности дряхлевшего Самборского. В декабре 1803 г. он был причислен к придворной церкви, 27 января 1806 г. назначен старшим над придворным духовенством. И, наконец, 3 апреля 1808 г. назначен духовником царским и членом Святейшего Синода. Таким образом, в 1808 г. у Александра I появился второй духовник.

После 1815 г. близ царской семьи появилось новое духовное лицо. Это был Николай Васильевич Музовский, который стал духовником Николая и Михаила Павловичей. Вплоть до 1825 г. Криницкий оставался духовником Александра I, императриц Елизаветы Алексеевны и Марии Федоровны, а Музовский был духовником младших великих князей — Николая и Михаила.

При этом окончательное слово при решении «кадровых вопросов» в отношении придворного духовенства оставалось за Александром I и вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Интересно, что Криницкий оставался духовником вдовствующей императрицы вплоть до ее смерти в 1828 г., а после этого его продолжали официально именовать «бывшим духовником покойной государыни императрицы»[728].

На момент коронации Николая I в августе 1826 г. «Камер-фурьерский журнал Высочайшего двора обеих половин» зафиксировал разделение полномочий между священниками следующим образом: среди духовенства, присутствовавшего на коронации, были упомянуты «их императорских величеств протопресвитер Криницкий» и «его императорского величества духовник протоирей Музовский»[729].

Формальная религиозность высочайшего двора проявлялась и во внешнем облике духовника Николая Павловича — Николая Васильевича Музовского. Своим видом он мало напоминал православного священника. В 1817 г. он ходил «в черной одежде, в белом галстуке и без бороды», и, по мнению современников, в нем «трудно было признать… нашего православного священника»[730].

Наряду с церковными службами, крещениями, венчаниями и прочим одной из его обязанностей было обращение в православие немецких принцесс, выходивших замуж за великих князей дома Романовых. Когда в 1817 г. в Россию приехала будущая жена Николая I, духовник «постоянно должен был находиться в приемной принцессы, чтобы, пользуясь каждым свободным часом, помогать ей выучить наизусть символ веры»[731].

Надо признать, что формальный подход Музовского к вопросам веры сделал переход из протестантизма в православие для прусской принцессы Шарлотты тяжелым испытанием. Спустя много лет императрица Александра Федоровна вспоминала: «Священник Муссовский, знакомивший меня с догмами греческой церкви, должен был подготовить меня к принятию святых тайн; он был прекрасный человек, но далеко не красноречив на немецком языке. Не такой человек был нужен, чтобы пролить мир в мою душу и успокоить ее в смятении в подобную минуту»[732]. Сама процедура приобщения к

православию произвела тяжелое впечатление как на прусскую принцессу, так и на ее свиту: «С грехом пополам прочла я символ веры по-русски; рядом со мной стояла игуменья в черном, тогда как я была одета вся в белом, с маленьким крестом на шее; я имела вид жертвы; такое впечатление произвела я на всю нашу прусскую свиту, которая с состраданием и со слезами на глазах взирала на участие бедной принцессы Шарлотты в церковном обряде, естественно, странном в глазах протестантов»[733].

Для протестантки адаптация к новой религии оказалась тяжела не только из-за неизбежного духовного перелома, но и из-за особенностей повседневной обрядности. Православной великой княгине Александре Федоровне, в прошлом прусской принцессе Шарлотте, необходимость выстаивать на ногах продолжительные службы казалась крайне тяжелой. Александра Федоровна вспоминала о своем первом посещении древней столицы России — Москвы: «Мне пришлось пролежать в постели, а затем на кушетке в течение нескольких дней, настолько утомили коленопреклонения мои ноги, я даже с трудом могла двигать ими»[734].

Таким образом, мы можем констатировать, что, во-первых, в период правления «западника» Александра I религиозная жизнь российского императорского двора в полной мере воспроизводила традиции формальной религиозности, сложившейся в XVIII в. Во-вторых, император Александр I после 1815 г. во многом находился во власти идей, связанных со стремлением к слиянию католической и православных церквей. В-третьих, оба духовника императора Александра I являлись широкообразованными людьми, подолгу служившими при православных храмах в Европе. Немаловажно и то, что внешний облик царских духовников был далек от канонического образа русского православного священника.

Николай I, став императором в декабре 1825 г., будучи православным по рождению и воспитанию, за тридцать лет правления прошел через серьезную духовную эволюцию, связанную с постепенным отказом от многих элементов формальной религиозности.

Будущего императора начали учить молитвам в феврале 1803 г., когда ему шел восьмой год[735]. Главными учителями, закладывавшими религиоз-

ность в детскую душу, стали воспитательницы, как это ни странно, исповедовавшие протестантизм и лютеранство. И это, безусловно, накладывало свой отпечаток на личную религиозность детей.

Если во второй половине 1820-х гг. молодой Николай I был достаточно формально верующим человеком, то с начала 1830-х гг. его личная религиозность приобрела более одухотворенные формы. Духовная трансформация Николая I была теснейшим образом связана с формированием собственного сценария власти, основанного на национальных традициях и отрицании западной религиозно-политической практики.

Подчас поступки императора Николая I настолько выбивались из привычных стереотипов поведения, что это буквально приводило в смятение придворных. Но со временем эти поступки выстроились в линию поведения, которая и сформировала национально ориентированный сценарий власти, важнейшей частью которого стала искренняя православная религиозность Николая Павловича.

Так, мемуаристы упоминали, что иногда во время службы император Николай I становился рядом с хором певчих и подпевал им. Одна из дочерей Николая I вспоминала: «Для Папа́ было делом привычки и воспитания никогда не пропускать воскресного богослужения, и он с открытым молитвенником в руках стоял позади певчих. Но Евангелие он читал по-французски и серьезно считал, что церковнославянский язык доступен только духовенству. При этом он был убежденным христианином и глубоко верующим человеком, что так часто встречается у людей сильной воли»[736]. Это очень показательная цитата. Действительно, искренне верующий православный монарх, читающий Евангелие по-французски, являлся неким символом переломных процессов.

Одной из старых православных традиций, существовавших при царском дворе со времен Московской Руси, была практика изготовления «родовых» икон. С новорожденных снимали мерку, по ее длине отрезали кусок доски, на котором иконописцы писали лик святого, в день которого появился на свет царственный младенец. Николай I в своих записках упомянул, что он для своих детей сохранил этот обычай, и «императрица дарила каждому

новорожденному икону его святого, сделанную по росту ребенка в день его рождения»[737]. Примечательно, что в своем духовном завещании, составленном в 1844 г., Николай Павлович упомянул и о своей «родовой» иконе, распорядившись ее судьбой: «Образ Чудотворца Николая, в рост мой при рождении, должен всегда оставаться в Аничкове»[738]. Когда в 1857 г. у Александра II родился сын, названный в честь Сергия Радонежского, то сразу по его рождении известному иконописцу Пешехонову был заказан образ преподобного Сергия Радонежского «в рост его высочества, как того требовал старинный благочестивый обычай»[739].

Нужно сказать, что в Большой церкви Зимнего дворца богослужения совершались и по «политическим» поводам. В период правления Николая I каждый год 14 декабря совершалось богослужение, на которое приглашались только лица, причастные к событиям, связанным с подавлением восстания декабристов в 1825 г. После службы все допускались к руке императрицы Александры Федоровны и целовались с императором, как в Светлый праздник.

Интересно, что традиция богослужений в память событий 14 декабря сохранялась и при Александре II, правда, уже только по юбилейным датам. Например, 14 декабря 1875 г. в память 50-летия событий на Сенатской площади состоялся торжественный обед, на который были собраны оставшиеся участники, в том числе князь А. А. Суворов, В. Ф. Адлерберг, Р. Е. Гринвальд. На это время в Зимний дворец привезли мундир Николая I по форме лейб-гвардии Измайловского полка, он был на императоре в тот трагический день. Естественно, старики вспоминали прошедшие события. Нашел о чем рассказать сыновьям и Александр II, которому в декабре 1825 г. было семь лет[740].

Николай Павлович всячески подчеркивал свою «русскость». Наряду с введением в повседневный придворный быт русского языка (он разговаривал на русском «даже с женщинами (дотоле неслыханное дело при дворе)») им первым была введена в моду «привычка петь тропари праздничные и даже всю обедню вместе с хором в церкви — это одно мелочи; но модные дамы времен Александра рассказывают, какое это сделало впечатление, как уди-

вило, как показалось странным, причудливым и какой переворот сделало в гостиных, а впоследствии и в семейной жизни, и в воспитании, и мало-помалу разбудило народное чувство»[741].

Следует подчеркнуть, что вера Николая I была совершенно искренней, и он сознательно «подтягивал» свой двор к благоговейной православной религиозности. Фрейлина А. Ф. Тютчева вспоминала, что в дни больших праздников и особых торжеств богослужение отправлялось в Большой церкви Зимнего дворца. На службе мужчины были в парадной форме, при орденах, дамы — в придворных костюмах, то есть в повойниках и сарафанах с треном, расшитым золотом, производивших величественное впечатление.

Впрочем, обрядовая религиозность императорского двора, естественно, была далека от проявлений простонародных традиций православного благочестия. Славянофилка фрейлина А. Ф. Тютчева упоминала, что она не смела ни становиться, как привыкла, на колени, ни класть земных поклонов, «так как этикет не допускал подобных проявлений благочестия. Все стояли прямо и вытянувшись… Члены императорского дома, однако, держали себя в церкви примерно, и, казалось, молились с истинным благочестием. Император Николай стоял один впереди, рядом с хором певчих, и подпевал им своим красивым голосом»[742].

При Николае Павловиче начали возводиться новые придворные соборы. Любовно обустраивая Петергофскую Александрию, Николай I приказал возвести домашнюю церковь близ Коттеджа. Ее построили в модном тогда готическом стиле и назвали капеллой Святого Александра Невского. С июля 1834 г. там начались богослужения, носившие камерный характер. К службе кроме членов семьи Романовых приглашались по особым спискам лишь близкие родственники и придворные. При Николае I исключение делали только для кадетов. В 1825–1827 гг. в Александровском парке Царского Села была сооружена часовня в готическом стиле[743]. В ее арочном своде был устроен вход в квартиру духовника императора Н. В. Музовского.

Религиозному воспитанию своих детей Николай I уделял большое внимание. Следуя традиции, император лично выбрал кандидатуру законо-

учителя для старшего сына-цесаревича Александра Николаевича. Им стал доктор богословия Г. П. Павский.

Герасим Петрович Павский в 1814 г. окончил Петербургскую духовную академию в звании магистра. В этом же году он занял в академии кафедру еврейского языка. В 1815 г. Павский получил должность священника при Казанском соборе в Петербурге. В 1817 г. его определили законоучителем в Царскосельский лицей, и в 1821 г. Павский получил степень доктора богословия и был высочайше награжден орденом Святого Владимира IV степени. На тот момент ему исполнилось только 34 года. Однако на этом карьерный взлет молодого богослова не закончился. После открытия в 1819 г. Петербургского университета попечитель учебного округа С. С. Уваров предоставил Павскому кафедру богословия. И в академии, и в лицее, и в университете лекции талантливого священника вызывали всеобщий интерес, поэтому он вошел в круг преподавателей цесаревича Александра Николаевича, которых подбирал В. А. Жуковский. По поручению императора Николая I Павский составил программу преподавания Закона Божия и приступил к занятиям с цесаревичем с 30 ноября 1826 г.

Свои занятия он начал с изучения молитвы «Отче наш» применительно к представлениям восьмилетнего ученика. Занимаясь преподаванием цесаревичу, Павский составил два руководства («Начертание церковной истории» и «Христианское учение в краткой системе»), которые были изданы ограниченным тиражом.

Царственным родителям и руководителям воспитательного процесса цесаревича В. А. Жуковскому и К. К. Мердеру Павский понравился. Об этом свидетельствует запись в дневнике воспитателя цесаревича К. К. Мердера: «2 февраля 1829 г. вечером их величества присутствовали при экзамене в Законе Божием. Великий князь отличался в особенности, все ответы его были прекрасны и доказывали большую правильность его суждений». По результатам экзамена Николай I «объявили совершенное удовольствие» отцу Павскому[744].

Вскоре Павский начал преподавать Закон Божий и дочерям Николая I: Марии, Ольге и Александре. Кроме того, Павского причислили к Большому

собору Зимнего дворца. И, наконец, пиком его придворной карьеры стало назначение духовником всех своих высоких воспитанников. Его неоднократно отмечали и награждали (бриллиантовым наперсным крестом, алмазными знаками Святой Анны II степени, орденом Святого Владимира III степени и еще двумя бриллиантовыми перстнями). При императорском дворе Павский проработал девять лет. Столь заметные успехи порождали зависть среди церковных иерархов.

В 1835 г. разразился скандал. Поводом к нему стали «конспекты-методички» Павского, подготовленные для цесаревича. Его обвинили в ошибках, недобросовестности и неблагонамеренности. В дневнике А. С. Пушкина в феврале 1835 г. появилась запись: «Филарет[745] сделал донос на Павского, будто бы он лютеранин. Павский отставлен от великого князя. Митрополит и Синод подтвердили мнение Филарета. Государь сказал, что в делах духовных он не судия, но ласково простился с Павским. Жаль умного, ученого и доброго священника! Павского не любят»[746].

Тем не менее Павский сохранил доброе расположение со стороны Николая I, поскольку только с его ведома Павского могли назначить на должность священника Таврического дворца, сохранив за ним все права и преимущества по службе.

Поскольку цесаревич лишился не только законоучителя, но и духовника, то встал вопрос о его замене. Эту проблему вновь решал лично император Николай I. Инициатор «дела Павского» московский митрополит Филарет обратил внимание императора на молодого священника Василия Борисовича Бажанова.

К 1835 г. В. Б. Бажанов был уже опытным преподавателем. После окончания в 1823 г. Духовной академии в звании магистра он до 1827 г. преподавал Закон Божий во 2-м кадетском корпусе. А после ухода Павского из университета принял от него кафедру богословия. Одновременно он преподавал в Главном педагогическом институте и в 1-й гимназии. Именно в гимназию на урок Бажанова и пришел Николай I. Императору хватило пятнадцати минут, чтобы составить мнение о священнике, после чего он удалился. По воспоминаниям Бажанова, император, возвратившись во дво-

рец, заявил, что нашел наконец законоучителя для наследника. Естественно, не все встретили это назначение доброжелательно. Фрейлина императрицы Александры Федоровны отметила в дневнике: «Променяли ястреба на кукушку»[747].

Здесь уместно будет сослаться и на мнение А. С. Пушкина, который, будучи близким приятелем В. А. Жуковского, лично знал и Г. П. Павского, и В. Б. Бажанова. Первого он называл «умным, ученым и добрым священником», а второго — человеком «очень порядочным»[748]. Таким образом, мы можем констатировать, что законоучителями и духовниками подраставшего цесаревича были грамотные и достойные священники.

В. Б. Бажанов

Очень важным являлось и то, что Николай I лично приобщал своих детей и внуков к семейно-религиозным традициям. Всех внуков Николая I, включая будущего Александра III, крестил духовник императора Николая Павловича протопресвитер Музовский[749]. Подрастающие внуки исполняли все положенные религиозные обязанности: накануне воскресений, царских дней и больших праздников их водили ко всенощной, а в воскресные и праздничные дни они слушали обедню в Малой церкви Зимнего дворца в присутствии царя и родителей[750].

Взрослые члены императорской семьи своим посещением церковных служб прививали детям серьезное отношение к религиозным обрядам. Мемуаристка с почтительным удивлением писала: «Лицо цесаревны выражало полную сосредоточенность.

Ее сопровождали все дети, даже самый маленький, которому еще не было трех лет и который стоял молча и неподвижно, как и остальные, в продолжение всей длинной службы. Я никогда не понимала, как удавалось внушить этим совсем маленьким детям чувство приличия, которого никогда нельзя было бы добиться от ребенка нашего круга; однако не приходилось прибегать ни к каким мерам принуждения, чтобы приучить их к такому умению себя держать, оно воспринималось ими с воздухом, которым они дышали»[751].

Однако это взгляд все-таки стороннего наблюдателя. Детей, конечно, приучали к порядку. Император Николай Павлович следил за обстановкой в церкви, обращая внимание на мельчайшие детали, в том числе и на поведение своих внуков. Так, в 1852 г. Николай I, наблюдая за малышами на богослужении, высказал их главному воспитателю генералу Н. В. Зиновьеву, что «они стоят за обедней очень хорошо, но плечи держат неправильно и каблуки не вместе»[752]. Эти «каблуки не вместе» по отношению к маленьким внукам[753] действительно поражают, рисуя во всей полноте особенности характера Николая I.

Личная религиозность российских императоров, безусловно, имела и политическую составляющую. Постоянная демонстрация приверженности православным святыням Руси была важной и обязательной частью их публичного имиджа. Так, в семье Романовых вплоть до 1917 г. сохранялся обычай при визитах в Москву буквально первым делом посещать икону Иверской Богоматери, а затем мощи московских святых. В октябре 1831 г. при посещении Москвы Николай I и цесаревич Александр Николаевич, которому тогда было 13 лет, по приезде немедленно отправились поклониться гробнице митрополита Алексия[754]. Спустя двадцать лет, в сентябре 1851 г., когда Москву посещала цесаревна Мария Александровна, она сама отвезла детей в Троице-Сергиеву лавру, где они отстояли обедню в Троицком соборе, а затем молились перед ракой святого Сергия Радонежского. Мать и дети посетили Гефсиманский скит и отправились в Ростов на поклонение святому Дмитрию Ростовскому[755]. Летом 1855 г. еще не короновавшийся Александр II впервые посетил древнюю столицу в качестве императора. Один

из дней весьма напряженного визита был посвящен Троице-Сергиевой лавре, где Александр II и императрица Мария Александровна усердно молились у мощей святого Сергия[756].

На детские души посещение московских религиозных святынь производило большое впечатление. «Было принято сейчас же по прибытии совершать поклонение мощам; один из постоянно там молящихся пяти монахов поднимал крышку гроба»[757].

Тем не менее дочь Николая I — Ольга Николаевна оценивала характер религиозного воспитания царских детей как достаточно формальный. Она объясняла это так: «Нас окружали воспитатели-протестанты, которым едва были знакомы наш язык и наша церковь»[758]. Однако следует отметить, что воспитательный процесс в царской семье предусматривал существенную разницу в подготовке цесаревича и его сестер. Дело в том что по сложившейся практике дочери российских императоров рано или поздно становились супругами протестантов. Возможно, поэтому их приобщение к православной религии и носило несколько формальный характер.

Николай I очень много сделал для того, чтобы изменить религиозную жизнь российского императорского двора, но надо признать, что ему так и не удалось переломить формальное отношение к православным канонам в придворно-аристократической среде. Пышные богослужения в дворцовых домовых храмах по своей сути являлись только необходимой частью столь же пышных дворцовых церемоний. В них не было самого главного — искренней веры. Фактически придворные религиозные службы носили характер светских церемоний.

Личный авторитет императора и его религиозность, безусловно, дисциплинировали присутствовавших в Большой церкви Зимнего дворца. Как упоминала А. Ф. Тютчева, «все стояли прямо и вытянувшись», и «члены императорского дома… держали себя в церкви примерно»[759]. Отсутствие на церковной службе или опоздания вызывали немедленную суровую реакцию Николая Павловича. Например, в апреле 1834 г. камер-юнкер А. С. Пушкин нарушил этикет, не явившись в придворную церковь «ни к вечерне в субботу, ни к обедне в Вербное воскресенье». После этого он немедленно получил

приказ явиться для объяснений. Сам поэт писал: «Однако ж я не поехал на головомытье, а написал изъяснение»[760].

Тем не менее и при грозном императоре во время длинных служб великие князья периодически умудрялись выскакивать из церкви «перекурить» на церковную лестницу. Поэтому 28 апреля 1847 г. был издан высочайший указ, в котором категорически запрещалось употребление «табаку в церквах во время отправления службы». После смерти императора Николая I весь этот порядок был очень скоро нарушен: «Каждый мог запаздывать, пропускать службу по желанию, не будучи обязан никому отдавать отчета»[761].

Конечно, Николай Павлович периодически исповедовался у своего духовника. Н. В. Музовского, как уже упоминалось выше, он «получил» от матери и старшего брата Александра I, память о котором Николай Павлович глубоко чтил. Однако облик и личные качества Музовского, видимо, претили Николаю I. Об этом косвенно свидетельствуют его слова, произнесенные в 1848 г., после назначения Бажанова на место умершего Музовского. После первой исповеди у нового духовника Николай I сказал семейству, что «первый раз в жизни исповедовался». Сам Бажанов писал, что не знает, что эти слова означают, но предположил, что «государь не исповедовал своих грехов перед духовниками, и духовники не предлагали ему вопросов, а прочитывали только молитвы пред исповедью и после исповеди»[762].

О личностных предпочтениях Николая I свидетельствует и то, что в 1841 г. именно Бажанову, а не Музовскому было поручено приобщить будущую императрицу Марию Александровну к таинствам православной церкви. Императрица Александра Федоровна, невольно сравнивая происходящее, отмечала: «Конфирмация моей невестки, цесаревны, совершалась совершенно при иных условиях: она нашла здесь прекрасного священника, который объяснил ей слово за словом все догматы и обряды нашей церкви…»[763] Тем не менее в завещании, составленном Николаем Павловичем в 1844 г., «отдельным пунктом» выражена благодарность «отцу-духовнику» Музовскому «за его верную долговременную службу; душевно его почитав»[764]. Мы можем предположить, что Музовский изначально не устраивал царя, но снять его с должности означало пойти против воли Александра I,

память которого чтил Николай I. В результате лишь после смерти Музовского в 1848 г. Бажанов стал духовником не только цесаревича Александра Николаевича, но и Николая I.

Современники неоднократно отмечали глубокую личную православную религиозность Николая I. Современница императора графиня А. Д. Блудова писала: «Николай Павлович — самый православный государь из царствующих над нами со времен Федора Алексеевича»[765]. В этом контексте особенно весомо звучит фраза Николая I, которую он произнес в ходе своей предсмертной беседы с Бажановым о вере: «Я не богослов; верую по-мужицки»[766]. И эта твердая мужицкая православность добавляет важный штрих к облику самодержца Николая I.

Отношение Александра II к религии не выходило за общепринятые рамки его круга. Он был, конечно, верующим человеком, выполнявшим все обязательные обряды православной церкви. Однако его религиозность была сродни религиозности Александра I — формальная вера, но без глубокого чувства. В отличие от отца к нарушениям дисциплины во время церковных служб он относился совершенно спокойно. Александр II не любил Москву, не любил когда ему напоминали, что он родился в Чудовом монастыре древней столицы. Он был «западником» и куда лучше чувствовал себя где-нибудь в Эмсе и вообще в Пруссии…[767]

В семье Александра II основным носителем православной религиозности была, как ни странно, императрица Мария Александровна. Бедная немецкая принцесса, ставшая цесаревной, а затем и императрицей, всем сердцем восприняла православные каноны. По свидетельству воспитательницы царских детей А. Ф. Тютчевой, «душа великой княгини была из тех, которые принадлежат монастырю»[768].

В начале 1850-х гг. внуки Николая I начали последовательно включаться в систему религиозного образования. Для старшего сына цесаревича Александра — великого князя Николая Александровича уроки Закона Божиего начались со 2 ноября 1850 г. Эти уроки вел Бажанов, которого утвердили в должности 20 января 1851 г. с оплатой в 285 рублей в год. Столько же он получал за преподавание всем остальным детям цесаревича. В начале

1851 г., когда великому князю Николаю Александровичу шел восьмой год, Бажанов стал готовить мальчика к первой исповеди и Великому посту[769]. В 1853 г. Бажанов готовил к первой исповеди уже восьмилетнего великого князя Александра Александровича, будущего Александра III[770].

Следует заметить, что кандидатура Бажанова в качестве учителя Закона Божиего при детях Александра II не была бесспорной. Императрица Мария Александровна хотела сама подобрать законоучителя для своего старшего сына, даже пойдя против традиций. Поэтому в начале 1850-х гг. в качестве возможной кандидатуры законоучителя рассматривался духовник Ольги Николаевны, принцессы Вюртембергской, — протоирей И. И. Базаров. Главной причиной такого решения являлось то, что Бажанов был загружен многочисленными должностями и детям мог уделять только малую толику своего внимания. А императрице требовалось все время духовника. Она писала Ольге Николаевне о Базарове: «…мы примем его с распростертыми объятиями. Но если в него запала хоть малейшая доля протестантизма, то мы не поймем друг друга. Я очень дорожу учебною частью (которой, увы, пренебрегает Бажанов)… я еще ничего не говорила Бажанову до получения ответа. Полагаю, что он сам поймет, что у него не хватает на это времени… не слишком ли он мягок? Но для детей мне прежде всего нужна сердечность»[771]. Однако по ряду причин вариант с Базаровым не прошел, и преподавание осталось за Бажановым, которого цари «глубоко уважали как своего многолетнего духовника, не пожелали оскорбить или просто даже огорчить»[772].

Но Мария Александровна, не осуществив свою идею в отношении старшего сына, все-таки реализовала ее для младших сыновей. Бажанов был отставлен от преподавания, и в 1859 г. ведение Закона Божиего передали протоирею Ивану Васильевичу Рождественскому, который служил при церкви Мариинского дворца, одновременно преподавая детям великой княгини Марии Николаевны. Он был переведен в Малую церковь Зимнего дворца и причислен к ней сверх штата[773]. К такому решению Рождественского подтолкнуло охлаждение его отношений с хозяйкой Мариинского дворца — великой княгиней Марией Николаевной. Это было связано с тем,

что священник отказался тайно совершать обряд венчания дочери Николая I и графа Строганова. Позже Рождественский стал настоятелем Малой церкви Зимнего дворца, членом Святейшего Синода и духовником императрицы Марии Александровны. С 1866 г. Рождественский был назначен на должность учителя Закона Божиего и духовника великого князя Сергея Александровича, а когда подрос великий князь Павел Александрович, он стал и его духовником[774].

Надо сказать, что царские дети искренне полюбили Рождественского. Великий князь Сергей Александрович после наступления совершеннолетия просил мать, императрицу Марию Александровну, подарить Ивану Васильевичу красивый наперсный крест. Императрица сама выбирала камни для креста и заказывала его рисунок. В январе 1876 г. одна из фрейлин императрицы Марии Александровны, по просьбе Сергея Александровича, купила материю на рясу Рождественскому. Видимо, священник сумел установить со своими духовными сыновьями ту тонкую душевную связь, которая и делает религию религией. После исповеди в феврале 1876 г. Сергей Александрович записал в дневнике: «Иван В. так со мною хорошо говорил!»[775]

Вместе с тем, Рождественский мог быть и строг со своими подопечными. Того же Сергея Александровича духовник мог строго разбранить за то, что тот пропустил всенощную во время масленицы (2 февраля 1877 г.).

Умер И. В. Рождественский в 1882 г. Удар с ним случился через несколько дней после кончины императора Александра II от горя и страшного потрясения, поскольку именно Иван Васильевич Рождественский приобщал святых тайн умирающего императора, когда его привезли во дворец[776].

Интересно также и то, что когда в начале 1860-х гг. цесаревичу Николаю Александровичу начали преподавать университетский курс, то в качестве «учебных пособий» использовали такие бесценные сокровища, как подлинники Остромирова Евангелия и летописи Нестора «Повесть временных лет»[777]. Профессор Московского университета Буслаев вспоминал: «Никогда не забуду, с каким наслаждением читал я ему об Остромировом Евангелие, об Изборнике Святославовом и о великолепных миниатюрах Сийского Евангелия по драгоценным рукописям, которые были доставлены

нам для лекций из Петербургской публичной библиотеки, из Московской синодальной и с далекого Севера, из Сийского монастыря»[778].

Воспитатели детей императора Александра II оставили дневниковые записи, в которых упоминается о повседневной религиозной жизни царских сыновей. Так, в марте 1862 г. великий князь Владимир Александрович (15 лет) «отвез Василию Борисовичу (Бажанову — *И. З.*) материю на рясу в подарок от императрицы»[779]. В апреле 1862 г., накануне пасхальных торжеств, дети рано утром пошли «на половину великого князя наследника на исповедь. Они вернулись назад в 10 минут девятого, что, мне кажется, слишком скоро для исповеди». После этого они отправились «к родителям, чтобы читать с императрицей книги духовного содержания»[780]. На следующий день мальчики, следуя традиции, красили яйца. И, наконец, в субботу 7 апреля 1862 г. воспитатель «в половине двенадцатого… разбудил великих князей, чтобы идти к заутрене. Разговлялись у государя около половины четвертого. Вернувшись назад, сейчас же легли спать»[781]. Так для мальчиков прошла Пасха 1862 г.

Пасха, как и везде на Руси, являлась особым праздником. Конечно, были традиционные подарки в виде пасхальных яиц. Если кто-то из семьи отсутствовал в Зимнем дворце, то подарки обязательно отправлялись по месту пребывания. Например, в Вербное воскресение 1865 г. Александр II отправил фельдъегеря в Ниццу к императрице Марии Александровне с пасхальными подарками. Сам же император в Пасхальную ночь 1865 г., как обычно, работал. Сначала с тремя сыновьями и всеми членами дома Романовых он присутствовал на торжественной светлой заутрене в Большой церкви Зимнего дворца. После заутрени он по традиции христосовался с присутствующими знатными особами и представителями гвардейских полков. Разговенный завтрак, как всегда, состоялся в Золотой гостиной Зимнего дворца. По признанию самого царя, он «вернулся в кабинет усталый после христосования с 416 лицами, отчего, по его выражению, у него закружилась голова»[782].

Мемуаристы в один голос отмечали, что религиозная жизнь в Зимнем дворце при императоре Александре II концентрировалась вокруг его жены — императрицы Марии Александровны. Хорошо знавший Марию Александ-

ровну граф С. Д. Шереметев писал: «Нужно признать, что она с полным сознанием и убеждением изучала все русское и прежде всего православие. Ее переход в православие не был простой формальностью. У нее были такие руководители, как митрополит Филарет, такие друзья, как В. Д. Олсуфьев, когда она была еще цесаревной, такие поклонники, как Николай I»[783]. Пожалуй, после Екатерины II не было императрицы, столь глубоко изучившей «нашу веру, наш строй и нашу народность. Она оставила крупный след, отразившийся в ее детях и придавший им то, что так отсутствует в других членах семьи иных ее поколений… Отражение матери следует искать в детях императора Александра II. Она воспитала «русское», честное поколение»[784].

Православная религиозность императрицы Марии Александровны не могла не повлиять на формирование искренней религиозности ее детей. Александр III вспоминал: «Мама́ постоянно нами занималась, приготовляла к исповеди и говению; своим примером и глубоко христианской верой приучила нас любить и понимать христианскую веру, как она сама понимала. Благодаря Мама́ мы, все братья и Мари, сделались и остались истинными христианами и полюбили и веру, и Церковь»[785]. После смерти матери цесаревич Александр Александрович писал младшему брату: «Если бы речь шла о канонизации моей матери, я был бы счастлив, потому что я знаю, что она была святая»[786]. Так старший сын оценил роль матери в формировании его православной религиозности.

Следует также отметить, что «кружок» императрицы Марии Александровны был центром придворных славянофилов. Большое влияние на императрицу во второй половине 1850-х и в 1860-е гг. имели ее фрейлины А. Ф. Тютчева и А. Д. Блудова. По воспоминаниям мемуаристов, Антонину Блудову при дворе прозвали «жандармом православия»[787].

В конце царствования Александра II был намечен «кадровый резерв» на должность царского духовника, поскольку Бажанов находился уже в весьма преклонном возрасте. В качестве преемника рассматривался Иван Леонтьевич Янышев. Он родился в 1826 г. в семье дьякона Калужской губернии. Курс в Санкт-Петербургской духовной академии Янышев завершил с ученой степенью бакалавра физико-математических наук. В 1851 г. его определи-

ли священником в православную церковь в Висбадене. В 1856 г. Янышева перевели в Санкт-Петербургский университет профессором богословия и философии, но в 1858 г. вновь направили в заграничную командировку, назначив священником к церкви русской миссии в Берлине. Затем был вновь Висбаден, где он проработал с 1859 по 1864 г. Все это время Янышев достаточно активно занимался научной работой.

И. Л. Янышев

Придворная карьера Янышева началась в 1864 г., когда он был приглашен в Копенгаген, чтобы преподавать Закон Божий невесте российского цесаревича, принцессе Дагмар. Цесаревичем на тот момент был тяжелобольной Николай Александрович. Наследник счел необходимым лично встретиться с Янышевым, с которым «долго беседовал… о предстоящей задаче, и остался вполне доволен отношением к столь важному делу ученого-богослова»[788]. После того как в 1866 г. Дагмар превратилась в цесаревну Марию Федоровну, услуги Янышева не были забыты, и его назначили ректором Санкт-Петербургской духовной академии (1866–1883).

Именно Янышев в своих проповедях с церковной кафедры толковал великие реформы Александра II. Когда осенью 1866 г. в Россию прибыла невеста цесаревича Александра Александровича — принцесса Дагмар, именно Янышев готовил ее к церемонии миропомазания, а императрица Мария Александровна учила ее, как подходить к иконам и молиться. 12 октября

1866 г. в Большой церкви Зимнего дворца состоялась церемония миропомазания, и принцесса Дагмар получила новое имя — Мария Федоровна[789]. Обряд миропомазания совершал митрополит Исидор в Большой церкви Зимнего дворца. Принцесса во время обряда была одета в простое белое платье со шлейфом, без украшений. Свидетельницей выступила сама императрица Мария Александровна[790]. В 1874 г. Янышев был призван к участию в делах по старокатолическому вопросу в качестве официального представителя русской церкви на боннской конференции. Именно он произнес 2 марта 1881 г. проповедь над гробом убитого террористами Александра II. По воспоминаниям Богдановича, эта речь произвела большое впечатление на присутствовавших: «Государь не скончался, он убит! Убит!» — закричал он на всю церковь. Эти слова были встречены глухими рыданиями»[791].

Продолжателем православной традиции на российском императорском престоле стал Александр III. «Мужицкая» внешность царя органично сочеталась с его глубокой верой. Современники подчеркивали, что личная религиозность Александра III носила камерный характер, но искренность этого чувства была совершенно очевидна для окружающих. Описывая события лета 1877 г., один из воспитателей царских детей, пообщавшись с будущим императором, отметил для себя, что цесаревич показался ему рассудительным, патриотичным, сведущим в русской истории и очень религиозным[792].

Многолетний соратник Александра III граф С. Д. Шереметев вспоминал, как однажды, в начале 1870-х гг., цесаревич Александр Александрович предложил ему искупаться. Тогда граф увидел на груди великого князя множество образков и среди них крест[793]. Граф вслух высказал свое удивление, поскольку в аристократической среде подобная религиозность не была принята. Впоследствии Шереметев объяснял увиденное русской натурой Александра III, которому была совершенно чужда космополитичность его отца.

Проявлялось это и в большом, и в малом. Так, Александр III, в отличие от отца, любил Москву. Он часто говорил, что его давнее желание — пожить в Москве, провести в ней Страстную неделю, поговеть и встретить Пасху

в Кремле[794]. Именно Александр III инициировал начало «императорской серии» ежегодных пасхальных яиц работы мастеров фирмы К. Фаберже. Именно Александр III положил начало традиции ежегодного пасхального христосования не только со свитой, но и с прислугой и нижними чинами охраны. В его уборной Аничкова дворца всегда горела в углу лампада перед иконами с подвешенными пасхальными яйцами[795].

Александр III хорошо знал детали православной обрядности, ему был близок и понятен церковный символизм. Он чувствовал, что без православия нельзя быть всецело русским человеком, что отречение от него равносильно отречению от России, ее духа, ее истории, ее преданий, ее силы[796].

При Александре III Зимний дворец остался только парадной резиденцией, поскольку царь там не жил. Он продолжал жить в Аничковом дворце, в котором поселился еще в 1866 г., после женитьбы. Примечательно, что в 1865–1866 гг., накануне свадьбы цесаревича, была перестроена церковь Аничкова дворца. Постепенно она пополнялась древними иконами, которые собирал цесаревич. Для звонницы были заказаны особые колокола, повторявшие знаменитые ростовские звоны. Даже священником в Аничковой церкви стал простой армейский полковой священник, которого судьба свела с цесаревичем во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Более того, в церковь Аничкова дворца имели право ходить все живущие во дворце: прислуга, кучера, старики унтер-офицеры. По свидетельству современников, «в церкви Аничкова дворца чувствовалась та теплота, которая совершенно отсутствовала в Малой церкви Зимнего дворца; стояли не чиновные люди, не свита, а разночинцы, и дорожили они этим правом… было что-то патриархальное в этом совместном молении, что-то резко отличавшееся от обычных дворцовых порядков»[797].

Тот же мемуарист, рассказывая о парадном выходе в Зимнем дворце 6 января 1891 г. по поводу очередной церемонии водосвятия на Неве, описывал церковную службу следующим образом: «Служба прекрасная, пение безукоризненное, церковь полна, фрейлины направо, царедворцы налево… Толпа равнодушных, дипломатический корпус со своими дамами в окнах Николаевской залы. Бинокли наставлены на Неву. Зрелище»[798].

Так же любовно Александр III обустроил и церковь Гатчинского дворца, в который он переехал со всей семьей в конце марта 1881 г. Надо заметить, что дворцовая Гатчинская церковь в начале 1880-х гг. имела вид не то гостиной, не то проходной комнаты, чему способствовали лестницы с двух сторон и полное отсутствие икон, кроме самых необходимых, на иконостасе. Мало-помалу Александр III лично занялся украшением церкви. Все подносимые ему иконы он развешивал там, причем некоторые — собственноручно. Церковь украшалась пасхальными яйцами, была возобновлена живопись, появилось «царское место». В результате через несколько лет она стала неузнаваема и действительно начала походить на православный храм. В ней как будто стало теплее, и протестантский оттенок совсем исчез. Граф С. Д. Шереметев подчеркивал, что Александр III «любил щегольнуть знанием церковного устава, хотя иногда и ошибался, но всегда дорожил церковным благолепием и был глубоко верующим (православным) человеком без всякой тени ханжества»[799].

Столь пристальное внимание Александра III к своим домовым церквям вызывало удивление даже у священников. Граф С. Д. Шереметев в мемуарах привел высказывание духовника царя Янышева по поводу того, что царь «вообще так любит иконы». В свою очередь граф выразил удивление по поводу «удивления» Янышева, которого он называл «двуличный Янус»[800].

Там не менее не ко всем придворным храмам Александр III относился одинаково. В Петергофе, в парке Александрия при императоре Николае I по проекту архитектора К. Ф. Шинкеля была выстроена придворная капелла Святого Александра Невского, в модном тогда готическом стиле. Александр III знал эту церковь с детства и не скрывал, что она ему не нравится, поскольку построена по образцу немецкой кирхи. При этом ему нравилась Ливадийская церковь[801], выдержанная в строгих православных архитектурных традициях. Кроме того, ему были дороги воспоминания о матери, которая также любила эту церковь и особенно заботилась о ней[802].

При Александре III императорский двор стал более строго следовать традициям православной обрядности. Во многом это было связано с влиянием обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева. Так, ему

удалось добиться принятия решения о полном прекращении театральных представлений в Петербурге во время Великого поста. Запрет на светские развлечения соблюдался и в императорской семье. Даже у маленькой великой княжны Ольги на время Великого поста прерывались уроки танцев[803].

Следует подчеркнуть, что Александру III удалось передать свое отношение к православию детям. Великая княгиня Ольга Александровна вспоминала, как в дворцовой церкви Гатчинского дворца собиралась семья и свита на пасхальную заутреню. С одной стороны, все неукоснительно следовали правилам этикета — на голове усыпанный жемчугами кокошник, вышитая вуаль до талии, сарафан из серебряной парчи и кремовая атласная юбка. С другой стороны, несмотря на неизбежную придворную официальность, религиозный порыв проявлялся в полной мере: «Я не помню, чтобы мы чувствовали усталость, зато хорошо помню, с каким нетерпением мы ждали, затаив дыхание, первый торжествующий возглас «Христос Воскресе!»»[804].

В. Б. Бажанов, занявший должность духовника императорской семьи при Николае I в 1848 г., оставался на этом посту в течение 35 лет, вплоть до самой смерти в 1883 г. уже при Александре III. На протяжении длительного времени он обучал Закону Божиему младших детей Николая I и всех детей Александра II. Не без его влияния сложилось мировоззрение и Александра III. Именно в религии Александр III искал нравственную опору, принимая подчас очень сложные, судьбоносные для России решения. Один из мемуаристов привел слова императора: «Когда что-то меня смущает, и я чувствую, что человеческими силами не выйти из тяжелого состояния души, стоит вспомнить слова Евангелия «Да не смущается сердце Ваше, Веруйте в Бога и в Мя веруйте», и этого довольно, чтобы прийти в себя»[805].

В 1883 г., после смерти В. Б. Бажанова, И. Л. Янышева назначили «духовником их императорских величеств, заведующим придворным духовенством и протопресвитером соборов Большого в Зимнем дворце и московского Благовещенского». Однако ни мемуаристы, ни другие источники не упоминали о какой-то особой духовной близости между глубоко и искренне верующим царем и его духовником. Янышев при дворе был скорее

сановником в рясе, добросовестно выполнявшим все возложенные на него обязанности.

Когда Александр III умирал в Ливадии в октябре 1894 г., рядом с ним находился его духовник Янышев. Однако при этом к царю был приглашен и знаменитый отец Иоанн Кронштадтский, который был известен не только как блестящий проповедник, но и как целитель. 10 октября 1894 г. Александр III принял Иоанна Кронштадтского. Современница свидетельствовала: «Войдя к нему, он сказал: «Великий государь, чем болеешь ты?» Они вместе молились, государь стал на колени. Отец Иоанн провел рукой по больным местам и причинил боль. Государь был очень тронут»[806]. Видимо, царь цеплялся за соломинку, поскольку врачи его уже приговорили, и он надеялся только на священника-целителя. Умер Александр III 20 октября 1894 г.

Николай II был одним из самых верующих российских монархов, и это связано не только с духовным воспитанием, но и с жизненными обстоятельствами, которые часто заставляли его искать утешения в религии. Как император, он строго выполнял все обязательства, связанные с обычной чередой дворцовых богослужений и церемоний. Но его личная религиозность проявлялась в искренности его веры. Домашний иконостас, находившийся в его спальне, поражал количеством икон.

Вопрос о законоучителе для будущего Николая II решался во второй половине 1870-х гг., и повторилась ситуация 1850-х гг., когда императрица Мария Александровна попыталась пригласить законоучителя для своих детей «со стороны». В 1875 г. Александр III и императрица Мария Федоровна, в обход Бажанова и Янышева, попытались пригласить на место законоучителя царских детей протоирея И. В. Рождественского, «которого они любили и с которым охотно беседовали». Граф С. Д. Шереметев вспоминал: «…нужен был законоучитель для цесаревича Николая Александровича, и родители остановились выбором на протоиерее Рождественском и при мне просили его очень убедительно принять на себя эту обязанность, но Рождественский, ссылаясь на болезнь и на упадок сил, не нашел возможным принять это предложение. Долго убеждали его родители… в действительности же Рождественский прожил недолго и открыл путь И. Л. Янышеву (Двуликий Янус)»[807].

Приводя эту цитату, следует уточнить, что Рождественский все же некоторое время являлся духовником будущего Николая II. По сложившейся традиции, в 1875 г. состоялась первая исповедь будущего императора Николая II, которому тогда исполнилось семь лет. Его духовником стал И. В. Рождественский. 12 февраля 1877 г. «вся семья приобщалась, и Ники, который второй раз исповедовался у Ивана В. Пили потом чай все вместе»[808]. После смерти Рождественского в 1882 г. духовником Ники некоторое время был престарелый Бажанов, которого в 1883 г. и сменил Янышев.

Когда цесаревич Николай Александрович приступил к изучению наук университетского курса, Янышев продолжил свою педагогическую карьеру при цесаревиче, читая ему курс канонического права в связи с историей церкви, а также богословие и историю религий.

Со временем религиозность Николая II стала приобретать черты фатализма. Николай II постоянно упоминал, что родился в день Иова Многострадального, и предрекал, что конец его царствования будет трагичным. Временем зарождения этого чувства можно считать Ходынскую катастрофу, произошедшую в мае 1896 г., во время коронации в Москве. Следует заметить, что в этой сложной ситуации, когда ему предлагались различные решения — от объявления траура по погибшим до «продолжения банкета», духовник царя отец Янышев вел себя совершенно пассивно. Как вспоминал влиятельный чиновник Министерства императорского двора В. С. Кривенко, он после Ходынки «бросился к духовнику государя о. Янышеву, умоляя его пойти к государю, настоять на отмене праздников. Протопресвитер вздыхал, высказывался уклончиво, а на представленный решительно вопрос ответил: разве он может беспокоить государя подобными заявлениями? Так узко формально понимал духовник царя свои обязанности, а Янышев слыл за высокообразованного человека, много лет прожившего за границей»[809].

Следует заметить, что не только Николай II был «запрограммирован» на трагическую кончину, в этом же была убеждена и императрица Александра Федоровна, о чем свидетельствует эпизод, произошедший во время Саровских торжеств в июле 1903 г. Там Николай II встречался с юродивой Пашей Саровской. Об этой встрече ходило много слухов. Художница

В. П. Шнейдер, участница Саровских торжеств, вспоминала свой разговор с императрицей по этому поводу: «Значительно позднее, на одном из приемов, когда императрица подолгу разговаривала со мной, разговор зашел про юродивых. Императрица спросила меня, видела ли я Саровскую Пашу. Я сказала, что нет. «Почему?» — «Да я боялась, что, прочтя как нервный человек в моих глазах критическое отношение к ней, она рассердится и что-нибудь сделает, ударит и тому подобное». И осмелилась, спросила, правда это, что когда государь император хотел взять варенья к чаю, то Паша ударила его по руке и сказала: «Нет тебе сладкого, всю жизнь будешь горькое есть!» — «Да, это правда». И раздумчиво императрица прибавила: «Разве вы не знаете, что государь родился в день Иова Многострадального?» Потом говорили о юродивых бургундских принцессах (Эльза, Лострип), грюндвальских старцах и прочих»[810].

После того как в конце 1904 г. Александровский дворец Царского Села стал постоянной резиденцией семьи Николая II, встал вопрос о месте для молитв императорской семьи. При этом Николай II в условиях революции был вынужден резко ограничить свои передвижения вне территории императорских резиденций.

Следует сказать, что формально в Александровском дворце домовой церкви не было. Однако еще в 1840-х гг. в нескольких комнатах дворца сформировалась домовая церковь. Это было связано с трагедией, которую в 1844 г. пережил Николай I. 24 июня 1844 г. в кабинете императрицы Александры Федоровны (жены Николая I) от скоротечной чахотки умерла дочь Николая I — Александра Николаевна. После ее смерти в кабинете императрицы была устроена дворцовая молитвенная комната. На месте, где стояла постель, появилась маленькая молельня. Иконостас с личными иконами княгини Александры Николаевны покоился на панелях, сделанных из ее же кровати братьями Гамбс. Центром молельни стала портретная икона с изображением умершей, в образе святой царицы Александры. При Николае I здесь служили панихиды по великой княгине. В соседней комнате была оборудована предмолельня. Этот мемориальный комплекс сохранялся во дворце вплоть до конца 1920-х гг.

Однако Николай II счел необходимым устроить свою домовую церковь в одном из дворцовых парадных залов. В выбранном им помещении при Николае I располагалась его спальня, затем это была парадная зала и, наконец, Малиновая гостиная императрицы Александры Федоровны. В этом зале был установлен походный иконостас Александра I, сопровождавший его во время заграничных походов 1813–1814 гг. и представлявший собой шесть тканых полотнищ, укрепленных на складной ширме[811]. Этот иконостас перевозился при Николае II в Ливадию и Спалу. Перед иконостасом в ряд стояли четыре стула для княжон, кресло для Николая II и стул для цесаревича Алексея. Для императрицы Александры Федоровны в этом же зале была устроена отдельная маленькая молельня с иконами на стенах, где были помещены кушетка и аналой. Конечно, скудный церковный антураж мало сочетался со светскими интерьерами парадных залов Александровского дворца. И когда в 1913 г. близ дворца был построен Федоровский собор, он и стал домовым храмом императорской семьи.

По свидетельству современников, Николай II хорошо разбирался в богословских проблемах и знал православную обрядность. Протопресвитер русской армии и флота отец Шавельский, находившийся в Ставке с 1914 по 1917 г. и лично наблюдавший царя, вспоминал: «В истории церковной он был достаточно силен, как и в отношении разных установлений и обрядов церкви… Государь легко разбирался в серьезных богословских вопросах и в общем верно оценивал современную церковную действительность, но принятия мер к исправлению ее ждал от «специалистов» — обер-прокурора Св. Синода и самого Св. Синода»[812]; «Государь выслушивал богослужение всегда со вниманием, стоя прямо, не облокачиваясь и никогда не приседая на стул. Очень часто осенял себя крестным знамением, а во время пения «Тебе» и «Отче наш» на литургии, «Слава в вышних Богу» на всенощной становился на колени, иногда кладя истовые земные поклоны. Все это делалось просто, скромно, со смирением. Вообще, о религиозности государя надо сказать, что она была искренней и прочной. Государь принадлежал к числу тех счастливых натур, которые веруют, не мудрствуя и не увлекаясь, без экзальтации, как и без сомнений. Религия давала ему то, что он более

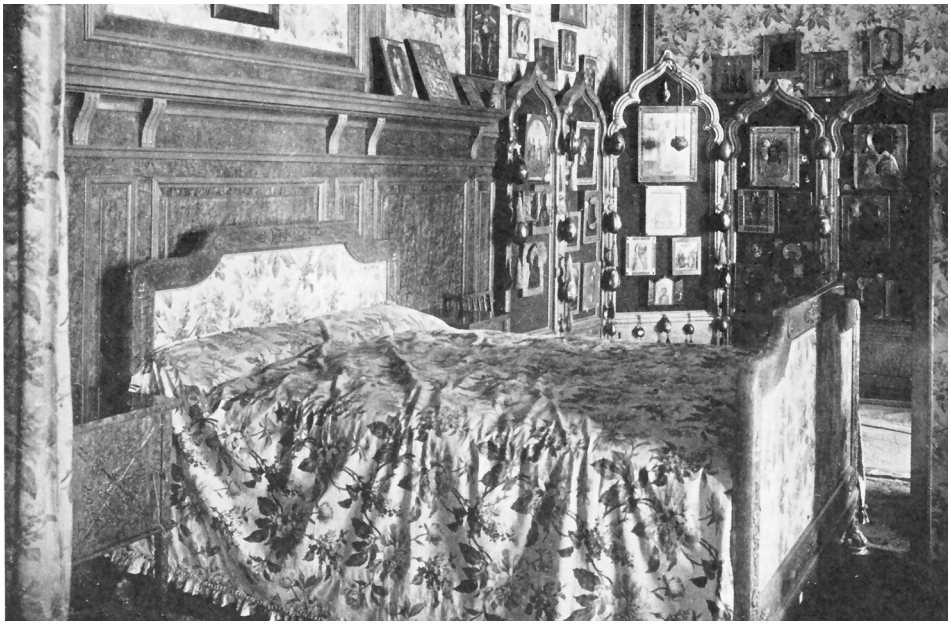
всего искал, — успокоение. И он дорожил этим и пользовался религией как чудодейственным бальзамом, который подкрепляет душу в трудные минуты и всегда будит в ней светлые надежды»[813].

Религиозность императора отмечалась всеми, кто его окружал. Генерал Ю. Н. Данилов вспоминал, что «император Николай был глубоко верующим человеком. В его личном вагоне находилась целая молельня из образов, образков и всяких предметов, имевших отношение к религиозному культу. При объезде в 1904 году войск, отправлявшихся на Дальний Восток, он накануне смотров долго молился перед очередной иконой, которой затем благословлял уходившую на войну часть.

Будучи в Ставке, государь не пропускал ни одной церковной службы. Стоя впереди, он часто крестился широким крестом и в конце службы неизменно подходил под благословение протопресвитера о. Шавельского. Как-то особенно, по-церковному, они быстро обнимали друг друга и наклонялись каждый к руке другого»[814].

Говоря о религиозности последнего российского императора, нельзя не упомянуть и его жену, императрицу Александру Федоровну, поскольку наряду с личными отношениями религия составляла прочную основу их брака. Необходимость перемены религии, обязательная для жены российского монарха, долгое время заставляла колебаться протестантку, дармштадтскую принцессу Аликс. Однако после того как она решила принять предложение руки и сердца наследника российской империи, она всем сердцем приняла и православие.

По сложившейся традиции, к невесте в Англию был прислан царский духовник отец Янышев, чтобы подготовить ее к переходу в православие. Это событие подробно обсуждалось в петербургских гостиных. Так, в июне 1894 г. в дневнике генеральши Богданович было зафиксировано: «Говорят, что Алиса находится под влиянием пастора, что Янышев, посланный наставлять ее в православной вере, произвел на нее мало впечатления, что она не поддается его убеждениям. Янышев — ученый холодный богослов, влиять на душу он не может. Про нее говорят, что она холодная, сдержанная»[815]. И это стало только началом всевозможных пересудов, которые шлейфом тянулись за Александрой Федоровной на протяжении всей ее жизни.

Спальня Николая II и Александры Федоровны в Зимнем дворце

В дневниках Николая II неоднократно зафиксирован весь круг религиозных обязанностей императорской четы. В 1895 г. молодая чета вместе проходила его впервые. 1 января 1895 г. к обедне приехали дяди Николая II — «Миша, Владимир, Алексей и тетя Михень». Одной из обязательных церемоний для императорской семьи была ежегодная церемония водосвятия на Неве. Для ее проведения напротив Иорданского (Посольского) подъезда Зимнего дворца сооружался шатер с помостом и в прорубь торжественно опускался серебряный крест. В дневнике Николая II следующим образом описывается это событие (5 января 1895 г.): «…надо было идти к вечерне с водосвятием. Аликс в первый раз присутствовала при окроплении всего дома святой водою». 6 января 1895 г.: «На улицах с утра стояли толпы народа, вероятно, ожидавшие выезда в Зимний; там происходило обычное водосвятие по Иордани без участия войск». 19 января 1895 г. молодой им-

ператор и муж показывал жене иконы и блюда в Концертном зале Зимнего дворца. После этого он «показал Аликс Малую церковь» дворца. Поскольку при дворе соблюдался траур по умершему Александру III, то масленичных гуляний в 1895 г. не было, и 13 февраля Николай II записал: «В этом году никакой разницы для нас нет между масленицей и постом, всё также тихо, только теперь, разумеется, дважды ходим в церковь. Настроение такое, что молиться очень хочется, само просится, в церкви, в молитве — единственное самое великое утешение на земле!» Это очень редкий и показательный эмоциональный всплеск для крайне сдержанного царя. 17 февраля 1895 г. Николай II и Александра Федоровна исповедовались «в нашей спальне после общей молитвы» отцу Янышеву.

В марте — апреле 1895 г. императрица Александра Федоровна впервые приняла участие в церковных службах, связанных с православной Пасхой. 4 марта супруги «пошли ко всенощной с поклонением святому Кресту». На следующий день участвовали в обедне. 25 марта ходили «ко всенощной — получили вербы». 26 марта были на обедне. 27 марта «были на вечерней службе». Поскольку дела никто не отменял, а Николай II еще не выработал жесткий ритм своих занятий, то в этот день ему «пришлось заняться делами и вечером, так как потерял час из-за церкви». 28 марта супруги присутствовали на обедне и вечерней службе. 30 марта они «пошли к 12-ти Евангелиям». 31 марта «был вынос плащаницы». 1 апреля ходили к обедне. В этот день Александра Федоровна «занялась краскою яиц с Мишею и Ольгою», и вечером были «обоюдные подарки и разные сюрпризы в яйцах. В 11.50 пошли к заутрене, в первый раз в нашу домашнюю церковь». А в воскресенье 2 апреля была Пасха с длинной службой и разговлением.

Искренняя и экзальтированная религиозность Александры Федоровны далеко выходила за общепринятые при императорском дворе рамки. Исследователи отмечали ее отчетливую наследственную предрасположенность к религиозному мистицизму. Обычно это связывали с тем, что среди далеких предков императрицы значилась святая Елизавета Венгерская. Рано умершую мать Александры Федоровны связывала долголетняя дружба с известным теологом Давидом Штраусом. Повышенная религиозность, переходящая в

мистицизм, была характерна и для старшей сестры императрицы — великой княгини Елизаветы Федоровны[816]. Эта предрасположенность к религиозному мистицизму привела к восприятию не только догматов православия, но и всей его обрядовой стороны.

Хорошо знавшие императрицу люди отмечали ее тягу к религиозности, более характерную для допетровской Руси, с почитанием старцев и юродивых[817]. Следует отметить, что официальная церковь не одобряла подобные вещи, расценивая их как «крайнюю и даже болезненную форму православия». Это проявлялось в ненасытной жажде знамений, пророчеств, чудес, отыскивании юродивых, чудотворцев, святых как носителей сверхъестественной силы[818].

Именно императрица инициировала процедуру канонизации Серафима Саровского в 1903 г. Произошло это при трагических для нее обстоятельствах. Дело в том что Александра Федоровна родила подряд четырех дочерей, и вопрос о престолонаследии для нее стоял очень остро. Поэтому в Петербург из Франции был приглашен экстрасенс Филипп, который гарантировал императорской чете рождение мальчика. Однако вместо ожидаемого мальчика у императрицы оказалась замершая беременность, и пришлось объяснять всей стране, почему не родился официально обещанный ребенок. Но даже при столь тяжелых обстоятельствах Александра Федоровна не утратила веру в Филиппа. Этим воспользовались российские духовные иерархи. На даче великого князя Петра Николаевича, близ Петергофа, состоялась встреча мартиниста Филиппа и отца Иоанна Кронштадтского. Именно он подсказал Филиппу идею канонизации Серафима Саровского, связывая с этим рождение мальчика в царской семье. Филипп выполнил свою задачу, и Серафим Саровский, несмотря на сопротивление обер-прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева, был канонизирован. А летом 1904 г. в царской семье родился цесаревич Алексей Николаевич. Именно с этим событием связано появление в кабинете Николая II большого портрета святого Серафима[819].

Примечательно, что во время Саровских торжеств, видимо, с подачи Александры Федоровны, Николай II «очень желал, чтобы лейб-медик Велья-

минов зарегистрировал бы случаи исцелений, которых было множество, было прозрение слепых, хождение параличных и т. д. Вельяминов отказывался наотрез от регистрирования, говорил, что все эти случаи вполне объясняются на нервной почве, а он даст свое имя только тогда, если у безногого вырастет нога»[820].

Императрица Александра Федоровна со временем стала хорошо разбираться в русской православной литературе. Основу ее личной библиотеки составляли религиозные книги, прежде всего труды отцов церкви. Со временем императрица научилась даже разбирать тексты на старославянском языке. По свидетельству современницы, «ее величество много читала, ее главным образом интересовала серьезная литература. Библию она знала от корки до корки»[821]. Как и у русских цариц допетровского периода, любимым занятием Александры Федоровны стало вышивание принадлежностей церковного обихода[822].

Однако при всей религиозности императорской четы царские духовники влияния на нее фактически не имели. Периодические исповеди носили формальный характер. К сожалению, следует признать, что появление Распутина близ царской четы было связано не только с болезнью цесаревича Алексея, но и с отсутствием духовного авторитета. Отец Янышев, начавший свою придворную карьеру еще при Александре II, к тому времени уже одряхлел и не мог затронуть душу императрицы. Поэтому Александра Федоровна, имея официального духовника, начала поиски авторитетного для нее духовного иерарха. Таким неофициальным духовником стал Феофан Полтавский (Василий Дмитриевич Быстров)[823]. Его знакомство с царской семьей обычно датируется 1905 г. Архимандрит Феофан не только вел духовные беседы с императрицей, но и служил в домовой церкви Александровского дворца. При этом Александра Федоровна со своими дочерьми пела на клиросе всю литургию. Он же исповедывал всю царскую семью. Следует отметить, что не без его одобрения в Александровском дворце началась придворная карьера Г. Е. Распутина. Такая ситуация с наличием официального (И. Л. Янышев) и неофициальных (В. Д. Быстров и Г. Е. Распутин) духовников сохранялась при императорском дворе вплоть до лета 1910 г.

Летом 1910 г. произошло несколько важных событий. Во-первых, скончался духовник императорской семьи Янышев, и формально должность царского духовника оказалась вакантной. По мнению одного из современников, «знаменитый протопресвитер Иоанн Леонтьевич Янышев, оставивший как талантливый ректор Академии (1866–1883), как ученый, как блестящий проповедник великую память о себе и в то же время как протопресвитер (1883–1910) и администратор — плохое наследство... придворное духовенство, несмотря на прекрасное материальное обеспечение и все исключительные преимущества и выгоды своего положения, блистало отсутствием талантов, дарований, выдающихся в его составе лиц. В общем, может быть, никогда раньше состав его не был так слаб, как в это время: Иоанна Леонтьевича некем было заменить. Между тем, еще при его жизни потребовались заместители, в последние годы он ослабел, ослеп. Поэтому еще при жизни своей он должен был передать другим обязанности царского духовника и законоучителя детей»[824].

Во-вторых, к 1910 г. императрица Александра Федоровна определилась с кандидатурой своего неофициального духовника. Несмотря на то что в 1909 г. состоялись хиротония архимандрита Феофана в епископы и его назначение на должность ректора Санкт-Петербургской духовной академии, влияние Г. Е. Распутина, не занимавшего никаких официальных должностей при императорском дворе, стало безусловным. Епископ Феофан пытался бороться с создавшейся ситуацией, но исходом этой борьбы стало его удаление из Петербурга на Таврическую кафедру в 1910 г. При этом епископ Феофан пытался бороться с Распутиным и позже. В 1911 г. он предложил церковным иерархам обратиться с коллективным письмом к царю, целью которого было «раскрыть ему глаза» на Распутина. Однако иерархи отказались, сославшись на то, что Феофан — духовник императрицы, и это его личный долг. И Феофан пошел до конца. Осенью 1911 г. он добился личной аудиенции у Александры Федоровны в Ливадии. Встреча продолжалась полтора часа. Собеседники друг друга не поняли, и вскоре епископ Феофан попросил перевести его в Астрахань, подальше от царского дворца в Ливадии.

В-третьих, в 1910 г., после смерти И. Л. Янышева, все занимаемые им ранее должности были разделены между четырьмя священниками. Протопресвитером армии и морского флота стал Георгий Иванович Шавельский. Заведующим придворным духовенством был назначен духовник вдовствующей императрицы Марии Федоровны Петр Афанасьевич Благовещенский. Духовником императорской семьи стал протоиерей Николай Григорьевич Кедринский, а законоучителем царских детей — протоиерей Александр Петрович Васильев.

В целом это были довольно слабые назначения. Протопресвитер армии и морского флота Г. И. Шавельский оказался самой сильной кандидатурой в этом списке. Среди офицерства и солдат он пользовался авторитетом. Николай II, заняв в августе 1915 г. должность Верховного главнокомандующего и почти постоянно живя в Ставке, с большим уважением относился к нему. Следует отметить, что Шавельский не был для армии чужим человеком. Он участвовал в Русско-японской войне и «в деле» под Ляояном как священник 33-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, был контужен.

Глава придворного духовенства П. А. Благовещенский на момент назначения был немощным 80-летним старцем, теряющим память и больше озабоченным материальными благами, чем делами придворной службы.

Законоучитель царских детей протоиерей А. П. Васильев не имел должного влияния и ограничивался только учебными занятиями «по предмету». Когда подрос цесаревич Алексей Николаевич, его начали учить Закону Божиему. В 1915–1916 учебном году в расписании цесаревича Алексея значились три урока Закона Божиего в неделю.

Царский духовник всегда занимал особое положение в придворной иерархии, поскольку принимал исповедь царей. По словам Г. П. Шавельского, протоиерей Н. Г. Кедринский «еще при Янышеве попал в духовники по какому-то непонятному недоразумению»[825]. Н. Г. Кедринский имел диплом Санкт-Петербургской духовной академии и стаж долгой придворной службы, на которую он попал через «взятие», женившись на дочери пресвитера собора Зимнего дворца, протоиерея Щепина. Шавельский характеризовал

его как «тип простеца, не злого по душе, но который себе на уме, довольно хитрого и недалекого»[826].

Это назначение, состоявшееся в 1910 г., конечно, не было случайным. В это время влияние Г. Е. Распутина и А. А. Вырубовой на царскую семью было весьма значительным. При этом Распутин уже являлся фактическим и высокочтимым царским духовником. В этой ситуации назначение Н. Г. Кедринского можно считать не более чем формальностью, поскольку фактически место царского духовника было прочно занято Распутиным. Видимо, такое положение вещей вполне устраивало Николая II и его супругу. О том, как по-разному в царской семье относились к Распутину и Кедринскому, свидетельствуют дневниковые записи царя. С одной стороны, 13 января 1913 г. Николай II коротко фиксирует: «Принял Кедринского»; 10 апреля 1913 г.: «В 10 час. исповедывались у о. Кедринского». А с другой стороны, 18 января 1913 г. Николай II записал: «В 4 часа приняли доброго Григория, который остался у нас час с ¼».

Судя по всему, судьба отца Кедринского решилась осенью 1913 г. По крайней мере, уже в октябре 1913 г. Николай II с семьей исповедовались отцу Васильеву «в молельне» (20 октября 1913 г.). Высочайшим указом от 2 февраля 1914 г. Н. Г. Кедринский был смещен с должности официального царского духовника. Это смещение подсластили назначением его на пост помощника заведующего придворным духовенством. Следует подчеркнуть, что факт смещения царского духовника высочайшим указом не имел прецедентов, по крайней мере, в имперский период истории России. Интересно, что Александра Федоровна в личной переписке после 1917 г. называла А. Ф. Керенского — «Кедринским».

Причиной этого решения, нарушившего все придворные традиции, стало поведение самого отца Кедринского. По воспоминаниям Шавельского, «ни ученых, ни общественных заслуг за ним не значилось. Его малоразвитость, бестактность и угловатость давали пищу бесконечным разговорам и насмешкам. Более неудачного «царского» духовника трудно было подыскать. При дворе это скоро поняли, ибо трудно было не понять его. Придворные

относились к нему с насмешкой. Царь и царица терпели его. Но и их многотерпению пришел конец».

В результате духовником семьи Николая II с февраля 1914 г. стал отец Васильев. Александр Петрович Васильев родился в крестьянской семье, проживавшей в Смоленской губернии. Он окончил курс Петербургской духовной академии в 1893 г., но ученой степени кандидата богословия не получил. Свою карьеру он начал в церкви Крестовоздвиженской общины сестер милосердия в Петербурге, преподавал Закон Божий в нескольких гимназиях и очень много проповедовал среди рабочих Нарвского района. До назначения ко двору он пользовался в Петербурге известностью народного проповедника, дельного законоучителя и любимого духовника. Прекрасные душевные качества, доброта, отзывчивость, простота, честность, усердие к делу Божьему, приветливость расположили к нему и его учеников, и его паству. Кроме того, отцу Васильеву нельзя было отказать не только в уме, но и в известной талантливости[827].

Сразу же по назначении на столь почетную должность отцу Васильеву пришлось определяться с отношением к Распутину, от которого прямо зависела его карьера. Только при определенной лояльности Васильев мог рассчитывать сохранить свою должность. При этом на него давили многочисленные противники Распутина, пытаясь использовать его новое положение.

Конечно, будучи вхож в царскую семью с января 1910 г., к февралю 1914 г. Васильев был уже в курсе ситуации. Кроме того, его весьма ценила императрица Александра Федоровна. В своих письмах она периодически упоминала о проповедях протоиерея Васильева, давая им самую высокую оценку. Так что, судя по всему, Васильев смог достаточно лояльно отнестись к Распутину. Однажды с ним беседовал на эту тему Шавельский. В разговоре, продолжавшемся более трех часов, Шавельский уяснил для себя со слов Васильева, что «Александра Федоровна считала Распутина не только народным целителем, но и духовным авторитетом: «Он (Распутин) совсем не то, что наши митрополиты и епископы. Спросишь их совета, а они в ответ: «Как угодно будет вашему величеству!» Ужель я их спрашиваю за тем,

чтобы узнать, что мне угодно?» А Григорий Ефимович всегда свое скажет, настойчиво, повелительно»[828].

Основой этой повелительности была искренняя вера Распутина в самого себя[829]. По воспоминаниям Шавельского, «отец Васильев не отрицал ни близости Распутина к царской семье, ни его огромного влияния на царя и царицу, но объяснял это тем, что Распутин — действительно человек, отмеченный Богом, особо одаренный, владеющий силой, какой не дано обыкновенным смертным, что поэтому и близость его к царской семье, и его влияние на нее совершенно естественны и понятны. О. Васильев не называл Распутина святым, но из всей его речи выходило, что он считает его чем-то вроде святого».

Из этого разговора Г. И. Шавельский вынес твердое убеждение, что при всех положительных качествах официального царского духовника Г. Е. Распутин — «фактически негласный духовник и наставник в царской семье, лицо, пользовавшееся в ней таким бесспорным авторитетом, каким не пользовался ни талантливый, образованнейший протоиерей Янышев, ни все три вместе заместителя его… Распутин стал как бы обер-духовником царской семьи. После краткой, в течение нескольких минут, исповеди у своего духовника на первой неделе Великого поста 1916 г. государь более часу вел духовную беседу со «старцем» Григорием Ефимовичем».

В заключение мы можем констатировать, что религиозные традиции, бытовавшие в царской семье, на протяжении XIX в. постепенно менялись. Начало этих изменений можно отнести к царствованию Николая I, заложившего основы «национальной модели» управления. Новый импульс развитию этой модели придали царствования Александра III и Николая II. Однако если православная религиозность Александра III стала органичной частью его внутренней политики, то религиозность его сына не только не вышла за рамки его «закрытой» личной жизни, но и привела к созданию кризисной внутриполитической ситуации, когда либеральной оппозиции удалось успешно разыграть «карту Распутина», дискредитируя царскую семью.

Роль царских духовников на протяжении всего XIX в. не выходила за жестко очерченные служебные рамки. Они совершали все необходимые при

дворе службы, занимались административной, научной и педагогической деятельностью, однако серьезного воздействия на души членов императорской фамилии не оказывали. Только Распутин, который сумел стать фактическим духовником царской семьи, оказывал действенное влияние и на ее духовную жизнь, и на принятие вполне светских решений. Характер и степень этого влияния выходят за рамки данного повествования, поэтому и не рассматриваются. Однако стоит отметить, что едва только Распутин получил доступ в императорские покои, немедленно началась ожесточенная борьба придворных группировок как за возможность манипулирования самим Распутиным, так и за полную ликвидацию его воздействия на императорскую семью, что и вылилось в убийство Распутина в декабре 1916 г.

Наследственные черты Романовых

Специфика «царской профессии» предполагала многочисленные публичные контакты между монархом и подданными. Конечно, для каждого из подданных Российской империи возможность просто увидеть царя превращалась в одно из главных событий жизни. А уж если царь с кем-то заговаривал, то это становилось поводом для написания мемуаров. Другими словами, любой, даже самый мимолетный разговор с царем становился для подданного важнейшим событием и запоминался на всю жизнь. Казалось бы, для монарха эта ситуация должна была обладать совершенно противоположным эффектом, в его памяти бесконечная череда лиц не могла оставить и следа. Однако, как это ни удивительно, след оставался.

Бóльшая часть семьи Романовых на всем протяжении царствования обладала такой счастливой для монархов способностью, как память на лица. Да и вообще все они отличались хорошей памятью. Это было очень важно при столь публичной профессии, поскольку хорошая память необычайно способствовала популярности. В мемуарах рассыпано множество примеров этой знаменитой «памяти Романовых», которая, по всей видимости, являлась устойчивой наследственной чертой. Монархи знали об этом и при случае старались блеснуть своими способностями. Можно привести несколько примеров, относящихся ко времени правления Николая I.

Император Николай Павлович дважды за свою жизнь посетил Англию — в 1817 и 1844 гг. Перерыв между этими визитами составлял 27 лет. Тем не менее во время визита 1844 г. он вспомнил старого слугу, который прислуживал ему в 1817 г. «Я помню вас. Вы состояли при мне во время моей предыдущей поездки в Англию»[830], — сказал ему царь. Американский посланник Д. Даллас привел следующие слова Николая I: «Полторы недели тому назад я встретил вас, и вы меня не узнали. А вот я никогда не забываю лиц, хотя бы видел человека всего пять минут»[831]. Дочь Николая I — великая княгиня Ольга Николаевна писала: «У него была замечательная память на фамилии и лица, и он мог много лет спустя, встретясь с кем-нибудь, назвать его по фамилии или отнестись к нему как к товарищу, что доставляло иногда больше радости, чем всякая награда»[832].

Один из бывших кадетов рассказывал, как, глядя на ребенка, Николай Павлович вспомнил его отца: «Император Николай Павлович славился своей памятью на лица и имена, и потому неудивительно, что он вспомнил моего отца… Такая внимательность государя не была обусловлена решительно ничем, кроме его замечательной памяти, которую он любил выказывать, а также его чисто отеческого отношения ко всем вообще детям»[833].

Подобные эпизоды бывали и в других учебных заведениях. Барон Корф упоминал, как император Николай I, обладавший «чудесной памятью, в особенности на лица, имена и фамилии», в декабре 1846 г. посетил Пажеский корпус и встретил племянника Корфа, при этом царь вспомнил, как звали отца мальчика, который умер в 1831 г., то есть за пятнадцать лет до встречи[834].

Старший сын Николая I — Александр II в полной мере унаследовал память отца. Упоминания об этом имеются, однако их значительно меньше по сравнению с Николаем I. На еженедельных воскресных разводах караулов император Александр II знал по имени не только всех офицеров, но и многих нижних чинов. В мемуарах рефреном проходит мысль, что «память у государя и наблюдательность были поразительные, в чем и мы не раз имели случай убедиться»[835].

У Александра III эта наследственная черта Романовых столь ярко не проявилась. Видимо, память на лица у него была в пределах нормы. При

этом следует помнить, что Александр III не блистал в годы учебы, и за ним закрепилась репутация малоспособного ребенка. Зато он в полной мере унаследовал харизму власти своего деда.

Возродилась наследственная память в полной мере в Николае II. М. Ф. Кшесинская, близко знавшая Николая в бытность его цесаревичем, свидетельствовала, что наследник был очень образован, великолепно владел языками и обладал исключительной памятью, в особенности на лица и на всё, что он читал[836]. Крупный чиновник В. И. Гурко также отмечал, что Николай II обладал исключительной памятью: «Благодаря этой памяти его осведомленность в разнообразных вопросах была изумительна»[837]. А. Н. Шварц, министр народного просвещения, писал в мемуарах: «Бросалась в глаза его редкая память, если не на лица, — зрительная память его, кажется, была невелика, — то на имена, числа, годы и т. п. В этом отношении он положительно поражал меня»[838]. Важно, что это оценка педагога. О прекрасной памяти царя писал также военный министр А. Редигер. Он процитировал слова царя о его способе борьбы с бессонницей: «Он мне говорил, что в редких случаях бессонницы он начинает перечислять в памяти полки по порядку номеров и обыкновенно засыпает, дойдя до резервных частей, которые знает не так твердо»[839]. Следует заметить, что названия полков русской армии были достаточно сложны и речь шла о сотнях наименований. Близкая ко двору Лили Ден вспоминала, как Николай II во время одного из приемов через двенадцать лет узнал полковника сибирского полка, с которым мимоходом встречался в 1891 г., когда возвращался в Петербург из Японии через Сибирь[840].

Таким образом, мы можем уверенно констатировать наличие такой наследственной черты, как прекрасная память у нескольких поколений правящего дома Романовых. Степень яркости ее проявления была различной, как и степень ее «эффективности». Так, современники, единодушно признавая факт выдающейся памяти Николая II и, соответственно, высокий уровень его эрудиции, не менее единодушно утверждали, что у царя была слабо развита способность к аналитическому мышлению. Поэтому, по мнению некоторых мемуаристов, богатейшие знания царя представляли собой груду несистематизированного и отчасти бесполезного хлама.

Говоря о памяти первых лиц государств, можно добавить одно интересное замечание. В 1948 г. в США во время предвыборной кампании Г. Трумэна впервые была использована технология, которая значительно раньше применялась российскими монархами на уровне инстинкта. При подготовке визита Трумэна в тот или иной американский город политтехнологи устанавливали всех представителей населения, с кем ранее в той или иной ситуации общался американский президент. И когда президент, пожимая руку избирателя, «вспоминал» очередного Джона или Смита и напоминал ему обстоятельства предыдущей встречи, это производило на избирателей неотразимое впечатление. Почти такое же, как и в далекой России много лет назад, когда Николай I или Николай II вспоминали не только имя, но и послужной список человека. Разница состояла только в том, что в XX в. на Трумэна работала целая команда специалистов, заранее готовивших для него «воспоминания», а российские монархи обходились только собственной головой.

Филологическая подготовка российских монархов

Особое место в образовании российской императорской семьи занимала филологическая подготовка. В этом процессе были два встречных потока. С одной стороны, жены русских императоров — как правило, немецкие принцессы — были вынуждены срочно изучать язык своей новой родины. С другой, русские великие князья и княжны изучали внушительный блок иностранных языков.

Необходимость изучения иностранных языков ни у кого не вызывала вопросов. Во-первых, в дворянской России знание французского языка было просто необходимо, поскольку петербургский бомонд использовал его как язык повседневного общения. Во-вторых, императрицы, будучи сами носительницами иностранного языка (немецкого или датского), передавали его своим детям. В-третьих, все многочисленные взаимные родственные или официальные визиты требовали общения без переводчиков. Это было нормой дипломатической практики XVIII — начала XX в. В-четвертых, полиязычность императорского двора формировала многослойную структуру восприятия мира, когда органично, на языке носителя, усваивалась европейская культура во всем ее многообразии. В-пятых, уровень знания

иностранных языков при императорском дворе служил почти официальным индикатором, делившим присутствующих на «своих» (тех, кто знал иностранные языки, как родные) и «чужих» (тех, кто говорил на смеси нижегородского с французским). И только тот «чужой», кто поднимался на самый верх иерархической лестницы, мог пренебречь этим индикатором. И общество смирялось с этим. Таким примером являлся А. А. Аракчеев, который учился на «медные деньги» и языками не владел.

Следует упомянуть еще об одной важной составляющей филологического блока образования царских детей. Цесаревич и великие князья должны были правильно, без акцента говорить по-русски. При многоязычном императорском дворе, где дети сначала начинали говорить на английском или французском языках и только потом на русском, это было необычайно важно. Все это достаточно очевидно, но при этом мало кому известно, как, собственно, строился образовательный процесс.

В XVIII в. в основу филологического образования было положено прямое общение детей с носителями языка, которых зачисляли в обслуживавший штат царственных младенцев. Английские бонны не только растили младенцев, но и общались с ним. Детей окружали вниманием придворные, для которых французский язык был более органичен, чем родной. А бабушка Екатерина II, как и все последующие немки на троне, всегда хорошо помнила свои корни. В результате этого «вавилонского» смешения языков дети усваивали начала многих иностранных наречий, органично врастая в пеструю языковую среду.

Примечательно, что эти традиции сохранялись вплоть до начала XX в. Дети начинали одновременно говорить и по-русски, и по-английски, уже в раннем возрасте усваивали основы французского языка. Так, о великом князе Сергее Александровиче, которому в 1865 г. шел девятый год, его воспитатель писал: «Из новых языков Сергей Александрович довольно свободно владел английским языком, которому научился, конечно, исключительно практически, почти одновременно с тем, как начал говорить и по-русски, благодаря тому, что был на руках у англичанки-няни Е. И. Стуттон. Довольно бегло великий князь говорил и по-французски, научившись этому

языку практическим путем частью под руководством г. Реми, частью слыша постоянно французскую речь родителей, и в обществе сестры, когда он был на попечении А. Ф. Тютчевой… Наконец, и по-немецки еще до отъезда за границу летом 1864 г. Сергей Александрович начал брать уроки, но говорить еще не умел»[841]. Таким образом, для российских монархов и великих князей со второй половины XVIII и до начала XX в. было нормой знание трех-четырех иностранных языков.

Начало этой практике было положено при дворе Екатерины II. О 4-летнем внуке, будущем Александре I, Екатерина II писала в июле 1781 г., что «он очень хорошо понимает по-немецки и еще более по-французски и по-английски»[842]. Для того чтобы закрепить и систематизировать языковую подготовку внука, к нему в 1784 г. был приглашен преподаватель французского языка швейцарский гражданин Цезарь Лагарп.

Когда подросли младшие сыновья Павла I, они также приступили к изучению иностранных языков. Будущему Николаю I французский язык стали регулярно преподавать в 1802 г., когда ему исполнилось семь лет, и первой его учительницей была мать — вдовствующая императрица Мария Федоровна. Затем этот процесс перешел в руки профессионального педагога дю-Пюже. Впоследствии Николай I вспоминал, что эти уроки ему не особенно нравились.

Одновременно с французским в 1802 г. начались уроки русского языка. При этом уроки русского, в отличие от иностранных языков, вели дилетанты. Так, первой учительницей русского языка будущего императора стала его воспитательница — шотландка мисс Лайон. С ней он учил русскую азбуку. Затем занятия русским языком перешли под контроль безымянных дежурных кавалеров. Вряд ли эти дежурные уделяли серьезное внимание правилам. Так или иначе, но в 1806 г. Николай Павлович уже писал сочинения на русском языке.

В январе 1804 г. 9-летний великий князь Николай Павлович начал изучать немецкий язык, который ему преподавал профессиональный учитель Аделунг. Этот же педагог вел у великого князя латинский и греческий языки[843]. Древние языки в то время были обязательной частью добротного обра-

зования, однако в аристократической среде изучение латыни и греческого не было широко распространено. Эти языки были введены в образовательную программу Николая Павловича по настоянию его матери — императрицы Марии Федоровны, и с их изучением у Николая I связаны самые мрачные воспоминания[844].

Когда в 1817 г. великий князь Николай Павлович женился на прусской принцессе Луизе, принявшей в православии имя Александры Федоровны, новой великой княжне, как и ее предшественницам, пришлось срочно приступить к изучению русского языка. Летом 1817 г. в учителя к Александре Федоровне был определен Василий Андреевич Жуковский, являвшийся в то время уже известным поэтом.

В. А. Жуковский был поэтом, а отнюдь не преподавателем-методистом. Поэтому его уроки преследовали цели весьма высокие, но, к сожалению, далекие от утилитарной задачи — в кратчайшие сроки научить прусскую принцессу правильно говорить по-русски. В дневнике В. А. Жуковский свои педагогические задачи формулировал следующим образом: «Я надеюсь со временем сделать уроки свои весьма интересными. Они будут не только со стороны языка ей полезны, но дадут пищу размышлению и подействуют благодетельным образом на сердце»[845].

От своей воспитанницы он, конечно, слышал только слова благодарности (6 ноября 1817 г.): «Урок мой был очень приятен… Я имел удовольствие слышать от нее, что мои уроки ей нравятся»[846]. Однако впоследствии Александра Федоровна хотя и вспоминала эти уроки с благодарностью, но это не мешало ей видеть методические огрехи своего учителя. С уважением относясь к Жуковскому, она считала его слишком «поэтичным», чтобы быть хорошим учителем[847]. По ее словам, «вместо того чтобы корпеть над изучением грамматики, какое-нибудь отдельное слово рождало идею, идея заставляла искать поэму, а поэма служила предметом для беседы; таким образом проходили уроки. Поэтому русский язык я постигала плохо, и, несмотря на мое страстное желание изучить его, он оказывался настолько трудным, что я в продолжение многих лет не имела духу произносить на нем цельных фраз»[848].

Судя по всему, относительно регулярные уроки русского языка продолжались около полутора лет. По крайней мере, зимой 1819 г. Александра Федоровна еще продолжала «брать уроки у Жуковского»[849]. Впрочем, салонным языком российского императорского двора в это время был французский, и по-русски при дворе говорили мало. Надо сказать, что у молодой великой княжны в начале ее жизни России были серьезные филологические сложности, поскольку кроме русского языка ей пришлось срочно закрывать пробелы и во французском, на котором она также поначалу «затруднялась говорить»[850].

Конечно, со временем все проблемы были решены, хотя трудности с русским языком у императрицы оставались на протяжении всей ее 43-летней жизни в России. К своему первому учителю русского языка — поэту В. А. Жуковскому она сохранила теплое отношение и хорошо помнила его уроки. У них были даже свои «юбилеи». Так, 12 марта 1842 г. она сочла своим долгом написать поэту: «И вот мы с вами отпразднуем наши серебряные уроки, кажется, в сентябре месяце. 25 лет!!! Боже мой, это целая жизнь»[851].

Об уровне владения иностранными языками российских монархов сохранились свидетельства самих иностранцев. Так, американский посланник Д. Даллас при российском императорском дворе в 1837–1838 гг. упоминал, что императрица Александра Федоровна «довольно хорошо знала английский язык» и много беседовала с послом об американской литературе и особенно о Фениморе Купере, романами которого в то время зачитывалась вся Европа[852]. При этом если с императрицей американский посол говорил по-английски, то с Николаем I — поначалу по-французски. После того как знакомство состоялось, император также перешел на английский язык. Следует иметь в виду, что правила придворного этикета предписывали говорить на том языке, на котором заговорят высочайшие особы. Видимо, поначалу Николай Павлович был не уверен в своем английском. Впоследствии император говорил послу: «Вы — первый человек, который заставил меня при публике заговорить по-английски. Надеюсь, что вы не откажете почаще беседовать со мной и учить меня этому языку»[853].

Судя по всему, эта неуверенность в своем английском так и осталась у Николая I. Это вполне понятно, поскольку повседневным при российском императорском дворе был французский язык, которым император владел великолепно. На английском же языке ему говорить было фактически не с кем. Поэтому во время официального визита в Англию в 1844 г. Николай I общался с хозяевами на французском и эпизодически на немецком. Только перед отъездом из Англии он обратился на английском языке к одному из сановников[854].

Оценивали уровень языковой подготовки Николая I и соотечественники. Барон Корф, описывая манеру Николая Павловича вести себя на дворцовых приемах, упоминал, что император беседовал со своими гостями «то по-русски, то по-французски, то по-немецки, то по-английски. И всё одинаково свободно»[855]. За столом Николай Павлович обыкновенно говорил по-русски и переходил на французский язык, только когда обращался к императрице.

Одна из образованнейших женщин николаевской эпохи — фрейлина А. Ф. Тютчева отмечала, что император Николай Павлович «имел дар языков; он говорил не только по-русски, но и по-французски и по-немецки с очень чистым акцентом и изящным произношением»[856]. Об уровне знания английского языка Николаем I Тютчева не упоминала, поскольку в то время его при дворе практически не использовали. Надо заметить, что Корф и Тютчева хорошо разбирались в филологических нюансах.

Дети Николая I знакомились с иностранными языками, как и их родители, через английских бонн и придворных. По словам дочери Николая I великой княжны Ольги Александровны, она уже в пять лет могла читать и писать на трех языках[857]. Видимо, она имела в виду немецкий, английский и французский языки.

Когда в конце 1820-х гг. поэтом В. А. Жуковским был составлен план образования цесаревича Александра Николаевича, в нем, естественно, большое внимание было уделено иностранным языкам. Постепенно вокруг цесаревича сложился круг преподавателей-филологов. Эти же преподаватели несколько позже вели занятия и у дочерей Николая I. Одна из них дала харак-

теристики каждому из преподавателей. Так, английский язык вел «веселый» Веранд. Немецкий язык преподавал Эртель. По словам Ольги Николаевны, он «вдалбливал в своевольные головы наши ужасно трудные немецкие фразы, в которых до бесконечности нужно ждать глаголов». При этом девочка даже пыталась вести свой дневник по-немецки. Систему занятий Эртеля княжна называла «блестящей», но при этом добавляла, что говорить по-немецки она научилась, только выйдя замуж и уехав в Германию[858].

Хотя по-французски Ольга Николаевна говорила и писала с пяти лет (по ее словам), но системно изучать французский язык она начала только в пятнадцать. Видимо, это была просто грамматическая шлифовка уже имевшихся знаний. Но и занималась этим языком княжна дольше, чем остальными. Свое образование великая княжна закончила в 1842 г. К этому году она занималась только русским и французским чтением «у Плетнева и Курно»[859].

О практике повседневного использования иностранных языков в императорской семье Ольга Николаевна писала: «Мама́ много читала по-русски… но говорить ей было гораздо труднее. В семье мы, четверо старших, говорили между собой, а также с родителями всегда по-французски. Младшие же три брата, напротив, говорили только по-русски. Это соответствовало тому национальному движению в царствование Папа́, которое постепенно вытесняло все иностранное»[860].

Николай Павлович, следуя своему национально ориентированному сценарию власти, положил начало «филологической революции» при своем дворе. Общаясь с придворными, он начал говорить по-русски. Это немедленно отметили в его ближайшем окружении. Одна из фрейлин записала в дневнике: «Государь со мной всегда говорит по-русски. Он первый заговорил в салоне императрицы по-русски. Александр Павлович и его Лизетта всегда говорили по-французски»[861]. Следует пояснить, что речь идет об Александре I и его жене — императрице Елизавете Алексеевне. Об этом же с чувством некоторого удивления писал в дневнике и А. С. Пушкин: «28 февраля 1834 г. В воскресенье на бале в концертной государь долго со мною разговаривал: он говорит очень хорошо, не смешивая обоих языков, не делая обыкновенных ошибок и употребляя настоящие выражения»[862]. Однако, несмотря на

все старания Николая Павловича, российский императорский двор так и остался франкоговорящим. Но русский язык при дворе, по крайней мере, перестал быть моветоном.

Русским языком император Николай I владел во всей его палитре. Особенно в мужской, офицерской среде. Так, однажды после неудачного смотра сводного батальона военно-учебных заведений он назвал батальон — «блан-манже»[863].

Повседневное общение между родителями и дочерьми на французском языке приводило к «языковым перекосам». Младшая дочь Николая I — Александра Николаевна, или Адини, как ее звали родные, вообще плохо говорила по-русски, поскольку у нее была не только бонна англичанка, но и английская воспитательница. Поэтому она так и не научилась свободно говорить на родном языке[864].

Изучению иностранных языков цесаревичем Александром Николаевичем уделялось первостепенное внимание. В курс его обучения входил «стандартный набор» из трех иностранных языков. Но для того чтобы расширить кругозор детей, их периодически собирали в библиотеке цесаревича, и актеры Французского театра читали им французских классиков, особенно часто Мольера, конечно, в оригинале[865].

Наряду с изучением «стандартного набора» европейских языков цесаревич специально изучал польский язык. Это было сделано с подачи Николая I, который понимал, что польские проблемы не ограничатся временем его царствования. Польским языком с цесаревичем занимался преподаватель 1-го кадетского корпуса капитан Юрьевич. Более того, дабы дать цесаревичу определенную языковую практику, Николай I приказал воспитателю цесаревича К. К. Мердеру в январе 1829 г. пригласить к обеду флигель-адъютанта Гауке, и великий князь несколько раз «решался с ним разговаривать по-польски»[866]. Надо добавить, что великому князю тогда шел одиннадцатый год. Буквально через несколько дней после этого обеда был проведен экзамен цесаревича по польскому и английскому языкам. Видимо, устраивая обеденную встречу с поляком, Николай I хотел уяснить для себя, насколько цесаревич овладел разговорным языком, и дать сыну

возможность дополнительного тренинга перед экзаменом. В результате Николай I и императрица Александра Федоровна «были весьма довольны успехами, сделанными в обоих языках, в особенности польском. Великий князь переводил с русского на польский и писал по-польски без ошибок»[867]. В зрелые годы Александр II довольно свободно говорил на польском языке.

Надо сказать, что опасения Николая I по поводу Польши сбылись, и когда в начале 1860-х гг. там началось восстание, младшему брату Александра II — великому князю Константину Николаевичу пришлось срочно осваивать польский язык. Это связано с тем, что он был назначен наместником в Царство Польское. В своем дневнике в мае 1862 г. он отметил: «Утром имел первый урок польского языка»[868].

Возвращаясь к языковой подготовке будущего Александра II на рубеже 1820–1830-х гг., следует отметить несколько особенностей. Так, из плана учения Александра Николаевича, подготовленного В. А. Жуковским в 1828 г., Николай I лично исключил латинский язык. Это было эхо детского негативного опыта Николая I, который буквально ненавидел латынь. В начале 1850-х гг. Николай Павлович приказал передать все фолианты на латинском языке из библиотеки Императорского эрмитажа в Императорскую публичную библиотеку, объяснив это своими мрачными детскими воспоминаниями об изучении латыни. Латынь не преподавалась никому из детей Николая I, и эта традиция была сохранена для всех последующих российских монархов.

В 1856 г. над старшим сыном Александра II «нависла угроза» изучения древних языков, поскольку дипломат князь А. М. Горчаков в составленной им программе высказался за возобновление их преподавания: «Мертвые языки — школа слога, вкуса и логики… С русской национальной точки зрения следовало бы отдать предпочтение греческому языку. Но язык латинский легче и развивается логичнее. Если наследник будет учиться латыни, то греческому языку можно было бы научить одного из его братьев»[869]. Однако в 1857 г. мысль об обучении великих князей одному из классических языков была совершенно оставлена. И хотя во второй половине XIX в. в классических гимназиях мальчикам вдалбливали латынь и греческий, царские дети были от этого на некоторое время избавлены.

В конце концов, латинский язык был восстановлен в программе обучения царских детей. К. В. Кедров преподавал этот язык великим князьям Владимиру, Алексею, Сергею и Павлу Александровичам. Мемуарист свидетельствовал, что Александр II сам выступил инициатором возобновления изучения латыни, полагая ее научной основой всякого языкознания[870].

Наряду с изучением иностранных языков не меньшее значение уделялось изучению русского. Воспитатель цесаревича К. К. Мердер даже во время каникул приучал великого князя правильно разговаривать по-русски и развивал его навыки чтения[871].

Когда Александр II женился на немецкой принцессе, в православии императрице Марии Александровне, ей пришлось заняться основательным изучением русского языка. Однако ее учителем стал не поэт или профессиональный преподаватель, а воспитательница великой княжны Ольги Николаевны — фрейлина Анна Александровна Окулова. Видимо, результаты были очень неплохими, поскольку, по словам великой княжны Ольги Николаевны, «после императрицы Елизаветы Алексеевны ни одна немецкая принцесса не владела так хорошо нашим языком и не знала так нашу литературу, как знала Мари».

В 1850-х гг., как уже упоминалось выше, вокруг императрицы Марии Александровны сложился славянофильский кружок. В ее салон были вхожи достойные представители русской мысли и слова — князь П. А. Вяземский, Ф. И. Тютчев и граф А. К. Толстой. Именно императрице Марии Александровне посвятил следующие строки Толстой:

Напомнив дни, когда царица, долу
Склонясь задумчивой главой,
Внимала русскому глаголу
Своею русскою душой…

Следует заметить, что галантный «западник» Александр II полностью вернул французский язык в обиход своего двора, и русский вновь стал редкостью. Тем не менее воспитатели постоянно отмечали уровень «правильности»

русского языка у царских детей, даже когда те были совсем маленькими. Так, в 1847 г. один из воспитателей писал Александру II, что его четырехлетний сын Николай «удивительно, как хорошо выражается по-русски и при том чрезвычайно логически»[872]. Учителей приятно удивляло, что императрица говорила с детьми по-русски и дети ей отвечали «ясно, чисто, правильно»[873]. Когда в декабре 1855 г. старшие сыновья царя сдавали годовые экзамены, один из дней был посвящен экзаменам по русскому и славянскому языкам. 10-летний великий князь Александр (будущий Александр III) на экзамене читал «Бородино».

На филологическую подготовку молодых великих князей обращали внимание и во время досуга. Когда с 1856 г. к мальчикам в Зимний дворец начали приводить для игр ровесников, то гостям было строго предписано разговаривать между собой только на русском языке.

Со временем результаты сказались. Биографы отмечали, что цесаревич Николай Александрович «овладел законами русской речи и с течением времени выработал себе ясный, правильный и изящный письменный слог»[874]. Однако у цесаревича тяжело шел церковнославянский язык.

Кроме того, родители обращали весьма пристальное внимание на изучение детьми европейских языков. Детей цесаревича по традиции воспитывали няни-англичанки, и понятно, что основы английского они усвоили с детства. С осени 1851 г. двух старших сыновей цесаревича, Николая (исполнилось восемь лет) и Александра (шел седьмой год), начали обучать французскому языку. Французский язык преподавал Куриар, получая за каждого из учеников по 285 рублей в год. Впоследствии содержание было удвоено за внеклассные беседы[875]. Немецкий язык у детей шел слабо, поскольку занятия продолжались не более двух часов в неделю, к тому же «никто из членов царской семьи никогда не говорил с детьми по-немецки». Однако, принимая в декабре 1855 г. экзамены по немецкому и французскому языкам, преподаватели отметили успехи детей в немецкой речи. Родители остались довольны[876].

По мере взросления мальчиков педагоги менялись, и с ними менялась система обучения. Для того чтобы как-то упорядочить ее, министр ино-

странных дел, канцлер А. М. Горчаков в 1856 г. по просьбе императрицы Марии Александровны составил инструкцию о воспитании наследника. В этой инструкции немалое место было отведено и изучению иностранных языков. Прежде всего он констатировал, что «не нужно знание многих иностранных языков. Оно отняло бы слишком много времени, которое следует посвятить фактам и идеям». По мнению Горчакова, кроме русского языка цесаревичу достаточно было владеть еще двумя живыми языками: французским и немецким. По словам дипломата, английский язык «имеет лишь третьестепенное значение, и без него можно обойтись. Редко государь извлекает пользу из прямых переговоров с иностранцами. Тем лучше, если кто-либо из братьев наследника выучится говорить по-английски».

С 1856 г. цесаревича Николая стали учить отдельно от младших братьев — Александра и Владимира, по более основательной программе. Вместе братья собирались только за обедом. При этом безжалостные учителя предписывали им за обедом разговаривать только по-французски, по-немецки или по-английски. Того, кто случайно заговаривал по-русски, «штрафовали» пятачком в пользу бедных, что весьма забавляло великих князей. Они часто ошибались по рассеянности и платили установленный штраф[877].

В конце 1860 г. наследнику-цесаревичу исполнилось 17 лет, и преподавание английского языка, которым он, в общем-то, владел с пеленок, было прекращено, оставлено только изучение французской и немецкой словесности[878]. Французский язык у императорских детей шлифовался особенно тщательно. Когда весной семья выезжала в Царское Село, из всех учителей-филологов туда брали лишь преподавателя французского языка Реми, за что ему, конечно, доплачивали. В его присутствии дети разговаривали только по-французски.

Надо заметить, что с великими князьями Александром и Владимиром учителям и воспитателям приходилось очень тяжело. Ни о каких телесных наказаниях, понятно, не могло быть и речи, и воздействовать на мальчиков можно было только словами. При этом великие князья учились откровенно плохо. Дневники воспитателей за 1861–1862 гг. буквально переполнены

примерами «школьного саботажа» великих князей: «Александр Александрович выказал ужасное упорство в разговоре на французском языке; он всё уверял, что в воскресенье следует говорить по-русски»; «В классе русского языка опять было отсутствие всякого внимания, и очень плохо знал урок. Во время этого урока приходил к нам государь и сделал выговор великим князьям за нерадение»; «Экзамен французского языка был менее удачен. Александр Александрович наделал 18 ошибок в восьми строках, и довольно грубых. Всё это, правда, очень слабо, особенно по летам, но что есть успехи после летнего экзамена — в этом нет сомнения»; «Великие князья как-то особенно снисходительно смотрят на свое незнание в языках… экзамен английского языка был ниже всякой критики»; «От 12 до 2 у Александра Александровича были уроки русской словесности и английского языка; из первого он получил «два» и «три», а за английский урок «три» и «три». Итак, Александр Александрович получил сегодня три раза «два»[879].

Тем не менее титанические усилия преподавателей все-таки приносили свои скудные плоды. В 1863 г. 18-летний великий князь Александр Александрович мог уже без труда разговаривать на французском языке. К педагогическому процессу подключился даже отец — император Александр II. Случай вообще небывалый. В 1865 г. Александр II просил своего 20-летнего сына читать ему вслух по-французски, говорил с ним по-французски, побуждал его писать на этом языке письма матери[880].

Младшие сыновья Александра II Сергей и Павел учились более старательно. Первый урок английского состоялся у Сергея, когда ему исполнилось семь лет. При этом языковая основа у великого князя уже имелась благодаря английской няне Е. И. Стуттон[881].

При Александре III филологическая сторона повседневной жизни императорского двора вновь претерпела изменения. И это опять-таки было связано с возвращением русского царя к национально ориентированному сценарию власти. Фактически повторялась ситуация 1830-х гг., когда Николай I впервые заговорил по-русски при дворе. Спустя пятьдесят лет, в 1880-х гг. ситуацию повторил Александр III. Он вновь сделал русский язык главным языком общения при императорском дворе. Конечно, французский

язык отчасти сохранил свое значение, но теперь французская речь слышалась только при обращении к императрице Марии Федоровне. С императором все разговаривали по-русски[882].

Особо следует отметить, что по-русски при дворе Александр Александрович заговорил во второй половине 1870-х гг., будучи еще цесаревичем, причем при дворе Александра II, который пользовался преимущественно французским языком. Граф С. Д. Шереметев вспоминал, что цесаревич терпеливо выдерживал, «словно не замечая намеков и приемов, невозмутимо обращаясь к ним на русском языке и вынуждая их отвечать тем же, хотя большей частью они лучше знали язык, чем желали это показать»[883].

Став императором, Александр III серьезно повлиял на филологическую составляющую своего двора, при котором со временем сложилось некое «двуязычие». С Александром III разговаривали преимущественно по-русски, а с императрицей Марией Федоровной — по-французски.

Интересно, что «на русской половине» Александра III не возбранялись не только жаргонизмы, но и крепкие слова. Как-то во время придворной трапезы рафинированная аристократка княгиня Куракина выразилась на предмет пробы вин, припомнив известное изречение «пройтись по хересам». Александр III так и воспрянул: «Княгиня! Откуда вы знаете это выражение?» С этого дня он регулярно подтрунивал над ней, всё напоминая: «Как это вы говорите, княгиня, пройтись по хересам?» А когда подавали ужин, то, наливая вино, приговаривал: «Княгиня, пройдемтесь по хересам!»[884]

Надо заметить, что некоторых членов своей многочисленной родни Александр III не выносил, и это отношение было связано в том числе и с филологической составляющей. Например, он терпеть не мог великую княгиню Екатерину Михайловну[885], которая была «совершенная немка и с трудом говорила по-русски. Государь не признавал ее родства и детей ее называл «пуделями»[886].

Но при этом Александр III не упускал возможности попрактиковаться и в иностранном языке. Граф С. Д. Шереметев упоминал эпизод, связанный с поездкой в английском экипаже из Царского Села в Красное Село.

Александр III, будучи тогда цесаревичем, правил сам, однако с ним ехал англичанин-кучер, «с которым он охотно вел разговор на английском языке, хотя и далеко не правильном»[887].

В ряде изданий упоминается, что Александр III владел датским языком. Вряд ли это так. Конечно, император неоднократно бывал на родине своей жены, но его «знание» датского языка сводилось, в лучшем случае, к отдельным словам или фразам. Разумеется, прибывая в Данию, он мог поздороваться с нижними чинами по-датски[888].

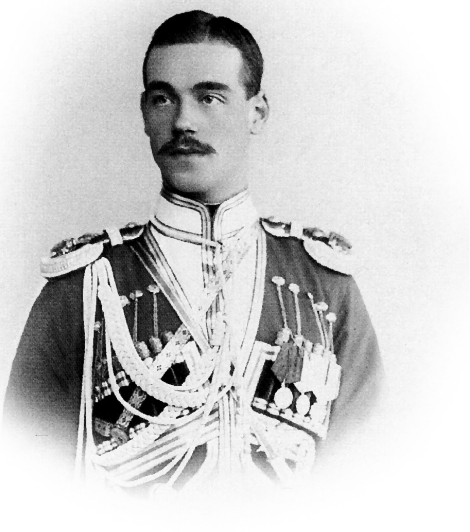
Говоря о супруге Александра III — императрице Марии Федоровне, следует отметить, что она довольно быстро овладела русским языком, занимаясь им трудолюбиво и методично. Конечно, акцент сохранялся, что отмечали мемуаристы, и писала она по-русски хуже, чем говорила. Всю личную переписку Мария Федоровна вела на европейских языках. Дневник и письма к своей любимой сестре Александре на протяжении всей жизни она писала на родном датском. При этом Мария Федоровна владела обязательным французским и английским языками. По воспоминаниям американца Г. Фокса, она «непринужденно поддерживала беседу и свободно говорила на английском, практически не делая ошибок»[889].

Когда в семье Александра III подросли дети, то традиции, связанные с языковой подготовкой, были полностью воспроизведены. Имелись и традиционные бонны-англичанки. Но при этом в стандартный набор языков при российском императорском дворе вошел и датский. Специально его не преподавали, однако регулярное общение с датскими родственниками и уроки матери привели к тому, что Николай II на бытовом уровне вполне прилично говорил по-датски.

К концу XIX в. роль английского языка при российском императорском дворе изменилась. Этот язык решительно потеснил немецкий и отчасти французский. В начале XX в. «средством общения в петроградском обществе был английский язык: на нем неизменно говорили при дворе»[890]. Во многом это было обусловлено изменениями как в династической, так и в политической ситуации. С одной стороны, в 1901 г. старшая сестра императрицы Марии Федоровны — Александра стала английской королевой. С другой

стороны, Александр III и Мария Федоровна не симпатизировали усиливавшейся Германии. Поэтому цесаревич Николай Александрович английским языком овладел очень хорошо, и во многом это являлось заслугой преподавателя Карла Иосифовича Хиса[891].

Карл Иосифович Хис родился в Англии в 1826 г. Свое счастье он отправился искать в Россию, куда прибыл в 1850 г. Прорыв в его педагогической карьере произошел в 1856-м (это был год окончания Крымской войны, в которой Россия воевала с Англией), когда он занял должность преподавателя английского языка и литературы в престижнейшем Императорском Александровском лицее, где и проработал более двадцати лет. В 1878 г. Карл Хис занял должность учителя английского языка у 10-летнего цесаревича Николая Александровича. Этим он обеспечил свое будущее. В числе его учеников были дети Александра II — великие князья Сергей и Павел Александровичи, Мария Александровна. Он преподавал английский язык будущему переводчику «Гамлета», великому князю Константину Константиновичу. Последним «знаменитым» учеником Хиса стал младший брат Николая II — великий князь Михаил Александрович, несостоявшийся Михаил III. Карл Хис добился в жизни многого. Он вышел в отставку в чине действительного статского советника и умер в 1901 г.

Великий князь Михаил Александрович.
1900 г.

Следует сказать, что этот английский крен в языковой подготовке цесаревича заметили многие сановники и отнеслись к этому без особого восторга. Вот одно из типичных мнений по этому поводу: «Разница между тем временем и нынешним та, что тогда был господствующий язык французский, ныне его заменяет английский, сделавший громадные успехи при царе, воспитаннике поляка и англичанки. Английский воспитатель царский — это явление позднейших времен, как и английская царица… Это явление роковое… Преклоняясь перед многим, что дала человечеству английская культура, уважая отдельных англичан и в особенности их моральную устойчивость во всех мыслях своих, я тем не менее почитаю английскую нацию и английское правительство заклятыми и коварнейшими врагами нашими. Это «Каиново отродье», как говорила тетка моей бабушки Мария Семеновна Бахметьева»[892].

Одним из результатов педагогической деятельности талантливого преподавателя стало блестящее знание английского языка Николаем II. Как свидетельствовал великий князь Александр Михайлович: «Накануне окончания образования, перед выходом в лейб-гусарский полк, будущий император Николай II мог ввести в заблуждение любого оксфордского профессора, который принял бы его, по знанию английского языка, за настоящего англичанина. Точно так же знал Николай Александрович французский и немецкий языки»[893].

Следует подчеркнуть, что у Николая II было отменное чувство стиля. Текст отречения, написанный лично императором 2 марта 1917 г., демонстрирует прекрасный сложившийся слог. Однако в устной речи Николая II присутствовал едва различимый так называемый «гвардейский акцент». Это отмечали многие мемуаристы. Так, генерал Ю. Н. Данилов, близко общавшийся с царем с 1915 по 1917 г., отмечал, что «в речи императора Николая слышался едва уловимый иностранный акцент, становившийся более заметным при произношении им слов с русской буквой «ять»[894]. Об этом же писал и депутат Государственной думы В. В. Шульгин: «Государь говорил негромко, но очень явственно и четко. Голос у него был низкий, довольно густой, а выговор — чуть-чуть с налетом иностранных языков. Он

мало выговаривал «ъ», почему последнее слово звучало не как «кръепла», а почти как «крепла»[895].

Как известно, женой императора Николая II стала немецкая принцесса, в православии императрица Александра Федоровна. Ее положение при российском императорском дворе с самого начала оказалось непростым, что отчасти также было связано с языковыми проблемами.

Прежде всего следует отметить двуязычность дармштадтской принцессы Аликс. С одной стороны, ее отцом был дармштадтский герцог, и она считалась природной немецкой принцессой. С другой стороны, ее матерью была дочь английской королевы Виктории. А поскольку мать Аликс рано умерла, то девочка подолгу жила при дворе своей бабушки. Как и все аристократки, Аликс получила домашнее образование. Был у нее и учитель французского языка, но говорила она на нем неважно[896].

Родным для Аликс был именно английский язык, на котором она вела всю свою личную переписку и дневник. На этом же языке Александра Федоровна разговаривала в приватной жизни и со своим супругом — Николаем II. Кроме того, существовало еще одно немаловажное обстоятельство. Русским языком Александре Федоровне пришлось овладевать в срочном порядке. Дело в том что она приехала в Россию буквально за неделю до смерти Александра III, который скончался 20 октября 1894 г. И императрицей Александра Федоровна стала уже 14 ноября 1894 г., выйдя замуж за Николая II.

Следует отметить, что занятия русским языком Александра Федоровна начала еще до замужества. Будущая императрица до 1894 г. трижды посещала Россию. Первый раз она побывала в России в 1884 г., будучи в гостях у старшей сестры Елизаветы Федоровны, которая вышла замуж за великого князя Сергея Александровича.

Второй раз Аликс отправилась в Россию в 1889 г. Перед поездкой она впервые выучила несколько слов на русском языке, поскольку к этому обязывал этикет. В январе 1899 г. в дневнике принцессы появилась запись: «Начала заниматься русским языком»[897]. Аликс и ее отца принимала царская семья в Петергофе, и именно тогда завязался ее роман с наследником Ни-

колаем. Однако девочка не понравилась императрице Марии Федоровне, и ее не включили «в список кандидаток» в потенциальные жены цесаревича. Там не менее у Аликс были свои планы…

В третий раз она посетила Россию в 1890 г. Аликс вновь приехала к старшей сестре и жила у нее в Москве. Наследника родители в Москву не пустили. Несмотря на это, немецкая принцесса всерьез рассчитывала на развитие своего романа с цесаревичем. По возвращении из России в Англию Аликс принялась за изучение русского языка, стала знакомиться с русской литературой и даже пригласила священника русской посольской церкви в Лондоне, с которым вела продолжительные религиозные беседы, то есть, в сущности, знакомилась с догматами православной веры[898]. Однако мечта Аликс сбылась только четыре года спустя, когда в апреле 1894 г. 26-летний цесаревич Николай и 22-летняя дармштадтская принцесса Аликс обручились в г. Кобурге.

После помолвки из России в Англию была немедленно командирована Екатерина Адольфовна Шнейдер для обучения Аликс русскому языку. Выбор Е. А. Шнейдер был не случаен. Еще в 1884 г. Е. А. Шнейдер преподавала русский язык великой княгине Елизавете Федоровне, старшей сестре Аликс. Видимо, учительница сумела найти общий язык и со второй своей ученицей, и они оказались связаны дружбой на всю жизнь. В семье ее называли домашним именем Трина.

Рядом с императорской семьей всегда находились люди, которых нельзя было назвать слугами в прямом понимании этого слова. Это являлось одной из давних традиций помещичьей России, когда врачи, учителя и няни превращались с годами в членов семьи. Такое положение при семье Николая II занимала Екатерина Адольфовна Шнейдер. Сама она происходила из прибалтийской семьи, будучи дочерью надворного советника Шнейдера.

Занятия Александры Федоровны с Триной продолжались на протяжении нескольких лет. В письме к старшей сестре Виктории Баттенбергской (4 февраля 1895 г.) Александра Федоровна упоминала, что Трина, которую она за глаза называла «Шнайдерляйн», живет в Зимнем дворце, что «на

днях ей исполнилось 38 или 39. Она приходит каждое утро, и мы усердно занимаемся. А еще она читает мне час перед ужином»[899].

Е. А. Шнейдер ни разу не выходила замуж, и вся ее жизнь прошла возле царской семьи. Шнейдер постоянно держалась в тени, но поблизости от императрицы. После того как необходимость в ее услугах отпала, она осталась в Зимнем дворце, а затем в 1904 г. — в Александровском дворце Царского Села. Величина ее квартиры косвенно свидетельствовала о ее статусе. На втором этаже свитской половины Александровского дворца в ее квартиру входили следующие помещения: первая людская (комната № 38), вторая людская (№ 39), коридор (№ 40), гостиная (№ 41), спальня (№ 42), ванная (№ 43) и даже комната портнихи Е. А. Шнейдер (№ 44). Всего семь помещений. Она прожила рядом с императрицей Александрой Федоровной 23 года, вплоть до 1917 г., все это время занимая официальное положение гоф-лектриссы. Е. А. Шнейдер отправилась за своей хозяйкой в Сибирь и была расстреляна в Перми в сентябре 1918 г.

Большинство современников императрицы отмечали ее уровень владения русским языком. Близкий к царской семье великий князь Александр Михайлович вспоминал, что после замужества «молодая императрица с трудом говорила по-русски… Принцесса Аликс должна была в течение короткого срока изучить язык своей новой родины и привыкнуть к ее быту и нравам»[900]. Во время коронации в мае 1896 г., после катастрофы на Ходынском поле, Александра Федоровна обходила больницы и «спрашивала по-русски»[901]. В 1902 г. один из генералов говорил с государыней, и она «отвечала тоже по-русски, коротко, но довольно правильно»[902]. Эту удовлетворительность русской речи Александры Федоровны мемуаристы отмечали и позже. Так, один из депутатов Государственной думы вспоминал, что императрица говорила по-русски (в 1907 г.) «достаточно удовлетворительно для немки»[903]. Баронесса С. К. Буксгевден утверждала (явно преувеличивая), что императрица в совершенстве овладела русским языком и «могла говорить на нем без малейшего иностранного акцента, однако в течение многих лет она боялась вести беседы по-русски, страшась сделать какую-нибудь ошибку»[904].

Другая мемуаристка, также встречавшаяся с Александрой Федоровной в 1907 г., вспоминала, что «по-русски она говорит с заметным английским акцентом»[905]. С другой стороны, по утверждению одного из самых близких к императрице людей — каперанга Н. П. Саблина, «она хорошо говорила по-русски, хотя и с заметным немецким акцентом».

Несмотря на некоторую разноголосицу мемуаристов, мы можем уверенно констатировать, что Александра Федоровна справилась со всеми трудностями русского языка и уверенно владела им. Этому в немалой степени способствовал и Николай II, который на протяжении многих лет находил время читать ей вслух русскую классику. Именно так она приобрела немалые познания в области русской литературы[906]. Более того, императрица Александра Федоровна овладела и старославянским языком. Набожная императрица регулярно посещала церковные службы, и основу ее личной библиотеки в Александровском дворце составляли именно богослужебные книги.

Когда в семье Николая II появились дети, к ним по традиции из Англии были приглашены няни-англичанки. Однако рядом с ними всегда находились русские воспитательницы. В результате старшая дочь царя Ольга Николаевна, родившаяся в 1895 г., в 1897 г. заговорила «одинаково по-русски и по-английски». Книги детям читали преимущественно на английском языке.

Фактически семья Николая II была двуязычной. С одной стороны, Николай II желал, чтобы его дочери и сын выросли русскими по своему характеру и взглядам на мир. Поэтому он говорил с детьми только на русском языке, и цесаревича Алексея обучать иностранным языкам начали довольно поздно. С другой стороны, с женой император разговаривал и переписывался только на английском. Когда дети подросли, между собой они говорили по-русски, но с матерью девочки разговаривали по-английски. По-французски они общались с преподавателем П. Жильяром. Ольга и Татьяна немножко разбирались в немецком, но говорили на нем с трудом. Мария, Анастасия и Алексей немецкого языка не знали совсем[907].

Преподаватели обычно подбирались по рекомендациям. Наиболее часто после преподавателя французского языка П. Жильяра в мемуарной

литературе упоминается преподаватель английского — выпускник Кембриджа Сидней Гиббс. Протежировала ему воспитательница царских дочерей фрейлина Тютчева. В октябре 1908 г. она направила секретарю императрицы графу Ростовцеву письмо с просьбой сообщить, «какое он на Вас произведет впечатление»[908]. К этому письму были приложены рекомендации госпожи Бобрищевой-Пушкиной, в учебном заведении которой Гиббс вел английский язык. Директриса писала о нем как о «чрезвычайно талантливом» преподавателе, работающем в классах привилегированного училища правоведения. В ноябре 1908 г. 32-летний С. Гиббс был назначен учителем английского языка царских детей. Поскольку императорская семья постоянно проживала в дворцовых пригородах Петербурга, ему ежемесячно доплачивались деньги на транспортные расходы[909].

Как уже упоминалось выше, наследника Алексея достаточно поздно начали обучать иностранным языкам. Это было связано с его постоянными недомоганиями и длительными реабилитационными периодами, кроме того, Николай II и Александра Федоровна считали, что у Алексея должен был прежде всего выработаться чистый русский выговор[910].

Александра Федоровна очень серьезно относилась к языковой подготовке своих детей. В письме к старшей сестре (19 августа 1912 г.) она писала: «Я много читаю им, да и сами они уже начали читать друг другу английские книги. Они очень много читают по-французски, а две младшие замечательно играли в пьесе… Четыре языка — это очень много, но все они им просто необходимы… Я также настаиваю на том, чтобы они завтракали и обедали вместе с нами, поскольку это хорошая практика для них»[911].

Когда подрос цесаревич Алексей, с ним стали заниматься преподаватели старших девочек. К французскому языку цесаревич приступил, когда ему шел уже девятый год. Первый урок французского П. Жильяр дал цесаревичу 2 октября 1912 г. в Спале, но в связи с болезнью занятия пришлось надолго прервать, и относительно регулярные уроки начались только со второй половины 1913 г. Следует подчеркнуть, что по традиции иностранные языки членам дома Романовых преподавали только носители языка, то есть иностранцы.

Педагогические способности преподавателей французского и английского языков высоко оценивала Вырубова: «Первыми учителями были швейцарец мсье Жильяр и англичанин мистер Гиббс. Лучший выбор едва ли был возможен. Совершенно чудесным казалось, как изменился мальчик под влиянием этих двух людей, как улучшились его манеры, как хорошо он стал обращаться с людьми»[912]. Со временем Пьер Жильяр занял при цесаревиче должность воспитателя, и его звали по-домашнему Жилик.

В мае 1913 г. подданный Великобритании Чарльз Сидней Гиббс был награжден орденом Святой Анны III степени. В марте 1914 г. у него состоялось последнее занятие с 17-летней Ольгой Николаевной. По этому случаю ему были пожалованы золотые запонки. По мере того как взрослел Алексей, внимание С. Гиббса сосредотачивалось на нем, и поэтому в сентябре 1916 г. «в связи... с усилением его занятий с его императорским высочеством наследником цесаревичем» оплата его занятий возросла до 6000 рублей в год[913].

Добрые отношения с педагогами сохранялись буквально до последних дней жизни цесаревича Алексея Николаевича. После Февральской революции 1917 г. С. Гиббс сохранил свое место преподавателя, а затем в сентябре вслед за царской семьей уехал в Тобольск. В 1918 г. в письме в Екатеринбургский исполком лейб-медик Е. С. Боткин просил оставить рядом с цесаревичем его воспитателей Гиббса и Жильяра, подчеркивая, что «они зачастую приносят более облегчения больному, чем медицинские средства, запас которых для таких случаев, к сожалению, крайне ограничен»[914].

От гибели Гиббса спасло только то, что его как английского подданного не взяли из Тобольска в Екатеринбург. Весной 1918 г. Гиббса выслали в Тюмень. После расстрела царской семьи в августе 1918 г. Гиббс вернулся в Екатеринбург, где помогал следователю Соколову в расследовании дела о гибели императорской фамилии. В 1919 г. при адмирале А. В. Колчаке Гиббс занимал должность секретаря британского верховного секретариата в Омске, а после разгрома армий Колчака бежал в Китай. В 1934 г. он принял православие и стал иеромонахом отцом Николаем, а затем архимандритом. В 1938 г. отец Николай вернулся в Англию. После Второй мировой войны

он основал в Оксфорде православный приход и в 1863 г. был похоронен там же на кладбище Хэдистон.

Пьер Жильяр также сумел уцелеть. Выбравшись из России через Китай, он женился на «комнатной девушке» императрицы Александры Федоровны — Александре Александровне Тегелевой и поселился в родной Швейцарии. Там он написал мемуары о своей службе при царской семье и опубликовал многочисленные фотографии.

Имена и прозвища в семье Романовых

В императорской семье детям с самого раннего возраста прививалась определенная этика внутрисемейного общения. Нюансы домашних взаимоотношений впитывались детьми буквально с молоком матери. Конечно, родителей дети называли «мама́» и «папа́», бабушек и дедушек — «анмама́» и «анпапа́», на французский манер и с соответствующим ударением. Но по мере взросления дети начинали отчетливо осознавать свое место в иерархической системе дома Романовых, и эта впитанная с детства иерархия диктовала им манеру общения со сверстниками.

По свидетельству современников, великий князь Михаил Павлович называл старшего брата (Николая I) на людях не только на «вы», но всегда «ваше величество». Даже в семейном кругу в отсутствие посторонних «вы» и «ваше величество» сохранялись. Только в личных письмах Михаил Павлович отступал от этой формы, всегда обращался к Николаю I на «ты» и называл «любезный Ника». Все дети Николая I в письмах называли отца «любезный папа», а в разговоре «папа»[915].

Подбору имен для рождавшихся младенцев в императорской семье придавали большое значение. Сам процесс подбора имени имел ряд нюансов. Во-первых, сохранялась давняя русская традиция называть детей в

честь тех или иных святых, в день которых рождался младенец. Во-вторых, детей называли в честь кого-либо из семьи, причем это могли быть представители не только династии Романовых, но и Рюриковичей. В-третьих, решающее слово при выборе имени подчас оставалось не за родителями, а за бабушками или дедушками, если на этот момент они правили огромной империей. В-четвертых, у некоторых из Романовых были имена с отчетливым политическим контекстом.

Второй внук Екатерины II — великий князь Константин Павлович получил «политическое имя» благодаря бабушке. Константином его назвали, потому что в 1770-х гг. Екатерина II вынашивала планы превращения Стамбула в Константинополь и установления полного контроля России над проливами Босфор и Дарданеллы. Под эти планы мальчик и получил имя Константин, да и не только имя. К нему был приглашен учитель греческого языка, которым Константин Павлович блестяще овладел. Однако столь далеко идущим политическим планам не суждено было свершиться.

Свое имя Николай I также получил от Екатерины II. Следует подчеркнуть, что в семье Романовых до 1796 г. Николаев не было вообще. Для Екатерины II рождение мальчика после пяти внучек подряд стало большой и, наверное, последней семейной радостью. При святом крещении 6 июля 1796 г. мальчик был официально наречен Николаем в честь святого чудотворца Николая Мирликийского[916].

Когда в свою очередь 27 июля 1831 г. в семье Николая I родился третий мальчик, то его также назвали Николаем, однако не в честь отца, а в честь святого Николая Кочанова, юродивого Новгородского[917], почитание которого приходилось на этот день. В письме к графу П. А. Толстому от 28 июля 1831 г. царь писал: «Бог меня наградил за поездку в Новгород, ибо спустя несколько часов после моего возвращения Бог даровал жене счастливое разрешение от бремени сыном Николаем». Когда мальчик подрос, то в семье его стали звать по-домашнему Низи, а в русскую историю он вошел под именем великого князя Николая Николаевича (старшего).

Четвертого сына, родившегося 21 октября 1832 г., в семье Николая I назвали Михаилом Николаевичем. Свое имя он получил в честь Михаила

Архангела. В письме к И. Ф. Паскевичу царь назвал младенца — «новорожденный мой Архистратиг»[918].

Затем пришла пора давать имена детям Александра II. Своего первенца, появившегося на свет в 1843 г., цесаревич Александр Николаевич назвал Николаем в честь Николая I. Второго сына Александра (1845), будущего Александра III, родители нарекли в честь Александра I[919].

Таким образом, первые два мальчика получили имена двух братьев-монархов. После этого в поисках имен родители обратились к историческому прошлому России. Третий сын, родившийся весной 1847 г., получил имя Владимир в честь равноапостольного князя Владимира, крестителя Руси[920]. Четвертого сына (1847) — Алексея назвали в честь митрополита московского святого Алексия в память о том, что сам Александр II родился в его обители и у его раки принял святое крещение[921]. Своего пятого сына — Сергея родители нарекли в честь святого Сергия Радонежского. Родители считали Сергея «обетным ребенком», поскольку императрица Мария Александровна была беременна сыном во время коронационных торжеств в Москве, летом 1856 г. И обет назвать возможного сына Сергеем был дан родителями у раки святого Сергия Радонежского[922].

Бывало и так, что царских младенцев называли «по сну». Следует напомнить, что снам тогда придавалось серьезное значение. Всем хорошо известна легенда о том, что часовому приснился архангел Михаил и «просил передать» императору Павлу I, что строящийся на берегу Фонтанки замок следует назвать Михайловским. Солдат добросовестно выполнил «приказ», и о сне было доложено по команде. Как это ни удивительно, информация «сверху» дошла до Павла I, который и назвал свой замок Михайловским. Это весьма достоверная, но легенда. Однако когда осенью 1853 г. цесаревна Мария Александровна готовилась рожать, родители заранее подобрали имя Вера на случай появления на свет девочки. 5 октября 1853 г. цесаревна родила девочку, но Верой ее не назвали. Дело в том что «старая кн. Горчакова написала императрице, что она видела сон, будто у цесаревны родится дочь, если она обещает назвать ее Марией». К этому времени в семье цесаревича были уже четыре здоровых мальчика и одна

умершая дочь, по которой родители очень горевали. Они мечтали, чтобы у них родилась девочка. А поскольку «условия» до них были доведены, то родившаяся девочка, единственная дочь Александра II, и была названа Марией[923].

Вообще, сведения о том, в честь кого и почему называли младенцев семьи Романовых, к сожалению, крайне скудны и отрывочны. Но достоверно известно, что Александр III и его жена Мария Федоровна нарекли своего первенца, родившегося в мае 1868 г., Николаем в память об умершем в 1865 г. брате и женихе — великом князе Николае Александровиче.

Бывало, что в императорской семье детей называли просто так, потому что имя нравилось родителям. Хотя, конечно, любое выбираемое имя являлось предметом дискуссий. Когда 25 марта 1875 г. в семье будущего Александра III появилась на свет дочь, ее назвали Ксенией. По свидетельству великого князя Сергея Александровича, «это имя родителям нравилось, и поэтому дочь так назвали, других причин нет»[924].

По мере рождения дочерей в семье Николая II все они получали свои имена и прозвища. Надо заметить, что в 1895 г. имя царского первенца было согласовано с матерью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной[925]. На семейном совете решили, если родится мальчик, назвать Павлом, а если девочка, то Ольгой. Родилась девочка и стала Ольгой. Тогда и вторую дочь решено было назвать именем знаменитой героини пушкинского «Евгения Онегина» — Татьяной. В результате две старшие дочери Николая II получили имена литературных героинь «Евгения Онегина».

Когда в 1901 г. в семье Николая II родилась четвертая дочь, то ее назвали Анастасией. По свидетельству Маргарет Эггер, девочке дали такое имя потому, что Анастасия издавна ассоциируется с «Узоразрешительницей». Так, во времена императорского Рима называли одну из первых христианок, которая выкупала из узилищ своих единоверцев. Девочку в данном случае нарекли Анастасией потому, что Николай II амнистировал студентов, участвовавших в университетских беспорядках и проведших зиму в тюрьмах Санкт-Петербурга и Москвы. Тогда многие из членов императорской семьи были удивлены, что родившуюся великую княжну не назвали Викторией в

память о бабушке императрицы Александры Федоровны, английской королеве Виктории, которая умерла в 1901 г.

Можно упомянуть и о том, что в семье Романовых имя Александра считалось не самым счастливым. У дочери Павла I Александры внезапно расстроился брак со шведским принцем, что стало одним из поводов к резкому ухудшению здоровья Екатерины II, а затем и ее смерти. Дочь Николая I Александра скончалась от скоротечной чахотки. У Александра II была горячо любимая дочь Александра, которая умерла в восемь лет. Ее маленькое синее шелковое платье хранилось в Зимнем дворце вплоть до 1917 г. Жена великого князя Павла Александровича умерла при родах, оставив ему двоих детей. Поэтому в императорской семье закрепилось поверье, что Александры не доживают до 21 года.

Долгожданный цесаревич, родившийся в 1904 г., получил имя Алексея. Это имя не пользовалось популярностью в роду Романовых, после того как в трагическом противостоянии 1718 г. погиб царевич Алексей, сын Петра I. Сын Николая II получил это имя в память о московском царе Алексее Михайловиче Тишайшем, время правления которого Николай II идеализировал. Буквально за полтора года до рождения сына, в феврале 1903 г., в Зимнем дворце состоялся исторический бал по мотивам эпохи правления Алексея Михайловича.

Семейные прозвища

Наряду с именами у Романовых имелись и прозвища, или прозвания. Говоря между собой о ком-либо из членов семьи, Романовы часто использовали прозвища. Они, в основном, были связаны либо с внешними особенностями, либо со специфическими чертами характера. Как правило, свое неофициальное прозвище каждый из членов императорской семьи знал. Если оно носило комплиментарный характер, то становилось почти официальным. Если отражало негативные черты, то его, конечно, в глаза не произносили, что никому не мешало активно пользоваться им в разговорах между собой.

Упоминаний о подобных прозвищах мало, они только изредка встречаются в личной переписке или мемуарах.

У правящей императорской фамилии было и некое коллективное прозвание — «большой ектеньи». Дело в том что во время церковных праздников по всей России членам императорского дома провозглашалась «долгая лета». И тогда вся семья фигурировала под именем «большой ектеньи».

Широко известны прозвания российских императоров. Как правило, они носили политизированный характер и были связаны с особенностями проводимой ими внутренней или внешней политики. Иногда причиной появления того или иного прозвища становились какие-либо конкретные события.

Традиция прозваний первых лиц страны очень древняя, настолько древняя, что восходит буквально к началам российской государственности. Следует помнить, что эти прозвища прочно бытовали в общественном сознании, поскольку до XIV–XV вв. фамилий, собственно, и не существовало, и именно прозвища стали фундаментом для появления фамилий. Все мы помним, что князя Владимира, Крестителя Руси, называли Красным Солнышком, его сына Святополка — Окаянным, а другого сына Ярослава — Мудрым. Даже после появления фамилий традиция прозваний первых лиц сохранялась. Так, Ивана IV мы больше знаем как Грозного, а московского царя Алексея Михайловича — как Тишайшего. Эта традиция в полном объеме воспроизводилась вплоть до 1917 г.

Однако в XIX в. ситуация изменилась. В середине XIX в. российское общество стремительно политизировалось, и прозвания правителей начали исходить из оппозиционной дому Романовых среды. Так, авторство самого известного прозвища Николая I — Палкин приписывают герценовскому «Колоколу». Из среды революционных демократов вышли и другие, столь же нелестные для царя прозвища. Именно их усилиями сложная и противоречивая фигура Николая I на многие десятилетия была сведена к однолинейному образу солдафона с оловянными глазами.

Александр II получил официальное прозвание Освободителя. Царский манифест, подписанный 19 февраля 1861 г., освободивший миллионы

крепостных крестьян, навеки связан с именем Александра II. Официальная пропаганда приложила немало усилий для закрепления этого лестного прозвания за именем царя.

Александр III получил прозвание Миротворца. За тринадцать лет правления этого царя Россия, не участвуя в войнах, значительно укрепила свои позиции на международной арене. Тем не менее это прозвание также стало результатом официальной пропаганды. Его впервые употребил Николай II в 1895 г. в одной из своих речей, составленной обер-прокурором Святейшего синода К. П. Победоносцевым. Оба комплиментарных прозвания — Освободитель и Миротворец — усилиями официальных лиц намертво спаялись с именами Александра II и Александра III. Но это, конечно, стало возможным благодаря тому, что они имели под собой прочную основу, признанную уже современниками.

У Николая II так и не появилось подобного лестного официального прозвания, зато в изобилии имелись негативные. Самое известное из них — Кровавый. Трагедия на Ходынском поле во время коронационных торжеств 1896 г. надолго осталась в памяти народа. Это прозвище окончательно закрепилось за царем после проигранной Русско-японской войны, «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. и бессмысленных многомиллионных жертв Первой мировой войны. Были у Николая II и другие столь же нелестные прозвища. Так, в тексте одного из его манифестов неудачно и неоднократно использовались фразы «*А на нас* легла тяжкая ответственность…», «*А на нас* легло бремя…», «*А на нас*…». В результате у царя появилось прозвище Ананас.

Менее известны прозвища других членов императорской семьи, а также как сами величали себя правители в кругу своих близких. Например, Николай I в письме к младшему брату Михаилу Павловичу 17 мая 1826 г. просил обнять племянниц «от имени дяди с длинным носом»[926]. Следует отметить, что в данном случае самоирония императора характеризует его весьма положительно. Младшего брата, великого князя Михаила Павловича, Николай I в письмах называл «любезный Михайло»[927].

Супруга Николая I — императрица Александра Федоровна имела много домашних прозвищ. Все они, естественно, носили комплиментарный харак-

тер, поскольку Николай Павлович десятилетиями последовательно создавал культ прекрасной дамы по отношению к жене. У Шарлотты Прусской было еще домашнее, девичье прозвище — Белый Цветок. Так ее прозвали по имени героини французской поэмы XVIII в., возлюбленной сарацинского короля Испании. Звучало это прозвище как Бланшфлер или Бланшфлур. Сам Николай Павлович величал свою жену «птичкой» за хрупкость фигуры и легкость походки. Кроме того, иногда он звал жену Madame Nicolas[928]. В этом же духе он называл свою невестку, великую княгиню Елену Павловну — Madame Michel.

Были домашние прозвища и у детей Николая I. Старшего сына-наследника, будущего Александра II, рожденного в Москве, отец иногда называл «московским калачом»[929]. Свою дочь Александру Николаевну наряду с офранцуженным сокращением Адини называл еще и «домовым». Трудно сказать, почему.

Естественно, имелись прозвища и у ближайших придворных, причем некоторые из них шли из детства. Министр императорского двора граф В. Ф. Адлерберг из детства вынес не только шрам на лбу от удара, полученного ружейным прикладом в детской потасовке с будущим Николаем I, но и прозвище Флам[930]. Уже достаточно взрослый великий князь Сергей Александрович называл фрейлину графиню А. Д. Блудову — Блудихой («Поздравляли Блудиху с именинами»), а воспитательницу великой княжны графиню А. А. Толстую — Толстихой («Вечером у нас была вечеринка с несколькими персонами: Блудиха, Толстиха, Надина, Варвара В., Костя, Никола»)[931]. Одного из офицеров охраны Николая II в семье назвали Пекинским Деном. Дело в том что капитан 1 ранга Карл Ден принимал участие в подавлении боксерского восстания в Пекине и первым из офицеров поднялся на стену Запретного города, получив за это орден Святого Георгия[932].

Ряд прозвищ был предназначен только для весьма узкого круга лиц. Так, Александр II в своих письмах к Е. М. Долгорукой называл себя Мунькой, а ее — Дусей.

Поскольку имя Николай, с легкой руки Екатерины II, стало популярным в семье Романовых, то, естественно, от него появилось много домашних

производных. Когда в семье Александра II в 1840-х гг. начали рождаться дети, родители по традиции давали им домашние имена. Старшего сына Александра II — великого князя Николая Александровича дома звали Никсой. И когда в 1850 г. у второго сына Николая I — великого князя Константина Николаевича родился первенец, нареченный также Николаем, возник вопрос, как к нему обращаться попросту, в домашнем быту. Барон М. А. Корф передает слова молодого отца: «В нашей семье столько Николаев, что нелегко придумать для каждого уменьшительное имя. Большого брата до сих пор зовут Низи, Николая Александровича — Никса, Николая Максимилиановича — Коля, пришлось мне назвать моего — Никола»[933].

Второго сына великого князя Константина Николаевича — Константина Константиновича уже в юности за высокий рост и худобу родственники прозвали «селедкой».

Дочь Александра II, великую княгиню Марию Александровну, будущую герцогиню Эдинбургскую, дома звали «уткой». Одна из мемуаристок приводила эпизод, когда у них, тогда маленьких детей, состоялся по этому поводу разговор с молодым императором: «Государь говорил нам, что и своей дочке Маше он дал прозвище. «Отгадайте, дети, какое?» Мы ничего не придумали. «Утка — за ее походку»[934]. Но у него были для дочери и более ласковые имена. В одном из писем Александр II, благодаря дочь за письмо, называет ее «душонком»[935].

Второго сына Александра II, будущего императора Александра III, любящие родители за крепкое телосложение и некоторую мешковатость звали «бульдожкой», «мопсом» или «макой». Видимо, требовательные родители не были в восторге от внешности своего сына. В одном из писем к жене Александр II писал по поводу будущего Александра III: «О, как я хотел бы задушить поцелуями этого милого дурнушку»[936].

Третьего сына Александра II, великого князя Владимира Александровича, который в детстве был пухлым мальчиком, называли «толстяком»[937]. Было у него и другое детское прозвище — «кукса», по всей видимости, связанное с особенностями характера. Конечно, к детям так обращались без всякой задней мысли, но от этого им, наверное, прозвища не казались менее обид-

ными. Пятого сына Александра II — Сергея — императрица Мария Александровна называла «гегой»[938], а родные в письмах — «сижиком». Шестого сына Александра II — великого князя Павла Александровича, родившегося в 1860 г., буквально с младенческих лет все домашние звали «пицем».

Традиция прозвищ бытовала и в детской среде. Для детей это было вполне естественно. Граф С. Д. Шереметев, описывая свои отроческие годы, пришедшиеся на середину XIX в., упоминал, что «был между всеми заведен обычай называть друг друга особыми прозвищами. Так Александр Петрович прозывался Ириний, Георгий Петрович — Баха, меня звали Макар, а Екатерина Петровна была Марлиночка»[939]. Следует только добавить, что все вышеперечисленные являлись принцами и принцессой Ольденбургскими, оставившими заметный след в истории России второй половины XIX в.

Однако к детям царя, даже во время игр, ровесники неизменно обращались по имени-отчеству, вне зависимости от возраста. Когда в 1865 г. у семилетнего великого князя Сергея Александровича один из его товарищей по играм спросил, можно ли его называть просто Сережа, мальчик ответил: «Не знаю, спроси у Дмитрия Сергеевича»[940]. Однако ребенок постеснялся обратиться к воспитателю и продолжал называть семилетнего великого князя Сергеем Александровичем. Следует отметить, что императрица Мария Александровна заблаговременно просила родителей приглашенных детей внушить им, чтобы те не угодничали перед маленьким великим князем, не называли его «ваше высочество», а просто обращались на «вы» и «Сергей Александрович»[941].

В семье Александра III императрицу Марию Федоровну за взрывной характер между собой называли Гневной. Наследника цесаревича, будущего Николая II, — Ники или Nica, а второго сына, болезненного и худого великого князя Георгия Александровича, — Джоржи, причем невестка, императрица Александра Федоровна, прозвала его «плакучей ивой» — Weeping Willow.

Другого брата Николая II, великого князя Михаила Александровича, родные называли «милый Floppy». Это прозвище произошло от английского

«flop» — «шлепаться». Долговязый Михаил имел обыкновение шлепаться в кресло, вытягивая перед собой свои длинные ноги[942].

Как отмечали современники, Александр III изменил стереотип общения с подданными. Все единодушно утверждали, что, в отличие от предшественников, на «ты» царь обращался только к самым близким людям. То же самое относилось и к прозвищам. Александр III очень редко «допускал себе давать прозвища и говорить в полушутливом тоне с придворными»[943]. Тем не менее у него с отроческих лет остались прозвища для близких людей, которые он периодически использовал. Так, своего дядю, великого князя Константина Николаевича, с которым он очень не ладил, Александр III называл не иначе как Коко, а великую княгиню Екатерину Михайловну (дочь великого князя Михаила Николаевича) «еще неудобнее…». Над своим младшим братом Владимиром Александровичем царь подтрунивал, величая его «генералом»[944]. Оставались еще друзья юности, с которыми отношения постепенно менялись. Такого причудливого человека, со сложной репутацией, как князя В. П. Мещерского Александр III называл «Vovo», но без малейшего раздражения, скорее с чувством жалости и легкой иронии[945].

Иногда весьма уничижительные прозвища получали и члены императорской семьи. Так, именно при Александре III великий князь Михаил Михайлович (1861–1829) получил незатейливое прозвище «Миша-дурак». Оставивших по себе мрачную память великих княгинь черногорок Милицу и Стану родственники за глаза величали «Сциллой» и «Харибдой»[946]. Надо сказать, что любящая родня «пригвоздила» нелестным прозвищем и Николая II. Великий князь Николай Михайлович за глаза называл своего племянника не иначе как «наш дурачок Ники».

Имелись свои прозвища и у многочисленной европейской родни. Английскую королеву Викторию при российском дворе привычно называли Гранни. Принца Прусского Сигизмунда-Вильгельма — Бобби, греческого короля Георга I — дядей Вилли. Марию Максимилиановну, принцессу Баденскую, попросту именовали тетей Марусей. Таких имен было множество. Поэтому европейская политика вплоть до начала XX в. внешне имела отчетливо выраженный семейный характер, когда бабушка Гранни могла

по-семейному выговорить своему внуку, российскому императору Ники, в присутствии дяди Вилли (германского императора Вильгельма II).

Когда Николай II женился, то светские сплетники немедленно отметили, что молодая жена по-своему называет мужа. Если раньше его дома звали Nica, то молодая императрица стала звать его Коко[947]. Впрочем, это имя не закрепилось в семье, и Александра Федоровна стала, как все, называть супруга Ники.

У императрицы Александры Федоровны были свои прозвища. Так, в детстве она подписывала свои письма «М. К. № III». Это было сокращением детского прозвища — Маленькая Королева № III[948]. Свои послания к мужу она часто незатейливо подписывала «твоя старая курица», «твоя старая женушка». Однако, как правило, и за глаза, и в глаза ее называли Аликс.

Имелись домашние имена и у детей Николая II. Так, третью дочь, великую княжну Марию Николаевну, сестры звали Машкой. Четвертую, великую княжну Анастасию Николаевну, самую заводную и шкодливую — «швибздом»[949]. У долгожданного цесаревича Алексея были только комплиментарные домашние прозвища. Родители в переписке называли его на английский манер — «бэби», «крошкой» или «солнечным лучом».

Дошедшая до нас переписка Николая II и императрицы Александры Федоровны позволяет реконструировать и то, как они именовали часть своего окружения. В основном по имени-отчеству, но известны и прозвища. Анну Александровну Вырубову в письмах супруги называли Аней, Большой Бэби, в минуты раздражения — «коровой» или «инвалидом». Воспитателя и учителя французского языка Пьера Жильяра звали в глаза Жиликом. Гоф-лектриссу императрицы Екатерину Адольфовну Шнейдер — Триной или Шнейдерляйн. Камер-юнгферу Александры Федоровны, приехавшую с ней из Германии в 1894 г., Марию Густавовну Тутельберг в семье называли Тюдельс. Камердинера Александры Федоровны — Густава Генриховича Лио почему-то прозвали «листопадом».

Фрейлину Анастасию Васильевну Гендрикову ласково именовали Настенькой. Адмирала Константина Дмитриевича Нилова между собой прозвали «маленьким адмиралом», а другого моряка, контр-адмирала сви-

ты его величества, командира императорской яхты «Штандарт», англомана Ивана Ивановича Чагина — Джонни. Друга детства Николая II Александра Илларионовича Воронцова-Дашкова в глаза и за глаза звали попросту Сашкой. Было прозвище и у министра императорского двора В. Б. Фредерикса, которого царственные супруги глубоко уважали. В своей переписке они называли его «стариком».

Когда в 1915 г. императрица Александра Федоровна начала плотно втягиваться в политическую жизнь страны и почувствовала вкус к принятию управленческих и кадровых решений, они с мужем изобрели шифрованные прозвища, по поводу которых до настоящего времени ведутся споры.

Например, известно, что принца Александра Петровича Ольденбургского супруги называли Алеком, а весьма пожилого премьера Ивана Логгиновича Горемыкина — «премудростью». Однако вопрос о том, кому принадлежат прозвища «красная шапочка», «цветущий» или «малина», до сих пор вызывает споры.

ЧАСТЬ

Детский мир императорских резиденций

Рождение детей в императорской семье

Рождение детей — это всегда радость. Рождение детей в императорской семье — радость двойная, поскольку дети обеспечивали устойчивость правящей династии, особенно мальчики. В целом со времен Павла I, имевшего четырех сыновей, и на протяжении всего XIX в. проблема наследника перед императорской семьей не вставала.

Все русские императрицы рожали дома, то есть в тех резиденциях, где у них начинались схватки. Ни одна из царственных особ не рожала в специализированных клиниках, которые в XIX в. уже существовали. Даже когда в 1904 г. на Васильевском острове лейб-акушер Д. О. Отт открыл роскошную акушерскую клинику, ни одна из особ императорской фамилии ею так и не воспользовалась. Рожали традиционно дома, приспосабливая одну из комнат под родильную палату.

Цесаревны и императрицы, вне зависимости от сроков беременности, неуклонно соблюдали график переездов из резиденции в резиденцию, при этом за беременной особой императорской фамилии неотступно следовал лейб-акушер. Так, Николай II родился в мае 1868 г. в правом крыле первого этажа Александровского дворца Царского Села, куда, следуя традиции,

царская семья только-только переехала. Из пяти детей Николая II одна дочь родилась также в Александровском дворце, а три дочери и сын — в Нижнем (Новом) дворце в Петергофе. Лейб-акушеру Д. О. Отту во Фрейлинском доме возле Нижнего дворца была выделена отдельная двухкомнатная квартира, где он и жил, ожидая наступления очередных родов императрицы.

Как правило, при родах или в непосредственной близости от родильной комнаты присутствовали все члены большой императорской семьи, которые на тот момент оказывались поблизости, а муж буквально держал рожавшую жену за руку. Эта традиция восходила еще к временам средневековья. По древней европейской традиции, высшая аристократия имела право присутствовать при родах королевы, непосредственно удостоверяясь в истинности и родов, и самого наследника, будущего властителя.

При родах цесаревны или императрицы с той же целью в обязательном порядке присутствовал министр императорского двора. С начала XIX в. этого требования уже не придерживались столь буквально, и во время родов министр двора находился в соседней комнате, имея при себе пять вариантов манифеста о рождении ребенка. Царь сам выносил министру двора новорожденного и вписывал в указ заранее выбранное имя[1]. Когда императрица Александра Федоровна готовилась произвести на свет первого ребенка в 1895 г., в недрах канцелярии Министерства императорского двора, согласно принятой процедуре, были заранее заготовлены пять проектов правительственного указа о рождении ребенка. Эти проекты предусматривали все основные возможные варианты: 1) сын; 2) дочь; 3) двойня из двух сыновей; 4) двойня из двух дочерей; 5) двойня из сына и дочери. В документе пропускалось только имя ребенка и не указывался день его рождения. Проект указа на рождение сына формулировался следующим образом: «В день сего… Любезная Супруга Наша Государыня Императрица Александра Федоровна благополучно разрешилась от бремени рождением Нам Сына, нареченного…»[2].

Таким образом, манифест сообщал подданным о рождении ребенка в императорской семье, официально провозглашая младенца «высочеством». Когда у Николая I в 1827 г. появился второй сын, в манифесте сообщалось:

«Объявляем всем верным Нашим подданным, что в 9 день сего сентября любезнейшая Наша Супруга, Государыня Императрица Александра Федоровна разрешилась от бремени рождением Нам Сына, нареченного Константином…»[3]. Следует добавить, что общественность информировали не только о рождении ребенка, но и о наступлении беременности у императрицы. Такие объявления печатались в разделе официальной хроники «Правительственного вестника».

Кроме того, о рождении царственного младенца подданные узнавали по артиллерийским залпам орудий Петропавловской крепости. 101 залп означал рождение девочки, а 301 — мальчика. Вся дворцовая прислуга, находившаяся на дежурстве в день появления на свет ребенка, обязательно получала ценные памятные подарки[4].

Отдельный манифест сообщал о новых высокоторжественных датах в имперском календаре. Так, в манифесте от 1 марта 1845 г. указывалось: «Рождение любезнейшего Внука Нашего Великого Князя Александра Александровича (будущего Александра III — *И. З.*) повелеваем праздновать в 26 день февраля, а тезоименитство в 30 день августа»[5].

Начиная с Павла I, императорские и великокняжеские семьи были многодетными. Ни о каком ограничении рождаемости речи не шло, императрицы, цесаревны и великие княгини рожали, сколько «Бог давал». Так, у Павла I и Марии Федоровны были четыре сына и шесть дочерей. При этом первый ребенок родился в декабре 1777 г. (будущий император Александр I), а последний — в 1798 г. (великий князь Михаил Павлович), то есть за 22 года в семье появилось десять детей.

У Александра I не было сыновей. Императрица Елизавета Алексеевна произвела на свет двух дочерей, которые умерли в раннем возрасте. Надо заметить, что между супругами отношения были очень сложными, и Александр I имел побочных детей.

Образцовый семьянин Николай I с императрицей Александрой Федоровной за 14 лет родили семерых детей — четверых сыновей и трех дочерей. Первый ребенок был рожден в 1818 г. (будущий Александр II), последний (великий князь Михаил Николаевич) — в 1832 г.

В семье Александра II и Марии Александровны, несмотря на слабое здоровье императрицы, появились на свет две дочери и шестеро сыновей. Первого ребенка (великую княгиню Александру Александровну) императрица родила в 1842 г., последнего (великого князя Павла Александровича) — в 1860 г. Таким образом, за 18 лет Мария Александровна родила восьмерых детей.

У Александра III и Марии Федоровны в течение 14 лет родилось шестеро детей. Один ребенок в годовалом возрасте умер, и остались три сына и две дочери. Первое дитя (Николай II) родилось в 1868 г., последнее (великая княгиня Ольга Александровна) — в 1882 г.

В семье Николая II и Александры Федоровны появилось пятеро детей за девять лет: с 1895 по 1904 г. Однако только для императора Николая II проблема наследника обернулась серьезными политическими последствиями. Многочисленные представители младших ветвей дома Романовых имели огромное желание унаследовать трон, и это, естественно, совершенно не устраивало императорскую чету.

Таким образом, рождение сыновей в императорской семье носило не только характер обычной человеческой радости, но являлось также событием политического значения, создавая запас прочности правящей династии.

В 1817 г. бездетный император Александр I сообщил своему младшему брату Николаю Павловичу, что намерен передать трон ему. Об этом решении было известно только братьям: Александру I, великому князю Константину Павловичу и великому князю Николаю Павловичу. Позднее данное решение было оформлено юридически. Поэтому когда в 1818 г. в Москве родился Александр Николаевич, его в семье воспринимали уже как будущего наследника трона. При новом политическом раскладе Николай Павлович был заинтересован в рождении сыновей, и когда в августе 1819 г. его жена Александра Федоровна произвела на свет великую княжну Марию Николаевну, это было встречено им «не с особенной радостью: он ожидал сына; впоследствии он часто упрекал себя за это»[6]. Однако позже Бог дал ему сыновей, потомство которых, в свою очередь, упрочило династический фундамент российского императорского дома.

Рождение детей в семье Николая II

Проблема престолонаследия во множестве стран и во все времена тесно переплеталась с закулисными интригами. Особенно остро с этим вопросом столкнулась семья последнего русского императора Николая II. Главной династической задачей каждой императрицы всегда являлось рождение наследника престола, поэтому любое недомогание молодой женщины списывалось на ожидаемую всеми беременность. Достаточно характерна фраза, записанная в дневнике великого князя Константина Константиновича в декабре 1894 г., менее чем через три недели после бракосочетания Николая и Александры, но более чем через полгода после помолвки в Кобурге: «Молодой императрице опять сделалось дурно в церкви. Если это происходит от причины, желанной всей Россией, то слава Богу!»[7]

Акушер Дмитрий Оскарович Отт был крупнейшим специалистом-гинекологом своего времени. Еще при Александре III, в 1893 г. он был назначен директором Императорского клинического повивального института. Впервые Николай II упоминает профессора Отта в своем дневнике 26 сентября 1895 г. За месяц до рождения первенца в императорской семье лейб-акушер лично приехал в Зимний дворец, о чем Николай записал в дневнике: «Отт и Гюнст приехали осмотреть мою душку!» Через день он вновь упомянул, что «Отт и Гюнст довольны». Вскоре пришло время рожать, и в дневнике Николая II отмечено, что схватки продолжались почти сутки — с часа ночи и до позднего вечера. Только в 9 часов вечера 3 ноября 1895 г. императрица родила девочку, которую родители назвали Ольгой. Все это время рядом с ней находились профессор Отт и акушерка Евгения Конрадовна Гюнст.

Первые роды императрицы Александры Федоровны были тяжелыми. Хотя их готовились принимать в Зимнем дворце, рожала императрица в Александровском дворце Царского Села. Как упоминала младшая сестра царя, великая княгиня Ксения Александровна, младенца «тащили щипцами». Крестили Ольгу 14 ноября 1895 г. в Большой церкви Екатерининского двора в Царском Селе. Только спустя полтора месяца после родов, в 20-х

числах декабря 1895 г. царская семья с маленькой дочерью перебралась в Зимний дворец.

Эти патологические роды были обусловлены как слабым здоровьем императрицы, которой на тот момент было 23 года, так и тем, что она с юношеского возраста страдала крестцово-поясничными болями. Боли в ногах преследовали ее всю жизнь, поэтому домочадцы часто видели императрицу в инвалидной коляске. При этом она, вопреки традициям, с 5 ноября сама начала кормить дочь, чем очень гордился ее супруг. Спустя несколько недель царь в дневнике вновь упомянул Д. О. Отта среди врачей, которые присутствовали во дворце при купании ребенка. Старшая сестра императрицы Елизавета Федоровна писала в письме к королеве Виктории, что уход во время родов «был прекрасный». Последний раз Николай II упомянул имя Д. О. Отта 30 ноября: «Присутствовал при ванне дочки. Отт тоже был там; теперь он приезжает редко». Акушерка Е. К. Гюнст простилась с царской семьей 20 декабря, пробыв в Зимнем дворце три месяца.

Успешные первые роды императрицы положили начало придворной карьере Д. О. Отта, продолжавшейся вплоть до февраля 1917 г. Именным высочайшим указом от 4 ноября 1895 г. на имя министра императорского двора Д. О. Отт был «всемилостивейше пожалован в лейб-акушеры двора его императорского величества с оставлением в занимаемых должностях и званиях». В формулярном списке Д. О. Отта на 1 декабря 1895 г. были зафиксированы эти должности и звания: «Директор Повивального института, лейб-акушер, консультант и почетный профессор по женским болезням при Клиническом институте великой княгини Елены Павловны, доктор медицины, действительный статский советник». Можно добавить, что на основании положения Придворной медицинской части Министерства императорского двора звание лейб-медика «производилось вне всяких правил, по усмотрению их величеств».

После столь тяжелых родов императрица встала на ноги только 18 ноября 1895 г. и сразу села в инвалидное кресло: «Сидел у Аликс, которая каталась в подвижном кресле и даже побывала у меня»[8]. Видимо, уже первые роды неблагоприятно сказались на ее слабом здоровье, поэтому были вновь

возобновлены общеукрепляющие процедуры. Царь записал в дневнике 28 ноября 1895 г.: «Аликс опять купалась, теперь она будет по-прежнему принимать ежедневно соляные ванны»[9].

Слабое здоровье императрицы и рождение девочки сразу же повлекли за собой распространение различных слухов. Даже старшая сестра Александры Федоровны великая княгиня Елизавета Федоровна в письме к королеве Виктории сочла нужным упомянуть: «…вы знаете об ужасных слухах, которые неизвестно кто распускает, будто Аликс опасно больна и не может иметь детей и что нужны операции».

Однако императрица родила вновь менее чем через два года. В письме к матери в январе 1897 г. Николай II сообщал: «Вчера Аликс решительно почувствовала движение — прыжки и толчки»[10]. Эта беременность тоже оказалась не самой простой. Видимо, на ранних сроках медики опасались выкидыша, поскольку в документах глухо упоминается, что императрица встала с постели только 22 января 1897 г., пролежав семь недель. Все это время рядом с ней находился лейб-акушер Д. О. Отт. В тех же документах упоминается, что он сам катал в коляске императрицу по саду рядом с Зимним дворцом. Угроза выкидыша подтверждается и упоминанием Николая II в письме к матери о том, что «мы более чем осторожны при движении и при всякой перемене положения на диване»[11]. Тем не менее царская семья буквально накануне родов по традиции переехала на лето в Александровский дворец Царского Села, где 29 мая 1897 г. появилась на свет Татьяна. В этот день великий князь Константин Константинович записал в дневнике: «Утром Бог дал их величествам... дочь. Известие быстро распространилось, и все были разочарованы, так как ждали сына»[12].

В ноябре 1898 г. выяснилось, что императрица беременна в третий раз. Как и во время предыдущих беременностей, ее немедленно усадили в коляску, поскольку она не могла ходить из-за болей в ногах. 14 июня 1899 г. в Петергофе родилась третья дочь — Мария.

Череда дочерей в царской семье начала вызывать устойчивое разочарование в обществе. В 1913 г. кадет Обнинский писал: «Свет встречал бедных малюток хохотом… Оба родителя становились суеверны… и когда умер

чахоточный Георгий, у нового наследника был отнят традиционный титул «цесаревича» из суеверной боязни, как говорили, что титул этот мешает появлению на свет мальчика»[13]. Граф В. Э. Шуленбург, служивший в лейб-гвардии уланском полку, вспоминал, что рождение Ольги было встречено «со злорадством», а после рождения двух других великих княжон среди офицеров начались бесчисленные «недостойные остроты и обвинения»[14].

Даже ближайшие родственники царя неоднократно отмечали в дневниках, что известие о рождении очередной девочки вызывало вздох разочарования по всей стране. Младшая сестра Николая II Ксения Александровна констатировала еще в ноябре 1895 г.: «Рождение дочери Ники и Аликс — большое счастье, хотя жалко, что не сын»[15]. Сестра императрицы Елизавета Федоровна писала английской королеве Виктории: «Радость огромная, и разочарование, что это девочка, меркнет от сознания, что все хорошо»[16].

Начало четвертой беременности было зафиксировано придворными медиками осенью 1900 г. Ожидание стало нестерпимым. В дневнике великого князя Константина Константиновича записано: «Она очень похорошела… все поэтому трепетно надеются, что на этот раз будет сын»[17]. В июне 1901 г. акушерка императрицы Е. К. Гюнст «ошибочно предположила» наступление преждевременных родов[18], и поэтому был экстренно вызван из своего имения в Курской области профессор Попов. Его трижды приглашали для осмотра императрицы в Новый Петергоф[19]. Приглашение нового акушера свидетельствовало о том, что к этому времени отношения императрицы с лейб-акушером Д. О. Оттом были уже не те, что раньше. Дело в том что императрица терпела возле себя только тех медиков, которые подтверждали ее собственные диагнозы. 5 июня 1901 г. в Петергофе родилась четвертая дочь царя — Анастасия.

После появления на свет четвертой дочери сдержанные поначалу интонации недовольства в обществе прорвались. В июне 1901 г. в дневнике Ксении Александровны появилась запись: «Аликс чувствует себя отлично — но, боже мой! Какое разочарование!.. Четвертая девочка!»[20] Дядя императора великий князь Константин Константинович записал тогда же в дневнике: «Прости Господи! Все вместо радости почувствовали разочарование, так ждали наследника, и вот — четвертая дочь»[21].

Александра Федоровна была в отчаянии. Отсутствие прямого наследника у царя оживило проект осени 1900 г., когда прорабатывались юридические возможности передачи власти в обход существующих законов старшей дочери царя — Ольге Николаевне. А. В. Богданович записала в дневнике 9 июля 1901 г.: «Мясоедов-Иванов говорил, что Витте с Сольским проводят мысль об изменении престолонаследия, чтобы сделать наследницей дочь царя Ольгу»[22]. И совершенно не случайно в это же время около трона начали толпиться шарлатаны, обещавшие помочь царской семье решить эту деликатную проблему.

Итак, к 1901 г. в семье Николая II родились четыре девочки подряд. Следует отметить, что подобное уже случалось в семье Романовых. Так, супруга Павла I родила подряд пятерых девочек, правда, перед этим у нее уже были два мальчика — Александр и Константин Павловичи.

Проблема наследника

Отсутствие прямого наследника у императорской четы волновало не только ближайшие придворные круги. После рождения третьей дочери в Министерство императорского двора начали поступать письма из различных стран: Англии, Франции, Бельгии, США, Латинской Америки и Японии с предложениями сообщить секрет, гарантирующий рождение наследника.

Советы были не бескорыстны. Суммы запрашивались разные, в некоторых письмах они доходили до нескольких десятков тысяч долларов. Но при этом советы иностранцев, как правило, основывались на известной в то время теории австрийского эмбриолога, профессора Венского университета Шенка. Он опубликовал целый ряд исследований по развитию яйца и органов чувств у низших позвоночных и стал известен своими опытами по определению пола зародыша у млекопитающих, а также у человека при помощи организации соответствующего питания будущих родителей[23].

Российские же подданные принялись давать советы своему царю «даром». Среди авторов писем были люди самого различного общественного

положения: командир 2-й роты 8-го понтонного батальона Адам-Генрих Гласко из Тирасполя, отставной подполковник Ф. Ф. Лихачев из Могилевской губернии, помощник для ведения судебных дел И. В. Мясников из Владивостока, контролер-механик службы телеграфа Л. Зандман из Омска, таганрогский мещанин И. В. Ткаченко, жена генерал-лейтенанта Энгельгардта, мещанин Давид Сацевич из Ковенского уезда, земский фельдшер Н. Любский из Новгородской губернии и многие другие.

Чтобы представить содержание этих советов, обратимся, к примеру, к одному из них, написанному относительно сведущим в медицине человеком — фельдшером Н. Любским: «Можно предсказать, какого пола отделяется яйцо у женщины в данную менструацию, и, следовательно, можно иметь ребенка желаемого пола. Такую строгую последовательность в выделении яичек у женщин я осмеливаюсь назвать законом природы»[24]. Были советы и попроще: «Попросите государя, вашего супруга, ложиться с левой стороны, или, иначе сказать, к левому боку вашего величества, и надеюсь, что не пройдет и года, как вся Россия возликует появлением желанного наследника»[25].

Вследствие обильного потока подобных писем (архивное дело насчитывает более 260 листов) сложился определенный порядок работы с ними. Заведующий канцелярией Министерства императорского двора полковник А. А. Мосолов писал, что «по установленному в Министерстве императорского двора порядку письма и ходатайства, заключающие в себе подобного рода советы, оставляются без ответа и без дальнейшего движения»[26]. Однако, как следует из этого же дела, некоторые письма все же принимались во внимание. В письме от 28 апреля 1905 г. крестьянин из деревни Хотунки Тульской губернии Д. А. Кирюшкин писал В. Б. Фредериксу о том, что «в 1902 г., 7 января я имел счастие быть во дворце у вашего высокопревосходительства по поводу рождения наследника престола. Я ходатайствовал перед вашим высокопревосходительством о допущении меня и докладе его императорскому величеству всемилостивейшему государю императору». В 1907 г. он вновь письмом напомнил о себе: «Я был во вверенном Вам дворце для объяснения, почему рождаются мальчики и девочки»[27]. Крестья-

нин напористо требовал от министра двора гонорара, поскольку рождение цесаревича Алексея он связывал со своими советами.

Таким образом, внутриполитическая ситуация, особенности взаимоотношений императорской фамилии и характера императрицы Александры Федоровны подготовили появление при дворе французского шарлатана Филиппа, подробно описанное в «Воспоминаниях» С. Ю. Витте. По его словам, с Филиппом познакомилась за границей жена великого князя Петра Николаевича, Милица, через нее Филипп «влез к великим князьям Николаевичам» и затем к их величествам[28].

В свое время Филипп вылечил сына Милицы — Романа. Витте упоминал, что Милица с сестрой Станой ходатайствовали о том, чтобы Филиппу разрешили медицинскую практику в России и выдали медицинский диплом. Пожалуй, это единственный случай в истории присуждения ученых степеней в России, когда «вопреки всем законам при военном министре Куропаткине ему дали доктора медицины от Петербургской военно-медицинской академии и чин действительного статского советника. Всё это без всяких оглашений. Святой Филипп пошел к военному портному и заказал себе военно-медицинскую форму»[29].

Надо заметить, что информация об экстрасенсе поступала во дворец из различных источников. Заведующий парижской и женевской агентурами П. И. Рачковский, по просьбе дворцового коменданта П. П. Гессе, собрал на Филиппа досье, где представил его шарлатаном. Но вера императорской семьи в Филиппа была столь сильна, что руководитель заграничной агентуры Департамента полиции с 1882 г. был немедленно отстранен от должности.

Великий князь Александр Михайлович в «Воспоминаниях» писал: «Французский посланник предостерегал русское правительство против этого вкрадчивого иностранца, но царь и царица придерживались другого мнения… Он утверждал, что обладает силой внушения, которая может оказывать влияние на пол развивающегося в утробе матери ребенка. Он не прописывал никаких лекарств, которые могли бы быть проверены придворными медиками. Секрет его искусства заключался в серии гипнотических сеансов. После двух месяцев лечения он объявил, что императрица находится в ожидании ребенка»[30].

Это была пятая беременность Александры Федоровны, которая началась в ноябре 1901 г. Поскольку эту беременность царская чета связывала исключительно с загадочными «пассами» Филиппа, ее скрывали даже от ближайших родственников. Сестра Николая II Ксения Александровна только в апреле 1902 г. узнала от императрицы о ее состоянии. В своем письме к ней Александра Федоровна писала: «Сейчас это уже трудно скрыть. Не пиши Матушке, так как я хочу сказать ей, когда она вернется на будущей неделе. Я так хорошо себя чувствую, слава Богу, в августе!»[31]

По рекомендации Филиппа императрица не допускала к себе медиков вплоть до августа 1902 г. К весне все заметили, что она сильно поправилась и перестала носить корсет. Об ее беременности было объявлено официально. Как писал Витте: «Императрица перестала ходить, все время лежала. Лейб-акушер Отт со своими ассистентами переселился в Петергоф, ожидая с часу на час это событие. Между тем роды не наступали. Тогда профессор Отт начал уговаривать императрицу и государя, чтобы ему позволили исследовать императрицу. Императрица по понятным причинам вообще не давала себя исследовать до родов. Наконец она согласилась. Отт исследовал и объявил, что императрица не беременна и не была беременна, что затем в соответствующей форме было объявлено России»[32].

Это был страшный удар по психике Александры Федоровны. Ребенка, которого она вынашивала с ноября 1901 г., просто не существовало. И это стало потрясением для всех. Новость моментально разошлась среди аристократического бомонда. Ксения Александровна в письме от 19 августа 1902 г. к княгине А. А. Оболенской, фрейлине и ближайшей подруге императрицы Марии Федоровны, писала: «Мы все ходим как в воду опущенные со вчерашнего дня… бедная А. Ф. оказалась вовсе не беременна — девять месяцев у нее ничего не было и вдруг пришло, но совершенно нормально, без болей. Третьего дня Отт ее видел в первый раз и констатировал, что беременности никакой нет, но, к счастью, внутри все хорошо. Он говорит, что такие случаи бывают и что это происходит вследствие малокровия»[33]. Великий князь Константин Константинович записал в своем дневнике 20 августа 1902 г.: «С 8 августа ежедневно ждали разрешения от бремени императрицы…

Аликс очень плакала, когда наконец допущенные к ней доктор Отт и Гюнст определили, что беременности нет, но и не существовало»[34].

Кроме того, требовалось внятно объяснить всей стране, куда делся ребенок императрицы. Ситуация создалась весьма щекотливая. 21 августа 1902 г. в официальном «Правительственном вестнике» было опубликовано сообщение: «Несколько месяцев назад в состоянии здоровья ее величества государыни императрицы Александры Федоровны произошли перемены, указывающие на беременность. В настоящее время, благодаря отклонению от нормального течения, прекратившаяся беременность окончилась выкидышем, совершившимся без всяких осложнений при нормальной температуре и пульсе. Лейб-акушер Д. О. Отт. Лейб-хирург Гирш. Петергоф, 20 августа 1902 г.». 27 августа 1902 г. последовал еще один бюллетень, в котором сообщалось, что ее величество «находится на пути к полному выздоровлению».

Это событие породило в народе множество слухов о том, что царица родила «неведому зверушку». Государственный секретарь А. А. Половцев в августе 1902 г. писал, что «во всех классах населения распространились самые нелепые слухи, как, например, что императрица родила урода с рогами»[35]. Он называл произошедшее «постыдным приключением императрицыных лжеродов». В аристократической среде эта информация также вызвала самые различные толки. Так, в Нижнем Новгороде полиция конфисковала календарь, на первом листе которого была изображена особа женского пола, несущая в корзине четырех маленьких поросят. После «выкидыша» полиция приказала исключить из оперы «Царь Салтан» слова: «Родила царица в ночь не то сына, не то дочь, не собачку, не лягушку, так — неведому зверушку»[36].

В августе 1902 г. великий князь Константин Константинович записал в дневнике: «Вчера за подписями лейб-акушера Дм. Отта и лейб-хирурга Гирша объявлен в газетах бюллетень… Текст бюллетеня критикуют, особенно слово «благодаря»[37]. В результате этой, в общем-то, трагической для царской семьи истории за императрицей окончательно закрепилась слава истерички. Великий князь Александр Михайлович писал об «остром нервном расстройстве»[38], С. Ю. Витте назвал ее «ненормальной истеричной особой»[39].

В 1928 г. сам Д. О. Отт рассказал об этой истории следующее: «Это была пятая беременность императрицы. Императрица переходила на два месяца тот срок, в который она, по ее расчетам, должна была родить. Чувствовала она себя хорошо, и я ее не осматривал, да и увидел я ее беременной впервые на седьмом месяце. Роды приближались, и меня пригласили жить в Петергофе. Поражал вид императрицы, фигура ничуть не изменилась, живот отсутствовал. Я ей указал на это и просил разрешения ее осмотреть. Она мне ответила: «Bleiben sie ruhig, das kind ist dahinten» («Будьте спокойны, ребенок там»). Образ жизни она вела малоподходящий, почти ежедневно часов в одиннадцать уезжала в Знаменку к великому князю Николаю Николаевичу и возвращалась часа в три ночи, но я не вмешивался. В один прекрасный день меня спешно зовут к императрице: она сидит взволнованная, на рубашке капли крови. Государь ходит по комнате, очень волнуется и просит ее осмотреть. Осмотр показал, что беременность была, но яйцо не развилось. Это то, что называется мясистый, или кровяной, закос. Благодаря кровотечению он вышел. Я объяснил, в чем дело. Государь просил меня спешно поехать к великому князю Владимиру Александровичу, где был весь двор на «целовании руки» по случаю бракосочетания Елены Владимировны, и поставить в известность министра двора Фредерикса. Я это сделал. Фредерикс спросил: «Какие распоряжения?». Я сказал, что не знаю. Фредерикс просил меня написать бюллетень. Я написал так, что всякий между строк мог понять, о чем шла речь. На другой день меня вновь вызывают во дворец. Там меня ждут Фредерикс и личный врач императрицы доктор Гирш, немец, и дают читать глупо составленную бумажку. Я говорю, что это никуда не годится, что я иначе писал. Мне говорят, что государь приказал, чтобы я подписал эту бумажку. Ну, я и подписал. Так появилось то извещение, которое всем известно»[40].

Как мы видим, вся «беременность» императрицы патронировалась «святым» Филиппом, который жил в имении великого князя Николая Николаевича, где Александра Федоровна ежедневно его посещала. О Филиппе окружение царя знало очень мало, поскольку знакомство с ним не

афишировалось. Великий князь Константин Константинович называл его в дневнике в августе 1901 г. «неким Филипповым, не то доктором, не то ученым, занимающимся прививкой и лечением различных болезней». Спустя несколько дней, однако, он познакомился с ним лично: «Мы пили чай у Милицы и увидели его. Это небольшого роста, черноволосый, с черными усами человек лет пятидесяти, очень невзрачной наружности, с дурным южнофранцузским выговором»[41].

В действительности Филипп Низье-Вашо, уроженец Лиона, окончил только три курса медицинского факультета Лионского университета. Обнаружив у себя способности экстрасенса, он оставил университет и начал специализироваться на лечении нервных болезней. Особенно часто его клиентами являлись женщины, как правило, весьма состоятельные. На этом поприще он приобрел весьма широкую известность. Но поскольку медицинский диплом у него отсутствовал, его неоднократно привлекали к уголовной ответственности за незаконную медицинскую практику. Со временем Филипп сумел обойти это препятствие, взяв к себе в качестве «компаньона» дипломированного врача.

В дневнике Николая II и переписке императорской четы его называли «нашим дорогим другом». О степени влияния Филиппа на царя красноречиво говорит следующая запись в дневнике Николая II за июль 1902 г.: «Mr. Philippe говорил и поучал нас. Что за чудные часы!!!» Это тем более удивительно, если учесть, что Николай II отличался крайней скупостью на эмоции. К тому же учитель занимался не только здоровьем коронованной четы. 22 июля 1902 г. императрица писала супругу, отбывавшему в Германию для встречи с императором Вильгельмом II: «Рядом с тобой будет наш дорогой друг, он поможет тебе отвечать на вопросы Вильгельма». Видимо, лето 1902 г., когда супруги ожидали появления на свет «чудесно» зачатого мальчика-наследника, было временем наибольшего влияния Филиппа. И необходимо подчеркнуть, что это влияние начало принимать политический характер, что не могло не беспокоить ближайшее окружение царской семьи. О политической деятельности Филиппа упоминала также Н. Берберова в

книге «Люди и ложи». Она писала: «В России оживилась деятельность «мартинистов» с помощью двух шарлатанов, Папюса и Филиппа»[42].

Окружение Николая II достаточно хорошо представляло себе, насколько царь порой подвержен посторонним влияниям. Историк и политик П. Н. Милюков в «Воспоминаниях» даже пытался анализировать эти ситуации. В начале царствования на принятие решений влияли мать императора и его дядья, с 1901 г. начался этап влияния Филиппа, и «этот период ознаменовался столоверчением и переходом от Monsier Филиппа к собственным национальным юродивым, таким как фанатик Илиодор, идиотик Митя Козельский или — самый последний — сибирский «варнак» — Григорий Распутин, окончательно овладевший волей царя»[43]. Об этом же писал А. П. Извольский, министр иностранных дел (1906–1910): «Разве можно удивляться тому, что император мог попасть под влияние такого вульгарного проходимца, каким был известный Филипп, начавший свою карьеру в качестве мясника в Лионе, сделавшийся позже спиритом, гипнотизером и шарлатаном, который был осужден во Франции за различные мошенничества и кончил тем, что превратился в желанного гостя при русском императорском дворе и сделался советником императрицы и императора не только по делам личного характера, но даже по делам большой государственной важности»[44].

Все попытки ближайшего окружения царя (императрица Мария Федоровна, сестра царя Ксения, сестра императрицы Елизавета Федоровна) нейтрализовать влияние Филиппа оказались безуспешными. Парадоксально, но и после замершей беременности императрица не утратила в него веры. В конце 1902 г. Филипп объявил ей, что она родит сына, если обратится к покровительству святого Серафима Саровского. После этого Филипп уехал во Францию, где и умер в 1905 г.

Несмотря на возражения обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, Серафим Саровский был срочно канонизирован. В июле 1903 г. царская семья, следуя совету Филиппа, посетила Саровскую пустынь. После посещения села Дивеева (Саровской пустыни) императрица забеременела в шестой раз.

И эта беременность закончилась благополучным рождением в июле 1904 г. цесаревича Алексея.

В переписке между царем и царицей за 1914–1916 гг. имя Филиппа неоднократно упоминалось с благоговением. Как позже вспоминала А. А. Вырубова: «Когда я только что ближе познакомилась с ее величеством, я была удивлена ее мистическим рассказам про M. Philippe, который недавно умер». До конца жизни в царской семье бережно, как святыни, хранились подарки французского ясновидца. Вырубова упоминала, что «у их величеств в спальне всегда стояла картонная рамка с засушенными цветами, данная им M. Philippe, которые, по его словам, были тронуты рукой самого Спасителя»[45].

Николай II и Александра Федоровна были абсолютно убеждены в том, что рождение цесаревича Алексея есть результат чудесного влияния экстрасенса. Об этом свидетельствует и записка, переданная царем Милице Николаевне в день рождения долгожданного наследника: «Дорогая Милица! Не хватает слов, чтобы достаточно благодарить Господа за Его великую милость. Пожалуйста, передай каким-нибудь образом нашу благодарность и радость… Ему. Все случилось так скоро, что я до сих пор не понимаю, что произошло. Ребенок огромный, с черными волосами и голубыми глазами. Он наречен Алексеем. Господь со всеми вами. Ники»[46]. «Он» — это, безусловно, Филипп, и именно ему царь передавал «нашу благодарность и радость».

Таким образом, описанный эпизод лета 1902 г. имел значительные политические последствия. Во-первых, была подготовлена почва для появления нового «дорогого друга», царская семья постепенно привыкала к различным влияниям, замешанным на мистицизме. Во-вторых, наметился разрыв царя и особенно царицы с императорской фамилией. В-третьих, за императрицей закрепилась репутация истерички, обладающей при этом маниакальным упрямством. Все это во многом подготовило стремительное падение авторитета императорской фамилии и сравнительную легкость падения 300-летней династии Романовых.

Рождение цесаревича Алексея

Долгожданный цесаревич Алексей Николаевич родился 30 июля (12 августа) 1904 г. в Петергофе. Надо отметить, что в феврале 1904 г. царская семья окончательно покинула Зимний дворец, в котором прожила около девяти лет, и переселилась в Царское Село.

В этот день Николай II писал в дневнике: «Незабвенный великий для нас день, в который так явно посетила нас милость Божья. В 1¼ дня у Аликс родился сын, которого при молитве нарекли Алексеем. Все произошло замечательно скоро — для меня, по крайней мере. Утром побывал как всегда у Мамá, затем принял доклад Коковцова и раненого при Вафангоу арт. офицера Клепикова и пошел к Аликс, чтобы завтракать. Она уже была наверху, и полчаса спустя произошло это счастливое событие. Нет слов, чтобы уметь достаточно благодарить Бога за ниспосланное нам утешение в эту годину трудных испытаний! Дорогая Аликс чувствовала себя очень хорошо. Мамá приехала в 2 часа и долго просидела со мною, до первого свидания с новым внуком. В 5 часов поехал к молебну с детьми, к которому собралось все семейство. Писал массу телеграмм. Миша приехал из лагеря; он уверяет, что подал «в отставку». Обедал в спальне».

Императрица родила наследника очень легко — «за полчаса». В своей записной книжке она отметила: «Вес 4660, длина 58, окружность головы 38, груди 39… в пятницу 30 июля в 1 ч. 15 м. пополудни»[47]. А уже 1 августа в газетах начали печататься бюллетени о состоянии здоровья императрицы и наследника. Всего с 1 по 8 августа 1904 г. вышло девять бюллетеней, в которых отмечалось, что «состояние здоровья наследника цесаревича во всех отношениях удовлетворительно», и подчеркивалось, что императрица сама кормит его грудью. 8 августа в газетах было напечатано, что «кормление наследника цесаревича самой августейшей родительницей идет успешно». Кроме того, 1 августа 1904 г. был опубликован указ, по которому регентом «на случай кончины нашей… до совершеннолетия его, назначается нами любимый брат наш, великий князь Михаил Александрович». Крестником цесаревича стал германский император Вильгельм II[48].

В день крещения наследника был опубликован манифест с обычными милостями и льготами.

На фоне этой праздничной суеты царственных родителей снедало беспокойство, не покажутся ли тревожные признаки страшной болезни. Обычно в исследованиях, посвященных этой теме, пишется, что о гемофилии стало известно через пять недель после его рождения. 8 сентября 1904 г. царь записал в дневнике: «Аликс и я были очень обеспокоены кровотечением у маленького Алексея, которое продолжалось с перерывами до вечера из пуповины... около 7 часов они наложили повязку»[49]. На протяжении последующих трех дней он с глубокой тревогой отмечал: «Утром опять на повязке была кровь; с 12 часов до вечера ничего не было»; «Сегодня целый день у Алексея не показывалась кровь; на сердце так и отлегла щемящая забота»; «Кончилось кровотечение уже двое суток».

Вместе с тем, ряд документов свидетельствует, что о гемофилии у наследника родители узнали буквально в день его рождения. Поскольку рождение мальчика родители напрямую связывали с магическим влиянием Филиппа, то у них не было секретов от великой княгини Милицы, которая поддерживала связь с экстрасенсом. Уже 1 августа 1904 г. Николай II писал ей: «Дорогая Милица. Пишу тебе со слов Аликс: слава Богу, день прошел спокойно. После перевязки в 12 часов и до 9 часов 30 мин. вечера не было ни капли крови. Доктора надеются, что так будет продолжаться. Коровин остается на ночь. Федоров уезжает в город и вернется завтра. Он нам обоим чрезвычайно нравится! Маленькое «сокровище» удивительно спокойно, а когда ему делают перевязку, или оно спит, или лежит и смеется. У родителей теперь немного отлегло от сердца. Федоров говорит, что по приблизительному исчислению потеря крови за двое суток составляет от $^1/_8$ до $^1/_9$ всего количества крови»[50].

Таким образом, документально у наследника зафиксированы два кровотечения. Первое — сразу же после появления на свет и второе — в начале сентября 1904 г., которое все расставило по местам. И с этого времени болезнь наследника превратилась в постоянно действующий дестабилизирующий политический фактор, обусловленный высокой степенью персонификации политической жизни самодержавной России.

К осени для императрицы свершившаяся трагедия стала очевидной, как и бессилие медиков в борьбе против этой болезни. И хотя были немедленно привлечены лучшие врачи Военно-медицинской академии, Александра Федоровна уже тогда больше надеялась на чудо, чем на медицинскую помощь. Об этих настроениях императрицы свидетельствует ее фраза в письме к царю от 15 сентября 1904 г.: «Я уверена, что наш друг оберегает тебя так же, как он берег маленького на прошлой неделе»[51]. Эта фраза знаменательна тем, что в ней прочитывается весь будущий сценарий трагедии этой семьи. «Друг» — это еще не Распутин, а Филипп, который был сразу же проинформирован о заболевании цесаревича.

В ноябре 1904 г. наследнику вновь понадобилась медицинская помощь. Лекарский помощник Поляков сообщал, что хирург С. П. Федоров нанес «еще два визита».

Болезнь ребенка тут же приобрела характер государственной тайны, и даже ближайшие родственники далеко не сразу узнали о страшном диагнозе. Великий князь Константин Константинович только в январе 1909 г. записал в дневнике о наследнике: «…у него болит нога, поговаривают, что это воспаление коленного сустава, но наверное не знаю»[52]. Вероятно, безобидные слухи о «воспалении коленного сустава» распространялись сознательно, чтобы скрыть правду о гемофилии. О разнообразии слухов, связанных с заболеванием цесаревича, свидетельствуют многочисленные мемуарные упоминания. Так, в январе 1911 г. А. А. Бобринский записал в дневнике: «У наследника нечто вроде аппендицита на почве ошибочного доморощенного медицинского диагноза»[53]. Впрочем, степень информированности столичного бомонда была разной. С одной стороны, уже в ноябре 1904 г. А. В. Богданович отметила в дневнике: «Про наследника говорил сегодня Штюрмер, что якобы у него есть одна болезнь, с которой он и родился, и что теперь один хирург находится неотлучно во дворце»[54], а с другой стороны, американский посол в России Дж. Мэрей писал в конце 1916 г.: «Мы слышали много различного рода историй о состоянии наследника. Самой правдоподобной нам кажется версия о том, что у Алексея существуют какие-то трудности с кровообращением. Кровь, как будто, находится слишком близко от поверхности кожи»[55].

А. А. Вырубова рассказывала в мемуарах, что «их величества скрывали болезнь Алексея Николаевича от всех кроме самых близких родственников и друзей»[56]. Болезнь скрывали столь тщательно, что, видимо, к этим «близким родственникам» не относилась даже сестра царя Ксения Александровна, которая узнала о заболевании племянника от своей сестры, великой княгини Ольги Александровны, только в марте 1912 г.: «В вагоне Ольга нам рассказала про свой разговор с ней[57]. Она в первый раз сказала, что у бедного маленького эта ужасная болезнь и от этого она сама больна и никогда окончательно не поправится»[58].

В царской семье росли еще четыре дочери, а поскольку именно женщины являлись носителями мутантного гена, то, естественно, возникал вопрос: не будут ли дочери столь же несчастны, как их мать, родив неизлечимо больных детей? Старшая Ольга уже достигла возраста невесты, однако ей не торопились выбирать жениха. Впрочем, возможно, и женихи не торопились, хорошо представляя последствия гемофилии. Периодически звучали различные имена — от румынского принца до великого князя Дмитрия Павловича, но дальше планов дело не шло.

По свидетельству Й. Ворреса, великая княгиня Ольга Александровна была уверена, что ее племянницы являются носительницами мутантного гена. И если бы они вышли замуж, то передали бы эту болезнь своим детям. Она утверждала, что «у них бывали сильные кровотечения. Она вспоминала, какая поднялась паника в Царском Селе, когда великой княжне Марии Николаевне удаляли гланды. Доктор Скляров, которого великая княгиня представила императрице, рассчитывал, что предстоит обычная несложная операция. Но едва она началась, как у юной великой княжны обильно хлынула кровь... Несмотря на то что кровотечение продолжалось, ему удалось успешно завершить операцию»[59].

Об этой тайне и порожденных ею слухах позднее писали многие мемуаристы и историки, демонстрируя самое различное отношение к данному вопросу. Промонархически настроенные авторы оправдывали действия царской семьи. Например, Е. Е. Алферьев в своей книге указывал, что «по политическим и династическим соображениям, чтобы не давать возможность

врагам России использовать болезнь наследника в своих преступных целях, они *были вынуждены ее скрывать*»[60]. Историк С. С. Ольденбург в двухтомной истории царствования Николая II просто констатировал: «Болезнь наследника считалась государственной тайной, но толки о ней, тем не менее, были широко распространены»[61].

Критики династии отмечали катастрофические последствия закрытости царской семьи и бесперспективность этой позиции. Например, Феликс Юсупов писал: «Болезнь наследника старались скрыть. Скрыть до конца ее было нельзя, и скрытность только увеличивала всевозможные слухи, которые вообще порождались в обществе благодаря уединенной жизни государя»[62]. Говорили о том, что Алексей — умственно отсталый, эпилептик, «будто бы нигилисты изувечили ребенка на борту императорской яхты»[63].

По словам П. Жильяра, который видел цесаревича в феврале 1906 г., он не производил впечатления больного ребенка: «У него был свежий и розовый цвет лица здорового ребенка, и, когда он улыбался, на его круглых щечках вырисовывались две ямочки»[64]. Многочисленные фотографии подтверждают это.

Однако не все так по-доброму воспринимали Алексея. На него смотрели не как на больного ребенка, а как на наследника трона огромной державы и грядущего властителя. И многие задавались вопросом, какое будущее ожидает страну, когда во главе ее окажется калека. Эти настроения отражены в воспоминаниях графини М. Клейнмихель: «Стали говорить, что ребенок слаб и недолговечен. Говорили, что у ребенка отсутствует покров кожи, отсутствие которого должно вызвать постоянные кровоизлияния, так что жизнь его могла угаснуть от самого незначительного недомогания... Благодаря тщательному уходу за ним, ребенок выжил, стал поправляться, хорошеть, был умен, но долго не мог ходить, и вид этого маленького существа постоянно на руках у здоровенного казака производил на народ удручающее впечатление... Этот маленький калека — в нем грядущее великой России?»[65] Кроме того, монархистов заботила чрезмерная близость Распутина не только к императрице, но и к наследнику. М. В. Родзянко писал: «….не без основания являлось опасение, что постоянная проповедь сектантства

может оказать влияние на впечатлительную детскую душу... привьет его миросозерцанию вредный мистицизм и может сделать из него в будущем нервного и неуравновешенного человека»[66].

Первый серьезный кризис в развитии болезни произошел в конце 1907 г., когда цесаревичу было три с половиной года[67]. Он серьезно травмировал ногу. Как писал великий князь Александр Михайлович: «Трех лет от роду, играя в парке, цесаревич Алексей упал и получил ранение»[68]. По свидетельству великой княгини Ольги Александровны, именно во время этого кризиса Распутин впервые стабилизировал положение больного ребенка. По ее словам, «от докторов не было совершенно никакого проку. Перепуганные больше нас, они все время перешептывались. По-видимому, они просто не могли ничего сделать». Она писала, что только после появления Распутина ситуация изменилась, и «малыш был не только жив, но и здоров»[69]. А. А. Вырубова, коротко упомянув о кризисе 1907 г., ни словом не обмолвилась о вмешательстве Распутина, наоборот подчеркивала, что «когда осенью заболел наследник... ничто не помогало ему, кроме ухода и забот его матери»[70].

Во время этого кризиса в Александровский дворец Царского Села был единственный раз приглашен иностранный специалист, профессор ортопедии Берлинского университета доктор Альберт Гофф[71]. И это стало первой и последней попыткой обратиться к опыту европейских специалистов. Поскольку больше их не приглашали, можно заключить, что опыт был не особенно удачным. Впрочем, возможно, его консультации потребовались для того, чтобы квалифицированно заказать в берлинском ортопедическом институте специальную кровать для больного цесаревича. Одно можно утверждать с уверенностью: с 1907 г. для европейских медиков и политиков тайны заболевания русского цесаревича более не существовало.

В марте 1908 г. очередная травма цесаревича стала поводом для переписки Николая II и императрицы Марии Федоровны. Алексей упал и ударился лбом, в результате чего на его лице появились страшные отеки. Мария Федоровна с беспокойством писала сыну из Лондона: «Я слышала, бедный маленький Алексей ударился лбом, и на лице появились такие отеки, что

смотреть страшно, а глаза совсем закрылись»[72]. Для того чтобы последствия травмы прошли, потребовались три недели. В ответ Николай писал матери в Лондон: «Ты спрашиваешь про маленького Алексея — слава Богу, шишка и синяки у него прошли без следа. Он весел и здоров, как и его сестры»[73]. Это были первые серьезные звонки, но далеко не последние. Позже все они слились в некий тревожный фон, к которому царская семья постепенно приспособилась, не забывая о нем, однако, ни на минуту. О серьезности его говорит то, что хирург С. П. Федоров «в декабре (на Рождество) 1908 г. был экстренно вызван из Москвы»[74] к цесаревичу.

В августе 1912 г. в Москве состоялось празднование 100-летия Бородинской битвы. Император очень хотел показать народу здорового наследника и хотя бы частично развеять мрачные слухи, но очередное недомогание сделало это невозможным. Во время всех церемоний ребенка носил на руках его дядька — боцман А. Е. Деревенько. Московский губернатор В. Ф. Джунковский заметил: «Больно было видеть наследника в таком положении»[75].

Крещение детей

Крещение родившегося ребенка всегда было важной частью не только религиозной обрядности, но и повседневной жизни любой православной семьи. Понятия «крестного отца» или «крестной матери» в России никогда не были пустым звуком.

Процедура крещения царственного ребенка являлась одной из самых отработанных придворных церемоний с четким, раз и навсегда определенным ритуалом. Естественно, на торжественную церемонию собиралось всё наличное семейство. И крещение было обставлено со всей возможной традиционной пышностью. Ребенка укладывали на подушку из золотой парчи и укрывали тяжелой золотой императорской мантией, подбитой горностаем. При этом крестильные рубашки — розовые у девочек и синие у мальчиков, потенциальных самодержцев, — бережно сохранялись. Так, до нас дошла рубашка цесаревича Алексея, окрещенного в Петергофе летом 1904 г.

Важность этого события прекрасно осознавалась, и саму процедуру крещения старались зафиксировать, причем не только в камер-фурьерских журналах, но и изобразительными средствами. До нас дошли акварели придворного художника Михая Зичи, на которых он запечатлел процедуру крещения будущего Николая II в мае 1868 г. В архиве хранится официальный фотоальбом, посвященный крещению первой дочери Николая II — Ольги в 1895 г.

Крестили ребенка через две недели после родов, как правило, там, где случалось рожать матерям. Процедура начиналась с торжественного шествия в храм. Если крещение происходило в домовой церкви, то это было торжественное шествие по дворцовым залам. Если же церковь находилась вне жилой резиденции — использовались парадные кареты. Золоченые кареты образовывали торжественный поезд, который сопровождали гвардейцы. Поскольку Александр II родился в Москве, то и обряд крещения над ним был совершен также в Москве, в церкви Чудова монастыря. Восприемница младенца — вдовствующая императрица Мария Федоровна, следуя примеру матери Петра Великого, положила младенца на раку, где находились нетленные мощи святого Алексия, митрополита Московского.

Родителей, безусловно, весьма волновало состояние здоровья малыша, как бы его не простудили и не уронили во время церемонии. Тем более что по традиции мать ребенка не присутствовала на крещении. Спокойствие ребенка во время процедуры воспринималось как благоприятный знак. Примечательно, что у высочайших родильниц периодически отмечались психозы, описанные сегодня в медицинской литературе. В мае 1857 г., когда крестили Сергея Александровича, императрица Мария Александровна поделилась со своей фрейлиной опасениями, что младенца «утопят или задушат во время крестин»[76].

Матери получали подарки по случаю крещения своих детей. В апреле 1875 г. при крещении великой княжны Ксении Александровны ее мать — цесаревна Мария Федоровна получила от Александра II серьги с двумя крупными жемчужинами[77].

Во время процедуры крещения младенца несла на руках статс-дама, которую страховали ассистенты. Некоторым статс-дамам удавалось принять участие в крещении двух императоров. Так, в 1796 г. будущего Николая I на руках несла статс-дама Шарлотта Карловна Ливен, которую сопровождали обер-шталмейстер Нарышкин и граф Н. И. Салтыков[78]. Двадцать два года спустя, когда в Москве 5 мая 1818 г. крестили маленького Александра II, та же Шарлотта Ливен внесла в храм будущего императора. Надо заметить, что статс-дамы в полной мере понимали свою ответственность. Поскольку они, как правило, были уже пожилыми женщинами, то, страхуясь, прибегали к различным ухищрениям. Например, когда в 1904 г. крестили сына Николая II, статс-дама Голицына несла подушку из золотой материи, на которой лежал ребенок, прикрепив ее к своим плечам широкой золотой лентой. Кроме того, к своим парадным туфлям она приказала приклеить каучуковые подошвы, чтобы не поскользнуться. При этом ее поддерживали под руки церемониймейстер А. С. Долгорукий и граф П. К. Бенкендорф[79].

Немаловажной частью подготовки к крещению являлся подбор крестных матерей и отцов. Как правило, этот вопрос решался с учетом всевозможных нюансов, в том числе и высокой политики. В 1818 г. восприемниками будущего императора Александра II стали сам Александр I, вдовствующая императрица Мария Федоровна и дед по матери Фридрих-Вильгельм III, король Прусский. В 1857 г. восприемниками родившегося великого князя Сергея Александровича были старший брат цесаревич Николай Александрович, великая княгиня Екатерина Михайловна[80], великий герцог Гессенский Людвиг III и вдовствующая королева Нидерландов Анна Павловна. В 1904 г. в числе многих крестных матерей цесаревича Алексея была его старшая сестра — девятилетняя Ольга. Поскольку Алексей был единственным сыном российского монарха, ему подобрали весьма «серьезных» крестных отцов — короля Англии Георга V, германского императора Вильгельма II, датского короля Христиана IX и великого князя Алексея Александровича.

В процедуре крещения участвовали старшие братья и сестры новорожденного. Для детей это был важный опыт участия в торжественных дворцовых церемониях, и к ним серьезно готовились, особенно девочки. Одна

из дочерей Николая I вспоминала, как они готовились к крестинам Константина Николаевича, родившегося в сентябре 1827 г.: «К крестинам нам завили локоны, надели платья — декольте, белые туфли и Екатерининские ленты через плечо. Мы находили себя очень эффектными и внушающими уважение. Но — о разочарование! — когда Папа́ увидел нас издали, он воскликнул: «Что за обезьяны! Сейчас же снять ленты и прочие украшения!» Мы были очень опечалены»[81].

Среди прочего в обряд крещения входило возложение на младенца «статусных» орденов. По традиции в конце церковной службы императору на золотом блюде подносился орден Святого Андрея Первозванного, который он возлагал на новорожденного. Кроме того, младенец «награждался» орденами Святого Александра Невского, Белого Орла, а также высшей степенью орденов Святых Анны и Станислава, производился в прапорщики и зачислялся в один из лейб-гвардейских полков. Девочки при крещении получали знаки ордена Святой Екатерины. Завершался обряд крещения вечерним торжественным обедом, а иногда и иллюминацией.

Когда в 1840-х гг. начали появляться дети у будущего Александра II, обряд их крещения повторился до деталей. Первая дочь Александра II родилась 19 августа 1842 г., и 30 августа состоялся обряд ее крещения в церкви Большого Екатерининского дворца Царского Села. Нести новорожденного по статусу полагалось первой придворной даме, которой тогда была статс-дама княгиня Е. В. Салтыкова. Согласно требованиям церемониала на ней было русское придворное платье, кокошник с нашитыми бриллиантами, перекрытый фатой. По традиции, новорожденную положили на парчовую подушку, которую держала в руках статс-дама, и покрыли парчовым покрывалом, прикрепленным к ее плечам и груди. Подушку и покрывало придерживали двое знатных придворных.

На процедуре крещения, хотя и за ширмами, присутствовал также соответствующий персонал на случай различных «детских неожиданностей»: англичанка-бонна, кормилица и акушерка. Как упоминала мемуаристка, акушерка была в дорогом шелковом платье и блондовом чепце, украшенная бриллиантовым фермуаром и серьгами[82]. Эта традиция сложилась довольно

давно. Николай I, описывая свое крещение (правда, с чужих слов), упоминал: «Во время церемонии крещения вся женская прислуга была одета в фижмы и платья с корсетами, не исключая даже кормилицу. Представьте себе странную фигуру простой русской крестьянки из окрестностей Петербурга в фижмах, в корсете до удушия. Тем не менее это находили необходимым. Лишь только отец мой при рождении Михаила освободил этих несчастных от этой смешной пытки»[83]. Однако присутствие няни на церемонии считалось обязательным, поскольку только профессиональная няня могла нейтрализовать «неожиданности» со стороны младенца. Аристократки такой квалификацией не обладали, да и не по статусу им было…

Няня-англичанка детей Николая II описывала, как она присутствовала на крестинах двухнедельной Марии Николаевны в 1899 г. в домовой церкви Большого Петергофского дворца. По ее воспоминаниям, торжественная церемония продолжалась более двух часов. Няню провели в служебные помещения рядом с церковью, причем один из священников проконсультировался у нее, спросив, какой температуры должна быть вода в купели для великой княжны. Мемуаристка указывала, что родители на процедуре крещения не присутствовали, а Мария Николаевна была одета в крестильную рубашку, в которой в мае 1868 г. крестили самого Николая II. Интересно, что хотя процедура крещения совершалась со всей положенной помпой, но певчие в тот раз пели очень тихо, чтобы не испугать младенца[84].

Крещение будущего Александра III состоялось 13 марта 1845 г. в Большой церкви Зимнего дворца. Поскольку гофмейстрина цесаревны, княгиня Е. В. Салтыкова, была больна, младенца несла на подушке статс-дама М. Д. Нессельроде, с двух сторон ее шли, поддерживая подушку и покрывало, два знатнейших сановника империи: генерал-фельдмаршал князь Варшавский Паскевич-Эриванский и статс-секретарь граф Нессельроде, возведенный в этот же день в звание государственного канцлера[85].

Крещение будущего Николая II состоялось 20 мая 1868 г. в Большой церкви Зимнего дворца. Судя по акварели М. Зичи, в этой процедуре самое активное участие принимал дедушка — Александр II, который, как и все остальные, отчетливо понимал, что совершается крещение не просто его

первого внука, но, возможно, будущего императора. На акварели изображены четыре сцены крещения, на двух из них Александр II держит своего внука на руках. Примечательно, что во время крещения в качестве ассистентов статс-дамы выступали император Александр II и великий князь Александр Александрович (отец младенца, будущий император Александр III). То, что отец, нарушая традиции, принимал активное участие в крещении, видимо, было связано с важностью происходящего. Два императора, действующий и потенциальный, держали на руках своего очередного преемника, укрепляя фундамент его легитимности.

В августе 1904 г. Николай II в день крещения своего сына Алексея записал в дневнике: «11 августа. Среда. Знаменательный день крещения нашего дорогого сына». Конечно, и факт рождения, и крещения первенца для любого монарха знаменателен, поскольку «перекидывал мостик» к следующему царствованию. Процедура крещения цесаревича Алексея отличалась от крещения его сестер только несколько большей пышностью. Карету с младенцем везли восемь лошадей, а не шесть, как в случае с девочками. Этим все статусные различия и ограничивались.

Как упоминалось выше, процедура крещения традиционно завершалась большим обедом, на который приглашались особы первых трех классов. В 1857 г. после крещения великого князя Сергея Александровича на «трехклассном обеде» присутствовало 800 человек.

Конечно, столь ответственная и многолюдная процедура не обходилась без суеты и накладок. Во время крещения Анастасии, четвертой дочери Николая II, при подготовке торжества «отстали от графика», и золотая карета, в которой находились княгиня Голицына с ребенком и ее ассистенты, буквально неслась по улицам. «Золотая же карета, которая обычно употребляется для этой церемонии, — старой конструкции, поэтому бока у обоих стариков были сильно помяты»[86].

Воспитание детей

Родители во все времена старались дать детям самое лучшее, в первую очередь воспитание, образование, крепкое здоровье. Огромное значение воспитательному процессу придавалось и в императорской семье. Старшее поколение понимало, что со временем эти мальчики будут управлять огромной империей, а девочки станут женами владетельных персон.

Кормилицы и педиатры при императорской семье

С самого рождения у императорских детей постепенно формировался собственный штат, отвечавший за их здоровье и благополучие.

Фундамент здоровья детей закладывается вскармливанием. Высокородные матери сами своих детей, как правило, не кормили, для этой роли очень тщательно подбирали специальных кормилиц. В основном, ими были крестьянки из ближних деревень. Ответственность за подбор кормилиц и состояние их здоровья целиком лежала на придворных медиках. Поскольку детей в царской семье, как и во многих аристократических семьях, рождалось

много, то и кормилиц требовалось не меньше. Именно по этой причине супруга Павла I — императрица Мария Федоровна заботилась о санитарном состоянии не только пригородных резиденций, но и близлежащих деревень, которые являлись «рассадником кормилиц для царских и городских детей». Например, под Павловском таким «рассадником кормилиц» стала деревня Федоровская. Лейб-медик Рюль отмечал, что в деревне народ был «трезвый, здоровый, постоя никогда не было, а все знают, что постой войск портит женщин и нравственно»[87].

Императрица Мария Федоровна

Подбор кормилиц «из народа» имел еще одну очень важную сторону — политическую. То, что российского[88] императора вскармливала простая русская крестьянка и у царя имелись молочные братья и сестры из крестьянской среды, было очень важным кирпичиком в фундаменте неразрывной мистической связи царя и народа.

Имена кормилиц оставались в истории. Для самих кормилиц кроме статуса, разумеется, были очень важны пожизненная пенсия и денежные подарки к тезоменитству, Рождеству и Пасхе.

Кормилицей Николая I стала красносельская крестьянка Ефросинья Ершова. История взаимоотношений Николая I с кормилицей и ее детьми продолжалась с 1796 по 1853 г., то есть 57 лет, фактически всю жизнь императора, и реконструируется по гардеробным суммам Николая I.

Николай I родился 25 июня 1796 г. Ему сразу же подобрали кормилицу, которой было положено жалование в 800 рублей в год, которое выплачивалось «по третям», то есть раз в три месяца. Так, 16 февраля 1797 г. Ефросинья Ершова получила 200 рублей. Естественно, она была неграмотна, и в ведомости за нее расписалась няня Синицына[89]. Кормила императора Ефросинья около года, по крайней мере, в сентябре 1797 г. она «по повелению императрицы» получала «положенный пансион, принадлежащий ей за прошедшие полгода, считая с марта по 1 сентября 300 рублей»[90]. Пенсию Ефросинье Ершовой установили в размере жалованья — 800 рублей в год, и ее она получала, как и жалование, по 200 рублей каждые три месяца[91].

В декабре 1797 г. у Николая I появилась молочная сестра, и по ведомости кормилице выдали «за крещение у нее младенца 100 рублей». В 1803 г. женщина получила еще 100 рублей, также «за крещение у нее младенца». Наверняка у Ефросиньи Ершовой и до 1896 г. был, по крайней мере, один ребенок, но молочными сестрами Николая I считались только те дети кормилицы (Авдотья и Анна), которые были рождены в 1797 и 1803 гг. Позже у кормилицы появился сын Николай, который также был зачислен в молочные братья царя.

Умерла кормилица Николая I, судя по документам, в 1832 г. К Новому 1833 г. «детям умершей кормилицы Авдотье и Анне» было выплачено «поздравление с Новым годом — 50 рублей»[92]. С 1833 г. начались «отношения» Николая I с молочными сестрами. В бухгалтерских документах они так и назывались — «дочери умершей кормилицы». Деньги им выплачивались по четко фиксированным поводам и только в случае их личного появления во дворце. Дочери кормилицы обязательно являлись в указанные дни, но молочный брат царя — только изредка. Так, 25 рублей в качестве подарка к Новому году он получил всего один раз — в 1837 г.

Поводы к выплате денег были следующие. Во-первых, «именинные» самих молочных сестер Авдотьи и Анны. 1 марта 1833 г. Авдотье было выдано 25 рублей «именинных». Во-вторых, ежегодные поздравления императора с Новым годом. В 1835 г. «дочерям умершей кормилицы» за «счастие поздравить» Николая I с Новым годом было выплачено 50 рублей на двоих.

В-третьих, поздравление императора на Пасху. В-четвертых, поздравление Николая I с днем рождения, и в-пятых — в декабре поздравление с тезоименитством. Сумма выдавалась всегда одна и та же — 50 рублей на двоих. Таким образом, сестры получали ежегодно по 125 рублей каждая. Без сомнения, для крестьянской семьи такой гарантированный доход был весьма важен. Кроме этого, молочные сестры императора занимали особое место в крестьянской общине, да и местные власти к ним относились весьма бережно.

Когда в России в начале 1840-х гг. ассигнации были пересчитаны на серебро, пересчитали и деньги молочных сестер императора. Анна и Авдотья стали «за поздравления» получать 14 рублей 28 $^{4}/_{7}$ копейки на двоих.

В 1844 г. число крестьянских «родственников» Николая I увеличилось в связи с тем, что он стал крестным отцом родившегося у Анны сына. Анна Ершова, по мужу Горохова, в награду «по случаю соизволения его величества о восприятии от имени его величества от купели новокрещенного ее сына Алексея» получила очень приличную сумму в 28 рублей 58 копеек[93].

Случалось, что по какой-либо житейской причине «на поздравления» являлась лишь одна из сестер, и согласно правилам она получала только свою часть денег. Так, на тезоименитство в декабре 1853 г. пришла только Анна Ершова и получила 7 рублей 15 копеек. Эти деньги стали последней выплатой Николая I семье кормилицы Ефросиньи Ершовой.

Следует отметить, что у кормилиц со времен Николая I появилась своя «форма одежды», до 1798 г. включавшая парадный и повседневный варианты. Парадный вариант надевался на торжественные мероприятия, где предполагалось присутствие царственного младенца. В этом случае кормилицы-крестьянки облачались в совершенно непривычные для них фижмы и корсеты. После рождения последнего сына Павла I — Михаила эта традиция была ликвидирована. Повседневный вариант предполагал роскошный русский традиционный сарафан с кокошником и сохранился при дворе вплоть до 1917 г. Поскольку такие сарафаны были дорогими и шились на средства казны, их продолжали хранить во дворце как реликвию, даже когда дети вырастали. В Александровском дворце Царского Села, на втором этаже детской половины в коридоре вдоль стен стояли шкафы с одеждой

царских детей. Там, в шкафу № 1, хранились все костюмы кормилиц детей Николая II.

О кормилицах других императоров известно значительно меньше. Кормилицей Александра III была крестьянка из села Пулково Царскосельского уезда Екатерина Лужникова. «По примеру прежних лет», по отнятии Александра от груди, ей была пожалована пожизненная пенсия в 100 рублей в год, сверх которой она ежегодно получала денежные выдачи в упомянутые выше праздники. Мемуаристы рассказывали, как к Александру III «по своим дням» приходила его престарелая кормилица: «Она неизменно являлась в своем наряде, и отношения к ней государя были трогательны»[94].

В 1847 г. в Петергофе проводил свое первое лето младший брат Александра III Владимир, которому тогда было несколько месяцев. Один из воспитателей писал родителям, что его «кормилица — здоровая женщина, но для поддержания ее здоровья в надлежащем равновесии на будущее время надо, чтобы она делала еще больше движения, о чем я говорил и няне, и доктору»[95], что «обе няни опрятные в своем деле женщины, чрезвычайно усердны и рачительны… Мамка — тихая, а главное здоровая женщина»[96].

Интересен вопрос об организации педиатрической службы при императорском дворе. Тем более что на протяжении XIX в. во всех императорских семьях зафиксированы смерти детей от тех или иных заболеваний. Например, умерли в детском возрасте обе дочери Александра I, в семье Николая I — 18-летняя дочь, в семье Александра II — дочь и сын, в семье Александра III — два сына.

За здоровьем детей, безусловно, наблюдали постоянно, причем медиков в обязательном порядке включали в штат всех царских отпрысков. Так, при рождении Николая I к нему в штат были определены лейб-медик И. Ф. Бек с годовым жалованием в 500 рублей, придворный аптекарь Гетьман с жалованием в 100 рублей, придворный лекарь Эблинг с таким же жалованием и зубной лекарь Понгиарт. Причем у И. Ф. Бека имелся значительный опыт службы при дворе, поскольку еще в 1773 г. он был гофхирургом будущего Павла I. В ноябре 1786 г. И. Ф. Бека назначили врачом при великих князьях

и княжнах. Примерно по этой же схеме медики включались в штат и других царских детей.

В середине 1870-х гг. при императорском дворе сформировалась специализированная педиатрическая служба. С 1876 по 1915 г. ее возглавлял Карл Андреевич Раухфус, первый получивший должность лейб-педиатра.

Здоровью детей в семье Николая II уделялось весьма пристальное внимание. Особенно опекали больного царевича Алексея. Поскольку всё, что было связанно с рождением и взрослением наследника Алексея, имело важное государственное значение, то и подбор кормилиц и врачей для него считался особым государственным делом.

В августе 1896 г. должность врача при детях Николая II занял почетный лейб-педиатр доктор И. П. Коровин. До этого он с 1877 г. состоял при детях великого князя Владимира Александровича, получая жалование в 1800 рублей в год. Любопытно, что при назначении к царским детям жалование его было существенно уменьшено — до 1500 рублей в год, и только в 1899 г., после появления третьей дочери в семье царя, оно увеличилось до 3000 рублей. В декабре 1902 г. высочайшим указом было повелено уже пожилому «доктору медицины, действительному статскому советнику Ивану Коровину выдавать пожизненно по три тысячи рублей в год из Кабинета его величества... безразлично будет ли доктор Коровин состоять на службе или выйдет в отставку, а равно будет ли он продолжать пользовать августейших детей или нет»[97]. После рождения в 1904 г. Алексея содержание врача было вновь увеличено до 4500 рублей, «ввиду того что лейб-педиатр Коровин был приглашаем весьма часто, иногда ежедневно для пользования наследника цесаревича со дня рождения»[98].

Однако годы брали свое, и с сентября 1907 г. лечение наследника и дочерей было возложено на профессора Симановского и старшего врача Николаевского кадетского корпуса доктора медицины Острогорского. 25 августа 1908 г. императрица, отдыхавшая в финских шхерах на борту яхты «Штандарт», получила телеграмму, в которой сообщалось, что «лейб-педиатр доктор Коровин скончался сегодня утром» в своей квартире. Надо заметить, что его вдове определили достаточно приличное содержание из различных

источников. За мужа из Военно-медицинского управления — 423 рубля; из эмеритальной кассы[99] — 860 рублей; из Кабинета его величества — 1500 рублей; из сумм августейших детей — 500 рублей. Всего 3283 рубля в год.

Кормилиц наследнику подбирали в Приюте кормилиц и грудных детей С. С. Защегринской. Еще в июле 1904 г. акушерка София Сергеевна Защегринская отправилась в глубинку, в Тверскую губернию, на поиски здоровых кормилиц. Об объеме проделанной ею работы говорит то, что она объездила 108 деревень Новоторжковского уезда, в которых отобрала четырех крестьянок. Поскольку она забирала их в Петербург в период страды, ей пришлось выплатить их семьям по 15 рублей для найма работниц, которые должны были заменить их. По приезде, несмотря на жесткий первичный отбор, две из них были отправлены обратно после осмотра их доктором Коровиным и профессором Д. О. Оттом. Был проведен тщательный медицинский осмотр, сделаны анализы мочи и молока. Отобранным женщинам установили содержание в 150 рублей. Став кормилицами, они обеспечили свое будущее, поскольку по традиции первая кормилица пользовалась покровительством царской семьи на протяжении всей своей жизни.

Императрица Александра Федоровна начала кормить своего сына сама, но основная нагрузка легла на отобранных кормилиц. Ими последовательно были: Александра Негодова-Крот (30 июля — 19 октября 1904 г.); Наталья Зиновьева (19 октября — 20 ноября 1904 г.); Мария Кошелькова (28 ноября — 3 января 1905 г.); Дарья Иванова (с 8 января до конца весны 1905 г.). Николай II очень гордился тем, что его жена сама кормит единственного сына, хотя, конечно, полноценным кормлением это вряд ли можно было назвать, скорее прикладывание к груди.

Кормление грудью при императорском дворе имело свою историю. Общеизвестно, что в аристократической среде не в обычае было матерям самим кормить детей. Первой такое желание в 1842 г. выразила супруга цесаревича Александра — цесаревна Мария Александровна, однако это настолько выбивалось из традиций, что Александр Николаевич решительно воспротивился[100]. «Пионером» в деле кормления своих детей стала жена великого князя Владимира Александровича — великая княгиня Мария Павловна. Еще

в августе 1875 г. «Михень» сама принялась кормить своего новорожденного сына — великого князя Александра Владимировича. Это стало маленькой сенсацией, об этом говорили в гостиных. По крайней мере, даже 18-летний Сергей Александрович отметил в дневнике (21 августа 1875 г.), что «Михень сама кормит своего сына»[101]. Жена Александра III императрица Мария Федоровна ни на йоту не отступала от традиций в воспитании детей, поэтому ни о чем подобном и речи не шло. В результате супруга Николая II стала первой российской императрицей, которая кормила грудью своих детей.

Подбор кормилиц для царских детей являлся не только очень престижным, но и весьма хлопотным и дорогостоящим делом. В связи с жестким контролем состояния молока профессор Отт требовал от Защегринской всё новых и новых кормилиц. В ноябре, «при дурной погоде и дороге», ей пришлось объехать практически все деревни Царскосельского, Лужского и Петергофского уездов. Из этой поездки были привезены пять кормилиц, из которых четырех медики забраковали. Как писала Защегринская, «по желанию доктора Коровина вторично поехала на поиски кормилицы в Псковскую губернию», откуда привезла еще четырех женщин, причем после осмотров самих кормилиц и их детей были отобраны две. Доктора продолжали требовать «как можно больше кормилиц», поэтому уже в декабре 1904 г. она вновь отправилась на поиски и привезла еще 11 крестьянок из деревень, расположенных возле Петербурга. Из них были отобраны «для наблюдений» четыре женщины.

В конце декабря 1904 г. Защегринская отправила на имя камер-фрау императрицы М. Ф. Герингер письмо, в котором подробно перечислила и описала все свои труды по подбору кормилиц для цесаревича и сообщила, что оплата не соответствует расходам. Она констатировала, что «дошла до того, что заложила свой приют и потеряла здоровье», а «доктор Раухфус последнюю поездку назвал подвигом»[102]. Любопытно, что проблемы с кормилицами Защегринская связывала с политической ситуацией в стране: «В неудаче кормилиц... виною время... если бы Вы знали, что делается по деревням... какое горе переживает народ, когда берут из запаса на войну[103]. Я прямо даже удивилась, что я нашла десять человек». В своем следующем

письме на имя личного секретаря императрицы графа Я. Н. Ростовцева в январе 1905 г. она рассказала, в чем заключались, собственно, регулярные проблемы. К примеру, первая кормилица цесаревича — Александра Негодова-Крот была признана негодной в середине октября 1904 г. «вследствие зажирения молока»[104]. За все труды Защегринской заплатили 500 рублей, но она приложила к письму подробную калькуляцию своих расходов, заявив, что «это вознаграждение решительно не соответствует тем трудам и лишениям в поездках», и напористо потребовала по 500 рублей за каждую отобранную женщину. В этот же день ситуация была доложена императрице, которая распорядилась выплатить требуемые деньги. Всего поиски и оплата труда кормилиц обошлись казне (с июля 1904 г. по январь 1905 г.) в 5291 рубль 15 копеек[105].

По традиции покровительство первой кормилице со стороны царской семьи продолжалось годами. Ко времени рождения наследника у семьи Николая II имелось уже несколько таких кормилиц. Так, великую княжну Ольгу Николаевну выкормила Ксения Воронцова. Императрица периодически кормила Ольгу сама, но во время обеда лишнее молоко у нее отсасывал сын крестьянки. Как писала Ксения Александровна: «Кормилица стояла рядом, очень довольная». Ей была установлена пожизненная пенсия в 132 рубля в год и произведена единовременная выплата в 835 рублей. Всем последующим кормилицам устанавливались такие же пенсии, но размеры единовременных выплат были различными, кроме этого им доплачивались «прибавочные деньги».

Сведений об этих женщинах сохранилось не так много. Например, Ксения Антоновна Воронцова, дочь крестьянина, стала кормилицей в 22 года и находилась на этом месте с 4 ноября 1895 г. по 8 августа 1896 г. А в 1901 г. сам император Николай II стал крестным отцом ее ребенка. Примечательно, что роды бывшей кормилицы проходили в Петергофском дворцовом госпитале[106].

Говоря о крестниках императора, надо заметить, что существовала определенная процедура отбора младенцев. Сначала родители подавали просьбу на имя министра императорского двора, ее докладывали царю, а

уже затем он принимал участие в крестинах. Царь, по свидетельству мемуаристов, чрезвычайно редко отказывал, считая поощрение чадолюбия своим долгом. Да он и сам был многодетным любящим отцом. При этом родители младенца могли рассчитывать и на определенные выгоды: подарок матери, воспитание и обучение ребенка за государственный счет, возможная служба в Министерстве императорского двора[107].

Характерным примером традиционной связи царской семьи с первыми кормилицами была судьба Александры Негодовой-Крот. Поскольку крестьянка Каменец-Подольской губернии Винницкого уезда Александра Негодова-Крот кормила наследника только около трех месяцев, ей была определена неполная пенсия в 100 рублей в год. Кроме этого, каждой из кормилиц традиционно собиралось весьма солидное «приданое». Негодовой-Крот были приобретены вещи более чем на тысячу рублей: кровать, две подушки, сорок аршин полотна, серебряные часы, полотенца и совершенно необходимый в деревне зонтик.

Все последующие годы она регулярно обращалась к императрице с различными просьбами. Например, в 1905 г. она попросила устроить ее мужа в дворцовую полицию. В 1908 г., по ее ходатайству, Филиппу Негодову-Кроту было предоставлено место сидельца в казенной винной лавке первого разряда в Петербурге в связи с болезнью ног. Для решения этого вопроса императрица через своего секретаря обращалась к министру финансов, и просьба кормилицы была удовлетворена. Позже, учитывая высочайшее покровительство этой семье, министерство финансов закрыло глаза на крупную недостачу в 700 рублей в винной лавке в 1911 г. В 1913 г. дочь Негодовой-Крот поместили в Петровскую женскую гимназию, причем плату за ее обучение, 100 рублей в год, императрица приняла на себя. В октябре 1913 г. министр финансов направил императрице сообщение, в котором информировал ее, что муж кормилицы пропал без вести, похитив из кассы лавки 1213 рублей казенных денег. Он добавил в конце документа, что не имеет в виду «возбуждать против Негодова-Крот уголовного преследования»[108]. Несмотря на этот скандал, уже в ноябре 1913 г. императрица удовлетворила очередное прошение кормилицы цесаревича об определении

ее детей, Марии 11 лет и Олега 9 лет, в приют принца Ольденбургского на полное содержание. Кроме того, в нарушение всех правил и инструкций, она помогла в назначении неграмотной женщины на место продавца винной лавки и внесла за нее залог в 900 рублей. В феврале 1914 г. беглый муж вернулся к жене и тут же написал письмо секретарю императрицы графу Ростовцеву, в котором попросил прощения «за сделанный поступок... расстроенный и убитый горем совести», и тут же испросил разрешения «занять должность помощника моей жены в казенной винной лавке». Как ни странно, его просьба была удовлетворена. Из данного архивного дела, связанного с судьбой первой кормилицы цесаревича, складывается впечатление, что это семейство просто эксплуатировало жизненную удачу трех месяцев 1904 г.

В интернете нами были обнаружено упоминание о другой кормилице цесаревича — Дарье Ивановой. В 1904 г. она жила в поселке Елашки Маловишерского района. Ее выбрали из 18 молодых кормящих женщин. Предпочтение было ей отдано из-за ее спокойного и приветливого характера и грудного молока, отвечающего необходимым требованиям. Умерла Д. Иванова, по воспоминаниям односельчан, уже после Великой Отечественной войны, в 1947–1948 гг.

Няни и воспитательницы

Традиции последовательного элитарного воспитания в России сложились во второй половине XVIII в. Императрица Екатерина II фактически реализовывала свой материнский инстинкт, воспитывая старших внуков — Александра и Константина. Естественно, особое внимание уделялось преемнику. Исходя из своих взглядов на будущее, Екатерина II готовила себе в преемники не сына Павла Петровича, а старшего внука Александра. Поэтому именно царственная бабушка, а не родители определяли стратегию воспитания будущего Александра I.

Будучи прагматиком, Екатерина II составила так называемую «Бабушкину азбуку», проникнутую педагогическими идеями просветителей XVIII в.

Император Павел I, великие князья Александр Павлович и Константин Павлович и дежурные генерал-адъютант и флигель-адъютант

В наставлениях, данных воспитателю Александра графу И. Салтыкову при высочайшем рескрипте от 13 марта 1784 г., Екатерина II излагала свои мысли «касательно здравия и сохранения оного, касательно продолжения и подкрепления умонаклонения к добру, касательно добродетели, учтивости и знания» и правила «приставникам касательно их поведения с воспитанниками». Наставления эти были построены на началах либерализма и проникнуты педагогическими идеями в духе знаменитого «Эмиля» Ж. Ж. Руссо.

В соответствии с этими идеями Александра и Константина не кутали, они спали на твердых волосяных матрасах, в детской комнате всегда было много света и свежего воздуха. Под окнами детской даже стреляли из пушки,

чтобы приучить мальчиков к резким и громким звукам с детства. Великих князей категорически запрещалось перекармливать, кормили мальчиков только в строго отведенные часы. Большое значение уделялось трудовому воспитанию. В детстве Александр I красил, обивал, смешивал и растирал краски, рубил дрова, пахал, косил, вскапывал грядки, исполнял обязанности кучера и столярничал. Только столярное ремесло Александр изучал два года под руководством краснодеревщика Х. Мейера[109]. Следует подчеркнуть, что традиции трудового воспитания, заложенные в XVIII в., в период взросления Александра I, воспроизводились вплоть до начала XX в. Несколько поколений царских детей работали в саду и знакомились с разными ремеслами[110]. Но до семи лет мальчики, рожденные в царской семье, находились в женских руках и до трех лет донашивали платья старших сестер.

Раннее детство Николая I

Младший брат Александра I — великий князь Николай Павлович был третьим сыном императора Павла I. Он родился за несколько месяцев до смерти Екатерины II, поэтому стратегию его воспитания определяла уже мать — императрица Мария Федоровна. Немаловажным было и то, что, как третий сын в императорской семье, Николай практически не имел надежд когда-либо занять императорский трон.

Возглавляла персонал, ухаживающий за младенцем, Шарлотта Карловна Ливен, назначенная на эту должность Екатериной II. Николай I называл ее в воспоминаниях «уважаемой и прекрасной» женщиной, «которая была всегда образцом неподкупной правдивости, справедливости и привязанности к своим обязанностям и которую мы страшно любили»[111]. Как руководитель персонала, обслуживавшего великого князя, она получала жалование в 1500 рублей в год. Пока Николаю не исполнилось четыре года, она полностью контролировала процесс взросления ребенка.

Шарлотте Ливен подчинялись две «полковницы» с жалованием по 900 рублей в год. Фактически это были гувернантки, бедные вдовы офицеров, которых по чину их мужей называли «полковницами». Они неотлучно

состояли при ребенке, давали отчет доктору о состоянии его здоровья, приучали его молиться и пр. и пр.[112] Поскольку «полковницы» входили в ближний круг императорской семьи, связь между ними и царственным воспитанником поддерживалась всю жизнь.

Великий князь Николай Павлович

Про первую из «полковниц» — Юлию Федоровну Адлерберг[113], утвержденную в должности Павлом I в 1797 г., Николай I вспоминал: «Вскоре после кончины императрицы Екатерины ко мне приставили в виде старшей госпожу Адлерберг»[114]. В должности «старшей» она оставалась вплоть до 1802 г., пока не была переведена на должность директрисы привилегированного Смольного института. О начале карьеры Юлии Федоровны Адлерберг, урожденной Багговут (сестра генерала, погибшего в 1812 г.), вдовы выборгского коменданта, один из современников писал: «Шарлотта Карловна Ливен определила Юлию Федоровну Адлерберг нянюшкой: сперва к великому князю Николаю Павловичу, а потом к великому князю Михаилу Павловичу. Юлия Федоровна усердно мыла и обтирала этих двух индивидуумов, а между тем, будучи женщиной хитрой и ловкой и под личиной холодного добродушия весьма вкрадчивой, втерлась в доверие к императрице Марии Федоровне»[115]. Таким образом, начав карьеру гувернанткой при великом князе, Ю. Ф. Адлерберг впоследствии сумела занять весьма важный пост директрисы Смольного института. Но самое главное — ей удалось заложить прочный фундамент для придворной карьеры своих детей Владимира Федоровича и Юлии Федоровны, которые стали

друзьями детства Николая I. Эту дружбу они пронесли через всю жизнь, и в своем духовном завещании Николай I счел необходимым упомянуть о них: «С моего детства два лица были мне друзьями и товарищами: дружба их ко мне никогда не изменялась. …Адлерберга любил я как родного брата и надеюсь под конец жизни иметь в нем неизменного и правдивого друга. Сестра его, Юлия Федоровна Баранова, воспитала троих моих дочерей, как добрая и рачительная родная... В последний раз благодарю их за братскую любовь. Генерал-адъютанту Адлербергу оставляю часы, что всегда ношу с 1815 г. ...а сыну его Александру — портрет Владимира Федоровича, что в Аничкове...»[116]. Династия Адлербергов находилась непосредственно при дворе с 1797 по 1881 г., то есть 84 года.

Второй «полковницей» была Екатерина Синицына, также получавшая 900 рублей в год. Несколько ниже них по положению шла надворная советница Екатерина Панаева с жалованием 750 рублей в год.

Должностные полномочия «полковниц» были различными. Ю. Ф. Адлерберг была, по сути, правой рукой Ш. К. Ливен, а задачи Е. Синицыной и Е. Панаевой сводились к ночным дежурствам при кроватке маленького Николая. Судя по воспоминаниям Николая I, ночные дежурства продолжались только в течение года, позже «полковницы» оставались при ребенке лишь днем, ночью же дежурили няньки с одной горничной[117].

Значительную роль в воспитании Николая I играла также няня-«англичанка» мисс Лайон (Jane Laon). Как утверждают мемуаристы, она была назначена на должность Екатериной II, и именно мисс Лайон являлась самым близким человеком для мальчика, пока ему не исполнилось семь лет. Она на самом деле дала ему многое. Николай Павлович впоследствии говорил, что ненависть к полякам он унаследовал именно от няни, которая в 1794 г. провела у поляков в заключении семь месяцев. О характере няни дает представление прозвище, данное ей Николаем I, — «няня-львица»[118]. Шотландка Лайон была дочерью «лепного мастера».

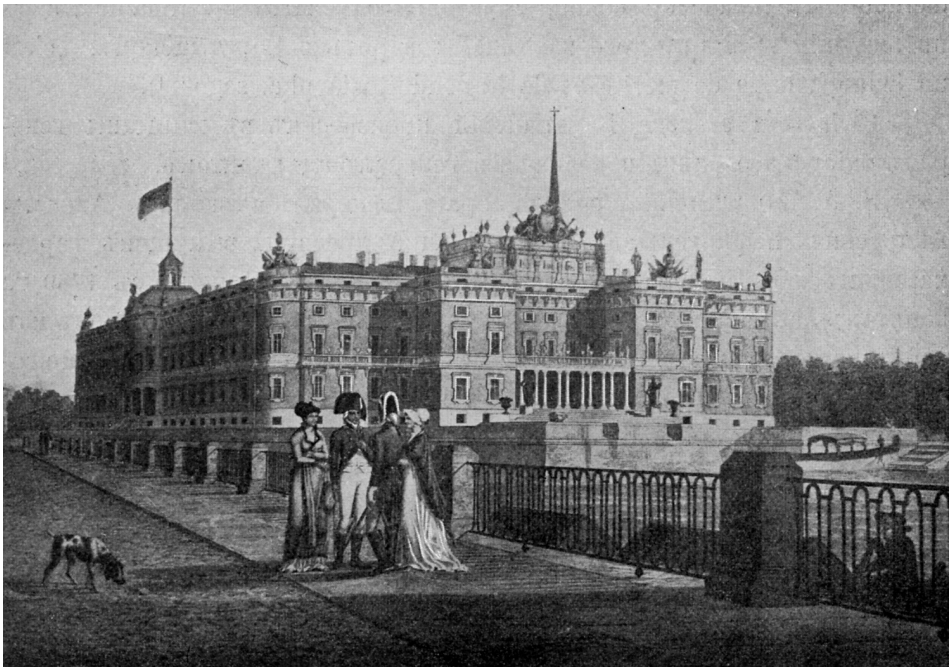
Описывая свою прислугу, Николай I упоминал еще о четырех безымянных горничных «для услуг»[119]. Следовательно, по воспоминаниям императора, весь его «детский» штат состоял из 11 человек. Император почти не

ошибался. В действительности штат лиц, отвечавших за обслуживание и взросление Николая I, составлял 12 человек[120]. Это следует из денежных ведомостей. Правда, в другой части своих детских воспоминаний Николай Павлович расширял круг обслуживающего персонала: «Образ нашей детской жизни был довольно схож с жизнью прочих детей, за исключением этикета, которому тогда придавали необычайную важность. С момента рождения каждого ребенка к нему приставляли английскую бонну, двух дам для ночного дежурства, четырех нянек или горничных, кормилицу, двух камердинеров, двух камер-лакеев, восемь лакеев и восемь истопников»[121].

Великий князь Михаил Павлович

Раннее детство императора прошло в покоях Зимнего дворца. Николай Павлович вспоминал: «Спали мы на железных кроватях, которые были окружены обычной занавеской; занавески эти, также как и покрышки кроватей, были из белого канифаса и держались на железных треугольниках таким образом, чтобы ребенку, стоя в кровати, едва представлялось возможным из нее выглядывать; два громадных валика из белой тафты лежали по обоим концам кроватей. Два волосяных матраса, обтянутые холстом, и третий матрас, обтянутый кожей, составляли саму постель; две подушки, набитые перьями; одеяло летом было из канифаса, а зимой ватное, из белой тафты. Полагался также белый бумажный ночной колпак, которого мы, однако, никогда не надевали, ненавидя его уже в те времена. Ночной костюм, кроме длинной рубашки, наподобие женской, состоял из платья с полудлинными рукавами, застегивавшегося на спине и доходившего до шеи»[122].

Вид Михайловского дворца

В конце 1800 г. семья Павла I вместе с маленькими детьми перебралась в только что законченный и еще непросохший Михайловский замок. Во дворце спальня великих князей Николая и Михаила располагалась точно над спальней Павла I. В замке было настолько сыро, что эта сырость врезалась в память 4-летнего Николая: «Помню, всюду было очень сыро, и что на подоконники клали свежеиспеченный хлеб, чтобы уменьшить сырость»[123]. Одновременно с переездом в Михайловский замок, решением Павла I, главным воспитателем великих князей Николая и Михаила Павловичей был назначен Матвей Иванович Ламсдорф, хотя учиться мальчики начали только в 1802 г. Граф Ламсдорф, суровый и строгий до жестокости, стал разительной противоположностью Шарлотте Ливен.

При этом назначении Шарлотта Карловна Ливен не была обойдена или забыта. Еще в 1794 г. ее пожаловали в статс-дамы и наградили орденом Святой Екатерины I степени. Накануне отставки — 22 февраля 1799 г. Павел I возвел ее с потомством в графское достоинство. В день коронации императора Александра I Ш. К. Ливен была награждена драгоценными браслетами с портретами императорской четы, а в 1824 г. — портретом императора с цепью для ношения на шее. В коронацию императора Николая I графиня Ливен была возведена с ее потомством в княжеское достоинство, а в декабре того же года получила титул светлости.

Надо отметить, что Николай I всю жизнь с уважением и любовью относился к своим воспитательницам. Его мать императрица Мария Федоровна была далека от своих детей, поскольку придворный этикет не предполагал их близкого общения с матерью. Когда в 1839 г. Ю. Ф. Адлерберг умерла, Николай I в личном письме к И. Ф. Паскевичу, которого весьма ценил и уважал, сказал: «Лишились мы нашей почтенной генеральши Адлерберг, бывшей моей наставницы, которую я привык любить как родную мать, что меня крайне огорчило»[124]. Наверное, мало кто из нас с такой благодарностью может вспомнить даже первую учительницу.

Когда во второй половине 1830-х гг. подрос, принял присягу и начал светскую жизнь старший сын Николая I — цесаревич Александр Николаевич, родители не перестали им заниматься. Так, по желанию Николая Павловича, в ближайшее окружение цесаревича была включена княгиня Дарья Христофоровна Ливен, урожденная Бенкендорф, жена дипломата и хозяйка известного дипломатического салона в Лондоне. Предполагалось, что она, встав во главе салона цесаревича, отшлифует его речь и манеры.

Раннее детство Александра II

Когда у Николая I родился первенец, для его воспитания привлекли «кадровый костяк», сложившийся в период малолетства самого императора. В 1818 г., чтобы взрастить будущего Александра II, в качестве консультанта пригласили директрису Смольного института Ю. Ф. Адлерберг, ей тогда

было 58 лет. Естественно, мать подключила к воспитательному процессу свою дочь, тоже Юлию Федоровну, но в замужестве Баранову, 29 лет. Еще в 1806 г. (в 17 лет) ее пожаловали во фрейлины высочайшего двора. Именно Ю. Ф. Баранова и возглавила штат нянек и гувернанток при младенце.

Непосредственно за ребенком ухаживала надзирательница Н. В. Тауберт, которой подчинялись три бонны-англичанки — А. А. Кристи, Е. И. Кристи и М. В. Касовская. Этот состав практически без изменений вынянчил всех детей Николая I. Одна из фрейлин императрицы Александры Федоровны упоминала, что в 1826 г. она видела в Царском Селе, как дочь Николая I великая княжна Александра Николаевна «каталась в своей маленькой коляске еще с мамкой, няней Коссовой, а вез ее камердинер Тутукин»[125].

Женщины оставались рядом с Александром до 12 июня 1824 г., то есть до шестилетнего возраста, после чего воспитание перешло в руки мужчин. Семья Николая I была большой, и сложившийся женский персонал сосредоточил свои усилия на трех подрастающих дочерях Николая I. С 1831 г. всем многочисленным штатом великих княжон, который включал как английских бонн, так и русских кормилиц и комнатных работников, руководила Ю. Ф. Баранова.

Подбор воспитателей велся достаточно тщательно, однако даже при таком подборе случались промахи. Например, в 1824 г., когда дочь Николая I великая княжна Ольга Николаевна перешла из ведения английской няни на попечение гувернантки-воспитательницы, к ней была назначена Шарлотта Дункер, шведка по происхождению и протестантка по вероисповеданию. Судя по всему, ее жизненный опыт был весьма скуден. Она получила образование в шведском монастыре в Петербурге, в котором затем некоторое время учительствовала[126]. Шарлотта Дункер продержалась при Ольге Николаевне достаточно долго — до 1835 г., то есть девять лет. И все же, несмотря на это, ее пришлось убрать из детской. Назначенная летом 1831 г. воспитательницей к старшей дочери Николая I — великой княжне Марии Николаевне, Ю. Ф. Баранова по должности курировала работу остальных воспитательниц, в том числе и Ш. Дункер. Тут, безусловно, проявилось влияние Ю. Ф. Адлерберг, матери Барановой. Профессиональная воспита-

тельница Дункер тяжело переживала вмешательство в ее епархию «блатной» Жюли Барановой, отсутствие педагогического опыта которой ощущали все, даже ее подопечные. Спустя годы Ольга Николаевна вспоминала, что «Жюли Баранова не имела и тени авторитета. Очень добрая, очень боязливая, в частной жизни обремененная заботами о большой семье, на службе, кроме воспитания Мэри, еще ответственная за наши расходы и раздачу пожертвований, она не умела следить за порядком в нашей классной»[127]. Тем не менее незлобивая и неконфликтная Баранова удержалась при дочерях, в первую очередь потому что к ней хорошо относились Николай I и императрица Александра Федоровна.

О взаимоотношениях двух воспитательниц сохранились и более резкие отзывы «со стороны». Одна из фрейлин императрицы Александры Федоровны, наблюдая этот конфликт, в резких выражениях отмечала как сложный характер Дункер («Дункер, презлая, препротивная и глупая скотина»[128]), так и невеликие педагогические способности Барановой: «Очень добрая и честная женщина, но очень ограниченная, притом слабого здоровья. У великой княжны Ольги Николаевны была m-lle Dunker, злое существо с романтическими наклонностями; она любила слушать с Мердером пенье соловья по вечерам около дворца в кустах. Система Дункер была — совершенно овладеть умом своей воспитанницы и ссорить двух сестер… что ей вполне удалось, и то детское чувство охлаждения осталось на всю жизнь. Сестры любили друг друга, но не ладили»[129].

Между начальницей и подчиненной начались конфликты, которые особенно развились, когда в 1834 г., на 15-летие великой княжны Марии Николаевны, воспитательница Ю. Ф. Баранова получила орден Святой Екатерины. Ш. Дункер стала «вспыльчивой и склонной к сценам». В результате Николай I личным решением удалил Шарлотту Дункер из дворца. Как писала Ольга Николаевна: «Он не любил половинчатых мер и считал, что только радикальное решение может восстановить мир в детских»[130].

В 1835 г. на место уволенной гувернантки к великой княжне Ольге Николаевне «взяли на пробу» еще одну «крепкую специалистку» — «мадам Дудину, начальницу одного приюта». Однако и она не прижилась, поскольку

«ослепленная жизнью при дворе… она спрашивала всех и вся, что это или то обозначает. Ее мещанская манера и ее неразвитость давили меня»[131]. Ради справедливости стоит отметить, что великая княжна Ольга Николаевна, по мнению современников, отличалась на редкость стервозным характером, и ужиться с ней гувернанткам было довольно сложно.

Тем не менее такая гувернантка нашлась. С 5 декабря 1836 г. ею стала Анна Алексеевна Окулова. Следует подчеркнуть, что это был личный выбор Николая I. Видимо, он знал новую гувернантку еще с тех времен, когда она была воспитанницей Екатерининского института. Уверенность царя в «педагогических перспективах» А. А. Окуловой проявилась в том, что ее положение при дворе, в том числе и содержание, были утверждены сразу, без испытательного срока. Ее назначили на должность штатной фрейлины, по рангу она следовала за статс-дамами и получила, как Ю. Ф. Баранова, «русское платье» *синего цвета*[132] с золотом, собственный выезд и ложу в театре[133].

Карьера этих воспитательниц-гувернанток была беспрецедентна.

Ю. Ф. Баранова в год смерти своей матери (1839) стала статс-дамой, а с 1855 г. — гофмейстриной императрицы Александры Федоровны. Таким образом, она находилась при царской семье с 1818 г. и до самой смерти императрицы Александры Федоровны в 1860 г., то есть более 40 лет.

В год замужества великой княжны Ольги Николаевны (1845) ее воспитательница Анна Алексеевна Окулова получила орден Святой Екатерины.

У третьей дочери Николая I, великой княжны Александры Николаевны (Адини), воспитательницей также была англичанка. Она практиковала английские методы воспитания. В частности, пыталась закалять девочку и выходила с ней на прогулку «во всякую погоду». Результатом этого закаливания стал сильный бронхит[134]. С учетом того что Адини умерла в 1842 г. в результате скоротечного туберкулеза, многие современники приписывали его начало именно бронхиту 1839 г.

Николай I, несмотря на всю свою занятость, охотно привечал многочисленных внуков. Так, на время отсутствия своего второго сына Константина Николаевича он взял в Зимний дворец его детей, «под крылышко к доброй

бабушке, их поместили там в бывших комнатах великой княгини Ольги Николаевны»[135].

Примечательно, что родители и воспитатели очень рано начинали приучать царских детей к будущей «профессии», давая им понять, что вся последующая их жизнь будет проходить на глазах сотен людей. Когда в 1832 г. детей вывезли на море в Прибалтику, они «должны были проходить через публику, собравшуюся, чтобы видеть царских детей». Для детей первые опыты публичности не были легкими, и одна из дочерей императора заметила: «Должна сказать, что мне было гораздо приятнее смотреть самой, чем давать себя разглядывать. Такие прогулки были обязанностью»[136].

Николай I лично вводил подросших детей и внуков в сложный мир придворных церемоний. При этом опять же учитывалось, что малейший промах со стороны детей мог стать предметом длительных сплетен и «итоговых выводов». Ольга Николаевна вспоминала, как во время поездки в Москву в 1837 г. Николай I лично «очень следил за тем, чтобы мы всё проделывали неспешно, степенно, постоянно показывая нам, как надо ходить, кланяться и делать реверанс. Мы могли танцевать только с генералами или адъютантами. Генералы всегда были немолоды, а адъютанты — прекрасные солдаты, а потому плохие танцоры… Об удовольствии не могло быть и речи»[137]. При этом надо иметь в виду, что в 1837 г. Ольге Николаевне было 15 лет, и она в силу возраста уже вошла в круг парадной жизни императорских резиденций.

Тогда же детей царя знакомили с достопримечательностями Москвы. Посетили они и Оружейную палату. Дети, конечно, оставались детьми, и 10-летний сын царя — великий князь Константин Николаевич шалил: примерял сапоги Петра Великого, садился на трон Ивана Грозного и надел бы шапку Мономаха, если бы ему не помешал воспитатель адмирал Литке[138].

Надо заметить, что и позже царским детям разрешали трогать руками бесценные экспонаты. Для них это были не просто драгоценные или уникальные вещи, а овеществленная память об их предках. Так, в 1901 г., во время посещения Москвы, 6-летняя Ольга Николаевна, старшая дочь Николая II, не только посидела во всех каретах, хранившихся в Оружейной палате, но и «выбрала» себе одну из них, серьезно приказав прислать экипаж в Царское

Село для ежедневного пользования. Служащие Оружейной палаты, позволявшие ребенку ползать по уникальным каретам предков, твердо объяснили девочке, что это невозможно.

Усвоение дворцового церемониала царскими детьми не обходилось без накладок. А поскольку дети осознавали и меру ответственности, и неотрывное внимание сотен глаз, свои неизбежные промахи они воспринимали очень болезненно. Например, после одного из церемониальных «промахов» 12-летнего цесаревича Николая Александровича в августе 1855 г. фрейлина А. Ф. Тютчева отметила в одном из писем: «Первого у нас было водосвятие и после него парад, на котором великий князь наследник допустил оплошность, начав маршировать с правой ноги. Он был так огорчен, что даже горько расплакался»[139].

Как мы видим, Николай I отслеживал положение в детской, и многие назначения, как воспитателей, так и учителей, были результатом его личного выбора. Возникает вопрос, насколько вмешивалась в дела детской императрица Александра Федоровна. Судя по всему, это вмешательство не выходило за рамки традиций XVIII в., когда аристократки, родив ребенка, полностью передавали его воспитателям. Конечно, дети росли при матери, но реально Александра Федоровна делами детской фактически не занималась. Правда, она воспитывала детей самим фактом своего присутствия, будучи центром большой и дружной семьи. Ольга Николаевна писала: «Что касается общения с нами, детьми, то в нем не было никакой предвзятости, никаких особых начал, никакой системы. Мы просто делили с ней жизнь»[140].

Ранее детство Александра III

В 1840-х гг. у Александра II начали появляться дети, и по традиции был сформирован штат женщин-воспитательниц. Поначалу его возглавила надзирательница С. Я. Поггенполь, затем руководство перешло к наставнице Вере Николаевне Срыпицыной. Штат нянь-англичанок состоял из Марии Юз, Томасины Ишервуд и Екатерины Стуттон. Поскольку у Александра II подряд родились три сына (1843 г. — Николай, 1845 г. — Александр,

1847 г. — Владимир), их обслуживал общий штат с распределением «по детям». Мария Юз занималась Никсой, первой няней Александра была Екатерина Стуттон. Через два года она перешла к другому сыну Александра II — Владимиру Александровичу. Ее заменила Ишервуд, которая ходила за Александром III до 7-летнего возраста[141].

Таким образом, поколение за поколением царских детей воспитывалось по установившемуся порядку. До 3–3,5 лет малышами занимались няни, с 3–3,5 и до 6–7 лет они находились под присмотром воспитательниц, и только после 7 лет мальчики переходили под контроль воспитателей-мужчин. У цесаревичей возрастные рубежи могли смещаться на более ранние сроки.

Воспитание детей Александра II было поставлено под контроль мужчин довольно рано. Еще летом 1847 г. неофициальное руководство штатом перешло к бывшему воспитателю Александра II С. А. Юрьевичу. Он прожил все лето 1847 г. в Петергофе, присматривая за женским персоналом и регулярно отчитываясь перед родителями, которые в то время находились в Европе. В это лето императорский Коттедж в парке Александрия был перенаселен, поскольку кроме Николая I и императрицы Александры Федоровны в нем жили трое сыновей Александра II и дети старшей дочери Николая I — великой княгини Марии Николаевны. По комнатам Коттеджа детей расселял сам император, показывая «куда ставить кровати».

В 1848 г., когда старшему сыну цесаревича Александра Николаевича исполнилось пять лет, во главе воспитательного процесса был поставлен генерал-майор Б. Н. Зиновьев, который и начал подбирать штат офицеров-воспитателей для сыновей цесаревича.

А няни-англичанки продолжали нянчить других детей, рождавшихся в царской семье. Самой долгой оказалась карьера няни Екатерины (Китти) Стуттон. Она прожила при семье Александра II 25 лет, воспитывая его сыновей и дочерей, с 1843 по 1868 г. В 1865 г. няня Е. Стуттон находилась в Ницце с императрицей Марией Александровной при 5-летнем Павле Александровиче. В апреле 1865 г., в очень тяжелое время для императорской четы, потерявшей первенца, великого князя Николая Александровича,

Александр II передал Е. Стуттон благодарность за то, что она вынянчила всех его детей. Отношение детей Александра II к няне красноречиво иллюстрируют строки из дневника 20-летнего (!) великого князя Сергея Александровича. Когда летом 1877 г. он уезжал на фронт (русско-турецкая война 1877–1878 гг.), его провожала и старая няня: «Кити, милая, со слезами прощалась со мной, добрая Кити…»[142]

Связь няни с воспитанниками не прерывалась даже после ее отставки. За няней присматривали, обеспечивая ей спокойную старость. Жила она в казенной квартире в Зимнем дворце. Когда няня умерла, Александр III счел своим долгом присутствовать на ее похоронах. Обычно этой чести удостаивались только члены семьи и высшие государственные деятели[143]. Кроме того, он сообщил эту печальную новость своему старшему сыну (С.-Петербург, 5 марта 1891 г.): «Как раз в день моего рождения умерла бедная старушка Кити, прожившая в нашем доме 46 лет, из которых 22 года подряд нянчила нас шестерых. Нам всем братьям было очень грустно, и мы проводили ее из Зимнего дворца в Английскую церковь, а потом поехали на Смоленское кладбище, где ее и схоронили»[144].

Няня Мария Юз уволилась в сентябре 1850 г., обеспечив себе пожизненную пенсию в 652 рубля, в дополнение к той, в 171 рубль, которую она получала как бывшая няня великих князей Николая и Михаила Николаевичей. До конца своей жизни она занимала квартиру в Аничковом дворце[145].

Ранее детство Николая II

О младенчестве и раннем детстве Николая II материалов не так много. По крайней мере, имен кормилиц никто не упоминал, хотя на гравюрах, изображающих спальню будущего императора в Аничковом дворце, видна крестьянка в сарафане, держащая на руках младенца. До 7-летнего возраста будущего Николая II обслуживал штат из 24 человек. Непосредственно ребенком занимались наставница (А. П. Оллонгрен), доктор, няня-англичанка (мисс Орчи), две камер-юнгферы, две камер-медхен, гладильщица и два камердинера. Технический персонал при младенце включал в себя камер-

лакея, четырех лакеев, четырех истопников, двух поваров, двух работников при комнатах и женщину при комнате[146].

А. П. Оллонгрен учила Николая II грамоте. Со своей первой учительницей Николай II поддерживал отношения вплоть до ее кончины. Об успехах ученика мы можем судить по тому, что в полные семь лет Николай II только начал «немножко читать по слогам»[147].

Няни-англичанки имелись и у других детей Александра III и Марии Федоровны. Так, для самой младшей, по рекомендации старшей сестры Марии Федоровны — принцессы Уэльской, к императорскому двору была приглашена Элизабет Франклин, которую домашние называли Нана[148]. Элизабет Франклин не только пришлась ко двору, но и сумела завоевать сердца своих питомцев. Вероятно, это оказалось не особенно сложно, поскольку Мария Федоровна очень редко была для своих детей просто матерью, по большей части она оставалась для них императрицей. Нана находилась рядом со своей воспитанницей, даже когда та выросла и вышла замуж. При великой княгине Ольге Александровне Элизабет Франклин прожила до своей смерти в 1916 г.

Дети Николая II

Когда в семье Николая II с промежутком в два года начали одна за другой рождаться дочери, был сформирован штат бонн, нянь и воспитателей. Традиция нянь-англичанок при царских детях была воспроизведена в полном объеме, русские няни находились на положении их помощниц.

Сначала из Англии выписали няню-англичанку мисс Орчи, которая прибыла в Зимний дворец в середине декабря 1895 г. Особый статус ей придавал тот факт, что ее прислала своей правнучке английская королева Виктория. Мисс Орчи осуществляла общий надзор за детской.

Надо заметить, что няня Орчи являлась чрезвычайно властной и самолюбивой особой. Для этого у нее имелись все основания, поскольку еще в начале 1870-х гг. королева Виктория отправляла ее в Дармштадт нянчить будущую русскую императрицу Александру Федоровну[149].

Несмотря на все заслуги мисс Орчи, вокруг детской сразу же начались конфликты. Императрица Александра Федоровна проявила характер, нарушив традиции, десятилетиями формировавшиеся не только в России, но и в Европе. Александра Федоровна хотела быть прежде всего матерью для своих детей, что не приветствовалось в аристократической среде. Она начала кормить детей грудью, сама желала купать младенцев, входила во все детали воспитания. И это, конечно, провоцировало бесконечные конфликты между ней и няней-англичанкой «от Виктории». При этом няня заставила «немало поволноваться саму императрицу, высокомерно отвергая с высоты своего опыта ее советы и предложения»[150]. В результате уже 29 апреля 1896 г. Николай II зафиксировал в дневнике: «Сегодня нас покинула несносная няня-англичанка; радовались, что наконец отделались от нее!»

Но, удалив из детской одну англичанку, ее немедленно заменили другой, взятой по рекомендации великой княгини Елизаветы Федоровны, старшей сестры императрицы. Новая англичанка появилась в семье буквально через два дня — 1 мая 1896 г., и Николай II с долей иронии фиксировал в дневнике очередной этап «битв вокруг детской»: «Со вчерашнего дня при ней состоит новая няня — сестра Ксениной, с длиннейшим носом, взятая напрокат, пока не отыщется другая. Mrs. Coster». Надо заметить, что царь внимательно следил за взрослением своих детей, особенно первой дочки.

В 1898 г. эту няню заменила следующая англичанка (ирландка) Маргарет Эггер, которая прожила в царской семье шесть лет и, вернувшись в Англию, написала в целом доброжелательные мемуары.

После удаления няни-англичанки «от королевы Виктории» персонал детской сделал соответствующие выводы и спорить с императрицей больше не пытался. В результате во всем, что касалось жизни при дворе или «воспитания детей (которое император передал в ее руки), слово Александры Федоровны было законом»[151].

Русские няни оставались на вторых ролях в детской вплоть до 1904 г. Только после рождения долгожданного наследника императрица Александра Федоровна решилась окончательно разрушить вековые традиции ухода

за царственными младенцами. Делить вымоленного у Бога сына она не собиралась ни с кем. «Революция» в детской была столь значительной, что Николай II уделил ей место в дневнике. 29 сентября 1904 г. он записал: «Сегодня после многих недель колебаний Аликс, сильно поддержанная мною и княгиней Голицыной, наконец решила уволить англичанку-няню детей мисс Игер, что и было ей объявлено Марией Михайловной!» На следующий день царь с облегчением отметил в дневнике: «Сегодня английская няня уехала к себе на родину». Английскую няню рассчитали и выслали из России за день до шестилетия ее работы в детской!

О причинах удаления няни писала Ольга Александровна: «…я помню мисс Игер, няню Марии, которая была помешана на политике и постоянно обсуждала дело Дрейфуса. Как-то раз, забыв о том, что Мария находится в ванне, она принялась спорить о нем с одной из своих знакомых. Мария, с которой ручьями лилась вода, выбралась из ванны и принялась бегать голышом по коридору дворца. К счастью, в этот момент появилась я. Подняв на руки, я отнесла ее к мисс Игер». Такой прокол для профессиональной няни был непростителен[152].

Александра Федоровна осталась первой и последней императрицей, столь серьезно вникавшей в проблемы детской. Фактически она заняла должность главного воспитателя своих детей, ту должность, которую до нее занимали «полковницы» и генералы. Постепенно под ее руководством сложился штат нянь и воспитательниц, которым она управляла железной рукой. Ее мнение по организационным и прочим вопросам носило окончательный характер.

А. А. Вырубова, очерчивая штат, обслуживавший царских детей, писала: «У императрицы при детях были сперва няня-англичанка и три русские няни, ее помощницы. С появлением наследника она рассталась с англичанкой и назначила… вторую няню М. И. Вишнякову»[153]. Из всех, кто окружал дочерей и сына царя, пожалуй, наиболее часто упоминаются няня царских дочерей Мария Вишнякова и дядька цесаревича Андрей Деревенько. В результате цесаревич Алексей стал первым русским великим князем, которого растило только русское окружение.

Мария Ивановна Вишнякова родилась в 1872 г. Она была причислена к мещанскому сословию Петербурга и росла в Петербургском воспитательном доме. После окончания школы нянь при Воспитательном доме она в мае 1897 г. была зачислена на должность помощницы няни «при ее императорском высочестве великой княгине Ольге Николаевне». Вишняковой было положено жалование в 900 рублей в год. Надо отметить, что женщины-врачи, к примеру, в это время имели жалование в 600–800 рублей в год. В марте 1905 г. она была повышена в должности и назначена няней цесаревича с жалованием 2000 рублей в год. В июле 1911 г. М. И. Вишнякову возвели в звание Почетного гражданина Петербурга.

Воспитательница М. И. Вишнякова с великой княжной Ольгой. 1897 г.

Отношения няни с взрослеющими царскими дочерьми не были безоблачными, но поскольку она фактически входила в состав царской семьи, вырастив четырех девочек, то императрица всячески старалась сглаживать возникающие шероховатости. К январю 1909 г. относится записка императрицы к Ольге Николаевне: «Подумай о Мари, как она вынянчила всех вас, как делает для вас всё, что может, и когда она устала и плохо себя чувствует, ты не должна еще и волновать ее». На следующий день дочь отвечала матери: «С Мари бывает не всегда легко, потому что она иногда сердится без всякой причины и поднимает шум из-за пустяков»[154]. Было у Вишняковой и еще одно домашнее имя — Меричка[155].

На тот момент Вишняковой было 37 лет, она оставалась не замужем, и ее характер действительно оставлял желать лучшего. Все ее воспитанницы уже выросли, и, надо полагать, она начала ощущать некую жизненную пустоту. Отношение ее к Распутину изначально было более чем лояльным, так как она видела отношение к нему царских детей. Это подтверждается записью Ксении Александровны в дневнике в марте 1910 г.: «Все няни под его влиянием и на него молятся»[156].

Имя Марии Вишняковой стало известно широкой публике в связи с шумным скандалом, связанным с именем Распутина. М. В. Родзянко в своем докладе в феврале 1912 г. сообщил царю, что Распутин «соблазнил нянюшку царских детей… она каялась своему духовному отцу, призналась ему, что ходила со своим соблазнителем в баню, потом одумалась, поняла свой глубокий грех и во всем призналась молодой императрице, умоляя ее не верить Распутину, защитить детей от его ужасного влияния, называя его «дьяволом». Нянюшка эта, однако, вскоре была объявлена ненормальной, нервнобольной, и ее отправили для излечения на Кавказ»[157].

На самом деле после скандала, поднятого прессой в начале 1912 г., Вишнякову уволили далеко не сразу. Это случилось только через год — в июне 1913 г., к чему имелись формальные основания: младшему воспитаннику Вишняковой было уже почти девять лет. Вишняковой предоставили в пожизненное пользование трехкомнатную квартиру в Комендантском корпусе Зимнего дворца, полностью обставленную, все издержки были оплачены «из сумм августейших детей». Ей была назначена пенсия в размере 2000 рублей в год, которая соответствовала жалованию в должности няни. Причем после увольнения связь Вишняковой с царской семьей не прекратилась. Например, в сентябре 1915 г. ей были выданы «деньги на дорогу в Крым, куда она поедет по совету ее величества, чтобы отдохнуть. Устройство поездки ее величество поручила доктору Боткину»[158]. Проблемы со здоровьем у нее, естественно, имелись, и поездка эта была отнюдь не ссылкой. Вишнякова ездила в Крым на лечение и в 1916 г., получая деньги из Министерства императорского двора. Последний раз она получила деньги на такую поездку 21 января 1917 г.

Цесаревич Алексей и ОТМА[159]

Судя по воспоминаниям мемуаристов, мальчик был буквально светом в окне для своих родителей. Особенно для матери. Тем более что единственный, вымоленный у Бога сын оказался глубоким инвалидом, которому врачи ничем не могли помочь. Кроме этого, сказывалось и его положение наследника огромной империи. В результате ребенок был чрезвычайно избалован. Воспитатели пытались стоить свою работу на зыбком фундаменте личных взаимоотношений с ним, но это далеко не всегда срабатывало с маленьким, очень живым цесаревичем. Слушался мальчик только отца, слово матери для него носило рекомендательный характер. Даже став достаточно взрослым, он легко позволял себе такие шутки, которые не только не вписывались в элементарные нормы приличия, но и просто выходили за все мыслимые границы. Так, осенью 1915 г. во время обеда в Ставке верховного главнокомандующего, на котором присутствовал дядя царя — великий князь Сергей Михайлович, наследник «пошутил» над родственником следующим образом. Алексей подкрался к великому князю сзади, держа в руках выдолбленную половинку арбуза. Тот «продолжал есть, не подозревая о грозящей ему опасности. Вдруг наследник поднял руки, в которых оказалась половина арбуза без мякоти, и этот сосуд быстро нахлобучил на голову великого князя. По лицу последнего потекла оставшаяся в арбузе жидкость, а стенки его так плотно пристали к голове, что великий князь с трудом освободился от непрошенной шапки. Как ни крепились присутствующие, многие не удержались от смеха. Государь еле сдерживался. Проказник же быстро исчез из столовой»[160]. Можно только представить, какие чувства испытывал выставленный на всеобщее посмешище взрослый уважаемый человек. На момент этого «события» великому князю, генерал-адъютанту, генерал-инспектору артиллерии Сергею Михайловичу было 46 лет.

Воспитание четырех дочерей Александра Федоровна тоже поставила по-своему. У них не было официальной воспитательницы, процессом руководила сама императрица, что не замедлило сказаться на общественной стороне их жизни.

Во-первых, девочек довольно редко выводили в свет. Бабушка, вдовствующая императрица Мария Федоровна, несколько раз устраивала балы у себя в Аничковом дворце для старших внучек. Тетя, великая княгиня Ольга Александровна, привозила по воскресеньям племянниц к себе домой, и туда же приглашались сверстницы великих княжон. В Ливадии бывшая фрейлина императрицы Мария Барятинская устраивала для старших танцевальные вечера. Тем не менее жизнь девочек по сравнению с их предшественницами была крайне бедна на полуофициальные светские мероприятия.

Николай II со старшими дочерями

Во-вторых, у девочек не имелось подруг со стороны. Александра Федоровна была убеждена, что подруги-аристократки могут научить ее дочерей только плохому. Поэтому четыре сестры росли в своем собственном замкнутом мирке Александровского дворца.

В-третьих, повседневная жизнь царских дочерей была довольно аскетична. Мать воспитывала дочерей так же, как воспитывали ее саму — по английской «викторианской» модели. Так, одна из мемуаристок, часто бывавшая в комнатах великих княжон, упоминала, что «сестры спали на

походных кроватях — так было заведено еще в царствование императора Александра III, который полагал, что царские дочери не должны спать на более удобных постелях, пока не выйдут замуж»[161]. На эти походные кровати были уложены волосяные матрасы с тощими подушками под голову. «Английский воспитательный аскетизм» сложился уже при Николае I, когда детям в обязательном порядке на завтрак подавалась овсяная каша, в их спальнях было много свежего воздуха, а в ванных комнатах — холодный душ.

О попытке императрицы назначить воспитательницу к дочерям следует сказать несколько подробнее. Замкнутость жизни царской семьи порождала бесчисленные слухи и скрытое недовольство, поскольку при Николае II с 1903–1904 гг. понятие придворной светской жизни постепенно исчезло. Светская жизнь была сведена к бездушным протокольным мероприятиям, что, конечно, не устраивало дам-аристократок, которые по примеру своих матерей и бабушек страстно желали блистать в большом свете. На Александру Федоровну, конечно, пытались влиять, чтобы она «по примеру прежних лет» пригласила ко двору воспитательницу для своих подросших дочерей.

Александра Федоровна пошла на уступки, и в 1911 г. одна из фрейлин императрицы — София Ивановна Тютчева была назначена на должность воспитательницы. С. И. Тютчева была женщиной с тяжелым характером, у которой имелось свое представление о воспитании царских дочерей. После череды мелких столкновений Александра Федоровна и Тютчева схватились всерьез по поводу Распутина. Тютчева совершенно не желала понимать, почему простой мужик имеет доступ не только в Александровский дворец, но и в комнаты взрослых девушек-принцесс. Свою позицию она не скрывала, смело вынося сор из избы: «Воспитательница великих княжон крайне негодовала на то, что Распутин бывает в их комнате и даже кладет свою шапку на их кровати. Императрица же заявила, что она не видит в этом ничего дурного. Тогда возмущенная С. И. Тютчева обратилась к государю. Он согласился с ее мнением и сказал, что переговорит по этому поводу с государыней.

Результатом же переговоров царя и царицы явилось немедленное удаление Тютчевой от двора»[162].

Это событие, произошедшее весной 1912 г., стало поводом к раскручиванию антираспутинской кампании в прессе. Светские гостиные бурлили, получив информацию из первых рук о нюансах частной жизни царской семьи. Все эти слухи прилежно фиксировала в дневнике осведомленная генеральша А. Богданович: «Рассказывал также Джунковский, что великая княгиня Елизавета Федоровна с грустью говорила, что ее племянницы очень дурно воспитаны»[163] (20 марта 1912 г.). «Шамшина сказала, что в городе говорят, что вместо Тютчевой к царским детям будет назначена Головина, которая возила Распутина по домам и с ним путалась, а над ней главной — Вырубова. Это прямо позор — назначение этих двух женщин»[164] (10 июня 1912 г.). «Был у нас Ломан. Сказал он, что тяжелое впечатление выносишь от близости ко двору. Вот как он объясняет уход или отставку С. И. Тютчевой. Она не подчинялась требованиям старших, вела с детьми царскими свою линию. Возможно, что ее воспитательное направление и было более рациональным, но оно было не по вкусу, а она упорствовала, как все Тютчевы, была упряма и стойка, верила, как все ее однофамильцы, в свои познания и свой авторитет, так что детям приходилось играть две игры, что приучило их лгать и прочее. Являлась всегда Тютчева на все сборища и приемы не в духе. Она говорила, что не все разговоры можно вести при детях. В этом с ней не соглашались, и вот развязка — пришлось ей покинуть свой пост. Мое соображение: из этого видно, что при дворе правду не любят и не хотят слушать. При этом Ломан вспомнил, как воспитательница великой княжны Марии Александровны Кобург-Готской, тоже Тютчева, после катастрофы на Ходынском поле при встрече со своим бывшим воспитанником великим князем Сергеем Александровичем не подала ему руки, обвиняя его в случившемся. Такова и С. И. Тютчева»[165] (20 июня 1912 г.).

Собственно, этим скандальным эпизодом весны 1912 г. и закончилась история женщин-воспитателей при российском императорском дворе.

Воспитатели и учителя. Царские дети после 7 лет

По достижении 6–7 лет мальчики в царской семье переходили из женских рук в мужские. С сыновьями Павла I — Николаем и Михаилом это произошло несколько ранее, когда в 1799 г. воспитательный процесс возглавил генерал М. И. Ламсдорф, но при этом женщины продолжали окружать мальчиков вплоть до 1802 г.

В 1802 г. Николая и Михаила Павловичей усадили за парту. С этого времени их гувернерами и преподавателями стали исключительно мужчины, в основном с эполетами на плечах: генерал-майор Н. И. Ахвердов, полковники К. И. Арсеньев и П. А. Ушаков. С 1805 г. к ним присоединились майор А. П. Алединский, действительный статский советник Н. А. Дивов (с 1811 г. (умер), заменен Г. А. Глинкой) и коллежский советник Вольф. С этого времени воспитание великих князей было неразрывно связано с их образованием.

Итак, главным воспитателем великих князей Николая и Михаила Павловичей стал директор Сухопутного шляхетского корпуса Матвей Иванович Ламсдорф. Это был личный выбор Павла I. И хотя М. И. Ламсдорф являлся свояком республиканца-воспитателя Александра I — Цезаря Лагарпа[166], он проводил совершенно иную педагогическую политику, которая имела давние корни и широко внедрялась при Павле I.

Если Екатерина II пыталась на практике реализовать педагогические идеи Ж. Ж. Руссо, то в основу методов Ламсдорфа было положено насилие в самых его разнообразных формах. При этом император Павел I и императрица Мария Федоровна прекрасно знали о том, какими методами воспитатель добивается послушания от своих воспитанников. Это была изощренная система холодных приказаний, выговоров и наказаний, доходивших до жестокости. М. И. Ламсдорф лично бил мальчиков линейкой, ружейным шомполом, хватал за грудь или воротник и ударял об стену так, что они лишались чувств, или привязывал к ручке кровати, а потом порол розгами. Причем все эти действия фиксировались в специальных журналах[167].

После убийства Павла I в марте 1801 г. стратегия воспитательного процесса стала полностью определяться вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Но для мальчиков фактически ничего не изменилось, их пороли по-прежнему. Молодой император Александр I практически не проявлял интереса к своим подрастающим братьям. Камер-фурьерские журналы зафиксировали лишь один его визит к младшим братьям на детскую половину Зимнего дворца — 28 октября 1803 г.[168]

Как водится, насилие давало очень сомнительные педагогические результаты, калеча характеры. Николай I стал скрытным и довольно замкнутым человеком. Он очень мало кому доверял, и именно этим объяснялось его стремление взять под полный контроль управление страной. Однако Николай Павлович был при этом умным человеком. Тяжелые воспоминания детства побудили его сделать определенные выводы и совершенно изменить характер воспитания своих детей. Один только факт приглашения поэта В. А. Жуковского (поэта, а не генерала!) ко двору для составления образовательной программы цесаревича заслуживает самой высокой оценки педагогических талантов императора.

Воспитание цесаревича Александра Николаевича

Как уже упоминалось выше, воспитание мальчиков в царской семье имело свою специфику. Девочки «уходили» из дома в семьи владетельных особ по всей Европе, а мальчики должны были служить России. По традиции, для них была возможна только одна карьера — карьера русского офицера. Именно поэтому их воспитателями являлись офицеры. Учителями могли назначаться и штатские специалисты, но воспитателями — только военные.

Поскольку взрослению цесаревича уделялось особое внимание, то и подбор воспитателя к нему велся с предельным тщанием. В июле 1824 г. воспитателем 6-летнего великого князя Александра Николаевича был назначен Карл Карлович Мердер, «прирожденный педагог, тактичный и внимательный»[169]. Надо отметить, что Николай Павлович тогда еще не был императором, и мало кто предполагал, что он им когда-либо будет. Однако 30-летний

Николай Павлович знал о своих перспективах и понимал, что его старший сын рано или поздно станет цесаревичем. Выбор К. К. Мердера лично Николаем Павловичем удивил петербургскую публику, однако впоследствии все единодушно признали, что он оказался весьма удачным. Это был тот самый редкий случай, когда большинство мемуаристов сошлось в высокой оценке К. К. Мердера. А. С. Пушкин, который, бывая в Зимнем дворце, знал Мердера, отметил в дневнике: «Мердер умер — человек добрый и честный, незаменимый»[170].

К. К. Мердер

К. К. Мердер на протяжении всей своей службы (12 июня 1824 г. — 24 марта 1834 г.) тщательно отслеживал особенности характера цесаревича, стараясь развивать те из них, которые могли бы пригодиться Александру Николаевичу в роли самодержавного владыки. Надо заметить, что Александр II сохранил о своем воспитателе благодарную память, приказав соорудить ему памятник на Детском острове Александровского парка Царского Села.

Самой лучшей характеристикой полученного Александром II воспитания могут служить слова В. А. Жуковского о генерале Мердере: «В данном им воспитании не было ничего искусственного; вся тайна состояла в благодетельном, тихом, но беспрестанном действии прекрасной души его... Его питомец... слышал один голос правды, видел одно бескорыстие... могла ли душа его не полюбить добра, могла ли в то же время не приобрести и уважения к человечеству, столь необходимого во всякой жизни, особливо в жизни близ трона и на троне».

Примечательно, что К. К. Мердер в своей педагогической практике тесно увязывал воспитание и образование цесаревича. Например, в 1829 г. он осуществил проект, названный «кассой благотворения». Смысл заключался в том, что успехи в науках и поведении цесаревича оценивались в денежной форме. Но накопленные личные деньги должны были идти не на собственные нужды, а на благотворительность. Два раза в год предполагалось считать собранные деньги и тратить их на какое-либо полезное дело или благотворительность. Николай I одобрил идею, и касса действовала все время обучения наследника.

Очень сильное влияние на формирование характера цесаревича оказал и отец — император Николай I. Железный характер этого человека, его чувство долга, его представление о справедливости во многом были усвоены Александром II. Иногда, решая свои педагогические задачи, Николай Павлович прибегал к весьма оригинальным приемам. По воспоминаниям врача Калинкинской больницы Реймера, в 1835 г. Николай Павлович обратился к нему при обходе: «Я пришлю сюда своего сына, и ты покажи ему самые ужасные примеры сифилитической болезни на мужчинах и женщинах. Когда я был молод и еще не женат, мой доктор Крейтон тоже водил меня по военному госпиталю, больные, которых я увидел, произвели во мне такой ужас, что я до самой женитьбы своей не знал женщин»[171]. Цесаревичу в 1835 г. исполнилось 17 лет, и отец счел необходимым познакомить сына и с неприглядной изнанкой «любви».

Когда весной 1837 г. цесаревич отправился в путешествие по России, Николай I постоянно писал сыну, внушая ему те истины, которые, по его мнению, были просто необходимы будущему царю. В одном из писем Николай Павлович говорил: «Не любишь ли отныне еще сильнее нашу славную, добрую Родину, нашу матушку Россию? Люби ее нежно; люби с гордостью, что ей принадлежен и *родиной* называть смеешь, *ею* править, когда Бог сие определит для ее славы, для ее счастия!»[172]

Для младших сыновей Николай I подбирал других воспитателей-офицеров. При этом учитывалось будущее детей императора. Так, второй сын Николая I — великий князь Константин с детства был определен в моряки.

Соответственно и воспитатель ему был подобран из моряков. Им стал адмирал Федор Петрович Литке (с 3 ноября 1832 г.)[173].

Об отношении к воспитателям детей красноречиво говорят строки из завещания Николая I: «п. 16. Завещаю сыновьям моим всегда любить и уважать бывших при их воспитании г-а Кавелина, Литке и Философова и г. Юрьевича, Корфа и Лутковского. Благодарю их искренне за их попечение, заменявшее мой отцовский надзор, отвлеченный делами. Сыну моему предоставляю упрочить их благосостояние, равно как и прочих лиц при воспитании бывших, как у братьев, так и сестер»[174].

Воспитание детей Александра II

Когда в 1840-х гг. у Александра II и Марии Александровны подряд родились три мальчика, характер их воспитания был очевиден. Сам Александр II тогда был еще молодым человеком, прекрасно помнившим свое взросление. Да и у власти продолжал оставаться Николай I, который не собирался ломать оправдавшую себя воспитательную систему. Мужчины-офицеры впервые появились в детской летом 1847 г., когда старшим сыновьям цесаревича шел четвертый и третий год. В Зимнем дворце сыновья цесаревича жили на детской половине, на первом этаже. Троих старших (Николая, Александра и Владимира) утром мыли и одевали няни-англичанки, они же вечером укладывали их в постель. Однако днем все трое поступали под надзор военных воспитателей, или, как их называли при дворе, гувернеров[175].

Весной 1849 г. воспитательницу Скрыпицыну сменил генерал-майор Николай Васильевич Зиновьев. Это был выбор Николая I, желавшего, чтобы его внуки как можно раньше перешли под контроль мужчины-офицера, который придал бы их воспитанию военизированный характер. Сам Зиновьев не считал себя готовым к должности воспитателя царских внуков, хотя до этого являлся директором Пажеского корпуса, поэтому он принял должность воспитателя только де-факто, де-юре этого звания не носил. Сверх содержания ему были определены жалование по чину в 1500 рублей в год, помещения в Зимнем и других дворцах, а также придворный экипаж[176].

Постепенно вокруг Зиновьева начал формироваться круг офицеров-воспитателей, которых он подбирал сам. В августе 1849 г. Зиновьев получил помощника в лице полковника Григория Федоровича Гогеля. Однако в жизни детей это мало что изменило. В то время распорядок их дня в Царском Селе был следующим.

Г. Ф. Гогель

В 7 часов утра дети (Николай — семь лет, Александр — пятый год, Владимир — четвертый год) вставали и, помолясь Богу, шли здороваться с отцом. Потом они играли в парке, где, как правило, встречали Николая I, совершавшего свою обычную утреннюю прогулку. Дети выстраивались перед дедушкой «во фронт», снимали фуражки и получали от него по поцелую.

В 9 часов пробуждалась цесаревна Мария Александровна, и дети шли здороваться к матери. После этого начинались занятия. Первыми уроками детей стала строевая подготовка (маршировка и ружейные приемы), которой обучал старших мальчиков унтер-офицер Хренов. Этот урок был ежедневным и занимал около часа. После чего дети завтракали. Воспитатели-офицеры дежурили посменно. Первую половину дня, как правило, дежурил Гогель.

В 11 часов цесаревна Мария Александровна отводила детей из Зубовского флигеля Большого Екатерининского дворца в Александровский дворец

здороваться с бабушкой, императрицей Александрой Федоровной. Потом возобновлялись уроки. Генерал Зиновьев проводил занятия по артиллерийской стрельбе (два раза в неделю), или дети занимались гимнастикой на сетке-батуте (два раза в неделю). Остальные дни в это время дети гуляли.

С 12 до 14 часов воспитательница Скрыпицына учила старших мальчиков читать и писать.

В 14 часов мальчики обедали. После обеда вновь гуляли. Во время этих прогулок их обучали началам верховой езды на маленьких лошадях.

В 16 часов дети пили чай. После чаепития дважды в неделю брали уроки танцев и дважды посещали занятия Срыпицыной. В другие дни в это время они запускали змея, играли в кегли или катались на лодке по озеру. Если погода была плохой, то дома играли друг с другом в шашки, лото или другую игру, очень ими любимую, которая называлась «Храм счастья».

В 19 часов мальчики шли к матери и «проводили у нее целый час». В Китайской комнате Большого Екатерининского дворца Мария Александровна «сидела, окруженная детьми, за чайным столом, поучала, наставляла их, хвалила или журила за их поведение, слушала их признания, разъясняла их недоумения и сомнения»[177]. Чай разливала одна из фрейлин, и тут же цесаревич играл в вист «со своими», как называл он адъютантов и вообще состоявших при нем лиц.

В 20 часов дети получали благословение родителей, после чего отправлялись спать.

Рассматривая это расписание, следует отметить следующее. Во-первых, дети рано ложились (в 21 час) и рано вставали (в 7 часов), следовательно, на сон отводилось 9–10 часов. Во-вторых, весь день они были заняты, и их ни на минуту не выпускали из поля зрения дежурные воспитатели. В-третьих, военизированные уроки детей начались одновременно с обучением их грамоте и письму. В-четвертых, при самом удачном раскладе дети виделись с родителями не более двух часов в день. И хотя биографы уверяли, что «Мария Александровна сама руководила воспитанием детей», проводя в детской «бóльшую часть своего времени»[178], это не более чем комплиментарное преувеличение.

Военное образование, когда пятилетнего ребенка приучали к стреляющей пушке и показывали, как сменять караулы и разводить часовых, было довольно рано востребовано. В 1850 г. шестилетний Никса впервые разводил настоящий караул[179]. Собственно, в сентябре 1850 г., после того как старшему внуку Николая I исполнилось семь лет, началась его «действительная» военная служба. В этот день Никсу произвели в первый офицерский чин, отделили от братьев и поместили в собственные комнаты, за ним был прекращен уход нянь, зато приставлен камердинер Костин, который прослужил ему с 1850 по 1865 г. Так Никса окончательно перешел в руки военных воспитателей. В его спальне поставили кровать воспитателя — полковника Гогеля. Умываться и одеваться теперь он должен был сам, без всякой прислуги, и русскую рубашку ему заменила гусарская куртка. На придворных церемониях он стал появляться в качестве офицера[180].

Когда 26 февраля 1852 г. второму сыну Александра II — Александру Александровичу исполнилось семь лет, с ним произошли аналогичные изменения. Его произвели в чин гвардии прапорщика и корнета. Мальчика переселили в комнаты старшего брата. Койка воспитателя стояла между кроватями детей, и он не оставлял их ни днем, ни ночью[181]. Практика, когда воспитатели спали в одной комнате с воспитанниками, сохранялась вплоть до конца XIX в. Воспитатель обязан был находиться в одной комнате со своим подопечным до тех пор, пока тот не засыпал. Уходя к себе домой, воспитатель великого князя в обязательном порядке оставлял вместо себя одного из камердинеров[182].

После того как в феврале 1855 г. цесаревич Александр Николаевич стал императором Александром II, положение его старшего сына изменилось. Мальчик Никса стал цесаревичем Николаем Александровичем. Его не только окончательно отделили от младших братьев, но и стали учить по особой программе. При этом военизированный характер воспитания и образования по требованию Александра II был полностью сохранен.

Одним из воспитательных новшеств стало появление рядом с цесаревичем Николаем Александровичем молодого боевого офицера, 28-летнего адъютанта князя И. А. Барятинского — Оттона Борисовича Рихтера. Ко-

О. Б. Рихтер

нечно, О. Б. Рихтер возник рядом с цесаревичем неслучайно, кроме того, все прекрасно понимали, что благодаря этому назначению у молодого офицера появляется возможность сделать блестящую карьеру. При этом все окончательные решения «по кандидатуре» принимались лично Александром II.

О своих намерениях и планах относительно наследника Александр II писал в мае 1858 г. «покорителю Кавказа» князю И. А. Барятинскому. В этом письме царь сослался на генералов В. В. Зиновьева и А. А. Ливена, которые отвечали за весь круг вопросов, связанных с воспитанием цесаревича Николая Александровича. Александр II спрашивал мнение князя И. А. Барятинского о его адъютанте О. Б. Рихтере и сообщал, что предполагает назначить его «заместителем гувернера при нашем старшем сыне, но прежде, чем мы это решим, желательно узнать Ваше мнение о его характере, чтобы понять, сможет ли он нам подойти. Речь идет о *молодом человеке* с надежным характером, который был бы *другом* и *советчиком* нашему сыну и развивал в нем своими занятиями и общением жажду к обучению. Важен ежедневный контакт с человеком, наиболее близким по возрасту к нашему сыну… Вот пока всё, что я хотел Вам сказать»[183]. В этом послании Александр II сформулировал основные требования, которые он лично предъявлял к воспитателям наследника.

Видимо, Барятинский дал Рихтеру самые лестные характеристики, и для этого имелись все основания. О. Б. Рихтер получил образование в Пажеском корпусе, по окончании которого в 1848 г. вступил в службу корнетом аристократического лейб-гвардии Конного полка. В 1853 г. уже как ротмистр Ахтырского гусарского полка он принимал участие в Крымской войне, в осаде крепости Силистрия. После войны Рихтера назначили адъютантом к главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютанту А. И. Барятинскому. В 1856–1858 гг. Рихтер принимал участие в военных действиях против горцев в Большой Чечне, в занятии долины реки Мичика, в рубке просек и разработке дорог. В 1857 г. его произвели в полковники и назначили в Куринский пехотный полк. А в 1858 г. Рихтер участвовал во взятии Аргунского ущелья, командуя первой штурмовой колонной, за что получил Золотое оружие с Георгиевским темляком.

Такой послужной список 28-летнего полковника дорогого стоил, и в июле 1858 г. Рихтер прибыл в Петергоф для представления императору и принятия «окончательных решений». Смотрины прошли благополучно, и приказ с назначением состоять при наследнике Рихтер получил 30 августа 1858 г.[184]

В 1859 г. у цесаревича появился персональный воспитатель-опекун. Им был назначен граф С. Г. Строганов. Тогда же, в 1859 г. для цесаревича был сформирован «штат двора его императорского высочества государя наследника цесаревича»[185]. Всего в состав штата вошло 85 человек, из которых непосредственно обслуживали цесаревича 36 человек[186]. Кроме этого, по конюшенному ведомству наследника обслуживали еще 49 человек[187].

Согласно законам Российской империи, «достигший совершеннолетия вступает сам в управление своим имуществом; но с того времени до двадцатипятилетнего возраста при каждом лице императорского дома, носящем титул императорского высочества или высочества, состоит особый попечитель». Задачи попечителя состояли в том, чтобы давать «советы по всем делам, до имения его касающимся, и утверждать его волю, без чего она никогда не может быть действительною».

Познакомившись с прекрасно образованным юношей, граф Строганов был изумлен тем, что в цесаревиче он обнаружил «холодное и равнодушное отношение, если не отвращение к военному делу»[188]. Это было совершенно не типично для Романовых, искренне преданных офицерской службе. Такой настрой цесаревича вызывал недовольство Александра II.

Следует отметить, что отношения Александра II со старшим сыном были далеко не безоблачными. Современники писали, что царь был «строг к своему наследнику… даже в некоторых случаях немилосерден». Есть упоминания, что Александр II испытывал определенную ревность к своему старшему сыну как к преемнику и, возможно, поэтому позволял себе резкие замечания с запрещением выражать свое мнение «молокососу, как он его называл»[189]. Неоднократно Александр II упрекал хрупкого интеллигентного юношу в отсутствии мужественности, и, возможно, травма спины цесаревича, полученная на скачках в Царском Селе, была результатом его стремления показать свою «мужественность».

Молодой цесаревич Николай Александрович, по единодушным отзывам воспитателей и преподавателей, подавал большие надежды. Его интеллектуальные качества были неоспоримы. Однако в апреле 1865 г. после тяжелой болезни цесаревич умер.

Его преемником «по должности» цесаревича стал второй сын императора — великий князь Александр Александрович. Преподаватели, сосредоточив на нем свои усилия, с удивлением выяснили, что программа его воспитания и обучения была на порядок ниже, чем у старшего брата. Мемуаристы объясняли этот факт влиянием императрицы Марии Александровны, которая сознательно снижала образовательные стандарты младших сыновей, чтобы они не заслоняли своего блестящего старшего брата, будущего российского императора.

Если подобная диспропорция в отношении образования детей со стороны императрицы Марии Александровны и существовала, то делалось это весьма и весьма тактично. Дети ее действительно любили. Для них она была в первую очередь матерью, а уже затем императрицей, что в царских семьях наблюдалось далеко не всегда. Александр III вспоминал впоследствии:

«Сколько было разговоров самых разнообразных, задушевных, всегда Мама́ выслушивала спокойно, давала время все высказать и всегда находила, что ответить, успокоить, побранить, одобрить, и всегда с возвышенной христианской точки зрения»[190].

Второй и третий сыновья Александра II — великие князья Александр и Владимир росли вместе. Они жили в одних комнатах, у них были общие воспитатели, они вместе делали уроки и отвечали преподавателям. Перед сном они совершали обязательные прогулки по Дворцовой набережной. Эту близость братья сохранили на протяжении всей жизни.

У воспитателей, наблюдавших за будущим Александром III и его братом, подчас возникали недоуменные вопросы. В ноябре 1861 г. один из воспитателей записал в дневнике: «Я всегда удивлялся, смотря на Александра Александровича, и думаю, как юношу почти в 17 лет могут занимать детские игры, как, например, перекидывание снега лопатой»[191]. А между тем, из этого «перекидывания снега» выросла целая традиция, и уже никто не удивлялся, когда Николай II за зиму, «здоровья ради», перекидывал тонны снега. Конечно, представить Николая I с лопатой, разгребающего дорожки в парке, довольно трудно, но для Александра III и Николая II этот образ был уже вполне органичен.

Вызывало удивление воспитателя и несколько инфантильное отношение молодых великих князей к девушкам: «Они почти никогда с ними не говорят, а если случится перемолвить слово, то совершенно так же, как с каким-нибудь товарищем, как с Гришей Гогелем, например, разве что немного покороче, чтобы скорее отделаться»[192]. А впоследствии, после весьма кратковременных юношеских увлечений, Александр III и Владимир Александрович превратились в самых верных мужей.

Были у молодых людей и редкие экстремальные приключения, воспоминания о которых бережно хранились долгие годы. В июне 1864 г. состоялся пеший поход компании великих князей и их ровесников из Царского Села в Гатчину. Все произошло довольно спонтанно, они вышли в четыре часа пополудни и пришли в Гатчину только вечером, в половине десятого. При этом молодые люди чувствовали себя настолько хорошо, что на следующий

день вернулись пешком в Царское Село через Ропшу. Александр III потом всю жизнь хранил в своем рабочем столе альбом с зарисовками сценок этого похода. Из этого приключения у двух императоров — Александра III и Николая II выросла прочная привычка к длительным пешим прогулкам в хорошем темпе. Эти прогулки позволяли отключиться от бесконечной рутинной работы, которая занимала все время самодержцев.

Следует отметить, что до 17–18 лет воспитатели сохраняли жесткий контроль за всеми сторонами жизни великих князей, единолично определяя уровень их личной свободы. Поскольку эта практика была привита с детства, то великие князья беспрекословно слушались воспитателей, даже став почти взрослыми. Например, в 1862 г., когда Александру было уже 17 лет, воспитатель потребовал от молодых людей очистить учебные комнаты в Зимнем дворце от «разного хламу», который там неизбежно набирался: «Сперва я очистил от всех этих вещей комнату Владимира Александровича, который добровольно поддался на это требование, но Александр Александрович отказывался, и я должен был настоятельно потребовать от него исполнения заведенного порядка»[193].

Конечно, столь жесткий контроль со стороны воспитателей не вызывал восторга у великих князей. Они подчинялись, но осадок сохранялся на долгие годы. Следует признать, что в отношении родителей к детям присутствовал элемент здорового прагматизма, учитывавший их будущее положение в родовой иерархии Романовых. И эта некоторая отчужденность во взаимоотношениях с родителями тяжело переживалась детьми. Так, спустя много лет, в 1878 г. великий князь Владимир Александрович рассказывал окружающим о «равнодушии своих родителей» к ним и без всякого уважения говорил о своих воспитателях[194]. Присутствовавший при этом великий князь цесаревич Александр Александрович соглашался с ним, называя свое детство «отвратительным воспоминанием»[195].

Наличие негативных детских впечатлений подтверждал и граф С. Д. Шереметев, который был одним из адъютантов цесаревича Александра Александровича. Он писал, что ему не раз приходилось слышать от великого князя Александра Александровича упоминания о том, что у него «почти не

было хороших воспоминаний отрочества… Пребывание в Зимнем дворце для него всегда было мрачное время, и он даже раздражался вспоминать о нем. Счастливое время для него началось с переездом из Зимнего дворца в Аничков… Почему он не любил вспоминать про свое детство и почему он раздражался, говоря об этом времени, — не знаю»[196].

Видимо, воспоминания о детстве действительно не доставляли радости Александру и Владимиру. Наблюдая за взрослением своих младших братьев, разница в возрасте с которыми доходила до пятнадцати лет, они констатировали, что детство младших счастливее их собственного[197].

Детство Николая II

У Александра III и императрицы Марии Федоровны было пятеро детей. Первый ребенок, будущий Николай II, родился в мае 1868 г., когда отцу было 23, а матери 20 лет. Естественно, «по образцу прошлых лет», воспитательную стратегию в отношении внуков определял Александр II. В раннем возрасте всех детей опекали одинаково: русские кормилицы в кокошниках, няни-англичанки, короткие платьица и женское окружение. Когда мальчики стали подрастать, родители поставили задачу перед воспитателями сформировать из великих князей «нормальных», не избалованных детей. В мемуарах часто приводятся слова Александра III: «Повторяю, что мне фарфора не нужно. Мне нужны нормальные здоровые русские дети».

Главным воспитателем к Николаю в 1877 г. был назначен генерал Григорий Григорьевич Данилович. В этой должности он состоял до 1891 г., то есть 14 лет. Это было решение Александра II, которое отнюдь не вызывало восторга у родителей ребенка.

Впоследствии, после гибели империи, современники, анализируя особенности сложного характера Николая II, «предъявили счет» Г. Г. Даниловичу. Некоторые из мемуаристов заявляли, что воспитательная метода Даниловича сломала характер Николая II, сделав наследника скрытным и замкнутым. Предъявляли претензии и Александру III, который не сумел передать детям свою харизму власти: «Их слишком настойчиво учили быть

«прежде всего людьми» и слишком мало подготовляли к их трудной сверхчеловеческой роли»[198].

Рассуждая на эту тему, следует иметь в виду, что Данилович был профессиональным военным педагогом. Свою педагогическую карьеру он начал в Дворянском полку, а затем служил под началом такого талантливого руководителя военно-учебных заведений, как Я. И. Ростовцев. Данилович принимал участие в реформе военно-учебных заведений в 1860-х гг., многие годы возглавлял аристократический 2-й Кадетский корпус. Это был опытный военный педагог, стоявший на уровне требований своего времени.

Трое сыновей Александра III не были избалованными детьми. Родители держали их в руках, причем каждый по-своему. Отец охотно разделял детские забавы не только своих детей, но и их ровесников. Сохранилось несколько фотографий Александра III с клюшкой в руках на катке у Аничкова дворца, рядом со своими подросшими сыновьями. Императрица Мария Федоровна подходила к этому вопросу по-иному, не выходя за рамки дворцового этикета. Естественно, отношение царственных родителей к своим детям обсуждалось в свете. Так, многие сходились в том, что любимым сыном Александра III был младший — Михаил, что Георгий — самый талантливый и способный, а старший сын Николай довольно бесцветен как личность. Досужим разговорам не было конца…

Доставалось и императрице Марии Федоровне. Например, генеральша Богданович в своем дневнике, со ссылкой на камердинера Николая II, писала, что «детей своих Мария Федоровна совсем не любит. Она детей никогда не ласкала. Покойный Александр III был гораздо нежнее с детьми, чем мать. Несмотря на свою суровость, бывало, царь обнимет сыновей, но мать — никогда. Иногда, совсем неожиданно, царь заходил в спальню детей, но мать, как заведенные часы, заходила аккуратно в один и тот же час, так же, как в одно и то же время дети являлись к ней — поздороваться утром, поблагодарить после завтрака и обеда и прочее. Радциг говорит, что он был полным хозяином в спальне наследника, никакого контроля за ним не было»[199].

Вмешивалась в воспитательный процесс и ближайшая родня. Мальчишки оставались мальчишками и, естественно, шалили. По рассказам мемуари-

ста, однажды на вокзале во время торжественных проводов Александра III его сыновья страшно расшалились, бегая между ногами сановной публики. Видимо, они совершенно не реагировали на замечания, и тогда выведенный из терпения младший брат царя великий князь Владимир Александрович схватил будущего Николая II за уши и публично выдрал его, повторяя: «Я тебе говорю — перестань шалить»[200].

Но наряду с многочисленными воспитателями по должности рядом с цесаревичем Николаем оказался редкий человек, который являлся воспитателем по призванию. Это был преподаватель английского языка Карл Иосифович Хис (Heath). Он появился рядом с цесаревичем, когда тому исполнилось 10 лет. Благодаря Хису все дети Александра III получили прекрасную физическую подготовку. Генерал Н. А. Епанчин писал об этом в мемуарах: «Физическое развитие наладилось случайно. Дело в том что для занятий по английскому языку был приглашен мистер Хис… Именно Хис обратил внимание на недостаточность физических упражнений цесаревича и занимался этим делом и, между прочим, закаливанием цесаревича, в чем достиг превосходных результатов». Говоря о результатах этого воспитания, Н. А. Епанчин подчеркивал, что царь «был очень выносливый в физическом смысле, не боялся сквозного ветра, не был подвержен простуде и обладал прекрасным здоровьем»[201].

Об этом же упоминали и другие мемуаристы. А. П. Извольский писал, что «действительным руководителем его занятий был англичанин Хетс, занимавший место частного учителя в императорской семье… Особенную склонность он чувствовал к спорту и затратил много труда, чтобы воспитать в своих учениках любовь ко всем видам спорта. Ему Николай II обязан совершенным знанием английского языка и увлечением спортом»[202]. Негативно относившийся к царю кадет и масон В. П. Обнинский также счел необходимым упомянуть об этом: «…англичанин Mr. Heath, «Карл Осипович», как его обыкновенно называли… прекрасный художник и спортсмен… В юношеские годы первое место занял спорт всех видов, и царские сыновья хорошо скакали, стреляли, ловили лососей… подвижность и любовь к спорту отличали всех детей Александра III»[203].

Видимо, не без влияния Хиса в 1879 г. будущий император писал отцу: «Я не умею еще плавать, но скоро научусь»[204]. В марте 1881 г. семья переехала в Гатчинский дворец, и в одном из помещений для подрастающих наследников оборудовали гимнастическую комнату, где установили турник и параллельные брусья[205].

Боцман А. Е. Деревенько

Повествуя о цесаревиче Алексее, необходимо сказать несколько слов и о людях, чьи обязанности заключались в ежеминутной заботе о здоровье наследника. Болезнь цесаревича Алексея наложила тяжелый отпечаток на жизнь последней императорской семьи. Гемофилия, которой был болен наследник, заставляла его царственных родителей делать всё, для того чтобы спасти ребенка от смерти. В результате вокруг цесаревича сформировался круг лиц, непосредственно отвечавших за состояние его здоровья. К их числу принадлежали и лучшие медики империи, и знахарь Распутин, и множество других людей, которые повседневно окружали мальчика. Одной из таких фигур был дядька Алексея — матрос Андрей Еремеевич Деревенько, на множестве фотографий цесаревича на заднем плане виден его коренастый силуэт.

Появление Деревенько среди ближайшего окружения царевича было продиктовано необходимостью, и, вместе с тем, оно произошло случайно. Основная проблема заключалась в том, что ребенок был подвижен, и уследить за ним окружавшим его женщинам было довольно трудно, а малейшая травма могла привести к самым трагическим последствиям. Объяснить же непоседливому мальчику необходимость крайней осторожности в повседневных играх и вовсе не представлялось возможным. Поэтому требовался физически крепкий человек, который заботился бы о безопасности цесаревича, выполняя функцию его «ног». Судьба указала на матроса Деревенько, и он не упустил своего шанса.

На время традиционного плавания по финским шхерам к малолетним царским детям персонально приставлялись матросы, которые присматривали за ними, когда те находились на палубе. Дети много двигались и даже ката-

лись по палубе на роликовых коньках. Поэтому уже в мае 1906 г. Деревенько был официально внесен в списки придворной челяди с главной задачей опекать наследника во время пребывания царской семьи на яхте. 14 мая 1906 г. Деревенько представлялся Николаю II в Петергофе. Впервые он исполнял свои обязанности в августе 1906 г. во время плавания «Штандарта» по финским шхерам. В перечне лиц, значившихся в окружении августейших детей, наряду с няньками Вишняковой, Дорониной, Тегелевой и другими был и матрос Деревенько[206].

Судя по всему, он показал себя надежным человеком. Им остались довольны, и для того чтобы придать ему некий официальный статус, в недрах дворцовой канцелярии попытались найти прецеденты, которые могли бы объяснить появление при цесаревиче бравого матроса. В октябре 1906 г. делопроизводитель канцелярии императрицы Александры Федоровны А. Никитин подготовил справку о том, что «бывший делопроизводитель конторы августейших детей почивающего императора Александра III, нынче действительный статский советник Сигель сообщил, что при августейших сыновьях почивающего императора Александра III «дядек» никогда не состояло… До 1888 г. состоял при них матрос гвардейского экипажа Букин около 5 лет… по выходе в отставку из военной службы определен был лакеем к их императорским высочествам с жалованьем 30 рублей в месяц»[207]. Но, видимо, к этому времени термин «дядька» уже прижился, и начальник канцелярии императрицы граф Я. Н. Ростовцев в записке от 12 ноября 1906 г. к камер-фрау императрицы М. Ф. Герингер сообщал, что «ее величеству императрице Александровне Федоровне угодно, чтобы состоящего с 13 мая 1906 г. при комнатах его императорского высочества наследника цесаревича Алексея Николаевича квартирмейстера гвардейского экипажа Андрея Деревенько называли «дядькою» при его императорском высочестве»[208]. Таким образом, процедура оформления матроса при дворе заняла период с мая по ноябрь 1906 г., а наименование «дядька» приобрело официальный характер.

Окончательно свое положение Деревенько укрепил летом 1907 г. Во время традиционной прогулки по финским шхерам императорская яхта «Штандарт» наскочила на подводную скалу, не указанную в лоциях. Това-

рищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский, очень точный в деталях, поскольку в его распоряжении находились материалы следствия, связанного с этим эпизодом, описывал это событие: «Яхта государя «Штандарт», огибая остров Гроншер, наскочила на подводный камень, не обозначенный на карте, и плотно села посередине. Удар был настолько силен, что котлы сдвинулись с мест. Государь с государыней и августейшими детьми перешли на посыльное судно «Азия», на котором и провели ночь. На другой день прибыла яхта «Александрия», на которой их величества и продолжили плавание»[209]. Удар действительно был силен настолько, что яхту удалось снять с камня только спустя десять дней. Ее немедленно отбуксировали в док для капитального ремонта.

Во время катастрофы Деревенько проявил себя с лучшей стороны. Он сделал всё, чтобы обезопасить двухлетнего наследника, и императрица это оценила. Впоследствии А. А. Вырубова описывала катастрофу в финских шхерах следующим образом: «Мы почувствовали ужасный толчок. Казалось, что судно подскочило в воздух и упало опять на воду. Потом оно остановилось, и левый борт его стал крениться. Все произошло мгновенно. Посуда и вазы с цветами оказались на полу. Государыня в ужасе вскрикнула, испуганные дети дрожали и плакали, государь же хранил спокойствие. Он объяснил, что мы натолкнулись на риф. Послышались звуки набата, и вся команда из двухсот человек выбежала на палубу. Матрос огромного роста, Деревенько, занялся наследником. Он был нанят, чтобы оберегать наследника от возможных ушибов. Деревенько схватил мальчика и побежал с ним на нос яхты. Он сообразил, что котлы находятся как раз под столовой и первой может пострадать эта часть судна. Мы же стояли все на палубе»[210].

Впоследствии этот эпизод оброс множеством вымыслов. В качестве характерного примера мифологизации события можно привести изложение произошедшего в 1907 г. офицером ставки М. Лемке спустя десять лет. Он утверждал, что именно Деревенько спас цесаревича во время крушения «Штандарта»: «Когда раздался треск судна, и все подумали, что сели на мину, матрос яхты Деревенько схватил мальчика и бросился с ним в воду»[211]. Как это бывает в легендах, скала превратилась в мину, а бравый матрос прыгнул с двухлетним

мальчиком за борт. В. С. Пикуль в романе «Нечистая сила» воспроизвел эту легенду следующим образом: «В этот момент некто вырывает из ее рук сына и заодно с ним скрывается… в пучине! Не скоро на поверхности моря, уже далеко от шлюпки, показалась усатая морда матроса, который, держа мальчика над водой, поплыл обратно к «Штандарту», пробоину на котором уже заделали»[212].

Романовы и боцман А. Е. Деревенько

Со временем положение дядьки упрочилось. Его комната располагалась рядом со спальней цесаревича во всех императорских резиденциях. Цесаревич называл его Диной. Матрос получал приличное жалование. На январь 1914 г. оно складывалось из сумм его императорского высочества — 360 рублей, жалования гвардейского экипажа — 444 рубля, дополнительных выдач гвардейского экипажа — 579 рублей, что составляло 1383 рубля в год[213]. Кроме этого, существовали различные косвенные выплаты. Например, сына Деревенько в марте 1912 г. бесплатно прооперировали в больнице Крестовоздвиженской общины, «за что туда было переведено 18 рублей канцелярией императрицы Александры Федоровны»[214]. Императрица входила и в другие семейные заботы дядьки. В ноябре 1910 г. «ее величество осведомились о том, что у него на родине больна сестра, и повелеть изволила ему уволиться в отпуск для посещения сестры». Для проезда ему и его жене были выделены деньги на дорогу. В декабре 1915 г. матрос обратился к императрице с ходатайством о назначении ежегодного пособия на воспитание его детей (Алексея — 9 лет, Сергея — 7,5 лет, Александра — 3 лет), которые были крестниками императрицы и цесаревича. Дядька обучал своих детей французскому языку и приходящей учительнице платил по 20 рублей в месяц. Всего же на обучение детей Деревенько тратил «около 350 рублей в год». Просимые деньги были ему немедленно выделены[215]. Но иногда Андрея Еремеевича «били по карману». В апреле 1912 г. в канцелярию императрицы было направлено письмо, подписанное генерал-лейтенантом, заведующим хозяйством гофмаршальской части, в котором предлагалось матросу Деревенько вернуть 32 копейки за взятые в ливадийской сервизной кладовой осенью 1911 г. ложку столовую простую ценой в 12 копеек и две столовые простые вилки по 10 копеек за штуку.

По мере того как цесаревич взрослел, круг забот дядьки расширялся, и в декабре 1913 г. произошли некоторые «кадровые перемещения». Об этом писал лейб-медик Николая II Е. С. Боткин в письме к графу Ростовцеву: «О назначении только что принятого на службу к высочайшему двору матроса Нагорного — помощником боцмана Деревенки. Из сказанного мне ее величеством я понял, что фактически боцман Деревенко будет по-прежнему

называться дядькой его высочества наследника цесаревича. Но юридически он должен занимать место камердинера, а его помощник, Нагорный, — гардеробщика»[216].

А. Е. Деревенько был достаточно заметной фигурой в окружении императорской семьи, и о нем упоминали почти все мемуаристы, причем

Цесаревич Алексей, Николай II и боцман А. Е. Деревенько

упоминали по-разному. Вот одно из таких описаний: «Матрос разухабистого вида, с нахальной рожей… он — персона; с ним все очень внимательны, заискивают, угощают папиросами»[217]. С ним старались ладить, и он ладил с весьма высокими персонами. Тот же автор писал, что «по-видимому, лейб-хирург профессор С. П. Федоров пользуется особым расположением Деревенка. Тот сегодня очень долго суетился: «Где профессор?» — кричал он, когда усаживал в автомобиль дворцовую челядь при выходе ее из штабного кинематографа»[218]. Столь же иронично упоминал о дядьке В. В. Шульгин в книге «Дни»: «Матрос Деревенько, который был дядькой у наследника цесаревича и который услышал, что волынские крестьяне представляются, захотел повидать своих… И вот он тоже — «вышел»… Красивый, совсем как первый любовник из малорусской труппы (воронова крыла волосы, а лицо белое, как будто он употреблял creme Simon), он, скользя по паркету, вышел, протянув руки — «милостиво»: Здравствуйте, земляки! Ну, как же вы там?.. Очень было смешно…»[219] В. С. Пикуль охарактеризовал матроса в целом верно. «Попав на дармовые харчи, Деревенько, сын украинца-хуторянина, сразу показал, на что способен. В одну неделю отожрался так, что форменка трещала, и появились у матроса даже груди, словно у бабы-кормилицы. За сытую кормежку он дал себя оседлать под «лошадку» цесаревича. Деревенько сажал мальчика к себе на шею и часами носился как угорелый по аллеям царских парков, выжимая свою тельняшку потом, будто после стирки. Но зато цесаревичу теперь не грозили царапины и ушибы!»[220]

Будучи дядькой цесаревича, он, видимо, понимал значимость своего положения и, несмотря на малограмотность, пытался вести дневник. Эти дневниковые записи охватывают очень короткий период — с 1 сентября по 28 октября 1912 г. Тогда он явно ощутил близость к истории и на своем уровне фиксировал происходившие события. Так, 6 сентября 1912 г. он записал: «Утром сидели дома, ножка болела. Компресс был, играли в карты»[221].

В глазах царской семьи он был незаменимой фигурой прежде всего потому, что умел ладить с наследником. Как свидетельствовала Вырубова: «На… велосипеде матрос возил Алексея по парку в Царском Селе. Часто

приходили играть с наследником и дети Деревенько, и вся одежда Алексея обычно переходила к ним. Когда наследник бывал болен и плакал по ночам, Деревенько сидел у его кроватки. У бедного ребенка никогда не было аппетита, но Деревенько умел уговорить его. Когда наследнику исполнилось шесть или семь лет, его воспитание поручили учителю, а Деревенько остался при нем как слуга»[222]. Кроме этого, что было весьма важно для родителей наследника, он его «не так баловал, хотя был очень предан и обладал большим терпением»[223].

В послужном списке дядьки наследника отражены важнейшие этапы его биографии. Андрей Еремеевич Деревенько родился 19 августа 1878 г. в крестьянской семье православного вероисповедания в Волынской губернии Новоград-Волынского уезда Черторибской волости, в селе Горонай. В 1899 г. он был призван на действительную службу на флот, отсчет которой начался с 1 января 1900 г. Уже 5 января 1900 г. определен в гвардейский экипаж. Через полтора года — в сентябре 1901 г. он стал гимнастом-инструктором, а 1 января 1902 г. — матросом 1-й статьи. 12 октября 1905 г., к концу службы, Деревенько был награжден серебряными часами с государственным гербом и в ноябре 1905 г. произведен в квартирмейстеры. В декабре 1905 г. Деревенько зачислен на сверхсрочную службу. 13 мая 1906 г. состоялось назначение дядькой «при его императорском высочестве наследнике цесаревиче и великом князе Алексее Николаевиче». В апреле 1911 г. его произвели в боцманы. В мае 1916 г. Деревенько стал кондуктором флота. Крестными троих сыновей матроса были члены императорской фамилии. Кроме того, его регулярно награждали орденами и медалями. В 1909 г. он был награжден серебряной великобританской и золотой французской медалями, в 1910 г. — серебряной медалью и Гессенским серебряным крестом ордена Филиппа Великодушного, в 1912 г. получил золотую медаль для ношения на Владимирской ленте[224].

После событий февраля 1917 г. царская семья сделала для себя много неприятных открытий, связанных с изменами ближайшего окружения. Некоторые нарекания вызвало и поведение матроса. А. А. Вырубова в мемуарах упрекала его в том, что дядька «понукал» Алексея Николаевича.

Некоторые из мемуаристов упоминали, что в дни Февральской революции 1917 г. он ушел из Александровского дворца Царского Села вместе с матросами гвардейского экипажа. Тем не менее 1 июля 1917 г. «с соизволения бывшего императора» Деревенько был назначен камердинером «при бывшем наследнике Алексее Николаевиче». Однако в августе 1917 г. его не включили в список лиц, сопровождавших царскую семью в Тобольск. Это было связано со скандальной историей. По словам комиссара Временного правительства В. С. Панкратова, «при наследнике Алексее состоял дядька, матрос Деревенько, полуграмотный, но хитрый хохол, который пользовался большим доверием Александры Федоровны. Перед самым отъездом он подал счет (полковнику Кобылинскому) расходов. В счете оказалось, что сын Николая II за июль 1917 г. износил сапог более чем на 700 рублей. Полковник Кобылинский возмутился и заявил матросу Деревенько, что в Тобольск его не пустят»[225]. И эта история спасла жизнь «хитрому хохлу». Вместо него в Тобольск поехал матрос гвардейского экипажа К. Г. Нагорный[226].

После того как царская семья отправилась в Тобольск, Деревенько со своей семьей также уехал подальше от беспокойного Петрограда — в отпуск, в Олонецкую губернию. При этом Деревенько продолжал поддерживать регулярную связь как с чинами бывшей канцелярии императрицы Александры Федоровны, так и с Тобольском. Сохранилось несколько его писем, направленных в Петроград камер-фрау императрицы Герингер и делопроизводителю канцелярии императрицы Никитину. Они охватывают период с сентября 1917 г. по март 1918 г. В основном послания посвящены просьбам о высылке денег и описаниям различных материальных трудностей, но в них имеются упоминания и о Тобольске. Например, в письме к Герингер от 21 сентября 1917 г. Деревенько рассказывал: «Получил письмо из Тобольска, все здоровы, некоторые хотели ехать, но им сказали, что нет свободного помещения. Не знаю, когда я попаду в Тобольск? На дежурство, Мария Федоровна!» 14 ноября 1917 г. он писал: «Получил письмо от Нагорного 10 ноября. Все здоровы. Он пишет, что до весны не будет никакой смены никому… Мне сейчас тяжело жить. Жаль, что я не уехал в Сибирь!» В посланиях к Никитину с января по март 1918 г. он сообщал:

«Письма из Тобольска получаю, всё, слава Богу, благополучно, не знаю, когда я туда попаду? Жду приказания»[227].

Дальнейшая судьба А. Е. Деревенько практически неизвестна, он затерялся в смуте Гражданской войны. Можно только с уверенностью сказать, что ему не пришлось разделить трагическую судьбу царской семьи. По некоторым данным, А. Е. Деревенько умер от тифа в Петрограде в 1921 г.

Одежда детей

Внешний вид детей императорской семьи был не менее важен, чем внешний вид взрослых. Следует иметь в виду, что на протяжении большей части XVIII в. детской одежды как таковой не было. Дело в том что на детей смотрели как на маленьких взрослых, поэтому и наряды для них шили по взрослой моде, но меньшего размера. Только на рубеже XVIII–XIX вв. наметилась тенденция к появлению детской одежды. Известно, что Екатерина II лично проектировала одежду для своих внуков Александра и Константина. У нее получилось нечто вроде детских комбинезонов, которыми она очень гордилась.

Поскольку мальчики царской семьи с момента рождения зачислялись на военную службу, им очень рано приходилось облачаться в военную форму. Например, летом 1847 г. император Николай I приказал своему старшему внуку Николаю, которому тогда шел четвертый год, «быть в форме» на разводе лейб-гвардии Конного полка. Выполняя приказ, воспитательница надела на мальчика «имеющуюся шинель Преображенского полка и фуражку». При этом император предполагал, что у трехлетнего мальчика должны быть несколько комплектов военной формы. Когда же он увидел, что на внуке надета пехотная, а не кавалерийская фуражка, то немедленно выговорил ответственным лицам за нарушение формы одежды трехлетним ребенком. Воспитатель мальчика был вынужден доложить цесаревичу Александру Николаевичу, что ему «досталось от его величества на другой день. Его величество изволил выговорить мне»[228].

Фактически мальчики росли в военной форме. Однако в конце 1840-х гг. Николай Павлович несколько модифицировал детскую одежду. Самые маленькие внуки, лет до трех, донашивали платья своих старших сестер. Эта странноватая традиция бытовала в дворянской среде повсеместно вплоть до начала XX в. Сохранились гравюры, изображающие маленького Александра II, одетого в платьица с декольте, украшенные «жуткими розочками». Также дошли до нас фотографии 1870-х гг. маленького Николая II и начала XX в. цесаревича Алексея в платьицах. Под платьями малыши носили широкие панталончики.

Где-то лет с трех-четырех мальчиков облачали в русские кумачовые или белые рубахи-косоворотки и шаровары, заправленные в сапоги. Это был «народный стиль», принятый при дворе Николая I. В это же время у детей для парадных выходов уже появлялись первые комплекты военной формы.

Окончательно в военную форму мальчики переодевались после достижения семи лет. С этого времени они, перейдя от женщин-воспитательниц к воспитателям-офицерам, уже считались на действительной службе. С 1850 г. старшие сыновья цесаревича Александра Николаевича начали участвовать в придворных и военных торжествах. Тогда Никсе было семь, а Александру — пять лет. 5 сентября 1850 г. на полковом празднике Кавалергардского полка, проходившем на лугу перед Елагиным дворцом, по желанию Николая I, с мальчиков сняли красные русские рубашки, в которых они обыкновенно ходили. Старших внуков царя переодели в полную парадную офицерскую форму: Николая — в лейб-гвардии Гродненского гусарского полка и Александра — в лейб-гусарскую солдатскую шинель[229].

Однако наряду с настоящей военной формой у детей имелись и комплекты домашней одежды, стилизованные под форму. Это были так называемые гусарские курточки. Такие же курточки позволялось носить всем товарищам по детским играм, приезжавшим в Зимний дворец. Граф С. Д. Шереметев вспоминал: «Меня облекали в гусарскую курточку (гусарские курточки были изобретены императором Николаем, и так как великие князья их постоянно носили, то и нам дано было позволение их надевать во всякое время, меня забавляло всегда, что по фуражке солдаты на улице,

а иногда и офицеры принимали меня за великого князя и отдавали честь; в сущности, это было не что иное, как ливрея)»[230]. Но даже эти стилизованные под форму домашние курточки напоминали великим князьям об их предназначении. Так, у Александра на куртке были самые настоящие погоны Финского стрелкового батальона, шефом которого он состоял[231]. А Владимир Александрович всегда ходил в драгунской куртке, поскольку являлся шефом лейб-гвардии Драгунского полка[232].

Судя по фотографиям 1860-х гг., у великих князей был еще один вариант домашней одежды: удлиненный сюртук с погончиками и красными выпушками, который носили застегнутым только на верхнюю пуговицу. Под сюртук надевалась белая рубашка с отложным воротником. Такой сюртук сочетали с форменными брюками на штрипках, при этом если гусарская курточка предполагала сапоги, то брюки носились с ботинками. Отложной воротничок белой рубашки поверх воротника сюртука считался нарушением формы одежды, и это немедленно пресекалось. С. Д. Шереметев упоминал: «Мне всегда бросались в глаза безукоризненной белизны воротнички его рубашки, незаконно появлявшиеся из-за воротника мундира и сюртука. За эти воротнички ему не раз доставалось от государя»[233].

Это «воспитание формой» приводило к тому, что практически все Романовы были, мягко говоря, к ней неравнодушны. Они буквально срастались с военной формой и чувствовали себя в ней естественно и свободно. Когда в 1864 г. встал вопрос о поездке за границу Александра и Владимира, сыновей Александра II, наряду с радостью от грядущего свидания с родителями и старшим братом их очень волновал вопрос, как будут они носить непривычное для них штатское платье[234].

Наказания детей

Воспитательный и образовательный процессы невозможны без наказаний. Поскольку царские дети были далеко не ангелами, то их наказывали, как и всех остальных. Поводами к наказанию обычно служили либо детские

шалости, либо неуспехи в учебе. При этом следует иметь в виду, что детей ни на минуту не оставлял без присмотра многочисленный штат воспитателей, возможности расшалиться, как следует, у них практически не имелось. Главным источником «неприятностей» для них являлась именно учеба.

Характер наказаний детей разительно изменился при Николае I. Как уже упоминалось выше, в детстве будущего Николая I наказывали бранью, толчками, щипками, ударами линейки и даже розгами. Один из мемуаристов писал: «Время было такое: били людей по убеждению, а не из злобы. Даже царственные лица не были от этого изъяты»[235]. Спустя много лет Николай I оценивал эти педагогические методы следующим образом: «Граф Ламсдорф сумел вселить в нас одно чувство — страх, и такой страх и уверение в его могуществе, что лицо матушки было для нас второе в степени важности понятий… Употреблял строгость с запальчивостью, которая отнимала у нас чувство вины своей, оставляя одну досаду за грубое обращение, а часто и незаслуженное»[236].

Когда у самого Николая I появились дети, их наказывали совершенно по-иному. Методы физического воздействия были полностью изъяты из воспитательного процесса. Воспитатель цесаревича Александра Николаевича К. К. Мердер упоминал, что наказывали детей либо запретом встречаться с родителями, либо ограничениями в еде. При этом воспитатель цесаревича поддерживал связь с императором, имея постоянную возможность «прямого выхода» на самодержца.

Однако, возвращаясь к вопросу о физическом воздействии, следует заметить, что изъяты были именно системные физические наказания. При этом за отдельные провинности царских детей все-таки периодически пороли. Правда, об этом до нас дошли только глухие упоминания. Так, в 1863 г. 6-летнего великого князя Сергея Александровича выпороли розгами[237].

В марте 1829 г. за выказанную на уроке истории «необыкновенную апатию» Николай I запретил цесаревичу «подходить к нему при прощании вечером»[238]. Были и наказания несколько парадоксального характера. В 1829 г. 11-летнего цесаревича за «плаксивость и апатичность» наказали лишением права входить в учебную комнату в воскресенье. В январе 1832 г.

цесаревич не выучил наизусть стихотворение, в результате чего «за обедом кушал один суп»[239]. Спустя несколько дней цесаревич заработал отметки хуже, чем его товарищи, за что «получил выговор от государя императора» и опять за обедом ел один суп[240]. Но если поведение и успеваемость мальчиков исправлялись, К. К. Мердер мог себе позволить обратиться к Николаю I с просьбой «о помиловании» цесаревича и его товарищей[241].

Наказывали цесаревича не только за учебу, но и за промахи в военных упражнениях. Когда в мае 1832 г. 14-летний цесаревич во время парада «опозорился», проскакав галопом вместо рыси, то распоряжением отца его посадили «под арест» на дворцовую гауптвахту[242].

Остальные отпрыски Николая I, как и любые дети, были склонны к озорству. Например, мемуаристы упоминают о выходящей за рамки шалости второго сына царя — великого князя Константина Николаевича. Однажды, во время карточной игры взрослых, он потихоньку подкрался к одному из гостей и выдернул из-под него стул в тот момент, когда тот собирался усесться за стол. Грузный И. М. Толстой упал на пол и, огорошенный этим падением, с трудом поднялся с помощью М. Ю. Вильегорского. При этом мальчик со смехом выбежал из комнаты. Николай I, побелев от гнева, положил на стол свои карты и, обращаясь к императрице, сидевшей невдалеке, произнес: «Мадам, встаньте». Императрица поднялась. «Просим извинения у Ивана Матвеевича в том, что так плохо воспитали нашего сына!» После этого мальчика наказали[243].

В семье самого Александра II эти традиции были воспроизведены в полной мере. Осуждение со стороны императора-отца и императрицы-матери имело огромное значение для детей, тем более что у них не существовало возможности постоянно общаться со своими царственными родителями. Детские комнаты были совершенно изолированы от половин императора и императрицы, и контакты родителей с детьми сводились к кратковременным взаимным визитам. Иногда родители и дети дополнительно встречались во время светских мероприятий. Одна из фрейлин описывала визит детей Александра II на половину императрицы Марии Александровны в июле 1855 г. следующим образом: «Сегодня утром я была у императрицы. К ней

вошли ее четыре сына, все крупные, красивые, хорошо сложенные мальчики, смотреть на которых доставляет удовольствие. Императрица спросила у них отчет об их уроках; младший сознался, что он плохо учился. Императрица очень строго посмотрела на него и сказала: «Это меня очень огорчает»[244].

Дети были разные, и учились они по-разному. Старший сын Александра II — Николай учился очень хорошо. Второй и третий сыновья — Александр и Владимир были троечниками и учились откровенно плохо. Для учителей и воспитателей это являлось серьезной проблемой, которую они пытались решать, используя в том числе и те или иные наказания.

Наказания эти были достаточно стандартны, поскольку педагогика — вещь довольно консервативная по природе. Во-первых, самой серьезной формой наказания было обращение воспитателей к родителям мальчиков. Иногда устно, иногда в форме писем и докладных. Надо заметить, что «стукачеством» воспитатели не злоупотребляли, поскольку хорошо понимали, что тем самым расписываются в собственной несостоятельности. Чаще они прибегали к угрозе обратиться к родителям. Такой «педагогический шантаж» был достаточно действенным средством для всех поколений Романовых. При этом детей больше страшил не сам факт наказания, а то, что их неуспехи в учебе и шалости огорчат царственных родителей. Но иногда нервы воспитателей не выдерживали. Там более что, как это ни странно, в забавах мог принять участие и «отличник» — 19-летний цесаревич Николай Александрович. «Александр Александрович и Николай Александрович начали приставать к маленькому брату Алексею Александровичу; дело началось шуткой, а кончилось очень неприятно для старших братьев. Алексея Александровича так облили водой и измучили, что он пожаловался императрице и государю. Всех старших братьев государь позвал к себе и сделал им строгий выговор»[245]. Доставалось мальчикам от родителей и после «ревизии» их успеваемости: «Владимир Александрович получил сегодня от императрицы строгий выговор за его «0» баллов»[246]. Когда осенью 1865 г. воспитатель великого князя 7-летнего Сергея Александровича напомнил ему, что «их величествам будет известно всё, что он делает, то он немедленно стал послушен и уже больше не шалил»[247].

Во-вторых, практиковались традиционные ограничения в еде: лишение за чаем хлеба с маслом или сладкого блюда за обедом. Один из воспитателей 9-летнего великого князя Сергея Александровича описывал типичную ситуацию (31 августа 1866 г., Ливадия), которая воспроизводилась несколькими поколениями воспитателей царских детей: «Я ограничился упреком, обещав в следующий раз лишить его сладкого блюда за обедом. Наказание это, в котором лишение соединено с унижением (так как ежедневно обедает с великим князем один из учителей), будет, полагаю, действенным»[248]. И такое наказание на самом деле было действенным. Надо сказать, что в отношении еды маленьких великих князей держали буквально в ежовых рукавицах. Так, в сентябре 1866 г. 9-летнего Сергея Александровича поставили в угол перед обедом только за то, что он хотел без позволения съесть кусок малиновой лепешки[249]. А через несколько дней на невинный вопрос мальчика: «Что будет у нас к ужину?» — воспитатель жестко ответил: «Если вы голодны, ужинайте, в противном случае идите спать»[250].

В-третьих, существовали различные дисциплинарные наказания, когда мальчиков могли поставить «на несколько минут в угол»[251]. Любые формы физических наказаний, конечно, исключались.

В-четвертых, хорошо действовали запреты на какие-либо игры и развлечения. Например, поздней осенью 1861 г. Александру Александровичу запретили кататься на лыжах рядом с Александровским дворцом, и он «был сильно огорчен тем, что я не позволил ему этого без особого разрешения графа»[252]. Иногда поводы для запретов были достаточны серьезные. Воспитатель зафиксировал следующую ситуацию: «После обеда Александр Александрович и Владимир Александрович поссорились друг с другом. Владимир Александрович спрятался в камердинерскую и боялся оттуда выходить, потому что Александр Александрович не на шутку угрожал ему. Я велел Владимиру Александровичу выйти из засады и обещал, что никто его не тронет, а Александру Александровичу сказал, что если он только дотронется до него, то не пойдет вечером к великому князю Константину Николаевичу. Этим средством я обоих успокоил»[253].

В опубликованных дневниках воспитателей Александра и Владимира Александровичей встречается множество упоминаний о самых обычных мальчишеских шалостях. Эти шалости буквально прорывались сквозь пристрастную опеку воспитателей и, возможно, были неосознанной формой протеста против этой самой опеки. Воспитатели же в свою очередь использовали весь свой арсенал, для того чтобы держать мальчиков в рамках. И в этом, безусловно, была необходимость. Когда в 1854 г. 9-летний Александр Александрович «шалил во время урока, прыгал по стульям или прятался под стол»[254], воспитатели обязаны были принимать меры. А 5 сентября 1861 г., встав «в шесть с четвертью часов… Александр Александрович был как-то особенно в духе… что он выражал, испуская дикие горловые звуки. Впрочем, он прилежно приготовил уроки до восьми часов»[255]. 15 сентября братья после обеда играли в крокет и вошли «в такой азарт, что со стороны ничего не слышно, кроме ругательств и насмешек»[256]. Судя по всему, это было обычной манерой игры братьев, поскольку через несколько дней воспитатель отметил, что «великие князья ужасно неприлично ведут себя во время игры; они решительно не могут играть спокойно и мирно и беспрестанно ругаются»[257]. Воспитатель, конечно, пытался бороться с таким поведением: «Во время игры он больше ничего не делал, как ругался. Я вызвал Александра Александровича в особую комнату и при Николае Александровиче же довольно долго распекал его за это, обещая, что его в другой раз не допустят до игры за подобное невежество»[258]. Ради справедливости следует отметить, что не лучше вели себя и двоюродные братья царских сыновей. Когда в игре принял участие 11-летний великий князь Николай Константинович, воспитатели буквально схватились за голову. Этот воспитанник Мраморного дворца «так кривлялся и паясничал, что я был сам не рад, что взял его с собою»[259]. Иногда мальчики обзывались: «За чаем мне пришлось сделать выговор Александру Александровичу за это несчастное слово «цинготный»[260].

До самого своего совершеннолетия дети оставались жестко подчинены в своих действиях родителям и воспитателям, а после наступления совершеннолетия — наставникам-попечителям. В качестве примера можно привести эпизод, который мимоходом упомянул в дневнике великий князь Сергей

Александрович, которому в феврале 1877 г. шел двадцатый год. Тогда он отпрашивался у матери, чтобы поехать в театр — посмотреть и послушать известного итальянского трагика, играющего в «Гамлете». Ему было разрешено[261].

В семье Николая II практика наказаний детей была в целом традиционной. Узаконенных физических наказаний, конечно, не существовало, но детей периодически шлепали. И не обязательно родители. Так, сестра Николая II упоминала, что она сама «влепила затрещину племяннице Анастасии»[262]. Примечательно, что Николай II также лично участвовал в воспитательном процессе. Сохранились упоминания, что дочерям от отца периодически «доставалось». При этом цесаревича Алексея, несмотря на все его выходки, никто и пальцем тронуть не смел. А. А. Вырубова упоминала, что частенько наказывали самую шкодную из дочерей Николая II — Анастасию. Однажды во время обеда на «Штандарте» 5-летняя Анастасия залезла под стол и принялась там щипать гостей: «Государь, поняв, в чем дело, вытащил ее за волосы, и ей жестоко досталось»[263].

Детские игрушки

Взросление каждого ребенка связано с игрушками, причем игрушкой для него может стать любая вещь, даже случайная. При этом взрослые, конечно, стараются, чтобы ребенок получал игрушки по возрасту и чтобы они, по возможности, носили развивающий характер.

Конечно, имелись игрушки и у детей царя. Однако в их забавах всегда присутствовала определенная специфика, обусловленная их высоким происхождением. Проще говоря, у царских детей и игрушки были царские. Это совсем не значит, что они были дорогими, просто многие из них были призваны на подсознательном уровне воспитывать у детей то, что сейчас принято называть чувством историзма.

Например, сохранилась литография, на которой годовалый Николай II изображен с детской погремушкой в спальне Аничкового дворца. Конечно, это не простая, а парадная погремушка. Усыпанная драгоценными камнями

парадная погремушка была изготовлена придворными ювелирами еще при Екатерине II и в качестве реликвии передавалась каждому новорожденному наследнику престола. В 1869 г. она была подарена «милому Ники» бабушкой — императрицей Марией Александровной[264]. Ныне эта погремушка хранится в Алмазном фонде Московского Кремля.

В свою очередь, сын Николая II цесаревич Алексей в 1910-х гг. играл лошадкой, которую еще в конце 1750-х гг. подарила Екатерина II своему сыну Павлу Петровичу. Разумеется, забавляясь в ранние годы драгоценной погремушкой или облезлой лошадкой, они вряд ли осознавали, что ими же когда-то играли их царственные предки. Но, войдя в возраст, они с удивлением узнавали, что их любимой старой лошадкой играл еще император Павел I много лет назад.

Следует отметить, что вышедшие из употребления личные вещи царской семьи, в том числе и игрушки, бережно хранились в дворцовых кладовых. Более того, их передавали по наследству вне зависимости от материальной ценности и внешнего вида. Для членов семьи это были не просто старые игрушки, а *игрушки Александра I* или *Николая I* и других российских императоров. Так, в Аничковом дворце вплоть до революции 1917 г. хранились детские игрушки Николая II. И. Бабель так описывал свое посещение дворца в дни революции: «На столе горою лежали детские игрушки, разорванные тряпицы, изорванные книги с картинками… Остаток ночи мы провели, разбирая игрушки Николая II, его барабаны и паровозы, крестильные его рубашки и тетрадки с ребячьей мазней»[265]. В результате дети буквально с самого рождения впитывали чувство историзма и осознание своей преемственности в череде правителей России.

Игрушки детям покупали родители, дарили бабушки и дедушки, многочисленные родственники. При этом развлечения мальчиков из рода Романовых всегда так или иначе были связаны с армией. В 70-х гг. XVIII в. первыми игрушками великого князя Александра Павловича, будущего Александра I, стали миниатюрная шпага, сделанная Екатериной II из булавки, и маленькая шпага с деревянным клинком. Позже ему подарили детскую саблю «с рукоятью и оправой из золота с финифтью» в «ножнах из белого шагрина».

Затем появилась маленькая турецкая сабля «с рукояткой и оправой золотом, с черною насечкою» в «ножнах из черного шагрина». Дарили и игрушечное огнестрельное оружие — «ящик с пятью маленькими детскими ружьями и парой маленьких пистолетов» с двумя детскими барабанами[266].

Когда росли младшие сыновья Павла I, Николай и Михаил, процесс их воспитания контролировался уже матерью — вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Она приложила массу усилий, чтобы нейтрализовать «милитаристскую наследственность», столь характерную для мужской половины дома Романовых. Поэтому «военные» игрушки были исключены из обихода.

До глубокой осени 1800 г. семья Павла I жила в Зимнем дворце, где для детей оборудовали специальную игровую комнату. Поскольку там же дети учились ходить, то стены зала в нижней части были обиты стеганными шерстяными подушками зеленого цвета, ими же был выложен пол. Когда дети подросли, подушки убрали[267].

Некоторые из подаренных игрушек запоминались на всю жизнь. Так, спустя годы Николай I вспоминал, что обер-шталмейстер граф Ростопчин от имени отца подарил ему «маленькую золоченую коляску с парою шотландских вороных лошадок с жокеем»[268].

Даже детские деревянные лошадки становились частью образовательного процесса, поскольку позволяли привить мальчикам основы верховой езды. Поэтому в феврале 1803 г. седельному мастеру Карлу Коссову были выплачены деньги «за сделанные им убор, для деревянной лошади аглицкое седло и принадлежности к ней»[269].

Когда у Николая I появились дети, он сам начал покупать им игрушки. Так, осенью 1824 г., находясь в Пруссии, он за 7 талеров купил у купца Гарнета подарки для своих детей[270].

Игрушки для детей приобретались, конечно, по возрасту. Что они собой представляли, иллюстрируют расходы по гардеробной сумме Николая I. В марте 1834 г. англичанке «его высочества великого князя Константина Николаевича» были выданы 300 рублей «за купленную через нее старинную пушку для его величества»[271]. В феврале 1835 г. в таможню была отправлена

пошлина 21 рубль 08 копеек «за военную игру, полученную из-за границы». В апреле 1838 г. деньги были уплачены «механику Белау за взятый у него через графа Вильегорского циркуль для военной игры».

В 1840-х гг. Николай I начал оплачивать детские подарки уже для своих внуков. В декабре 1844 г., выбирая подарки к Рождеству, он оплатил мастеру Орлову два детских ружья. В январе 1849 г. в магазин Вольфа было отправлено 32 рубля за игрушки. Последний подобный счет Николая I был оплачен в ноябре 1851 г., когда в игрушечный магазин пассажа «за 26 коробок нюренбергских игрушек» отправили 13 рублей из расчета по 50 копеек за коробку[272].

Мальчики из царской семьи играли, как правило, «в войну» или «в черкесских ординарцев». Летом 1849 г., когда маленькие сыновья Александра II отдыхали в Ревеле (Таллине), они при помощи саперов построили в саду Екатеринталя настоящее земляное укрепление, торжественно названное ими фортом Дебречин[273].

Зимой во дворце Николай, Александр и Владимир играли «в солдатики», раскрашивали картинки, складывали географические карты, золотили деревянные вещицы сусальным золотом[274]. По воскресеньям к ним приглашались ровесники для достаточно серьезных игр с мячом, когда нередки были травмы от «окаменевших» резиновых мячей, попадавших в лицо. Иногда с детьми играл и Николай I. Но бывали и тихие, камерные игры «в бирюльки».

Общий прогресс эпохи отражался, конечно, и на детских забавах. Наряду с традиционными игрушками в дворцовых игровых комнатах быстро появлялись и технические новинки. Уже в сентябре 1861 г. 16-летний Александр Александрович «занимался пусканием в ход маленькой модели паровой машины»[275]. В 1863 г., когда младшие сыновья Александра II — Сергей и Павел жили с матерью в Ницце, в саду виллы Пельон оборудовали традиционную игровую зону. Там, у маленького ручейка, для детей был устроен целый мирок: домик, железная дорога, домики для их фарфоровых мопсов, заменявших им кукол[276].

Были у царских отпрысков, как и у всех детей, свои игрушки, которые они придумывали сами. Когда в 1860–1870-х гг. детей и внуков Александ-

ра II начали вывозить в Крым, они собирали на берегу красивые камушки. Чтобы сохранить прелесть и яркость «мокрого» камушка, они покрывали их лаком и раскладывали на листах бумаги в шкафах[277].

На игры детей, конечно же, накладывали отпечаток заботы родителей, носившие преимущественно политический характер. Так, к концу Крымской войны (1856–1857) относится игра «Мопсополь», в которую будущий Александр III играл со своим старшим братом Никсой. Собственно, игра представляла серию рисунков выдуманного города под названием Мопсополь, в котором жили мопсы. Многие из этих мопсов были очень похожи на политических деятелей того времени. Видимо, взрослые часто упоминали при детях в своих разговорах этих людей. Александр III сохранил этот альбом как память о детстве и спустя многие годы показывал его своей маленькой дочери Ольге[278].

Один из друзей сыновей Александра III, описывая игровую комнату маленьких великих князей середины 1870-х гг. в Аничковом дворце, вспоминал: «Игровая комната великих князей волшебная. Во-первых, по полу идет железная дорога, маленькая, но настоящая, с тремя классами вагонов, стоят полки́ солдат с киверами, с касками, казаки в шапках, а вот лошади с гривами, верблюды с горбами, а вот Петрушка, вот медведь, вот Иван-дурак в клетчатых брюках, барабан, ружья в козлах, трубка с кисточкой, гора песку»[279].

Когда будущий Николай II подрос, он стал принимать участие в различных представительских мероприятиях со своим отцом Александром III. При этом подарки для подростка соответствовали его официальному положению и чину. В ноябре 1881 г. 12-летнему Николаю Александровичу была поднесена детская казачья шашка образца 1881 г. (общая длина — 76,5 мм, длина клинка — 67 см, резной вензель с буквами «НА» под императорской короной) по случаю его назначения атаманом казачьих войск России. Для таких предметов существовало обязательное требование — подарок должен был во всем соответствовать стандартному образцу за исключением размеров[280]. Когда наследнику исполнилось 20 лет, ему был поднесен последний «подростковый» подарок — детская казачья

винтовка Бердана № 2 (без спусковой скобы и с уменьшенным стволом, состояла на вооружении с 1870 по 1891 г., общая длина — 82 см). Винтовка была подарена цесаревичу 22 сентября 1888 г. в Екатеринодаре во время его визита (вместе с отцом) в земли Кубанского казачьего войска и оказалась детской потому, что визит этот предполагался много раньше, она изготавливалась «под подростка»[281].

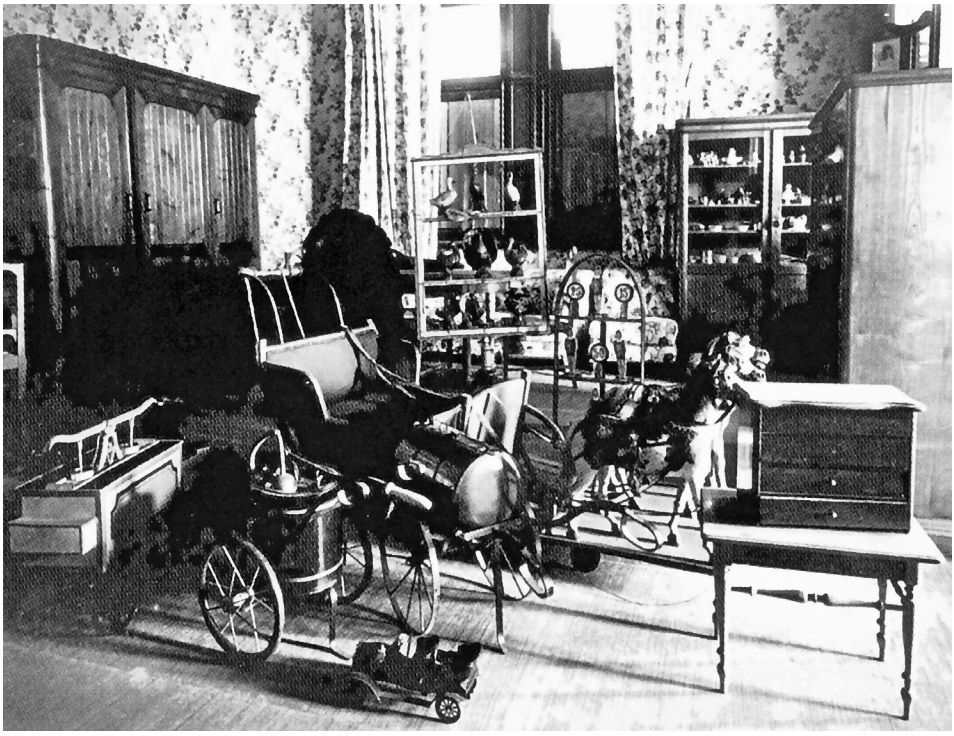
Со временем у самого Николая II появились дети, которым также начали дарить игрушки. Некоторые из них преподносились даже на государственном уровне. Например, во время первого официального визита Николая II и Александры Федоровны во Францию в 1896 г. хозяева не забыли и годовалую великую княжну Ольгу Николаевну, которую родители взяли с собой в поездку. Малышке от лица президента Французской республики был подарен «на вырост» сундук для кукольного приданого и игрушечный набор[282].

Дети очень редко могли выбрать сами себе что-нибудь по вкусу. Такая возможность у дочерей Николая II появлялась либо в Ялте, либо за границей. Няня-англичанка упоминала, как в 1900 г. в Дармштадте она зашла с 5-летней великой княжной Ольгой Николаевной в детский магазин. Ольга долго выбирала и наконец попросила купить ей самую маленькую игрушку. Когда ей предложили выбрать что-нибудь еще, она отказалась, заявив, что остальные красивые игрушки купят другие девочки.

Большая часть игрушек оказывалась в комнатах царских детей путем дарения. Бывало, что детям делали подарки простолюдины. Так, «простолюдин» Г. Е. Распутин в 1913 г. преподнес цесаревичу Алексею набор: шашку в ножнах, портупею и газыри. Подарок был очень дорогой, поскольку оружие изготовили знаменитые мастера дагестанского села Кубачи.

По мере того как росли дети, комнаты во всех императорских резиденциях Николая II переоборудовались. При этом цесаревичу Алексею по статусу была выделена отдельная игровая комната.

Сохранилось несколько фотографий и описание игровой комнаты цесаревича Алексея в Александровском дворце Царского Села. Большая угловая комната на втором этаже дворца была буквально забита игрушками.

Дневная детская комната цесаревича Алексея на Нижней даче

В одном из углов комнаты имелось возвышение — эстрада. Там был устроен уголок из детской и игрушечной мебели. Из этого множества игрушек следует упомянуть золоченый стул с музыкальным ящиком. Музыка начинала звучать, когда ребенок садился на стул. У эстрады располагалась стойка с детскими ружьями. Там же хранилась настоящая ручная граната системы Лишина, присланная наследнику с фронта в 1916 г. В игровой были доспехи средневекового рыцаря, индейское снаряжение — две пироги, луки, головной убор и вигвам. Множество моделей было расставлено вдоль стен: четырехтрубного миноносца, госпитального фургона, пулемета и пушки. Под потолком крепились модели самолетов. Особенно интересна большая собака

из белого шерстяного плюша с рыжими ушами и на колесах с механизмом, подарок наследнику от кайзера Германской империи Вильгельма II. Были в этой комнате и игрушки с политическим подтекстом. Один из клоунов-паяцев имел лицо известного германского революционера Бебеля.

При подборе игрушек в детские комнаты цесаревича учитывалось и местоположение резиденции. Так, в Ливадийском дворце на морском побережье Крыма у цесаревича Алексея в собственной игровой преобладала морская тематика. Там хранилась целая флотилия подводных лодок и военных кораблей. Разноцветные сигнальные флажки знакомили наследника с морской азбукой.

У каждого из детей постепенно формировалась собственная библиотека. Книги отмечались личными экслибрисами, которые были выполнены художником и хранителем отдела драгоценностей Императорского Эрмитажа бароном А. Е. Фелькерзамом[283].

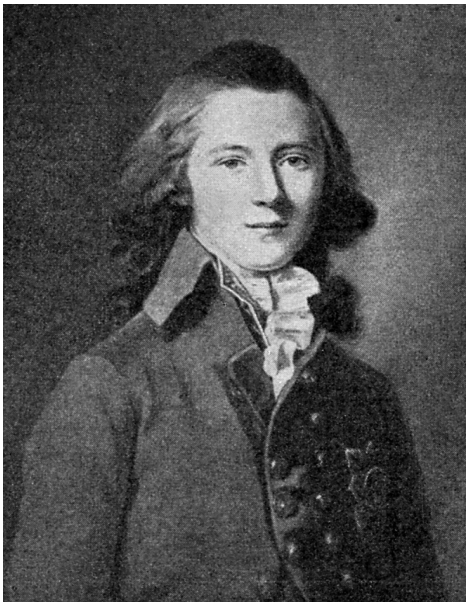
Образование императорских детей

Не всех российских императоров можно было включить в интеллектуальную элиту своего времени, но то, что они получали достойное образование на уровне своей эпохи, — бесспорно. Родители, конечно, могли себе позволить пригласить лучших преподавателей и методистов, которые и выстраивали образовательный процесс.

Особенности домашнего образования Александра I

Все, без исключения, российские императоры и великие князья получили домашнее образование. Это было нормой для золотого века русского дворянства XVIII — первой половины XIX ст. Во второй половине XIX в., когда разночинцы, выходцы из купеческих и буржуазных семейств, пошли в университеты, вынашивались планы получения там же высшего образования великими князьями. Однако мечтам этим сбыться оказалось не суждено, и вплоть до 1917 г. молодая поросль Романовых продолжала получать высшее образование в домашних условиях. Конечно, лекции принцам и принцессам

читали лучшие университетские профессора. Лишь некоторые из представителей последнего поколения Романовых накануне Первой мировой войны позволили себе посещение такого привилегированного учебного заведения, как училище правоведения. Первым из них был сын великого князя Константина Константиновича Романова — Олег Константинович.

Великий князь Александр Павлович

На протяжении XIX в. сложились свои традиции в домашнем образовательном процессе, проходившем в императорских резиденциях. Изначально, до XVIII в., образование российских монархов носило фрагментарный характер или было венцом собственных усилий. Начиная с внуков Екатерины II, домашнее обучение великих князей обрело систему, что явилось результатом новаций, привнесенных И. И. Бецким. Реализовывали эти новации в Зимнем дворце различные преподаватели, но самой заметной фигурой среди педагогов Александра Павловича стал швейцарец Фридрих Цезарь Лагарп.

Поначалу Лагарп, которого воспитанники называли Петром Ивановичем, преподавал французский язык. Позже он стал вести всеобщую историю, арифметику, географию, философию, законоведение. Со временем Лагарп превратился для Александра не столько в авторитетного наставника, сколько в старшего товарища. Педагогическая деятельность Лагарпа при императорском дворе охватывает отрезок времени в десять лет, с 1784 по 1794 г. Добрую память о своем учителе Александр I пронес через всю жизнь. В 1814 г. Александр I произвел Лагарпа в генерал-лейтенанты, наградив при этом высшим орденом империи — Андрея Первозванного.

Другие учителя не оставили столь заметного следа в душе Александра I, но все они, безусловно, являлись профессионалами. Коллегами Лагарпа были профессор физики Крафт, знаменитый академик Паллас, читавший ботанику, и математик Массон. Русский язык преподавал известный писатель и моралист М. Н. Муравьев, а Закон Божий — протоиерей А. А. Самборский. Координировал образовательный процесс главный воспитатель великих князей граф Н. И. Салтыков.

Протоиерей А. А. Самборский

Сроки завершения образования определялись не только возрастом, но и политическими соображениями. Так, для Александра I образование завершилось достаточно рано — в 16 лет, и это было связанно с ранней женитьбой великого князя на 14-летней принцессе Луизе Баденской, в православии великой княгине Елизавете Алексеевне.

Домашнее образование Николая и Михаила Павловичей

Иначе получали образование младшие братья Александра I — великие князья Николай и Михаил Павловичи. Это было обусловлено не столько большой разницей в возрасте между старшими и младшими братьями, сколько тем, что в начале XIX в. в образовательной практике отказались от гуманистических идей И. И. Бецкого и вернулись к универсальному методу — насилию. Как уже упоминалось выше, насилие как методу полностью

Император Павел Петрович и его семейство

признавали и поддерживали родители мальчиков — император Павел I и императрица Мария Федоровна.

Образовательный процесс для великого князя Николая Павловича начался в 1802 г., то есть по достижении им 6 лет, с «легких» уроков. Первой регулярной учебной дисциплиной стали уроки танцев. Занятия шли довольно успешно, и уже в 1803 г. 7-летний Николай танцевал с сестрой Анной сочиненный ею небольшой балет[284]. Уроки танцев великим князьям давал французский балетмейстер Лепик, а с 1807 г. — Гуар. В это же время с мальчиками начали заниматься музыкой (англичанин пианист Теппер фон Фергюссон) и верховой ездой. Позже в расписании появились уроки гимнастики и фехтования.

Постепенно число уроков увеличивалось. Именным указом 14 января 1802 г. генерал-майору И. И. Ахвердову было поручено преподавать великим князьям русскую словесность, историю, географию и статистику. Однако регулярные занятия начались только с 1804 г., причем новые дисциплины вводились постепенно: с 1804 г. — русская история, география и арифметика, с 1806 г. — геометрия и с 1808 г. — алгебра. С 1807 г. великим князьям начали преподавать физику.

Генерал Иван Исаевич Ахвердов, который вел пять предметов, имел серьезный педагогический опыт, поскольку двенадцать лет (1764–1776) преподавал в Шляхетском кадетском корпусе. При этом своего воспитанника он знал еще с октября 1799 г., когда его определили «кавалером при воспитании великих князей Николая и Михаила Павловичей». Надо заметить, что педагогическая деятельность при императорском дворе приносила весомые служебные дивиденды. На первом экзамене 22 мая 1806 г. император Александр I, довольный успехами своих августейших братьев, выразил наставнику «свою признательность и особенное благоволение» и пожаловал Ахвердову «при милостивом рескрипте» орден Святой Анны I степени, а 12 октября 1807 г. произвел его в чин генерал-лейтенанта.

К перечисленным выше урокам мальчики относились по-разному. Одни нравились им меньше, другие — больше. Однако самые большие трудности у Николая Павловича наблюдались с древними языками[285]. С русским (П. А. Ушаков) и новыми иностранными языками[286] особых проблем не было, тем более что их вели носители, кроме того, часть предметов (всеобщая история и география) читались на французском языке швейцарцем бароном Дю-Пюже.

С 1802 по 1809 г. великие князья Николай и Михаил занимались по программе начального и среднего образования начала XIX в. С 1809 г. 13-летнего Николая Павловича стали обучать по университетской программе. Такое форсирование не было случайным, поскольку именно тогда старшие братья Александр I и Константин Павлович впервые задумались о возможной передаче власти именно в руки третьего сына Павла I. С этого

момента получение добротного образования великим князем Николаем стало важнейшей государственной задачей.

Именно в то же время семья Романовых начала прикидывать возможность дальнейшего обучения великих князей Николая и Михаила в стенах государственного учебного заведения. Этот вариант рассматривался в период, когда при дворе еще чувствовалось влияние отца русского либерализма М. М. Сперанского. Сначала возникла идея отправить царских отпрысков в один из германских университетов, однако от нее скоро отказались, поскольку политическая ситуация в Европе быстро осложнялась. Затем было решено создать элитарное учебное заведение, своеобразный университет для великих князей, в котором наряду с ними учились бы представители высшей российской аристократии. Императрица Мария Федоровна отнеслась к этому решению благожелательно. Идея начала воплощаться в жизнь на уровне документов, и, не без влияния Марии Федоровны, из проектируемого Царскосельского лицея было изгнано всё, имеющее какое-либо отношение к военному делу. Однако Александр I решительно воспротивился этому проекту, поскольку посчитал совершенным абсурдом воспитание великих князей в общественном учебном заведении. В результате великие князья продолжили свое домашнее образование. Но при этом идея элитарного учебного заведения не умерла, а воплотилась в знаменитый Царскосельский лицей, открытый 19 октября 1811 г.[287]

Образование Николая Павловича по университетской программе продолжалось с 1809 по 1814 г. Из преподавателей этого периода можно упомянуть И. И. Ахвердова (русская история), Дю-Пюже (всеобщая история), академика А. К. Шторха (политическая экономия), М. А. Балугьянского (история права), профессора Педагогического института В. Г. Кукольника (римское, гражданское и естественное право).

Особую роль в образовании будущего Николая I сыграли преподаватели 1-го Кадетского корпуса: академик В. Л. Крафт (математика, физика и инженерное искусство), генерал К. И. Опперман (тактика), полковник Маркевич (артиллерия) и полковник Джанотти (инженерное дело)[288]. Следует отметить, что Николай Павлович, повзрослев, позиционировал себя

именно в качестве военного инженера, говоря о себе: «Мы, инженеры». Это был первый и, пожалуй, единственный российский самодержец XIX в., который мог сказать о себе так с полным на то правом. Остальные монархи имели универсальное гуманитарно-юридическое образование.

Теоретические занятия по военным дисциплинам обязательно дополнялись практическими. В 14 лет Николай Павлович вместе с младшим братом великим князем Михаилом были зачислены в сформированную из пажей в 1810 г. лейб-гвардии Дворянскую роту потешного характера. Как следует из названия, рота была создана специально под великих князей. В ней Николай исполнял обязанности командира полувзвода и ротного адъютанта, носил чин штабс-капитана и именовался Романов 3-й (первым был Александр I, вторым — великий князь Константин Павлович). Его рано увлекла внешняя сторона военной службы: караулы, придворные церемонии, особенности формы. Впоследствии он не раз называл себя ротным командиром, а отношения с людьми строил на началах военной дисциплины. Это далеко не всем нравилось, и Николай Павлович поначалу не был популярен в гвардии.

Насколько эффективна была система образования великих князей? Как сам император Николай I впоследствии оценивал уровень собственного образования?

Следует признать, что, несмотря на достаточно высокий для своего времени уровень преподавателей, эффективность учебного процесса оказалась довольно низкой. Схоластическая метода преподавания, основанная на бездумном зазубривании материала, была характерна и общепринята для всей системы военно-учебных заведений того времени.

На усвоении материала сказывался и непростой характер великого князя. Гуманитарные науки мало интересовали Николая Павловича, пожалуй, за исключением истории. Особенно ненавистны были древние языки — латынь и греческий. Юридические науки не сцеплялись с повседневной реальностью и также отторгались великим князем. Николай I, вспоминая свое ученичество, не раз говорил, что «на уроках этих господ мы или дремали, или рисовали какой-нибудь вздор, иногда их собственные карикатурные

портреты, а потом к экзаменам выучивали кое-что в долбежку. Без плода и пользы для будущего»[289].

С другой стороны, будущего императора с детства привлекали прикладные науки. Он охотно занимался физикой. Прекрасно рисовал и гравировал на меди. С увлечением постигал военные науки. Однако в целом научное образование великого князя было поставлено слабо, и он сам называл его «бедным».

Обучение продолжалось двенадцать лет, с 1802 по 1814 г. Учителя, занимавшиеся с Николаем Павловичем, оставили очень слабый след в его сознании. Став взрослым, он часто ощущал пробелы в полученном образовании, и это вызывало у него искреннюю досаду на учителей и потерянное время.

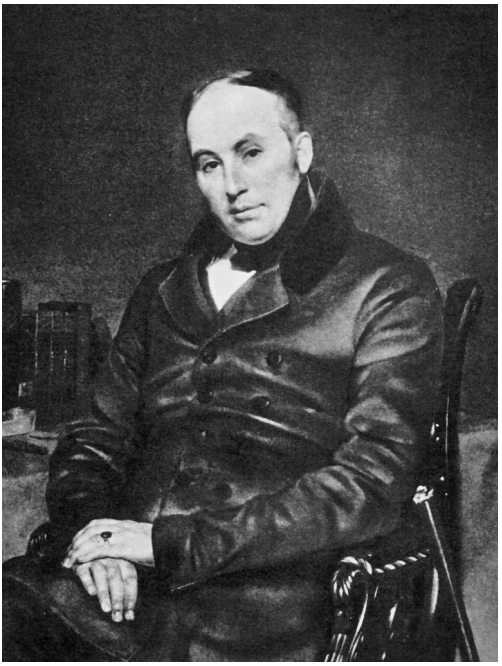
Образование великого князя было завершено в 1814 г., хотя некая шлифовка знаний продолжалась фактически до женитьбы. В 1814 г. Николай отправился в побежденную наполеоновскую Европу. В 1816 г. предпринял путешествие по России с образовательной целью. В 1817 г., в возрасте 24 лет, Николай Павлович женился, и с этого времени началась его взрослая жизнь.

Образовательные новации в обучении детей и внуков Николая I

Собственный печальный опыт Николая I и понимание того, что его сын должен стать преемником, заставили императора крайне серьезно отнестись к организации учебного процесса — как к самой образовательной программе, так и к подбору преподавательских кадров.

Прежде всего стоит отметить, что «солдафон» Николай I в качестве методиста, отвечавшего за образовательный процесс, с правом определения программы и подбора кадров назначил поэта В. А. Жуковского. Безусловно, это был прорыв для того времени. Однако традиция оставалась традицией, и «по образцу прежних лет» главным воспитателем к наследнику-цесаревичу был назначен генерал П. П. Ушаков.

Общеизвестно, что В. А. Жуковский потратил на составление «Плана учения» для наследника около полугода, закончив его к осени 1826 г. В плане весь период обучения будущего императора разделялся на три периода. Первый, с 8 до 13 лет, предполагал «приготовительное учение», то есть изучение общеобразовательных дисциплин. Второй период, с 13 до 18 лет, предусматривал «учение подробное», и третий период, с 18 до 20 лет, — «учение применительное». Николай I утвердил план, представленный В. А. Жуковским. Он внес только одну поправку, исключив из образовательной программы латинский язык.

В. А. Жуковский

Личным решением Николай Павлович изменил и систему военной подготовки всех своих сыновей. Вместо создания потешной роты под цесаревича, он приказал зачислить в июне 1827 г. 9-летнего великого князя Александра Николаевича в списки кадетов 1-го Кадетского корпуса, отложив начало практического обучения сына в Петергофских лагерях на два года.

Все время цесаревича было расписано буквально по минутам, как учебные, так и не учебные часы. Летние каникулы продолжались полтора месяца, с середины июня по 1 августа. Причем эти «каникулы» цесаревич проводил в Петергофских лагерях с кадетами. В. А. Жуковский, борясь с фамильной чертой Романовых, предложил военную подготовку мальчика ограничить только этим временем. Впервые в Петергофские лагеря вместе

с кадетами наследник вышел из Петербурга в 1829 г., в возрасте 11 лет. Вышел в буквальном смысле в одном строю с кадетами. Позже военные лагеря дополнили изучением ружейных приемов в залах Зимнего дворца.

В дальнейшем, в 1860–1870-х гг., уже у сыновей Александра II каникулы приобрели несколько размытый характер. Поскольку учебный процесс часто прерывался представительскими обязанностями и поездками, то у детей учеба стала идти фактически без перерывов, в течение целого года. Занятия полностью прекращались при поездках за границу или в Крым. Однако перерыв в занятиях компенсировался широкой гуманитарной программой поездок. Дети активно посещали галереи, музеи, осматривали различные достопримечательности[290].

Обычно В. А. Жуковскому приписывают главные заслуги в прекрасном образовании Александра II. Роль В. А. Жуковского была действительно велика, однако не настолько. Сами царственные воспитанники впоследствии весьма критически оценивали педагогические способности поэта, да и конкретные методические новации носили достаточно спорный характер. Поэтому правильнее считать главной заслугой В. А. Жуковского тот факт, что он изменил образовательную концепцию, а честь ее практического воплощения, с существенными коррективами, принадлежит капитану К. К. Мердеру и главному воспитателю генералу П. П. Ушакову.

Одна из дочерей Николая I писала о Жуковском: «На его долю выпала незаслуженная слава составления плана воспитания наследника престола… я склонна признать за ним красоту чистой души, воображение поэта, человеколюбивые чувства и трогательную веру. Но в детях он ничего не понимал»[291]. По ее же свидетельству, при выборе учителей больше следовали советам пастора Мульрата, возглавлявшего лучшее частное учебное заведение Петербурга: «Благодаря прекрасным преподавателям и Мердеру с его практическим умом влияние Жуковского не принесло вреда»[292].

Императрица Александра Федоровна, хорошо зная В. А. Жуковского, писала ему о воплощении его методы на практике. Так, в августе 1826 г. она сообщала поэту, что «занятия идут хорошо; г. Жилль мне понравился с первого взгляда. В Царском Селе я иногда присутствовала на уроках»[293].

В августе 1827 г.: «…он целый день играл в саду с двадцатью кадетами, выбранными за хорошее поведение и умеющими прилично держать себя»[294]. В феврале 1833 г. сообщала, что «наш чудный Мердер скоро покинет нас; вы чувствуете, какое это будет горе для вашего Александра и для всех нас. Сашей очень довольны, он готовится к экзамену перед своим отцом… Не забывайте меня, пишите мне и берегите себя, мой милый Жуковский, так как вы очень нужны»[295].

Поскольку физические наказания по отношению к цесаревичу были исключены, воспитатели пытались повышать его мотивацию к занятиям самыми разнообразными методами. Во-первых, для цесаревича подобрали двух ровесников, которые призваны были пробудить дух конкуренции и соревновательности. Во-вторых, Николай I внимательно следил за успехами сына и, как правило, присутствовал на всех экзаменах. Он даже как-то высказал намерение самому читать сыну курс российской истории: «Учителем русской истории был Арсеньев. Император ему сказал: «До Петра — вы, а с Петра — я»[296]. В-третьих, использовались различные педагогические игры. Так, для оценки знаний цесаревича были изготовлены деревянные шары и ящик. За хороший ответ в ящик опускался белый шар, за плохой — черный. В конце недели подводились итоги. Тот, у кого оказывалось больше белых шаров, получал право истратить определенную сумму на благотворительность[297].

Следует учитывать и специфику получения образования в самой императорской резиденции. Это была не чистая учеба, поскольку она тесно переплеталась с придворными церемониями и обязанностями. В подобных торжествах наследник начал принимать участие с 11 лет. Во время больших и малых выходов цесаревич обычно шел в паре со своим дядей — великим князем Михаилом Павловичем.

Например, 6 января 1829 г., в день традиционного водосвятия, наследника подняли в 6 часов утра. До 7 часов он приводил себя в порядок и завтракал. С 7 до 8 часов утра читал избранные места из Евангелия, относящиеся к празднику водосвятия. Затем с 8 до 9 часов цесаревичу было предоставлено личное время, а в 9 часов утра великий князь надел офицерский

мундир лейб-гвардии Павловского полка и отправился к отцу, Николаю I, с которым прошел в парадные залы дворца, где уже были выстроены гренадерские взводы от всех батальонов гвардейских полков. Николай I, проходя мимо Павловского взвода, приказал 11-летнему великому князю встать «во фронт», на место поручика. После церемонии Николай I поручил цесаревичу угостить всех нижних чинов чаем[298]. Это тоже были уроки «по профессии».

Будние дни проходили, как правило, следующим образом. Цесаревич Александр Николаевич и его товарищи-ровесники граф Иосиф Вильегорский и Александр Паткуль, которых поселили в Зимнем дворце, поднимались в 6 утра. Затем они завтракали, молились и готовились к урокам. Уроки, или, как тогда говорили, классы, начинались в 7 утра и продолжались до 12 часов. Для мальчиков была предусмотрена большая перемена (с 9 до 10 часов утра) для отдыха. После 12 часов два часа выделялось на прогулку. С 14 до 15 часов дети обедали. Затем до 17 часов играли, гуляли и отдыхали. С 17 часов до 19 вечера вновь были классы. С 19 до 20 вечера мальчики занимались гимнастикой и различными играми. В 20 часов они ужинали. Два часа выделялись на личные нужды, причем в это время входило обязательное писание дневника. В 22 часа — отбой. В воскресные и праздничные дни вместо уроков оставались гимнастика, игры, чтение и ручная работа.

Учебные занятия по плану В. А. Жуковского начались осенью 1826 г. Постепенно сложился костяк преподавателей-предметников, занимавшихся с детьми. Всеобщую историю и французский язык вел женевский швейцарец мосье Жиль[299]. Как вспоминала Ольга Николаевна, говорил он не слишком понятно, зато писал очень отчетливым и ясным языком и «требовал от нас, чтобы мы записывали его лекции, чем приучил нас к быстрому писанию»[300]. По окончании курса наук Николай I назначил его заведующим библиотекой и хранителем арсенала в Царском Селе. Немецкий язык вел секретарь императрицы Александры Федоровны — Шамбо[301], английский — Альфри.

Арифметику преподавал академик Коллинс. Затем ему на смену пришел профессор Академии наук Ленц, который вел физику и в котором «соединились большие знания и добродушие». Видимо, в отличие от преподавателя истории Коллинс и Ленц смогли заинтересовать и учеников, и учениц

своими предметами. По крайней мере, Ольга Николаевна упоминала, что «была страстно увлечена химией и следила с большим интересом за опытами, которые производил некто Кеммерер, его помощник. Он показывал нам первые опыты электрической телеграфии, изобретателем которой был Якоби». Более того, «уже в то время мы получили понятие о подводных снарядах, впоследствии торпедах»[302].

Вскоре помощником К. К. Мердера был назначен его товарищ по 1-му Кадетскому корпусу капитан Юрьевич, который преподавал польский язык, выполнял репетиторские обязанности по арифметике и организовывал гимнастические игры внутри Зимнего дворца. Сам В. А. Жуковский преподавал русский язык, общую грамматику, основы физики и химии. В последующие годы состав учителей менялся мало. Например, учителя немецкого языка Шамбо заменил Эртель.

После двух лет учебы, в июле 1828 г. были проведены первые полугодовые экзамены, которые продолжались четыре дня. Эти экзамены носили домашний характер, и их принимали сами учителя. Однако на них пожелала присутствовать бабушка — вдовствующая императрица Мария Федоровна. В целом, все остались довольны. Все учителя отмечали хорошую наследственную память цесаревича. После сдачи экзаменов на протяжении целых шести недель были каникулы. В это лето наследник научился хорошо стрелять и плавать.

В конце января 1829 г. прошли первые годичные экзамены. Поскольку экзамены сдавались по всем предметам, процедура заняла целых десять дней (с 24 января по 2 февраля). На них уже присутствовали родители цесаревича, причем Николай I остался доволен результатами.

В 1829 г. число преподавателей увеличилось, что было связано с расширением программы. В курс обучения цесаревича включили всеобщую историю, которую читал на французском языке преподаватель частного пансиона Липман, а также химию — академик Кеммерер и естественную историю — академик Триниус. Отечественную историю будущему императору стал преподавать В. А. Жуковский, а царским дочерям этот же предмет читал М. М. Тимаев. Ольга Николаевна называла его педантом и сухарем.

Она писала, что он «был единственным нашим преподавателем, который экзаменовал нас и наказывал, заставляя переписывать что-либо, за малейший проступок. Нужно было принести в жертву свою любовь к Отечеству, чтобы учить его уроки»[303].

Кроме этого, среди преподавателей были учителя чистописания — Рейнгольд, фехтования — Сивербрик и танцев — Огюст. Детей продолжали активно развивать физически, шли регулярные уроки фехтования, занятия верховой ездой и гимнастикой. Мальчики совершали пешие прогулки, катались с ледяных гор в саду Аничкова дворца.

В 1830 г. в курс обучения были введены география со статистикой России (преподаватель Арсеньев) и русская словесность (преподаватель Плетнев).

Следует отметить, что работа с царскими детьми была для учителей не только делом профессионального престижа, но и весьма хорошо оплачиваемым занятием. Конечно, все они совмещали преподавание в Зимнем дворце со своей основной работой, но при этом в Зимнем дворце они получали 300 рублей серебром в год, а после окончания курса обретали эту же сумму пожизненно, как пенсию[304]. Причем пенсия шла за каждого из высокорожденных учеников отдельно. Например, преподавателю русской истории М. М. Тимаеву за занятия с великой княжной Марией Николаевной пожаловали пенсию в 1000 рублей, и такая же пенсия была положена ему по прекращении занятий с великой княжной Ольгой Николаевной.

В 1831 г. образовательный курс не претерпел изменений в отличие от организации досуга: кроме первых охот на зайцев и уток началось издание рукописного журнала «Муравейник». Этот бесцензурный журнал издавал цесаревич со своими товарищами.

Те же самые преподаватели занимались в 1840-х гг. со вторым сыном Николая I — великим князем Константином Николаевичем. Второй сын был порфирородным, то есть родившимся в то время, когда его отец уже стал императором. Мальчик отличался способностями и непомерным честолюбием. Барон М. А. Корф читал Константину право. В 1844 г. в присутствии родителей для Константина были проведены экзамены, «продолжавшиеся

несколько недель сряду», на которых по сложившейся традиции присутствовали Николай I и Александра Федоровна[305].

В 1830-х гг. по несколько облегченной программе преподаватели занимались и с тремя дочерьми Николая I. Ольга Николаевна упоминала, как в 1835 г., во время поездки в экипаже, «пока Мама́ читала», она зубрила «исторические даты по картинкам Жуковского»[306]. За ее обучением еще в 1837 г. внимательно следила воспитательница Анна Алексеевна Окулова. Девочке торопились дать базовый образовательный курс, поскольку предполагалось, что она выйдет замуж в 16 лет[307].

Николай I, организуя подобным образом обучение детей, рассчитывал, что его личный пример подвигнет и российских аристократов применить подобные методики. Главной же целью образования и воспитания своих отпрысков он видел их готовность честно служить России. В письме к своему постоянному корреспонденту И. Ф. Паскевичу Николай I в июле 1836 г. писал: «Сегодня отправляю сына Константина с флотом в море на 15 дней; и хотя ему только еще девять лет, но нужно для подобного ремесла начинать с самых юных лет; хотя и тяжело нам, но до́лжно дать другим пример»[308].

Во второй половине 1840-х гг. уже дети цесаревича Александра Николаевича один за другим стали усаживаться «за парты». Кроме того, появились малыши и у старшей дочери Николая I — великой княгини Марии Николаевны. Семья разрасталась. Николай I, подготавливая место для занятий детей, в 1842 г. распорядился пристроить к восточному фасаду Коттеджа так называемый учебный балкон[309], где его младшие дети и внуки могли бы готовить уроки. Позже, в 1879 г. потолок этого балкона затянули полосатой материей, а стены расписали «под ткань», чтобы облик помещения напоминал шатер[310].

Старшего внука Николая I — Никсу усадили «за парту» в мае 1846 г., когда мальчику шел только третий год. На многие годы первой учительницей для детей Александра II стала вдова ярославского помещика Вера Николаевна Скрыпицына. У нее был богатый педагогический опыт, поскольку она являлась инспектрисой Воспитательного общества благородных девиц. Ее

задачей являлось обучение детей Александра II первоначальным молитвам, грамоте и начальному счету[311]. Вторым учителем Николая и Александра стал приставленный осенью 1848 г. «в комнаты» унтер-офицер лейб-гвардии Семеновского полка Тимофей Хренов. Военный дядька[312] положил начало соответствующей подготовке внуков Николая I, обучая их «фронту», маршировке и ружейным приемам[313]. Эта подготовка мальчиков должна была вестись по программе кадетских корпусов. В дальнейшем Тимофей Хренов так и остался при дворце, последовательно обучая «фронту» всех сыновей Александра II. Когда он состарился, его оставили на положении камердинера.

Собственно обучение старших сыновей Александра II началось в 1850 г., когда Никсе шел восьмой год, а Александру исполнилось шесть лет. Мальчики учились вместе. К этому времени Никса благодаря усилиям В. Н. Скрыпицыной уже умел читать и писать. Летом 1850 г. цесаревич Александр Николаевич получил первое письмо от Никсы, которому еще не исполнилось семи лет[314].

В 1850 г. кроме занятий со Срыпицыной и Хреновым у Никсы и Александра появились новые учебные предметы: гимнастика (Август Линден, преподаватель Горного института, жалование за каждого ученика по 250 рублей в год); танцы (танцовщик Огюст, по 144 рубля за каждого ученика, и музыкант при танцовщике, по 40 рублей в год) и верховая езда (г. Барш, по 85 рублей за каждого из братьев)[315].

У подраставших детей постепенно складывался свой распорядок дня. Летом 1852 г., когда дети вместе с матерью — цесаревной Марией Александровной находились на отдыхе в Ревеле, оно было следующим.

В 7 часов дети вставали и шли купаться. Домой возвращались пешком и пили чай. Вообще, подъем детей в 6–7 утра был прочной традицией в доме Романовых. Купались они в Балтийском море, «здоровья ради», но, конечно, купание ранним утром в холодном море вряд ли могло вызвать особый восторг у детей. С 8.30 до 11 часов три дня в неделю протоиерей Рождественский проводил с ними уроки Закона Божьего и церковного чтения на славянском языке. В другие три дня дети это время посвящали изучению французского языка (преподаватель Куриар). С 11 до 11.30 дети

завтракали. С 11.30 до 12.30 два раза в неделю под руководством дядьки Хренова мальчики обучались «фронту», ружейным приемам, маршировке, офицерским приемам с саблей и стрельбе в цель. Были у мальчиков и практические занятия. Периодически их вывозили на охоту на воробьев и куликов, и уже в этом возрасте они хорошо стреляли из ружья. С 12.30 до 14 часов ежедневно преподаватель Классовский проводил уроки русского языка. Причем, по его оценке, 7-летний Александр читал и писал «весьма порядочно» по-русски. В 15 часов дети обедали за столом цесаревны Марии Александровны, а после обеда, с 16 часов гуляли в саду. В 17 часов проводились повторные морские купания. Затем следовал вечерний чай, прогулка верхом или в экипажах. Время с 20 до 21 часа дети проводили вместе с матерью, в 21 час они укладывались спать[316].

После возвращения из Ревеля система обучения изменилась. Дети закончили начальное образование и перешли к образованию гимназическому. Осенью 1852 г. начался подбор учителей для гимназического курса, которым занимался ректор Санкт-Петербургского университета профессор П. А. Плетнев. Ведущим преподавателем детей цесаревича Александра Николаевича стал Яков Карлович Грот — заведующий кафедрой русской словесности и истории Финляндского университета, выпускник Александровского Царскосельского лицея, личный секретарь М. А. Корфа. Он вел шесть предметов: русский и церковнославянский языки, историю всеобщую и русскую, географию и немецкий язык. За каждый предмет он получал по 285 рублей в год с каждого великого князя. Это была стандартная высшая педагогическая ставка в то время. Всего он зарабатывал при императорском дворе 3420 рублей в год.

Наряду с Гротом были приглашены и другие учителя: математики, английского языка (лектор университета Шау), чистописания, рисования (академик Тихобразов), музыки (фортепиано), Закона Божьего (Бажанов), французского языка (Куриар), гимнастики, танцев, фехтования и верховой езды. Из предыдущих учителей остались Скрыпицына, которая помогала готовить уроки, и Хренов, по-прежнему обучавший мальчиков ружейным приемам и маршировке.

Любопытно, что должность учителя фехтования у великих князей занимал директор института Корпуса инженеров путей сообщения генерал-майор Сивербрик, единственный из преподавателей отказавшийся от платы за свою работу. Видимо, фехтование было семейным делом, поскольку отец Сивербрика преподавал его еще маленькому Николаю I.

Естественно, новая учебная нагрузка серьезно изменила распорядок дня великих князей. Детей поднимали очень рано — в 6 часов утра. Их учебный день был разбит на две части. На утреннюю часть (4,5 часа) приходились более трудные уроки, на вечернюю (1,5 часа) — полегче. Соответственно ежедневно на уроки отводилось шесть астрономических часов. Кроме того, было запланировано время на подготовку уроков, всего три часа, из которых час давался утром и два часа вечером. Таким образом, учебному процессу в день посвящалось девять часов, несмотря на то что сентябре в 1852 г. Никсе исполнилось девять лет, а Александру шел восьмой год.

Конечно же, у детей остались каникулы. Маленькие — на Рождество и большие — летом, в июле — августе, целых шесть недель. Как правило, их проводили в Петергофе, где в это время обычно жила царская семья. В декабре 1852 г. Никса и Александр впервые сдавали экзамены по всем предметам, которые они проходили с сентября. Потом эти экзамены стали проводиться ежегодно. Интересно, что хорошая учеба способствовала «карьерному росту» маленьких великих князей. В декабре 1855 г., после блестяще сданного экзамена по географии, великого князя Александра Александровича произвели в поручики «за успехи в науках» и в десять лет зачислили в Конную гвардию.

По семейной традиции, сложившейся еще во времена ученичества Александра I, учебная программа предусматривала уроки труда. Осенью 1852 г., пока семья жила в Царском Селе, мальчики рисовали на пленэре, столярничали, возделывали каждый свой огород, учились точить на станке[317].

Весной 1854 г. третьему сыну Александра II великому князю Владимиру минуло семь лет, и он, как и старшие братья, стал «ходить в школу». Работали с ним те же учителя, что и у старших братьев, и по той же программе.

Важной особенностью домашнего образования в Зимнем дворце являлось то, что занятия с каждым из мальчиков шли отдельно, или, в крайнем

случае, в классе присутствовали два ученика, и в такой ситуации тихонько отсидеться на уроке не представлялось возможным. Домашние задания им задавали каждый день, как и спрашивали потом тоже. Взаимоотношения учеников и учителей предполагали, что те и другие обращались друг к другу по имени-отчеству. Учителям сразу же было запрещено называть мальчиков «высочествами», зато разрешалось строго спрашивать с них и ставить им самые жесткие оценки. Более того, родители просили учителей не баловать мальчиков, а обходиться с ними построже[318].

Царский огород в Царском Селе

Несмотря на то что учителя получали очень хорошее жалование и в перспективе предполагалась пожизненная пенсия, в начале 1850-х гг. они были отнесены к обслуге. Их положение было совершенно иным по сравнению с тем, которое занимал В. А. Жуковский в 1830-х гг. Например, в отличие от Жуковского учителей только изредка приглашали к императорскому столу.

Иногда на уроки приходили царственные родители. Сейчас трудно сказать, знали на самом деле учителя о предстоящем посещении или нет. Однако этих внезапных появлений, видимо, было не слишком много. Так, осенью 1855 г. императрица Мария Александровна пришла на урок истории. По собственному выбору 10-летний Саша довольно внятно рассказал матери о Троянской войне[319]. Как раз это посещение не было случайным. Дело в том что до февраля 1855 г. окончательные решения по всем вопросам, в том числе и по обучению внуков, принимал император Николай I. В феврале 1855 г. цесаревна превратилась в императрицу и стала сама принимать решения по вопросам, касавшимся обучения ее сыновей. Ей понадобилось

некоторое время, чтобы разобраться в деталях, и уже весной 1856 г. образование ее сыновей было решительно перестроено.

Главное изменение заключалось в том, что образование цесаревича Николая Александровича (Никсы) было отделено от учебного процесса его младших братьев. Как упоминалось выше, старший сын был любимцем матери, императрицы Марии Александровны, и с ним она связывала самые радужные надежды. В результате образовательная стратегия стала следующей: с 1856 г. все лучшие учителя перешли исключительно к наследнику, а младшим сыновьям были предоставлены обычные гимназические учителя-предметники.

Здесь необходимы пояснения. Конечно, Мария Александровна любила всех своих детей. Но при этом она являлась еще и императрицей, которая понимала, что должна обеспечить своему старшему сыну, будущему императору, безусловное лидерство, в том числе интеллектуальное. Она все время имела возможность наблюдать рядом со своим мужем его младшего брата — блестящего и талантливого великого князя Константина Николаевича, которого молва постоянно прочила в императоры. Достаточно широко было распространено мнение, что Константин умнее и лучше подготовлен к правлению. Повторения этой ситуации она и стремилась избежать.

Несмотря на положение Александра II, негласная конкуренция между братьями существовала всегда. В общественном сознании твердо сложилось мнение о существовании так называемой «партии Константина», с которой отчасти связывали покушения на старшего брата. Поэтому Мария Александровна, тщательно занимаясь старшим сыном, «с некоторой ревностью относилась ко второму, словно опасаясь вреда от сравнений при одинаковой подготовке обоих братьев. Вероятно, не без влияния Марии Александровны при дворе сложилось скорее неблагоприятное мнение об Александре Александровиче. Его считали неразвитым, неодаренным, неутонченным, упрямым и непокладистым»[320].

По мере взросления мальчиков их дневное расписание корректировалось. Перечень уроков теперь включал: два урока Закона Божия, два

урока русского, французского, английского и немецкого языков, два урока математики, рисования и верховой езды. По одному часу отводилось на историю, географию, чистописание, фехтование и «фронтовое» учение. Особое внимание уделялось физической подготовке, поскольку на гимнастику выделялось шесть часов в неделю.

Таким образом, с осени 1856 г. классы ежедневно занимали три часа, и примерно столько же мальчики занимались приготовлением уроков. Остальное время отводилось на физические упражнения и прогулки. Обязательно практиковались беседы с носителями языка. Всего вместе набиралось 45 учебных часов в неделю[321].

Кроме этого, императрица Мария Александровна, определяя стратегию высшего образования своих сыновей, и прежде всего старшего, в 1856 г. привлекла авторитетных для нее людей, которые составили альтернативные образовательные проекты.

Один проект разработал министр иностранных дел, выпускник Царскосельского лицея «пушкинского» набора, светлейший князь А. М. Горчаков. По его мнению, великие князья должны были получить универсальное образование университетского типа. Программа Горчакова окончательно закрепила возрастные образовательные стандарты. Первый период обучения (гимназический курс) продолжался с 7 до 16 лет, второй — с 16 до 19 лет (университетский курс) и третий — с 19 до 21 года (курс практический)[322]. Таким образом, на обучение великих князей отводилось 14 лет.

Другой проект был составлен профессором Московского университета историком М. П. Погодиным. По его мнению, в основу образования юношей должна была быть положена национально ориентированная программа, базирующаяся на ценностях славянофилов. Надо заметить, что Погодин очень скептически отзывался об уровне развития великих князей: «Любознательности не было развито ни у кого, русского языка и словесности никто не знал, читать никто не любил. В одном покойном государе[323] было еще более русского элемента, которым он, впрочем, был обязан единственно себе, а не воспитанию. Воспитание развивало в них одни способности военные, и те только в самой нижней их степени»[324].

Из событий, связанных с образованием великих князей в конце 1850-х гг., следует отметить зачисление старших мальчиков в 1-й Кадетский корпус. Великие князья вместе с ровесниками обучались строевой службе в Петергофских кадетских лагерях. У цесаревича появились новые учителя, такие как писатель И. А. Гончаров (8 рублей за урок) и профессор К. Д. Кавелин. Однако известный историк и публицист либерального толка Кавелин, получивший должность преподавателя цесаревича при содействии великой княгини Елены Павловны, не задержался в Зимнем дворце. За всеми преподавателями внимательно приглядывало III Отделение, и по представлению его шефа князя Долгорукова Кавелина убрали от наследника. По мнению князя, такой вольнодумец и крайний радикал, как Кавелин, мог иметь самое вредное влияние на склад и образ мыслей цесаревича. Александр II лично разговаривал с императрицей Марией Александровной, на которую ее славянофильское окружение имело сильное влияние, и настоял на удалении профессора.

В 1857 г. среди преподавателей (с подачи Кавелина) вновь начала обсуждаться возможность получения высшего образования цесаревичем в одном из российских университетов. Более того, были сделаны первые шаги в этом направлении. Весной 1858 г. цесаревич Николай Александрович присутствовал на нескольких лекциях по математике в Пажеском корпусе, где сидел на одной скамейке с пажами[325]. Это была сенсация и первый случай подобного рода. Зафиксировано еще несколько попыток усадить цесаревича за одну парту со студентами. Летом 1861 г., во время поездки по России, Никса присутствовал на лекциях в Казанском университете. При этом для него было приготовлено отдельное кресло около кафедры, однако цесаревич сидел на скамьях, занятых студентами. Предполагалось, что он прослушает ряд лекций и в Московском университете, однако эти планы не осуществились, поскольку осенью 1861 г. по университетам России прокатились студенческие волнения.

В 1859–1860 гг. вокруг цесаревича собрались действительно сильные педагоги. Лекции Закона Божьего читал протоиерей Рождественский (три лекции в неделю). Курс русской истории, рассчитанный на три года, давал

профессор Московского университета С. М. Соловьев (до него этот курс читали Грот и Кавелин). Профессор Ф. И. Буслаев читал курс истории русского слова (до него — Грот, Гончаров и Классовский), рассчитанный на год. При этом за профессорами сохранились кафедры в Московском университете и в Петербурге, где им платили жалование по 3000 рублей в год. Без всякого сомнения, славянофильский элемент в окружении цесаревича появился с подачи влиятельных фрейлин императрицы Марии Александровны — Анны Тютчевой и Антонины Блудовой. Для профессоров, которых привозили в Зимний дворец в каретах, была установлена форма одежды — форменный фрак, при орденах и белом галстуке.

В конце 1860 г. Никса завершил среднее образование, пройдя гимназический курс. Большая часть его преподавателей получила пожизненные пенсии, равные их жалованию, или ценные подарки. Последняя лекция профессора Ф. И. Буслаева состоялась 31 декабря 1860 г.[326]

С начала 1861 г. наследник начал слушать лекции, входившие в курс его высшего образования. Так, профессор С. М. Соловьев возобновил чтение русской истории уже 4 января.

Курс высшего образования для наследника был рассчитан на 3,5 года. Богословие и церковную историю читал протоиерей Рождественский. Философию, с благословения митрополита Московского Филарета, — профессор Московской духовной академии Кудрявцев. Число лекций в день не превышало трех. Остальные часы отводились на повторение пройденного материала. Теоретические занятия дополнялись чтением и фехтованием. Надо заметить, что преподаватели были весьма довольны своим единственным студентом. Никса был действительно талантливым мальчиком, который всё схватывал на лету, обещая в будущем очень многое.

Зато у его младших братьев Александра и Владимира наблюдались реальные проблемы с учебой. Относительно объективный уровень знаний будущего Александра III можно представить по оценкам годового экзамена, который сдавался в июле 1861 г. Оценки выставлялись по привычной для нас пятибалльной системе: математика, география, естественные науки — 4; русский язык — 3; иностранные языки (французский, английский, немец-

кий) — 3; Закон Божий — 3 с минусом. Соответственно средний балл по всем экзаменам (восемь предметов) составил 3,3. 16-летний юноша был действительно крепким троечником.

Такой уровень оценок становится более понятным, если ознакомиться с дневниковыми записями воспитателей великих князей, вызывающими недоумение: образ юноши Александра Александровича совершенно не соотносится с образом Александра III, к которому мы привыкли. Но при этом следует иметь в виду, что в истории дома Романовых такие случаи уже имели место. Так, образ Петра I «московского периода», когда он вел образ жизни золотой молодежи, пьянствуя на «Всепьянейшем соборе», мало соотносится с образом царя-труженика «петербургского периода».

Эти записи относятся ко второй половине 1861 — первой половине 1862 г. Несколько цитат из дневника воспитателя: «Урок от 8–9 из русского был так нехорош, что учитель почти во взбешенном состоянии вышел от него»; «Его заставили писать сравнительную хронологическую таблицу на доске; при этом он жаловался и визжал, как ребенок, что все это трудно и скучно»; «Становится страшно за Александра Александровича, когда подумаешь, что переставление запятой в десятичных дробях представляет ему до сих пор еще трудности непреодолимые. Он не мог одолеть сегодня самого пустого примера десятичных дробей, уверяя, что это для него слишком трудно. Слово *трудно* играет в соображении Александра Александровича весьма важную роль. Он находится в каком-то странном заблуждении, что если заявить трудность предмета, то непременно последует за этим облегчение со стороны преподавателей»; «В половине класса пришел государь, спросил, как идет, и, получив от м-ра Реми очень неудовлетворительный ответ, сделал Александру Александровичу строгий выговор, так что он заплакал, а потом укорял м-ра Реми в том, что он на него жаловался»[327]. Всё вышесказанное относилось к юноше, которому в феврале 1862 г. исполнилось 17 лет.

Интересно, что у юношей продолжались уроки труда. Однако и здесь воспитатель особого восхищения способностями подопечного выказать не мог: «Встали в семь часов. После чаю Александр Александрович хотел точить,

но токарь не пришел, и он не знал, как приняться за дело». Когда воспитатель посоветовал приняться за дело самому, «Александр Александрович сказал, что он не умеет точить, если ему кто-нибудь не вертит колеса; да и установить патрона не может без мастера… Хорошо точенье!»[328]. Вероятно, великих князей специализировали в работе на токарном станке в память страстного увлечения Петра I, который в зрелые годы действительно стал высококлассным токарем.

Позже уроки труда были включены в курс естественных наук. После того как великие князья Сергей и Павел прослушали теоретическую часть, летом 1875 г. в Царском Селе и Петергофе для них был организован практический курс земледелия. Великий князь Сергей Александрович сам проделал весь цикл полевых работ: от распашки земли, посева и до уборки хлеба. Этими занятиями руководил начальник Земледельческой академии[329].

В свободное от учебы время юноши ставили «электрические» опыты. Всё, что было связано с электричеством, в то время вызывало повышенный интерес, и великие князья не остались в стороне от этого научного веяния: «После чаю великие князья пошли ко мне в комнату, где устроили гальваническую батарею; опыты ограничились нагреванием платиновой проволоки и отклонением магнитной стрелки»[330].

Еще раз отметим, что учителями Александра и Владимира были преподаватели гимназий, опытные предметники. И весьма сомнительным является мнение, что профессор, читающий лекции в университете, всегда лучше крепкого предметника из гимназии, через руки которого прошли сотни очень разных учеников. Как правило, все решает умение учителя установить контакт с учеником, а не ученые степени преподавателей. Конечно, преподавателям с великими князьями было работать крайне сложно. Иногда скандалы происходили там, где их и ожидать было нельзя. Так, будущий Александр III отказался на уроке географии отвечать у карты, как этого требовал учитель, предпочитая во время ответа сидеть за столом. И таких ситуаций было довольно много.

Отметки выставлялись педагогами на каждом уроке. Система оценок знаний великих князей была весьма дифференцированной. В середине

1860-х гг. отметки обозначались словами — «отлично», «очень хорошо», «хорошо», «довольно хорошо», «посредственно» и «дурно». Всего шесть позиций. Фактически эта система учитывала те нюансы, которые сегодня в школах неофициально выражаются терминами «с минусом» или «с плюсом». Кроме того, на занятиях по русскому языку отдельно оценивались чтение, письмо, рассказ и внимание[331].

Во время весеннего экзамена 1864 г. великий князь Александр Александрович показал следующие результаты по восьми предметам: популярная астрономия, физика и география — «хорошо»; французский язык — «довольно хорошо», немецкий и французский — «порядочно», «неудовлетворительно» — русский язык и история[332]. Соответственно средний балл будущего императора Александра III, которому на момент экзамена шел 19-й год, составил 3,1.

«Двойки» по русскому языку и истории хотелось бы прокомментировать. Судя по письмам Александра Александровича этого периода, писал он довольно грамотно, хорошим разборчивым почерком. Однако умение четко сформулировать мысль у него выработано еще не было. Например, в письме к князю В. П. Мещерскому в день смерти старшего брата (апрель 1865 г.), которого Александр, без всякого сомнения, очень любил, можно встретить такие строки: «Ужасный день смерти брата и моего единственного друга. Этот день останется для меня лучшим днем моей жизни. Приятно было быть все время у постели умирающего. Я и его невеста стояли все время на коленях у его постели»[333]. Такие формулировки, когда в одном предложении «ужасный день» мирно сосуществует с «лучшим днем», можно объяснить только пережитым волнением…

Что касается «двойки» по истории, то объяснить ее можно как чехардой преподавателей, так и тем, что ее либо читали на французском языке, либо вообще некоторое время не читали. Впоследствии Александр III стал покровительствовать историческим исследованиям, а в Аничковом дворце регулярно собиралось на чтения историческое общество во главе с цесаревичем.

Возвращаясь к наследнику Николаю Александровичу, следует добавить, что в 1864 г. он завершил курс высшего образования. Однако для расши-

рения кругозора цесаревича и дальнейшей подготовки к будущей деятельности были приглашены еще два профессора, читавшие курсы лекций по военной администрации и финансовому праву. По традиции после завершения образования наследник должен был отправиться в длительную поездку по Европе. Николай Александрович уехал из России летом 1864 г. Во время этой поездки он нашел себе невесту — датскую принцессу Дагмар, однако болезнь наследника поставила крест на всех планах императорской семьи. В апреле 1865 г. в Ницце цесаревич Николай скончался с диагнозом «спинномозговой туберкулезный менингит».

Великий князь Николай Александрович и принцесса Дагмар. 1864 г.

После внезапной смерти цесаревича Николая Александровича его место занял второй сын Александра II — великий князь Александр Александрович. Преподаватели, перенеся на нового цесаревича положенный ему по статусу курс наук, ужаснулись его «педагогической запущенности». Как мы знаем, для этого были все основания. Генеральша А. В. Богданович упомянула в 1894 г., со ссылкой на профессора военного дела Эгерштрема, который занимался с покойным

цесаревичем Николаем Александровичем, а затем, по желанию цесаревича, учил его братьев — Александра III и Владимира, что они были «очень ленивы, плохо учились, получали постоянно единицы»[334]. В это время по Петербургу ходило множество анекдотов о новом наследнике. Так, на все попытки засадить его за учебу он, якобы, отвечал следующей фразой: «Зачем мне все это? У меня будут грамотные министры». За Александра III всерьез принялись с весны 1865 г., когда ему шел 21 год, и он уже был обременен многочисленными светскими обязанностями. Поэтому профессорам удалось только «подлатать» некоторые пробелы в его высшем образовании. Осенью 1866 г. цесаревич женился, и его образование на этом было завершено.

Когда в марте 1881 г. цесаревич превратился в Александра III, он привлек к государственной деятельности некоторых из своих педагогов. Наиболее влиятелен в 1880-х гг. был преподаватель права К. П. Победоносцев. К этому времени он уже около двадцати лет читал курс права всем сыновьям Александра II[335], а затем и Александра III. Карьеру К. П. Победоносцев обеспечил себе, конечно, своими выдающимися познаниями в юриспруденции, блестящей эрудицией и жесткой промонархической жизненной позицией. Близость к императорской семье также способствовала развитию его карьеры: в 1865 г. Победоносцев был назначен членом консультации Министерства юстиции, в 1868 г. — сенатором, в 1872 г. — членом Государственного совета, в 1880 г. — обер-прокурором Святейшего синода.

Таким образом, в 1850–1860-х гг. сложилась трехзвенная система образования царских детей, складывавшаяся из начального, среднего[336] и высшего образования. При этом образовательная подготовка каждого ребенка носила сугубо индивидуальный характер, и переход с одной ступени на другую определялся личностными особенностями и способностями детей. Так, пятый сын Александра II — Сергей завершил начальное образование и перешел к среднему в восемь лет и восемь месяцев, хотя по большей части это обычно происходило в 10–11 лет. К этому времени великий князь Сергей Александрович уже не только умел бегло читать по-русски, но и писал под

диктовку. Кроме того, он мог читать и по-церковнославянски. В результате великий князь, которому еще не исполнилось девяти лет, знал три языка и учился четвертому. Поэтому на педагогическом консилиуме было принято решение перейти к «правильному курсу» образования[337].

Обучение детей Александра III

Когда у Александра III появилась семья, то для подросших детей были воспроизведены все сложившиеся со времен Николая I образовательно-воспитательные традиции. Однако об образовании Николая II сведений дошло очень мало. Известно, что осенью 1875 г. для начального обучения Николая и Георгия Александровичей была приглашена Александра Петровна Олленгрэн. Первому тогда было 7 лет, а второму — 5. Она научила мальчиков читать, писать и считать. В 1877 г. на пост воспитателя великих князей Николая и Георгия был назначен опытный военный педагог Григорий Григорьевич Данилович. Именно он подбирал штат преподавателей, которые должны были обеспечить гимназический уровень образования великих князей.

Когда в 1877 г. цесаревич Александр Александрович уехал на войну, он с большой радостью получал письма 9-летнего сына, сообщавшего о своих учебных достижениях. В свою очередь цесаревич считал долгом ответить на каждое письмо мальчика: «Благодарю тебя, мой милый Ники, за твое письмо. Очень рад, что ты хорошо учишься и что тобой довольны»[338].

В целом все было традиционно, но без некоторых новаций не обошлось. Так, при изучении блока естественных наук цесаревичу преподавалась анатомия человека, поэтому в его учебной комнате в Гатчинском дворце появился в качестве пособия человеческий скелет. Об этом немедленно стало известно в свете, и педагогические новации вызвали раздражение у воспитателя Александра III генерала Зиновьева: «Он его готовит в повивальные бабки, что ли?» — говорил он запальчиво и чуть ли не в глаза самому Даниловичу[339].

Обучали детей Александра III и танцам. Этот предмет считался весьма значимым, и ему уделялось большое внимание. Детей учили, по возможности, парами. Так, великая княгиня Ольга Александровна занималась танцами вместе со своим старшим братом Михаилом[340].

Два старших брата, Николай и Георгий, жили вместе. Судя по дошедшим до нас планам второго этажа Арсенального каре Гатчинского дворца и фотографиям, апартаменты мальчиков включали в себя переднюю и спальную комнаты, два рабочих кабинета и общую классную комнату. Всего пять помещений. В классной комнате находились два рабочих стола, карта Российской империи на стене, караульная будка, у которой отрабатывались строевые приемы, и какой-то физический прибор у стены.

О высшем образовании цесаревича Николая мы можем судить по нескольким вариантам расписаний занятий, дошедшим до нас. По расписанию на январь 1887 г. занятия 19-летнего цесаревича начинались в 8.15 утра и заканчивались в 18.30 вечера. Занятия длились по 60 минут. Сетка часов менялась по дням недели.

В понедельник у цесаревича были 4 утренних часовых урока (с 8.15 до 13 часов), с перерывами по 15 минут: фортификация, история, артиллерия, верховая езда. После часового перерыва на обед с 14 часов начиналось приготовление к тактике, и заканчивался день часовым уроком рисования. Всего 5 учебных часов и час подготовки к занятиям.

Во вторник с утра в расписании стояли 2 часовые лекции по истории русской словесности и немецкий язык, затем следовало двухчасовое занятие по тактике. После обеда 2 часа отводились на «приготовление по истории» и «по артиллерии». Всего 4 учебных часа и 2 часа на подготовку уроков на следующий день.

В среду с утра читалась двухчасовая лекция по истории, и по часу отводилось на артиллерию и политическую экономию. После обеда час уходил на подготовку военной истории, и завершался день уроком французского языка. Всего 5 учебных часов и час на подготовку уроков.

В четверг с утра шли часовая лекция по фортификации и двухчасовая по военной истории. Перед обедом час отводился на верховую езду. После

обеда час выделялся на подготовку к лекции по законоведению, и заканчивался день французским языком. Всего 5 учебных часов и час на подготовку занятий.

В пятницу первый учебный час отводился на подготовку по политэкономии, затем двухчасовую лекцию по законоведению читал К. П. Победоносцев, далее следовала часовая лекция по политэкономии, которую читал профессор Н. Х. Бунге. После обеда давался немецкий язык, и завершался день подготовкой к лекции по истории русской словесности. Всего 5 учебных часов и час на подготовку.

В субботу с утра проводились 4 часовых занятия по Закону Божьему, истории русской словесности, тактике и фехтованию. После обеда следовал урок английского языка, и завершался день подготовкой по фортификации. Всего 5 учебных часов и час на подготовку.

Кроме того, были предусмотрены и вечерние занятия музыкой, которые во вторник и субботу продолжались с 18.30 до 19.30, а в среду с 18.30 до 20.00. По пятницам цесаревич с 18.30 до 19.30 занимался танцами. Всё это прибавляло еще 4,5 часа.

Таким образом, цесаревич посвящал учебе 29 часов, 7 часов отводилось на подготовку уроков и 4,5 часа — на вечерние занятия. Следовательно, общая учебная нагрузка цесаревича составляла 40,5 часов в неделю.

Императору давалось широкое образование управленца высшего звена. Такова была его профессия. Поэтому в сетке учебных часов присутствовали политэкономия и законоведение. Профессор Николай Христианович Бунге еще в начале 1860-х гг. читал лекции по политэкономии и статистике цесаревичу Николаю Александровичу, а затем его преемнику Александру III. Когда в 1881 г. его ученик превратился в императора Александра III, тот назначил его на пост министра финансов (1881–1886). Законоведение давал Константин Петрович Победоносцев, который в 1870-х гг. эту же дисциплину читал еще отцу Николая II.

Примечательно, что в расписании цесаревича на курс российской истории выделялись 4 часа в неделю. Это был особый предмет для детей императора. Великая княгиня Ольга Александровна вспоминала: «Русская

история… представлялась как бы частью нашей жизни — чем-то близким и родным, и мы погружались в нее без малейших усилий»[341]. Читал историю России будущему императору профессор Санкт-Петербургского университета Егор Егорович Замысловский, специализировавшийся на проблемах XVI–XVII вв. Впоследствии Николай II не раз поражал своих собеседников знанием деталей российской истории. Когда он принимал в Александровском дворце одного из лидеров думской фракции кадетов Ф. А. Головина, то искренне удивил либерала, спросив, не его ли предок, Федор Головин, был одним из сподвижников Петра Великого. «Далее он заметил, что первый договор русских с Китаем был заключен Головиным, и спросил, как звали того Головина»[342].

Кроме того, в расписании цесаревича стояли четыре военные дисциплины: фортификация, артиллерия, тактика и военная история. Российские императоры внутренне идентифицировали себя с российским офицерством, поскольку за годы учебы проходили основательную военную школу.

В филологический блок расписания наследника входили немецкий (2 часа), английский (1 час), французский (2 часа) языки и история русской словесности (3 часа). К 19 годам на английский язык цесаревичу выделялся всего один час, поскольку он с детства прекрасно говорил по-английски. Блок общего развития включал занятия рисованием, верховой ездой, музыкой и фехтованием.

Таким образом, можно констатировать, что Николай II получил добротное и достаточно гармоничное образование, включавшее в себя не только основы юридического, экономического и гуманитарного образования, но и основательное знание военного дела. Император был образованным и эрудированным человеком, о чем единодушно писали мемуаристы, хорошо его знавшие. Однако при этом учителя весьма слабо представляли себе, насколько прочно ученик усваивает лекционный материал, поскольку на стадии высшего образования не имели права что-либо спрашивать у него с целью контроля усвоения знаний. А Николай II был обычным молодым человеком с неплохими данными, в меру ленивым, которого подчас вгоняли в сон лекции учителей.

Выдающихся государственных деятелей приглашали и к младшим детям Александра III. Так, крупнейший реформатор начала XX в. С. Ю. Витте читал (с 1900 по 1902 г.) младшему брату Николая II, великому князю Михаилу Александровичу «народное и государственное хозяйство», другими словами — политическую экономию и финансы. По воспоминаниям С. Ю. Витте, «великий князь очень охотно со мною занимался, и мне часто после лекции, во время антракта от одной лекции до другой, приходилось с ним разговаривать, иногда завтракать, а иногда и ездить на автомобиле по парку»[343].

Обучение детей Николая II

Сведений об организации образовательного процесса у дочерей Николая II сохранилось немного. Фактически это отрывочные данные, из которых с трудом можно составить цельную картину. При этом довольно хорошо известна организация учебы цесаревича Алексея, и можно с уверенностью предположить, что большая часть преподавателей Алексея начала свою педагогическую карьеру еще при царских дочерях. Более того, младшие дочери заканчивали обучение при преподавателях Алексея.

Известно, что учебным процессом первой дочери Ольги императрица Александра Федоровна занималась лично[344]. Когда Николай II уезжал из дома, жена в письмах регулярно сообщала ему об учебе детей. Так, в июне 1905 г. Александра Федоровна писала о старших дочерях Ольге (10-й год) и Татьяне (7 лет): «Дети прекрасно справляются со своими уроками, у них есть также преподаватели английского и французского. Они много ездят верхом, что доставляет им огромное удовольствие»[345].

С третьей дочерью Николая II — великой княжной Марией Николаевной начали заниматься с 6 лет. К урокам арифметики, в частности, приступили 29 июля 1905 г., и вел их коллежский советник Соболев. Поскольку девочка еще плохо читала и очень мало писала, в первые месяцы арифметику она изучала только устно. Пособиями служили разноцветные косточки,

русские медные и серебряные монеты, кубики, а также первые выпуски задачников Аржанникова и Паульсона[346]. Преподаватель регулярно писал отчеты о проделанной работе по инстанциям. Весь педагогический процесс жестко контролировался императрицей Александрой Федоровной, которая, как правило, присутствовала на первых уроках, знакомясь с учителями.

Поскольку детство девочек прошло в Александровском дворце Царского Села, несколько слов следует сказать о классных комнатах дворца. Их было четыре, и располагались они на втором этаже, на детской половине. Поскольку девочки жили парами, то и классные комнаты были у каждой пары отдельные. Отличительным признаком этих помещений являлась удивительная для дворца скромность жилых интерьеров.

Один из мемуаристов рассказывал: «Дети вставали в 8 часов, пили чай и занимались до 11 часов. Учителя приезжали из Петрограда. В Царском Селе жили только Гиббс и Жильяр. Иногда после уроков перед завтраком совершалась недолгая прогулка. После завтрака — занятия музыкой и рукоделием»[347].

В классной комнате старших великих княжон Ольги и Татьяны стены были оклеены матовыми обоями оливкового цвета, а пол закрыт бобриковым ковром цвета морской волны. Вся мебель изготовлена из ясеня. Большой учебный стол находился посередине комнаты и освещался шестирожковой люстрой, которую при желании можно было опускать. На боковой стене крепилось расписание уроков. На одной из полочек стоял бюст Н. В. Гоголя. В шкафах лежали книги, в основном, религиозного и патриотического содержания, а также учебники. Вообще, в библиотеке девочек было много книг на английском языке. Вместе с книгами хранился и человеческий череп, оставшийся в классной комнате, судя по всему, после занятий анатомией в августе 1914 г., когда великие княжны готовились к экзаменам на звание медсестер военного времени. На занятиях преподаватели вели журнал, где выставляли оценки по пятибалльной шкале и записывали домашние задания.

В классной комнате младших княжон Марии и Анастасии стены были окрашены белой краской. Мебель — также ясеневая. В комнате хранились

чучела птиц, детские книги русских и французских авторов. Особенно много было книг известной детской писательницы Л. А. Чарской. На стенах — религиозные рисунки и акварели, расписание уроков, пара детских объявлений шутливого характера. Кроме того, на стене классной висела картина Шишкина «Дорога в сосновом лесу в Спале». Естественно, подлинник. Поскольку девочки были еще маленькими, то тут же, за перегородкой, располагались игрушки: куклы с их туалетами, игрушечная мебель, различные развивающие игры.

Неподалеку от учебных помещений сестер находилась классная комната цесаревича Алексея. Ее стены были покрашены белой мастичной краской. Окна закрывали стандартные для дворца тройные занавески (кисейные, белые капусовые и чинц). Мебель, как и везде, была из простого крашеного ясеневого дерева, но зато присутствовали мягкий диван и кресло. Собственно классную мебель представлял собой учебный стол из серого бука, специально сконструированный в 1913 г. студентом технологического института Шварцем. Крышка стола регулировалась по высоте, как и спинка стула. Над партой висела бронзовая лампа, которую можно было опускать и поднимать, а напротив располагалась двухсторонняя классная доска с электрической подсветкой. Вдоль стен тянулись невысокие шкафы, где хранились учебные пособия, стоячие счеты, карта разрастания России при Романовых, учебная коллекция уральских минералов и пород, микроскоп. Здесь же стояли книги учебного и военного содержания, особенно много книг было по истории дома Романовых, изданных к 300-летию династии. Также в шкафах держали собрание диапозитивов по истории России, репродукции художников, альбомы и различные подарки. Расписание уроков и завет Суворова крепились на двери.

На детской же половине располагалась комната, которую использовали как учительскую и одновременно музыкальную. В ней находились два прекрасных пианино Санкт-Петербургской фабрики «Оффенбахер» и многочисленные кустарные и ботанические коллекции.

Немаловажную роль в образовательном процессе играли собственные библиотеки детей. Общее количество книг, находившихся в детских

библиотеках в Александровском дворце Царского Села, составляло три с половиной — четыре тысячи экземпляров. Сейчас большая часть этих книг хранится в Москве в Российской государственной библиотеке. Очень много книг детям дарили. Роскошные подарочные издания преподносились во время семейных праздников, и именно они составляли значительную часть собрания. Постепенно у каждой из дочерей Николая II сложилась собственная библиотека, и для каждой из них, следуя давней дворцовой традиции, были разработаны собственные экслибрисы, которыми они и помечали свои экземпляры. Следует подчеркнуть, что эти книги читали и с ними работали. Так, в книжке «Иванушка-дурачок» (СПб., 1903) все непонятные слова подчеркнуты, и пояснения к ним даны на полях[348].

Особое место при царской семье занимали преподаватели цесаревича. Из них наиболее известен швейцарец Пьер Жильяр, или, как его называла в письмах императрица, Жилик. Как уже говорилось выше, ему удалось уцелеть в Екатеринбурге в 1918 г., и впоследствии он написал несколько книг воспоминаний, где очень тепло отзывался о своем воспитаннике. Кроме того, наиболее часто в мемуарной литературе упоминается преподаватель английского языка Сидней Гиббс, выпускник Кембриджа.

Из мемуаров мы знаем, что наладить полноценное обучение наследника так и не удалось из-за его заболевания. Проблемы, связанные со здоровьем, всегда выходили на первое место, да и характер избалованного мальчика был достаточно сложен, что также сказывалось на учебном процессе. Занятия велись от случая к случаю, хотя определенная учебная программа, разумеется, существовала.

Основной костяк педагогов сложился еще при преподавании гимназических дисциплин царским дочерям. Например, в 1908\09 учебном году с ними занимались русским, английским и французским языками, арифметикой, историей и географией. На неделю приходился 31 урок, таким образом, при пятидневном режиме проводилось в среднем шесть уроков в день. В 1909\10 учебном году недельная учебная нагрузка девочек увеличилась с 31 до 54 уроков, то есть до 10 уроков в день. Это расписание, конечно, не было фиксированным, поскольку светские обязанности и переезды

уменьшали фактический объем занятий. Продолжительность одного урока составляла 30 минут[349].

Учебная нагрузка цесаревича Алексея по мере взросления также постепенно увеличивалась. В относительно спокойный от болезней 1914\15 учебный год его распорядок дня строился следующим образом. В отличие от прадеда, которого поднимали в 6 часов утра, наследник вставал в 8 часов. 45 минут ему давалось на молитву и приведение себя в порядок. С 8.45 до 9.15 был утренний чай, который он пил в одиночестве, девочки и родители пили утренний чай отдельно. Далее ему давали 5 минут (!), чтобы поздороваться с мамой — императрицей Александрой Федоровной. В расписании это время было обозначено как «пребывание у ее величества». С 9.20 до 10.50 шли два первых урока (первый урок — 40 минут, второй — 50 минут) с переменой в 10 минут. Большая перемена с прогулкой продолжалась 1 час 20 минут (10.50–12.10), а затем проводился еще один 40-минутный урок (12.10–12.50). Чуть более часа отводилось на завтрак (12.50–14.00). Как правило, во время завтрака вся семья первый раз за день собиралась за одним столом, если только в этот день не было каких-либо официальных мероприятий. После завтрака 10-летний цесаревич отдыхал (14.00–14.30), за чем

Цесаревич Алексей

опять следовали прогулка, занятия и игры на свежем воздухе (14.30–16.40). В это время у него был шанс пообщаться с отцом, который гулял по парку, или с матерью. Затем следовал четвертый урок, продолжавшийся 55 минут (16.45–17.40). 45 минут цесаревичу отпускалось на обед (17.45–18.30), обедал он один или с сестрами. Родители обедали значительно позже. Далее цесаревич готовил уроки (18.30–19.00). Обязательной частью «рабочего дня» цесаревича был получасовой массаж (19.00–19.30), после которого следовали игры и легкий ужин (19.30–20.30). Потом наследник готовился ко сну (20.30–21.00), молился и ложился спать (21.00–21.30).

Как мы видим, учебная нагрузка 10-летнего мальчика не была запредельной, всего четыре урока в день общей продолжительностью в три часа. Да еще подготовка к урокам в полчаса. Некоторое снижение учебной нагрузки по сравнению с предыдущими годами объяснялось тем, что в конце 1912 г. мальчик перенес тяжелую травму, которая в буквальном смысле едва не свела его в могилу. Поэтому в 1914/15 учебном году сохранялся щадящий режим обучения.

В 1914 г. началась Первая мировая война. В августе 1915 г. Николай II принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего и переехал из Царского Села в Ставку. Через некоторое время в Ставку к отцу переехал и цесаревич Алексей. Учителя и воспитатели отправились вслед за ним.

Расписание на 1915/16 учебный год было составлено более плотно. Алексею тогда было 11–12 лет, и его учебную программу адаптировали к 4–5 классам гимназии. Теперь занятия продолжались шесть дней в неделю, в среднем по четыре урока в день. Всего 22 урока в неделю. Особый упор делался на изучение языков.

После отречения в марте 1917 г. Николая II и изоляции всей семьи в Александровском дворце образование младших детей продолжалось усилиями тех, кто остался при императорской фамилии. Буквально до последних дней жизни сама Александра Федоровна преподавала Алексею катехизис, гофлектрисса Шнейдер — математику, лейб-медик Е. С. Боткин — русский язык. Фрейлины также занимались преподаванием. Графиня

Вдовствующая императрица Мария Федоровна, цесаревич Алексей и император Николай II выходят из поезда, прибывшего в действующую армию

Гендрикова давала Татьяне уроки искусства, а баронесса С. К. Буксгевден обучала трех младших сестер игре на фортепиано и давала Алексею уроки английского языка[350]. Учителя П. Жильяр и С. Гиббс также продолжали заниматься с мальчиком. Расстрел всей семьи вместе со слугами остановил эту учебу.

Развлечения детей

Поскольку императорские семьи на протяжении всего XIX в. были многодетными, то для родителей и воспитателей всегда актуальной была проблема организации здорового досуга детей. Как правило, ежегодно с мая по ноябрь августейшая фамилия жила вне Санкт-Петербурга — в пригородных резиденциях или на курортах.

Дети остаются детьми вне зависимости от социального и материального положения их родителей. Им всем нужно дружить со сверстниками, играть, развлекаться и учиться, драться и дурачиться. Другое дело, что у состоятельных родителей возможностей обеспечить все необходимое своим отпрыскам значительно больше. В царской семье дети буквально с момента рождения были окружены внушительным штатом слуг и воспитателей, одной из задач которых являлось обеспечение досуга. Правда, досуг этот серьезнейшим образом контролировался, и детей буквально ни на минуту не оставляли вне поля зрения. Кроме того, в их досуг все время стремились внести различные воспитательно-развивающие элементы, что, наверное, для обычного ребенка было бы утомительным.

Для того чтобы дети отдыхали, учились и развивались, в каждой из императорских резиденций формировались специальные зоны отдыха. Проще говоря, родители и воспитатели создавали детские уголки, по возможности

внешне изолированные от взрослого влияния. Это были своеобразные территории, где царские отпрыски чувствовали себя полноправными хозяевами, куда они могли «пригласить в гости» своих родителей. Во всех пригородных резиденциях на отдельных территориях строились различные сооружения для детских игр. Как правило, эти сооружения были капитальными, и игры в них должны были не только развлекать, но и образовывать детей. В основу всех игр был положен принцип обучения. Вообще, развлечения царских отпрысков имели весьма высокий уровень преемственности. Фактически каждое новое поколение воспроизводило игры своих предшественников, хотя и с определенными изменениями.

Не менее важным для родителей и воспитателей был подбор для детей компании ровесников, которые могли бы разделить с ними эти игры. Родители хорошо понимали, что детская дружба со временем может перерасти в дружбу на всю жизнь, со всеми вытекающими карьерными последствиями. Поэтому товарищи для великих князей не только тщательно подбирались, но и безжалостно «выбраковывались». Когда осенью 1865 г. великий князь Сергей Александрович, «здоровья ради», был оставлен на три месяца в Москве, его мать императрица Мария Александровна лично указывала, кого из детей московского общества можно к нему приглашать для общения[351].

Царское Село

В Царском Селе для игр детей отводились значительные парковые зоны. Так, на территории Александровского парка таких мест существовало несколько. Еще во времена детства младших сыновей Павла I — Николая и Михаила для них была возведена традиционная крепость с земляными бастионами и куртинами. Несмотря на «детские размеры», с точки зрения устройства это сооружение было безупречно, и мальчики буквально впитывали основы фортификации. Эту игрушечную крепость они попеременно то брали штурмом, то обороняли. Для того чтобы дети занимались гим-

настикой, рядом с Александровским дворцом была устроена сетка-батут с лестницами, канатами и высокими мачтами «гигантских шагов».

При Николае I в Александровском парке для детей обустроили специальную изолированную территорию, названную Детским островом. Как вспоминала Ольга Николаевна, дочь Николая I, в 1824 г. «Папа́ подарил нам остров»[352], на котором «Саша и товарищи его соорудили… домик из четырех комнат с салоном… нам подарили лодки. Матрос следил за нашей маленькой гаванью и учил нас морским обычаям. В кухне мы готовили настоящие обеды… небольшое возвышение было названо мысом Доброго Саши»[353].

Конечно, Ольга Николаевна преувеличила, написав, что домик был «сооружен Сашей». В действительности небольшой домик, с комнатами, обставленными миниатюрной мебелью, был в 1830 г. построен профессионалами по проекту архитектора В. Горностаева. Этот домик сохранился по сей день.

Дети, как могли, обустраивали собственный остров. Не все воспитатели были довольны такой ситуацией, поскольку дети, играя, невольно нарушали правила этикета. Кончилось тем, что они пожаловались Николаю I, однако тот со свойственным ему прагматизмом ответил: «Предоставьте детям забавы их возраста, достаточно рано им придется научиться обособленности от всех остальных»[354].

Игры на Детском острове по мере взросления великих князей менялись. Там не только играли, но и справляли детские праздники. Так, в июне 1829 г. по случаю возвращения наследника Александра Николаевича из-за границы, где он провел два месяца, на острове был устроен праздник. В 1830 г. воспитатель цесаревича К. К. Мердер предложил составить герб и девиз для ставшего родным Детского острова. В результате совместного творчества родился рисунок с изображениями «промытой скалы, муравья и якоря», что символизировало постоянство, деятельность и надежду. Видимо, муравей как один из символов Детского острова дал название рукописному журналу «Муравей», который начал «издавать» цесаревич с друзьями в 1831 г.

Едва у Александра II и его братьев подросли собственные дети, они немедленно принялись осваивать территорию, которую ранее «занима-

Детская изба в собственном саду Большого дворца. Царское Село

ли» их родители. И новое поколение любило Детский остров ничуть не меньше. В 1860-е гг. на острове все также стоял домик, «собственноручно» выстроенный Александром II и его товарищами. В нем бережно хранилась мебель, сделанная руками Александра II во время его занятий по ремеслу. Но имелись и изменения. На Детском острове в 1854–1855 гг. по приказанию Александра II были установлены мраморные бюсты К. К. Мердера и В. А. Жуковского[355].

Судя по воспоминаниям Ольги Николаевны, в 1830-х гг. на Детском острове уже существовал павильон «Фермочка». Она писала о событиях 1831 г.: «По воскресеньям мы обедали на Сашиной молочной ферме со всеми нашими друзьями, гофмейстерами и гувернантками, за длинным столом на 30 приборов»[356].

Стоит напомнить, что увлечение сельскими пасторалями было широко распространено в XVIII в., когда в обществе широкую популярность приобрели идеи Ж. Ж. Руссо. В подобных молочных фермах в сельскую

жизнь играли придворные. Например, в парке Павловского дворца в конце XVIII в. был сооружен павильон «Молочный домик», в котором находились небольшой скотный двор и птичник. При этом все овечки и голландские коровы на скотном дворе были всегда тщательно вымыты и надушены[357]. И только в XIX в. сельская пастораль превратилась в «игрушку» для детей, став частью воспитательного процесса.

Летом 1861 г. на Детском острове Малого пруда в Царском Селе архитектор И. Монигетти возобновил для восьмилетней дочери Александра II Марии Александровны детскую «Фермочку», состоявшую из двух изб, коровника и птичника. Аналогичная «Фермочка» уже была построена для княжны в Александрии, поблизости от Коттеджа. Небольшая усадьба была решена в русском стиле: чистая изба состояла из одной комнаты и кухни, обставленных дубовой резной мебелью детских размеров, в красном углу находился образ Знамения в дубовой раме, с шитым русским полотенцем и т. д. До нас дошли несколько фотографий маленькой фермы, двух ухоженных «игрушечных» домиков, обильно украшенных резьбой.

В детской усадьбе было предусмотрено всё для ведения молочного хозяйства: под крышей чистой избы помещалась светелка с наружной лестницей со двора; в темной кладовой молочной избушки хранились дубовые ведра для молока; под кладовой был создан небольшой ледник; за молочной избой построен маленький коровник; дворик фермы занимал птичник с голубятней. На чистой половине «Фермочки» хранились столовый, чайный и стеклянный сервизы, изготовленные на императорских фарфоровом и стеклянном заводах, также по эскизам Монигетти. Эта «Фермочка» была разрушена до основания в период немецкой оккупации Детского села (Царского Села) в 1941–1943 гг.

Кроме Марии Александровны «Фермочку» регулярно посещали сыновья Александра II. Не забывали они и взрослую ферму, построенную в Александровском парке еще при Александре I. Один из воспитателей великих князей упоминал: «После классов мы пошли пешком на ферму, где великие князья достали сыру и смотрели новую корову»[358].

В конце 1860-х гг. вдоль берега Детского острова для императорских детей были проложены игрушечные рельсы, сделаны тоннели, мосты и шлагбаумы железной дороги, приводящие к порту на берегу[359]. Даже когда сыновья Александра II подросли, они продолжали с удовольствием посещать свой Детский остров. Например, осенью 1864 г. на острове были устроены «широкомасштабные» танцы[360]. Там же играли два младших сына Александра II — Сергей и Павел. Их воспитатель писал, что «в свободные часы я ходил, когда погода позволяла, играть с великими князьями на ферму (на островке в собственном саду)»[361].

Иногда Детский остров получал совершенно неожиданные подарки от своих уже выросших хозяев. Так, в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. цесаревич Александр Александрович посетил мусульманское кладбище. Осмотрев надгробия, он приказал выкопать одно из них и «перевезти в Царское Село на островок фермы, где он постоянно пребывал»[362].

Детский остров Александровского парка был востребован всеми поколениями Романовых, причем не только детьми. В апреле 1896 г. Николай II записал в дневнике: «Работал на Детском острове в снегу». Интересно, что когда с 1905 г. царская семья стала регулярно отдыхать в финляндских шхерах, то и там появились свои любимые места. Один из безымянных островков в бухте Питко-Пас получил привычное название Детского острова, поскольку дети Николая II там купались, играли, собирали ягоды и грибы…

Кроме того, в Александровском парке был свой зверинец. Со времен Николая I и вплоть до 1917 г. в Царском Селе содержали слонов. Например, осенью 1860 г. в Царскосельском зверинце появился новый слон. Визиты в слоновник, конечно, старались вписывать в образовательную программу великих князей. Дети просто ходили туда навестить и покормить старого любимого слона, а воспитатели желали, чтобы они «в учебных целях» осмотрели зубы и ноги животного[363].

Дети Николая II также часто посещали с родителями Царскосельский слоновник. Император многократно фиксировал эти походы в дневнике: «Привел с Алексеем слона к нашему пруду и потешался его купанию»

Императорская семья в слоновнике

Купание слона

(9 июня 1914 г.); «Снова было купание слона, этот раз присутствовали Аликс и все дети» (10 июня 1914 г.); «Смотрели на купание слона» (14 июля 1915 г.).

В Царском Селе также располагался Ламский павильон, построенный архитектором А. Менеласом в 1820–1822 гг. для южноамериканских лам. Комплекс включал конюшню, небольшой манеж для животных, квартиру смотрителя, склад фуража и башню с небольшим кабинетом для отдыха, откуда можно было обозревать окрестности. При его восстановлении И. Монигетти всё сохранил. Впоследствии по проекту Монигетти «на месте галереи, находившейся над фуражным сараем… был устроен фотографический павильон, пристроены лестница и еще одна комната перед павильоном, а рядом с кабинетом, в башне, — фотографическая лаборатория»[364].

Кроме того, каждому из детей отводились свои садики и огороды, где они сажали цветы и овощи. На планах Александровского парка, изданных в 1920-х гг., указан собственный садик цесаревича Алексея, а на фотографиях, сделанных П. Жильяром, можно увидеть Алексея, который серпом жнет рожь на своем участке.

Сохранился до наших дней такой интересный документ, как сочинение, написанное старшим сыном Александра II — 11-летним Николаем Александровичем 19 октября 1854 г. и названное им «Царское Село». Это уникальное свидетельство, позволяющее взглянуть на Царское Село глазами ребенка. Крупным, еще не устоявшимся почерком, со множеством ошибок, мальчик описывает свои впечатления от очередного летнего сезона «на даче». Он отмечает ухоженность резиденции: «Вы не найдете ни одного засохшего листика не только на дорожках, но даже и на лужках». Он описывает «свой флот», хранившийся в башне Адмиралтейства на озере в парке Екатерининского дворца: «…одна турецкая большая лодка, длинная индейская байдарка… и старый буер». Он перечисляет тех, кто «на постах» обслуживал детские сооружения и одновременно присматривал за детьми: «на сетке» два человека, на Детском острове — четыре, на трех паромах — по одному. Следовательно, только на Детском острове, не считая обслуги «Фермочки», «на постах» находились семь матросов.

Мальчик добросовестно перечисляет все «интересные предметы», которые окружали его в Царском Селе на протяжении нескольких весенних и осенних месяцев: «слоны, ламы, кролики, птичий двор, черные лебеди и сетка с играми и крепостью». Он отмечает, что бабушка — императрица Александра Федоровна периодически посещала ферму, домик черных лебедей, чтобы там «кушать кофе». Цесаревич сравнивает Царское Село и Петергоф, приводя почти взрослые аргументы. Так, он пишет, что в Петергофе почти тот же набор развлечений: «море (в оригинале зачеркнуто — *И. З.*), сетка, игры, кролики, олени, фазаны, охотный двор и наши куры, цыплята и голуби». Но при этом в Царском Селе больше возможностей для игр при плохой погоде: «Есть большие залы, гора и разные телеги и игрушки, а в Петергофе их нет, и то нам теперь стало просторнее, а прежде негде было пошевельнуться, только можно было выйти в сад. В Царском Селе у нас самое бедное помещение, но зато сухо и тепло, а в Петергофе всё сыро. В Царском мы не оставили по себе памяти, кроме полуразвалившейся скамейки, сделанной в валу, и лестницы, идущей на вал… В Петергофе мы построили крепость, очистили и сделали куртину и устроили собственный садик подле мельницы»[365].

Петергоф

В Петергоф царская семья переезжала в конце июня, после наступления летней жары, и жила там до конца августа. Большая семья Николая I размещалась в Коттедже в парке Александрия, близ Большого Петергофского дворца. Переезд в Петергоф из Царского Села означал переезд на море. Причем Финский залив воспринимался как море, без всяких кавычек.

Когда росли дети Николая I, стационарных развлекательных комплексов на территории парка Александрия не было, хотя, конечно, существовали детские площадки с веревочными лестницами и прочими развлечениями. Младшая сестра цесаревича вспоминала, как в 1831 г. дети «без шляп и перчаток» гуляли «по всей территории нашего Летнего дворца в Петерго-

фе… играли на своих детских площадках, прыгали через веревку, лазали по веревочным лестницам трапеций и даже прыгали через заборы»[366].

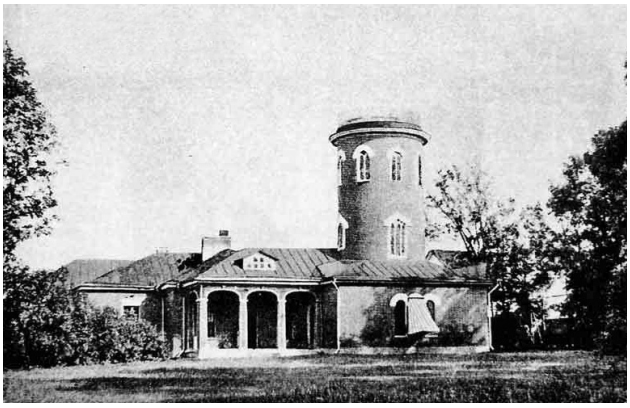
О том, как дети цесаревича Александра Николаевича провели лето 1847 г. в Петергофе, дают представление обширные письма их воспитателя С. А. Юрьевича. Николаю шел четвертый год, Александру (будущему Александру III) — третий, а Владимиру — всего несколько месяцев. Конечно, развлечения были по возрасту. Воспитатель с умилением отмечал «необыкновенное постоянство в избранном» Александром занятии, когда он «в продолжение более часа не покидал своей лопаточки, которой насыпал песок в тачку». Старших братьев С. А. Юрьевич в письмах называл «вашими молодцами», которые уже играют в войну — «в черкесские ординарцы». В посланиях воспитатель сообщал цесаревичу, что дедушка Николай I ежеутренне заходит к внукам поздороваться, после чего берет старшего на прогулку от Коттеджа до Монплезира. При этом дедушка старается занимать внуков: «На террасе Монплезира государь сам изволил показать, как бросать камушки в море». На той же террасе дедушка «несколько раз заставлял Николая Александровича перелезать через ограду», а когда трехлетний внук воспротивился и не захотел слушаться, то «государь сам показал ему пример».

По традиции кадеты летом проходили практику в Петергофских лагерях. После завершения практики обычно проводился парад, который принимал лично Николай I, а затем кадетам позволяли целый день гулять в парке Александрия. Конечно, все они толпились возле Коттеджа. Воспитатель писал цесаревичу, что его старший сын, трехлетний Никса, «выйдя из залы, зазвал большую их толпу к себе в домик (избушка, стоявшая прежде возле фермы, по приказанию императрицы поставлена противу подъезда к Коттеджу в большой клумбе, на газоне, неподалеку от медной статуи). Он тут, как хозяин, показывал им картинки, мебель, транспараны, вновь подаренную ему водовозную бочку… я боялся, чтобы домик не развалился от тесноты гостей, и вывел всех — и хозяев, и гостей — на лужок»[367]. Видимо, детская избушка была действительно транспортабельна, поскольку несколько позже императрица Александра Федоровна «изволила удостоить избушку ее внуков (что в куртине перед Коттеджем), расположившись в ней кушать свой

утренний кофе»[368]. Около Коттеджа для маленьких детей была установлена сетка-батут, на которой они регулярно прыгали.

С начала 1850-х гг., когда начали подрастать многочисленные внуки Николая I, на территории парка Александрия устроили стационарные развлекательно-обучающие комплексы.

Во-первых, в 1851 г. была сооружена привычная детская крепость по образцу и подобию крепостей в Царском Селе. Ее построили у северного фасада Фермерского дворца для увеселения и обучения военному делу детей тогда еще наследника цесаревича Александра Николаевича: великих князей Николая, Александра, Владимира и Алексея. Крепость эту назвали Батареей на Ферме. Она имела ров и широкий вал, обращенный к заливу, с пандусом для подъема пушек, брустверы и южный бастион с блиндажиком. Общие параметры «фортеции» составляли примерно 21 на 21,5 метров.

Ферма. Царское Село

Все последующие поколения императорских отпрысков играли в этой крепости. Ее поддерживали в хорошем состоянии вплоть до 1917 г., и она присутствует на планах Александрии начала XX в. Остатки оплывших рва и вала до сих пор читаются на местности[369].

Во-вторых, была построена детская пожарная каланча, настоящая действующая модель. Комплекс пожарной каланчи у западного фасада Фермерского дворца включал в себя резной сарайчик на три экипажа с вышкой на крыше. Размеры «пожарки», согласно документации к ремонту 1895–1896 гг., составляли около 6 на 2,5 метра в плане и 6,5 метров общей высоты со смотровой башней[370].

Однако самым крупным детским сооружением в парке Александрия стала детская водяная мельница, построенная в 1854 г. в овраге на берегу ручья, юго-восточнее Фермерского дворца. Сооружение представляло собой украшенный резьбой деревянный домик с балконом, обведенный галереей на каменном столбчатом фундаменте, плотину со шлюзом и механизм водяного колеса, приводящий в движение жернова из полированного гранита. Помимо помещения с мельничным механизмом, дававшим муку превосходного качества, имелась еще комната с детской мебелью в крестьянском стиле. Поблизости находился огород, на котором великие князья сажали овощи и цветы.

Все эти комплексы использовались согласно определенному плану мероприятий. В конце июля в Александрии устраивался так называемый сельский праздник. Царские дети, одетые в традиционные крестьянские костюмы — полосатые шаровары, кумачовые русские рубашки, перетянутые черными лакированными ремнями, сапожки с красными отворотами, ямщицкие круглые шляпы, веселились вместе со сверстниками[371]. Разумеется, детские сооружения содержались в порядке и периодически ремонтировались. Известно, что мельница последний раз обновлялась в 1912 г. и исправно действовала вплоть до 1917 г. Здесь очень любил бывать цесаревич Алексей. Точная дата гибели постройки неизвестна[372].

Для спортивных игр детей отводилась достаточно большая площадка, названная «Игры», у Коттеджа. Этот был целый комплекс спортивно-игровых площадок, включавший в себя беговую дорожку, качели, карусель, кегельбан и другое, и он присутствовал на всех планах Александрии второй половины XIX — начала XX в. Круговая беговая дорожка была вымощена мелким камнем на мятой глине и песке, параметры площадки бегового серпантина — 30 на 30 метров. Совсем недавно археологами раскрыта парная площадка для игры в мяч[373].

Имелась в парке Александрия и своя детская «Фермочка», построенная по образцу «Фермочки» в Царском Селе. Примечательно, что такие фермы, устроенные фактически во всех загородных резиденциях, оставили заметный след в детских душах. Спустя десятилетия граф С. Д. Шереметев, товарищ

по играм Александра III, вспоминал: «На дачах на Каменном острове и в Петергофе в саду были выстроены небольшие образцовые детские фермы; небольшой домик в два этажа, деревянный, все чисто и уютно, даже кровать приготовлена и умывальник. Тут же стойло на четыре коровы, куры и морские свинки, которые купались в корыте. Перед домом — небольшой огород, кругом изгородь. Это подобие деревни было любимым для всех нас местом. Здесь мы сходились и засиживались. Особенно мне памятна каменноостровская ферма, она была лучше и удобнее петергофской. За хозяйством наблюдала старушка-крестьянка, имя ее было Аксинья Ивановна, по прозвищу Худякова»[374].

Зимний дворец

Зимний дворец отличался тем, что устроить возле него развлекательные комплексы для детей не имелось возможности, поскольку его сплошь окружали площади и плацы. К тому же в этой резиденции императорская семья жила с ноября по май, так что для детей просто выделялись две игровые комнаты — для мальчиков и для девочек отдельно. Следует подчеркнуть, что семейная жизнь, в полном понимании этого слова, впервые сложилась в этой резиденции только при Николае I.

Судя по дошедшей до нас акварели Ухтомского (1837), центром девичьей игровой комнаты стал игрушечный домик, подаренный Николаем I дочерям. Ольга Николаевна вспоминала, что в 1834 г. «Папа́ подарил нам двухэтажный домик, который поставили в нашем детском зале. В нем не было крыши, чтобы можно было без опасности зажигать лампы и подсвечники. Этот домик мы любили больше всех остальных игрушек. Это было наше царство… туда я пряталась, если хотела быть одна»[375]. Ампирный игрушечный домик был о двух этажах, с пятью открывавшимися окнами по фасаду и небольшим игрушечным балкончиком. Внутрь вели две маленькие двери. Судя по приведенному отрывку, домик освещался изнутри лампами и наверняка был обставлен детской мебелью.

На акварели Ухтомского в пустоватом зале видны клавикорды. Под их звуки «нас учила танцам Роз Колинетт… мы упражнялись в гавоте, менуэте и контрдансе вместе с Сашей и его сверстниками»[376].

Игровая комната для мальчиков была, разумеется, оборудована иначе. Главным ее украшением стал фрегат, выполненный по меркам дворцовых залов, но со всеми деталями оснастками. Поэтому этот зал назвали Корабельной. Корабль там появился совершенно не случайно. Своему второму сыну — великому князю Константину Николаевичу Николай I прочил морскую карьеру, и мальчика с помощью игрушек готовили к будущей службе.

Следует заметить, что сооружение «комнатной яхты» в одном из залов Зимнего дворца было достаточно сложной инженерной задачей, к тому же поджимали сроки. Яхту начали строить весной 1839 г., когда семья выехала в Царское Село, и предполагалось закончить ее к осени этого же года, к моменту возвращения августейшей фамилии во дворец.

Эта «игрушка» создавалась под наблюдением главного воспитателя великого князя Константина Николаевича — адмирала Ф. П. Литке. По ходу строительства решались многочисленные организационные проблемы: от подбора грамотного морского офицера для оснащения яхты штатным рангоутом до поиска квалифицированных мастеров[377]. Когда яхту построили, радости мальчиков не было предела. Такой «игрушки» не имелось ни у кого.

Для физического развития мальчиков в углу этой же залы был сооружен спортивный комплекс, включавший канат, веревочную и деревянную лестницы. У стены располагалась стойка с различными видами стрелкового оружия, оснащенного штыками. Там же были укреплены эспадроны для обучения детей фехтованию. На большом полированном столе располагалась модель бревенчатой крепости-блокгауза, а на полушкафах стояли модели понтонов, различные физические приборы. Этот зал был в изобилии украшен батальной живописью.

Можно сказать, что игровые комнаты великих князей и княжон жестко профилировались с учетом будущей деятельности, которую родители планировали для своих детей.

Но иногда дети просто играли. Играли в парадных залах дворца, не обращая никакого внимания на уникальные интерьеры, которые были для них привычным фоном. В начале 1850-х гг. по воскресеньям в залах Зимнего дворца разворачивались целые баталии, когда внуки Николая I из подручной утвари сооружали баррикады и ожесточенно бомбардировали друг друга резиновыми мячами. Там же они играли и в «казаки-разбойники». Один из участников этих игр вспоминал, что Николай I «весьма часто приходил к великим князьям и принимал иногда деятельное участие в играх, присутствовал при смене караулов, играл вместе в мяч»[378].

Детские праздники

Наряду с традиционными детскими балами для великих князей устраивали и другие праздники. Очень любим детьми при Николае I был так называемый Праздник боба. По традиции его устраивали ежегодно накануне Крещения, 5 января. Ключевым элементом его был поиск боба в праздничном пироге. Тот, кто находил в пироге боб, становился королем или королевой праздника.

Это развлечение, как и многое при дворе, имело европейские корни. Императрицы, в девичестве немецкие принцессы, в мир своих детей многое привносили из своего детства. Ольга Николаевна вспоминала, что зима 1835 г. «началась весело, были празднества, даже для нас, детей, и между ними так называемый «Праздник боба» с орденами и подарками, на котором Адини и Кости[379] появились как бобовые королева и король, с напудренными волосами и в костюмах прошлой эпохи»[380]. Фактически Праздник боба был детским маскарадом с традиционным сценарием.

Как развлечение младшим поколением воспринимались и первые опыты участия в различных торжественных церемониях. Дети оставались детьми, и их непосредственность порой приводила к различным казусам. Так, во время представления императрице Александре Федоровне (жене Николая II) принца Сиама присутствовала 4-летняя Татьяна Николаевна. Императрица

предложила дочери пожать руку «этому джентльмену». На что дочь, смеясь, ответила: «Это не джентльмен, мама, это — только обезьяна». Императрица в замешательстве оборвала дочь: «Вы сама обезьяна, Татьяна!» Но принц не обиделся, и они все вместе посмеялись.

Зимние катки

На рубеже 1850–1860-х гг. в Петербурге появилось новое модное присутственное место. Им стал закрытый каток Таврического сада, который быстро приобрел популярность среди петербургской золотой молодежи.

Возникновение нового для аристократии увлечения связывали с цесаревичем Николаем Александровичем и его младшими братьями. У Александра II подрастали сыновья, и в качестве зимнего развлечения для них был устроен каток с горками в охраняемом Таврическом саду. В результате, каток Таврического сада стал местом неформального знакомства и общения молодых великих князей с ровесниками.

Князь В. П. Мещерский вспоминал: «В те годы главной сценой для знакомств и для сношений бывали зимние катанья на коньках в Таврическом саду, введенные в моду покойным цесаревичем. Буквально весь бомонд катался на коньках, чтобы ежедневно бывать от двух до четырех часов на Таврическом катке в обществе великих князей. Другой, более оживленной сцены для знакомств с великими князьями в то время не было»[381].

В дневниковых записях воспитателей великих князей встречается множество упоминаний о визитах их подопечных на каток Таврического сада: «Поехали в Таврический сад. Там, на катке, было много посетителей»; «Отправились в Таврический сад. Туда приезжали государь с великой княжной Марией Александровной, великий князь Константин Николаевич, и было много других посетителей. Великие князья очень весело провели время и с сожалением расстались с горами в четыре часа»[382].

Коньки были тогда столь популярны, что в Петербурге даже возникло аристократическое Английское общество конькобежцев. Это общество

устраивало свои праздники, в том числе практиковались и ночные катания на льду Невы у Николаевского моста.

Великих князей обучали катанию на коньках наемные учителя. Так, в ноябре 1865 г. 7-летний великий князь Сергей Александрович «взял первый урок катания на коньках (у нанятого учителя этого дела Пузыревского)». В первый раз мальчик учился кататься пятнадцать минут[383].

Каток в повседневных разговорах называли просто «Тавридой», и на нем развлекались все дети Александра II. Один из воспитателей царских детей описывал каток второй половины 1860-х гг. следующим образом: «Мало-помалу туда же стали ездить и двоюродные братья великих князей, дети великого князя Константина Николаевича и великого князя Николая Николаевича, а также великая княжна Мария Александровна и некоторые ее другие подруги, с детства приглашавшиеся к ней для игр, а затем также и товарищи игр великих князей. Таким образом, на катке Таврического сада собиралось целое общество, в первый год не очень многолюдное, но потом все более и более многочисленное. Зимой 1868 г. там уже бывал целый раут молодежи, близкой к великим князьям, которые эти поездки очень любили»[384].

Поскольку на катке собирался весь столичный бомонд, то его посещала не только молодежь, но и почтенные отцы семейств. Здесь не только отдыхали, но и в неформальной обстановке решали деловые вопросы, а молодежь завязывала знакомства и флиртовала. Каток стал своеобразным зимним филиалом петербургского яхт-клуба. Великий князь Александр Михайлович упоминал, что он познакомился с красавицей княгиней Зинаидой Юсуповой в 1870-х гг. именно на этом катке, где они «по воскресеньям катались вместе на коньках»[385].

Каток Таврического сада сохранял свою популярность и в 1870–1880-х гг. Там довольно часто бывали цесаревич Александр Александрович с молодой женой Марией Федоровной. Став императрицей, Мария Федоровна и в последующие годы с удовольствием каталась на коньках по льду гатчинских озер[386].

Когда в январе 1874 г. в Петербурге проходили торжества, связанные с замужеством дочери Александра II, «Тавриду» несколько раз посетили

английские гости. Общество собралось огромное. Вся золотая молодежь Петербурга участвовала в этих мероприятиях. Великий князь Сергей Александрович записал в дневнике: «Катание на коньках, огромное общество! Alix с мужем и масса всевозможных англичан, очень было весело… Катание на коньках очень a la mode»[387].

Поскольку Таврический дворец и сад входили в число дворцовых зданий, то они соответствующим образом охранялись, и публику на каток пускали только по специальным билетам. Билеты выдавались на один сезон канцелярией Министерства императорского двора. Первыми номерами в специальном списке шли дамы, которые в свою очередь делились на *гофмейстрин* и *фрейлин* (в том числе зимой 1887\88 гг. катались графиня Блудова, графиня Сумарокова-Эльстон), *девиц* (дочери члена Государственного совета Грейга), *замужних дам* (баронесса В. И. Икскуль, княгиня Урусова (урожденная Абаза), Родзянко (урожденная Черевина), княгиня Орбелиани) и *супруг офицеров* Кавалергардского ее величества полка.

Затем в списке шли мужчины, иногда с семействами. Сначала члены Государственного совета (12 человек, в том числе Н. К. Гирс, А. Е. Тимашев, граф Н. П. Игнатьев, О. Б. Рихтер), затем сенаторы (шесть человек), генерал-адъютанты, свиты генерал-майоры (барон В. Б. Фредерикс), флигель-адъютанты, адъютанты, различные дворцовые чины (гофмейстеры, шталмейстеры, егермейстер, церемониймейстер), генерал-лейтенанты, генерал-майоры, камергеры, камер-юнкеры (А. Столыпин с супругой), полковники, офицеры лейб-гвардейских полков и пажи[388]. К концу XIX в. даже сложилась определенная традиция, когда считалось приличным знакомиться и флиртовать не только на великосветских балах, но и на катке Таврического сада. В мемуарах баронессы С. К. Буксгевден упоминается и «модный в ту пору каток в Таврическом дворце»[389].

Однако жизнь неизбежно вносила свои коррективы и в зимние забавы. Политический терроризм постоянно сужал «свободную территорию» для членов императорской семьи, и постепенно их поездки на каток Таврического сада прекратились. Однако привычка к этой забаве уже сформировалась. Поэтому после расширения сада Аничкова дворца каток стали

заливать там. Устраивали развлечения и на льду озер Гатчинского парка. Именно там учился кататься будущий Николай II. Мемуарист упоминал: «В саду Аничкова дворца устроены были ледяные горы и каток, то же и в Гатчине. Сюда собирались его дети с приглашенными товарищами, и государь охотно с ними возился и играл»[390]. Николай II умел кататься на коньках, но большим любителем этой забавы не был. Как мужчина он предпочитал хоккей. Играли без коньков, в сапогах, гнутыми клюшками гоняя резиновый мячик.

Даже после того как Николай Александрович стал императором, он несколько лет выкраивал время, чтобы предаваться этой забаве. В первую «императорскую» зиму 1894–1895 гг., когда на 26-летнего царя свалилось множество дел, которыми он раньше не занимался, времени на каток уже не хватало. Да и молодая жена требовала внимания. Тем не менее он трижды за зиму (13 и 20 января, 8 февраля 1895 г.) сумел покататься на коньках на льду Аничкова дворца. Николай II был буквально изумлен, когда убедился, что его любимая Аликс тоже умеет кататься на коньках. Тем более что 23-летняя жена постоянно жаловалась на боль в ногах. Царь записал: «Катались на коньках, Аликс очень порядочна бегать на оных». Правда, после этих опытов Александра Федоровна уже больше никогда не становилась на коньки.

В январе 1896 г. молодая семья начала обживаться в Зимнем дворце. Но, как любящий сын, Николай II ежедневно с женой ездил к чаю в Аничков дворец к матери, где иногда находил возможность пару часов побегать на катке со старыми друзьями. Так, 4 января 1896 г. он записал в дневнике: «Поехали к завтраку в Аничков. Гуляли в саду и играли по-прежнему на катке; Ксения и Сандро катались на коньках». В эту зиму на катке Николай II бывал часто, за январь 1896 г. он посетил его 13 раз. Пропускал он свои забавы только по случаю совсем уж плохой погоды — «снег с дождем», хотя и в плохую погоду играл охотно: «На катке была метель, так что едва можно было видеть мячи»; «Дул сильный ветер, мешавший полету мячиков»; «Был очень густой туман, так что на катке трудно было играть, потому что мячей не было видно».

Однако жизнь брала свое. Император взрослел, семья быстро увеличивалась. Нарастали политические проблемы, и к началу 1900-х гг. зимние катки отошли в область преданий.

Дни рождения детей

В любой семье день рождения ребенка — повод для праздника, на который собираются родственники и друзья. Не была исключением и царская семья. Однако тут имелись нюансы. Обычно отмечали не только собственно день рождения, но и тезоименитство. В словаре В. И. Даля тезоименитство определяется как «именины, день ангела», применительно к «высоким особам». Естественно, дарились и многочисленные подарки, характер которых также был царский.

Например, в период детства будущего Николая I его мать императрица Мария Федоровна дважды в год одаривала сына очень незатейливо — деньгами на бриллианты. Николай Павлович родился 25 июня, и впервые в 1801 г., еще 20 июня, Мария Федоровна «перевела на счет» великого князя 10 000 рублей «на покупку бриллиантов». Тезоименитство будущего императора ежегодно отмечалось 6 декабря, однако мама заранее, 12 ноября, положила те же 10 000 рублей на счет сына, на все те же бриллианты[391]. Но наряду с деньгами мальчику, конечно, дарили и обычные подарки — многочисленные игрушки. Деньги на день рождения и тезоименитство были только поводом для увеличения личного капитала великого князя.

Дни рождения и ангела отмечались, «как у всех». Например, 31 августа 1826 г. день ангела 8-летнего цесаревича Александра Николаевича описал его воспитатель К. К. Мердер. На праздник пригласили десять мальчиков и столько же девочек. Сначала дети пили чай, а затем «в саду играли в зайцы, в комнатах — в другие игры». Что касается подарков, то Мердер упомянул только самый большой — прекрасную арабскую лошадь, которую цесаревич получил от бабушки императрицы Марии Федоровны[392].

Настоящая лошадь считалась традиционным и достойным подарком для мальчика, поскольку дети с семи лет начинали брать уроки верховой езды. В 1847 г. старшему сыну Александра II, 4-летнему Никсе, принц Петр Георгиевич Ольденбургский подарил на день рождения маленькую лошадь. Глядя на сына, Александр Николаевич вспомнил и себя: «Он уже ездил на ней в саду и даже в комнате, и это напоминает мне, как и я катался на моей маленькой Пашке, которую мне подарил Левашов в 1821 г., когда мне было три года»[393].

Вообще, подарки детям родные и близкие преподносили очень разные. Причем детям наряду с игрушками старались дарить и полезные вещи. 30 августа 1852 г. в день именин 7-летний Александр Александрович получил от дедушки Николая I детское оружие — ящик с ружьем, пистолетом и прибором к ним работы тульского мастера Большакова. От бабушки императрицы Александры Федоровны именинник получил славянское Евангелие с русским переводом в бархатном переплете с бронзовыми украшениями, золотые карманные часы с маленькой цепочкой, перламутровое портмоне и четыре английские раскрашенные гравюры. От своих дядей — великих князей Николая и Михаила Николаевичей — художественно вырезанную из дерева группу, изображающую итальянских охотников. От старшего брата Никсы — охотничий арапник с костяным свистком. Кроме того, старый и изломанный егерский рожок именинника старший брат «починил и отделал заново за свой счет». Когда отмечали день рождения Николая Александровича, Александр Александрович «в ответ» подарил старшему брату не только «весь снаряд трубочиста», но и «на свой счет исправил его старую валторну»[394].

В 1857 г. ко дню именин 14-летний Никса получил от отца императора Александра II фото отца в мундире лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, охотничий прибор из оленьего рога, серебряную порошицу, фляжки, лук со стрелами, ягдташ, кожаные штиблеты и нарукавники, серебряное портмоне, альбом российской гвардии и армии в трех частях с рисунками. Бабушка императрица Александра Федоровна подарила внуку большую лодку.

Второй сын императора 12-летний великий князь Александр Александрович на именины получил от отца примерно такой же набор подарков: два акварельных рисунка, фото отца в мундире лейб-гвардии Финского стрелкового батальона, бронзовые столовые часы, серебряное портмоне, старинный русский бердыш, две картины, 24 раскрашенные литографии, изображающие войска гвардии, французское иллюстрированное издание[395]. Относительно фотографий Александра II следует иметь в виду, что Никса был шефом лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, а Саша — лейб-гвардии Финского стрелкового батальона.

Поскольку именины и день рождения Никсы и Саши приходились на конец августа — начало сентября, то общий праздник в 1857 г. шумно отмечался на любимом несколькими поколениями детей Детском острове Александровского парка Царского Села. Сначала был фейерверк, а затем дети сами приготовили себе очень простое угощение: ленивые щи и бифштекс с картофелем. Этим закончилось лето 1857 г.[396]

Когда мальчики в семье Александра II стали почти взрослыми, но еще не зажили своими семьями, родители по-прежнему делали им подарки, учитывая их возраст. Так, 26 февраля 1865 г., когда будущему Александру III исполнилось 20 лет, отец вручил ему картину художника Трутовского, приобретенную на выставке в Академии художеств, и большую фотографию с картины Коцебу «Полтавская битва». От матери, которая в 1865 г. находилась в Ницце, фельдъегерь привез альбом с новыми фотографиями. Через несколько дней Саша получил второй подарок от матери — любимый музыкальный инструмент — cornet a pistons[397].

Вообще, дни рождения детей в царской семье праздновались довольно скромно и традиционно. Когда в сентябре 1866 г. самому младшему сыну Александра II — великому князю Павлу Александровичу исполнилось шесть лет, отец прислал в Ливадию телеграмму имениннику. Взрослые выпили шампанское за здоровье родившегося и расставили игрушки, присланные из Петербурга. В их числе был игрушечный кукольный театр, купленный 9-летним Сергеем Александровичем для младшего брата на свои деньги. Конечно, испекли традиционный пирог с шестью свечками. К 18 часам,

когда все приготовления закончились, раздался звонок. Павла Александровича ввели в комнату с закрытыми глазами и поставили перед столом, на котором были разложены подарки[398]. Восторгу ребенка не было предела.

Естественно, дни рождения и тезоименитства царских отпрысков являлись частью парадной стороны жизни императорских дворцов, важным поводом для того, чтобы собрать вместе многочисленную родню. Но иногда дни рождения детей становились поводом для публичной демонстрации непростых отношений между ближайшими родственниками. Например, в мае 1875 г., *за день* до наступления дня рождения старшего сына цесаревича Александра Александровича, его семья переехала в Царское Село. Тогда будущему Николаю II должно было исполниться семь лет, а это рубежная дата в жизни императорских детей и внуков. Младший брат цесаревича Сергей, который, видимо, был не в курсе особенностей взаимоотношений между семьями цесаревича и Александра II, пребывал в полном недоумении. Тогда он записал в дневнике: «Это удивительно, что они не могли подождать до завтра! И даже у них не было обедни сегодня! Боже мой, куда все это поведет? Мы не были у них»[399]. Возможно, этим демаршем было проявлено недовольство цесаревича и его жены Марии Федоровны взаимоотношениями Александра II и его пассии Екатерины Долгорукой.

При Николае II, который фактически прервал традиции «блестящей жизни» российского императорского двора, дни рождения проходили следующим образом.

29 мая 1905 г. в 11 утра родители с тремя дочерьми (Ольга, Татьяна и Мария)[400] присутствовали на Божественной литургии в церкви Большого Екатерининского дворца Царского Села. Затем в Александровском дворце состоялся парадный завтрак, который начался в 12 часов 25 минут, в честь дня рождения второй дочери царя — великой княжны Татьяны Николаевны. Столы установили в Портретном зале Александровского дворца. Собственно для семьи стол был накрыт на 10 персон. В центре зала располагались столы для гостей — два на 10 человек и два на 11. Таким образом, семейный праздник по случаю дня рождения 7-летней Татьяны собрал около 50 человек. Обслуживали завтрак 64 лакея в парадных ливреях. Надо заметить, что у

каждого «гостевого» стола по протоколу один стул оставался свободным. Он предназначался для царя, который в обязательном порядке, на правах хозяина, обходил все столы, присаживаясь и беседуя с гостями.

Что касается подарков, то они были очень разными. Императрица Александра Федоровна по традиции дарила дочерям по крупной жемчужине для их будущих ожерелий. Подарки для цесаревича Алексея были богаче по статусу. Например, 30 июля 1914 г. вдовствующая императрица Мария Федоровна после официального завтрака подарила Алексею маленького ослика Ваньку, «чему он был очень рад»[401]. А на тезоименитство, 5 октября 1914 г., бабушка-императрица преподнесла 10-летнему внуку настоящий маленький автомобиль, что «его необычайно обрадовало»[402].

Свадьбы в императорской семье

Дети рано или поздно вырастают и начинают жить своей жизнью. Таким рубежным моментом для царских отпрысков становились женитьба или замужество, которые являлись важными событиями в жизни не только императорской семьи, но и всего большого света. Здесь переплеталось множество факторов: личные симпатии молодых, надежды и планы родителей, политические расчеты, организационная подготовка свадьбы, подбор и ремонт жилья для молодых, комплектация приданого для невест и женихов и другие заботы.

Безусловно, императорская семья была избавлена от целого ряда обычных проблем — от материальных до организационных, поскольку свадьбами занимался целый штат специалистов из гофмаршальской части. Однако нужно учитывать, что за нюансами свадебных торжеств следил буквально весь свет, причем не только российский, но и европейский. Все неизбежные проколы с удовольствием фиксировались, обсуждались и становились поводом для «весомых» выводов и «долгосрочных» прогнозов. Поэтому в подготовке каждой свадьбы была обычно задействована вся семья.

Замужество или женитьба во все времена были важными вехами повседневной жизни императорского двора. До Петра I судьба русских царевен

была печальной. Взросление в царском тереме, в любви, неге и внимании, а затем — монашество. Мотивировалось это особенностями сложившейся системы политической власти. За своих выдавать было нельзя, поскольку свой — это холоп царской семьи, то есть неровня. Да и появление побочных ветвей в царском роду всегда чревато ожесточенной борьбой за власть. Петр I в детстве пережил это, когда пьяные стрельцы в 1682 г. на его глазах рубили бердышами братьев его матери. За чужих, однако, тоже выдавать не было принято, да и не за кого, если исходить из канонических православных традиций. Православных царевичей после падения Византии просто не существовало, а выходить замуж за католика считалось совершенно неприемлемым.

Петр I, взяв курс на европеизацию страны, сломал этот порядок. Именно в период его правления начали заключаться браки с представителями европейских аристократических фамилий. Своего сына Алексея он женил на немецкой принцессе Софии-Шарлотте Вольфенбюттельской. Сводную племянницу Анну Иоанновну выдал замуж за герцога Курляндского, а ее сестру Екатерину — за герцога Мекленбургского. Все эти браки носили политический характер, личные склонности во внимание не принимались. Надо заметить, что это вполне вписывалось в традиции эпохи. Другое дело, что эти браки оказались неудачными, и ни о какой личной симпатии между супругами не шло и речи.

Подбор невест и женихов

Ситуация изменилась в XIX в. При заключении браков, конечно, тщательно просчитывались престиж и положение семьи, которая должна была породниться с российским императорским домом. Но при этом родители, российские венценосцы, стремились к тому, чтобы в основе браков их детей лежала любовь. Или, по крайней мере, взаимная симпатия. Россия могла себе это позволить. Конечно, периодически, на том или ином этапе семейной жизни венценосцев и их ближайших родственников происходили семейные драмы, однако к женитьбе или замужеству никого не принуждали.

Когда 20-летний старший сын Николая I великий князь Александр Николаевич совершал поездку по Европе и в Дармштадте познакомился с 14-летней Максимилианой-Вильгельминой-Августой-Софией-Марией, то российская сторона немедленно навела справки об очередной немецкой принцессе. При этом в России пренебрегли слухами о том, что возможный отец девочки не имеет отношения к герцогам Дармштадта. Главным было то, что девочка понравилась российскому принцу. Началась бурная переписка между Николаем I и свитой цесаревича, императора интересовали следующие вопросы: «Какой ей год? Каков ее рост, ее сложение? Кто имел наблюдение за ее воспитанием после кончины августейшей ее матери? Каковы вообще ее нравственные достоинства?»[403]

Когда женихи приезжали в Россию, подбирая себе жен из великокняжеских семей, они также имели на руках подробное досье на потенциальных невест. Как правило, значительная часть сведений по невестам и женихам печаталась в знаменитом Готском альманахе. Одна из дочерей Николая I, которая довольно долго не могла выйти замуж и которую «смотрели» неоднократно, с раздражением заметила: «В Готском альманахе указывается год твоего рождения, тебя приезжают смотреть, как лошадь, которая продается»[404].

Надо заметить, что рынок царственных женихов и невест не был особенно широким. Поэтому подчас приходилось выбирать из того, «что было». Иногда возникали довольно забавные коллизии. Так, в 1860-х гг. 7-летний великий князь Сергей Александрович несколько раз присутствовал в Дармштадте при купании своей будущей жены — великой княгини Елизаветы Федоровны, тогда маленькой принцессы Эллы[405].

Когда в 1873 г. выдавали замуж единственную дочь Александра II — великую княжну Марию Александровну, многим бросилась в глаза незначительность ее будущего супруга принца Уэльского. Конечно, с династической точки зрения принц Уэльский был достойной парой для дочери российского императора, однако, как отмечали современники, родители не могли не видеть «пошлой» натуры герцога. При этом современник отмечал, что «с одной стороны, дело зашло уже слишком далеко, а с другой — и все возможные партии между германскими принцами были нисколько не лучше»[406].

Во второй половине XIX в. стали возникать прецеденты, когда браки заключались внутри большой российской императорской семьи. Так, в мемуарной литературе упоминается о любви принцессы Екатерины Петровны Ольденбургской к старшему сыну Александра II — Никсе. Однако родители молодых людей не сочли возможным пойти на подобный брак, хотя императрица Мария Александровна и готова была рассмотреть этот вариант: «На предложение императрицы принцесса-мать отвечала отказом, и тогда Мария Александровна стала думать о другом сочетании»[407].

Бракосочетания

Важным этапом на пути к свадьбе было подписание брачного контракта между высокими договаривающимися сторонами. Например, российский императорский двор в XVIII–XIX вв. трижды подписывал брачные контракты с гессен-дармштадтским двором. В 1840 г. брачный контракт подписал принц Август Витгенштейн, который в звании главноуполномоченного гессенского двора прибыл в Петербург именно для этой цели[408]. Третий раз подобный контракт был подписан при заключении брака Николая II.

Когда все бюрократические проблемы были улажены, начиналась подготовка к переезду невесты на новую родину. Датская принцесса Дагмар в сентябре 1866 г. провожалась в Россию буквально всей Данией. Ее торжественно встречали в Петергофе, куда она прибыла на российском военном корабле, на который перешла с датского судна, достигнув российских территориальных вод. В Петергофе невесту встречали жених — наследник цесаревич Александр Александрович и император Александр II. Затем огромная кавалькада карет и почетного караула из различных кавалерийских подразделений потянулась в Царское Село для представления невесты императрице Марии Александровне.

Приезд гессенской принцессы Алисы в Россию в октябре 1894 г. прошел значительно скромнее. Это было связано с тем, что ее срочно вытребовали

в Ливадию, где в это время умирал Александр III. Будущая императрица доехала до Симферополя в обычном пассажирском поезде. На платформе вокзала в Симферополе ее встречали старшая сестра великая княгиня Елизавета Федоровна с мужем Сергеем Александровичем и, конечно, жених — цесаревич Николай. Поскольку тогда было не до торжественных процедур, невесту везли в Ливадийский дворец в простой открытой карете. Ехали двумя каретами, в первой — дамы, во второй — мужчины. Судя по акварели очевидца событий, придворного художника М. Зичи, придворные, конечно, собрались у дворца, но ни о какой торжественной встрече невесты цесаревича не шло и речи.

После прибытия в Россию проходило знакомство с будущими родственниками. Мемуаристы в один голос утверждали, что Николай I сразу же очень расположился к своей невестке-цесаревне Марии Александровне, которую он впервые увидел в 1840 г. Жену Александра III Марию Федоровну императрица Мария Александровна держала на расстоянии, подсознательно не прощая ей «измену» своему старшему любимому сыну. Супруга Николая II — Александра Федоровна так и не сумела поладить со свекровью, и их отношения из холодной сдержанности в рамках железного этикета со временем переросли в откровенную неприязнь.

Для родителей самым важным было счастье их детей. Они оценивали женихов и невест именно с этой точки зрения. В июне 1843 г. Николай I писал своему брату Михаилу Павловичу: «Принц гессенский — скромный и милый малый. Гессенит полюбил Адину, и она — его; мы согласились и ждем согласия родителей, чтоб объявить об этом официально. Мы им очень довольны…»[409]

Очень важное место в готовящейся свадебной церемонии занимала процедура сбора и демонстрации приданого. Когда приезжали невесты, они привозили с собой свои вещи, и российской стороне оставалось только принимать это приданое по описи и закладывать его на хранение, используя по мере необходимости. И в том, и в другом случаях процедура демонстрации и приемки вещей происходила накануне свадьбы. Надо заметить, что и для цесаревичей готовился определенный комплект необходимых предметов,

чтобы после свадьбы молодая семья могла сразу же зажить своим домом. По воспоминаниям камер-юнгферы Марии Александровны, в 1841 г., накануне свадьбы молодых, слугам «стали выдавать часть белья и вещей из приданого от гессенского двора (приданое делал не отец, а дядя, кажется, принц Карл), также и из приданого от русского двора; всё остальное отдавали камер-фрау на хранение. Вещи, выданные нам, мы стали размещать по шкафам в новом помещении; вследствие этого дежурная исполняла свою обязанность при невесте, а свободная должна была принимать вещи, записывать и убирать»[410].

Когда готовили приданое для российских принцесс, это принимало совсем иной характер. По воспоминаниям Ольги Николаевны, дочери Николая I, приданое ее старшей сестры Марии Николаевны летом 1839 г. было выставлено в трех залах Зимнего дворца: «Целые батареи фарфора, стекла, серебра, столовое белье, словом все, что нужно для стола, в одном зале; в другом — серебряные и золотые принадлежности туалета, белье, шубы, кружева, платья, и в третьем зале — русские костюмы, в количестве двенадцати, и между ними подвенечное платье, воскресный туалет, так же как и парадные платья со всеми к ним полагающимися драгоценностями, которые были выставлены в стеклянных шкафах: ожерелья из сапфиров и изумрудов, драгоценности из бирюзы и рубинов»[411].

Традицию системной подготовки приданого для царских дочерей в России заложила жена Павла I — императрица Мария Федоровна. У нее было пять дочерей, и поэтому она с немецкой педантичностью выработала стандартный комплект приданого. 13 июня 1797 г. супруга Павла I распорядилась «впредь ежегодно откладывать по 30 000 руб. для заготовления приданого для наших детей, то есть чтобы можно было помаленьку приготовлять белье и запасать кружева и другие вещи, кои, исподволь покупая, обойдутся гораздо дешевле, нежели когда вдруг в них нужда будет»[412].

Эта традиция была упрочена в 1840 г., когда по предложению министра императорского двора П. М. Волконского на заготовление приданого для невест императорской фамилии был выделен особый фонд, складывавшийся из ежемесячных поступлений в 50 000 рублей в ассигнациях.

Установленные тогда процедура комплектации приданого и перечень вещей стали почти обязательными для всех последующих поколений невест из рода Романовых. Российский императорский двор был достаточно консервативен, и если что-то в перечне и менялось, то только внешний вид вещей согласно господствующей на тот момент моде. Примечательно, что материальное благосостояние жениха совершенно не принималось во внимание. В любой ситуации приданое должно было быть укомплектовано в полном объеме, согласно традициям, поскольку речь шла о национальном престиже. Все дети и племянники были равны, в мире им всем назначалось представлять российскую корону. Незыблемой суммой был по этой же причине и приданный капитал в один миллион рублей серебром, наполовину выдаваемый после свадьбы, наполовину депонируемый в государственном заемном банке на родине невесты с годовой выплатой ей процентов.

В номенклатуру обязательно входил комплект предметов церковной утвари для походной церкви, поскольку русская православная княгиня сохраняла свою веру и после отъезда на чужбину. Обязательны были самые разнообразные предметы роскоши: великолепные русские меха, драгоценности, мебельные гарнитуры и экипажи, серебряные обеденные и туалетные сервизы, фарфор и стекло, столовое и постельное белье, настольные украшения, оловянная кухонная посуда, вазы монументальные и вазы ночные. Огромное место занимал гардероб, включавший ткани, кружева, «несшитые платья» — вплоть до туфель и сорочек для жениха.

Несмотря на первое впечатление неимоверной роскоши приготовленного приданого, всё это были вещи только для первоначального обзаведения молодой семьи, необходимые для еды, сна, ношения, передвижения и молитвы. Правда, все предметы были отменного качества и исчислялись сотнями штук.

Как это было принято в Министерстве императорского двора, приданое создавали на основе прецедентов. Эти извлеченные из архивов прецеденты определяли фирмы, среди которых распределялись престижные заказы. При этом фирмы-производители, как правило, были поставщиками императорского двора. Для сохранения престижной марки поставщика двора эти

фирмы подчас шли на заведомые убытки, поскольку Министерство двора требовало от них представить «такое же количество предметов и за такую же цену», при этом инфляция совершенно не принималась во внимание. Этот мотив проходил через многие документы — «стоимости не превышать». Если же превышение стоимости и происходило, то, как правило, поставщиками прилагалось тщательное обоснование «излишних» денежных затрат. Иногда для этих документов был характерен деловой стиль, изредка эмоциональный. Так, парижский фабрикант Дениер, ведущий французский бронзовщик эпохи историзма, работая над приданым для великой княжны Ольги Николаевны, написал следующую «объяснительную»: «В пылу работы, увлеченный желанием исполнить к лучшему, я превзошел указанные мною… цены, но признаюсь, что, работая для одного из богатейших и пышнейших европейских дворов, мне трудно было быть остановленным экономией нескольких лишних тысяч франков»[413].

Несмотря на консервативность и традиционализм, при комплектации приданого принимались во внимание и личные вкусы заказчика, поскольку все образцы проходили через процедуру обязательного личного утверждения.

При заказах вещей внимательнейшим образом отслеживались конъюнктура рынка и множество сопутствующих деталей. Патриотизм во внимание не принимался, поскольку основной упор делался на качество и художественную сторону изделий. Так, в 1840-х гг. при формировании приданого для дочерей Николая I выяснилось, что заказать фаянсовый сервиз в Англии у знаменитого Веджвуда дешевле, чем в России. Кареты было выгоднее заказать мастерам придворного ведомства. В отношении столового белья приходилось выбирать между Александровской мануфактурой и голландским торговым домом в Петербурге «Гармсен, Ланганс и К°». Выбрали голландцев, которые, при всех прочих равных, предлагали более короткие сроки выполнения заказа.

Однако, несмотря на жесткий контроль цен, художественная сторона вопроса в таком деликатном деле, как приданое, все-таки доминировала. При отборе поставщиков ориентировались в первую очередь на много-

летних партнеров Министерства императорского двора: императорские фарфоровый и стекольный заводы, Выборгский стекольный завод, Шпалерную мануфактуру, мебельную фирму братьев Гамбс и Английский магазин Никольса и Плинке.

Привлекали и живописцев. Профессора Академии художеств по предварительно составленным эскизам писали образа для иконостаса походной церкви. В 1843 г. для подготовки приданого великой княжны Александры Николаевны заслуженному петербургскому златокузнецу, автору русских орденов и короны 1826 г. Вильгельму Кейбелю, доверили самое дорогое — исполнить «для церкви утварь серебряную, густо вызолоченную». Серебряную без позолоты поручили изготовить мастеру Кудряшеву. Придворным ювелирам Кемереру, Янашу и вдове ювелира Яна надлежало кроме обручальных колец создать заново или переделать из старого девять гарнитуров из жемчуга, бриллиантов и всех родов драгоценных камней. Характерно, что уровень вмешательства заказчиков был таков, что мать невесты, императрица Александра Федоровна, лично сделала эскиз для бирюзовой диадемы.

Для драпировки стен (при составлении приданого в 1843 г.) поручили купцу и «почетному гражданину Погребову по выбранным у него образцам заказать на лучших московских фабриках шелковые обойные материи». 9 июля 1843 г. Кабинет испрашивал разрешения «заказать мастеру Гамбсу в спальню ее высочества точно такую же и в том же числе золоченую мебель, какая была приготовлена в спальню же для е. и. в. великой княгини Марии Николаевны, подтвердив Гамбсу, чтобы позолота была сделана лучше и прочнее первой»[414]. На это последовала резолюция министра императорского двора князя П. М. Волконского: «Высочайше повелено исполнить и заказать Гамбсу сделать мебель сверх спальной и в уборную… но наперед представить рисунки… для выбора ее высочества». Рядом с резолюцией министра — приписка, видимо, вызванная прошлым опытом работы с поставщиком: «Гамбса обязать подпиской отвечать за прочность мебели в течение года со времени поставки». Другими словами, от поставщика потребовали письменных гарантий.

При комплектации набора кухонной посуды министерство обратилось к «цеховому мастеру медных дел» Александру Юрину, исполнившему ранее эту же часть приданого для старшей дочери Николая I — Марии Николаевны.

Надо подчеркнуть, что никакие многолетние связи придворных поставщиков не гарантировали получения престижного заказа. Эскизы, образцы, реестры могли идти в работу только после прохождения обязательной процедуры высочайшего утверждения. Особенно значимым было мнение самих царственных невест.

При распределении заказов регулярно прибегали к тендеру. Например, в 1843 г. разгорелась борьба между фирмой «Никольс и Плинке» и петербургским бронзовщиком Феликсом Шопеном за право изготовления бронзового плато. Каждая из сторон стремилась склонить Министерство двора в свою сторону дополнительными «бонусами». Так, Шопен предложил три варианта изделия и при этом брался бесплатно вычистить плато великой княжны Ольги Николаевны (изготовлено в 1840 г.), которое уже было сделано в качестве элемента приданого и ожидало своего часа на складах министерства. В результате министерство, решая свои задачи, передало плато из приданого Ольги в приданое Александры, но при этом немедленно заказало аналогичное плато для Ольги повторно. К началу августа 1843 г. было роздано большинство заказов для подготовки приданого Александры Николаевны.

К осени 1843 г. приданое начало формироваться. Быстрее всего оказался укомплектован гардероб. Отвечала за эту позицию статс-дама Ю. Ф. Баранова. Счета и выплаты шли через ее руки бесконечным потоком: берлинской фирме братьев Римплер — за шелковые ткани, Августу Матиасу — за 7 аршинов кашемира из Москвы, школе Императорского человеколюбивого общества — за шитье блуз и 20 аршинов вышивки для туалета, истопнику Воробьеву — за разъезды, футлярному мастеру Дюдитеру — за сделанные сундуки и картоны, жене капельдинера Сундукова — за шитье 18 наволочек, модному магазину «Этьен и Ведель» на Большой Морской — за мантилью, банкиру барону Штиглицу — за вексель для уплаты шелков по счетам парижского магазина «Шардон Лагаш», магазину персиянина Хаджи Ханова

в Петербурге — за турецкие шали, магазину «Дюшон» на Невском проспекте — за помаду, мыло и одеколон, фабриканту Сапожникову — за 23 аршина марселина, фабриканту Шульцу — за булавки и шпильки, начальнице сиротского приюта — за разное шитье, голландскому магазину «Крюйс» — за 27 кусков батиста, почетному гражданину Ивану Лихачеву — за два русских парадных платья, вышитых серебром и золотом, дочери губернского секретаря Ильина Анне — за метки на 34 платках и т. д. и т. п.[415]

Если деньги, отведенные на закупку приданого, не выбирались до конца, они автоматически возвращались в специальный фонд императорской фамилии, но отнюдь не переходили в собственность молодоженов. Поэтому матери для своих дочерей старались выжать этот фонд досуха.

Когда приданое Александры Николаевны было полностью укомплектовано, его, по давней традиции, выставили на несколько дней на обозрение в парадных залах Зимнего дворца.

Все поставки для императорского двора, шедшие из-за границы, пропускались беспошлинно. Так, прибывший из Англии с фабрики Веджвуда фаянсовый сервиз на сто персон не был обложен никакими таможенными сборами. Однако при этом предписывалось жестко контролировать этот канал поступления вещей в Россию, «чтобы под сим предлогом никому из-за границы не привозилось контрабанды»[416]. А 19 мая 1843 г. таможня получила распоряжение о беспрепятственном пропуске приданого Адини за границу.

Описанная практика действовала вплоть до начала XX в. Одна из последних императорских свадеб состоялась летом 1894 г., когда великий князь Александр Михайлович женился на дочери Александра III — Ксении. Поскольку решение о свадьбе было принято внезапно, приданое для Ксении пришлось доукомплектовывать срочными темпами. Фактически из-за этого свадьбу отложили на шесть месяцев. Великий князь вспоминал, что когда он попробовал протестовать против этой отсрочки, его «попросили помолчать и лишь молить Провидение, чтобы портнихи успели к тому времени сшить приданое Ксении».

Всё, конечно, было готово к сроку, и молодые не без интереса посетили выставку, которая была устроена в Зимнем дворце: «В конце зала стоял стол,

покрытый приданым жениха. Я не ожидал, что обо мне позаботятся так же, и был удивлен. Оказалось, однако, что, по семейной традиции, государь дарил мне известное количество белья. Среди моих вещей оказались четыре дюжины дневных рубах, четыре ночных и т. д. — всего по четыре дюжины. Особое мое внимание обратили на себя ночной халат и туфли из серебряной парчи. Меня удивила тяжесть халата. «Этот халат весит шестнадцать фунтов», — объяснил мне церемониймейстер. «Шестнадцать фунтов? Кто же его наденет?» Мое невежество смутило его. Церемониймейстер объяснил мне, что этот халат и туфли по традиции должен надеть новобрачный перед тем, как войти в день венчания в спальню своей молодой жены. Этот забавный обычай фигурировал в перечне правил церемониала нашего венчания наряду с еще более нелепым запрещением жениху видеть невесту накануне свадьбы. Мне не оставалось ничего другого, как вздыхать и подчиняться. Дом Романовых не собирался отступать от выработанных веками традиций ради автора этих строк».

Кроме того, в истории осталась большая императорская свадьба еще одной младшей сестры Николая II — Ольги в 1901 г. К свадьбам Ксении и Ольги в последний раз на полную мощность был запущен механизм подготовки приданого российских принцесс.

Необходимой частью приданого дочерей российских императоров были различные ювелирные изделия, которые в конце XIX в. заказывались поставщику высочайшего двора Болину, и столовое серебро, сработанное мастерами фирмы К. Фаберже. Со второй половины XVIII в. русским великим князьям и княжнам дарились массивные серебряные столовые наборы, так называемые «Surtout de table». Фирма Фаберже изготовила три серебряных столовых набора: для великой княжны Ксении Александровны, Николая II и великой княжны Ольги Александровны.

Первый серебряный столовый сервиз был заказан в качестве приданого для Ксении Александровны, которая вышла замуж в 1894 г. О степени важности заказа свидетельствует то, что эскизы столового серебра утверждал лично отец невесты — Александр III, поэтому отступления от утвержденного чертежа были исключены, однако мастера, исходя из особенностей техноло-

гического процесса, позволили себе незначительные изменения в деталях. Как правило, эти парадные украшения стола состояли из центральной вазы для цветов (жардиньерки), нескольких парных ваз для фруктов разных размеров, канделябров, холодильников для шампанского и других предметов. Общее число их обычно не превышало 30. Свадебный серебряный сервиз Ксении Александровны состоял из 29 предметов чеканного серебра в стиле ампир, обошедшихся Кабинету его императорского величества в 50 000 рублей. Об уровне художественной стороны изделий говорит то, что, по некоторым предположениям, эскизы к серебряному сервизу Ксении Александровны делал Леонтий Бенуа.

Поскольку при императорском дворе незыблем принцип прецедента, то ко дню свадьбы великой княжны Ольги Александровны было приказано сделать такой же сервиз. О сложности заказа говорит то, что работа над ним продолжалась с апреля 1901 г. по март 1911 г. К этому времени великая княгиня Ольга Александровна уже всячески добивалась от старшего брата права на развод с мужем.

Первый проект свадебного сервиза был представлен на рассмотрение императорской семьи весной 1901 г. Проект действительно обсуждался, поскольку в мае 1901 г. «его императорское величество изволил заметить, что цвет фона четырех медальонов на блюдце… следовало бы изменить». В свою очередь К. Фаберже, по свидетельству Ф. Бирбаума, предложил сделать фон не красным, а темно-зеленым, так как цвет этот встречается в орнаменте блюдца, подчеркивая, что это цвет надежды, хорошо сочетающийся с цветом серебра. Все эти нюансы позволяют понять, насколько тяжело приходилось художникам фирмы Фаберже, которые стремились, как могли, отстаивать свое видение вещи.

Однако спорить с царственными заказчиками было крайне сложно, а подчас и невозможно. В результате изготовление сервиза затянулось, поскольку императрица Мария Федоровна полностью забраковала представленные рисунки, и их пришлось переделывать. В конечном итоге К. Фаберже представил на рассмотрение заказчиков новые рисунки: три варианта в стиле Людовика XV и три в стиле Людовика XVI. В декабре 1908 г. проектные

рисунки были высочайше утверждены, и к марту 1911 г. сервиз «Surtout de table» в стиле Людовика XVI с вензелями «О. А.» и царской короной был готов. Стоил он «по образцу прежних лет» также 50 000 рублей. В комплект входили одно плато с зеркалом большое, два плато с зеркалами боковые, четыре большие вазы для фруктов с тарелками граненого хрусталя, восемь ваз для конфет, восемь холодильников для шампанского, четыре вазы для компота, четыре канделябра с электрическими проводами на 10 свечей каждый в 12 дубовых футлярах.

Императрице Александре Федоровне не пришлось всерьез озаботиться подготовкой приданого для своих дочерей, хотя Ольге на момент гибели исполнилось уже 23 года. В 1914 и 1916 гг. были попытки познакомить ее с румынским принцем Каролем, но дело не сложилось… При этом известно, что Александра Федоровна все-таки начала с 1910 г. готовить приданое для своих старших девочек.

Еще одной очень важной предсвадебной церемонией являлось торжественное *миропомазание* невест цесаревичей. Приезжали в Россию протестантки, однако в обязательном порядке накануне свадьбы они принимали православие и меняли имена. Так, 5 декабря 1840 г. дочь герцога Людвига Гессен-Дармштадтского принцесса Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария в ходе церемонии миропомазания превратилась в цесаревну Марию Александровну, а в 1866 г. датская принцесса Дагмар — в цесаревну Марию Федоровну.

В октябре 1866 г., после торжественного большого выхода императорской семьи, в большой церкви Зимнего дворца митрополит провел церемонию миропомазания. В России сохранили ее первое имя — Мария, отчество было дано в честь иконы Феодоровской Божией Матери. После этой процедуры Мария Федоровна приобрела статус «полной невесты» русского цесаревича. Затем последовала божественная литургия, после чего императрица Мария Александровна подвела уже Марию Федоровну к целованию святых икон и ко святому причащению[417].

Следует напомнить, что миропомазание является одним из христианских таинств. Обычно обряд миропомазания совершается при обряде

крещения. Также обряд миропомазания совершается над теми, у кого по прежнему вероучению (протестанты, русские раскольники разных сект) не существует непрерывного иерархического преемства от апостолов и, следовательно, нет законного священства, необходимого для преподавания даров Святого Духа. Из католичества присоединяются к православию через миропомазание только те, кто не успел еще принять конфирмацию. Для протестанток, вступивших в брак с российскими великими князьями, обряд миропомазания не был обязателен. Некоторые из великих княгинь принимали православие сразу, некоторые спустя какое-то время, а иные так и оставались протестантками.

После процедуры миропомазания следовал *обряд обручения*. Временные промежутки между этими обрядами определялись конкретной ситуацией. Например, миропомазание великой княжны Марии Александровны состоялось 5 декабря 1840 г., а обряд обручения последовал уже 6 декабря 1840 г. Эти даты не случайны. Дело в том что 6 декабря отмечалось тезоименитство императора Николая I. Церемония же бракосочетания молодых состоялась 16 апреля 1841 г.

Естественно, церемония обручения была в деталях отработана придворными церемониймейстерами. Например, 19 декабря 1842 г. граф К. В. Нессельроде составил проект церемониала обручения Александры Николаевны с принцем Фридрихом Вильгельмом Гессен-Кассельским. Поскольку великая княжна выходила замуж за лютеранина, сначала состоялось венчание по православному обряду в Большой церкви Зимнего дворца, а уже затем такую же процедуру проводил в очень узком кругу лютеранский пастор.

Через три дня утвержденный церемониал опубликовали в «Санкт-Петербургских ведомостях». Там было описано всё — от формы одежды до места, где каждому надлежало идти или стоять. Все роли в этом придворном «спектакле» были тщательно расписаны. Вплоть до того, что петь придворному хору во время совершения обряда, какому пастору совершать церемонию по лютеранскому обычаю, на каком языке читать ему проповедь, включать ли в свадебные торжества «по примеру прошлого» театральное представление.

Следует еще раз подчеркнуть, что вся жизнь императорского двора строилась на основании прецедентов. По аналогии с предыдущими торжествами ассигновались такие же суммы на раздачу бедным и выкуп из тюрьмы должников, учителям и гувернанткам по составленному невестой списку выплачивались пенсии и награды, а для обслуживания гостей на праздничных балах и ужинах мобилизовывалось множество слуг из всех дворцов, включая пригородные и великокняжеские.

Естественно, обручения находили свое отражение в мемуарах. Жена Николая I вспоминала, как проходило ее обручение 25 июня 1817 г.: «Я впервые надела розовый сарафан, брильянты и немного подрумянилась, что оказалось мне очень к лицу; горничная императрицы, Яковлева, одела меня, а ее парикмахер причесал меня; эта церемония сопровождалась обедом и балом с полонезами»[418]. Во время церемонии Александр I подвел к алтарю младшего брата Николая, а вдовствующая императрица Мария Федоровна — «высокобрачную невесту». Митрополит Амвросий, приняв вынесенные из алтаря кольца, возложил при обычной молитве на руки обручающимся, а императрица Мария Федоровна обменяла их перстнями[419].

Когда в 1838 г. выдавали замуж Марию Николаевну, старшую дочь Николая I, то помолвка также состоялась в Большой церкви Зимнего дворца: «Мэри в русском парадном платье была очень хороша: белый тюль, затканный серебром и осыпанный розами, обволакивал ее. Мама сама придумала ее наряд. Он был так прекрасен, что с тех пор стало традицией надевать его во всех парадных случаях»[420].

Очень важной деталью церемонии обручения царских дочерей была процедура *отречения*. В 1845 г. великая княжна Ольга Николаевна выходила замуж, и утром перед обручением она подписала «Отречение, как это полагается в нашем Законе. Его подписывает каждая великая княжна перед своим браком»[421]. Под отречением имелся в виду отказ от каких-либо претензий на императорскую корону со стороны как самой невесты, так и ее потомства. Это отречение фактически превращало невесту в отрезанный ломоть для всей императорской семьи, и отношения с близкими поддерживались только на личном уровне[422].

Затем наступала пора самого *обряда венчания*. Поскольку это событие, как правило, занимало целый день, то обряд венчания в свою очередь распадался на несколько составляющих.

Сначала проходила семейная церемония *обедни*[423]. На обедне, как правило, проходившей в Малой церкви Зимнего дворца, присутствовала только семья. Родители последний раз молились со своей дочерью. Продолжением обедни становился семейный завтрак, на котором присутствовали лишь свои.

После завтрака начиналась старинная русская церемония *одевания невесты*. Обряд одевания невесты происходил в присутствии всей женской половины императорской семьи и вновь назначенных придворных дам и фрейлин. Одна из камер-фрейлин императрицы Марии Александровны упомянула, что 23 апреля 1841 г. во время одевания будущей императрицы ей была представлена «новая камер-фрау, баронесса Каролина Карловна Раль, урожденная Бронзарт, бывшая начальница в институте глухонемых»[424].

В Зимнем дворце церемония одевания невесты проходила на половине императрицы в одной из парадных зал. До пожара 1837 г. это происходило в Бриллиантовой зале, прилегавшей к спальне вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Там одевали жену Николая I — Александру Федоровну. Именно во время этой процедуры бедненькие немецкие принцессы впервые надевали на себя столько драгоценностей, сколько они не видели за всю свою жизнь. Александра Федоровна вспоминала, что накануне свадьбы, которую приурочили ко дню ее рождения — 1 июля 1817 г., она получила прекрасные подарки: «…жемчуг, брильянты; меня все это занимало, так как я не носила ни одного брильянта в Берлине, где отец воспитывал нас с редкой простотой[425]. Мне надели на голову корону и кроме того бесчисленное множество крупных коронных украшений, под тяжестью которых я была едва жива»[426].

Камер-юнгфера Марии Александровны также описала свадебный наряд невесты: «Мне пришлось снимать с ее головы и шеи драгоценнейшие бриллиантовые уборы, какие я видела в первый раз в жизни. На принцессе был голубого цвета шлейф, весь вышитый серебром, и белый шелковый сарафан, перед которого тоже был вышит серебром, а вместо пуговиц на-

шиты бриллианты с рубинами; повязка темно-малинового бархата, обшитая бриллиантами; с головы спадала серебром вышитая вуаль»[427].

После того как Зимний дворец был восстановлен после пожара 1837 г., церемония одевания невесты была перенесена на половину императрицы Александры Федоровны, в Малахитовую гостиную. Именно там с 1839 по 1894 г. одевали всех царских невест и царских дочерей.

Невесты, как и все невесты в мире, выглядели, конечно, ослепительно. Тем более что вся инфраструктура министерства двора несколько недель работала на этот блеск. В октябре 1866 г., во время бракосочетания цесаревича Александра и датской принцессы Дагмар, невеста была в сарафане из серебряной парчи и малиновой бархатной мантии, обшитой горностаем, и имела на голове корону, блиставшую бриллиантами[428].

Несмотря на весь блеск и лоск, церемониальность и пышность императорского двора, в обряде одевания невесты сохранялись глубинные народные традиции, которые шли от естественных человеческих чувств. Особенно это было характерно, когда выдавали замуж царских дочерей. Они не только уходили из семьи, но и покидали Россию. Поэтому органичной частью этого обряда были *плачи*. Когда в январе 1874 г. выдавали замуж единственную дочь Александра II, ее младший брат отметил в дневнике, что невеста была окружена плачущими женщинами[429].

О неизменности этой традиции говорят и воспоминания великого князя Александра Михайловича, который, описывая церемонию одевания своей будущей жены Ксении Александровны в 1894 г., упоминал: «За обрядом одевания невесты наблюдала сама государыня при участи наиболее заслуженных статс-дам и фрейлин. Волосы Ксении были положены длинными локонами, и на голове укреплена очень сложным способом драгоценная корона. Я помню, что она была одета в такое же серебряное платье, что и моя сестра Анастасия Михайловна, и как все великие княжны в день их венчания. Я помню также бриллиантовую корону на ее голове, несколько рядов жемчуга вокруг шеи и несколько бриллиантовых украшений на ее груди».

После завершения церемонии одевания невесты начиналось *торжественное шествие* всей императорской семьи и ближайшей свиты в

Большую церковь Зимнего дворца. Официально церемония именовалась Высочайшим выходом перед свадьбой. Все обряды венчания российских императоров в XIX — начале XX в. происходили именно в Большой церкви Зимнего дворца.

Родители, конечно, переживали за своих детей и желали им счастья. Волнение проявлялось по-разному. В январе 1844 г., во время свадьбы дочери Николая I Александры Николаевны, император перед началом торжественного шествия приказал «по народному обычаю всем сесть, а потом опять встали, и каждый перекрестился, вместе с императрицей, в слезах, благословил невесту»[430].

В 1866 г. цесаревича Александра Александровича венчали на следующий день после миропомазания невесты. Обручальные перстни молодых были уложены в алтаре заранее. Во время торжественного венчания перстень цесаревича вынес из алтаря духовник императора, а перстень невесты — ее законоучитель, протоиерей Рождественский. Митрополит передал перстни на руки молодым. Затем подошли Александр II и Мария Александровна и «разменяли их перстнями». В этом момент начался салют в 51 выстрел.

После окончания венчания все приглашенные и молодые направились в Николаевский зал и уселись за обеденный стол. Во время торжественного свадебного обеда звучали тосты под традиционные салюты[431]. Вечером гости вновь собрались на свадебный бал в Георгиевском зале Зимнего дворца.

Сама процедура венчания царских дочерей, как и их обручения, носила двухэтапный характер. Сначала венчание шло по православному обряду, а затем повторялась по лютеранскому в одной из зал дворца. Александру Николаевну венчали по лютеранскому обряду в узком кругу приглашенных в Александровском зале у протестантского алтаря. Эта скромная церемония завершила духовную часть торжеств.

В 1874 г. после русской свадьбы состоялась «английская», проведенная по обрядам англиканской церкви в Александровском зале Зимнего дворца. При этом великий князь Сергей Александрович отметил в дневнике, что ему «очень понравилась следующая фраза «Кто отдает эту женщину этому

мужчине?». После окончания церемонии, уже в Малахитовой зале, Александр II, императрица Мария Александровна и даже младшие братья Сергей и Павел, как свидетели, подписались под свадебными документами, «это у них, то есть у англичан, такой обычай»[432].

Разумеется, во время свадебной церемонии старались избежать накладок, как правило, почти неизбежных, которые могли бы бросить тень на торжественную церемонию. Публика во дворец пускалась далеко не случайная, но и за ней внимательно присматривали. Так, во время свадьбы Александра II и Марии Александровны в апреле 1841 г. на хорах в одном из залов Зимнего дворца заметили, что «у одной дамы была надета черная кружевная накидка: тотчас явился скороход, отыскивает даму и просит от имени гофмаршала Олсуфьева снять черную накидку. Дама, конечно, моментально исполняет желание гофмаршала, сбрасывает накидку и держит ее на руках; вторично появляется скороход, прося унести или так спрятать, чтобы вовсе не было видно ничего черного»[433]. Современники отмечали и необычных гостей, присутствовавших на свадьбе. В октябре 1866 г. на свадьбе цесаревича Александра и принцессы Дагмар присутствовал плененный вождь кавказских горцев Шамиль[434].

Традиция торжественного шествия по залам в Большую церковь Зимнего дворца сохранялась с железной неизменностью. Даже если императорская свадьба проводилась в другой резиденции, традиция соблюдалась до мельчайших деталей. Великий князь Александр Михайлович, венчавшийся в 1894 г. с Ксенией Александровной в церкви Большого Петергофского дворца, вспоминал: «Наконец мне показали невесту, и процессия двинулась. Сам государь император вел к венцу Ксению. Я следовал под руку с императрицей, а за нами вся остальная царская фамилия в порядке старшинства. Миша и Ольга, младшие брат и сестра Ксении, мне подмигивали, и я должен был прилагать все усилия, чтобы не рассмеяться. Мне рассказывали впоследствии, что «хор пел божественно». Я же был слишком погружен в мои мысли о предстоящем свадебном путешествии в Ай-Тодор, чтобы обращать внимание на церковную службу и наших придворных певчих».

Как и всякая церемония, венчание было довольно утомительной процедурой. После венчания молодые уже супругами возвращались во дворец. При этом расстановка мест в торжественном шествии несколько изменялась. Впереди уже шли молодожены, а позади — Александр III с императрицей Марией Федоровной.

Пожалуй, это была последняя во всех отношениях традиционная свадьба членов малой императорской семьи. Через полгода, 14 ноября состоялась свадьба Николая II и Александры Федоровны. Однако над этой, в общем-то, любящей парой изначально витали черные тучи. Гессенская принцесса приехала в Ливадию 10 октября 1894 г., а через десять дней — 20 октября умер Александр III. Когда гроб с телом императора привезли в Петербург, Александра Федоровна с семьей шла за ним по Невскому проспекту. По Петербургу немедленно поползли слухи о том, что молодая императрица явилась в Россию вслед за гробом Александра III. Не без влияния Александры Федоровны Николай II настоял на немедленном венчании, хотя по традиции в империи должен был соблюдаться годичный траур. Траур прервали на один день. 14 ноября было днем рождения вдовствующей императрицы Марии Федоровны, и именно в этот день состоялось венчание Николая II и Александры Федоровны. Чего это стоило императрице-матери — можно только догадываться. А в сознании современников свадьба смешалась с похоронами, да и сама эта скромная скоротечная свадьба не оставила особого следа.

Тем не менее отлаженный механизм торжественных церемоний отработал без сбоев. Все прошло гладко, до мелочей. Например, по традиции из материальной кладовой Зимнего дворца служителям было выдано двадцать флаконов духов «Парфюм-д ля-кур» для курения по Зимнему дворцу «в подъездах по случаю высокоторжественного дня бракосочетания его императорского величества»[435]. Этими духами обрызгивались раскаленные чугунные лопатки для интенсивного «курения духов».

Важным звеном свадебных торжеств являлся *торжественный «трехклассный» обед.* Такое название было связано с тем, что на обед допускалась военно-бюрократическая элита Российской империи, отобранная по принципу

принадлежности к первым трем классам «Табели о рангах». В особых случаях, таких как свадьба цесаревича, круг гостей расширялся за счет купцов двух первых гильдий. Ну и конечно приглашался дипломатический корпус[436]. Как правило, после венчания молодые шли через живой коридор сановников, которые собирались во дворец для торжественного ужина.

В апреле 1841 г. на свадьбе цесаревича торжественный банкет начался в 3 часа дня. Примерно 400 человек разместились в Николаевском зале Зимнего дворца за тремя громадными столами. Праздничный ужин сопровождался музыкой. В 1843 г. свадебный ужин открылся увертюрой из «Эвриантны» Вебера. Посередине зала располагались царская семья и духовенство, которое открывало банкет молитвой и благословением. За столом по правую руку от императорской семьи сидели дамы, по левую — кавалеры. Каждый тост сопровождался пушечными залпами. Вообще, цифра в 400–500 гостей была обычной для подобных мероприятий.

В октябре 1866 г. на свадьбе цесаревича Александра парадный «трехклассный» обед в Николаевском зале начался в 5 часов. На эту свадьбу для музыкального сопровождения были собраны отечественные и европейские звезды: Трелли, Блюдель, Барбо, Леонова, Тамберлик, Грациани, Кальцолари и другие[437].

Завершающим аккордом свадебного дня становился обязательный *бал*. На свадьбе цесаревича в 1841 г. бал начался в 8 часов вечера и был открыт традиционным полонезом в Георгиевском зале. Примечательно, что во время бала круг приглашенных расширялся. Например, в январе 1843 г. на свадьбе Александры Николаевны на торжественном ужине присутствовало 416 гостей, а на балу было уже 565 персон. Такое увеличение происходило за счет приглашенных кавалеров, которые, как правило, подбирались из молодых офицеров лейб-гвардейских полков.

На свадьбах во время полонеза первой парой шли император и невеста. В 1841 г. первой парой шли Николай I и его молодая невестка Мария Александровна. Только в 10 часов вечера молодые удалились в покои, где был накрыт стол для ужина «для семьи»[438]. Наконец уже в 12-м часу ночи обессиленные молодые остались одни.

На свадьбе цесаревича в 1866 г. бал начался в 9 часов вечера. Он состоял только из торжественного полонеза (или как его называли — польского) и завершился уже к 10 часам, после чего молодые отъехали в Аничков дворец.

Свадьба в императорской семье не ограничивалась одним днем. После церемонии венчания начиналась целая череда дворцовых празднеств. Надо было быть очень здоровым человеком, чтобы выдержать их напряженный ритм и значительные физические нагрузки.

Последующие балы не ограничивались торжественными полонезами. Свадьба есть свадьба, и молодежь веселилась от души. Одна из участниц подобных балов вспоминала, как в 1841 г. они таким бешеным галопом неслись по залам «с Папа́ во главе», что «камер-пажи с трудом поспевали за нашими шлейфами»[439].

При Николае I на особо торжественные свадьбы, такие как свадьба наследника цесаревича, в Зимний дворец пускали «народ». Фактически это празднество превращалось в бал «с мужиками». Так было во время бракосочетания наследника Александра Николаевича, когда свадьба закончилась «народным празднеством в национальных костюмах», тогда в Зимний дворец было допущено «тридцать тысяч человек. Зимний дворец освещался всю ночь напролет, и в залах толкалась невообразимая толпа. В Белом зале для Мама́ было устроено спокойное место за балюстрадой, где она могла сидя принимать приветствующих. Папа́ с одной из нас, дочерей, под руку ходил, насколько это было возможно, среди толпы; празднество длилось бесконечные часы. Мы совершенно обессилели под конец»[440], — вспоминала дочь Николая I. Вспоминая свадьбу старшего брата, Ольга Николаевна писала, что на большом приеме при дворе присутствовало как множество городских дам и их мужей, так и купцов с женами. Все они имели право быть представленными невесте, и залы дворца были переполнены[441].

Торжества, связанные со свадьбой цесаревича Александра в 1866 г., начались в сентябре и продолжались до второй половины ноября. 8 ноября 1866 г. был дан парадный спектакль в петербургском Большом театре, 9 ноября состоялся бал в Зимнем дворце, и закончились торжества 21 ноября балом от дворянства.

Трудно организовать столь сложную церемонию с участием сотен людей без тех или иных недочетов. Промашки, конечно, случались, и некоторые из них буквально входили в историю. Эпизод, когда во время свадьбы Николая II протодиакон Исаакиевского собора на торжественной ектеньи назвал принцессу Дар*шимат*ской вместо Дар*мштадт*ской, упоминается во множестве мемуаров[442].

Важным этапом свадебного церемониала был *прием поздравлений дипломатического корпуса* в Зимнем дворце. Затем молодые отправлялись к «могилам предков» в Петропавловском соборе, и завершались церемониальные торжества поклонением чудотворной иконе Спасителя в домике Петра Великого.

Затем молодожены могли располагать собой. Уже в XIX в. в царской семье сложилась традиция свадебных путешествий. В 1894 г. младшая сестра Николая II — Ксения после завершения свадебных торжеств отправилась в имение жениха Ай-Тодор.

Наряду со свадьбами молодоженов в XIX в. были отмечены три *серебряные императорские свадьбы.* Следует подчеркнуть, что серебряные свадьбы отмечались в домашнем кругу. Это был довольно камерный праздник, когда рядом с юбилярами собирались многочисленные дети и родственники. Празднование серебряного юбилея не выливалось в сколько-нибудь серьезные официальные мероприятия.

Николай I и императрица Александра Федоровна заключили брак 1 июля 1817 г., и, соответственно, в 1842 г. исполнилось 25 лет их семейной жизни. Собственно праздники при дворе, посвященные серебряной свадьбе императорской четы, начались еще в апреле 1842 г., когда в Михайловском манеже прошел первый тур рыцарской карусели, повторенный набело в мае перед Александровским дворцом. Эти праздники были зримым проявлением культа прекрасной дамы, который создавал Николай I вокруг своей жены на протяжении всего своего царствования.

Перед самим юбилеем Николай I провел семейный праздник. Великая княгиня Ольга Николаевна вспоминала: «Папа́, любивший семейные торжества без свидетелей, устроил так, что накануне торжества семья, без

придворных, в самом тесном кругу собралась вместе. Тут он появился с подарками для Мама́, со шляпой в каждой руке, третья на голове, футляр во рту, другой — под пуговицами его мундира, за ним следовала камер-фрау с платьями на руках, чудесными туалетами, подобных которым мы еще не видели… В день свадьбы мы, семеро детей, поднесли Мама́… браслет с семью сердечками из драгоценных камней, которые составляли слово «respect» (почтение). От Папа́ она получила ожерелье из 25 отборных бриллиантов. Каждой из нас, сестер, он подарил по браслету из синей эмали со словом «bonheur» (счастье) в цветных камнях, которые отделялись друг от друга жемчужинами. «Такова жизнь, — сказал он, — вперемешку со слезами. Эти браслеты вы должны носить на семейных торжествах»[443]. Конечно, трудно себе представить себе грозного императора в модной женской шляпке на голове, но Николай I в кругу семьи мог себе это позволить.

Вторая императорская серебряная свадьба состоялась в 1866 г. Официальная церемония торжеств была очень скромной. Юбилейную дату едва обозначили, поскольку еще продолжался годичный траур по цесаревичу Николаю Александровичу, умершему в 1865 г. До нас дошла фотография императора Александра II и императрицы Марии Александровны, сделанная в день их юбилея. На ней Мария Александровна в трауре, только зонтик и чепец светлые. И лицо ее сохраняло глубокую скорбь. Эта скорбь по-человечески очень понятна — 25-летие брака императрица встретила, потеряв не только своего старшего любимого сына, но и мужа, который не делал особой тайны из своих взаимоотношений с молоденькой княжной Екатериной Долгорукой. Судя по тому что Александр II на этой фотографии одет в партикулярный сюртук, празднование свадьбы прошло в семейном кругу за границей, где императрица ежегодно проходила курс лечения.

Третья серебряная свадьба была скромно отмечена Александром III и императрицей Марией Федоровной в Ливадии осенью 1891 г. в кругу родных. На юбилей в Ливадии собрались не только все великие князья и княгини, но и приехали из Дании родственники со стороны императрицы Марии Федоровны. Родственники заказали в фирме К. Фаберже в качестве подарка большие серебряные каминные часы, которые и преподнесли юбиля-

рам. Также были изготовлены два проекта юбилейных медалей, посвященных 25-летию свадьбы.

Последняя императорская семья не отметила свой юбилей. Однако в ноябре 1914 г. Николай II записал в дневнике: «Не верится, что сегодня двадцатилетие нашей свадьбы! Редким семейным счастьем Господь благословил нас; лишь бы суметь в течение оставшейся жизни оказаться достойным столь великой Его милости!»

Примечания

Том I. Часть I

[1] Предисловие М. Пиотровского // Зимний дворец. Очерки жизни императорской резиденции. Т. 1. XVIII — первая треть XIX в. СПб., 2000.

[2] Зимний дворец. Очерки жизни императорской резиденции. Т. 1. XVIII — первая треть XIX в. СПб., 2000.

[3] Цит. по: *Файбисович В. М.* Александр I — человек на троне // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба». Каталог выставки. СПб., 2005. С. 73.

[4] *Лаврентьева Е. В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. М., 2005. С. 21.

[5] Бреге в Эрмитаже. Каталог выставки. СПб., 2004. С. 126.

[6] Цит. по: *Чулков Г.* Императоры. М., 2001. С. 231.

[7] Письма Николая Павловича И. Ф. Паскевичу. 1832–1847 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 469.

[8] *Мурре́й Ч.* Королева Виктория и Николай I // Николай Первый и его время. В 2-х т. М., 2000. Т. 2. С. 328.

[9] *Даллас Д.* Американский посланник при дворе Николая I (1837–1838) // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 199.

[10] За два парика парикмахеру было уплачено 37 рублей. См.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 650. Д. 1061. Л. 8 // Книга прихода и расхода денежной суммы великого князя Николая Павловича 1812 года.

[11] ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1069 // Гардеробные суммы за 1833–1835 гг.

[12] Там же. Л. 32 // Гардеробные суммы за 1833–1835 гг.

[13] *Корф М.* Записки. М., 2003. С.304.

[14] ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1059. Л. 26 // Книга прихода и расхода денежной суммы великого князя Николая Павловича 1810 года.

[15] Там же. Д. 1071. Л. 14 // Книга гардеробной суммы 1838–1841 гг.

[16] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 330.

[17] ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1067. Л. 5 об. // Приходно-расходная книга карманных сумм. 1824–1825 гг.

[18] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 203.

[19] Николай Первый и его время. Т. 1. С. 368.

[20] Цит. по: *Выскочков Л. В.* Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001. С. 386.

[21] Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого // Исторический вестник. 1887. Т. 30. № 10. С. 49.

[22] Цит. по: *Лаврентьева Е. В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. М., 2005. С. 33.

[23] Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 38.

[24] Там же. С. 113.

[25] Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). 1-е изд. 16 января 1705 г. № 2015.

[26] ПСЗРИ. 2-е изд. 30 марта 1837 г. № 10076.

[27] Там же. 20 августа 1874 г. № 53829, 53830.

[28] Там же. 11 августа 1875 г. № 54988.

[29] *Тютчева А. Ф.* Дневник // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 360.

[30] *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. М., 1990. С. 82.

[31] *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 322.

[32] *Бенуа А. Н.* Воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 365.

[33] Из воспоминаний адмирала Д. С. Арсеньева. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. М., 2007. С. 25.

[34] Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 142.

[35] *Кропоткин П. А.* Записки революционера // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 138.

[36] Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 410.

[37] *Литвинов Н. П.* Дневник // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 94.

[38] *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. С. 78.

[39] Рокштуль (Rockstuhl) Алоизий (Густав) Петрович (1797–1877) — профессор миниатюрной живописи Императорской академии художеств, живописец его величества, управляющий музеем «Mon Bijou» Царскосельского арсенала.

[40] *Яковлева А. И.* Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 95.

[41] Там же.

[42] *Литвинов Н. П.* Дневник // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 57.

[43] *Лаврентьева Е. В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. С. 239.

[44] *Литвинов Н. П.* Дневник // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 57.

[45] *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 313.

[46] *Тютчева А. Ф.* Дневник // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 359.

[47] *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 226.

[48] Там же. С. 229.

[49] *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 321.

[50] «Крепкого словца» не чурались и другие Романовы. Они жили в России и считали себя русскими, со всеми особенностями национальной ментальности. Например, граф С. Д. Шереметев упоминает, что старшая дочь Николая I была дамой порывистой и в «разговорах не всегда парламентна». См.: Петербургское общество 60-х годов (1863-1868) // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 176.

[51] *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 325.

[52] Там же. С. 322.

[53] Там же.

[54] Дневник великого князя Сергея Александровича. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. С. 61.

[55] Из переписки с цесаревичем великим князем Александром Александровичем // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. С. 167.

[56] Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 296.

[57] *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 322.

[58] Там же. С.319.

[59] *Берс А.* Воспоминания об Александре III // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 83–84.

[60] *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 330.

[61] Цит. по: *Лаврентьева Е. В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. С. 317.

[62] *Данилов Ю. Н.* Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 419.

[63] *Мамонтов В. И.* На государевой службе. Воспоминания. Таллин, 1926. С. 112.

[64] *Танеева А. А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. СПб., 2005. С. 45.

[65] *Барышников М. Н.* Деловой мир Санкт-Петербурга. Исторический справочник. СПб., 2000. С. 311.

[66] Цит. по: *Введенский Г. Э.* Пять веков русского военного мундира. СПб., 2005. С. 109.

[67] *Беляков О. Б., Девятов С. В. и др.* Поставщики двора его императорского величества. М., 2006. С. 199.

[68] *Волков А. А.* Около царской семьи. М., 1993. С. 39.

[69] *Масолов А.* При дворе императора. Рига, 1936. С. 175.

[70] *Буксгевден С. К.* Император Николай II, каким я его знала. Отрывки воспоминаний // Возрождение. Литературно-исторические тетради. Т. 67. Париж, 1957. С. 35.

[71] *Гурко В. И.* Царь и царица // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 387.

[72] *Данилов Ю. Н.* Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 420.

[73] Там же.

[74] *Кшесинская М. Ф.* Из «Воспоминаний» // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 33.

[75] Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных // *Мордвинов А.* Воспоминания. М., 1999. С. 62.

[76] *Щеголев П. Е.* Последний рейс Николая II. М., 1928. С. 184.

[77] *Шварц А. Н.* Мои воспоминания о Государе. М., 1994. С. 60.

[78] *Редигер А.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х т. М., 1999. Т. 1. С. 548.

[79] *Куропаткин А. Н.* Дневник. Н. Новгород, 1923. С. 132.

[80] *Пурталес.* Между миром и войной. Воспоминания бывшего германского посла в России. М., 1923. С. 61.

[81] Падение царского режима. В VIII т. М., 1927. Т. VII. С. 393.

[82] Там же. С. 394.

[83] Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных // *Буксгевден С. К.* Император Николай II, каким я его знала. М., 1999. С. 40.

[84] *Блок А.* Последние дни старого режима // Былое. 1919. № 15. С. 47.

[85] *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. М., 1998. С. 292.

[86] *Танеева (Вырубова) А.* Страницы из моей жизни. Берлин, 1923. С. 100.

[87] Там же. С. 102.

[88] *Алферьев В. В.* Император Николай II как человек сильной воли. М., 1991. С. 147.

[89] *Щеголев П. Е.* Последний рейс Николая II. С. 116.

[90] *Шавельский Г. И.* Из «Воспоминаний последнего протопресвитера русской армии и флота» // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 118.

[91] *Гурко В. И.* Царь и царица // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 356.

[92] Там же. С.372.

[93] Придворная охота. М., 2002.

[94] *Кони А. Ф.* Николай II // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 171.

[95] *Ден Л.* Подлинная царица. СПб., 2003. С. 43.

[96] Там же. С. 45.

[97] Там же. С. 51.

[98] Под термином «автоматически» имеется в виду передача звания придворного поставщика, без процедуры полного прохождения документации на подтверждение звания. В подобном случае в списке указывалось «звание сохранено».

[99] *Погожев В. П.* Очерк деятельности Министерства императорского двора по приготовлениям и устройству торжеств священного коронования в 1896 г. В 2-х т. СПб., 1896. Т. 2. С. 164.

[100] *Бризак Р.* Река жизни // День и ночь. Литературный журнал для семейного чтения. 2006. № 9–10.

[101] *Танеева А. А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. С. 60.

[102] *Бризак Р.* Река жизни // День и ночь. Литературный журнал для семейного чтения. 2006. № 9–10.

[103] *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. М., 2006. С. 246.

[104] *Ден Л.* Подлинная царица. С. 21.

[105] *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. СПб., 2003. С. 261.

[106] *Танеева А. А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. С. 55.

[107] *Бризак Р.* Река жизни // День и ночь. Литературный журнал для семейного чтения. 2006. № 9–10.

[108] Отчет о приходе и расходе денежных сумм, поступивших в распоряжение ее императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны на нужды войны за 1914 г. Пг., 1915. С. 22.

[109] Следует отметить, что воспоминания Рене Бризака пестрят массой неточностей. Например, он пишет, что Александра Федоровна принимала его в Петергофском дворце, хотя в это время она находилась в Александровском дворце Царского Села.

[110] *Бризак Р.* Река жизни // День и ночь. Литературный журнал для семейного чтения. 2006. № 9–10.

[111] Цит. по: *Папсуева С.* «Мундирное» платье фрейлины // Уральский следопыт. 1996. № 11–12. С. 95.

[112] ПСЗРИ. 2-е изд. 1834. № 6861.

[113] *Коршунова Т.* Придворный костюм в России // Наше наследие. 2000. № 53. С. 85.

[114] *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 260.

[115] *Гурко В. И.* Царь и царица // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 353.

[116] *Бологовская Н. П.* Моя Ливадия // Русская мысль. Париж. 1989. 30 июня.

[117] *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 260.

[118] *Ден Л.* Подлинная царица. С. 43.

[119] Там же.

[120] Под «русскими платьями» имеются в виду придворные платья для выходов, сшитые по «русскому фасону», введенному в начале 1830-х гг. Николаем I.

[121] *Яковлев В. И.* Александровский дворец-музей в Детском Селе. Л., 1927. С. 380.

[122] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 449.

[123] Там же. С. 448.

[124] Там же. С. 475.

[125] *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. С. 204.

[126] *Кшесинская М. Ф.* Из «Воспоминаний» // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 425.

[127] Этот факт, разумеется, не давал гарантий, что семейная жизнь будет идеальной, чему в истории российского императорского двора имеются подтверждения.

[128] Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 32.

[129] Цит. по: *Лаврентьева Е. В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. С. 28.

[130] Цит. по: *Лаврентьева Е. В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. С. 261.

[131] *Выскочков Л. В.* Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001. С. 467.

[132] *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 7.

[133] Там же. С. 13.

[134] Там же. С. 8.

[135] Там же.

[136] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 280.

[137] Там же. С. 264.

[138] Там же.

[139] Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. С. 371.

[140] Там же.

[141] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 276.

[142] *Молин Ю. А.* Романовы… Забвение отменяется! Взгляд судебно-медицинского эксперта. СПб., 2005. С. 207.

[143] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 421.

[144] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. М., 2006. Кн. 1: 1857–1877. С. 160.

[145] *Шереметев С. Д.* Полковые воспоминания. СПб., 1898. С. 20.

[146] *Чичерин Б. Н.* Воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 378.

[147] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 242.

[148] Там же. С. 282.

[149] В ГАРФ сохранилось 3450 писем Александра II к Юрьевской за период с 1867 по 1880 г. и 1458 писем от Юрьевской к царю за период с 1870 по 1880 г.; нет писем за 1879 г. Сохранились также рукопись и машинописная копия мемуаров Юрьевской.

[150] Петергоф. Новые поступления. 2003–2005. Петергоф, 2005. С. 242.

[151] *Половцев А. А.* Дневник 1877–1878 гг. // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 300.

[152] *Лаферте В. (кн. Юрьевская)* Александр II. М., 2004. С. 90.

[153] Там же. С. 95.

[154] *Витте С. Ю.* Воспоминания // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 283.

[155] *Чиркова Е. А.* Император и фрейлина. По материалам архива светлейшей княгини Е. М. Юрьевской // Фрейлины и кавалерственные дамы XVIII — начала XX в. М., 2004. С. 122.

[156] *Половцев А. А.* Дневник 1877–1878 гг. // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 325.

[157] *Чиркова Е. А.* Император и фрейлина. По материалам архива светлейшей княгини Е. М. Юрьевской // Фрейлины и кавалерственные дамы XVIII — начала XX в. С. 128.

[158] *Половцев А. А.* Дневник 1877–1878 гг. // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 325.

[159] *Тютчева А. Ф.* Дневник // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 358.

[160] *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 316.

[161] *Бенуа А. Н.* Воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 367.

[162] *Клейнмихель М. Э.* Из потонувшего мира // За кулисами политики. 1848–1914. М., 2001. С. 470.

[163] Епитроп — заведующий имуществом церкви или монастыря.

[164] *Чичерин Б. Н.* Воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 378.

[165] *Половцев А. А.* Дневник 1877–1878 гг. // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 325.

[166] *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. С. 267.

[167] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 453.

[168] *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 330.

[169] Во время помолвки Николая и Александры в апреле 1894 г. ей был вручен орден Святой Екатерины I ст. (стоимостью 5431 рубль). Список лицам, получившим подарки из Кабинета его величества. 1891–1916 гг. СПб., 2003. С. 3.

[170] Цит. по: *Боханов А.* Романовы и английский королевский дом: династические узы и политические интересы // Отечественная история. 2000. № 3.

[171] Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы. М., 1996. С. 36.

[172] *Мейлунас А, Мироненко С.* Николай и Александра. С. 81.

[173] Там же. С. 82–84.

[174] Там же. С. 86.

[175] Там же.

[176] Там же. С. 105.

[177] Там же. С. 107.

[178] Дневник Николая II. М., 1991. С. 41.

[179] *Шугуров Л.* Гараж его императорского величества // Обозреватель. 1994. № 3. С. 6. Ныне этот автомобиль хранится в запасниках Политехнического музея.

[180] Дневник Николая II. С. 48.

[181] Там же. С. 74.

[182] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 283.

[183] *Корф М.* Записки. С. 187.

[184] Екатерина Петровна, принцесса Ольденбургская (1847–1866) // Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 34.

[185] *Лаврентьева Е. В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. С. 459.

[186] *Тютчева А. Ф.* Воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 110.

[187] *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма; Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева.

[188] Там же. С. 313.

[189] Там же. С. 338.

[190] Александр II // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 464.

[191] Там же. С. 453.

[192] *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 315.

[193] *Плотникова Ю. В.* Памятные веера императрицы Марии Федоровны // Аничков дворец — памятник российской истории. Материалы конференции. СПб., 1997. С. 49.

[194] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 583.

[195] *Боханов А. Н.* Святая царица. М., 2006. С. 111.

[196] *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 106.

[197] *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 229–230.

[198] *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. С. 218.

[199] *Витте С. Ю.* Воспоминания // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 295.

[200] Там же. С. 296.

[201] Там же. С. 295.

[202] ПСЗРИ. Ст. 188. «Лицо императорской фамилии, вступившее в брачный союз с лицом, не имеющим соответственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному дому, не может сообщить ни оному, ни потомству, от брака сего произойти могущему, прав, принадлежащих членам императорской фамилии».

[203] Династия Романовых. Цесаревич Константин Павлович. СПб., 2000. С. 47.

[204] *Ден Л.* Подлинная царица. С. 10.

[205] *Половцев А. А.* Дневник // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 300.

[206] *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. С. 288.

[207] «Впредь никто из великих князей и великих княжон не может вступать в брак с лицом, не имеющим соответственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному дому».

[208] *Палеолог М.* Дневник посла. М., 2003. С. 443.

[209] Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 294.

[210] Там же. С. 335.

[211] *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 104.

[212] Там же. С. 196.

[213] *Гурко В. И.* Царь и царица // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 401.

[214] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 206.

[215] Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба». Каталог выставки. СПб., 2005. С. 90.

[216] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 199.

[217] Подробнее см.: *Девятов С. В., Жиляев В. И. и др.* Охота и политика. Десять веков русской охоты. В 2-х т. М., 2009. Т. 1.

[218] Придворная охота. М., 2002. С. 254.

[219] Гатчинский арсенал. Сто предметов из собрания российских императоров. СПб., 2001.

[220] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 418.

[221] *Мамонтов В. И.* На государевой службе. Воспоминания. Таллин, 1926. С. 103.

[222] Придворная охота. С. 306.

[223] *Мамонтов В. И.* На государевой службе. Воспоминания. С. 103.

[224] Там же. С. 112.

[225] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 227. Тетрадь № 12. Л. 50 // Дневник великого князя Николая Александровича.

[226] *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 1991. С. 113.

[227] Документальная история этого придворного подразделения восходит к временам Московского царства. В имперский период российской истории эта служба неоднократно меняла названия и подчиненность. С 1742 по 1796 г. — Обер-егермейстерская канцелярия; Егермейстерская контора с 1796 по 1882 г. и Управление императорской охотой с 5 марта 1882 г. по 14 апреля 1917 г.

[228] Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 3. СПб., 2002. С. 158–159.

[229] ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1693. Журнал императорской охоты № 9, составленный ловчим Владимиром Романовичем Дицем. 1906–1910 гг.

[230] Великий князь Михаил Александрович, великий князь Николай Николаевич и принц П. А. Ольденбургский.

[231] ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1693. Журнал императорской охоты № 9, составленный ловчим Владимиром Романовичем Дицем. 1906–1910 гг.

[232] Там же.

[233] Там же.

[234] Там же.

[235] *Гурко В. И.* Царь и царица // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 368.

[236] *Первушина Е. В.* Загородные императорские резиденции. Будни. Праздники. Трагедии. СПб., 2007. С. 42.

[237] Там же. С. 162.

[238] ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1277. Л. 16 // Письма об августейших сыновьях императора Александра II, писанные С. А. Юрьевичем в 1847 г. к его величеству в бытность его наследником цесаревичем.

[239] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн.1: 1857–1877. М., 2006. С. 190.

[240] Эрнест-Альберт — принц Великобританский, герцог Эдинбургский, второй сын королевы Виктории; родился 6 августа 1844 г. В 1862 г. его избрали королем Греции, но он отклонил от себя корону. С 23 января 1874 г. Альберт находился в браке с великой княгиней Марией Александровной, единственной дочерью императора Александра II; старший сын от этого брака, принц Альфред-Александр, родился 15 октября 1874 г.

[241] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 267.

[242] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 456.

[243] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн.1: 1857–1877. С. 249.

[244] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 508.

[245] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 58.

[246] *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. С. 213.

[247] *Гатчинкой* в царской семье называли килеватую лодку с частыми шпангоутами, с одной парой весел. Обводы лодки позволяли быстро набрать хорошую скорость. По своим обводам гатчинка была близка к каноэ, только весла вставлялись в уключины.

[248] *Выскочков Л. В.* Император Николай I: человек и государь. С. 248.

[249] Придворная конюшенная контора была создана 16 марта 1733 г. 17 мая 1762 г. преобразована в Конюшенную канцелярию. В 1765 г. она была разделена на Придворную конюшенную контору в Санкт-Петербурге и Дворцовую конюшенную канцелярию в Москве. В 1786 г. эти дворцовые подразделения были вновь слиты в единую структуру — Придворную конюшенную контору, и в таком виде она просуществовала вплоть до 2 августа 1882 г. При Александре III в ходе реорганизации структур Министерства императорского двора была переименована в Придворную конюшенную часть и под этим названием просуществовала вплоть до марта 1917 г.

[250] *Лаферте В. (кн. Юрьевская)* Александр II. С. 104.

[251] *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 330.

[252] *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 260.

[253] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 376.

[254] *Новосельский Ю.* Императорские поезда // Пресса Царского Села. № 87. 9 ноября 2002 г.

[255] *Киселев С.* Императорские поезда в России // Антик. Инфо. 2004. № 9.

[256] *Выскочков Л. В.* Император Николай I: человек и государь. С. 456.

[257] *Корф М.* Записки. С. 554

[258] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 227.

[259] РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Ч. 1. Д. 449. Л. 49 // По пребыванию государыни императрицы в Ливадии и по возвращению оттуда в Санкт-Петербург в 1863 г.

[260] Стоимость состава на Берлинском заводе — 167 500 талеров, против 156 700 талеров на заводе Ратгебера во Франции, при прочих равных условиях. См.: РГИА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 883. Л. 2 // О заказе императорского поезда. Переписка с министерством. 1872 г.

[261] Шесть салонных вагонов и один багажный вагон.

[262] РГИА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 889. Л. 2 // Дело инспектора постройки императорского поезда для заграничных поездок. Первая доставка вагонов из Эйкупа в Варшаву и их сдача. 1873–1874 гг.

[263] 1. Вагон Александра II. 2. Вагон Марии Александровны. 3. Вагон великой княжны. 4. Большой красный салон. 5. Вагон-столовая. 6–8. Три свитских вагона. 9. Служебный вагон. 10. Технический вагон.

[264] Устройство вентиляции и отопления по системе барона Дермиза обошлось казне в 23 564 рубля.

[265] РГИА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 887. Л. 3 // Дело инспектора постройки императорского поезда для заграничных поездок. 1872–1874 гг.

[266] Там же. Д. 905. Л. 3 // О заказе и поставке мелких принадлежностей по непосредственному распоряжению министра. Императорский поезд для заграничных путешествий. 1873–1874 гг.

[267] Умывальная чашка и бак для воды.

[268] Для спальни его величества — две штуки, для свиты — шесть штук.

[269] РГИА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 902. Л. 2 // О недостатках в существующих вагонах, предложения относительно устранения таковых. 1873–1874 гг.

[270] *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 197.

[271] *Кони А. Ф.* На жизненном пути. Л., 1929. Т. 5. С. 250.

[272] *Новосельский Ю.* Императорские поезда // Пресса Царского села. 2002. № 87 (9409). 9 ноября.

[273] *Киселев С.* Императорские поезда в России // Антик. Инфо. 2004. № 9.

[274] Вечерний Челябинск. 10.09.2002. Размещено на сервере http://www.chelpress.ru/

[275] Младший брат царя.

[276] Красносельские лагеря, где каждое лето проходили маневры войск гвардейского корпуса.

[277] Из дневника князя В. Орлова // Былое. 1919. № 14. С. 56.

[278] *Богданович А.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 395.

[279] *Яковлев В. И.* Александровский дворец Царского Села. Л., 1926. С. 282.

[280] 1. «Delaunnay-Belleville» — трехместный фаэтон, приобретен в 1906 г.; 2. «Delaunnay-Belleville» — ландо, приобретен в 1908 г., 3. «Delaunnay-Belleville» — ландо, приобретен в 1909 г., 4. «Delaunnay-Belleville» — ландо, приобретен в 1910 г., 5. «Mercedes» — ландо, приобретен в 1910 г.

[281] 1. «Mercedes» — синий лимузин, приобретен в 1906 г. 2. «Mercedes» — красный лимузин, приобретен в 1906 г. 3. «Mercedes» — темно-синяя полуоткрытая модель, приобретен в 1906 г.

[282] «Delaunnay-Belleville» — ландо, приобретен в 1910 г.

[283] «Panhard — Levassor» — ландо, приобретен в 1908 г.

[284] «Serex» — ландо, приобретен в 1910 г.

[285] Английская версия Даймлера, приобретен в 1910 г.

[286] «Lessner» — темно-зеленый лимузин, приобретен в 1907 г.

[287] «Руссо-Балт» — ландо, приобретен в 1910 г., и автобус-трейлер с кроватью, приобретен в 1909 г.

[288] 1. «Renault» — грузовик-трейлер с двумя кроватями и пассажирским фургоном, приобретен в 1908 г. 2. «Даймлер» — грузовик-трейлер с кроватями, приобретен в 1908 г.

3. «Dietrich» — грузовик-трейлер с кроватями мощностью в 18 л. с., приобретен в 1908 г. 4. «Dietrich» — грузовик-трейлер с кроватями мощностью в 20 л. с., приобретен в 1909 г.

[289] «Mercedes» — темно-зеленый лимузин, приобретен в 1906 г., и автобус «Mercedes», приобретен в 1906 г.

[290] РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194\2682). Д. 124. Л. 27 // Донесения дворцового коменданта и по вопросам охраны. 1899–1915.

[291] «Mercedes» — ландо, четыре цилиндра на 70 л. с., приобретен в 1911 г., два автомобиля «Delaunnay-Belleville» — ландо, шесть цилиндров на 45 л. с., приобретены в 1911 г., один автомобиль «Руссо-Балт» — ландо на 12 л. с., приобретен в 1911 г.

[292] Два автомобиля «Mercedes» — фаэтон, четыре цилиндра на 70 л. с., приобретены в 1911 г., два автомобиля «Delaunnay-Belleville» — фаэтон, шесть цилиндров на 45 л. с., приобретены в 1912 г., автомобиль «Руссо-Балт» на 12 л. с., приобретен в 1911 г.

[293] Два автобуса «Mercedes», приобретены в 1911 г.

[294] «Serex» — ландо на 40 л. с., приобретен в 1910 г., и четырехцилиндровый «Mercedes» — ландо на 70 л. с., приобретен в 1911 г.

[295] Даже протирочные «концы» для автомобилей приобретались во Франции.

[296] *Шугуров Л.* Гараж его императорского величества // Обозреватель. 1994. № 3. С. 6.

[297] РГИА. Ф. 472. Оп. 50. Д. 1715. Л. 2, 3.

[298] www.Alexander Palace. com

[299] Впоследствии А. Кегресс вошел в совет директоров фирмы «Ситроен».

[300] РГИА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 706. Л. 2 // Об оборудовании вагонов для Гаража.

[301] *Воейков В. Н.* С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя-императора Николая II. Гельсинфорс, 1936. С. 61.

[302] *Шугуров Л.* Гараж его императорского величества // Обозреватель. 1994. № 3. С. 7.

[303] РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 81 // Переписка и талоны на выдачу бензина для автомобилей июнь — сентябрь 1917 г.

[304] *Корф М.* Записки. С. 441.

[305] *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. С. 116.

[306] Там же. С. 122.

[307] Там же. С. 125.

[308] *Тютчева А. Ф.* Воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 125.

[309] Там же. С. 126.

[310] *Ден Л.* Подлинная царица. С. 22.

[311] Там же. С. 39.

[312] *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 670.

[313] *Корф М.* Записки. С. 182.

[314] Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2005. С. 30.

[315] ПСЗРИ. 1-е изд. № 11275.

[316] *Комелова Г. Н.* Апартаменты Екатерины II в Зимнем дворце // Зимний дворец. Очерки жизни императорской резиденции. В 3-х т. СПб., 2000. Т. 1. XVIII — первая треть XIX в. С. 68.

[317] *Кудрявцева Т. В.* Приемы в Зимнем дворце // Зимний дворец. Очерки жизни императорской резиденции. Т. 1. XVIII — первая треть XIX в. С. 83.

[318] ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1067. Л. 22 об. // Приходно-расходная книга карманных сумм. 1824–1825 гг.

[319] Там же. Д. 1069. Л. 52 об. // Гардеробные суммы за 1833–1835 гг.

[320] Там же. Л. 53 об. // Гардеробные суммы за 1833–1835 гг.

[321] *Корф М.* Записки. С. 254.

[322] Из альбомов императрицы Александры Федоровны // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 152.

[323] *Аксельрод В. И., Буланкова Л. П.* Аничков дворец — легенды и были. СПб., 1996. С. 59.

[324] Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 37.

[325] *Принцева Г. А.* Игральные карты со сценами охоты Александра II // При дворе русских императоров. Произведения Михая Зичи из собрания Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2005. С. 34.

[326] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 433.

[327] Там же. С. 442.

[328] Там же. С. 605.

[329] *Ден Л.* Подлинная царица. С. 30.

[330] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 476.

[331] Из альбомов императрицы Александры Федоровны // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 162.

[332] *Оглоблина Л. Н.* Император Александр II среди детей // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 244.

[333] *Ден Л.* Подлинная царица. С. 31.

[334] *Эггер М.* Шесть лет в российском свете.

[335] Пневматические шины для велосипедов были изобретены в 1891 г. и дали большой толчок развитию велосипедной езды.

[336] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 330.

[337] Там же. С. 331.

[338] Там же. С. 266.

[339] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Ч. 1. Л. 53 // *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. 1876–1896 гг.

[340] Дневник императора Николая II. 1890–1906 гг. Париж, 1980. С. 17.

[341] *Половцев А. А.* Дневник // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 303.

[342] Single (*англ.*) — один.

[343] Видимо, смета была сделана задним числом, поскольку корт строили в срочном порядке. Царь впервые вышел на этот корт 26 июня 1896 г.

[344] *Каргапольцев С. Ю., Каргапольцев М. Ю., Седых В. Н.* Археологические раскопки в Петергофе (итоги работ 2001–2004 гг.) // Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 гг. СПб., 2005. С. 181.

[345] *Танеева А. А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. С. 39.

[346] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 564.

[347] *Колоссов А.* Его величество. Берлин. Б. д. С. 30.

[348] Там же. С. 53.

[349] Из дневника Н. П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 529.

[350] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 265.

[351] Дневник великого князя Сергея Александровича. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. С. 47.

[352] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн.1: 1857–1877. С. 278.

[353] Там же.

[354] На детской половине. Детство в царском доме. Каталог выставки. М., 2000. С. 110.

[355] Там же.

[356] Ностиц Иван Григорьевич (1824–1905) — граф, генерал-лейтенант.

[357] На детской половине. Детство в царском доме. Каталог выставки. С. 97.

[358] Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). С. 42.

[359] Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 5. Государственный музей-заповедник «Гатчина». Кн. 3. Гатчинский дворец. М., 2006.

[360] *Аксельрод В. И., Буланкова Л. П.* Аничков дворец — легенды и были. С. 109.

[361] На детской половине. Детство в царском доме. Каталог выставки. С. 110.

[362] *Прокопова Л.* Ливадийский дворец // Крымские известия. № 65 (3295). 2005. 9 апреля.

[363] *Мосолов А.* При дворе императора. С. 43.

[364] *Палеолог М.* Дневник посла. С. 468.

[365] В книге, посвященной Александровскому дворцу, изданной в 1920-х гг., приведены фотографии музыкальных инструментов, на которых играл Александр I. Вполне возможно, что они уцелели в огне Отечественной войны и по сей день хранятся в запасниках.

[366] *Выскочков Л. В.* Император Николай I: человек и государь. С. 536.

[367] Из записок Елисаветы Николаевны Львовой // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 317.

[368] Николай I: личность и эпоха. Новые материалы.

[369] ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1067. Л. 11 об. // Приходно-расходная книга карманных сумм. 1824–1825 гг.

[370] Там же. Д. 1069. Л. 14 об. // Гардеробные суммы за 1833–1835 гг.

[371] Там же. Л. 40 об. // Гардеробные суммы за 1833–1835 гг.

[372] Там же. Л. 48 // Гардеробные суммы за 1833–1835 гг.

[373] ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1070. Л. 5 // Гардеробные суммы Николая I за 1836–1837 гг.

[374] Там же. Д. 1073. Л. 16 // Книга о собственной е. и. в. гардеробной сумме с 30 октября 1847 г. по 1 января 1853 г.

[375] Там же. Д. 1074. Л. 112 об. // Книга о собственной е. и. в. гардеробной сумме с 1 января 1852 г. по 15 марта 1855 г.

[376] *Корф М.* Записки. С. 184.

[377] Цит. по: *Верне О.* При дворе Николая I. Письма из Петербурга. 1842–1843. М., 2008. С. 141.

[378] Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 263.

[379] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 234.

[380] ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1277. Л. 16 // Письма об августейших сыновьях императора Александра II, писанные С. А. Юрьевичем в 1847 г. к его величеству в бытность его наследником цесаревичем.

[381] Там же.

[382] Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. М., 2004. Т. 5. Кн. 2. С. 25.

[383] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 163.

[384] Екатерина Петровна, принцесса Ольденбургская (1847–1866) // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 24.

[385] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 186.

[386] Из дневника Н. П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 482.

[387] Там же. С. 460.

[388] Там же. С. 496.

[389] Там же. С. 515.

[390] Пианист Кюндингер учил игре на фортепиано не только великих князей, но и П. И. Чайковского.

[391] Из дневника Н. П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 523.

[392] Там же. С. 527.

[393] Там же. С. 533.

[394] Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 39.

[395] Александр Александрович, наследник, — корнет, позже играл на геликоне. После 1881 г. иногда играл на валторне. Александр Петрович Ольденбургский — альтгорн; Константин Петрович Ольденбургский — медные инструменты; Георгий Петрович Ольденбургский — виолончель; Александр Берс — скрипка, бас; граф Адам Васильевич Олсуфьев — корнет; граф Александр Васильевич Олсуфьев — корнет; генерал Михаил Викторович Половцев — альтгорн; барон Александр Егорович Мейендорф — альтгорн. Кроме этого, в кружок входили три профессиональных артиста — Шрадер, Тюрнер и Бергер.

[396] *Берс А.* Воспоминания об Александре III // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 88.

[397] *Берс А.* Воспоминания об Александре III // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма.

[398] Там же. С. 83, 84.

[399] Там же. С. 84.

[400] *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 334.

[401] Там же.

[402] Об этом упоминается в другом разделе.

[403] *Шавельский Г. И.* Из «Воспоминаний последнего протопресвитера русской армии и флота» // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 130.

[404] *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 31.

[405] *Ден Л.* Подлинная царица. С. 30.

[406] *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 258.

[407] Там же. С. 245.

[408] Там же. С. 286.

[409] *Ден Л.* Подлинная царица. С. 53.

[410] *Бурдин Ф. А.* Воспоминания артиста об императоре Николае Павловиче // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 280.

[411] Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 39.

[412] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 161.

[413] Цит. по: *Смирнов Г., Янченко И.* Арсенальное каре Гатчинского дворца. Л., 1935. С. 5.

[414] *Корф М.* Записки. С. 160.

[415] Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 166.

[416] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 410.

[417] Там же. С. 308.

[418] Из дневника Н. П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 506.

[419] Там же. С. 507.

[420] *Кшесинская М. Ф.* Из «Воспоминаний» // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 23.

[421] *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. С. 107.

[422] Из дневника Н. П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 509.

[423] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 509.

[424] Там же. С. 515.

[425] *Аксельрод В. И., Буланкова Л. П.* Аничков дворец — легенды и были. С. 113.

[426] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 174 // *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. Мемуары. 1876–1896.

[427] Оперные постановки: Массне — «Вертер»; Направник — «Дубровский»; Верди — «Отелло»; Вагнер — «Тангейзер»; Верди — «Аида»; Чайковский — «Евгений Онегин».

[428] Постановки Французского театра: «Mr. le directeur»; «Les Tenailles»; «Un conseil judiciaire»; «Un voyage d'agrement».

[429] Балетные постановки: Чайковский — «Лебединое озеро», «Конек-Горбунок»; бенефис Петипа; Чайковский — «Спящая красавица».

[430] Постановки Французского театра: «Cabotins»; «II ne faut jurer de rien»; «La poudre aux yeux»; «Le filleui de Pornpignac»; «Conseil judiciaire»; «L'hotel du libre echange».

[431] Оперные постановки: «Рафаэль»; «Паяцы»; «Спящая красавица»; «Гибель Фауста» (Берлиоз).

[432] Постановки Немецкого театра: «Der Dornenweg»; «Militarfromm».

[433] «Gluck im Winkel».

[434] Постановки Французского театра: «Les idees de M-me Aubray»; «Le remplasant»; «Blanchette»; «Ten Toupinel»; «Liebelei»; «Untreu»; «Grosse fortune»; «Gavant, Minard et C°»; «Le Paradis».

[435] *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 494.

[436] По большому счету, во второй половине XIX в. традиция домашних спектаклей вышла за рамки дворянской среды и получила широкое распространение в среде российской интеллигенции.

[437] «Мансарда в Крыму» (Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 40).

[438] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн.1: 1857–1877. С. 264.

[439] Там же. С. 276.

[440] Городничего изображал флигель-адъютант И. А. Фуллон, остальные персонажи комедии были представлены флигель-адъютантом К. И. Прежбяно, флигель-адъютантом Н. А. Косачем, флигель-адъютантом И. С. Мальцовым.

[441] Дневник императора Николая II. 1890–1906 гг. Париж, 1980. С. 16.

[442] Как пишут биографы, великий князь работал над переводом около десяти лет. Его перевод до настоящего времени считается одним из самых удачных, буквально передающим дух великого произведения Шекспира.

[443] *Клейнмихель М. Э.* Из потонувшего мира // За кулисами политики. 1848–1914. М., 2001. С. 483.

[444] *Каргапольцев С. Ю., Каргапольцев М. Ю., Седых В. Н.* Археологические раскопки в Петергофе (итоги работ 2001–2004 гг.) // Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 гг. СПб., 2005. С. 153, 155.

[445] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 173.

[446] Там же. С. 176.

[447] Там же. С. 205.

[448] Там же. С. 267.

[449] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 505.

[450] Там же.

[451] *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 193.

[452] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн.1: 1857–1877. С. 336–337.

[453] Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 261.

[454] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 505.

[455] Там же. С. 509.

[456] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 63.

[457] Богданович.

[458] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 247.

[459] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн.1: 1857–1877. С. 211.

[460] Великая княгиня Мария Николаевна, сестра императора Александра II.

[461] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн.1: 1857–1877. С. 241.

[462] Там же. С. 339.

[463] *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 48.

[464] Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 299.

[465] *Корф М.* Записки. С. 619.

[466] Цит. по: *Лаврентьева Е. В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. С. 331.

[467] *Пушкин А. С.* Дневник. 1834 год // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 79.

[468] *Лаврентьева Е. В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. С. 321.

[469] *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 334.

[470] Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 260.

[471] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 505.

[472] *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 335.

[473] *Корф М.* Записки. С. 161.

[474] Там же. С. 407.

[475] *Верне О.* При дворе Николая I. Письма из Петербурга. 1842–1843. М., 2008. С. 58.

[476] РГИА. Ф. 469. Оп. 12 (738\1854). Д. 293. Л. 32 // Выписка о высочайших больших балах в 1867 г.

[477] Там же. Л. 33 // Выписка о высочайших больших балах в 1867 г.

[478] Цит. по: *Лаврентьева Е. В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. С. 205.

[479] *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 334.

[480] *Корф М.* Записки. С. 161.

[481] ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 32. (1857). № 32503. 2 декабря // Бальная форма генерал-адъютантам и генералам Свиты и флигель-адъютантам.

[482] Из дневника Н. П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 532.

[483] Римский-Корсаков Григорий Александрович (1792–1852) — отставной полковник лейб-гвардии Московского полка.

[484] *Лаврентьева Е. В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. С. 42.

[485] *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 131.

[486] *Лаврентьева Е. В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. С. 333.

[487] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 505.

[488] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 247.

[489] Там же.

[490] Там же. С. 223.

[491] *Корф М.* Записки. С.79–80.

[492] *Кропоткин П. А.* Записки революционера // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 135.

[493] Цит. по: *Лаврентьева Е. В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. С. 310.

[494] Цит. по: Там же.

[495] Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 114.

[496] *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 334.

[497] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 418.

[498] Там же. С. 421.

[499] *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 335.

[500] *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. С. 271.

[501] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 205.

[502] *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 102.

[503] Там же. С. 103.

[504] Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 300.

[505] Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. С. 298.

[506] Там же.

[507] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн.1: 1857–1877. С. 240.

[508] *Плотникова Ю. В.* Памятные веера императрицы Марии Федоровны // Аничков дворец — памятник российской истории. Материалы конференции. С. 50.

[509] Костюмированный бал у великого князя Владимира Александровича 25 января // Всемирная иллюстрация. 1883. № 737. С. 183.

[510] *Плотникова Ю. В.* Памятные веера императрицы Марии Федоровны // Аничков дворец — памятник российской истории. Материалы конференции. С. 50.

[511] *Захарова О. Ю.* Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи XVIII — начала XX века. М., 2003. С. 266.

[512] *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 47.

[513] Цит. по: *Аксельрод В. И., Буланкова Л. П.* Аничков дворец — легенды и были. С. 94.

[514] *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 223.

[515] Письма императора Александра III к наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII — XX вв. Т. IX. М., 1999. С. 45.

[516] *К. Р. (Великий князь Константин Романов)* Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. С. 209.

[517] Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 332.

[518] Российские императоры и Оружейная палата. М., 2006.

[519] Там же.

[520] Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 333.

[521] Цит. по: *Захарова О. Ю.* История русских балов. С. 76.

[522] Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). С. 27.

[523] *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 290.

[524] Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). С. 27.

[525] *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 374.

[526] *Комелова Г. Н., Побединская А. Г.* «Оперный дом» Зимнего дворца // Зимний дворец. Очерки жизни императорской резиденции. Т. 1. XVIII — первая треть XIX в. СПб., 2000. С. 134.

[527] *Кудрявцева Т. В.* Приемы в Зимнем дворце // Зимний дворец. Очерки жизни императорской резиденции. Т. 1. XVIII — первая треть XIX в. С. 78.

[528] *Комелова Г. Н., Побединская А. Г.* «Оперный дом» Зимнего дворца // Зимний дворец. Очерки жизни императорской резиденции. Т. 1. XVIII — первая треть XIX в. С. 134, 136.

[529] Там же. С. 136.

[530] *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: его жизнь и царствование // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 211.

[531] *Дараган П. М.* Из воспоминаний камер-пажа. 1817–1819 // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 7.

[532] Из альбомов императрицы Александры Федоровны // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 149.

[533] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 177.

[534] Там же. С. 206.

[535] Пушкин и Зимний дворец. Каталог выставки. СПб., 1999. С. 12.

[536] Там же.

[537] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 226.

[538] ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1070. Л. 26 // Гардеробные суммы Николая I за 1836–1837 гг.

[539] Цит. по: *Аксельрод В. И., Буланкова Л. П.* Аничков дворец — легенды и были. С. 70.

[540] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 286.

[541] Там же. С. 291.

[542] Цит. по: *Аксельрод В. И., Буланкова Л. П.* Аничков дворец — легенды и были. С. 58.

[543] *Корф М.* Записки. С. 157.

[544] *Захарова О. Ю.* Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи XVIII — начала XX веков. С. 245.

[545] *Кюстин де А.* Николаевская Россия. М., 1910. С. 53.

[546] Письма Николая Павловича И. Ф. Паскевичу. 1832–1847 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 448.

[547] *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 115.

[548] РГИА. Ф. 469. Оп. 11. Д. 71. Л. 6 // О публичном маскараде, бывшем в Зимнем дворце. 1844.

[549] Письма императора Николая I к цесаревичу Александру Николаевичу // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 155.

[550] *Корф М.* Записки. С. 109.

[551] Там же.

[552] Там же. С. 389.

[553] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 249.

[554] *Корф М.* Записки. С. 209.

[555] Там же. С. 509.

[556] Там же. С. 627.

[557] Там же. С. 109.

[558] *Верне О.* При дворе Николая I. Письма из Петербурга. 1842–1843. С. 54.

[559] Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 45.

[560] Там же. С. 120.

[561] Там же. С. 113.

[562] Великий князь Владимир Александрович // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С.408.

[563] Великий князь Владимир Александрович. Третий сын Александра II.

[564] Цесаревна Мария Федоровна. Жена цесаревича Александра Александровича.

[565] Великая княгиня Мария Павловна, жена великого князя Владимира Александровича.

[566] Александр II.

[567] Цесаревич Александр Александрович.

[568] Великий князь Николай Николаевич (старший).

[569] Великий князь Алексей Александрович. Четвертый сын Александра II.

[570] Великий князь Николай Николаевич (младший).

[571] Великий князь Константин Николаевич. Младший брат Александра II.

[572] Великий князь Константин Константинович.

[573] Елена Михайловна, принцесса Мекленбург-Стрелицкая, дочь великой княгини Екатерины Михайловны.

[574] Пастушкой (от фр. Bergere).

[575] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 260.

[576] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 593.

[577] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 242.

[578] Письма Николая I детям // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 330.

[579] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 298.

[580] *Тютчева А. Ф.* Воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 119.

[581] Из дневника Н. П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 506.

[582] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 390.

[583] Там же. С. 394.

[584] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн.1: 1857–1877. С. 119.

[585] Там же. С. 234.

[586] Из переписки с цесаревичем, великим князем Александром Александровичем // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. С. 167.

[587] Дневник великого князя Сергея Александровича. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. С. 166.

[588] РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Д. 663. Л. 2 // О приготовлении для императорской фамилии елок. Декабрь 1880 — январь 1881 г.

[589] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 253.

[590] *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. С. 206.

[591] Там же. С. 207.

[592] Там же. С. 208.

[593] *Ден Л.* Подлинная царица. С. 34.

[594] Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). С. 81.

[595] *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. С. 130.

[596] Из дневника Н. П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 508.

[597] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 225.

[598] Там же. С. 235.

[599] Там же. С. 334.

[600] Из дневника Н. П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 509.

[601] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 390.

[602] *Мещерский В. П.* Мои воспоминания // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 67.

[603] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 227. Л. 118 // Дневник великого князя Николая Александровича. Тетрадь № 12. 1891.

[604] *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. С. 131.

[605] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 335.

[606] *Верне О.* При дворе Николая I. Письма из Петербурга. 1842–1843. С. 66.

[607] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 197.

[608] Воспоминания императрицы Александры Федоровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 48.

[609] *Даллас Д.* Американский посланник при дворе Николая I (1837–1838) // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 199.

[610] *Корф М.* Записки. С. 359.

[611] Там же.

[612] *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. С. 145.

[613] Там же. С. 168.

[614] *Лаврентьева Е. В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. С. 167.

[615] *Милютин Д. А.* Дневник // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 257.

[616] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 282.

[617] РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 53. Л. 1 // О дне рождения ее императорского величества государыни императрицы. 1883.

[618] *Егоров Б.* Альбом Государя // Наше наследие. 2004. Сам альбом хранится в Отделе рукописных, печатных и графических фондов (ОРПГФ) Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». Название по описи: «Записная книжка Николая II с рисунками ювелирных украшений». № 14226 охр. № Гр-3763.

[619] *Богданов И.* Дым отечества, или Краткая история табакокурения. М., 2007. С. 55.

[620] *Волков Н. Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2001. С. 26, 27.

[621] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 496.

[622] *Шавельский Г. И.* Из «Воспоминаний последнего протопресвитера русской армии и флота» // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 139

[623] *Данилов Ю. Н.* Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 197.

[624] *Ден Л.* Подлинная царица. С. 45.

[625] Там же. С. 211.

[626] Там же. С. 427.

[627] *Корнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н.* Любимые резиденции императрицы Марии Федоровны в России и Дании. СПб., 2006. С. 62.

[628] Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 295.

[629] ОР РНБ. Ф. 741. Оп. 2. Д. 148. Л. 117–118 // Рукописи П. Н. Столпянского по истории Зимнего двора.

[630] Там же.

[631] РГИА. Ф. 469. Оп. 12 (738\1854). Д. 293. Л. 38 // Отчет о приходах и расходах сумм припасов и материалов по Придворной конторе за 1868 г.

[632] Купчая от 10 марта 1861 г. Имение куплено у наследников покойного обер-гофмейстера графа Потоцкого. Подарено Марии Александровне императором Александром II 27 июля 1861 г.

[633] Куплено у княгини Голицыной и подарено Марии Александровне 27 июля 1867 г.

[634] Духовное завещание императрицы Марии Александровны // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. С. 231.

[635] РГИА. Ф. 1614. Оп. 1. Д. 120. Л. 1 // Записка «Финансовое положение министерства императорского двора». Март 1881 г.

[636] Там же.

[637] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Ч. 1. Л. 42 // *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. Мемуары. 1876–1896.

[638] *Епанчин Н. А.* На службе трех императоров // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 202.

[639] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Ч. 1 Л. 204 // *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. Мемуары. 1876–1896.

[640] Там же. Л. 43 // *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. Мемуары. 1876–1896.

[641] «Меня осенила мысль дерзнуть просить государя, чтобы он повелел из казенных сумм выдать мне три тысячи рублей серебром заимообразно, то есть чтобы долг мой казне постепенно погашался причитающейся мне из дирекции императорских театров поспектакльной платой… 19 мая 1881 г.». См.: Письма П. И. Чайковского К. П. Победоносцеву // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 217.

[642] Там же. С. 219.

[643] *Невежин П. М.* Воспоминания об А. Н. Островском // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 220.

[644] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Ч. 1. Л. 41 // *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. Мемуары. 1876–1896.

[645] *Витте С. Ю.* Воспоминания // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 280.

[646] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 596.

[647] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Ч. 1. Л. 43 // *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. Мемуары. 1876–1896.

[648] ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 14 (1839). № 12502. 2 июля.

[649] Там же. Т. 20 (1845). № 18206.

[650] РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (196\2684). Д. 47. Л. 3 // Брачный договор ее императорского величества. Апрель 1895 г.

[651] *Корф М.* Записки. С. 496.

[652] Там же. С. 254.

[653] Там же. С. 106.

[654] ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1069. Л. 12 // Гардеробные суммы за 1833–1835 гг.

[655] Там же. Д. 1071. Л. 21 // Книга гардеробной суммы 1838–1842 гг.

[656] Там же. Л. 28 об. // Книга гардеробной суммы 1838–1842 гг.

[657] *Кшесинская М. Ф.* Из «Воспоминаний» // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 25.

[658] Там же. С. 32.

[659] Там же. С. 29.

[660] *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 143.

[661] *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 398.

[662] Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 295.

[663] Там же.

[664] Там же. С. 300.

[665] *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. С. 265.

[666] Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 295.

[667] Там же. С. 297.

[668] Там же.

[669] Там же.

[670] Там же.

[671] *Витте С. Ю.* Из «Воспоминаний» // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 273.

[672] Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 298.

[673] Там же. С. 299.

[674] Там же. С. 300.

[675] Там же. С. 299.

[676] *Танеева А. А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. С. 43.

[677] Там же. С. 55.

[678] Там же. С. 56.

[679] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 258.

[680] *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. С. 216.

[681] *Танеева А. А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. С. 45.

[682] *Мосолов А.* При дворе императора. Рига, 1936. С. 89.

[683] А. А. Вырубова писала: «Личные деньги Государя находились у моего отца, в Канцелярии Его Величества. Отец мой принял 400 000 тысяч и увеличил капитал до 4 миллионов, и ушел во время революции без одной копейки». См.: *Танеева А. А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. С. 55

[684] Пять пар высоких ботинок, две пары из них изготовлены из французской шагреневой кожи (45 рублей за пару); кожаные высокие ботинки в стиле прусских гусар (75 рублей); высокие ботинки из толстой шагреневой кожи для прогулок (65 рублей); четыре пары ботинок из кожи теленка (28, 26, 26 и 26 рублей); одна пара тонких шлепанцев из шагреневой кожи (35 рублей); одна пара простых кожаных ботинок с цветными вставками (23 рубля).

[685] Конногвардейский колет (225 рублей); зимний доломан (250 рублей); парадная кираса (55 рублей); тужурка (100 рублей); китель Московского полка (100 рублей); китель Преображенского полка (100 рублей); морской китель (110 рублей); жилет (15 рублей); три пары брюк (38 рублей за пару); двубортный китель Преображенского полка (90 рублей); брюки для морской формы (38 рублей); брюки для пехотной формы (40 рублей); парадный пехотный мундир (145 рублей); парадный мундир Сводного полка (135 рублей).

[686] Сюртук, жилет и брюки (150 рублей); смокинг (150 рублей); три костюма (115 рублей каждый); белый теннисный костюм (110 рублей); осеннее пальто (140 рублей); сюртук «Фантазия» (30 рублей); три белых жилета для фрака (20 рублей каждый); велосипедные штаны (28 рублей); жилет к костюму (25 рублей); шелковый теннисный пояс (5 рублей).

[687] Петергоф. Новые поступления. 2003–2005. Петергоф, 2005. № 480.

[688] *Танеева А. А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. С. 41.

[689] *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 252.

[690] *Танеева А. А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. С. 55.

[691] *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 260.

[692] Дальнейшая история ювелирной коллекции императрицы Александры Федоровны выходит за рамки настоящей книги.

[693] Серый костюм из гладкого шелка (115 рублей), синий костюм из гладкого шелка (125 рублей), синий шевиотовый костюм с воротником из ворсистого шелка и манжетами из темной норки (245 рублей), костюм в английском стиле из гладкого шелка с плиссированной юбкой (135 рублей).

[694] Горничные Елизавета Элисберг и Анна Уткина — по 600 рублей в год.

[695] Лакеи первого разряда Александр Сипович и Яков Шамов — по 600 рублей в год.

[696] Чернорабочие Михаил Карпов, Матвей Чижиков и Петр Боткин — по 300 рублей в год.

[697] «Дядька» наследника А. Е. Деревенько получал 120 рублей в год.

[698] Феоктистов Е. М. // За кулисами политики. 1848–1914. М., 2001. С. 194.

[699] Барятинский Анатолий Иванович (1820–1881) — князь, участник обороны Севастополя, с 1860 г. — генерал-лейтенант, командир лейб-гвардии Преображенского полка, с 1866 г. — генерал-адъютант, с 1867 г. — генерал-лейтенант.

[700] Феоктистов Е. М. // За кулисами политики. 1848–1914. С. 193–194.

[701] Там же. С. 196.

[702] *Куликов С. В.* Придворный штат и частное предпринимательство в начале XX в. // Страницы русской истории. СПб., 2004.

[703] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 82 // *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. Мемуары. 1876–1896.

[704] Там же.

[705] *Куликов С. В.* Придворный штат и частное предпринимательство в начале XX в. // Страницы русской истории.

[706] *Мосолов А.* При дворе императора. С. 60.

[707] Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 295.

[708] *Мосолов А.* При дворе императора. С. 110.

[709] ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1075. Л. 1 // Великий князь Николай Павлович. Записки о приходе и расходе сумм, на его личные расходы. 1802–1810.

[710] Там же. Л. 3 // Великий князь Николай Павлович. Записки о приходе и расходе сумм, на его личные расходы. 1802–1810.

[711] Там же. Л. 5 // Великий князь Николай Павлович. Записки о приходе и расходе сумм, на его личные расходы. 1802–1810.

[712] Там же. Л. 9 // Великий князь Николай Павлович. Записки о приходе и расходе сумм, на его личные расходы. 1802–1810.

[713] Там же.

[714] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 36.

[715] ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1277. Л. 44 // Письма об августейших сыновьях императора Александра II, писанные С. А. Юрьевичем в 1847 г. к его величеству в бытность его наследником цесаревичем.

[716] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 244.

[717] *Тютчева А. Ф.* Воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 127.

[718] Из дневника Н. П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 532.

[719] Там же. С. 455.

[720] Там же. С. 500.

[721] Там же. С. 507.

[722] Там же. С. 460.

[723] *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. С. 206.

[724] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 500.

[725] *Крюденер Ю.* Неизданные автобиографические тексты. М., 1998. С. 29.

[726] ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1050. Л. 4 // Книга прихода и расхода денежной суммы великого князя Николая Павловича 1801 года.

[727] Там же. Д. 1059. Л. 11 // Книга прихода и расхода денежной суммы великого князя Николая Павловича 1810 года.

[728] *Чистович И. А.* Руководящие деятели духовного просвещения в России. СПб., 1894. С. 45.

[729] Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. С. 301.

[730] *Дараган П. М.* Из воспоминаний камер-пажа. 1817–1819 // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 6.

[731] Там же.

[732] Воспоминания императрицы Александры Федоровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 40.

[733] Там же. С. 40–41.

[734] Там же. С. 45.

[735] *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 211.

[736] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 201.

[737] Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 74.

[738] Духовное завещание в Бозе почившего Государя Императора Николая Павловича. 4 мая 1844 года //Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. С. 465.

[739] Серебряный вызолоченный оклад для этой иконы был выполнен петербургским золотых дел мастером Кейбелем. После гибели великого князя Сергея Александровича икону по традиции поместили в храм-усыпальницу в Чудовом монастыре (Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 14).

[740] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн.1: 1857–1877. С. 275.

[741] Император Николай Павлович. 1850. Записка графини А. Д. Блудовой // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 359.

[742] *Тютчева А. Ф.* Воспоминания // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 388.

[743] В переводе с французского — часовня, капелла.

[744] *Мердер К. К.* Записки воспитателя. 1826–1832 // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 64.

[745] Митрополит Московский.

[746] Пушкин и Зимний дворец. Каталог выставки. С. 34.

[747] *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 169.

[748] Пушкин и Зимний дворец. Каталог выставки. С. 10.

[749] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 36.

[750] Там же. С. 53.

[751] *Тютчева А. Ф.* Воспоминания // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 388.

[752] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 73.

[753] Внукам Николая I в 1852 г. было: Николаю — девять, Александру — семь и Владимиру — пять лет.

[754] *Мердер К. К.* Записки воспитателя. 1826–1832 // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 70.

[755] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 66.

[756] Там же. С. 92.

[757] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 236.

[758] Там же. С. 201.

[759] Там же.

[760] Пушкин и Зимний дворец. Каталог выставки. С. 8.

[761] *Тютчева А. Ф.* Воспоминания // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 389.

[762] Автобиография протопресвитера В. Б. Бажанова // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 349.

[763] Воспоминания императрицы Александры Федоровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 41.

[764] Духовное завещание в Бозе почившего государя императора Николая Павловича. 4 мая 1844 года //Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. С. 462.

[765] Император Николай Павлович. Записка графини А. Д. Блудовой // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 357.

[766] *Плетнев П. А.* Сочинения и переписка. В 8-ми т. СПб., 1885. Т. 3. С. 424.

[767] *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 324.

[768] *Тютчева А. Ф.* Воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 101.

[769] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 63.

[770] Там же. С. 81.

[771] Там же. С. 184.

[772] Там же. С. 185.

[773] Там же. С. 218.

[774] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн.1: 1857–1877. С. 129.

[775] Там же. С. 278.

[776] Там же. С. 129.

[777] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 220.

[778] Там же. С. 227.

[779] Из дневника Н. П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 523.

[780] Там же. С. 530.

[781] Там же. С. 531.

[782] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 426.

[783] Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 120.

[784] Великий князь Владимир Александрович // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 404.

[785] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 19.

[786] Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. М., 2007. С. 216.

[787] Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 124.

[788] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 376.

[789] *Тарасова Н. И.* Императрица Мария Федоровна, принцесса Датская // Император Александр III. Императрица Мария Федоровна. Каталог выставки. СПб., 2006. С. 13.

[790] *Корнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н.* Любимые резиденции императрицы Марии Федоровны в России и Дании. С. 78.

[791] *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 56.

[792] Из воспоминаний адмирала Д. С. Арсеньева. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. С. 20.

[793] *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 319.

[794] Там же. С. 324.

[795] Там же. С. 325.

[796] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 589.

[797] Там же. С. 509.

[798] Там же. С. 560.

[799] *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 329.

[800] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 560.

[801] Дворцовая церковь в Ливадии была построена в 1863–1865 гг. по проекту придворного архитектора И. А. Монигетти в византийском стиле. По желанию императрицы Марии Александровны, церковь освящена в честь праздника Воздвижения честного и животворящего

креста Господня. Иконы для храма писал академик живописи А. Е. Бейдеман, награжденный за эту работу орденом Святого Станислава II степени. В церкви свободно помещалось до пятидесяти человек.

[802] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 602.

[803] *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. С. 208.

[804] Там же.

[805] *Корнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н.* Любимые резиденции императрицы Марии Федоровны в России и Дании. С. 157.

[806] *Комаровская А. Е.* Последние дни императора. Из дневника // Московский журнал. 1998. № 7. С. 12.

[807] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 602.

[808] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн.1: 1857–1877. С. 339.

[809] *Кривенко В. С.* Из рукописи «В Министерстве императорского двора» // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 35.

[810] *Шнейдер В. П.* Саровские торжества. Июль 1903 года // Наше наследие. 2007. № 83–84. С. 81.

[811] Сейчас этот иконостас хранится в Эрмитаже.

[812] *Шавельский Г. И.* Из «Воспоминаний последнего протопресвитера русской армии и флота» // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 124.

[813] Там же. С. 131.

[814] *Данилов Ю. Н.* Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 422.

[815] *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 193.

[816] *Гурко В. И.* Царь и царица // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 378.

[817] *Шавельский Г. И.* Из «Воспоминаний последнего протопресвитера русской армии и флота» // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 159.

[818] Там же. С. 161.

[819] *Витте С. Ю.* Из «Воспоминаний» // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 262.

[820] *Шнейдер В. П.* Саровские торжества. Июль 1903 года // Наше наследие. 2007. № 83–84. С. 81.

[821] *Ден Л.* Подлинная царица. С. 45.

[822] *Гурко В. И.* Царь и царица // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 379.

[823] Феофан Полтавский, епископ (1872–1943) — русский православный церковный деятель и библеист. Родился в семье священника. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию (1896), где был оставлен профессорским стипендиатом, а затем назначен доцентом по кафедре библейской истории. В 1898 г. принял монашество. В 1901 г. был возведен в сан

архимандрита и назначен инспектором академии. В 1905 г. защитил магистерскую диссертацию. В 1909 г. стал ректором Санкт-Петербургской духовной академии. По отзывам современников, это был «строгий сторонник православной церковности, глубокий аскет и носитель духа святоотеческих преданий». В 1910 г. был переведен в Таврическую кафедру. Затем стал епископом Астраханским (с 1912 г.) и Полтавским (с 1913 г.). В 1919 г. уехал на Афон, где и жил до конца своих дней.

[824] *Шавельский Г. И.* Из «Воспоминаний последнего протопресвитера русской армии и флота» // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 165.

[825] Там же. С. 47.

[826] Там же.

[827] Там же. С. 49.

[828] Там же. С. 161.

[829] *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 233.

[830] *Муррей Ч.* Королева Виктория и Николай I // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 328.

[831] *Даллас Д.* Американский посланник при дворе Николая I (1837–1838) // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 195.

[832] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 276.

[833] *Эвальд А. В.* Рассказы о Николае I // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 245.

[834] *Корф М.* Записки. С. 369.

[835] *Оглоблина Л. Н.* Император Александр II среди детей // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 244.

[836] *Кшесинская М. Ф.* Из «Воспоминаний» // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 33.

[837] *Гурко В. И.* Царь и царица // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 355.

[838] *Шварц А. Н.* Мои воспоминания о Государе. М., 1994. С. 59.

[839] *Редигер А.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. С. 547.

[840] *Ден Л.* Подлинная царица. С. 59.

[841] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 119.

[842] Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба». С. 11.

[843] *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 211.

[844] Там же.

[845] *Аксельрод В. И., Буланкова Л. П.* Аничков дворец — легенды и были. С. 52.

[846] Там же.

[847] Из альбомов императрицы Александры Федоровны // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 150.

[848] Там же.

[849] Воспоминания императрицы Александры Федоровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 49.

[850] Из альбомов императрицы Александры Федоровны // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 162.

[851] Письма Александры Федоровны к В. А. Жуковскому // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 172.

[852] *Даллас Д.* Американский посланник при дворе Николая I (1837–1838) // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 194.

[853] Там же. С. 198.

[854] *Муррей Ч.* Королева Виктория и Николай I // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 332.

[855] *Корф М.* Записки. С. 168.

[856] *Тютчева А. Ф.* Воспоминания // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 390.

[857] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 182.

[858] Там же. С. 230.

[859] Там же. С. 286.

[860] Там же. С. 275.

[861] *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 480.

[862] Пушкин и Зимний дворец. Каталог выставки. С. 8.

[863] Бланманже — желе из сливок или миндального молока (*Лаврентьева Е. В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. С. 572).

[864] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 295.

[865] Там же. С. 200.

[866] *Мердер К. К.* Записки воспитателя. 1826–1832 // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 63.

[867] Там же.

[868] Великий князь Константин Николаевич // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 226.

[869] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 162.

[870] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 131.

[871] *Жуковский В. А.* Письмо императрице Александре Федоровне. 8 июля 1828 г. // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 55.

[872] ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1277. Л. 30 об. // Письма об августейших сыновьях императора Александра II, писанные С. А. Юрьевичем в 1847 г. к его величеству в бытность его наследником цесаревичем.

[873] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 92.

[874] Там же. С. 78.

[875] Там же. С. 69.

[876] Там же. С. 94.

[877] Там же. С. 220.

[878] Там же. С. 266.

[879] Из дневника Н. П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 486, 492, 515, 534.

[880] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 410.

[881] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 99.

[882] *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 318.

[883] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 436.

[884] Там же. С. 433.

[885] Екатерина Михайловна (1827–1897) — великая княгиня, дочь великого князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны, жена герцога Мекленбург-Стрелицкого.

[886] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 582.

[887] Там же. С. 441.

[888] *Корнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н.* Любимые резиденции императрицы Марии Федоровны в России и Дании. С. 106.

[889] Там же. С .69.

[890] *Ден Л.* Подлинная царица. С. 26.

[891] *Епанчин Н. А.* На службе трех императоров. С. 198.

[892] Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 288.

[893] Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 302.

[894] *Данилов Ю. Н.* Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 420.

[895] *Шульгин В. В.* Из книги «Дни» // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 461.

[896] *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 31.

[897] *Боханов А. Н.* Святая царица. С. 34.

[898] *Гурко В. И.* Царь и царица // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 383.

[899] *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 96.

[900] Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 304.

[901] *Куропаткин А. Н.* Из дневников // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 50.

[902] Там же. С. 63.

[903] *Головин Ф. А.* Николай II // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 87.

[904] *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 86.

[905] *Ден Л.* Подлинная царица. С. 22.

[906] *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 98.

[907] Там же. С. 250.

[908] РГИА. Ф. 525. Оп. 1. Д. 213. Л. 1.

[909] По 17 рублей в месяц за поездки в Петергоф и по 12 рублей за поездки в Царское Село.

[910] *Шуленбург В. Э.* Воспоминания об императрице Александре Федоровне. Париж, 1928. С. 6.

[911] *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 209.

[912] Цит. по: Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 227.

[913] РГИА. Ф. 525. Оп. 1. Д. 213. Л. 46.

[914] *Мельник Т.* Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. М., 1993. С. 114.

[915] *Корф М.* Записки. С. 513.

[916] Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. С. 23.

[917] Блаженный юродивый новгородский. Юродствовал на Софийской стороне, не переходя через Волхов на Торговую сторону, куда не пускал его блаженный Феодор. Будучи непримиримыми врагами, Николай и Феодор постоянно стерегли друг друга на Волховском мосту; в этом они оставались верны старинной распре двух частей, или сторон, древнего Новгорода. Скончался Николай Кочанов в 1392 г., день его поминовения — 27 июля.

[918] Письма Николая Павловича И. Ф. Паскевичу. 1832–1847 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 461.

[919] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 32.

[920] Там же. С. 40.

[921] Там же. С. 41.

[922] Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. С. 217.

[923] *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. С. 124.

[924] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 262.

[925] *Боханов А. Н.* Святая царица. С. 103.

[926] Письма Николая I родным // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 76.

[927] Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. С. 356.

[928] Там же.

[929] *Лаврентьева Е. В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. С. 570.

[930] Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. С. 356.

[931] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн.1: 1857–1877. С. 261.

[932] *Ден Л.* Подлинная царица. С. 20.

[933] *Корф М.* Записки. С. 512.

[934] *Оглоблина Л. Н.* Император Александр II среди детей // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 242.

[935] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 424.

[936] Там же. С. 44.

[937] *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 197.

[938] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 154.

[939] Екатерина Петровна Принцесса Ольденбургская (1847–1866) // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 31.

[940] Дмитрий Сергеевич Артемьев — воспитатель великого князя Сергея Александровича.

[941] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 64.

[942] *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. С. 195.

[943] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 603.

[944] Там же. С. 608.

[945] Там же. С. 428.

[946] *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. С. 270.

[947] *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 191.

[948] *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 60.

[949] Там же. С. 249.

Том I. Часть II

[1] *Мосолов А.* При дворе императора. Рига, 1936. С. 91.

[2] ОР РНБ. Ф. 601. Д. 28. Л. 27.

[3] ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 2 (1827). № 1368. 9 сентября.

[4] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 13.

[5] ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 20 (1845). № 18791. 1 марта.

[6] Воспоминания императрицы Александры Федоровны //Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 50.

[7] *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. История любви. С. 130.

[8] Дневник Николая II. М., 1991. С. 114.

[9] Там же. С. 115.

[10] *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. С. 169.

[11] Там же.

[12] Там же. С. 172.

[13] *Обнинский В. П.* Последний самодержец. М., 1992. С. 61.

[14] *Шуленбург В. Э.* Воспоминания об императрице Александре Федоровне. С. 8.

[15] *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. С. 142.

[16] Там же. С. 144.

[17] Там же. С. 209.

[18] РГИА. Ф. 468. Оп. 14. Д. 968. Л. 12.

[19] Там же. Л. 5.

[20] *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. С. 211.

[21] Там же.

[22] *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 269.

[23] *Брокгауз Ф. А., Эфрон И. А.* Энциклопедический словарь. Т. 77. СПб., 1903. С. 472–473.

[24] РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 686. Л. 197.

[25] Там же. Л. 166.

[26] Там же. Л. 68.

[27] Там же. Л. 203, 204.
[28] *Витте С. Ю.* Воспоминания. В 2-х т. М., 1960. Т. 2. С. 262, 263, 269.
[29] Там же. С. 273–274.
[30] *Александр Михайлович (Романов А. М.).* Книга воспоминаний. М., 1991. С. 151.
[31] *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. С. 219.
[32] *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 474.
[33] *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. С. 222.
[34] Там же. С. 223.
[35] Дневник А. А. Половцева // Красный архив. 1923. Т. III. 1923.
[36] *Гарденин Ю. (Чернов В. М.)* Юбилей Николая Последнего. 1894–1904. Б. м., 1904.
[37] *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. С. 223.
[38] Александр Михайлович. Книга воспоминаний. С. 151.
[39] *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 474.
[40] *Шеманский А. В.* Александрия. Петергоф. Л., 1936. С. 192.
[41] *К. Р.* Воспоминания. Дневники. Письма. Стихи. СПб., 1998. С. 89.
[42] *Берберова Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М., 1997. С. 26; *Боханов А.* «Черные сестры». Черногорские княжны при царском дворе // Родина. 2003. № 2. С. 79.
[43] *Милюков П. Н.* Воспоминания. В 2-х т. М., 1990. Т. 2. С. 75.
[44] *Извольский А. П.* Воспоминания. М., 1989. С. 171.
[45] Неизвестные фрагменты «Воспоминаний» А. Вырубовой // Родина. № 2. 1998. С. 66.
[46] *Шеманский А. В.* Александрия. Петергоф. С. 193.
[47] Цесаревич. Документы. Воспоминания. Фотографии. М., 1998. С. 7.
[48] *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. В 2-х т. М., 1991. Т. 1. С. 245.
[49] Дневник Николая II. С. 228.
[50] *Шеманский А. В.* Александрия. Петергоф. С. 194.
[51] *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. С. 251.
[52] Там же. С. 314.
[53] *Бобринский А. А.* Дневник. 1910–1911 гг. // Красный архив. Т. 1. М., 1928. С. 144.
[54] *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 311.
[55] *Масси Р.* Николай и Александра. М., 1996. С. 186.
[56] *Танеева А. (Вырубова).* Страницы из моей жизни. С. 10.
[57] С императрицей Александрой Федоровной.
[58] *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. С. 346.
[59] *Воорес Й.* Последняя великая княгиня.
[60] *Алферьев Е. Е.* Император Николай II как человек сильной воли. М., 1991. С. 42.
[61] *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. Т. 1. С. 245.
[62] *Юсупов Ф. Ф.* Воспоминания. М., 1990. С. 6.

[63] *Ден Л.* Подлинная царица. С. 49.

[64] *Жильяр П.* Император Николай II и его семья. М., 1991. С. 8.

[65] *Клейнмихель М.* Из потонувшего мира. С. 62.

[66] *Родзянко М. В.* Крушение империи. Л., 1929. С. 35.

[67] Р. Масси пишет о том, что цесаревичу было три с половиной года, Й. Воррес упоминает, что на момент кризиса цесаревичу «едва исполнилось три года».

[68] Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 151.

[69] *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. С. 297.

[70] *Танеева А. (Вырубова).* Страницы из моей жизни. С. 22.

[71] РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 312 // О распоряжениях и расходах по случаю пребывания профессора ортопедии Берлинского университета доктора Альберта Гоффа. 1907.

[72] *Масси Р.* Николай и Александра. С. 156.

[73] Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907–1910 гг. // Красный архив. Т. 1–2. М., 1932. С. 183.

[74] РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (205\2693). Д. 138. Л. 9.

[75] *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. В 2-х т. М., 1997. Т. 1. С. 672.

[76] *Тютчева А. Ф.* Воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 123–124.

[77] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 264.

[78] *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 197.

[79] *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 175.

[80] Двоюродная сестра Александра II.

[81] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 180.

[82] *Яковлева А. И.* Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 98.

[83] Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 72.

[84] *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. С. 126.

[85] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 35.

[86] *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 267.

[87] *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 181.

[88] В Готском альманахе династия Романовых именовалась Голштейн-Готторпской, и, по существу, составители альманаха были правы.

[89] ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1046. Л. 3 // Книга прихода и расхода денежной суммы великого князя Николая Павловича 1797 года.

[90] Там же. Л. 13.

[91] ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1050. Л. 8 // Книга прихода и расхода денежной суммы великого князя Николая Павловича 1801 года.

[92] Там же. Д. 1069. Л. 8 // Гардеробные суммы за 1833–1835 гг.

[93] Там же. Л. 55 // Гардеробные суммы. 1844 г.

[94] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 602.

[95] ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1277. Л. 12 // Письма об августейших сыновьях императора Александра II, писанные С. А. Юрьевичем в 1847 г. к его величеству в бытность его наследником цесаревичем.

[96] Там же. Л. 18 // Письма об августейших сыновьях императора Александра II, писанные С. А. Юрьевичем в 1847 г. к его величеству в бытность его наследником цесаревичем.

[97] РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (197\2685). Д. 126. Л. 33.

[98] Там же. Л. 44.

[99] Капитал, составленный из взносов служащих, для производства из него отставным чиновникам, их вдовам и детям дополнительной пенсии.

[100] *Яковлева А. И.* Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 98.

[101] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 268.

[102] РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (205\2653). Д. 88. Л. 17.

[103] Русско-японская война 1904–1905 гг.

[104] РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (205\2653). Д. 88. Л. 20.

[105] Там же. Л. 24.

[106] РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (197\2685). Д. 137. Л.1, 2.

[107] *Мосолов А.* При дворе императора. С. 89.

[108] РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (205\2653). Д. 88. Л. 52.

[109] Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба». С. 145.

[110] Например, для пятого сына Александра II, великого князя Сергея Александровича, который осенью 1865 г. жил в Москве, в парке было выбрано место для садика, в котором восьмилетний ребенок работал. См.: Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн.1: 1857–1877. С. 61.

[111] Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 70.

[112] *Смирнова-Россет А. О.* Дневники. Воспоминания. С. 139.

[113] В платежных ведомостях она значится Ульяна Адлерберг.

[114] Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 70.

[115] Цит. по: *Выскочков Л. В.* Император Николай 1: человек и государь. С. 356.

[116] 200-летие Кабинета Е. И. В. 1704–1904. Историческое исследование. СПб., 1911. С. 457.

[117] Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 72.

[118] Умерла няня в 1842 г.

[119] Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 70.

[120] Согласно бухгалтерским документам, в 1797 г. деньги за уход и воспитание получали: «Ее высокопревосходительство Шарлотта Карловна Ливен — 500 рублей; полковница Ульяна Адлерберг — 300 рублей; полковница Екатерина Синицына — 300 рублей; надворная советница Екатерина Панаева — 250 рублей; англичанка Евгения Лайон — 200 рублей; кормилица Ефросинья Ершова — 200 рублей; камер-юнгферы Ольга Никитина и Аграфена Черкасова — по 80 рублей; камердинеры Андрей Валуев и Борис Томпсон — по 100 рублей; Камермедхены Пелагея Винокурова и Мария Пермякова — по 50 рублей. См.: ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1046. Л. 4 // Книга прихода и расхода денежной суммы великого князя Николая Павловича 1797 года.

[121] Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 72.

[122] Там же. С. 73.

[123] Там же. С. 76.

[124] Письма Николая Павловича И. Ф. Паскевичу. 1832–1847 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 496.

[125] *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 195.

[126] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 182.

[127] Там же. С. 220.

[128] *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 181.

[129] Там же.

[130] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 220.

[131] Там же. С. 221.

[132] Синий цвет «русского платья» был форменным цветом фрейлин-воспитательниц великих княжон.

[133] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 222.

[134] Там же. С. 258.

[135] *Корф М.* Записки. С. 569.

[136] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 197.

[137] Там же. С. 239.

[138] Там же.

[139] Письма А. Ф. Тютчевой к m-lle Гранси // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 558.

[140] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 199.

[141] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 38.

[142] Дневник великого князя Сергея Александровича. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. С. 53.

[143] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 602.

[144] Письма императора Александра III к наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1999. Т. IX. С. 229.

[145] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 60.

[146] ПСЗРИ. 2-е изд. Т. XLIII (1868). № 46366. 17 октября // Штаты его императорского высочества, государя, великого князя Николая Александровича, от рождения 6 мая 1868 г. до семилетнего возраста, по гофмаршальской и шталмейстерской части.

[147] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 266.

[148] *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. С. 184.

[149] Там же. С. 277.

[150] *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 99.

[151] Там же. С. 235.

[152] *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. С. 277.

[153] *Танеева А. А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. С. 103.

[154] *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. С. 315.

[155] *Гурко В. И.* Царь и царица // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 385.

[156] *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. С. 323.

[157] *Родзянко М. В.* Крушение империи. Л., 1929. С. 33.

[158] РГИА. Ф. 525. Оп. 1. Д. 83. Л. 110.

[159] ОТМА — сокращение, состоящее из первых букв имен великих княжон в порядке их рождения, которое использовалось дочерьми Николая II и Александры Федоровны для их общего обозначения: Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия. Сокращение, придуманное великими княжнами, олицетворяло их привязанность друг другу. Этой аббревиатурой они подписывались в своих дневниках. Во время заточения после Октябрьской революции они использовали это сокращение как совместную подпись в письмах близким и друзьям.

[160] *Шавельский Г.* Из «Воспоминаний последнего протопресвитера русской армии и флота» // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 132.

[161] *Ден Л.* Подлинная царица. С. 51.

[162] *Гурко В. И.* Царь и царица // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 374.

[163] *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 507.

[164] Там же. С. 511.

[165] Там же.

[166] *Лалаев М. С.* Император Николай I, зиждитель русской школы: исторический очерк. СПб., 1896. С. 4.

[167] Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. С. 25.

[168] Там же. С. 28.

[169] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 185.

[170] Пушкин и Зимний дворец. Каталог выставки. С. 10.

[171] Цит. по: *Выскочков Л. В.* Император Николай I: человек и государь. С. 492.

[172] Письма императора Николая I к цесаревичу Александру Николаевичу // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 154.

[173] *Корф М.* Записки. С. 388.

[174] Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. С. 462.

[175] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 52.

[176] Там же. С. 49.

[177] Там же. С. 55.

[178] Там же. С. 38.

[179] Там же. С. 60.

[180] Там же. С. 66.

[181] Там же.

[182] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 118.

[183] Царское Село. 19 мая 1858 г. Письмо императора Александра II к князю И. А. Барятинскому // Вопросы истории. 2006. № 12. С. 125.

[184] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 182.

[185] ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 34 (1859). № 34888 // Штат двора его императорского высочества государя наследника цесаревича великого князя Николая Александровича.

[186] Секретарь, доктор, два камердинера, старший и младший камердинерские помощники, тафельдекер и его помощник, работник, два камер-лакея, два рейнкнехта лакейского звания, два истопника, два лакея при парадных комнатах, фельдшер, парикмахер и еще 10 истопников. При кухне цесаревича работали метрдотель, мундкох, кох, хлебник и три ученика.

[187] ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 34. № 34889 (1859). 8 сентября // Высочайше утвержденный штат конюшенному отделению его императорского высочества государя наследника цесаревича великого князя Николая Александровича.

[188] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 218.

[189] *Оом Ф. А.* Воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 238.

[190] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 18.

[191] Из дневника Н. П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 498.

[192] Там же. С. 504.

[193] Там же. С. 533.

[194] *Половцев А. А.* Дневник 1877–1878 гг. // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 304.

[195] Там же.

[196] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 423.

[197] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 153.

[198] *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 228.

[199] *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 247–248.

[200] *Витте С. Ю.* Воспоминания // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 271.

[201] *Епанчин Н. А.* На службе трех императоров. С. 198.

[202] *Извольский А. П.* Воспоминания. М., 1989. С. 158.

[203] Последний самодержец // Голос минувшего. 1917. № 4. С. 41.

[204] ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919. Л. 45 // Письма великого князя Николая Александровича к Александру III.

[205] *Гуль Р.* Я унес Россию. В 2-х т. Нью-Йорк, 1984. Т. 2. С. 202.

[206] РГИА. Ф. 472. Оп. 45 (1906). Д. 38. Л. 15.

[207] Там же. Ф. 525. Оп. 1 (209\2707). Д. 213. Л. 8.

[208] Там же. Л. 12.

[209] *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 1. С. 236.

[210] Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 186–187.

[211] *Лемке М.* 250 дней в Царской ставке. Пг., 1920. С. 96.

[212] *Пикуль В. С.* Нечистая сила. Л., 1990. С. 257.

[213] РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (209\2707). Д. 213. Л. 46.

[214] Там же. Л. 27.

[215] Там же. Л. 55.

[216] Там же. Л. 38.

[217] *Лемке М.* 250 дней в Царской ставке. С. 96.

[218] Там же. С. 273.

[219] Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 468.

[220] *Пикуль В. С.* Нечистая сила. С. 257.

[221] Цесаревич. Документы. Воспоминания. Фотографии. С. 46.

[222] Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 226.

[223] *Танеева А. (Вырубова)* Страницы из моей жизни. С. 39.

[224] РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (209\2707). Д. 213. Л. 1–1об.

[225] *Панкратов В. С.* С царем в Тобольске // Былое. Л., 1924. № 25–26. С. 128.

[226] Расстрелян в 1918 г. Канонизирован в 1981 г. Зарубежной русской православной церковью.

[227] РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (209\2707). Д. 213. Л. 82, 86, 89.

[228] ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1277. Л. 19 // Письма об августейших сыновьях императора Александра II, писанные С. А. Юрьевичем в 1847 г. к его величеству в бытность его наследником цесаревичем.

[229] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 60.

[230] Воскресные собрания у великих князей в Петербурге. // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 19.

[231] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 414.

[232] Великий князь Владимир Александрович // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 400.

[233] Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 195.

[234] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 369.

[235] Там же.

[236] Записки Николая I // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 38.

[237] Воспитатель великого князя Д. С. Арсеньев вспоминал: «Боже мой, Боже мой, — говорил Сергей Александрович в отчаянии, напоминавшем его отчаяние после розог в Дармштадте, — что мне делать, что скажут Па и Ма?» См.: Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 78.

[238] *Мердер К. К.* Записки воспитателя. 1826–1832 //Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 64.

[239] Там же. С. 71.

[240] Там же. С. 72.

[241] Там же. С. 76.

[242] *Пушкин А. С.* Дневник. 1834 год // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 79.

[243] *Молин Ю. В.* Романовы… Забвение отменяется. СПб., 2005. С. 244.

[244] *Тютчева А. Ф.* Воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 115.

[245] Из дневника Н. П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 535.

[246] Там же. С. 494.

[247] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 61.

[248] Там же. С. 185.

[249] Там же. С. 194.

[250] Там же. С. 199.

[251] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 57.

[252] Из дневника Н. П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 495.

[253] Там же. С. 527.

[254] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 88.

[255] Из дневника Н. П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 462.

[256] Там же. С. 471.

[257] Там же. С. 474.

[258] Там же. С. 475.

[259] Там же. С. 488.

[260] Там же. С. 534.

[261] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 340.

[262] *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. С. 279.

[263] *Танеева А. А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. С. 59.

[264] *Корнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н.* Любимые резиденции императрицы Марии Федоровны в России и Дании. С. 88.

[265] *Бабель И. Э.* Избранное. М., 1966. С. 222–223.

[266] Царскосельский арсенал. Сто предметов из собрания российских императоров. СПб., 2000. С. 7.

[267] Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 73.

[268] Там же. С. 72.

[269] ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1052. Л. 6 // Книга расхода и прихода денежной суммы великого князя Николая Павловича 1803 года.

[270] Там же. Д. 1067. Л. 6 об. // Приходно-расходная книга карманных сумм. 1824–1825 гг.

[271] Там же. Д. 1069. Л. 28 // Гардеробные суммы за 1833–1835 гг.

[272] Там же. Д. 1073. Л. 43 // Книга о собственной Е. И. В. гардеробной сумме с 30 октября 1847 г. по 1 января 1853 г.

[273] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 45.

[274] Там же. С. 53.

[275] Из дневника Н. П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 472.

[276] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 41.

[277] Там же. С. 189.

[278] *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. С. 190.

[279] Цит. по: *Аксельрод В. И., Буланкова Л. П.* Аничков дворец — легенды и были. С. 99.

[280] Гатчинский арсенал. Сто предметов из собрания российских императоров. № 94.

[281] Там же. № 95.

[282] На детской половине. Детство в царском доме. ОТМА и Алексей. Каталог выставки. М., 2000. С. 33.

[283] Там же.

[284] *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 174.

[285] Древнегреческий и латинский языки вел отец Самуил.

[286] Немецкий язык — Ф. П. Аделунг, английский язык — англичанин К. И. Седжер, впоследствии директор библиотеки Николая I.

[287] ПСЗРИ. Изд. 1-е. 1811 г. № 24325. Постановление о Лицее.

[288] Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. С. 27.

[289] *Корф М.* Записки. С. 389.

[290] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 147.

[291] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 193.

[292] Там же. С. 186.

[293] Письма Александры Федоровны к В. А. Жуковскому // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 168.

[294] Там же. С. 170.

[295] Там же. С. 171.

[296] *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 169.

[297] *Аксельрод В. И., Буланкова Л. П.* Аничков дворец — легенды и были. С. 76.

[298] *Мердер К. К.* Записки воспитателя. 1826–1832 // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 62.

[299] Жилль Флориан Антонович — действительный статский советник, учитель французского языка императора Александра II, директор Императорского Эрмитажа.

[300] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 230.

[301] Шамбо Иван Павлович (1783–1848) — тайный советник, секретарь принцессы прусской Шарлотты с декабря 1814 по 1848 г. Прибыл в Россию в 1817 г.

[302] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 232.

[303] Там же. С. 230.

[304] Там же. С. 244.

[305] *Корф М.* Записки. С. 256.

[306] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 219.

[307] Там же. С. 229.

[308] Письма Николая Павловича И. Ф. Паскевичу. 1832–1847 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 479.

[309] По проекту архитектора А. Штакеншнейдера.

[310] По проекту архитектора Э. Гана.

[311] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 46.

[312] У каждого поколения Романовых был свой военный дядька, обучавших их «фронту». Например, младших сыновей Александра II — Сергея и Павла обучал унтер-офицер стрелкового батальона Константин Андреев. По традиции он позже перешел на должность камердинера при великом князе Сергее Александровиче. См.: Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 53.

[313] Осенью 1858 г. было отпраздновано десятилетие службы при детях дядьки Хренова. Унтер-офицер получил пожизненную пенсию в 200 рублей. См.: *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 186.

[314] Там же. С. 59.

[315] Там же. С. 63.

[316] Там же. С. 70.

[317] Там же. С. 82.

[318] Там же. С. 80.

[319] Там же. С. 93.

[320] *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 312.

[321] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 146.

[322] Там же. С. 162.

[323] Имеется в виду Александр III.

[324] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 113.

[325] Там же. С. 162.

[326] Там же. С. 266.

[327] Из дневника Н. П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 463, 476, 496, 502.

[328] Там же. С. 526.

[329] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 222.

[330] Из дневника Н. П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 525.

[331] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 58.

[332] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 350.

[333] ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1503. Л. 1 // Письмо великого князя Александра Александровича князю В. П. Мещерскому. 12 апреля / 23 февраля 1865 г. Ницца.

[334] *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 197.

[335] Великий князь Сергей Александрович записал в дневнике 21 октября 1875 г.: «Утром у меня была первая лекция с Победоносцевым». См.: Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 271.

[336] У великого князя Сергея Александровича изучение блока среднего образования заняло восемь лет. В этот блок был включен 21 предмет: Закон Божий, русский язык и словесность, латинский язык, языки французский, немецкий, английский, география, история, арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, физика. Из искусств: чистописание, рисование, музыка, гимнастика, танцы, «фронт» и верховая езда.

[337] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 119.

[338] Письма императора Александра III к наследнику цесаревичу, великому князю Николаю Александровичу // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII — XX вв. М., 1999. Т. IX. С. 214.

[339] Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 585.

[340] *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. С. 197.

[341] Там же.

[342] *Головин Ф. А.* Николай II // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 82.

[343] *Витте С. Ю.* Из «Воспоминаний» // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 260.

[344] *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 165.

[345] Там же.

[346] На детской половине. Детство в царском доме. ОТМА и Алексей. Каталог выставки. М., 2000. С. 85.

[347] *Волков А. А.* Около царской семьи. М., 1993. С. 56.

[348] На детской половине. Детство в царском доме. ОТМА и Алексей. Каталог выставки. С. 97.

[349] РГИА. Ф. 525. Оп. 1. Д. 213. Л. 29.

[350] *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 457.

[351] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 57.

[352] Мемуаристка путает и упоминает, что этот остров находился в Петергофе. На самом деле Детский остров находится в Александровском парке Царского Села.

[353] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 186.

[354] Там же.

[355] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 54.

[356] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 191.

[357] *Первушина Е. В.* Загородные императорские резиденции. Будни. Праздники. Трагедии. С. 252.

[358] Из дневника Н. П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 483.

[359] *Вильчковский С. Н.* Царское Село. СПб., 1911. С.171–172.

[360] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 349.

[361] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 36.

[362] Из воспоминаний адмирала Д .С. Арсеньева. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. С. 29.

[363] Из дневника Н. П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 486.

[364] *Вильчковский С. Н.* Царское Село. С. 188.

[365] ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1518. Л. 1–3 // Сочинение великого князя Николая Александровича «Царское Село». 19 октября 1854 г.

[366] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 191.

[367] ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1277. Л. 23 // Письма об августейших сыновьях императора Александра II, писанные С. А. Юрьевичем в 1847 г. к его величеству в бытность его наследником цесаревичем.

[368] Там же. Л. 55 // Письма об августейших сыновьях императора Александра II, писанные С. А. Юрьевичем в 1847 г. к его величеству в бытность его наследником цесаревичем.

[369] *Каргапольцев С. Ю., Каргапольцев М. Ю., Седых В. Н.* Археологические раскопки в Петергофе (итоги работ 2001–2004 гг.) // Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 гг. СПб., 2005. С. 177.

[370] Там же. С. 179.

[371] *Корнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н.* Любимые резиденции императрицы Марии Федоровны в России и Дании. С. 181.

[372] *Каргапольцев С. Ю., Каргапольцев М. Ю., Седых В. Н.* Археологические раскопки в Петергофе (итоги работ 2001–2004 гг.) // Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 гг. С. 179–180.

[373] Там же. С. 183.

[374] Екатерина Петровна, принцесса Ольденбургская (1847–1866) // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 29.

[375] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 204.

[376] Там же. С. 205.

[377] ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1434. Л. 1 // Тарачек Степан. Письмо Федору Петровичу Литке. 30 апреля 1839 г.

[378] Воскресные собрания у великих князей в Петербурге. СПб., март 1867 г. // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 20.

[379] Дети Николая I: великая княжна Александра Николаевна и великий князь Константин Николаевич.

[380] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 211.

[381] *Мещерский В. П.* Мои воспоминания // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 62.

[382] Из дневника Н. П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 522.

[383] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 97.

[384] Там же. С. 117.

[385] Там же. С. 328.

[386] *Семенов В. А.* Гатчина в царствование императора Александра III // Император Александр III. Императрица Мария Федоровна. Каталог выставки. СПб., 2006. С. 89.

[387] Там же. С. 239–240.

[388] РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 441. Л. 2–4 // Список особам, коим выданы билеты на каток Таврического дворца в 1887\88 гг.

[389] *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 47.

[390] *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 335.

[391] ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1050. Л. 1 // Книга прихода и расхода денежной суммы великому князю Николаю Павловичу 1801 года.

[392] *Мердер К. К.* Записки воспитателя. 1826–1832 // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 59.

[393] *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 41.

[394] Там же. С. 74.

[395] Там же. С. 134.

[396] Там же. С. 136.

[397] Там же. С. 417.

[398] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 197.

[399] Там же. С. 265.

[400] Анастасии тогда шел четвертый год, а Алексею не было еще и года, поэтому на литургию их не взяли.

[401] Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). С. 50.

[402] Там же. С. 63–64.

[403] *Маркелов И. И.* Первая встреча императора Александра II с императрицей Марией Александровной // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 84.

[404] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 296.

[405] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 39.

[406] Там же. С. 227.

[407] Екатерина Петровна Принцесса Ольденбургская (1847–1866) // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 33.

[408] *Маркелов И. И.* Первая встреча императора Александра II с императрицей Марией Александровной // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 84.

[409] Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. С. 351.

[410] *Яковлева А. И.* Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 87.

[411] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 262.

[412] *Пахомова-Грейс В.* Адини и ее приданое // Наше наследие. 2000. № 5. С. 41.

[413] Там же. С. 42.

[414] Там же. С. 43.

[415] Там же. С. 45.

[416] Там же.

[417] Высочайше утвержденный церемониал святого миропомазания ее королевского высочества Марии-Софии-Фредерики-Дагмар, принцессы Датской. СПб., 1866.

[418] Из альбомов императрицы Александры Федоровны // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 41.

[419] *Дараган П. М.* Из воспоминаний камер-пажа. 1817–1819 // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 7.

[420] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 254.

[421] Там же. С. 328.

[422] Церемониал обручения его императорского величества государя наследника цесаревича великого князя Александра Александровича с ее королевским высочеством, благоверною княжною. СПб., 1866.

[423] Русское народное название литургии, происшедшее от слова «обед» на том основании, что литургия совершается *перед* обедом или *до* обеда.

[424] *Яковлева А. И.* Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 86.

[425] Из альбомов императрицы Александры Федоровны // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 144.

[426] Там же.

[427] *Яковлева А. И.* Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 86.

[428] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 209.

[429] Там же. С. 236.

[430] *Корф М.* Записки. С. 245.

[431] За здравие их величеств — 51 выстрел; высокообрученных — 31 выстрел; всего императорского дома — 31 выстрел; датского короля и королевы — 31 выстрел; духовных и всех верноподданных — 31 выстрел.

[432] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 236.

[433] *Яковлева А. И.* Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 91.

[434] В 1859 г. после взятия аула Гуниб Шамиль сдался в плен. Вплоть до 1870 г. он жил в Калуге, в 1870 г. выехал в Мекку, где в 1871 г. скончался.

[435] РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 601. Л. 54 // О расходах по приготовлению в императорском Зимнем дворце комнат и других расходах, вызываемых бракосочетанием наследника цесаре-

вича с принцессою Алисою и великого князя Александра Михайловича с великою княжною Ксенией Александровной. 13 апреля 1894 г. — 15 февраля 1896 г.

[436] *Яковлева А. И.* Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 91.

[437] Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 209.

[438] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 279.

[439] Там же. С. 304.

[440] Там же. С. 279.

[441] Там же. С. 274.

[442] *Кони А. Ф.* Николай II // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 167.

[443] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 288.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 5

Часть 1.
Жизнь и быт российских императоров в парадных резиденциях

Глава 1. Российские императоры: внешний облик, характер и личностные особенности 11

Император Александр I 11
Император Николай I 14
Император Александр II 26
Императрица Мария Александровна 30
Император Александр III 33
Император Николай II 40
Императрица Александра Федоровна 53
Императоры верхом 67

Глава 2. Взаимоотношения в семье 70

Семья Александра II 76
Семья Александра III 89
Семья Николая II 91

Глава 3. Взаимоотношения с родственниками 95

Глава 4. Отдых в императорской семье 111

Хобби 113
«Первая охота» 114
«Вторая охота» 124
«Третья охота» 127
Байдарка 128

Глава 5. Путешествия членов императорской семьи 132

Железная дорога 137
Собственный его императорского величества гараж. 1905–1918 гг. 151

Глава 6. Развлечения в императорской семье 165

Спиритизм 166
Рыцарские карусели 169
Карточные игры 171
Деревянная гора 176
Велосипед 178
Теннис 179
Анекдоты 189
Фотография 191
Кинематограф 196
Музыкальные увлечения членов императорской семьи 202
Театр в жизни императорской семьи 214
Любительские спектакли 225
Летние купания 228
Балы в императорских дворцах 232
Придворные маскарады 263
Рождество в императорской семье 279
Новый год 289
Христос воскресе… 294
Дни рождения взрослых в императорской семье 299
Вредные привычки 305
Граффити на стекле 309

Глава 7. Материальное обеспечение императорской фамилии 311

Цена деньгам 323
Императорский бизнес 343
«Детские» деньги 350

Глава 8. Духовники российских императоров 355

Глава 9. Наследственные черты Романовых 396

Глава 10. Филологическая подготовка российских монархов 400

Глава 11. Имена и прозвища в семье Романовых 424

Семейные прозвища 428

Часть 2.
Детский мир императорских резиденций

Глава 1. Рождение детей в императорской семье 439

Рождение детей в семье Николая II 443
Проблема наследника 447
Рождение цесаревича Алексея 456
Крещение детей 462

Глава 2. Воспитание детей 468

Кормилицы и педиатры при императорской семье 468
Няни и воспитательницы 478
Воспитатели и учителя. Царские дети после 7 лет 502
Одежда детей 527
Наказания детей 529
Детские игрушки 535

Глава 3. Образование императорских детей 543

Особенности домашнего образования Александра I 543
Домашнее образование Николая и Михаила Павловичей 545
Образовательные новации в обучении детей и внуков Николая I 550
Обучение детей Александра III 571
Обучение детей Николая II 575

Глава 4. Развлечения детей 582

Царское Село 583
Петергоф 590
Зимний дворец 594
Детские праздники 596
Зимние катки 597
Дни рождения детей 601

Оглавление

Глава 5. Свадьбы в императорской семье 606

Подбор невест и женихов 607
Бракосочетания 609

Примечания 632

Девятов Сергей Викторович
Зимин Игорь Викторович

ДВОР РОССИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ:
Энциклопедия жизни и быта

Том 1

Редактор *Е. И. Рычкова*
Художественное оформление *А. П. Зарубин*
Компьютерная верстка *И. В. Белюсенко*
Корректор *Е. А. Сирин*

Издательство «Кучково поле»
123022, г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 04.03.14. Формат 70 × 100/16.
Усл. печ. л. 55,47. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Заказ № .

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
www.oaompk.ru, www.оаомпк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 9785995003861